

10
2-5
Лук 6922

KAZAN. UNIV. OBSSHCH.
ARKH. ISTORII I ETNOG.

IZ VESTIJA // 1131
ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА 105-2

АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ прошлаго и настоящаго до- исторической археологіи въ Европѣ.
 2) Дойстор. археологія въ Германіи и Австро-Венгріи. И. С. . 132—148.
 Слѣды древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска Казанской губ. А. Обрѣвова. . 149—154.
 Матеріалы для археологіи Казанской губ. 1) Древняя курганная могила около деревни Бѣлымеръ (Будымеръ) въ Спасскомъ у. Казан. губ. (съ фотографіей) А. А. Штукенберга 155—160.
 Мордва. Историко-этнографическій очеркъ Гл. I (Продолженіе) И. Н. Смирнова. 161—194.
 Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Россіи. Буряты. А. К. . . . 195—204.
 Этнографическо - статистическія данныя о бракахъ у Чувашъ Казанской губ. В. К. Магницкаго 205—218.
 Хроника. Извѣстія о музеехъ Восточной Россіи въ 1891 г. Музеи Иркутскій и Томскій.—Экскурсіи А. А. Спицына, И. Н. Смирнова и др.—Текущая дѣятельность русскихъ ученыхъ обществъ. 219—227.

Матеріалы. Худояровъ городокъ М. Извоцкова. — Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII в. А. Соколова. 228—254.
 Библиографія. Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. А. Дмитриева. Н. Н. Фирсова. — Сборникъ статей о Пермской губ. Д. Смышляева. Его-же. — Памятная книжка и адресъ календарь Пермской губ. на 1892 г. Его-же. — Е. В. Кувснецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. К. Б. Гавенвянкеля. — В-г Г. Брунгоферъ. Археологическія задачи и цѣли Россіи въ центральной Азіи. М. П-на. — Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. т. XVII, вып. 2. П. И. Кротова. — Чтенія въ Моск. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1891, III. И. С. — Указатель статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ Симбирск. Губ. Вѣдомостяхъ за 1865—78 гг. 255—247
 Протоколы 248—256.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1892.

Выпелъ 1-го марта.

Δ

PSlav 384.40 (10, no. 2-5)

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Тиховъ.

64X2

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО

ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВЪ ЕВРОПѢ

2) *Археологія въ Германіи и Австро-Венгріи* *).

Въ переходомъ изъ Скандинавіи на почву нынѣшнихъ Германіи и Австро-Венгріи мы испытываемъ впечатлѣнія, рѣзко отличныя отъ тѣхъ, которыя дало намъ изученіе развитія Скандинавской археологіи. Тамъ мы видѣли самобытное развитіе науки, полемику, вытекающую изъ различія научныхъ воззрѣній; здѣсь—зависимость въ основныхъ идеяхъ и направленія науки отъ сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ сосѣдей и въ то же время горячее желаніе сохранить видъ самостоятельности,—полемика, вытекающая изъ политической вражды, національнаго самолюбія и шовинизма. Всѣ эти особенности выступаютъ съ наибольшей яркостью въ періодъ, послѣдовавшій за побѣдами надъ Даніей, Австріей и Франціей. Уже руководствуясь однимъ господствующимъ настроеніемъ изслѣдователей, мы могли-бы раздѣлять исторію развитія германской археологіи на двѣ эпохи: до - и послѣ 60-хъ годовъ, когда начинаются великія войны за объединеніе. Эти же эпохи мы должны будемъ установить, если обратимъ вниманіе на общія условія, опредѣлившія развитіе германской археологіи. Въ

*) Матеріалами для составленія этого очерка послужили журналы: «Archiv f. Anthropologie» (Bd. I—XX), Zeitschrift f. Ethnologie (Bd. I—XXII), Correspondenz-Blatt d. deut. Gesell. f. Anthr. (1870—1890), Verhandlungen berl. Ges. f. Anthr. (1870—1890) — и въ особенности рѣчи—обзоры Вирхова при открытіи годовичныхъ собраній нѣмецкихъ антропологовъ.

первый периодъ рядомъ съ партикуляризмомъ политическимъ мы видимъ партикуляризмъ научный: маленькіе кружки, занятые изслѣдованіемъ отдѣльнаго герцогства или графства, маленькія собранія древностей, не дающія почвы для болѣе или менѣе широкихъ научныхъ обобщеній. Во второй периодъ параллельно съ объединеніемъ политическимъ создается объединеніе научное: возникаютъ такіе крупныя ученые органы, какъ „Нѣмецкое Общество Антропологии, Этнологии и Первобытной Исторіи“, объединяющее всѣхъ изслѣдователей Германіи (основано въ 1870 г.); устраиваются ежегодныя сѣзды антропологовъ то въ томъ, то въ другомъ изъ крупныхъ научныхъ центровъ Германіи. Рядомъ съ этимъ обще-нѣмецкимъ ученымъ союзомъ возникаютъ правда и частныя, между которыми самое видно мѣсто занимаютъ „Берлинское Общество Этнологии и Первобытной Исторіи“ и „Мюнхенское Антропологическое Общество“, но эти, мелкіе только сравнительно, союзы работаютъ уже не въ разбродъ; важнѣйшіе результаты ихъ дѣятельности ежегодно становятся извѣстными на общихъ сѣздахъ нѣмецкихъ антропологовъ.

Первый изъ намѣченныхъ нами периодовъ обнимаетъ время съ начала XVIII в. до 60-хъ годовъ XIX. Палеоэтнологу, возстановляющему по костямъ и обстановкѣ народность и культуру древнѣйшихъ обитателей страны, въ Германіи предшествовалъ антикварій, собиравшій древнія вещи только какъ рѣдкость. Къ концу XVII в. (1690 г.) восходятъ первыя попытки изслѣдовать древнія могильныя насыпи. Въ газетахъ первыхъ десятилѣтій XVIII в. встрѣчаются уже довольно часто извѣстія о раскопкахъ, которыя производились въ Голштейнѣ, Франконіи, Гессенѣ и Вестфаліи. Вестфальскій ученый Нюннингъ имѣлъ въ это время коллекцію каменныхъ орудій, составленную путемъ раскопокъ мѣстныхъ древнихъ могилъ. Значеніе этихъ орудій въ Германіи опредѣлено было еще въ 1714 г. I. Остерлингъ въ сочиненіи „de urnis sepulcralibus et armis lapideis veterum Sattorum“ высказывается относительно нихъ въ слѣдую-

щихъ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ: „если найдется кто нибудь, который вздумалъ бы отрицать существованіе такого оружія у Германцевъ, пусть отправится къ жителямъ Луизианы и другимъ дикарямъ С. Америки, которые до сихъ поръ пользуются острыми камнями вмѣсто ножей и оружія“. Въ 1729 г. этотъ же взглядъ былъ высказанъ Экегардомъ въ его „*Commentarii de rebus Franciae Orientalis*“. По такому началу отъ нѣмецкихъ археологовъ XVIII в. можно было бы ожидать очень многого. Но... смѣлыя аналогіи были въ это время еще далеко не для всѣхъ убѣдительны; каковъ былъ средній уровень нѣмецкихъ антикваріевъ, можно судить изъ того, что въ томъ же XVIII в. было возможно появленіе диссертациі, въ которой съ самымъ ученымъ видомъ высказывалось, что погребальныя урны вырастаютъ изъ почвы на подобіе растений. Среда, которая могла производить подобныхъ ученыхъ, не особенно благопріятствовала, конечно, быстрому развитію археологической науки. Ея оживленіе совпадаетъ съ концомъ наполеоновскихъ войнъ, съ началомъ романтической реакціи, направившихъ взоры всѣхъ отъ позорнаго настоящаго къ закутанному туманомъ прошедшему. Снова начинается усиленное изслѣдованіе могилъ на всемъ пространствѣ Германіи и нѣмецкіе ученые подходятъ совсѣмъ близко къ теоріи, которая освѣтила такимъ яркимъ свѣтомъ доисторическое прошлое человѣчества,—мы говоримъ о системѣ трехъ періодовъ. I. Даннейль, производя въ 1824—25 гг. обширныя раскопки въ Альтмаркѣ, замѣтилъ, что въ однихъ могилахъ встрѣчается исключительно мѣдь или бронза, въ другихъ—железо. Сопоставляя это открытіе съ тѣмъ, что было извѣстно еще въ XVIII в. относительно могилъ съ каменными орудіями, нѣмцы должны были сдѣлать только шагъ для того, чтобы самостоятельно прійти къ теоріи, поставившей Датчанъ во главѣ археологіи: установить, что эти три категоріи могилъ стоятъ въ опредѣленныхъ хронологическихъ отношеніяхъ,—но этого шага они не сдѣлали. Въ восьмидесятихъ годахъ въ Берлинѣ съ легкой руки Вирхова не мало говорилось о правахъ

Лиша на роль творца учения о трех периодах. Пылкие патриоты смѣло заявляли, что Датчане выдали за свое открытіе теорію, созданную Лишемъ. Факты говорятъ однако противъ нѣмецкихъ патриотовъ. Не говоря уже о Симонсенѣ, который почти на 25 лѣтъ раньше Лиша формулировалъ спорную теорію, о „шведской исторіи“ Гейера (1832), объ „исторіи охоты“ Нильсона (1834) даже по отношенію къ Томсену этотъ послѣдній не можетъ считаться самостоятельнымъ. Первая работа, въ которой Лишъ изложилъ теорію трехъ періодовъ, вышла въ 1837 г. („Friderico—Francisceum“. Leipzig)¹⁾. Между тѣмъ Копенгагенскій музей древностей былъ организованъ Томсеномъ по этой системѣ уже въ промежутокъ 1825—1830 гг., а въ 1835 г. въ Мемуарахъ Копенгагенскаго Общества Ант. напечатана была заключающая въ себѣ спорную теорію записка Томсена и эту записку зналъ и цитировалъ Лишъ въ 1837 г. Всѣ основанія считать Лиша творцомъ этой теоріи заключаются въ его собственныхъ заявленіяхъ, изъ которыхъ одно предназначалось для публики, а другое для пріятеля (Verhandl. 1885; 265—6, 551). При всемъ уваженіи къ памяти покойнаго ученаго ни одинъ историкъ археологіи въ Германіи не рискуетъ, вонечно, положиться на такой субъективный источникъ, тѣмъ болѣе что оба заявленія не совсѣмъ согласно говорятъ о существенныхъ предметахъ. Рѣшающимъ факторомъ въ спорѣ о приоритетѣ всегда останется то обстоятельство, что Датчане и остальные Скандинавы раньше формулировали и приложили теорію, и ихъ формула сдѣлалась извѣстной въ Германіи прежде, чѣмъ Лишъ опубликовалъ результаты своихъ долготѣхнхъ (якобы) изслѣдованій и размышленій.

Лишъ былъ первымъ изъ нѣмцевъ, который выступилъ съ учениемъ о трехъ періодахъ. Нападки на него и его „датскихъ учителей“ со стороны нѣмецкихъ ученыхъ пока-

¹⁾ Ср. Andeutungen über die altgermanischen und slavischen Alterthümer Mecklenburgs въ «Schweriner Freimüthige Abendblatt» 1837, янв. 27. и «Jahrbücher d. Vereins f. Meckl. Gesch. II. 1837.

зываютъ, какъ мало нѣмецкіе умы были приготовленны въ усвоенію теоріи, которую позднѣе стали выдавать за нѣмецкое открытіе. Борьба противъ „датской теоріи“ тянулась цѣлыхъ 40 лѣтъ. Раньше всѣхъ, кажется, противъ нея выступилъ извѣстный историкъ Гизебрехтъ. Ссылаясь на свидѣтельства исторіи и данныя раскопокъ, Гизебрехтъ старался доказать, что строго обособленныхъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣка никогда и нигдѣ не существовало: въ желѣзный вѣкъ встрѣчается употребленіе каменныхъ орудій, съ бронзовыми издѣліями встрѣчается рядомъ желѣзо. Суровый противникъ Датчанъ до самой смерти не хотѣлъ понять, что его аргументація относится къ такъ называемымъ переходнымъ періодамъ. На югѣ противъ Лиша выступилъ Линденшмидтъ съ цѣлой группой единомышленниковъ. Борьба подъ часъ сводилась на споръ изъ за словъ. С. Мюллеръ остроумно замѣтилъ въ одной своей статьѣ, что Линденшмидтъ и его соратники, не оспаривая существованія трехъ періодовъ доисторіи, желаютъ называть ихъ: „древній“, „болѣе древній“, „самый древній“. Южно-германскіе археологи ратовали главнымъ образомъ противъ принятія особаго бронзоваго вѣка и самобытной бронзовой культуры на С. Европѣ; съ ихъ аргументами мы еще встрѣтимся при обзорѣ второго періода въ развитіи германской археологіи.

Съ именемъ Лиша—и опять таки какъ посредника между германской наукой и наукой нѣмецкихъ сосѣдей—мы встрѣчаемся, переходя къ исторіи вопроса о свайныхъ постройкахъ. Въ исторіи нѣмецкой археологіи былъ моментъ, когда на свайныя постройки было нѣчто въ родѣ моды: ихъ искали—и, въ общемъ, съ успѣхомъ—въ каждомъ уголѣ Германіи. Изъ этого повальнаго увлеченія, изъ обилія матеріала можно было-бы заключить, что свайныя постройки—нѣмецкая спеціальность. Въ дѣйствительности и здѣсь нѣмцы шли по чужой дорогѣ. Изслѣдованіе этихъ своеобразныхъ сооружений началось въ Швейцаріи въ концѣ 50-хъ годовъ. Подъ впечатлѣніемъ сдѣланныхъ здѣсь открытій Лишъ первымъ изъ нѣм-

цевъ сталъ искать свайныхъ построекъ въ своемъ родномъ Мекленбургѣ. Но дебютъ мекленбургскаго ученаго закончился полнымъ фіаско. Главнымъ помощникомъ Лиша, человѣкомъ, которому онъ поручилъ наблюденіе за раскопками, оказался ученый гешефтмахеръ, хлопотавшій только о томъ, чтобы зашибить побольше талеровъ: въ числѣ вещей, якобы добытыхъ при раскопкѣ свайнаго сооруженія близъ Висмара и торжественно водворенныхъ въ Шверинскомъ музеѣ, большая часть оказалась собранными со всего Мекленбурга. Когда этотъ подлогъ разоблачился, свайныя постройки потеряли въ Германіи всякій кредитъ. Недовѣріе распространилось и за границу. Вирховъ въ одной изъ своихъ рѣчей не безъ горечи заявляетъ, что иностранцы усмотрѣли во всей этой исторіи „Schwindel“. Дѣло стало еще болѣе сомнительнымъ, когда за Лишемъ потерпѣлъ на томъ-же поприщѣ фіаско ф. Гагеновъ. Одинъ изъ лучшихъ померанскихъ ученыхъ, Гагеновъ—въ это время уже слѣпой—положился на мало свѣдущихъ помощниковъ и провозгласилъ свайной постройкой остатки совсѣмъ недавняго бульверка близъ Грейфсвальда у устья Рыка. Только во второй половинѣ 60-хъ годовъ Вирхову удалось констатировать существованіе несомнѣнныхъ свайныхъ сооружений въ С. Германіи.

Ту же зависимость отъ сосѣдей—на этотъ разъ отъ Французовъ и Бельгійцевъ—нѣмцы проявили и въ изслѣдованіи костеносныхъ пещеръ, въ обиліи встрѣчающихся въ Германіи. Начиная съ 1828 г., когда Турналь открылъ въ одной пещерѣ близъ Визе кости человѣка рядомъ съ костями вымершихъ животныхъ, открывается рядъ изслѣдованій, направленныхъ въ восстановленію такихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, для опредѣленія отдаленности которыхъ оказывается неприложимымъ самый широкій хронологическій масштабъ. Шмерлингъ въ Бельгіи (пещеры пров. Люттихъ), Буше де Перть во Франціи (долина Соммы) констатировали существованіе человѣка въ такую эпоху физической исторіи Европы, когда Германія и Скандинавія были покрыты ледниками, во Франціи же водился сѣвер-

ный олень, а еще ранѣ мамонтъ. Въ Германіи до конца 60-хъ годовъ, по признанію одного изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ археологовъ Г. Шафгаузена, не предпринималось въ этомъ направленіи ничего систематическаго. Первое изслѣдованіе о германскихъ (Вестфальскихъ) пещерахъ появилось только въ 1869 г.

Второй періодъ — съ начала 60-хъ годовъ до нашихъ дней. Шестидесятые годы представляютъ въ исторіи Германіи моментъ, съ котораго исподволь начинаютъ реализоваться объединительные замыслы Пруссіи. Первой жертвой прусскихъ аппетитовъ явилась, какъ извѣстно, Данія. Одновременно съ началомъ политическаго конфликта разгарается старая научная борьба противъ Датчанъ. Директоръ Берлинскаго музея Ледебуръ, въ дни своей юности (1832) немало поучившійся въ Скандинавскихъ музеяхъ и у Скандинавскихъ археологовъ (у Томсена больше всего)—въ 1864 году съ ожесточеніемъ напалъ на ученіе о трехъ періодахъ, какъ на стремленіе данифицировать Германію. Ледебуръ выкинулъ знамя, подъ которое собрались и другіе ученые нѣмецкіе шовинисты—Гасслеръ, Линденшмидтъ и въ особенности Хостманъ. Съ именемъ этого послѣдняго навсегда останется связаннымъ періодъ самой ожесточенной и грубой полемики противъ датской ереси вообще и ученія о самостоятельномъ бронзовомъ періодѣ въ особенности. Походъ Хостмана противъ Скандинавовъ вызванъ былъ переводомъ второго изданія книги Гильдебранда „Языческій періодъ въ Швеціи“. Гильдебрандъ имѣлъ неосторожность безъ комплиментовъ высказаться относительно состоянія археологіи и археологическихъ музеевъ въ Германіи. Ученые шовинисты были уязвлены этимъ отзывомъ въ самое сердце и Хостманъ обрушился на Гильдебранда, на Скандинавовъ, ихъ музеи и ихъ систему разомъ.

Сказать, что критика Хостмана несостоятельна во всѣхъ отношеніяхъ, было-бы ошибкой. Многое изъ того, что онъ сказалъ собственно противъ Гильдебранда и противъ ученія о мѣстномъ происхожденіи Скандинавской бронзовой культуры,

было признано позднѣе самими Скандинавскими археологами. Мы знаемъ, что Гильдебрандъ объяснялъ въ своей книгѣ смѣну періодовъ смѣной народностей, знаемъ и то, что позднѣйшіе Скандинавскіе ученые, какъ напр. Монтелиусъ, отвергли эту теорію и замѣнили смѣну народностей смѣной культурныхъ вліяній. Тенденціозность и до извѣстной степени несостоятельность Хостмана обнаруживается въ критикѣ основныхъ положеній ученія о трехъ періодахъ.

„Принятую въ датской археологіи систему дѣленія исторіи культуры на три періода слѣдуетъ отвергнуть со всѣмъ ея вспомогательнымъ аппаратомъ, какъ научно необоснованную“ — читаемъ мы въ концѣ его статьи противъ Гильдебранда (A. f. A. VIII, 310). Вотъ этотъ-то рѣшительный выводъ Хостмана и слѣдуетъ по справедливости назвать научно необоснованнымъ. Хостманъ отвергаетъ существованіе самостоятельнаго каменнаго вѣка на томъ основаніи, что 1) люди каменнаго вѣка въ Скандинавіи и С. Германіи были германскаго происхожденія и, какъ таковыя, явились въ Европу уже знакомые съ металлами вообще и съ желѣзомъ въ частности, 2) во многихъ могилахъ, относимыхъ къ этому вѣку, рядомъ съ каменными орудіями находили бронзовыя и даже желѣзныя, 3) отсутствіе желѣза въ могилахъ не можетъ быть свидѣтельствомъ того, что оно не было извѣстно погребеннымъ и даже не было положено съ ними, такъ какъ въ однихъ случаяхъ желѣзо съ теченіемъ времени могло разрушиться въ землѣ, въ другихъ — остаться незамѣченнымъ неопытными наблюдателями среди слоевъ глины, песку, разрушившихся костей: находеніе въ единичныхъ случаяхъ желѣзныхъ вещей рядомъ съ каменными слѣдуетъ поэтому принять за выраженіе общаго правила.

Сопоставивъ эти аргументы съ тѣмъ, что даетъ скандинавская археологія, мы не затруднимся рѣшить, кто грѣшитъ противъ науки — Скандинавы или Хостманъ, умалчивающій о палеолитическихъ орудіяхъ, объ орудіяхъ эпохи кухонныхъ остатковъ, по своему толкующій находки переходныхъ эпохъ и придумывающій объясненіе для отсутствія въ большей части мегалитическихъ могилъ желѣза.

Не менѣе грѣшитъ противъ научной истины Хостманъ и въ капитальной части своей критики — въ возраженіяхъ противъ существованія отдѣльнаго бронзоваго періода въ культурной исторіи Скандинавіи и С. Европы. Гильдебрандъ думалъ, подобно Нильсону, Ворсо и др. скандинавскимъ археологамъ, что бронзовый вѣкъ начинается съ пришествіемъ новаго народа, который принесъ съ собой бронзовую культуру и покорилъ людей каменнаго вѣка. Хостманъ высказалъ нѣсколько основательныхъ соображеній противъ этой теоріи и, можетъ быть, не безъ его вліянія позднѣйшіе Скандинавскіе археологи перешли къ объясненію смѣны культуръ переменными въ торговыхъ сношеніяхъ одного и того-же по племенному составу населенія. Но, какъ и въ вопросѣ о каменномъ вѣкѣ, онъ пошелъ дальше и сталъ отрицать самое существованіе особаго бронзоваго періода; здѣсь, какъ и тамъ, онъ выдвигаетъ вмѣсто фактовъ общія соображенія. Не имѣя возможности доказать отсутствіе могилъ съ одними только бронзовыми орудіями и украшеніями, онъ выдвигаетъ противъ защитниковъ бронзоваго вѣка общіе и недостаточно убѣдительные аргументы:

1) (историческій) въ мѣтахъ и преданіяхъ восточныхъ и классическихъ народовъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, что употребленіе бронзы предшествовало употребленію желѣза: всюду бронза является рядомъ съ желѣзомъ;

2) (филологическій) по соображеніямъ нѣкоторыхъ филологовъ, напр. Пиктэ, арійцы уже до своего раздѣленія знали металлы и между прочимъ желѣзо;

3) (этнографическій) стоящіе на низкой ступени развитія народы Африки и С. Азии умѣютъ обрабатывать желѣзо и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о бронзѣ;

4) (технический) приготовленіе бронзовыхъ издѣлій вообще требуетъ болѣшихъ техническихъ свѣдѣній, чѣмъ приготовленіе грубыхъ желѣзныхъ; приготовленіе такихъ тонкихъ, богато орнаментированныхъ издѣлій не можетъ обойтись безъ стальныхъ инструментовъ и значительнаго раздѣленія труда;

стало быть, желѣзо должно было войти въ употребленіе раньше всѣхъ металловъ;

б) (археологическій) о самостоятельной бронзовой культурѣ нельзя говорить помимо всѣхъ вышеприведенныхъ соображеній и потому, что между бронзовыми издѣліями нѣтъ предметовъ для обыденнаго, практическаго употребленія; главную массу ихъ составляютъ бездѣлки и украшенія; встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ мечи негодны къ употребленію въ силу своихъ пропорцій и орнаментики и представляютъ собою нѣчто въ родѣ современнаго бутафорскаго оружія.

Всматриваясь въ аргументацію Хостмана, мы видимъ, что ея главной цѣлью является доказать не то, что предшествовавшая желѣзному бронзоваго періода въ исторіи С. Европы не было, а что его не могло быть. Въ этомъ смыслѣ самымъ существеннымъ возраженіемъ является, конечно, техническое. Если бронзовую смѣсь дѣйствительно нельзя получить иначе, какъ посредствомъ соединенія предварительно очищенныхъ и приведенныхъ въ жидкое состояніе мѣди и олова, если для художественной отдѣлки вылитыхъ изъ этой смѣси издѣлій дѣйствительно необходимо пользоваться стальными орудіями, отдѣльный бронзовый вѣкъ, согласно съ Хостманомъ, придется, конечно, выкинуть изъ исторіи культуры. Можно думать однако, что Хостманъ оказался неправъ и съ технической стороны. Вибель указалъ еще за 8 лѣтъ до появленія статьи Хостмана, что а) древняя бронза получалась не посредствомъ сплава предварительно приготовленной мѣди съ оловомъ, а посредствомъ совмѣстнаго плавленія той и другой руды, б) обѣ руды встрѣчаются въ Ю. Англіи совмѣстно и при первобытныхъ условіяхъ горнаго дѣла съ трудомъ могли быть отдѣляемы одна отъ другой—другими словами природа сама давала то сочетаніе элементовъ, которое необходимо было для производства древней бронзы. Затѣмъ, исходя изъ чисто естественно-научныхъ соображеній, Вибель пришелъ къ заключенію, что порядокъ, въ которомъ металлы входили въ употребленіе на С. Европѣ, былъ слѣдующій: золото, бронза, мѣдь, олово, свинецъ, серебро, желѣзо.

Послѣдующія изслѣдованія Вурмбранда и др. показали, что и въ своихъ соображеніяхъ о необходимыхъ для обработки бронзовыхъ издѣлій орудіяхъ онъ не встрѣчаетъ поддержки въ фактахъ. На VIII собраніи нѣмецкихъ антропологовъ въ Констанцѣ Вирховъ указалъ на фактъ капитальной важности: въ Америкѣ до сихъ поръ не найдено было ни одного желѣзнаго предмета изъ эпохи, предшествовавшей появленію въ ней Европейцевъ, а между тѣмъ эта страна (Мексика, Перу) даетъ великолѣпные образцы золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ издѣлій, до уровня которыхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не можетъ подняться даже современная техника.

Самоувѣренныя предсказанія Хостмана на счетъ судьбы ученія о трехъ періодахъ въ Германіи не сбылись. Не прошло года съ окончанія его полемики противъ Скандинавовъ, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся нѣмецкихъ археологовъ Генрихъ Шафгаузенъ на международномъ конгрессѣ по доисторической археологіи въ Будапештѣ заявилъ *ubi et ogbi*, что, не взирая на всѣ возраженія противъ бронзоваго періода, приходится признать, что за каменнымъ періодомъ въ Европѣ слѣдовалъ періодъ, когда для оружія и утвари употреблялась преимущественно бронза.

На Констанцскомъ съѣздѣ антропологовъ Вирховъ, классифицируя свайныя постройки въ хронологическомъ порядкѣ, употребляетъ категоріи: каменный вѣкъ, бронзовый вѣкъ, желѣзный вѣкъ, съ подраздѣленіемъ этого послѣдняго, подобно Скандинавамъ, на ранній (до-римскій) и поздній.

Лучшимъ свидѣтельствомъ торжества „датской ереси“ служить, конечно, тотъ фактъ, что берлинцы съ Вирховымъ во главѣ въ 1881 г. объявили ученіе о трехъ періодахъ нѣмецкимъ открытіемъ, которое тотчасъ будто-бы было принято датчанами ¹⁾ и такъ вѣрно вцѣпились въ него, что лучшимъ сканди-

¹⁾ Lisch... war es, der mit Danneil zuerst jene Eintheilung ... in 3 Perioden ... aufgestellt hat, welche alsbald von den scandinavischen Forschern aufgenommen ist. Verh. 1883. 409.

навскимъ ученымъ (С. Мюллеру, Ундсету, Гильдебранду, Монтелюсу) потребовалось цѣлое десятилѣтіе, чтобы на основаніи литературныхъ данныхъ и переписки доказать, что Лишъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться первымъ провозвѣстникомъ ученія о трехъ періодахъ. Только тогда, когда все больше и больше стало выясняться, что Лишъ не могъ не быть знакомымъ съ теоріей, которая за 12 лѣтъ до выхода его работы уже начала прилагаться къ устройству скандинавскихъ музеевъ, они отступились отъ своего ученаго захвата, выразивши удовольствіе по поводу того, что „спокойно разсуждающіе“ (точнѣе было бы сказать „черезъ чуръ любезные“) скандинавскіе археологи признали, что каждый изъ предполагаемыхъ основателей ученія (Томсенъ, Нильсонъ, Лишъ) шелъ самостоятельнымъ путемъ.

Въ 70-хъ годахъ, послѣ торжества надъ французами обостряется кельтскій вопросъ. Возникновеніе этого вопроса относится къ самому раннему періоду въ развитіи европейской археологіи. Стараясь объяснить смѣну каменнаго вѣка бронзовымъ, Нильсонъ въ первомъ изданіи своихъ „Urginwoner“ высказалъ предположеніе, что бронзу принесли съ собой Кельты. Эта теорія пользовалась до 60-хъ годовъ кредитомъ въ Германіи: каждая могила съ бронзовыми орудіями считалась за кельтскую. Памятникомъ ея былого преобладанія является названіе извѣстнаго бронзоваго орудія.

Послѣ Седана и Гравелота Нѣмцы стали считать эту теорію оскорбительной для чести своихъ предковъ и на Кельтовъ, которымъ раньше приписывалась высшая сравнительно съ Германцами культура и—въ особенности—металлургическія познанія, въ Германіи воздвигается такое же свирѣпое гоненіе, какъ на Датчанъ; явились добровольцы, выразившіе готовность очистить отъ нихъ германскую почву. Въ числѣ рьяныхъ кельтофобовъ и германомановъ выступили даже австрійскіе ученые (проф. Much). Съ особеннымъ усердіемъ противъ Кельтовъ воевали археологи Ю. Германіи съ извѣстнымъ уже намъ Линденшмидтомъ во главѣ. Линденшмидтъ рѣшительно заявлялъ,

что во всей Ю. Германіи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда пребыванія Кельтовъ. Къ археологамъ въ войнѣ противъ Кельтовъ присоединились антропологи (Экверъ) и филологи (Д. Сиверсъ), возмущенные попытками Арнольда, Геннинга (Henning) и Рикке (Rieske) доказать, что главнѣйшія мѣстныя названія З. Германіи (Рейнъ, Майнъ, Везеръ, Ааръ, Таунусъ, Герцинія и др.) кельтскаго происхожденія. Походъ противъ Кельтовъ кончился также поражениемъ ученыхъ шовинистовъ: Кельты удержали свои позиціи въ южной Германіи и Австріи, но германоманы утѣшились тѣмъ, что отобрали у своихъ доисторическихъ враговъ честь изобрѣтенія бронзы и перенесли эту заслугу на Германцевъ, занимавшихъ С. Германію и Скандинавію.

Одновременно съ этими отголосками политической вражды въ Германіи развивалось и чуждое всякихъ вліяній минуты изученіе доисторическаго матеріала. Начатое въ 1869 г. подъ вліяніемъ Французовъ и Бельгійцевъ изслѣдованіе Вестфальскихъ пещеръ скоро распространилось на всю Германію и изъ среды Германскихъ археологовъ выдѣлились такіе спеціалисты по этой отрасли доисторіи, какъ О. Фраасъ и Шаффгаузенъ.

Эти изслѣдованія показали, что человекъ жилъ въ пещерахъ Ю. Германіи еще въ такую эпоху, когда ледяной покровъ лежалъ надъ всей сосѣдней Швейцаріей, а въ окрестностяхъ нынѣшняго Констанца сѣверный олень находилъ въ изобиліи полярный мохъ. Районъ, въ которомъ обнаружено существованіе современнаго сѣверному оленю пещернаго человека, распространяется на весь бассейнъ Рейна, Швабію, Баварію, Вестфалію до Везера. Въ В. Тюрингіи найдена была пещера служившая жилищемъ современнику пещерной гіены. Въ С. Германіи слѣдовъ его еще не констатировано.

Человекъ этой ранней эпохи жилъ въ горахъ и поддерживалъ свое существованіе охотой; объ уровнѣ его культуры свидѣтельствуетъ между прочимъ то, что онъ не умѣлъ готовить изъ глины даже самыхъ грубыхъ сосудовъ.

Вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ пещеръ шло изслѣдованіе свайныхъ построекъ. Раскопки Вирхова, Фрааса, Шафгаузена и др. обнаружили существованіе двухъ географически и хронологически обособленныхъ районовъ, въ которыхъ встрѣчаются эти сооруженія: южно - германскаго и сѣверо - германскаго. Самыя древнія свайныя постройки Ю. Германіи относятся къ эпохѣ, когда низменности этой страны освободились отъ покрывавшихъ ихъ льдовъ. Обитатели ихъ были знакомы уже съ земледѣліемъ и употребляли полированные каменные орудія. На сѣверѣ свайныя постройки относятся къ гораздо болѣе позднему времени: ни въ одной изъ нихъ не было найдено каменныхъ орудій, а значительная часть относится уже къ историческимъ временамъ.

На почвѣ изученія южныхъ свайныхъ построекъ возникъ вопросъ, до сихъ поръ занимающій германскихъ археологовъ— о происхожденіи орудій изъ нефрита (зеленаго камня). Нефритовыя топоры и ножи встрѣчаются въ самыхъ древнихъ свайныхъ сооруженіяхъ Ю. Германіи и Швейцаріи; между тѣмъ камень этотъ не встрѣчается ни въ той, ни въ другой странѣ и мѣстонахожденія его въ Старомъ Свѣтѣ извѣстны только въ Сибири и Туркестанѣ. Для объясненія пути, по которому нефритовыя орудія проникли въ Европу, предлагается нѣсколько гипотезъ; одни археологи (Дезоръ) думаютъ, что ихъ принесли съ собою первобытные аріицы изъ Азіи, другіе (Г. Фишеръ) видятъ въ нихъ свидѣтельство торговыхъ сношеній между Европейцами неолитической эпохи и С. Азіей, третьи указываютъ болѣе близкіе пункты—Тироль (Пишлеръ), С. Германію и Скандинавію (Мейеръ). Вопросъ еще не рѣшенъ и будетъ разсматриваться между прочимъ на предстоящемъ международномъ археологическомъ конгрессѣ въ Москвѣ. Полемика противъ Скандинавовъ привлекла особенное вниманіе германскихъ ученыхъ къ вопросу о бронзѣ— ея родинѣ, условіяхъ происхожденія и распространенія въ Европѣ. Новѣйшія изслѣдованія подтвердили давно высказывавшееся по аналогіи съ фактами американской археологіи (въ С.

Америкѣ мѣдъ, въ Мексицѣ и Перу бронза) предположеніе, что бронзовому періоду предшествовалъ въ Европѣ, какъ переходный отъ неолитической эпохи — мѣдный: слѣды его обнаружены въ Венгріи (Фр. Пульскій), Ю. Германіи (окр. Констанца, Лейнеръ), въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи (Гроссъ, ст. Фивельцъ). Австрійскій филологъ и археологъ Мухъ собралъ цѣнный матеріалъ для доказательства существованія его въ цѣлой Европѣ; въ Германіи въ могилахъ неолитической эпохи были обнаружены первые зачатки мѣднаго вѣка въ видѣ пластинки, которая могла служить клинкомъ ножа (Куявія на Вислѣ). Къ тому-же выводу привели изслѣдованія Шлимана въ Гиссарлыкѣ. Изслѣдованіе путей, по которымъ бронзовая культура могла проникнуть въ Европу, заставила нѣмецкихъ ученыхъ обратиться къ археологическому изученію Балканскаго полуострова и Кавказа. Вирховъ предпринялъ спеціальное изслѣдованіе кавказскихъ бронзъ, чтобы провѣрить гипотезу о прохожденіи черезъ Кавказъ народа, принесшаго съ собой бронзу изъ Ср. Азіи. Отсутствіе среди кавказскихъ находокъ столь распространенныхъ въ Европѣ и С. Азіи бронзовыхъ кельтовъ привело его къ убѣжденію, что Кавказъ не лежалъ на пути распространенія бронзовой культуры: культура эта должна была проникнуть въ Европу черезъ мѣстности, лежащія на С. и на Ю. отъ Кавказа. Если во всему, что было сказано до сихъ поръ, мы прибавимъ, что Германія выдвинула за послѣднее время такого лингвиста-археолога, какъ Шрадеръ, то всѣ главные результаты нѣмецкой археологіи будутъ исчерпаны. Объ археологіи австрійской намъ не приходится говорить очень много. Австро-Венгрія располагаетъ богатѣйшимъ археологическимъ матеріаломъ *in situ* и въ музеяхъ: на ея территоріи констатированъ человекъ—современникъ мамонта (Предмостъ въ Моравіи; проф. Машка), громадный запасъ памятниковъ мѣднаго вѣка (Венгрія, Фр. Пульскій); грандіозные могильники изъ поздняго бронзоваго вѣка (Гальштадтъ, Вачъ, Ст. Маргаритенъ, Гласинацъ; ф. Савкенъ,

Гохштеттеръ), раскопки обогащают Вѣнскій музей ежегодно тысячами остатковъ доисторической старины — но научной обработкой этого матеріала Австро-Венгрія похвалиться не можетъ. Гальштадтъ, Ваць и С. Маргаритенъ не дали ей науѣ почти ничего, кромѣ парадоксовъ Гохштеттера на счетъ пра-арійскаго происхожденія Гальштадтской культуры. Раскопки могильника въ Гласинацѣ намѣчаютъ пока только въ высокой степени интересную программу для австро-венгерскихъ археологовъ. Открытіе этого могильника побуждаетъ искать на Балканскомъ полуостровѣ тѣ нити, которыя соединяютъ средне-европейскую и сѣверную бронзовую культуру съ южной *).

Л. С.

*) Новѣйшая археологическая литература Германіи и Австро-Венгрии. W. Arnold. Deutsche Urzeit. 1880. Fr. Kinkelin. Die Urbewohner Deutschlands. 1882. A. B. Meyer. Königl. ethnogr. Mus. zu Dresden Iadeit und Nephritobjecte. L. 1882—83. Bastien u. Voss. Die Bronzeschwerter des König. Mus. zu Berlin. 1883. R. Virchow. Das Gräberfeld v. Koban. 1883. E. Wagner. Die grossherzogl.-badische Alterthümersammlung in Karlsruhe. Antike Bronzen. 1883—1885. M. Schliemann. Troja. 1884. Tröltzsch. Fundstatistik d. Vorröm. Metallzei im Rheingeb. 1884. Beck. Die Geschichte des Eisens. 1884. J. Mestorf. Vorgesch. Alterthümer aus Schlesw.—Hollst. 1885. Vorgesch. Alterth. der Provinz Sachsen. 1883—1888. Vorgesch. Alterth. aus der Mark Brandenburg. 1886—1889. M. Much. Die Kupferzeit in Europa und ihr Verhältniss zur Kultur d. Indogermanen. Wien. 1886. Scheidenmantel. Ueber die Hügelgräberfunde bei Parsberg. 1886. J. Rankе. Der Mensch. 1886. H. Schliemann Tiryns. 1886. Grempler. Der Fund v. Sacrau. 1887. Fr. Wieser. Das longobardische Fürstengrab und Beihengräberfeld. v. Civezzano. 1887. Iacob. Der nordischbaltische Handel der Araber im Mittelalter. 1887. Osborn. Das Beil und seine typische Formen in Vorhistorischer Zeit. 1887. Kunsthistor. Atlas, redig. v. Much. W. 1889. Lindenschmidt. Handbuch der deut. Alterthümer. 1889.—Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit. 1889.—Das römisch—german. Central-museum zu Mainz. 1889. Henning. Die Deutschen Runendenkmäler. 1889. Fr. Pulsky. Die Goldfunde von Szilagy—Somlyo. Bud. 1890.

СЛѢДЫ ДРЕВНЯГО ПОСЕЛЕНІЯ

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ Г. СПАССКА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Лѣвобережье Волги, ниже устья Камы, въ предѣлахъ Казанской губерніи, какъ извѣстно, представляетъ большой интересъ въ археологическомъ отношеніи благодаря находженію здѣсь развалинъ знаменитыхъ Болгаръ, слѣдовъ поселеній человѣка каменнаго періода у д. Мордовой и проч. Но едвали сказанная мѣстность вполнѣ изучена въ этомъ отношеніи. Напротивъ, имѣются нѣкоторыя данныя предполагать, что будущіе изслѣдователи этой территоріи откроютъ еще немало интересныхъ фактовъ для пониманія и большаго уясненія исторіи и археологіи казанскаго Поволжья. Къ мѣстностямъ, обѣщающимъ пополнить свѣдѣнія объ археологіи нашего Поволжья, относится, напр., г. Спасскъ съ его окрестностями. Эта мѣстность уже въ силу своего недалекаго положенія отъ Болгаръ и Мордовой обѣщаетъ быть интересной въ археологическомъ отношеніи.

Указанія на это имѣются уже въ археологической литературѣ. Такъ, напр., проф. Головкинскій въ своей статьѣ „Древніе остатки человѣка въ Казанской губерніи“¹⁾ упоминаетъ о найденномъ имъ въ 1865 году близъ г. Спасска, на берегу р. Бездны, кускъ кремня, имѣющемъ видъ обломка каменнаго ножа. Но своей находкѣ проф. Головкинскій не придавалъ рѣшающаго значенія въ смыслѣ доказательства

¹⁾ Головкинскій. Труды I съѣзда русскихъ естествоиспытателей.

обитанія здѣсь человѣка каменнаго періода. Такіе кремни, замѣчаетъ проф. Головкинскій, „имѣютъ значеніе только потому, что встрѣчаются вмѣстѣ съ топорами, найденные же отдѣльно, въ отдаленной мѣстности, въ особенности единично, они не могутъ быть принимаемы съ достаточною вѣроятностію за произведенія человѣка“.—Далѣе извѣстно, что Археологическая Коммиссія ¹⁾ приобрѣла въ 1869 г. найденный близъ Спасска мѣдный кувшинъ съ находившимися въ немъ серебряными или позолоченными издѣліями.—Въ изданныхъ въ 1874 году Казан. Губ. Статистич. Комитетомъ „Замѣткахъ о городищахъ, курганахъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпяхъ въ Казанской губерніи“ находится указаніе на нахожденіе около с. Щербети древняго городища, которое проф. Шпилевскій ²⁾ считаетъ за городище у с. Куралова, расположенное къ СВ. отъ г. Спасска.—Наконецъ, въ статьѣ неизвѣстнаго автора „О первоначальномъ мѣстѣ г. Спасска“, напечатанной въ 1847 году ³⁾, упоминается о большомъ валѣ, идущемъ отъ села Куралова въ г. Спасскъ, гдѣ этотъ валъ теперь застроенъ домами. Неизвѣстный авторъ считаетъ этотъ валъ остаткомъ Суvara, бывшей болгарской столицы, находившейся на мѣстѣ нынѣшняго Спасска. Проф. Шпилевскій ⁴⁾, анализируя сообщенныя неизвѣстнымъ авторомъ данныя, считаетъ ничѣмъ не доказаннымъ это послѣднее мнѣніе, хотя онъ считаетъ возможнымъ продолжить указываемый валъ съ одной стороны—до Болгаръ и съ другой—до с. Буракова на Ахтаѣ, считая его просто пограничнымъ валомъ, подобнымъ русскимъ пограничнымъ укрѣпленнымъ линіямъ. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Шпилевскій, авторомъ не указывается никакихъ другихъ слѣдовъ этого древняго города кромѣ вала: неизвѣстный авторъ ограничивается указаніемъ на извѣстный всѣмъ фактъ

¹⁾ Отчетъ Археологической Коммиссіи за 1869 г., стр. 20.

²⁾ Шпилевскій. Древніе города, стр. 330—331.

³⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости за 1847 г., № 44.

⁴⁾ Шпилевскій. Древніе города, стр. 328—332, 51—52.

нахожденія на мѣстѣ Спасска какаго-то поселенія, въ которомъ онъ и предполагаетъ древній Суварь, упоминаемый арабскими и персидскими писателями. По свидѣтельству этихъ писателей (Эль, Балхи и друг.), Суварь былъ расположенъ недалеко отъ Болгарь, въ немъ находилась главная мечеть, деревянные дома, служившіе зимними жилищами, а лѣтомъ жители его обитали въ войлочныхъ юртахъ. Таковы историческія и литературныя свѣдѣнія объ археологіи окрестностей Спасска.

Экскурсируя прошлымъ лѣтомъ въ окрестностяхъ г. Спасска, я встрѣтилъ по берегамъ Бездны, между Спасскомъ и с. Кураловымъ, совершенно явственные слѣды существовавшаго здѣсь обширнаго поселенія, фактъ нахожденія котораго, въ виду указанныхъ выше обстоятельствъ, является не безинтереснымъ.

Если ѣхать вверхъ по Безднѣ отъ г. Спасска по направленію къ селу Куралову, то можно замѣтить, что мѣстами, гдѣ глинистый берегъ рѣки болѣе высокъ и обрывистъ, въ немъ выступаютъ пространства, бросающіяся въ глаза благодаря своему черному цвѣту, въ контрастѣ съ окружающей желто-бурой глиной, и имѣющія правильное четырехугольное очертаніе. По внѣшнему виду они съ перваго же взгляда напоминаютъ обвалившіяся могилы. Разрѣзы этихъ могилъ по берегамъ Бездны начинаютъ встрѣчаться сейчасъ же за городомъ, съ поворота рѣки къ ЮВ. На самомъ поворотѣ, на томъ же лѣвомъ берегу Бездны, на которомъ расположенъ и Спасскъ, видна одна небольшая, не особенно замѣтная могила. Если же ѣхать далѣе вверхъ по рѣкѣ и обогнуть мысъ, образованный вышеуказаннымъ поворотомъ, то мы увидимъ въ обрывистомъ правомъ берегу рѣки, на пространствѣ около 30 сажень, до десятка разрѣзовъ могилъ различной величины. Отсюда рѣка поворачиваетъ вправо и обрывистымъ становится опять лѣвый берегъ, въ которомъ, въ свою очередь, находятся разрѣзы до 5 могилъ. Выше этого пункта разрѣзы могилъ болѣе не встрѣчаются, потому что берегъ становится сравни-

тельно отлогимъ. Этотъ пунктъ находится приблизительно на срединѣ дороги между г. Спасскомъ и с. Кураловымъ и недалеко отъ него находится валь, идущій отъ лѣваго берега Бездны къ востоку. Въ районѣ распространенія могилъ верхня части береговыхъ разрѣзовъ состоятъ изъ культурнаго слоя темнаго цвѣта, въ нѣсколько вершковъ толщины, состоящаго изъ богатой перегноемъ глины, углей и черепковъ глиняной посуды. Между послѣдними я нашелъ здѣсь обдѣланный рукою человѣка кружокъ съ отверстіемъ въ срединѣ. Тутъ же встрѣчаются шлаки. Культурный слой покрываетъ какъ самыя могилы, такъ и пространство между ними. Что это дѣйствительно могилы, обнаружилось при разрываніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, расположенныхъ на правомъ берегу рѣки. При этомъ оказалось, что четырехугольныя въ разрѣзѣ углубленія, выкопанныя въ желто-бурой глинѣ, залегающей подъ культурнымъ слоемъ и слагающей весь берегъ Бездны, выполнены сѣрой глинистой массой, перемѣшанной съ золой, углемъ и битыми черепками. Въ этой массѣ найдены были мною слѣдующіе предметы: глиняное напрасло, сдѣланное довольно хорошо, обломокъ бруска изъ сѣраго песчаника, обломокъ аммонита, желѣзный предметъ до 5 вершковъ длиною, напоминающій гвоздь, тоненькое мѣдное кольцо, шлифованный кусокъ глинистаго сланца, истлѣвшую птичью дужку и, наконецъ, спинныя чешуйки осетровыхъ рыбъ. Кромѣ того, въ этой же массѣ попадалось много черепковъ битой посуды различной толщины, приготовленныхъ только изъ необожженной глины. Судя по черепкамъ, глиняная посуда была весьма грубой работы и была лишена украшеній, за исключеніемъ бороздокъ на краю болѣе толстыхъ черепковъ. Наконецъ, на днѣ двухъ такихъ ямъ были найдены человѣческіе черепа, по одному въ каждой ямѣ. Черепа были раздавлены и очень истлѣли. вмѣстѣ съ ними было найдено нѣсколько шейныхъ позвонковъ. Другихъ частей скелета я не находилъ при раскопкахъ и объясняю это тѣмъ, что онѣ вѣроятно обвалились вмѣстѣ съ берегомъ, увлекшимъ съ собою часть каждой мо-

тилы. Если допустить это, то изъ положенія могилъ нужно заключить, что покойниковъ вѣлаи ногами на востокъ. Упомянутое выше кольцо было найдено около одного изъ череповъ. Нахожденіе въ этихъ ямахъ частей скелетовъ челоуѣка и даетъ, на мой взглядъ, основаніе думать, что эти ямы были могилами, хотя остальное содержимое этихъ ямъ сходно съ тѣмъ, что было найдено въ подобныхъ же ямахъ на Мешѣ, гдѣ они были повидимому сорными ямами ¹⁾. Самыя ямы различной формы: то прямоугольныя въ разрѣзѣ, то трапецидальныя, причеиъ дно ихъ гораздо шире верхней части. Конечно эти ямы-могилы свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь находилось когда-то поселеніе и, повидимому, довольно большое. Полнымъ подтвержденіемъ этого служить то обстоятельство, что прилегающее къ этимъ могиламъ поле, расположенное между правымъ берегомъ Бездны и оз. Лебязьимъ, усѣяно черепками битой посуды и массой раковинъ *Unio*, хотя это мѣсто и не заливается водой. Это поле, очевидно, было занято древнимъ поселеніемъ, оставившимъ на себѣ слѣды въ видѣ культурнаго слоя, покрывающаго поле. И дѣйствительно, какъ при пашнѣ, такъ и вообще при разрываніи этого слоя мотыкой, въ районѣ этого поля, всюду попадаютъ какъ черепки битой посуды, такъ и раковины *Unio*. Эти черепки здѣсь различнаго характера. Одни изъ нихъ сходны съ черепками, находящимися въ могилахъ, а другіе представляютъ обломки обожженной глиняной посуды болгарскаго типа. Судя по послѣднимъ черепкамъ, обожженная посуда была гораздо лучшей работы и украшалась снаружи рядами продольныхъ и поперечныхъ бороздоуъ и продолговатыми, расположенными косвенно къ первымъ, зубчатыми явками. Тутъ же на полѣ были найдены глазированные куски глиняной посуды и кусокъ зеленого стекла. Употреблялась ли жителями этого древняго поселенія обожженная и необожженная посуда одно-

¹⁾ Протоколъ Казан. Общ. Естеств. за 1880 — 81 г., стр. 20, 24, 33 и Труды Казан. Общ. Естеств. т. IX, в. 4. стр. 49.

временно, или же они характеризуютъ собой разныя культурныя стадіи, моими наблюденіями не рѣшено. Такіе же черепки и раковины разсыяны по полю, прилежающему къ Безднѣ и съ лѣвой стороны, такъ что очевидно это обширное поселеніе было расположено по обоимъ берегамъ рѣки. Въ заключеніе считаю нужнымъ замѣтить, что такія же ямы - могилы были встрѣчены у самаго города Спасска, и мнѣ извѣстно, что онѣ встрѣчаются въ сѣверовосточной окраинѣ города ¹⁾).

А. Обрѣзовъ.

Декабрь, 1891 года.

Географическій кабинетъ Университета.

¹⁾ Въ «Объяснительной запискѣ къ археологической картѣ Казанской губерніи», экспонированной на Казанской научно-промышленной выставкѣ 1890 года И. А. Износковымъ, значится (стр. 2): «находки близь г. Спасска и остатки костей (Головкинскій, А. А. Штукенбергъ)». По объясненію И. А. Износкова въ засѣданіи Общ. Археол., Ист. и Этн., въ отмѣченныхъ здѣсь разрядкой словахъ содержится указаніе на нахожденіе костей въ ямѣ, на окраинѣ Спасска, замѣченное А. А. Штукенбергомъ во время его поѣздки съ И. А. Износковымъ въ Спасскъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ АРХЕОЛОГІИ

КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

- 1) Древняя курганная могила около деревни Бѣлымеръ (Булымеръ), въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

Во времени археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ около деревни Бѣлымеръ, (Булымеръ) прошло уже нѣсколько лѣтъ. Въ настоящей замѣткѣ, предлагаемой вниманію читателей—любителей старины, я коснусь результата этихъ раскопокъ. П. А. Пономаревъ, уже много потрудившійся для археологіи мѣстнаго края, сообщилъ мнѣ, что въ этой мѣстности имъ было раскопано нѣсколько небольшихъ кургановъ и только въ одномъ изъ нихъ удалось открыть вмѣстѣ со слѣдами сожиганія трупа и древности.

Около деревни Бѣлымеръ подобные курганы раскапывались и ранѣе. Въ 1870 г. ихъ раскапывалъ докторъ А. И. Стояновъ, но безъ успѣха. Въ приложеніяхъ къ протоколамъ засѣданій Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, за второй (1870—71) годъ его дѣятельности, помѣщенъ отчетъ г. Стоянова: „О раскопкахъ древнихъ могилъ и кургановъ въ Лаишевскомъ и Спасскомъ уѣздахъ Казанской губерніи“. По словамъ г. Стоянова группа небольшихъ раскопанныхъ имъ кургановъ расположена въ 1 верстѣ

къ С.З. отъ деревни Бѣлымеръ въ высокой мѣстности (на поверхности верхней террасы?), поросшей дубовымъ лѣсомъ. Курганы эти имѣютъ куполообразную форму. По измѣреніямъ, произведеннымъ г. Стояновымъ, окружность наибольшаго кургана имѣла 34 метра, а очертаніе его въ разрѣзѣ по діаметру 8,5 метровъ. Раскопавъ 6 кургановъ г. Стояновъ нашель, что они представляютъ насыпи песка, перемѣшаннаго съ черноземомъ. Во всѣхъ курганахъ на глубинѣ 0,8—0,9 метра были находимы зола, уголь и обгорѣлыя кости домашнихъ животныхъ. Не смотря на дальнѣйшіе поиски г. Стоянову не удалось отыскать въ курганахъ ничего другого.

Раскопки, произведенныя П. А. Пономаревымъ, были болѣе удачны и въ одномъ изъ кургановъ, кромѣ золы, угля, кусковъ ошлакованной глины и обломковъ обгорѣлыхъ костей, было найдено также нѣсколько вещей, принадлежавшихъ погребенному тутъ покойнику, очевидно—воину. Я неимѣю свѣдѣній, на какой именно глубинѣ была расположена могила подъ поверхностью насыпи и въ какомъ порядкѣ были расположены найденныя вещи, но въ данномъ случаѣ это и не важно, такъ какъ первый дефектъ пополняется данными г. Стоянова, а расположеніе вещей въ могилѣ, въ виду очевиднаго сожженія погребеннаго трупа, должно быть совершенно случайнымъ.

Въ курганной могилѣ, раскопанной П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ, найдены оружіе и нѣкоторыя вещи покойника вмѣстѣ съ обломками небольшого глинянаго горшка съ плоскимъ дномъ, очень грубой работы, — горшка, раздавленнаго насыпью или растрескавшагося во время сожиганія трупа. Доспѣхи погребеннаго воина представляли желѣзный мечъ, найденный совмѣстно съ мѣдными принадлежностями пояса или перевязи — 2 круглыми бляхами, болѣе чѣмъ 20 небольшими мѣдными зажимами, въ видѣ скобокъ, для скрѣпленія ремней, и 1 мѣдной петлей. Кромѣ того въ могилѣ было найдено огниво (кресало) и нѣсколько вещей неопредѣленнаго назначенія.

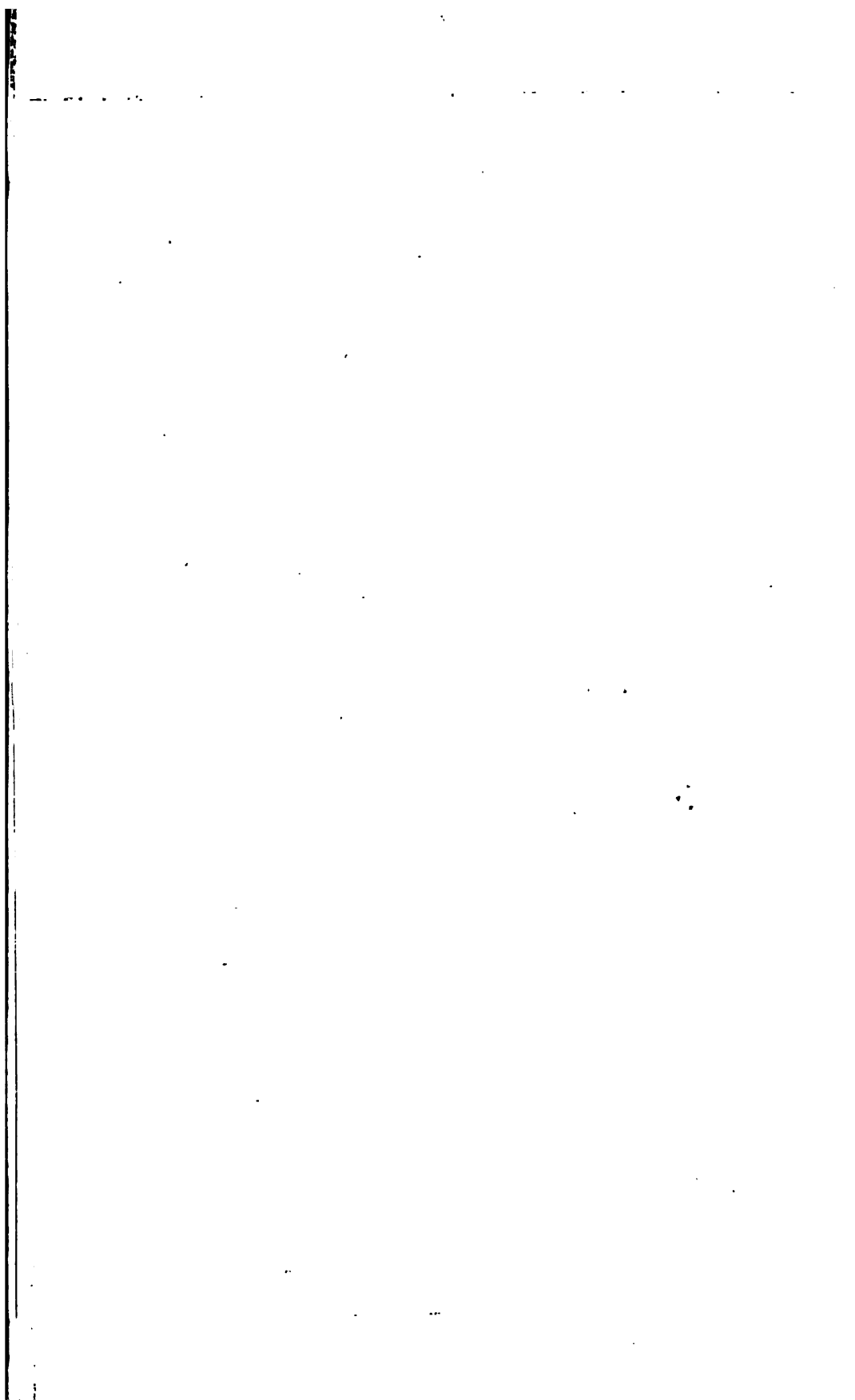
Желѣзный мечъ съ мѣдными принадлежностями пояса или перевязи представляетъ наибольшій интересъ. Онъ былъ найденъ искривленнымъ и сильно изогнутымъ; конецъ стержня его рукоятки также загнуть, а верхнія желѣзные части на-двинуты внизу. Трудно рѣшить, почему именно мечъ былъ найденъ въ такомъ видѣ, и я указываю только какъ предположеніе на возможность происхожденія этихъ изгибовъ при самомъ процессѣ сожиганія тѣла покойника. Этому какъ бы соотвѣтствуетъ и полное разрушеніе деревянной или костяной части рукоятки. Мечъ могъ быть во время сожиганія тѣла очень раскаленъ и изогнуть подъ вліяніемъ тяжести обваливавшася костра. Длина меча равна 90 см., изъ которыхъ 13 см. приходится на рукоятку. Ширина клинка, остраго съ обѣихъ сторонъ, равна 5 см. около начала рукоятки; внизу клинокъ постепенно дѣлается уже и оканчивается заостреніемъ. Стержень рукоятки представляется плоскимъ (шириною въ 3 см. при основаніи, и въ 1,5 см. при концѣ). Рукоятка состоитъ изъ трехъ частей: перекладки (длина 9 см., высота по оси 2 см., при толщинѣ средней части въ 1,5 см.) съ заостренными краевыми ребрами, стержня (длина 5 см.), уже совершенно разрушеннаго, и пабалдашника (высотою 6 см.), состоящаго изъ двухъ частей: нижней, вполне соотвѣтствующей по формѣ перекладинѣ, по меньшихъ размѣровъ (длиною 7 см., высотой по оси 6,5 см.) и верхней, полуовальной (высота по оси 2,5 см., при длинѣ въ 7 см.). Отдѣльныя желѣзные части рукоятки покрыты съ обѣихъ сторонъ насѣчкой, состоящей изъ многочисленныхъ круглыхъ и мелкихъ ячеекъ. Кромѣ того верхняя часть набалдашника раздѣлена еще съ обѣихъ сторонъ двумя довольно глубокими бороздками, наклонными къ основанію, на три части, изъ которыхъ средняя болѣе боковыхъ, имѣющихъ треугольное очертаніе. Была-ли эта насѣчка серебряная,—сказать нельзя, такъ какъ слѣдовъ серебра не осталось.

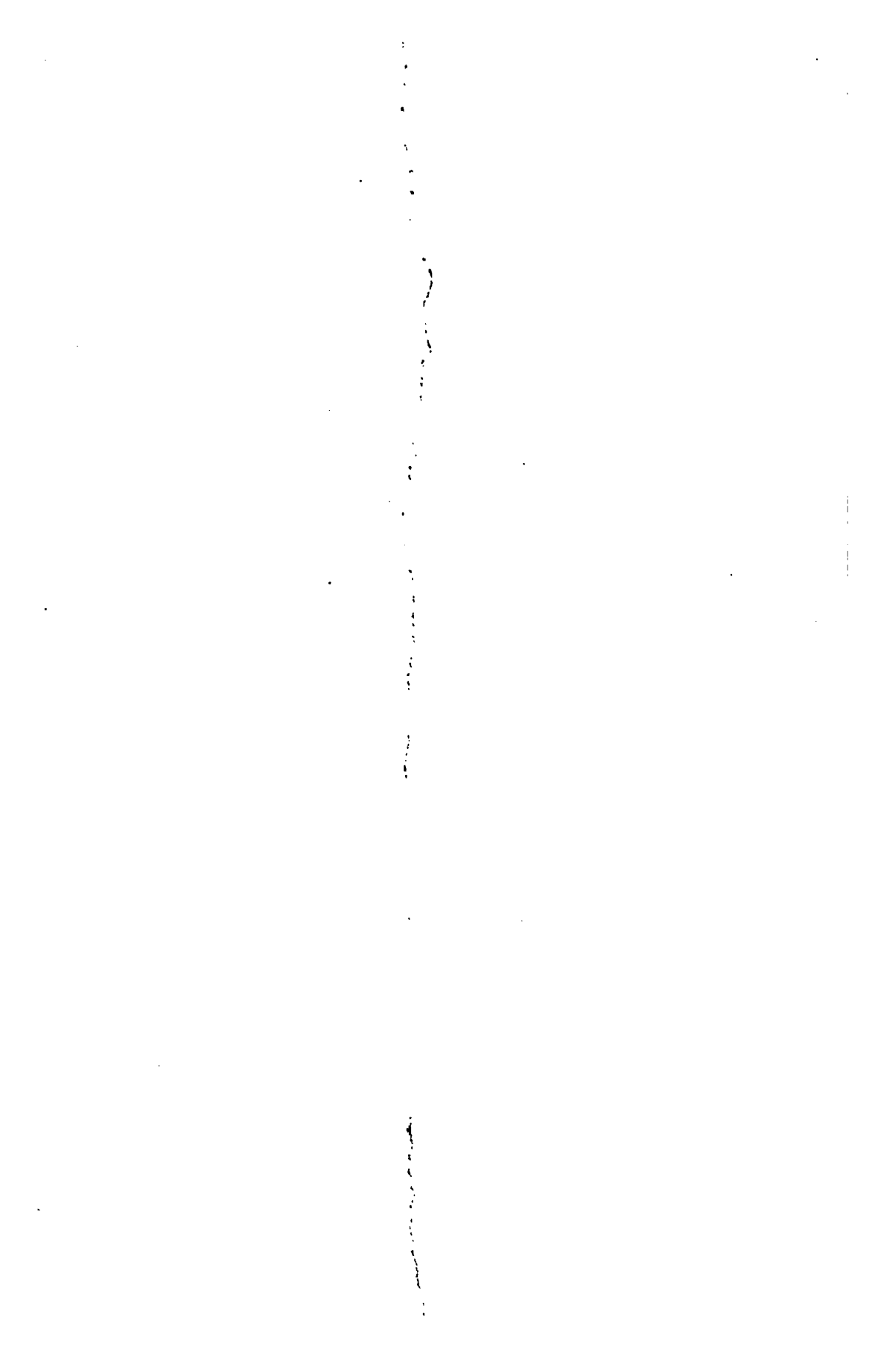
Перейду теперь къ описанію мѣдныхъ бляхъ, скобовидныхъ зажимовъ, петли и другихъ принадлежностей ременнаго

пояса (или перевязи), служившаго для ношенія меча, ножны котораго, вѣроятно, были обтянуты кожей или чѣмъ нибудь инымъ и не сохранились такъ-же, какъ и средняя часть рукоятки. Одна изъ мѣдныхъ бляхъ плоская (діаметромъ въ 2,5 см.), а другая (діаметромъ въ 4 см.) имѣетъ бортъ и въ центрѣ плоское округлое возвышеніе въ видѣ пуговицы; между этимъ возвышеніемъ и бортомъ въ одномъ направленіи, по радіусу, видна выпуклость, имѣющая сердцевидное очертаніе. Мелкіе скобовидные зажимы представляются тонкими мѣдными пластинками (въ 10 мм. длины и 2 мм. ширины) съ нѣсколько уширенными концами, перегнутыми на половинѣ и соединенными на концахъ мѣдными штифтиками. Мѣдная петля состоитъ изъ мѣдной проволоки (въ 20 мм. длины и 4 мм. въ діаметрѣ), перегнутой пополамъ и соединенной штифтикомъ на сплюсненныхъ краяхъ, имѣющихъ ромбоидальное очертаніе. Къ поясному прибору относятся вѣроятно и два небольшихъ мѣдныхъ обломанныхъ стержня, имѣющихъ четырехугольное очертаніе и снабженныхъ круглыми головками; (длина ихъ не превышаетъ 3,5 см., а стороны разрѣза равны 4 см.).

Огниво (кресало) имѣетъ довольно распространенную форму; длина его равна 9 см., средняя часть — нѣсколько шире краевъ, а загнутые концы закручены и заканчиваются шишками.

Кромѣ этихъ вещей въ могилѣ были найдены еще предметы, значеніе которыхъ не можетъ быть вполне выяснено. Къ нимъ принадлежитъ мѣдная оправка (длина 10 см.), снабженная небольшимъ колечкомъ для привѣшиванія, и болѣе плоская мѣдная же оправка (длиной 9 см.), свободные края которой соединены рядомъ мѣдныхъ штифтиковъ, расположенныхъ въ рядъ на разстояніи 12 мм. другъ отъ друга. Эти оправы могутъ быть остатками ножа и гребня. Къ этимъ предметамъ неопредѣленнаго назначенія принадлежитъ еще очень оригинальная вещица, сдѣланная изъ мѣди и имѣющая форму комбинаціи куба и октаэдра, находящихся въ равновѣсіи. Углы этого кубика, длина реберъ котораго равна 7 мм., срѣзаны симметрично, равными площадками треуголь-

наго очертанія. На плоскостяхъ этого кубика, имѣющихъ четырехугольное очертаніе, замѣтны небольшіе борта (отдѣленные бороздками, въ которыхъ расположенъ рядъ точечныхъ наколовъ) и по три нѣсколько вдавленныхъ маленькихъ очка, расположенныхъ треугольникомъ и имѣющихъ округлыя очертанія; эти очки совершенно сходны съ очками современныхъ игральныхъ костей.

Остается еще сказать о глиняномъ горшкѣ грубой работы, черепки котораго были найдены въ могилѣ. Горшокъ имѣлъ, судя по обломкамъ, плоское дно (около 8 см. въ діаметрѣ) и бовальчатую форму. Около верхняго края онъ былъ украшенъ орнаментомъ, состоящимъ изъ трехъ рядовъ небольшихъ углубленій, четырехугольнаго очертанія. Горшокъ этотъ при выдѣлкѣ не подвергался обжигу.

Сравнивая мечъ, найденный въ могильномъ курганѣ, около деревни Бѣлымеръ въ Спасскомъ у. Казанской губ. съ другими мечами разныхъ типовъ, я пришелъ къ заключенію, что онъ представляетъ полное тожество съ скандинавскими мечами позднѣйшей эпохи желѣзнаго вѣка, продолжавшейся примѣрно отъ 700 до 1000 г. по Р. Х. Этотъ мечъ тожественъ также и съ нѣкоторыми мечами, найденными при раскопкахъ на территории Европейской Россіи. Такъ, напр., онъ поразительно сходенъ до мелочей (и только нѣсколько меньшихъ размѣровъ) съ мечомъ, найденнымъ въ Гнѣздовскомъ курганѣ, въ Смоленской губерніи, и описаннымъ Д. Н. Анучинымъ („О нѣкоторыхъ формахъ древнѣйшихъ русскихъ мечей“. Труды VI Археологическаго съѣзда въ Одессѣ 1884 г. Томъ I, стр. 243; таб. I, рис. 1. Одесса. 1886 г.) По свидѣтельству проф. Анучина къ этому же типу принадлежатъ мечи, найденные въ Черниговской губерніи (курганъ Гульбице) и въ Орловской губерніи.

Рѣзко выраженный скандинавскій (норманскій) типъ меча, найденнаго въ курганной могилѣ около деревни Бѣлымера, даетъ возможность опредѣлить приблизительно и ея древность. Нужно думать, что вся группа Бѣлымерскихъ кургановъ отно-

сится въ періоду между 700 и 1000 г. по Р. Х. Остается открытымъ вопросъ: представляетъ ли курганъ, раскопанный П. А. Пономаревымъ и Н. П. Лихачевымъ, могилу пришельца съ далекаго Сѣверо-Запада или аборигена, владѣвшаго мечомъ скандинавскаго типа. Остается также невыясненнымъ отношеніе этого могильнаго кургана къ другимъ—сосѣднымъ, въ которыхъ, по свидѣтельству г. Стоянова, были находимы только слѣды вострищъ съ обгорѣлыми костями домашнихъ животныхъ.

А. Штубенбергъ.

МОРДВА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА I.

Очеркъ исторіи.

(Продолженіе)

Показателемъ элементовъ, изъ которыхъ слагалось древнее населеніе занимаемаго нынѣ Мордвою края, кромѣ мѣстныхъ названій, могли бы служить вещественныя памятники доисторической старины, но значеніе этого источника для исторіи еще все въ будущемъ. Обширная территорія, намѣченная нами на основаніи мѣстныхъ названій, представляетъ въ отношеніи археологическомъ почти нетронутое поле. Раскопки болѣе или менѣе научнаго характера производились въ какихъ-нибудь трехъ—четырехъ пунктахъ; весь остальной археологическій матеріалъ добытъ или путемъ случайныхъ находокъ или черезъ третьи—четвертыя руки отъ хищниковъ, которые искали въ курганахъ кладовъ. Мы не имѣемъ даже права сказать, что располагаемъ точными свѣдѣніями о количествѣ и мѣстонахожденіи памятниковъ, подлежащихъ археологическому изслѣдованію въ будущемъ. До начала 1890 г., когда состоялся VIII археологическій съѣздъ въ Москвѣ, существовала только неизданная курганная карта Нижегородской губерніи, составленная для Московской антропологической выставки А. С. Гацискимъ. Къ съѣзду были приготовлены археологическія карты Тамбовской и Пензенской губерніи. Литомъ 1890 г. на Казань-

ской научно-промышленной выставкѣ была экспонирована археологическая карта Казанской губерніи. Въ Пензенскихъ Губ. Вѣд. за 1891 г. помѣщенъ географическій указатель памятниковъ древности въ Пензенской губерніи, составленный членомъ мѣстнаго статистическаго комитета Петерсономъ. Для губерній Симбирской и Саратовской мы не располагаемъ даже подобными справочными матеріалами. Саратовская Архивная Комиссія ограничилась тѣмъ, что напечатала „библіографическія справки по археологіи Саратовской губерніи“¹⁾. Симбирскъ въ смыслѣ научнаго изслѣдованія края представляетъ пустое мѣсто. То, что даетъ намъ указанная литература относительно памятниковъ старины, очень не сложно.

Начиная нашъ обзоръ съ С., съ того пункта, гдѣ для края раньше всего кончился доисторическій періодъ и началась исторія, мы будемъ имѣть 1) древнее языческое кладбище подъ кладбищемъ Покровской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ; 2) „мордовскій“ могильникъ въ Касимовскомъ у. Рязанской губерніи близъ д. Поповки. Далѣе на основаніи свѣдѣній, добытыхъ Нижегородскимъ Статистическимъ Комитетомъ въ 1879 г., можно имѣть въ виду курганъ (шишку) въ Арзамасскомъ у. въ Анненковской волости при деревнѣ Чапарѣ, 2 мара (разрытыхъ) въ Спасской при селѣ Спасскомъ, остатки городка („мордовскаго“) въ Шатровской волости въ 1½ версты отъ деревни Касьяновой; въ Ардатовскомъ — „городокъ“ въ селѣ Саконѣ, городокъ въ Исуповской волости близъ села Надежина, курганы въ Ичаловской волости близъ села Ичалова, д. Кашиной, сельца Новаго Кашина, сельца Выползова, с. Ознобишина; въ Лукояновскомъ у. въ Михайловской волости близъ д. Новой 3 мара, близъ села Пои 1, въ Никитинской волости близъ села Васильевки два городка; въ Княгининскомъ у. въ с. Большомъ Мурашкинѣ „городокъ“, при селѣ Большой Якшени и дер. Пузырихѣ близъ лѣса низкій курганъ, на С. отъ дер. Саблуковой и с. Звѣрева (Прудичь)

¹⁾ Труды Сар. Арх. Ком. т. II, вып. 1. 1889.

городище и два кургана (сопки), въ Сергачскомъ у. въ Ендовищенской волости курганы на полѣ д. Ключищъ и при оврагѣ с. Ендовищъ, въ Шараповской волости два городища при с. Шараповѣ, въ Юрьевской волости близъ с. Юрьева двѣ сопки, близъ д. Баранниковой 4, въ Дубенщинской волости при с. Колычевѣ 2; въ Васильскомъ у. д. Саблукова ¹⁾. Безъ обозначенія уѣзда кромѣ того упоминаются курганы въ Архангельскомъ погостѣ, Тороповѣ, Сѣрковѣ, Бокковой, Липовкѣ ²⁾. Мельниковъ на основаніи историческихъ данныхъ указываетъ мордовскія городища въ Арзамасѣ, на Тешѣ близъ с. Собакина, на Пьянѣ близъ с. Борнукова ³⁾.

Составленная г.г. Проскурняковымъ и Розановымъ археологическая карта Тамбовской губерніи представляетъ слѣдующія данныя относительно ея сѣверныхъ уѣздовъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ, по словамъ объяснительной записки, въ 8 верстахъ отъ с. Виндреевскаго завода въ казенномъ лѣсу на р. Ашилья (?!) Ошлей (ош-тя) имѣется окруженный валомъ городокъ („Кудеяровъ“); таковой-же Кудеяровъ городокъ находится близъ дер. Жуковья на правомъ берегу р. Вадъ; по той-же рѣкѣ имѣются два городка близъ дер. Голышовки Ачадовской волости—оба Мордвой приписываются Кудеяру; въ Темниковскомъ—городище близъ д. Итяковой; въ Шацкомъ—городище близъ с. Кермисина волости того-же названія, городище близъ д. Воронцовки Новиновской волости, въ той-же волости другое городище близъ с. Носинъ, Пеньковское городище между городомъ Шацкомъ и селомъ Большимъ Проломомъ, городище на Цнѣ между селами Желаннымъ и Ялтуновымъ, городище Ширингушское около села того-же названія (приписывается населеніемъ Мордовскому князьку) ⁴⁾. Кромѣ этихъ нанесенныхъ на карту памятниковъ слѣдуетъ упомянуть въ Тамбовскомъ уѣздѣ пріобрѣтшіи благодаря г. Аспелину капитальное значе-

¹⁾ Изв. М. О. Е. А. и Э. т. XXVII; 361—362.

²⁾ Ibid. XXXI, 31.

³⁾ Рус. Вѣст. XLIX, 505.

⁴⁾ Изв. Тамб. Арх. Ком. Вып. XXVI, 34—55.

ніе въ археологіи Угро - Финскаго міра, могильникъ близь станціи Ляда¹⁾. Въ Пензенской губерніи по свѣдѣніямъ, собраннымъ г. Петерсономъ, памятниковъ старины—городищъ, могильниковъ, кургановъ—имѣется весьма значительное количество. Самые значительные могильники находятся въ Краснослободскомъ уѣздѣ: 1) кладбище въ мѣщанскомъ мѣстѣ въ 5 верстахъ отъ города—занимаетъ площадь въ 1 версту въ длину и $\frac{1}{2}$ версты въ ширину съ множествомъ малозамѣтныхъ могилъ; близь него четыре пустыхъ кургана окопанныхъ рвами и ямы—(калмы), 2) кладбище въ 3-хъ верстахъ при дер. Зубаревѣ, „курганъ“ близь села Ефаева, курганъ при селѣ Кангушахъ. Кроме того близь села Рыбкина имѣется древнее кладбище съ возвышеніями въ видѣ маленькихъ кургановъ, описанное Ауновскимъ и Терехиннымъ²⁾. Бѣллевъ въ своей статьѣ „Краснослободская старина“ упоминаетъ еще древнее кладбище близь с. Парки (?)³⁾. Въ Инсарскомъ уѣздѣ—два кургана близь д. Аргамаковки, древняя могила при с. Адишевѣ (Исса), древняя могила при с. Паевѣ (Паевкѣ?); въ Саранскомъ уѣздѣ четыре кургана при с. Атемарѣ, въ Городищенскомъ уѣздѣ два кургана близь с. Селиксы, два въ селѣ Чемодановкѣ, за с. Катмисомъ имѣется въ полѣ большой курганъ съ ямой на срединѣ; по преданію на немъ въ старину рѣзали быковъ⁴⁾; въ Нижне-ломовскомъ уѣздѣ курганы близь селъ Кевды - Мельситовой и Андреевки, двѣ древнія могилы около села Голицына, два кургана близь с. Порошина, при Пѣшей Слободѣ могильныя ямы на мѣстѣ называемомъ калмы, курганы при д. Кургановкѣ и селѣ Александровкѣ; въ Наровчатскомъ уѣздѣ до 14 кургановъ близь города Наровчата и одинъ близь села Шигаева; въ Пензенскомъ уѣздѣ „Котлинскіе мары“ близь г. Пензы, „Яндовинскіе мары“ близь с. Рамзая, семь кургановъ въ Еланскомъ обществѣ, древнія могилы при с. Черн-

¹⁾ Antiquités du Nord. III. 179—192. Опись Т. И. М. 6.

²⁾ Памят. кн. Симб. губ. на 1869 г. 92. Пенз. Губ. В. 1890, № 272.

³⁾ Пенз. Епарх. Вѣд. 1874, № 13.

⁴⁾ Пенз. Г. В. 1867, № 39.

цовкѣ на берегу р. Пензятки—на полутора десятинахъ; въ Мокшанскомъ уѣздѣ 6 маровъ на земляхъ села Богородскаго. Списокъ этотъ можно дополнить относительно Инсарскаго уѣзда марами близъ села Болдова ¹⁾, маромъ близъ с. Шадымъ и описанными г. Кожевниковымъ марами близъ селъ Пшенева, Палаевки ²⁾, относительно Нижне-Ломовскаго—вурганамъ у с. Головинщины ³⁾, относительно Мокшанскаго—марами близъ деревень Н. Степановки и Маровки въ приходѣ с. Степановки ⁴⁾. Городища г. Петерсонъ упоминаетъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ при с.с. Дѣвичьемъ рукавѣ, Каньгушахъ, Мамалаевѣ; въ Саранскомъ у. городки близъ с. Атемара, насыпь близъ с. Салмы; въ Городищенскомъ уѣздѣ городки близъ г. Городища и с. Селиксы, городище близъ с. Вышелей, городокъ близъ д. Екатериновки, три городка въ урочищѣ Сундровскій Врагъ близъ с. Павловскаго; въ Наровчатскомъ уѣздѣ признаки городища на Ю. З. отъ уѣзнаго города, городокъ въ 3 верстахъ отъ с. Шадымскаго Майдана, городище въ самомъ селѣ Ш. М., городокъ въ полуверстѣ отъ села Кирильевскій Майданъ, городокъ въ лѣсу въ 2-хъ верстахъ отъ Скановой пустыни; въ Керенскомъ уѣздѣ въ 6 верстахъ отъ села Ушинки въ урочищѣ „Лысая Гора“—ровъ, около д. Фелицатовки—городище, около д. Пеньковъ—городокъ, противъ д. Свищевой на урочищѣ „Кладовая Гора“—городокъ; въ томъ-же уѣздѣ вурганы въ Мало-Буртасской волости по дорогѣ къ селу Салтыкову, при селѣ Поливановѣ-Дмитріевскомъ.

Въ литературѣ относительно Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерній встрѣчается кромѣ того нѣсколько любопытныхъ указаній относительно находокъ. Въ Мокшанскомъ и Саранскомъ уѣздахъ по извѣстіямъ отъ 1846 г. находили римскія монеты первыхъ вѣковъ нашей эры ⁵⁾

¹⁾ Шевелевичъ. Село Болдово. Пенз. Г. В. 1890, № 227.

²⁾ Изв. О. А. И. 9. 1892. в. 1.

³⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1885, № 4.

⁴⁾ Пенз. Еп. Вѣд. 1885, № 8.

⁵⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1846, 40.

и болѣе позднія арабскія; подобныя - же находки имѣли мѣсто въ 1876 г.: найдены были монеты Траяна, Адриана, М. Аврелія, Веспасіана, Тита, Антонина Пія ¹⁾. Въ курганахъ, расположенныхъ въ „мѣщанскомъ лѣсу“ близъ г. Краснослободска были найдены цѣпочки, привѣски съ колокольчиками, браслеты, шейные обручи изъ бронзы, желѣзные сѣкиры, ножи древней формы, каменные бусы, глиняная посуда грубой отдѣлки ²⁾. Въ полѣ села Б. Ижмаровъ Керенскаго уѣзда найденъ былъ кладъ изъ мелкихъ монетъ съ татарскими надписями. Въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ близъ села Головинщины также найденъ былъ кладъ изъ серебряныхъ денегъ „угловатой или продолговатой формы съ татарскими надписями и фигурами въ видѣ полушарія, звѣздочки и крѣтки“ ³⁾. Монеты болгарскія были найдены кромѣ того въ селѣ Низовкѣ Нижпелом. уѣзда. Около села Ожги Инсарскаго уѣзда въ 1882 г. найдены были каменные орудія—молотки, стрѣлы ⁴⁾. Въ Тамбовской губерніи въ курганахъ, расположенныхъ въ долинѣ р. Савалы противъ села Бурнака, обнаружены были скелеты людей, лошадиныя кости, черепки—въ каждомъ курганѣ по одному скелету (самый большой курганъ носить названіе „Княжого“ ⁵⁾). Въ Симбирской губерніи въ Сызранскомъ у. находимы были осколки каменныхъ орудій, бронзовый (?) наконечникъ стрѣлы, черепки, золотоордынскія монеты. По словамъ Э. Д. Пельцама близъ самаго г. Сызрана имѣются холмы, которые можно считать за курганы; ихъ приписываютъ какой-то кочевой ордѣ ⁶⁾.

Самая незначительная часть этихъ памятниковъ древности изслѣдована. О древнемъ Нижегородскомъ могильникѣ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ сообщеній А. С. Гадисскаго и Нефедова

¹⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1876.

²⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1887, № 161.

³⁾ Пенз. Губ. Вѣд. *ibid.*

⁴⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1882.

⁵⁾ Тамб. Губ. Вѣд. 1859, 42.

⁶⁾ Изв. М. О. Е. А. и Э. XXXI, 116, 156.

комитету Московской антропологической выставки 1879 г.¹⁾ и замѣчанія покойнаго Майнова въ его книгѣ „Les restes de la mythologie mordvine“. Могильникъ обнаруженъ 4 іюня 1877 г. въ центрѣ города подъ бывшимъ православнымъ кладбищемъ у Покровской церкви, при выемкѣ земли для фундамента, на глубинѣ 3-хъ сажень. По сообщенію г. Гацисскаго въ немъ найдены во множествѣ человѣческія кости вмѣстѣ съ лошадиными и бараными; скелеты были обращены лицомъ къ З. Майновъ касается своихъ раскопокъ мимоходомъ при изложеніи данныхъ Ауновскаго. По его словамъ онъ нашелъ въ Нижнемъ точь въ точь тоже, что Ауновскій въ Рыбкинскомъ могильникѣ²⁾.

О „мордовскомъ могильникѣ“ въ 6 верстахъ отъ Касимова у дер. Поповки сообщаетъ раскапывавшій его г. Нефедовъ³⁾. Край, въ которомъ находится могильникъ, у народа носитъ названіе „Меццераго“, по народъ говоритъ, какъ о бывшихъ насельникахъ края, и о Мордвѣ-Эрзѣ. Г. Нефедовъ раскопалъ здѣсь 63 кургана и вотъ результаты, къ которымъ онъ пришелъ: могильникъ начинается отъ большого столбиченскаго кургана на лѣвомъ берегу Оки и состоитъ изъ круглыхъ срубленныхъ на вершинѣ кургановъ вышиною отъ 2 до 9 арш. Скелеты найдены лежащими въ вытянутомъ или утробномъ положеніи на материкѣ—въ 13 случаяхъ изъ 39 головой на З., лицомъ къ С. или С. В., въ 5 курганахъ покойники отмѣчаются лицомъ къ С. В. безъ обозначенія положенія головы, въ двухъ лицомъ на С. З., въ двухъ лицомъ къ С.; въ 6 покойникъ лежалъ головой на С., въ 5 на С. В., въ двухъ головой на Ю. и въ двухъ на Ю. З. Разная ориентація скелетовъ какъ будто указываетъ на смѣшанный составъ населенія, которому принадлежало кладбище. Въ бѣльшей части курга-

¹⁾ Изв. М. О. Е. А. и Э. XXXI, 30.

²⁾ Jour. de la Soc. Fin. Ongr. V, 80.

³⁾ Изв. И. М. О. Е. А. и Э. XI, 60.

новъ въ ногахъ найдены горшковъ съ пепломъ и угли; въ нѣсколькихъ случаяхъ—кости животнаго.

Въ Нижегородской губерніи раскопки производили П. Д. Дружининъ, Даль и Мельниковъ. Г. Дружининъ раскапывалъ курганы 1) близъ дер. Баранниковой Макарьевского у. на правомъ берегу Волги, 2) въ Княгининскомъ у. Раскопки перваго кургана дали въ виду замѣтной неопытности производившаго ихъ лица недостаточно опредѣленные результаты: кургавная насыпь состоитъ изъ 14 слоевъ, въ которыхъ встрѣчаются между прочимъ угли, мелкій „толченый“ кирпичъ, черепки, зола, кости животныхъ (клькъ); при раскопкѣ найдены рубчатые и узорчатые черепки (безъ обозначенія гдѣ и въ какомъ положеніи)—конскіе костяки и зубы, различныя (?) кости, угли, глиняный горшечекъ, ножичекъ; около кургана бронзовая пряжка. Интереснѣе этихъ результатовъ раскопки сообщеніе г. Дружинина, что крестьяне д. Баранниковой вырывали при своихъ постройкахъ скелеты въ сидячемъ положеніи, а иногда отдѣльныя черепа, что встрѣчалось и при какихъ-то другихъ раскопкахъ г. Дружинина¹⁾. Въ Княгининскомъ уѣздѣ на низменности по теченію р. Пьяны г. Дружининъ раскопалъ изъ 4-хъ кургановъ два. Одинъ имѣлъ въ окружности 10 с. и 2 арш. въ діаметрѣ 4 сажени. Раскопками была обнаружена вырытая въ материкѣ яма на подобіе ванны глубиною въ $\frac{3}{4}$ арш., въ которой находились человѣческія и конскія кости, двѣ желѣзныхъ пряжки и бронзовая пряжка, называемая по мордовски „сюгамо“. Въ другомъ курганѣ (14 саж. 2 арш. въ окружности, 5 с. 1 арш. въ діаметрѣ) найдены два костяка; при одномъ мѣдный кошелекъ, деревянная ложка, копье на подобіе долота (?), конскія кости; одинъ черепъ лежалъ на В., другой на З.; серебряные перстни, браслетъ, на груди одного костяка бронзовая пряжка—сюгамо, угли. Въ одномъ изъ этихъ кургановъ по мѣстному преданію погребенъ татарскій князь Чамба. На самомъ большомъ

¹⁾ Изв. И. М. О. В. А. и Э. XIVII, 359.

журганѣ мѣстные жители въ Троицынъ день собирались водить хороводы. Это называлось „ѣвать на татарскомъ кладбищѣ ¹⁾“.

Одинъ изъ маровъ при селѣ Спасскомъ Арзамасскаго уѣзда раскопанъ дѣтьми мѣстнаго землевладѣльца Барона Розена, но при раскопкахъ не найдено ничего ²⁾. Въ городкѣ близъ д. Касьяновой находили м о р д о в с к і я ожерелья ³⁾. При раскопкѣ сопокъ близъ с. Звѣрева и д. Саблуковой найденъ былъ (Л. В. Далемъ?) горшокъ съ пепломъ и углемъ ⁴⁾. Въ Тамбовской губерніи археологическія изслѣдованія производились всего въ двухъ пунктахъ—Ширингушское городище описано предсѣдателемъ мѣстной архивной комиссіи И. И. Дубасовымъ, Лядинскій могильникъ членами той же комиссіи Н. В. Ястребовымъ и П. И. Пискаревымъ, которые производили на немъ раскопки. Результаты перваго изслѣдованія опубликованы въ Тамб. Губ. Вѣдом. за 1880, № 28, 29 и въ 4-мъ выпускѣ „Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края“ И. И. Дубасова. Ширингушское городище, по словамъ изслѣдователя, представляетъ массу кирпича и камней. Старики помнятъ подвалы хоромъ, выложенные камнемъ. На городищѣ находили жернова, мѣдную посуду, горшки, копья, топоры, каменные молотки. Лядинскій могильникъ былъ впервые обнаруженъ въ 1868 г. при постройкѣ Саратовско - Тамбовской желѣзной дороги. На пространствѣ почти 100 сажень 18-ой версты отъ Тамбова рабочіе находили разные древніе предметы. Часть найденныхъ при этомъ вещей (цѣнныя) была продана рабочими подрядчику земляныхъ работъ Шарнелю и другимъ любителямъ старины ⁵⁾. Съ коллекціей этихъ находокъ познакомился извѣстный финляндскій археологъ Аспелинъ и она послужила ему матеріаломъ для характеристики „мордовско-муромскаго желѣзнаго“

¹⁾ Изв. М. О. Е. А. и Э. XXVII, 359.

²⁾ Ibid. 361.

³⁾ Ibid. 363.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Изв. Тамб. Арх. Ком. XXV, 6.

вѣка. Въ 80-хъ годахъ, когда основана была Тамбовская Архивная Коммиссія, нетронутая (?) часть могильника была подвергнута научной раскопкѣ. Въ 1887 г. Н. В. Ястребовъ вскрылъ около 150 могилъ и вещи отослалъ въ центральную Археологическую Коммиссію. Вещи эти до настоящаго времени, повидимому, еще не разобраны, а докладъ изслѣдователя не изданъ. Изъ составленной П. А. Дьяконовымъ описи предметовъ Тамбовскаго Историческаго Музея мы получаемъ весьма неопредѣленныя свѣдѣнія о томъ, какъ производились раскопки и къ какимъ научнымъ результатамъ онѣ привели. „Основываясь на извѣстныхъ данныхъ (?), г. Ястребовъ полагае т ь, что большинство вскрытыхъ могилъ содержали останки покойниковъ, просто зарытыхъ въ землю; меньшая часть заключала в пол н ѣ и л и л и ш ь о т ч а с т и с о ж ж е н н ы я к о с т и. Скелеты найдены лежащими на спияѣ головой къ С., ногами къ Ю.; при этомъ кости ругъ на лобовыхъ¹ костяхъ. На скелетахъ сохранились бронзовые и мѣдныя украшенія: пряжки, запястья, кольца, серьги; около нихъ желѣзныя орудія — ножи, молотки, а въ головахъ (въ большинствѣ случаевъ) два поставленныхъ рядомъ горшка. На тазовыхъ костяхъ нѣкоторыхъ скелетовъ сохранились остатки тканей... Г. Дьякоповъ, вѣроятно со словъ изслѣдователя, прибавляетъ къ этимъ немногимъ даннымъ „Лядинскій могильникъ—инородческій, вѣроятно, Мещерскій и есть основанія относить его къ временамъ Татарщины“¹).

Изъ пензенскихъ доисторическихъ пунктовъ описаны болѣе или менѣе вразумительно могильникъ близъ с. Рыбкина и „Ефаевскій курганъ“. Относительно перваго пункта г. Ауновскій даетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія: „въ путешествіе по Краснослободскому уѣзду мнѣ привелось около с. Рыбкина натолкнуться на глубоко-песчаную мѣстность съ возвышеніями на подобіе небольшихъ кургановъ. Въ разрываемыхъ возвышеніяхъ попадались разнообразной формы и съ различными украшеніями глиняныя издѣлія, фундаментомъ выложенные

¹) Опись Тамб. Ист. Музея. 6.

кирпичи, множество углей и полуобгорѣлыхъ древесныхъ кусковъ. На ровной песчаной мѣстности валялись человѣческія кости. Въ разрытомъ пескѣ и равномерно снимаемомъ песчано-глинистомъ грунтѣ, лежащемъ подъ нимъ, ясно видны были очертанія гробовъ, напоминавшихъ выдолбленные древесные пни, а въ нихъ полные скелеты, но уже рыхлые, потемнѣвшіе и весьма легко распадавшіеся. На частяхъ скелета, соотвѣтствующихъ шеѣ, были украшенія изъ ужовокъ и разноцвѣтныхъ стеколъ, навязанныхъ на металлическія нити; части грудную и поясную украшали 3-хъ и 4-хъ угольные мѣдныя бляхи. По бокамъ скелетовъ нерѣдко пападались металлическія (?) и кремнистыя копы, какъ доспѣхи умершихъ воиновъ. Одежды вовсе не было замѣтно, только подъ нѣкоторыми скелетами уцѣлѣли остатки войлока. При внимательномъ отысканіи денегъ нашлись только двѣ маленькія весьма измѣненныя и трудно опредѣлимыя мѣдныя монеты, формы удлиненной и съ отверстіями около одного конца. Откопанные женскіе скелеты рѣшительно всё свидѣтельствуютъ о большомъ уваженіи женской косы. Каждая коса была вѣзита на деревянную палку и сверхъ круто обмотана мѣдной проволокой; оттого-то во многихъ экземплярахъ превосходно сохранилась значительная часть волосъ изъ косъ. Кладбище тянулось почти на двѣ версты и раздѣлялось на двѣ половины—мужскую и женскую. Всѣ трупы были обращены головами къ югу. . . Курганы, вѣроятно, служили для жертвоприношеній“¹⁾.

О древнемъ могильникѣ, находящемся на отрогѣ „Шаверской крутой горы“ и извѣстномъ подъ именемъ „Ефаевского кургана“ кое-какія свѣдѣнія сообщаетъ членъ Пензенскаго Статистическаго Комитета Терехинъ. Почти ежегодно, по его словамъ, во время весенняго половодья при размывѣ водой Ефаевского кургана мѣстные крестьяне находили человѣческіе остовы, кости животныхъ, конскую сбрую, желѣзныя сѣкиры (въ видѣ топорика съ небольшою полувруглою выемкой съ зад-

¹⁾ Пам. Кн. Симб. губ. на 1869 г. стр. 92.

ней стороны), бронзовые шейные обручи, серьги, брошки, ожерелья, золотые браслеты и монеты. Всѣ эти находки пропадали и пропадаютъ безслѣдно и безплодно для науки ¹⁾).

Въ Симбирской губерніи единственнымъ изслѣдованнымъ памятникомъ старины является могильникъ по берегу р. Усы близъ села Муранокъ въ 30 верстахъ отъ г. Сызрана. Могильникъ этотъ обнаруженъ въ 1886 г. благодаря выемкамъ земли, которыя дѣлались на немъ для плотины. Первое сообщеніе о немъ на основаніи собранія находокъ, составленнаго А. В. Толстымъ, было сдѣлано на VIII археологическомъ съѣздѣ В. Н. Поливановымъ ²⁾). Въ июнѣ 1890 г. г. Поливановъ съ разрѣшенія Императорской Археологической Коммиссіи произвелъ на этомъ могильникѣ раскопки. На небольшой глубинѣ 16—18 вершковъ были обнаружены долбленные гроба въ видѣ колоды. Костяки были положены въ этихъ гробахъ на правомъ боку, лицевой стороной въ В. или къ Ю. З. При нѣкоторыхъ скелетахъ въ ногахъ были найдены горшки изъ красной обожженной глины. Изъ вещей встрѣчались бусы, ножи, серебрянныя подвѣски (сустуги²⁾), кольца, пряжки, ожерелья изъ раковинъ, куски ткани, кожаная обувь, куски войлока, глиняныя напрасла. Въ одномъ случаѣ былъ найденъ на гробницѣ горшокъ съ птичьей костью, въ другомъ необожженный горшокъ въ правомъ углу сверхъ гробницы. Изслѣдователь, не справившись съ литературой, придаетъ значеніе unicum убранству женской косы, на самомъ дѣлѣ совершенно тождественному съ тѣмъ, которое встрѣчено Ауновскимъ на Рыбинскомъ могильникѣ. Относительно вещей, встрѣченныхъ въ могилахъ, г. Поливановъ замѣчаетъ, что онѣ частію сходны съ болгарскими, частію съ мерянскими. О положеніи подвѣсокъ по отношенію къ костяку сообщается, что подвѣски съ пряжками попадаются возлѣ пояса; монетъ въ могилахъ не встрѣчено. Относительно горшковъ мы встрѣчаемъ въ резюмѣ сообщеніе, что они

¹⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1890, № 272.

²⁾ Занятія VIII арх. съѣзда. Стр. 37—40. М. 1890.

помѣщаются различно—въ головахъ или ногахъ усопшаго. Для опредѣленія принадлежности могильника существенное значеніе можетъ имѣть 1) нахожденіе на могильникѣ надгробной плиты съ арабской надписью, 2) присутствіе на противоположномъ берегу р. Усы слѣдовъ обширнаго поселенія съ развалинами башни, сложенной подобно нашимъ болгарскимъ постройкамъ изъ камня на извести (цементъ?), съ почвой, усѣянной обломками глиняной посуды, желѣзной гари, кусками кирпича. Въ описи вещей упоминается горшокъ съ костями—безъ обозначенія, кому онѣ принадлежать ¹⁾.

Разбираясь среди скудныхъ данныхъ, которыя предлагаютъ намъ относительно края археологическія изслѣдованія, мы можемъ констатировать на изучаемой территоріи отсутствіе единства по отношенію къ существеннымъ элементамъ погребальнаго обряда—скелетъ оказывается въ одномъ случаѣ въ сидячемъ положеніи, въ другомъ—положеннымъ на спину, въ третьемъ на бокъ—въ направленіи то съ Ю. на С., то съ З. на В. Умершій или сожигается, или полагается въ землю,—въ яму, вырытую въ материкѣ, или на поверхность его; надъ погребеннымъ или насыпается курганъ, или могила не возвышается надъ уровнемъ поверхности; могильники расположены то на низменностяхъ, то на склонахъ горъ; съ костями человѣка встрѣчаются въ однихъ могилахъ кости животныхъ, въ другихъ—горшки, въ третьихъ—только принадлежности костюма. Рядомъ съ этими чертами различія мы наблюдаемъ кое-гдѣ и черты сходства—косы, сохранившіяся напр. въ Муранскомъ могильникѣ, оказываются убранными совершенно одинаково съ косами изъ могильника Рыбкинскаго. Можетъ ли этотъ скудный, недостаточно выясненный, но пестрый матеріалъ дать намъ основанія для рѣшенія вопроса о древнихъ обитателяхъ края? Все-ли среди перечисленныхъ памятниковъ старины принадлежатъ Мордвѣ?

Въ 1878 г. когда кое-какія свѣдѣнія существовали только относительно вещей, добытыхъ изъ Лядинскаго могильника,

¹⁾ Изв. М. О. Е. А. Э. т. LXXI, вып. 2, 83—88.

Аспелинъ нашелъ возможнымъ въ третьемъ выпускѣ своихъ „Antiquités du Nord Finno-Ougrien“ 1) отнести лядинскія находки къ остаткамъ древне-мордовской культуры, 2) слить эту культуру на основаніи сходства находокъ воедино съ культурой Муромы (вещами, найденными близъ Мурома). Основаніемъ для перваго опредѣленія послужили данныя относительно обитателей береговъ Цны въ историческую эпоху. О Муромѣ г. Аспелинъ коротко заявляетъ, что онъ не знаетъ историческихъ резонансовъ, въ силу которыхъ изъ нея можно было - бы дѣлать особый народъ. Теорію г. Аспелина лучше всего, конечно, было-бы провѣрить на основаніи сравнительнаго изученія данныхъ, добытыхъ изъ могильниковъ обоихъ народовъ, но этотъ способъ оказывается къ сожалѣнію до настоящаго времени невозможнымъ. Относительно формъ погребенія въ Муромскомъ краѣ можно судить только по двумъ разрозненнымъ фактамъ, запечатленнымъ въ литературу: на бугрѣ близъ дер. Волосовой на небольшой глубинѣ найдены пять горшковъ, наполненныхъ до верху углями; возлѣ малаго Селищенскаго бора обнаруженъ былъ остовъ челоука, лежавшій головой на В., ногами на З.¹⁾, но мы не имѣемъ никакихъ основаній для того, чтобы считать оба факта отдѣльными элементами одного погребальнаго обряда. Начиная съ каменнаго вѣка—можетъ быть даже палеолитической его эпохи, когда было положено начало заселенію Муромскаго края, до времени, къ которому восходятъ воспоминанія мѣстнаго русскаго населенія, въ его почвѣ оставили свои слѣды, кромѣ Муромы, Литва, о которой говорятъ народныя преданія, и Мордва, имя которой сохранилось въ названіяхъ урочищъ. Свидѣтельства писаной исторіи говорятъ скорѣе противъ, чѣмъ за теорію Аспелина: „Мурома свой языкъ“—говоритъ нашъ первоначальный лѣтописецъ. Сходство вещей муромскихъ и лядинскихъ безспорно, но оно говоритъ столько же за общій источникъ заимствованія, сколько за единство національности—и даже больше, такъ какъ именно вещи одинаковыя у предпо-

¹⁾ Изв. М. О. Е. А. Э. т. XXXI, 112.

лагаемыхъ Мордвы и Муромы оказываются тождественными съ вещами литовскими (металлическія ожерелья съ цилиндрическими подвѣсками).

Оставляя подѣ сомнѣніемъ до накопленія новыхъ данныхъ вопросъ о тождествѣ Муромы и Мордвы, мы обращаемся къ тѣмъ соображеніямъ, въ силу которыхъ г. Аспелинъ считаетъ Лядинскій могильникъ мордовскимъ. Почтенный археологъ основываетъ свое рѣшеніе на историческихъ извѣстіяхъ о древнихъ обитателяхъ Цнинскаго бассейна. Мордва, конечно, жила по Цнѣ, но Цна же съ ея притоками была путемъ, по которому распространялась по Тамбовской и Пензенской губерніи Мещера, вытѣсняемая изъ Рязанской губерніи русской колонизаціей. Сюда - же могли доходить своими поселеніями Буртасы и, несомнѣнно, доходили Татары. Вопросъ о народности, которой принадлежалъ Лядинскій могильникъ, можетъ быть рѣшенъ только сравнительнымъ изученіемъ лядинскаго погребальнаго ритуала съ ритуаломъ мещерскимъ, мордовскимъ, буртасскимъ и древне-татарскимъ — насколько первый намъ извѣстенъ по раскопкамъ, второй по современнымъ даннымъ, третій по извѣстіямъ Арабовъ и даннымъ археологіи южнаго Поволжья и четвертый по извѣстіямъ западныхъ путешественниковъ XIII в.

Одинъ изъ изслѣдователей Лядинскаго могильника — г. Ястребовъ предполагаетъ, что могильникъ принадлежитъ Мещерѣ. Мы не знаемъ основаній, на которыхъ опирается его гипотеза, но можемъ провѣрить ее, сопоставивши добытые г. Ястребовымъ результаты съ тѣми, въ которыхъ пришелъ Ф. Д. Нефедовъ при раскопкахъ Парахинскихъ кургановъ. Курганы эти находятся въ краѣ, до сихъ поръ сохранившемъ названіе Мещерскаго, и приписываются народомъ Мещерѣ, хотя у иныхъ называются и татарскими могилицами¹⁾. Сопоставляя формы погребенія изъ обоихъ могильниковъ, мы находимъ, что 1) въ Лядинскомъ могильникѣ усопшія погребал-

¹⁾ Изв. М. О. Е. А. Э. т. XXXI, 58.

ся въ ямѣ, вырытой въ материкѣ; Парахинская Мещера вклала своего покойника на материкѣ и насыпала на него курганъ, 2) въ Лядинскомъ могильникѣ усопшій полагался головой къ С. ногами къ Ю., въ Парахинскихъ курганахъ головой къ З. или Ю. З. ногами къ В. или С. В. съ лицомъ обращеннымъ къ С. З.; 3) въ Лядинскомъ могильникѣ въ головахъ помѣщаются два горшка, въ Парахинскихъ курганахъ горшки помѣщаются въ ногахъ—иногда съ лѣвой стороны—и рядомъ съ ними угли, 4) въ Лядинскомъ могильникѣ усопшіе погребались, повидимому, одиночно; у Парахинской Мещеры встрѣчаются семейные курганы, 5) въ Лядинскомъ могильникѣ предположено трупосожженіе; въ Парахинскихъ курганахъ не обнаружено никакихъ слѣдовъ его, хотя въ сосѣднемъ Бабенскомъ курганѣ г. Нефедовъ нашелъ вполне ясные его признаки.

Нѣкоторое различіе въ обоихъ погребальныхъ обрядахъ не даетъ намъ права признать ихъ принадлежащими одной и той-же народности. Продолжимъ поэтому наше сравнительное изслѣдованіе и сопоставимъ Лядинскій могильникъ съ старыми мордовскими могильниками. Въ этомъ фазисѣ изслѣдованіе облегчается. Мы имѣемъ уже возможность рѣшить, по какимъ признакамъ можно признать древній могильникъ мордовскимъ. Несомнѣнно мордовскими всякій сочтетъ, конечно, тѣ изъ древнихъ кладбищъ, которыя мѣстная Мордва считаетъ принадлежащими своимъ предкамъ и на которыхъ она совершаетъ въ честь этихъ послѣднихъ жертвоприношенія. Но далеко не всѣ древніе могильники края обладаютъ такимъ яснымъ свидѣтельствомъ происхожденія: мордовскіе могильники могутъ оказаться въ мѣстности, занятой нынѣ исключительно русскимъ населеніемъ, и здѣсь нужны уже какіе нибудь другіе признаки, чтобы признать ихъ принадлежащими именно Мордвѣ. Къ числу достаточно вѣрныхъ признаковъ относятся и а з в а н і я могильника или кургана. Встрѣчая въ Нижнеломовскомъ уѣздѣ могилы, которыя въ устахъ чисто русскаго населенія носятъ мордовское названіе „калмы“, мы съ значительнымъ основаніемъ имѣемъ право предположить, что эти могилы

принадлежать или вытѣсненной, или совершенно обрусѣвшей Мордвѣ. Тотъ-же выводъ, но уже съ большей осторожностью, мы можемъ сдѣлать относительно кургановъ въ томъ случаѣ, когда они носятъ мордовское названіе марь (вуча). Въ виду того что курганы носятъ въ одной губерніи различныя названія—въ Балахн. уѣздѣ п а н в и, въ Васил. с о п к и, въ Арзамас. ш и ш в и, въ Арз., Лук., Ард. м а р ы, мы можемъ на первый разъ сдѣлать предположеніе, что въ мѣстности, гдѣ курганы называются марами нѣкогда жила Мордва; отсюда уже будетъ вытекать нѣкоторая вѣроятность для признанія ихъ мордовскими. Вѣроятность эта увеличится, если мы будемъ знать, что Мордва, въ настоящее время не насыпающая надъ своими усопшими кургановъ, когда-то насыпала ихъ—а на этотъ счетъ у насъ имѣются положительныя доказательства въ указаніяхъ исторіи и современныхъ поминальныхъ обычаяхъ Мордвы. Въ I т. изданныхъ Академіей Наукъ „Актовъ Московскаго Государства напечатана относящаяся къ 1629 г. „отписка алатырскаго воеводы о розыскѣ про стѣздъ Мордвы и Черемисъ Алатырскаго уѣзда въ дер. Чукалѣхъ“. Розыскъ былъ возбужденъ по поводу того, что собравшіеся для жертвоприношенія инородцы стрѣляли по проѣзжавшимъ мимо русскимъ людямъ. Въ „отпискѣ“ приводятся въ высшей степени важныя для нашего вопроса „распросныя рѣчи“.

„Деревни Игнатовы мордвинъ Андрюшка Игнатовъ сказалъ по своей вѣрѣ, по шерти за себя и за своихъ товарищей, за всю деревню: въ прошломъ 13? г. послѣ Великодня на семикѣ былъ де онъ въ деревнѣ Новыхъ Чукалѣхъ у мордвина у Совайка Мечасова и въ тотъ де день была деревни Старыхъ и Новыхъ Чукаль у Мордвы предъ ихъ родителями мольба, по вѣрѣ осыпали землю марь... была де такая мольба напередъ сего лѣтъ съ пятьдесятъ и больше... а русскіе всякіе люди тутъ пріѣзжали и смотрѣли, какъ они по своей вѣрѣ землю мары осыпали... Деревни Старыхъ Чукаль Мордвинъ Сустатъ Секшеневъ за себя и за своихъ товарищей и за всю деревню по своей вѣрѣ

по шертѣ сказалъ: въ прошломъ-де 137 г. послѣ Великоднѣ на седьмой недѣлѣ въ четвергъ была де у нихъ мольба у пяти деревень по своей вѣрѣ, какъ де ихъ дѣды и отцы напередъ сего дѣлали, осыпали землей мары... а лошади и коровы рѣзали свои по своей вѣрѣ на ту мольбу... а какъ де они по своей вѣрѣ дѣлали, засыпали землей мары, и въ тѣ де поры прѣзжали смотрѣть многіе всякіе русскіе люди...“¹⁾.

Данныя, заключающіяся въ приведенной отпискѣ, допускаютъ два толкованія—въ зависимости отъ того, будемъ ли мы придавать рѣшающее значеніе тому мѣсту документа, гдѣ слово *мары* употребляется въ единственномъ числѣ, или тѣмъ, гдѣ оно употребляется во множественномъ. Въ первомъ случаѣ мы должны будемъ предположить, что при мордовскихъ кладбищахъ существовали отдѣльные курганы, которые отъ времени до времени осыпались землей; во второмъ—что надъ каждымъ усопшимъ воздвигался курганъ, который потомки считали своей обязанностью поддерживать, насыпая на него землю. Въ томъ и другомъ случаѣ существованіе въ мордовскомъ краѣ *маровъ - кургановъ*, пользовавшихся религіознымъ уваженіемъ народа въ силу ихъ отношеній къ усопшимъ предкамъ, представляется несомнѣннымъ. Которое изъ двухъ предположеній ближе къ истинѣ, будетъ рѣшено впослѣдствіи на основаніи болѣе близкихъ къ нашему времени данныхъ. Въ пользу того, что Мордва пѣкогда практиковала курганное погребеніе, говорятъ извѣстія изъ той же Нижегородской губерніи. А. Θ. Можаровскій въ статьѣ о селѣ Лобаскахъ Сергачскаго у. говоритъ: „мѣсто древняго мордовскаго кладбища и до сихъ поръ въ Лобаскахъ можно признать по высокимъ насыпямъ, похожимъ на курганы, холмы и пригорки“²⁾. Одинокіе курганы, пользующіеся религіознымъ почтеніемъ Мордвы, встрѣчаются нерѣдко въ предѣлахъ Пензенской губерніи. Въ I вып. „Извѣстій“ за

¹⁾ Акты Г-ва Росс. т. I, 296—297. М. 1890.

²⁾ Ниж. Е. Вѣд. 1887, № 14, стр. 729.

1892 г. помѣщено сообщеніе П. И. Кожевникова о марѣ близъ стараго мордовскаго кладбища у села Палаевки. Около этого мара въ старину хоронили покойниковъ; о значеніи его можно догадываться по тому, что Мордва и нынѣ ходитъ къ нему во время бѣдствій просить помощи у покойниковъ. О другомъ такомъ марѣ (близъ Катмиса) сообщается, что на немъ нѣкогда кололи въ жертву быковъ. Изслѣдованіе могильниковъ, обладающихъ такими безспорными признаками мордовскаго происхожденія, едва еще начато и по счастію, хотя случайно, но весьма пѣлесообразно, съ самыхъ близкихъ къ намъ по времени языческихъ кладбищъ Эрзи и Мокши. Въ 1880 г. по порученію Казанскаго Общества Естествоиспытателей г. Чугуновъ изслѣдоваль два эрзянскихъ языческихъ кладбища около селъ Атяшева и Шугурова Ардатовскаго у. Симбирской губ. и два мокшанскихъ близъ д. Возжей Сандюковской волости Симбирскаго у. Изслѣдованіе показало, что въ XVII в., къ которому могутъ относиться всѣ названные могильники, покойникъ у Мордвы полагался въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ, въ неглубокую могилу, на дно которой былъ настланъ слой бересты, и покрывался сверху досчатымъ гробомъ; у Эрзи голова погребеннаго обращалась къ С., ноги къ Ю., у Мокши наоборотъ. Во всѣхъ могилахъ были встрѣчены около черепа кости птицъ, въ изголовьи нѣсколькихъ скелетовъ толстый глиняный горшокъ.

Отправляясь отъ признаковъ, которые констатированы раскопками этихъ могильниковъ и находятся въ полномъ согласіи съ мордовскими преданіями, мы можемъ признать мордовское и притомъ мокшанское происхожденіе за Рыбкинскимъ могильникомъ, который находится, какъ мы знаемъ, въ центрѣ мокшанскихъ поселеній въ Краснослободскомъ у. Лядинскій могильникъ представляетъ черты, которыя сближаютъ его съ эрзянскими могильниками: положеніе скелетовъ головой къ С. ногами къ Ю., присутствіе въ головахъ скелета двухъ горшковъ. Часть его могилъ можно такимъ образомъ приписать Мордвѣ, но не Мокшѣ, какъ мы должны были - бы ожидать, а Эрзѣ, присутствіе которой въ бассейнѣ Цны представляется загадкой.

Рядомъ съ предполагаемыми мордовскими могилами имѣютъ мѣсто неизвѣстно кому принадлежащія могилы съ трупосоженіемъ. Мы не можемъ ихъ приписывать Мордвѣ, такъ какъ не знаемъ достовѣрно, существовало-ли когда у нея трупосоженіе. Въ своихъ „*Les restes de la mythologie mordvine*“ Майновъ бросилъ мимоходомъ замѣчаніе, что во всѣхъ древнихъ мордовскихъ могильникахъ онъ встрѣчалъ сожженные кости, но никто не знаетъ, гдѣ и когда производилъ онъ раскопки; кромѣ того онъ-же утверждаетъ, что погребеніе въ древнемъ мордовскомъ могильникѣ въ Нижнемъ тождественно съ погребеніемъ, имѣвшимъ мѣсто въ несомнѣнно мордовскомъ Рыбинскомъ могильникѣ.

Обращаемся къ третьей народности, которую можно имѣть въ виду при опредѣленіи принадлежности Лядинскаго могильника, — къ Буртасамъ. Арабъ Ибнъ-Дастъ сообщаетъ относительно Буртасовъ, что одни изъ нихъ сожигаютъ покойниковъ, другіе хоронятъ¹⁾. Этимъ лаконическимъ замѣчаніемъ исчерпывается все, что мы знаемъ относительно ихъ погребальнаго ритуала. Незначительнымъ пова дополненіемъ къ этому скудному матеріалу можетъ служить и то, что мы знаемъ относительно погребальныхъ формъ, которыя констатируются на территоріи, нѣкогда принадлежавшей Буртасамъ — въ предѣлахъ нынѣшней Саратовской губерніи. Площадь губерніи покрыта множествомъ кургановъ, но болѣе или менѣе научнымъ образомъ изслѣдовано изъ этой массы всего около десяти — по линіи Саратовско-Тамбовской желѣзной дороги — въ уѣздахъ Аткарскомъ и Сердобскомъ. Курганы („мары“) въ Аткарскомъ уѣздѣ близъ с. Б. Дмитріевки при слияніи р. Латрыка съ Карамышемъ изслѣдовалъ въ 1887 — 88 г. членъ Саратовской Архивной Коммиссіи г. Волковъ. Курганы представляютъ собой овалъ, большая ось котораго имѣетъ направленіе съ З. на В. Тоже направленіе имѣютъ и скелеты, причѣмъ голова оказывается обращенной въ З., лицомъ къ Ю. При скелетахъ около-

¹⁾ Хвольсонъ. Извѣстія о Хазарахъ, Буртасахъ и пр. 21.

головы найдены были горшки въ количествѣ трехъ изъ необожженной глины. Въ пользу прелположенія, что эти курганы могли принадлежать Буртасамъ, говорить какъ будто то обстоятельство, что среди вещей, которыя были найдены въ нихъ, оказываются фигуры верблюдовъ, а Буртасы, по извѣстію Ибнъ-Даста, въ числѣ домашнихъ животныхъ имѣли и верблюдовъ. Въ Сердобскомъ у. въ верстѣ отъ дер. Сафоновки г. Краснодубровскій, по слѣдамъ кладочскателя крестьянина Дьячина, раскапывалъ такъ называемый „Кудеяровъ Обрывъ“ по теченію Изнайра, притока Хопра. Единственнымъ результатомъ раскопокъ было то, что г. Краснодубровскій обнаружилъ нѣчто въ родѣ склепа, но Дьячинъ съ товарищами раньше нашли въ немъ два костяка, изъ которыхъ одинъ лежалъ головой на З., другой на В.

Рядомъ съ такимъ положеніемъ покойника на той-же линіи отъ Саратова до Тамбова близъ самаго Саратова на городищѣ Увека было встрѣчено и положеніе съ С. на Ю. Его констатировалъ еще въ 1846 г. Саблуковъ; въ могилахъ этого типа были встрѣчены глиняные сосуды и кости животныхъ. Въ 1890 г. члены Саратовской Арх. Коммиссіи имѣли случай видѣть въ разведенномъ на мѣстѣ древняго кладбища саду г. Шабловскаго могилу, которую обнаружили рабочіе, копая ямы для деревьевъ; въ ней лежалъ скелетъ головой на С. и при немъ глиняная чашка грубой работы. Г.г. Голицынъ и Краснодубровскій совершенно основательно полагаютъ, что могила, съ которой они имѣли случай ознакомиться, и тѣ, о которыхъ говорить Саблуковъ, принадлежатъ одному народу, но лицамъ различнаго имущественнаго положенія (Увекъ. 98—99). Который изъ двухъ типовъ погребенія слѣдуетъ признать буртасскимъ, рѣшить пока еще мудрено. Нѣкоторый свѣтъ на вопросъ проливаютъ данныя, которыми мы располагаемъ относительно древне-татарскаго погребенія. Въ 40-хъ годахъ Терещенко раскопалъ близъ развалинъ Сарая до 200 могилъ и имѣлъ возможность выяснитъ существенныя черты мѣстнаго погребальнаго ритуала. Всѣ покойники лежали головами на З.,

ногами на В. съ лицомъ, обращеннымъ къ Ю., къ Меккѣ— мѣсту общаго поклоненія мусульманъ. Тоже положеніе Терещенко констатировалъ и при раскопкѣ одного кургана въ с. Верхне-Ахтубинскомъ въ 42 верстахъ отъ Сарая. Внутри насыпи вышиной въ 16 сажень на глубинѣ 3-хъ сажень была найдена выложенная досками гробница и въ ней остовъ чело- вѣка съ остовомъ коня. Всадникъ былъ обращенъ головой на З. Терещенко встрѣтилъ правда при своихъ раскопкахъ и такіе скелеты, которые были обращены головами на Ю., но это имѣло мѣсто не на кладбищѣ, а внутри какого то обширнаго зданія, гдѣ люди были не погребены, а погибли, повидимому, въ борьбѣ съ ворвавшимся въ городъ непріателемъ¹⁾. Кладбище близъ Укека въ виду данныхъ, добытыхъ Терещенко, нельзя признать татарскимъ, по крайней мѣрѣ татарско-магометанскимъ. Признать его монголо- т. е. языческо-татарскимъ мы также не имѣемъ основаній. Татары язычники, по словамъ Плато Карпини, зарывали покойника с и д я щ и м ъ посреди ставки; около него помѣщали чашу съ мясомъ, горшокъ съ кумысомъ, кобылу съ жеребенкомъ, коня съ уздой и сѣдломъ, золото и серебро²⁾. Ничего подобнаго не обнаружено въ укекскихъ могилахъ. Въ ожиданіи новыхъ данныхъ можно предположить, что могилы съ покойниками, обращенными головой на З. и лицомъ на Ю., принадлежатъ въ Саратовской губерніи Татарамъ, а могилы съ покойниками головой на С.—Буртасамъ. Сопоставленіе укекскаго погребальнаго ритуала съ лядинскимъ можетъ говорить за то, что и Лядинскій могильникъ принадлежалъ Буртасамъ, — и едва ли не здѣсь будетъ правда: именно въ немъ встрѣчается трупосожженіе рядомъ съ погребеніемъ полнаго трупа — и этотъ послѣдній полагается въ томъ направленіи, какое мы наблюдаемъ въ предполагаемомъ буртасскомъ могильникѣ близъ Укека.

¹⁾ Зап. Спб. Археол.-Нумизм. Общ. т. II, стр. 369, 374, 400. Спб. 1850.

²⁾ Зап. Имп. Арх. Общ. т. XIII, 251. Спб. 1859.

Мы обозрѣли почти все, что даетъ намъ литература относительно доисторическихъ памятниковъ края. Выводы, которые оказывается возможнымъ сдѣлать изъ этого матеріала, не разрѣшатъ нашихъ сомнѣній. Съ райономъ, отмежеваннымъ нами для Мордвы на основаніи мѣстныхъ названій, совпадаетъ районъ распространенія могильниковъ, которые обладаютъ несомнѣнными признаками мордовскаго погребенія. Но эти могильники не являются единственными въ краѣ: на С. и Ю. мы встрѣчаемъ нѣсколько отличныя черты погребальнаго обряда—положеніе покойника съ З. на В., трупосожженіе. Эти памятники можно считать принадлежащими другимъ народамъ, которые являлись въ краѣ: Буртасамъ, Татарамъ, Булгарамъ, но вопросъ—нашла-ли Мордва при своемъ поселеніи въ немъ какой нибудь другой ранѣе жившій народъ—остается открытымъ. Оставаясь въ предѣлахъ наличнаго матеріала, мы можемъ сказать, что шансы склоняются какъ будто въ пользу наибольшей древности Мордвы. Рыбкинскій могильникъ, въ которомъ встрѣчаются рядомъ съ желѣзными орудіями орудія изъ кремня, въ культурномъ смыслѣ старше кургановъ Нижегородской губерніи и Лядинскаго могильника: въ немъ еще замѣтны переживанія каменнаго вѣка. Древнѣе этого стараго мордовскаго могильника могутъ быть только могильники каменнаго вѣка (бронзовыхъ орудій здѣсь не найдено), но ихъ пока въ краѣ еще не обнаружено, да и такіе могильники едва-ли было-бы основаніе не признать мордовскими: въ первое время послѣ своего отдѣленія отъ Западныхъ Финновъ Мордва не знала еще употребленія металловъ. Если-бы мы захотѣли извлечь изъ наличныхъ фактовъ археологіи всѣ указанія, какія они могутъ дать, то мы могли-бы еще предположить, что каменный вѣкъ пережить былъ Мордвой и родичами ея на берегахъ Оки и скорѣе на З., чѣмъ на В. отъ нея: край этотъ до сихъ поръ выдѣляется богатствомъ находокъ каменнаго вѣка.

Мѣстныя названія и данныя археологіи позволяютъ намъ намѣтить территорію, на которой начинается исторія Мордвы. Переходя къ содержанію этой исторіи, къ ея первичнымъ мо-

ментамъ, мы должны воснуться теорій, въ которыхъ Мордва разсматривается какъ одинъ изъ народовъ, описываемыхъ Геродотомъ и позднѣйшими классическими писателями. Одни отыскиваютъ предковъ ея въ Будинахъ или Андрофагахъ Геродота, другіе въ Аорсахъ Страбона. Этими теоріями культурной исторіи Мордвы дается содержаніе, которое не имѣетъ ничего общаго съ исторіей другихъ волжскихъ Финновъ: Мордва приводится въ непосредственное соприкосновеніе съ культурой Греціи и Востока. Комментаторы древнихъ географовъ предлагаютъ намъ античный матеріалъ для постройки пышнаго историческаго зданія... на фундаментѣ изъ произвольно истолковываемыхъ созвучій:

Будины—Вудины—Вьедене (?В е д ь к а)—Чуваши
 Будины—Вудины—У д(мурт)—Вотяки
 Будины—Вудины—(Уд)м о р т—Мордва
 Будины—Вудины—Мордва—Вотяки—Чуваши

Аорсы—Арса—Эрзя.
 (Страб.) (Ибнъ-Фад.)

Отвергать а ргіогі возможность того, что подъ Будинами Геродота или Аорсами Страбона могли скрываться предки какой нибудь изъ современныхъ народностей Поволжья, мы не имѣемъ конечно права, но чтобы эту возможность возвести на степень факта, нужны какія нибудь другія основанія кромѣ этимологіи.

Имя Будиновъ можно при желаніи поставить въ связь или съ прозвищемъ Ведь, которое даютъ Мордвѣ Чуваши, или съ самоназваніемъ Вотяковъ Удъ (чер. Одо) - муртъ, но однимъ этимъ задача не разрѣшается: въ землѣ Будиновъ, по извѣстіямъ Геродота, былъ греческій городъ Гелонъ—съ деревянными храмами и деревянными статуями греческихъ боговъ; Гелоны занимались земледѣліемъ и садоводствомъ, въ то время какъ туземцы-Будины вели кочевой образъ жизни и питались какой-то дрянью, относительно которой эллинисты до сихъ поръ не могутъ прийти въ согласному рѣшенію—не то вшами,

не то еловыми шишками. Въ землѣ Будиновъ было, такимъ образомъ, двѣ культуры и кто-бы ни были ихъ потомки—будутъ ли это Чуваши, Вотяки или даже вопреки всякимъ этимологическимъ основаніямъ Мордва — мы должны найти въ языкѣ этихъ потомковъ слѣды вліянія гелано-греческой культуры, въ вѣрованіяхъ и культѣ обломки заимствованій, сдѣланныхъ въ эту далекую пору. Два тысячелѣтія почти отдѣляютъ насъ отъ того времени, когда Мордва совмѣстно съ Западными Финнами испытала на себѣ вліяніе Литвы,—но слѣды этого вліянія въ языкѣ живы до сихъ поръ. Гдѣ-же въ языкѣ и бытѣ нашихъ инородцевъ слѣды эленизма, носителями котораго были частію оскиенившіеся Гелоны? Ихъ нѣтъ.

Имя Аорсовъ благодаря своему звуковому составу вызываетъ въ памяти каждаго историка имена Арсы Арабовъ и нашей современной Эрзи, но стоитъ всмотрѣться въ культуру Страбоновскихъ Аорсовъ, чтобы отказать отъ сближенія этихъ двухъ народностей. Аорсы были кочевымъ народомъ, располагавшимъ, подобно нынѣшнимъ тюркскимъ кочевникамъ Заволжья, громадными табунами коней (одинъ царь нижнихъ Аорсовъ выставилъ 200,000 всадниковъ, когда Фарнакъ завоевалъ Босфоръ; верхніе Аорсы выставили еще болѣе); часть ихъ жила по обоимъ берегамъ Каспійскаго моря и вела караванную торговлю индійскими и вавилонскими товарами, которые получала отъ Армянъ и Мидянъ; подобно Скизамъ и Массagetамъ, Аорсы любили украшать себя золотомъ. Въ картинѣ, которую набрасываетъ намъ Страбонъ, нѣтъ ничего похожаго на древній бытъ Финновъ вообще и Мордвы - Эрзи въ частности: Аорсы Страбона представляютъ, подобно многимъ степнякамъ, крупный общественный организмъ съ единой властью во главѣ—Мордва, какъ и остальные Финны, всегда дробилась на микроскопическіе сравнительно союзы; Аорсы были народомъ торгашей, посредниками между рынками Азіи и Ю. Россіей; Мордва, подобно другимъ волжскимъ Финнамъ, жила главнымъ образомъ охотой и въ торговлѣ участвовала только пассивно. Помимо всего этого, помимо несоотвѣтствія географическихъ усло-

вій (Аорсы около Каспійскаго моря, Эзя въ предѣлахъ нынѣшней Нижегородской губерніи), противъ сопоставленія двухъ народовъ говорить языкъ: у народа, который велъ такую обширную торговлю, должна была выработаться сложная торговая терминологія—и въ этой терминологіи неминуемо должны были получить мѣсто заимствованія изъ азіатскихъ и южно-русскихъ скиѣскихъ языковъ; ничего подобнаго не представляетъ языкъ современной Мордвы.

Большую основательность на первый взглядъ представляетъ теорія, предлагаемая проф. Вил. Томашкомъ. Томашекъ считаетъ предками Мордвы Андрофаговъ, которые жили на В. отъ Днѣпра. Въ пользу своего отождествленія; онъ приводитъ прежде всего этимологию имени Мордва, которое онъ производитъ изъ языка иранскихъ насельниковъ Южной Россіи, изъ корней *mot* человекъ и *hwağ*—ѣдокъ; Мордва такимъ образомъ будетъ значить людѣды—тоже, что и Андрофаги. Затѣмъ на основаніи во первыхъ иранскихъ, литовскихъ и славянскихъ элементовъ въ языкѣ Мордвы, во вторыхъ—соображеній Надеждина о названіяхъ лѣвыхъ притоковъ Днѣпра онъ помѣщаетъ древнюю территорію Мордвы на В. отъ верхняго теченія этой рѣки—приблизительно тамъ-же, гдѣ Геродотъ помѣщаетъ и Андрофаговъ. Послѣднимъ аргументомъ въ пользу тождества Андрофаговъ и Мордвы является, по мнѣнію Томашка, совпаденіе признаковъ, которыми характеризуются Андрофаги у классиковъ и Мордва у средневѣковыхъ европейскихъ писателей, узнавшихъ о ней благодаря путешествіямъ къ Татарамъ—совпаденіе, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ поразительное. Гипотеза Томашка представляетъ собою отрывокъ изъ стройной теоріи, въ которой намѣчается и для другихъ финскихъ народностей нашего края мѣсто среди народовъ, описываемыхъ Геродотомъ: Будины отождествляются съ Вотяками, Меланхлены съ Черемисами. Стройная, научно мотивированная гипотеза Томашка возбуждаетъ въ изслѣдователѣ невольную симпатію. Она даетъ ключъ въ объясненію такихъ фактовъ, какъ присутствіе восточно-финскихъ, пермскихъ названій нѣкото-

рыхъ металловъ въ языкѣ Осетинъ съ одной стороны и иранскихъ элементовъ въ языкахъ Вотяковъ и Мордвы съ другой; въ ней же можетъ заключаться объясненіе того, что въ нарѣчіяхъ пермской группы сохранились названія растений, свойственныхъ болѣе южной полосѣ; она, наконецъ, оставляя Славянъ и Литовцевъ въ странахъ на З. отъ Днѣпра, даетъ объясненіе факту вліянія ихъ на Мордву и Западныхъ Финновъ, которые въ такомъ случаѣ [могли занимать часть губерній Витебской, Московской и Калужской. Но какъ ни заманчивы перспективы, отрываемыя гипотезой Томашка, къ сожалѣнію слѣдуетъ признать, что въ настоящемъ своемъ видѣ и она не достаточно прочно обоснована. Соображенія Надеждина относительно мордовскаго происхожденія рѣчныхъ названій въ странѣ на В. отъ Днѣпра не могутъ въ настоящее время имѣть значенія, такъ какъ онъ не былъ достаточно знакомъ съ финскими нарѣчіями. Что же касается собственныхъ сопоставленій Томашка, то они не выдерживаютъ никакой критики. Образцомъ ихъ можетъ служить производство несомнѣнно патронимическаго названія Кіевъ отъ мордовскаго k'aw камень.

Нельзя полагаться особенно и на совпаденіе историческихъ свидѣтельствъ объ Андрофагахъ и Мордвѣ. Венгерскій проповѣдникъ Юліанъ рассказываетъ о Мордвѣ вещи безспорно совершенно тождественныя съ тѣми, которыя Плиній приписывалъ Андрофагамъ—употребленіе чашъ изъ череповъ враговъ, ношеніе скальповъ въ видѣ украшеній,—но это-то сходство и представляется подозрительнымъ: не воспользовался-ли средне-вѣковой проповѣдникъ красками, которыя онъ нашелъ у знакомаго ему Плинія. Скентическое отношеніе къ извѣстіямъ Юліана оправдывается тѣмъ, что Рубруквисъ, проѣхавшій чрезъ Мордву 18 лѣтъ спустя, не говоритъ объ ней ничего подобнаго.

Сопоставленія Меланхленовъ съ Черемисами, Будиновъ съ Вотяками обставлены еще менѣе основательно: между Черемисами и Меланхленами только и обазывается общаго, что Черемисы (прибавимъ—далеко не всѣ и не исключительно) носятъ черные кафтаны; въ пользу тождества Будинъ и Вотя-

ковъ приводится кромѣ сходства имени присутствіе въ вотацкомъ языкѣ иранскихъ элементовъ. Этотъ аргументъ могъ-бы имѣть значеніе, если-бы Томашекъ рядомъ съ иранскимъ влияніемъ отмѣтилъ въ нарѣчіяхъ пермской группы и греческое, которое необходимо предполагать у потомковъ народа, жившаго нѣкогда боже о боже съ Греками, но вопросъ объ этомъ влияніи Томашекъ обходитъ.

Ознакомившись съ проэктами породнить Мордву съ народами Геродота и Страбона, мы приходимъ къ заключенію, что для возстановленія древнѣйшихъ моментовъ ея культурной исторіи классическій матеріалъ оказывается непригоднымъ. Съ первоначальной культурой Мордвы мы можемъ пока ознакомиться только путемъ изученія древне-финской культуры по даннымъ языка. Къ сожалѣнію этотъ источникъ недостаточно разработанъ; до настоящаго времени финнологи больше занимались и занимаются заимствованіями, которыя были сдѣланы Финнами у своихъ сосѣдей, чѣмъ изслѣдованіемъ ихъ общаго культурнаго достоянія. Мы легче въ состояніи опредѣлить тѣ шаги, которые Финны сдѣлали впередъ подъ влияніемъ сосѣдей, чѣмъ опредѣлить точку отправленія ихъ культурнаго развитія, указать то, чего не знали они до соприкосновенія съ тѣмъ или другимъ сосѣдомъ, чѣмъ то, что они знали и имѣли. Только выдѣляя заимствованное, въ настоящее время можно составить нѣкоторое представленіе объ объемѣ самостоятельнаго творчества племени. Брать на себя эту сложную работу для того, чтобы написать первую страницу въ культурной исторіи одного изъ угро-финскихъ племенъ, мы считаемъ рискованнымъ: ее начали и закончатъ, надѣемся, когда накопится больше лексическаго матеріала, ученые лингвисты Гельсингфорса и Будапешта. При настоящихъ условіяхъ финской лингвистической археологіи историкъ оказывается вынужденнымъ удовольствоваться тѣмъ, что даетъ въ своей книгѣ покойный Альевистъ.

Приспособленіе къ своимъ потребностямъ природы—и прежде всего ея животнаго міра—у древняго Финна ограничилось прирученіемъ собаки. Въ виду того, что у Мордвы, Эстовъ, Ливовъ,

Финновъ, Лопарей, Зырянъ и Вотяковъ она носить близкия по корню названія репi, рiне, боеп, рипц, роп—можно предположить, что въ началѣ своей исторiи Финны располагали только однимъ прирученнымъ животнымъ, т. е. стояли на той ступени развитiя, которую представляли Камчадалы въ XVII и XVIII в.в. На этой ступени они оставались и тогда, когда распались на крупныя группы, между которыми имѣла мѣсто мордовско - финская. Знакомство съ другими домашними животными явилось позднѣе, когда и эти сравнительно крупныя группы раздробились на племена, которыя мы знаемъ теперь.

Мордовскiя названiя важнѣйшихъ домашнихъ животныхъ и птицъ¹⁾: корова—тракс, скал; лошадь—лишме, ракша, повама, эльде (кобыла), айгор (жеребецъ), алаша (меринъ), парне, (жеребенокъ); овца—реве, балай, вирез (ягненокъ); коза—сее, м. сява; свинья—туво; гусь—дита, гала, матсей (маци); курица—сараз; утка—яксарго не имѣютъ ничего общаго съ тѣми, которыя мы знаемъ у Западныхъ Финновъ. Рядомъ съ названiями отдѣльныхъ животныхъ особыми являются общее названiе скота—вильдэ,—продуктовъ скотоводства и ихъ добыванiя: кислое молоко—сузма, творогъ—топо, м. мичке, доить—мотявдомс, пахтать—пифтемс. Масло носить, правда, общефинское названiе ой (ср. фин. voi), но по замѣчанiю Альквиста это названiе обозначало первоначально ж и р ъ.

Тоже явленiе замѣчается у Мордвы въ области приспособленiя растений. Мордовскiя названiя культурныхъ растений—общее названiе хлѣбныхъ растений—суро, м. сора, розъ—розъ, пшеница—товзюро, греча—лиеша, овесъ—пинеме, ячмень—шуж, просо—суро, горохъ—кенав, снау,

¹⁾ Мордовскiя культурныя слова, написанныя русскимъ шрифтомъ, выбраны изъ рукописнаго словаря, составляемаго членомъ - сотрудникомъ нашего Общества М. Е. Евсевьевымъ и предназначаемаго для напечатанiя въ изданiяхъ Общества; слова, напечатанныя латинкой, взяты изъ словарей Видемана и Альквиста.

овощъ вообще — эмеж, рѣдька — вшумань, морковь — пурь-
 ка, огурецъ — куяр, ленъ — ланас, конопля — ванфт, рѣпа —
 репе, продуктовъ, способовъ и орудій ихъ обработки: снопъ —
 пулт, мука — почф, товт, отруби — лав, мякина — сюва, юв, то-
 локно — пужт, солома — олго, шужарь, хлѣбъ — вше, дрожжи —
 орга, туст, тѣсто — чапакс, лепешка — сюкаро, квась — поза,
 кашка, каша — ям, пахать (ковырять, копать) — соварямс, жать
 — нуэмс, нумс, сѣять — видемс, чистить подь пашню — сандямс,
 печь хлѣбъ — панем, молотить — пивсемс, боронить — изамс, со-
 ха — сока, серпъ — тарваз, молотило — чеке, цѣпъ — пивсума,
 лопата — койме, прясть — штердемс, твать — кодемс, основа
 ткани — лійма, основа холста — лув, бердо — вигинэ, евчень,
 веревка — пикс, мялка — чалгамат; общіеземледѣльческіе термины:
 поле — кужо, пакся, загонъ — ума, града — паньдя, тогъ — тинге,
 копна — штеме, за ничтожными исключеніями оказываются со-
 вершенно отличными отъ тѣхъ, которыя имѣютъ мѣсто у За-
 падныхъ Финновъ. Земледѣліе наравнѣ съ скотоводствомъ яви-
 лось такимъ образомъ въ эпоху обособленной жизни Мордвы.

Сопоставленіе названій металловъ, изготовляемыхъ изъ
 нихъ орудій и процессовъ обработки у Мордвы и Западныхъ
 Финновъ показываетъ, что и въ этой области она имѣла не
 много свѣдѣній, когда начинала свою обособленную жизнь:
 мѣдь (пуже — зеленая, сере — красная), свинецъ (кыве), желѣзо
 (кшни), золото (э. сирьне, м. сія), серебро (э. сія, м. сирьне),
 ножъ — пеель, коса — пелима, долото — пиля, скобель — ингкс,
 кузнецъ — муфатам, мѣхи — пуватом носятъ названія, не имѣ-
 ющія ничего общаго съ западно-финскими. Исключеніе пред-
 ставляетъ названіе топора — узере (эст. = vaxor), но оно мо-
 жетъ относиться къ каменнымъ орудіямъ. Рядомъ съ камнемъ
 для орудій употреблялась и кость. Костяныя иглы до насто-
 ящаго времени извѣстны у Мордвы.

Въ связи съ количествомъ и качествомъ орудій, которы-
 ми располагали Финны передъ своимъ распаденіемъ на отдѣль-
 ныя племена, стоитъ устройство дома и домашняя утварь.
 Общимъ названіемъ жилища у всѣхъ Финновъ является к у д а.

и родственныя съ нимъ к о т а, х о т (Ост.), к у (Перм.). Самая древняя форма коты сохранилась у западныхъ Финновъ. Это—коническая постройка изъ жердей, остовъ былого чума. Рядомъ съ такой котой Финны могли имѣть для зимы землянку. Кромѣ чума для себя у древнихъ Финновъ была постройка для склада имущества—*lato*. Для пространства земли, на которомъ стояли эти постройки, выработанъ былъ общій терминъ, сохранившійся въ фин. *kartano* дворце, морд. *karda*, *kardas* дворъ; дикія полянки, на которыхъ ставились эти передвижныя жилища, назывались словомъ, сохранившимся у Эстовъ въ старомъ значеніи *välä*, а у Мордвы—въ позднѣйшемъ значеніи деревни (ср. въ названіяхъ вотяцкихъ деревень—л у д ъ, въ названіяхъ черемисскихъ—нуръ). Жилище, имѣющее форму четырехугольнаго сруба, явилось у Мордвы уже въ періодъ ея обособленной жизни. Бревенчатый домъ продолжаетъ до сихъ поръ называться по старому куд'омъ, но части его носятъ спеціально мордовскія названія: стѣна—стена, полъ, помость—кіякс, сѣдъ, крыша—велькс, кудъ-ланго, подполье—касъка, окно—вальма, домовое окно—вельдерме, дверь—кенкш, сѣни—куд-келькс (передъ), подволока—куд-потмар, нары—потмар, лавка—эзем, печь—каштамо, шестокъ—тамбалауго, лѣстница—кузтима, ограда—пире, тынъ—сдый, дворъ—кардаз, юрт, ворота—орта, клѣтъ—лато, утомо, нупаль (мшанникъ, ср. мохъ—нуповъ). Въ области домашней утвари только одно мордовское слово относится по своему происхожденію къ временамъ совмѣстной жизни Мордвы съ западными Финнами—деревянная чашка (вакан = эст. *wakk*—деревянный сосудъ). Названія для ступы (човар), песта (петькель), большого деревяннаго ковша (поваренки, бадул, коман), обыкновеннаго ковша (кече), корыта (очко), кадки (парь), ложки (певьц), кузова (вептере), коробки (парго), ночовки (юдмо) имѣютъ уже позднѣйшее происхожденіе.

Орудія передвиженія, знакомство съ которыми Мордвинъ вынесъ изъ эпохи совмѣстной жизни съ другими Финнами, относятся къ водянымъ путямъ. Фин. *soima*—лодка || морд. сю-

ма — длинная колода, эст. *wene* — лодка || морд. *венш*; эст. *tolu* — весло || морд. *milä*. Для сухопутнаго сообщенія Мордвинъ этой эпохи располагалъ санями: мордов. *нурдо*, *нурдт* — с а н и, в о з ъ, несомнѣнно, тождественно съ вотяцкимъ и остяцкими *н а р т*, *н у р т*. Сходство мордовскаго названія оглобли — *ажья* съ перм. *ож*, фин. *aisa*, эст. *ais*, вепс. *ais* позволяетъ предположить, что и другое первобытное орудіе передвиженія — волокуша было знакомо Мордвѣ еще въ эту эпоху. Лыжи — сокст носятъ названіе одинаковое только съ черемисскимъ, но сдѣлались, вѣроятно, извѣстными одновременно съ санями. Названія телѣги и ея частей, а равно и принадлежностей верховой ѣзды: одер (айдер) длинная телѣга, чаро (шары) колесо *вамбрас* — сѣдло, *новта* — узда, *онгштъ* — удила, *чирьке* — дуга *сивекс*, *ашпа* — хомутъ имѣютъ позднѣйшее происхожденіе.

Судя по терминамъ, относящимся къ скотоводству и средствамъ передвиженія, мы имѣемъ основаніе предположить, что главными занятіями древняго Мордвина были охота и рыболовство. Орудія для того и другого промысла у Мордвы были тѣ-же, что у Западныхъ Финновъ, Черемисъ и Коми. Они пользовались для первой лукомъ (*йонкс* — ср. чер. *йонгыж*, фин. *jousi*, лоп. *juoks*) и стрѣлами (*нал* — ср. перм. *нјол*, фин. *puoli*).

Изъ эпохи совмѣстной жизни съ западными Финнами Мордвинъ вынесъ знакомство съ торговлей въ ея элементарной, мѣновой формѣ: м. *міемс* — продавать || эст. *шйша*, м. *миме* — продажа || эст. *шйш*, м. *максомс* — давать, платить || эст. *макста*. Дальнѣйшая торговая терминологія выработана Мордвой уже послѣ обособленія (*ярмак* — деньги, *питне* — цѣна, *удез* — дешевый, *пандомс* — платить долгъ).

Нормы общественныхъ отношеній, выработанныя въ древній періодъ финской исторіи, несложны. Въ языкѣ Мордвы и Западныхъ Финновъ оказываются общіе термины для обозначенія жены (= самки м. ни, ф. *пайнеп дѣвушка*, женщина, жена¹⁾

¹⁾ Параллели въ другихъ нарѣчіяхъ см. у Альвиста. *Culturwört.* 204.

отца (= самца, м. атя), ф. ätä матери (м. ава— | ф. av-ukko, evukko), дитяти — фин. lapsi | морд. lefks, дочери tytär | тесть, сестры — sazog. Имѣють - ли общій источникъ мордовскія слова для обозначенія рода—раське и собранія людей—вужо съ западными финскими гаһwas, gous, kasa = толпа—предоставляемъ судить филологамъ-специалистамъ. Корень финскаго игос — мужъ сохранился, повидимому, въ цѣломъ рядѣ словъ, имѣющихъ отношеніе къ браку: уре—замужняя женщина, урекс—жизнь замужней женщины, уредев — дружка, урва—сноха, урвала—мужчина, заступающійся символически за отнимаемую невѣсту, уряж — невѣства, ur'vakstoms, ur'vakstems—вступать въ бракъ, жениться. Дальнѣйшая терминологія родства и общественныхъ отношеній: алуж — любовникъ, ала, мирьдә—мужъ, содамо—женихъ, зять, реж — невѣстка, той—цѣна невѣстки, чіамс — сватать, буэ — родъ, племя, велс—деревня, прявт—начальникъ, чиряз — баринъ, промс — сходъ, ваявес — подать, неже—подпора, батракъ, сиведемс — нанимать, эрме—богатство, сюнав — богатый, копа—богачъ, азоро—хозяинъ, важо — работникъ, шума, randovks долгъ, должникъ м. мувыр, эрз. randytса, randlitsа, монета—валкс, валф (Wied. кованный) выработана была Мордвой уже отдѣльно.

Относительно религіозныхъ вѣрованій и формъ культа, съ которыми Мордва начала обособленную жизнь, можно сказать очень немного. Въ періодъ совмѣстной жизни выработались термины для обозначенія духа или души (м. ойме, вайме | эст. vaim, лоп. vaibmo—сердце), вѣры и культа (м. озкс—жертва | ф. usko, лоп. ossko, эст. usk—вѣра), но до понятія о богѣ, какъ особаго рода существѣ, Финны этой эпохи еще не возвысились.

Рядомъ съ продуктами самостоятельнаго творчества эта несложная культура представляла уже и заимствованія изъ славянскаго, литовскаго и германскаго источниковъ. Къ числу такихъ заимствованій относится между прочимъ въ области матеріальной культуры названіе рыболовнаго снаряда уда (онда у Мордвы и Эстовъ). Культурная зависимость Мордвы отъ Ли-

товцевъ продолжалась, по мнѣнію Томсона, нѣкоторое время послѣ отдѣленія отъ Западныхъ Финновъ. Результатами ея могутъ считаться заимствованія въ области земледѣлія и скотоводства: s'oga, s'uga—жито || прус. zugne, suga — просо || лит. soga, il'apas—ленъ || лит. linnas, sen's—утка || прус. zansi, kãgãs — сотъ || лит. kogi ¹⁾, въ области орудій, выдѣлываемыхъ изъ металловъ: peel ножъ || лит. peelis, въ области вѣрованій—имя (и культъ?) бога громовника—пургине || лит. perkunas. Къ тому-же первому періоду обособленной жизни нужно отнести и тѣ слѣды иранскаго вліянія, которые констатировалъ Томашекъ въ языкѣ Мордвы—въ терминахъ относящихся къ земледѣлію и скотоводству: ямень—šuz || памир. šušač, kãr'o—рѣзакъ у плуга || зенд. kareta, waza — теленокъ || ос. ца'ссã и т. д. ²⁾. Иранскія племена могли держаться въ Нижнемъ Поволжьѣ не далѣе IV в. по Р. Х. Волны великаго переселенія народовъ частію отбросили ихъ на Ю., частію увлекли на З. Съ конца IV в. здѣсь являются уже тюркскія племена.

И. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ Tomaschek. I. с. 13.

²⁾ См. Извѣст. 1892, I, 69.

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНІЯ У СОВРЕМЕННЫХЪ И ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

4) Забайкальская область.

Буряты (съ юга на сѣверъ занимаютъ мѣстность отъ границъ Китая до верховьевъ Лены; съ востока на западъ кочевья ихъ тянутся отъ р. Онона до р. Оки, впадающей въ Ангару, и еще далѣе на западъ встрѣчаются юрты Буряты въ такъ называемой Нижне-Удинской Землицѣ. Буряты, живущіе по сю сторону Байкала, по большей части шаманисты, у Буряты Забайкальскихъ распространены буддизмъ).

1) **Шаманисты** (сохранили болѣе древнія формы погребенія). Самъ умирающій, будь онъ шаманъ ¹⁾, или простой буряты ²⁾,—назначаетъ мѣсто, гдѣ его похоронить. Если же онъ сдѣлать этого не успѣетъ, то погребеніе производится по указанію шамана, хотя онъ самъ при этомъ не присутствуетъ. Кладбищемъ шамановъ служатъ заповѣдныя рощи. „Посреди совершенно безлѣснаго пространства возвышаются отдѣльныя группы деревь, замѣтныя издали; рощи эти бывають или на ровныхъ мѣстахъ или чаще на горахъ: каждый родъ или да-

¹⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у буряты». Иркутск. губ. (Изв. В. Сиб. Отд. Имп. Геогр. Общ. XIV, № 1—2, стр. 53).

²⁾ Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. I. 312.

же улусъ имѣеть свою рошу... Какъ будто-бы каждая роша служить владбищемъ только одному шаману, но въ одной такой рошѣ въ Кудинскомъ вѣдомствѣ были погребены и не шаманы, простые буряты“. Бурятскія владбища располагаются обыкновенно „въ небольшихъ лощинахъ или на склонахъ возвышенностей по близости шаманскихъ рошъ“¹⁾. Но иногда обходятся безъ владбищъ. Такъ, по свидѣтельству Потанина²⁾, у Аларскихъ бурятовъ владбищъ нѣтъ и погребеніе совершается просто гдѣ-нибудь въ лѣсу.

Георги замѣчаетъ, что особеннаго ображенія мертвеца у бурятовъ не бываетъ и человѣкъ погребается въ той-же одеждѣ, въ которой онъ умеръ³⁾. Описанія болѣе позднія даютъ новую картину: „покойника обмываютъ, одѣваютъ въ лучшую одежду, въ карманъ кладутъ серебряныя монеты, а за пазуху трубку и кисеть съ табакомъ, запрещается (съ покойникомъ) власть огниво⁴⁾); иногда кладутъ ножикъ, лукъ и стрѣлы (у кудинцевъ)“⁵⁾. У Аларскихъ бурятовъ покойника „одѣваютъ въ лучшую одежду, ротъ и глаза завязываютъ платкомъ, признавая запахъ изо рта покойника вреднымъ для здоровья живыхъ, какъ и послѣднее дыханіе покойнаго“; трупъ одѣваютъ въ шубу и заворачиваютъ въ войлокъ⁶⁾. Трупъ шамана, омывши священной водой, одѣваютъ въ шаманскія одежды: „внизъ халатъ, а сверху шубу, то и другое иногда изъ шелка; поверхъ шубы одѣваютъ еще оргой, родъ халата или савана; чаще всего оргой дѣлаютъ изъ синяго шелка, обязательнаго для чернаго шамана, служителя злыхъ восточныхъ небесъ; бѣлому

¹⁾ Агапитовъ и Хангаловъ «Шаманство у бурятовъ Иркутской губ.» Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О. 1883, вып. 1—2, 56, 57.

²⁾ Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

³⁾ Georgi. Bemerkungen. I, 312.

⁴⁾ «Огниво для Бурята безусловная необходимостъ: ибо всѣ они курятъ табакъ, и мужчины, и женщины». Щукинъ. Буряты. (Журн. М. Ви. Дѣль. 1848. XXV).

⁵⁾ Агапитовъ и Хангаловъ «Шаманство у бурятовъ Ирк. губ.» (57).

⁶⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

шаману оргой долженъ дѣлаться изъ бѣлаго коленкора... Особенность оргоя составляютъ привѣшиваемыя къ нему металлическія фигурки человѣка, коня, птицы и др... Оргой подпоясываютъ краснымъ шелковымъ поясомъ¹⁾.

Гробъ дѣлается изъ досокъ, но онъ не составляетъ необходимой принадлежности погребенія. Такъ его нѣтъ при сожженіи; въ случаѣ похоронъ на аранга (помостѣ), „кладется покойникъ, заключенный въ гробу“²⁾, но бываетъ, что умершихъ „кладутъ на подмости и оставляютъ на расхищеніе птицамъ“³⁾. Чернаго шамана иногда убиваютъ изъ мести, „обезопасивая себя осиновымъ гробомъ и гвоздемъ, которымъ трупъ шамана прибавляютъ къ могилѣ внизъ лицомъ“⁴⁾. Вообще для погребенія въ могилѣ „устраиваютъ гробъ, въ которомъ и кладутъ покойника; но часто обходятся и безъ гроба“.

Положеніе трупа дается такое, чтобы лицомъ онъ былъ обращенъ въ югу.

Похоронить умершаго стараются какъ можно скорѣе, такъ какъ присутствіе мертвеца внушаетъ буряту сильнѣйшій страхъ; у Аларскихъ бурятъ „хоронятъ въ день смерти или на другой день, рѣдко на третій“⁵⁾. Только шамана хоронятъ черезъ три дня послѣ его смерти.

Способъ погребенія шамановъ бываетъ двоякій: сожженіе на кострѣ или выставленіе на помостъ. „Приготавливаютъ костеръ изъ свѣжихъ срубленныхъ сосновыхъ бревенъ; сверху кладутъ сосновыя вѣтви, ихъ прикрываютъ потникомъ, затѣмъ оргой коня“, (шитый, четырехугольный кусокъ ткани, покрывавшій коня, на которомъ везли умершаго), затѣмъ полагаютъ покойника, „въ голову кладутъ узду, волчанъ съ 8 стрѣлами

¹⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Иркут. губ. (42 и 53).

²⁾ То же. (56).

³⁾ Щукинъ «Буряты». (Журн. М. Ви. Д. 1849. XXVI. 81).

⁴⁾ Потанинъ. Буряты. (Трудъ. IX, 504).

⁵⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Иркут. губ.» (57).

⁶⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

и луэъ, а подъ голову сѣдло; наконецъ сверху покойника придавливаютъ нѣсколькими бревнами и костеръ зажигаютъ“. На третью сутки ближайшіе родственники шамана собираютъ оставшіяся послѣ сожженія кости мертвеца, начиная съ костей черепа; складываютъ ихъ въ мѣшокъ, спитый изъ синяго шелка или бѣлаго коленкора. „Мѣшокъ съ костями укладываютъ въ выдолбленное въ видѣ ящика углубленіе въ стволѣ толстой сосны; для этого сначала осторожно снимаютъ четырехугольный кусокъ коры, до 1 фута по сторонѣ, а потомъ уже выдалбливаютъ углубленіе для мѣшка; положивъ кости, а иногда домбо (деревянный кувшинъ) съ виномъ и ковши, отверстіе снова закрываютъ деревянной крышкой и корой, и плотно забиваютъ гвоздями, такъ что незнающій и не отличить такое дерево отъ другихъ“. Дерево это становится неприкосновеннымъ, какъ мѣстопробываніе шамана, и получаетъ названіе бѣги-нархан (шаманская сосна).

„Въ Балаганскомъ и Идинскомъ вѣдомствахъ, (также въ Аларскомъ) ¹⁾, умершихъ шамановъ, а также и людей, убитыхъ громомъ, не сжигаютъ, а выставляютъ въ лѣсу на аранга“. Пораженный громомъ считается избранникомъ боговъ и его хоронятъ какъ шамана; его „одѣваютъ въ оргой“... и отвозятъ въ шаманскую рошу, гдѣ и оставляютъ на особо устроенномъ ложѣ: для этого выбираютъ толстыя деревья, стоящіе поближе другъ къ другу, на нихъ укрѣпляютъ бревна и наконецъ доски, такъ что образуется помость на высотѣ 2, 3 или 4-хъ сажень отъ земли; на этотъ помость и владется покойникъ, заключенный въ гробу; такъ-же владутъ пищу и вино; помость носитъ названіе аранга; такъ-же на аранга, но не въ шаманской рошѣ, а на мѣстѣ происшествія, владутъ и всякое убитое громомъ животное“ ²⁾. „Убитого громомъ ставятъ на доскахъ, укрѣпленныхъ на 4-хъ столбахъ (это аранга)“ ³⁾.

¹⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 38.

²⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Иркут. губ.» (54—56)

³⁾ Тамъ-же (7 стр.).

„Обрядъ сожженія, употребляемый теперь только при похоронахъ шамановъ, нѣкогда составлялъ общераспространенный обычай и тогда сожигались и простые бураты,... устраивали четырехугольнымъ костеръ, а на немъ на потникѣ клали тѣло и всѣ предметы, подлежавшіе сожженію вмѣстѣ съ трупомъ (оружіе и съѣстные припасы); голова трупа покоилась на сѣдлѣ“. На 3-й день „собирали сохранившіяся и обгорѣвшія кости и, положивъ въ берестяное лукошко, зарывали въ землю“¹⁾. Въ настоящее время, въ силу русскаго вліянія, бураты покойниковъ своихъ закапываютъ въ землю, даже иногда шамановъ²⁾. Если при этомъ покойника хоронятъ безъ гроба, то въ могильной ямѣ сооружаютъ ему такое-же ложе, какъ на кострѣ: постилаютъ потникъ и въ голову кладутъ сѣдло³⁾. Могилу роютъ очень глубокую⁴⁾.

Кромѣ описанныхъ формъ погребенія еще наблюдается обычай класть умершаго прямо на поверхность земли, прикрывши его деревьями⁵⁾ или: „положивши на землю, заваливаютъ камнями и валежникомъ“⁶⁾. У бурятъ Аларскаго вѣдомства, по словамъ Потанина⁷⁾, „привалютъ двѣ колоды одна подлѣ другой; на нихъ положить трупъ... потомъ завалютъ хворостомъ и подожгутъ или оставятъ такъ“. Вообще у бурятъ „дѣтей и въ настоящее время не закапываютъ, а закладываютъ гробикъ камнями“⁸⁾. При погребеніи съ каждымъ покойникомъ кладется все необходимое для приготовленія пищи и куренія табаку, при мужчинѣ, сверхъ того, оставляютъ оружіе (лукъ и стрѣлы),— но съ дѣтьми ничего такого не полагается⁹⁾.

¹⁾ Потанина. Бураты. (Трудъ. IX. 508).

²⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (57).

³⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. губ.» (57).

⁴⁾ Georgi. Bemerkungen. I. 312.

⁵⁾ Тамъ-же.

⁶⁾ Щукинъ. Бураты. (Журн. М. Вн. Д. 1844. XXVI. 81).

⁷⁾ Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

⁸⁾ Потанинъ. Бураты. (Трудъ. IX. 517).

⁹⁾ Georgi. Bemerkungen. I. 312.

Погребеніе, въ различныхъ его формахъ, сопряжено съ умерщвленіемъ коня ¹⁾. „Прежде Аларскіе бурята при похоронахъ убивали лошадь... Въ Балаганскомъ вѣдомствѣ убіеніе лошади еще сохранилось“ ²⁾. „Обыкновенно приводятъ къ могилѣ осѣдланную самую любимую лошадь умершаго и, убивши ее топоромъ, бросаютъ въ могилу. Это дѣлается и при погребеніи женщинъ“ ³⁾. Бываетъ и такъ, что убитый конь вмѣстѣ со всей сбруей сжигается на кострѣ подлѣ могилы зарытаго хозяина. Если умершій подвергался сожженію, то „иногда вмѣстѣ съ покойникомъ сжигали и его коня“ ⁴⁾ или „на могилѣ убивали любимую лошадь покойника, на которой привозили трупъ на мѣсто сожженія“ ⁵⁾. Послѣ сожженія умершаго шамана „у коня, привезшаго покойника, дѣлаютъ надрѣзы на головѣ и спинѣ и затѣмъ убиваютъ его ножомъ...; убитаго коня или сжигаютъ отдѣльно отъ шамана или (тамъ - же) оставляютъ лежащимъ“ ⁶⁾. Нынѣ, въ Аларскомъ вѣдомствѣ „лошадь только отводятъ въ лѣсъ и оставляютъ подлѣ покойника“ ⁷⁾.

„На поверхность зарытой могилы накладываютъ камни или деревья“ ⁸⁾, также „оставляютъ обыкновенно арбу (телѣгу) покойника, но разбитую, съ сломанными колесами“ ⁹⁾. Въ сломанномъ, испорченномъ видѣ размѣщаются также въ шаманской рошѣ знаки шаманскаго достоинства и нѣкоторые другіе предметы, необходимые, какъ полагаютъ, для умершаго шамана; они размѣщаются на деревьяхъ вокругъ шаманской сосны, на которую вѣшаютъ плащъ и бубенъ шамана: „на одно де-

¹⁾ Бурятъ шагу не сдѣлаетъ безъ коня, — это другъ его съ самой колыбели». Раевъ. Буряты. Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. 1858 г. XXIV. 33.

²⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

³⁾ Georgi. Bemerkungen. I. 312.

⁴⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. г.» (57).

⁵⁾ Потанинъ. Буряты. (Трудъ. IX. 517).

⁶⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. г.» (54).

⁷⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37.

⁸⁾ Georgi. Bemerkungen. I. 312.

⁹⁾ Агапитовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ Ирк. г.» (57).

рево на вершинѣ привязываютъ мѣдный чайникъ съ виномъ; на другомъ сосѣдномъ деревѣ вѣшаютъ бутылку съ виномъ; на третьемъ деревѣ вѣшаютъ хэсэ (большой шаманскій колокольчикъ), а конныя трости (двѣ деревянныя или желѣзныя трости съ вырѣзанными на верху фигурами лошадиной головы), хур (музыкальный инструментъ, состоящій изъ четырехграннаго стального бруска, пополамъ перегнутого, съ тонкой желѣзной пластинкой, прикрѣпленной къ мѣсту сгиба), плетъ, домбо съ виномъ, шапку и деревянную чашку кладутъ въ небольшой деревянный ящикъ, длиною до 1 фута, ... ящикъ также укрѣпляется высоко на деревѣ при посредствѣ желѣзныхъ обручей; звѣриныя шкуры, привязанныя по одной или по нѣскольбу къ молодымъ березкамъ, длиною до 1 сажени. представляютъ къ разнымъ деревьямъ, или къ одному дереву по нѣсколько; ... обыкновенно вещи бывають размѣщены на многихъ деревьяхъ на пространствѣ десяти и болѣе квадратныхъ сажень“. На третьи сутки послѣ сожженія шамана, близъ мѣста сожженія „между двумя деревьями устраивають д а л и, т. е. протягивають веревку и на ней вѣшаютъ звѣриныя шкурки“¹⁾. Дали развѣшиваютъ на время или оставляють здѣсь совсѣмъ.

Въ Тункинскомъ вѣдомствѣ „въ память (о шаманѣ) ставятъ при дорогѣ три столба“²⁾. Это такъ называемыя б а р ь с а, „мѣста, гдѣ умершіе шаманы или ихъ души останавливаются во время пути (барьса всегда бываетъ по дорогѣ), привязываютъ ко вкопаннымъ въ землю столбамъ, числомъ 3, своихъ коней, курятъ приготовленный имъ табакъ и отдыхаютъ“. Столбы ставятся сосновые, къ нимъ привязываютъ шнуры и колокольчики³⁾. Существуютъ и другіе знаки шаманскихъ могилъ. „Могилы шамановъ и шаманокъ обыкновенно обозначаются грудами каменьевъ... Такихъ могилъ по Нерчин-

¹⁾ Тамъ-же. (54—57).

²⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 38.

³⁾ Аганизовъ и Хангаловъ. «Шаманство у бурятъ. Ирк. г.» (54).

своему округу находится весьма много. Въ окрестностях города Нерчинска, верстахъ въ десяти къ сѣверу, преданіе положительно приписываетъ ихъ шаманамъ¹⁾.

Ламаиты. У бурятъ - ламаитовъ погребеніе тѣсно связано съ предписаніями ихъ священныхъ книгъ. „Кладбища бурятъ бывають большею частію по близости ихъ вочевья, въ увалахъ на холмистой мѣстности. Маленькихъ же дѣтей хоронятъ иногда подлѣ юртъ; значительныхъ бурятъ вообще и ламъ—въ особенности на пригоркахъ и возвышенныхъ холмахъ... Главный лама отыскиваетъ въ священныхъ книгахъ, когда слѣдуетъ назначить день и часъ погребенія. Мало того, онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ долженъ быть погребенъ покойникъ“²⁾. Обряжаютъ умершаго такъ: „тѣло покойника обертываютъ кускомъ дабы (матеріи), а лицо покрываютъ халдавомъ (полотнянымъ или шелковымъ лоскуткомъ), согнувъ ноги покойнаго и приложивъ правую руку къ уху, стараясь придать ему видъ уснувшаго“³⁾.

„Положеніе могилы всегда бываетъ съ востока на западъ, и покойника кладутъ головою на западъ такъ, чтобы лучи восходящаго солнца падали прямо въ глаза усопшаго⁴⁾. Могилу роютъ не глубоко, едва только чтобы помѣстить гробъ;

¹⁾ Монголо - Буряты въ Нерчинскомъ округѣ Иркутской губ. (Ж. М. Вн. Д. 1843 г. III. 36).

²⁾ Народы Россіи. II. 504 — 505. Относительно этого въ ламайскихъ книгахъ у монгольскихъ народовъ заключаются подробныя указанія, при чемъ принимается въ соображеніе какъ время (годъ и созвѣздіе) рожденія человека, такъ день и часъ его кончины, его общественное положеніе, а также и родъ смерти. (Pallas. Sammlungen hist. Nachrichten über den Mongolisch. Völkerschaften. II. 266—282).

³⁾ Народы Россіи. II. 504. Ламайскія книги монгольскихъ народовъ опредѣляютъ цвѣтъ покрововъ для мертваго тѣла; въ нихъ дается указаніе, въ какихъ случаяхъ должно обернуть умершаго голубою матеріей, когда покрыть его такого-же цвѣта покрываломъ, когда закрыть краснымъ лоскуткомъ, бѣлымъ, полосатымъ шелковымъ и пр. (Pallas. II. 254—260).

⁴⁾ У Палласа (II. 262), наоборотъ, приводятся выдержки изъ священной ламайской книги (Altan - Saba), опредѣляющей на разныя случаи различное положеніе трупа (по направленію къ каждой странѣ свѣта).

это вообще дѣлается на томъ основаніи, что у ламъ существуетъ повѣрье, требующее, чтобы тѣло покойнаго съѣли дикіе звѣри или хищныя птицы“¹⁾). Замѣтимъ приэтомъ, что въ сборникѣ Эрмана²⁾, напротивъ, говорится, что трупъ закапываютъ въ могилу глубиною 7 футовъ. „Со всѣхъ четырехъ сторонъ въ могилѣ ставятъ изъ чистаго бѣлаго стекла баночки, наполненныя серебромъ или золотомъ — это выкупъ за землю... Богатый еще при жизни дѣлаетъ завѣщаніе: „сколько положить съ собой въ гробъ въ видѣ выкупа за землю“³⁾). Изъ приведеннаго видно, что при погребеніи употребляется гробъ“⁴⁾).

Кромѣ зарыванія въ могилѣ существуютъ другія формы погребенія. „Мертвыя тѣла въ гробахъ ставятъ на поверхность земли или подвергаютъ неполному сожженію“⁵⁾). Приходится иногда, также по опредѣленію священныя книги, трупъ „бросить въ воду или въ лѣсъ“⁶⁾). „У ламайцевъ трупъ сожигается иногда на кострѣ“⁷⁾). „Тѣла ламъ иногда сожигаютъ и пепель въ глиняномъ сосудѣ ставятъ въ небольшихъ часовняхъ, построенныхъ изъ дерева, на вершинѣ холма или горы“⁸⁾).

Умерщвленія лошади при ламайскомъ погребеніи не бываетъ. „Этотъ обычай въ Аларскомъ вѣдомствѣ уничтожили ламы; они настояли, чтобы лошадь поступала въ дацанъ (ламайскій монастырь)“⁹⁾). „Вообще при похоронахъ бываетъ

¹⁾ Народы Россіи. II. 505.

²⁾ Archiv für wissensch. Kunde v. Russland. (I. 62).

³⁾ Очерки бурятской жизни (Русское Слово 1865. № 11. 175 стр.).

⁴⁾ См. также Ergman Archiv. I. 62 и Нар. Росс. II. 505. Но священныя ламайскія книги монгольскихъ народовъ предусматриваютъ случаи, когда умершаго должно хоронить безъ гроба и даже безъ одежды. (Pallas. II. 255).

⁵⁾ Ergman. Archiv. I. 62—63.

⁶⁾ Народы Россіи. II. 504.

⁷⁾ Щукинъ. Буряты. (Ж. М. Вн. Д. XXVI. 81).

⁸⁾ Народы Россіи. II. 505.

⁹⁾ Потанинъ. Очерки Сѣв.-Зап. Монголіи. IV. 37. «До XVI ст. у Монголовъ существовало обжновеніе съ усопшимъ зарывать верблюдовъ и лоша-

весьма немного проявленій печали; усопшаго на мѣстѣ погребенія сопровождаютъ не болѣе, какъ одинъ или два родственника, и притомъ только мужчины, женщинамъ - же при погребальномъ обрядѣ присутствовать воспрещается. Иногда на память объ умершемъ ставятъ шесть съ флагомъ изъ бѣлой ткани, на которомъ означается имя покойнаго и молитва: о м ъ - м а - н и м а - н и " ¹⁾). Если трупъ заркоуть въ землю, то „сдѣлають сверху насыпь земли, наставятъ кругомъ жердей и обтянутъ ихъ веревками. На веревки повѣсятъ разноцвѣтныя тряпки и бумажки, исписанныя молитвами, и онѣ, колыхаясь отъ вѣтра, будутъ, по понятію бурятъ, замѣнять умершему молитвы“ ²⁾). Иногда-же „надъ могилой умершаго ставятъ надгробный памятникъ (деревянный гробъ). Памятникъ этотъ окрашиваютъ краской и вырѣзываютъ на немъ разныя молитвы на тибетскомъ или монгольскомъ языкѣ. Памятникъ обвѣшиваютъ кругомъ разноцвѣтными лоскутками и ленточками и шелковыми или бумажными лоскутами, съ написанными на нихъ молитвами для упокоенія души умершаго... Лоскуты матерій ламы развѣшиваютъ по веревкамъ, свитымъ изъ конскаго волоса, натянутымъ между длинными кольями, вбитыми кругомъ могилы“ ³⁾).

А. В.

дей.. потому оно уничтожилось подъ вліяніемъ буддизма. «Новѣйшіе даже монгольскіе законы запрещаютъ убивать лошадей въ честь умершаго». Ковалевскій: О Забайкальскихъ бурятахъ. Казанскій Вѣстникъ. 1830 г. ч. 28-я. 156 стр.

¹⁾ Kgtan. Archiv. I. 63. Приведенныя слова означаютъ начало краткой молитвы: о м ъ - м а - н и - б а д ъ - м ѣ х у н ѣ (Господи помилуй). Эти молитвенныя слова пишутся черными буквами на бѣлыхъ флюгерахъ, прикрѣпленныхъ къ длиннымъ шестамъ, которые ставятъ на юртахъ ламъ и крышахъ кумиренъ. (Раевъ. Буряты. 18).

²⁾ Очерки бурятской жизни. (Р. Сл. 1865 г. 11 кн. 175).

³⁾ Народы Россіи. II. 506.

ЭТНОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ

О БРАКАХЪ ЧУВАШЪ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Въ этнографической литературѣ браки чувашъ характеризуются, между прочимъ, слѣдующими особенностями:

1) В. А. Сбоевъ въ своихъ письмахъ о чувашахъ говоритъ:

«Чувашлята женятся въ самой ранней юности, чувашскія же красотки засиживаются въ дѣвкахъ очень долго. До обнародованія нынѣ дѣйствующаго узаконенія о лѣтахъ, какія должны имѣть женихъ и невѣста, пятнадцати-лѣтніе мальчики сплошь да рядомъ женились на тридцатилѣтнихъ думльцинеяхъ»¹⁾.

Бывшій переводчикъ чувашскаго языка при Козмодемьянскомъ земскомъ судѣ, обрусѣвшій чувашинъ С. М. Михайловъ по тому же вопросу въ статьѣ „Чувашскія свадьбы“ говоритъ:

«Чувашскіе молодцы относительно возраста невѣстъ прежде были нераборчивы; но нынѣ постепенно оставляютъ прежнее заведеніе, берутъ женъ лѣтъ въ 20 и даже въ 19-ть»²⁾.

2) Извѣстная казанская писательница и путешественница по чувашамъ и черемисамъ А. А. Фуюсъ въ своихъ „Запискахъ о чувашахъ“ сообщаетъ:

«У чувашъ есть обыкновеніе брать женъ и отдавать дочерей замужъ *непрямлю* (?) въ другія деревни. Отдавать дочерей, или женить сыновей въ своихъ деревняхъ у нихъ считается грѣхомъ, потому что всѣ могутъ поду-

¹⁾ Исслѣдованія объ инородцахъ казанской губерніи. Казань, 1856 г. стр. 26—27.

²⁾ Казанскія Губернскія Вѣдомости. 1852 г. № 43.

мать, будто-бы они любили другъ друга до свадьбы. Да и грѣшно—отозвался на ея разпросы одинъ изъ стариковъ, — очень грѣшно жениться на той дѣвкѣ, которую каждый день видишь: счастья не будетъ» ¹⁾).

С. М. Михайловъ о данномъ обстоятельстве́ отзывается такъ:

«Чуваши берутъ себѣ женъ болѣе изъ другихъ деревень, считая за грѣхъ брать однодеревенскую дѣвицу. Грѣхъ имъ брать однодеревенку потому, что каждый чувашскій околodoкъ происходитъ отъ одного родоначальника».

В. А. Сбоевъ въ опроверженіе сообщенія **А. А. Фуксъ** говоритъ:....

«... конечно въ малыхъ деревняхъ всѣ жители между собою болѣе или менѣе близкая родня: тутъ ужъ законъ христіанскій воспрещаетъ жениться на дѣвушкѣ изъ одного села... Но въ большихъ селахъ женихъ *всегда чаще* выбираетъ себѣ невѣсту изъ односелокъ и вовсе не считаетъ этого за грѣхъ» ²⁾).

3) По вопросу о времени года заключенія чувашами браковъ **В. А. Сбоевъ** въ тѣхъ-же письмахъ говоритъ:

«Чувашскія свадьбы почти исключительно бывають весной и лѣтомъ, осенью же и зимою—весьма рѣдко».

С. М. Михайловъ:

«Свадьбы у чувашъ преимущественно бывають послѣ Петрова дня, передъ сѣнокосомъ, т. е. въ началѣ іюня мѣсяца, тогда когда минуетъ «синяя» «семикъ»».

Приведенныя наблюденія этнографовъ о бракахъ чувашъ я имѣлъ случай провѣрить лѣтомъ 1886 г. по книгамъ брачныхъ обысковъ за 1803—1806, 1841, 1847—1857 и 1884—1886 годы, хранящимся въ Шуматовской церкви Ядринскаго уѣзда, изъ которыхъ я извлекъ нижеслѣдующія цифровыя данныя. Мнѣ хотѣлось извлечь цифровыя данныя за круглыя десятилѣтія, но, къ сожалѣнію, книги брачныхъ обысковъ отъ начала текущаго столѣтія сохранились въ Шуматовской церкви не за всѣ годы. Изъ книгъ за 1803—1806 гг. я немогъ извлечь свѣдѣній по поставленнымъ выше вопросамъ за неудов-

¹⁾ Записки Александры Фуксъ о чувашахъ и черемисахъ казанской губерніи. Казань, 1840 г. стр. 26.

²⁾ Исслѣдованія стр. 20.

летворительностью записей, изъ нихъ мной извлечены были главнымъ образомъ фамиліи (языческія имена) чувашъ. Приведу для примѣра точную копію брачной записи 1803 года:

«1803 года іюня 29 дня. Ядринской округи деревни Кильдишевы приходскія люди къ селу Шуматову, а именно: крещенные изъ Чувашъ іванъ алексѣевъ *Чадыи*, Степанъ алексѣевъ, Гаврила івановъ *Саіря*, василій Григорьевъ *Сендеръ*, василій Михайловъ, бывшіе во святой церкви послѣ Божественной литургіи, чрезъ нижеподписавшихся священно и церковнослужителей были спрашиваны, что объявившіе согласіе совокупятся законнымъ бракомъ вдвоецъ означенной деревни Савелій Петровъ на отроковицѣ той-же округи села Селоусъ крещенаго владимира філиппова сестрѣ, дѣвицѣ феклѣ філипповой, неимѣють-ли какаго либо препятствія, то есть, родства, кумовства и крестнаго братства и прочихъ винъ, воспрещающихъ имъ вступить въ оное супружество? И по самой сущей справедливости они, прихожаня, объявили, что оныя женихъ и невѣста лѣта ко вступленію имѣють правильныя, женихъ же первой жены въ живѣ точно не имѣетъ; и ни каковыхъ между ими къ тому супручеству препятствій нѣтъ. По сему обыску спрашивали и своеручно подписались: Священникъ Андрей Степановъ, Діаконъ Николай Михайловъ, дьячекъ андрей захаровъ, пономарь іванъ афанасьевъ. Ксему обыску в'место вышписанныхъ изъ чувашъ крещенныхъ, коихъ имена писаны выше сего, по ихъ прошенію, за неуміеніемъ ихъ грамоте, города ядрина купецъ михаилъ щетининъ руку приложилъ.

1803 года іюля 1 дня. Имѣющія бытъ при бракѣ вышписанныхъ жениха и невѣсты поежжана означенной деревни, крещенные алексѣй федоровъ *Симула*, василій алексѣевъ, ілія тухоновъ Ефимъ Михайловъ; села Чурашева: федоръ філипповъ дали сію скаску приходскимъ села Шуматова священно и церковнослужителямъ въ томъ, что между означенными женихомъ и невѣстою ни родства, ни кумовства, ни крестнаго братства и ни какихъ другихъ винъ, воспрещающихъ имъ въ оное супружество, не находится; лѣта имѣють они правильныя; женихъ-же первой жены въ живѣ не имѣетъ. Ксей съкаске по ихъ прошенію, ядриньской купецъ максимъ щетининъ руку приложилъ. При взятіи сей скаскѣ были и подписались Священникъ андрей Степановъ діаконъ николай михайловъ, дьячекъ андрей захаровъ пономарь іванъ афанасьевъ»¹⁾.

1) ЧИСЛО БРАКОВЪ.

Въ 1841, 1847—1857, 1884 и 1885 гг. въ Шуматовскомъ приходѣ браковъ чувашъ (нѣсколько русскихъ браковъ за это время нами въ счетъ не положены) было 491, а именно:

¹⁾ По характеру письма можно было догадываться, что записи внесены въ книги по мѣрѣ накопленія ихъ, послѣ совершенія браковъ, причемъ записи нерѣдко писались рукой питомцевъ духовныхъ учебныхъ заведеній, во время ихъ зимнихъ и лѣтнихъ вакантовъ. Они-же расписывались и за неграмотныхъ, что для нихъ составляло источникъ дохода.

Годы.	Холостые.	В Д О В Ц Ы.		Дѣвцы.	В Д О В И Ц Ы.	
		1 бракомъ.	2 бракомъ.		1 бракомъ.	2 бракомъ.
1841	22	9	2	24	8	1
1847	27	5	1	31	2	—
1848	20	7	2	25	4	—
1849	5	7	3	14	1	—
1850	19	12	1	30	2	—
1851	28	14	1	36	6	1
1852	41	11	2	45	8	1
1853	31	5	—	35	1	—
1854	24	9	4	28	8	1
1855	21	15	—	32	4	—
1856	31	6	3	37	2	1
1884	39	14	3	52	4	—
1885	38	7	2	41	6	—
Итого..	346	121	24	430	56	6

II) ВОЗРАСТЪ БРАЧИВШИХСЯ.

Наибольшее число браковъ было въ возрастѣ:

Холостые	В Д О В Ц Ы.		Дѣвцы.	В Д О В И Ц Ы.	
	1 бракомъ.	2 бракомъ.		1 бракомъ.	2 бракомъ.
22 лѣтъ 40	28 лѣтъ 9	35 лѣтъ 2	24 лѣтъ 66	32 лѣтъ 9	23 лѣтъ 1
20 — 34	32 — 8	37 — 2	25 — 51	36 — 4	26 — 1
23 — 33	29 — 7	45 — 2	22 — 48	40 — 4	32 — 1
21 — 28	38 — 6	47 — 2	23 — 45	42 — 4	41 — 1
24 — 26	39 — 6	52 — 2	26 — 33	21 — 3	48 — 1
26 — 26	26 — 5	53 — 2	21 — 31	27 — 3	—
27 — 25	37 — 5	29 — 1	20 — 30	33 — 3	—

Холостые.	В Д О В Ц Ы.		Дѣвцы.	В Д О В И Ц Ы.	
	1 бракомъ.	2 бракомъ.		1 бракомъ.	2 бракомъ.
25 лѣтъ 24	40 лѣтъ 5	33 лѣтъ 1	27 лѣтъ 21	43 лѣтъ 3	—
28 — 24	55 — 5	38 — 1	19 — 18	20 — 2	—
19 — 22	33 — 4	40 — 1	28 — 18	25 — 2	—
18 — 15	42 — 4	41 — 1	18 — 15	29 — 2	—
30 — 11	43 — 4	48 — 1	29 — 15	30 — 2	—
31 — 9	47 — 4	49 — 1	30 — 10	31 — 2	—
35 — 4	23 — 3	50 — 1	17 — 9	35 — 2	—
33 — 3	24 — 3	51 — 1	32 — 6	41 — 2	—
34 — 2	25 — 3	55 — 1	16 — 3	24 — 1	—
50 — 1	27 — 3	58 — 1	31 — 3	28 — 1	—
52 — 1	31 — 3	60 — 1	33 — 2	34 — 1	—
—	34 — 3	—	34 — 2	37 — 1	—
—	35 — 3	—	37 — 2	38 — 1	—
—	41 — 3	—	36 — 1	39 — 1	—
—	49 — 3	—	40 — 1	45 — 1	—
—	54 — 3	—	—	46 — 1	—
—	30 — 2	—	—	48 — 1	—
—	45 — 2	—	—	—	—
—	48 — 2	—	—	—	—
—	50 — 2	—	—	—	—
—	52 — 2	—	—	—	—
—	53 — 2	—	—	—	—
—	19 — 1	—	—	—	—
—	22 — 1	—	—	—	—
—	36 — 1	—	—	—	—
—	44 — 1	—	—	—	—
—	56 — 1	—	—	—	—
—	59 — 1	—	—	—	—
—	62 — 1	—	—	—	—

Цифровыя данныя о возрастѣ брачившихся наглядно показываютъ, что сообщенія В. А. Сбоева, будто чувашлята женятся въ самой ранней юности, лишено фактическаго основанія. Отъ вступленія въ бракъ въ самомъ раннемъ возрастѣ чувашаи удерживались и удерживаются прежде всего изъ боязни поступленія въ солдаты. По приведеннымъ цифровымъ даннымъ нормальный возрастъ для жениховъ у чувашъ 22 года, а невѣстъ—24; случаи-же женитьбы пятнадцатилѣтнихъ мальчиковъ на 30-ти лѣтнихъ дѣвицахъ и въ прежнее время, несомнѣнно, были исключительными. Подобные случаи были и въ Шуматовскомъ приходѣ; такъ въ книгѣ брачныхъ обысковъ за 1804 годъ я нашелъ случай женитьбы 17-ти лѣтняго юноши на 25-ти лѣтней дѣвушкѣ.

Изъ нижеслѣдующей таблицы видно, что случаи превышенія лѣтъ невѣстъ надъ лѣтами холостыхъ жениховъ и вдовцовъ у чувашъ нерѣдки, но нормальными они считаются не могутъ. Неравные браки въ Шуматовскомъ приходѣ за 13 изслѣдованныхъ мною лѣтъ были въ слѣдующихъ соотношеніяхъ:

Годы.	Невѣсты.	ЖЕНИХИ ХОЛОСТЫЕ.											Женихи вдовцы.	Изъ
		18 л.	19 л.	20 л.	21 л.	22 л.	23 л.	24 л.	25 л.	26 л.	27 л.	28 л.		
1841	Дѣвицы.	24	20	„	24	28	„	25	27	„	„	„	26 л. на 32 л.	33 браковъ.
		27	20	„	26	33	„	„	„	„	„	„		
		„	23	„	29	„	„	„	„	„	„	„		
		„	26	„	30	„	„	„	„	„	„	„		
	Вдовы і бр.	„	36	40	„	„	„	„	„	„	„	„		
1847	Дѣвицы.	28	30	23	25	26	25	32	„	„	„	„	33 браковъ.	
		„	„	28	30	29	29	„	„	„	„	„		
		„	„	„	30	„	„	„	„	„	„	„		
		„	„	„	„	„	27	„	„	„	„	„		

Годы.	Невѣсты.	ЖЕНИХИ ХОЛОСТЫЕ.										Женихи вдовцы.	Ивъ	
		'18 '61	'19 '61	'20 '61	'21 '61	'22 '61	'23 '61	'24 '61	'25 '61	'26 '61	'27 '61			'28 '61
1848	Дѣвщцы.	25	23	22	22	24	"	"	"	"	"	"		29 браковъ.
		27	25	24	"	26	"	"	"	"	"	"		
		"	27	"	"	"	"	"	"	"	"	"		
		"	27	"	"	"	"	"	"	"	"	"		
	Вдова 1 бр.	"	"	"	"	"	32	"	"	"	"			
1849	Дѣвщцы.	"	30	"	"	"	24	"	"	"	"	23 л. на 26 (дѣвица).	15 браковъ.	
		"	32	"	"	"	"	"	"	"	"	27 л. на 42 (вд. 1 бр.).		
1850	Дѣвщцы.	23	"	24	"	"	24	"	"	"	"	28 л. на 30 (дѣвица).	32 браковъ.	
		"	"	25	"	"	24	"	"	"	"			
	Вдова 1 бр.	"	"	"	"	28	"	"	"	"	"			
1851	Дѣвщцы.	24	"	22	23	28	24	"	"	29	"	"	26 л. на 35 (вд. 1 бр.). 28 л. на 40 (вд. 1 бр.).	43 браковъ.
		"	"	23	"	"	34	"	"	29	"	"		
		"	"	23	"	"	"	"	"	"	"	"		
		"	"	33	"	"	"	"	"	"	"	"		
1852	Дѣвщцы.	"	27	21	24	25	26	26	"	27	36	"	54 браковъ.	
		"	"	25	24	29	"	"	"	31	37	"		
		"	"	26	"	"	"	"	"	"	"	"		
1853	Дѣвщцы.	25	23	"	23	23	24	"	"	"	"	29	36 браковъ.	
		"	"	"	24	24	28	"	"	"	"	"		
		"	"	"	25	25	"	"	"	"	"	"		

Годы.	Невѣсты.	ЖЕНИХИ ХОЛОСТЫЕ.												Женки вдовцы.	Изъ
		18 л.	19 л.	20 л.	21 л.	22 л.	23 л.	24 л.	25 л.	26 л.	27 л.	28 л.			
1854	Дѣвицы.	„	24	22	22	23	26	„	28	„	„	30	19 л. на 23 (дѣвица). 42 л. на 43 (дѣвица).	37 Б Р А К О В Ъ.	
		„	„	26	„	„	„	„	„	„	„	„			
		„	„	26	„	„	„	„	„	„	„	„			
	Вдовы 1 бр.	„	23	„	„	„	„	„	„	36	43				
		„	„	„	„	„	„	„	„	37	„				
Вдова 2 бр.	„	„	„	„	23	„	„	„	„	„					
1855	Дѣвицы.	„	24	22	25	24	„	„	„	„	33	36 Б Р А К О В Ъ.			
		„	„	24	„	27	„	„	„	„	„				
		„	„	24	„	„	„	„	„	„	„				
1856	Дѣвицы.	„	„	26	22	25	„	25	„	„	29	40 Б Р А К О В Ъ.			
		„	„	27	24	26	„	29	„	„	„				
		„	„	„	„	26	„	„	„	„	„				
1884	Дѣвицы.	25	21	21	23	23	24	25	„	27	„	36 Б Р А К О В Ъ.			
		„	29	24	24	24	„	„	„	„	„				
		„	„	26	„	25	„	„	„	„	„				
		„	„	„	„	25	„	„	„	„	„				
	Вдова 1 бр.	„	„	„	27	„	„	„	„	„	„				
1885	Дѣвицы.	23	24	„	23	25	25	25	„	„	„	47 Б Р А К О В Ъ.			
		„	24	25	„	24	28	25	25	„	„				
		„	28	„	24	„	„	„	„	„	„				
Вдова 1 бр.	„	„	„	„	„	41	„	„	„	„					

Вдовцы у чувашъ женятся какъ на вдовахъ, такъ и на дѣвицахъ. Въ Шуматовскомъ приходѣ за 13 лѣтъ изъ 145 вдовцовъ женились на вдовахъ 89, на дѣвицахъ—56.

III) РОДСТВО У ЧУВАШЪ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ за 13 изслѣдованныхъ мною лѣтъ было взято невѣстъ:

Однодеревенокъ:	30 дѣв.,	12 вдовъ	1-мъ бр. и	4 вл. 2-мъ бр.
Одноприхожанокъ.	153 „	27 „	—	— „ —
Изъ чужихъ приходоу, а именно:				
Аляковскаго	— „	2 „	—	— „ —
Балдаевскаго.	4 „	— „	—	— „ —
Ильинско-горскаго.	— „	1 „	—	— „ —
(Курм. у. Симб. губ.).				
Оточевскаго	2 „	1 „	—	— „ —
Селоусинскаго	18 „	1 „	—	— „ —
Тораевскаго	76 „	4 „	—	— „ —
Хочашевскаго	32 „	3 „	—	— „ —
Чемеевскаго	2 „	— „	—	— „ —
Чувашико-Сарминскаго	39 „	1 „	—	— „ —
Чурашевскаго	18 „	— „	—	— „ —
Шемордяновскаго	11 „	1 „	—	1 „ —
Шумшеватскаго,	43 „	2 „	—	— „ —
Ядринскаго	2 „	1 „	—	— „ —
<hr/>				
Итого.	430 дѣв.,	56 вдовъ	1-мъ бр. и	5 вл. 2-мъ бр.

Изъ этихъ данныхъ видно, что увѣреніе г-жи Фуксъ и С. М. Михайлова, будто у чувашъ считается грѣхомъ брать невѣсть изъ своей деревни, несправедливо. Сколько мнѣ извѣстно, грѣхомъ у чувашъ считалось брать невѣсть не изъ своей деревни, а изъ той, изъ которой вышла въ замужество мать жениха, потому что чрезъ этотъ бракъ жители деревни матери жениха породнились съ жителями деревни отца жениха ¹⁾. Это препятствіе къ браку въ позднѣйшее время, подъ влияніемъ православнаго духовенства, почти забылось чувашами, но иногда и теперъ оно выставляется помѣхой къ браку.

¹⁾ Очеркъ юридическаго быта чувашъ Ядринскаго, Козмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ В. Магницкаго. Казань Губ. Вѣд. 1868 г. № 85—93.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, по словамъ священника села Кошекъ В. Я. Смѣлова, у чувашъ считается счастливымъ выходъ невѣсть въ замужество „м а л а л л а“ (впередъ), а несчастливымъ—„к а я л л а“ (назадъ). Направленіе „м а л а л л а“ считается на востокъ отъ деревни, по направленію къ г. Казани, а „к а я л л а“—къ г. Чебоксарамъ. Въ Цивильскомъ уѣздѣ, по словамъ того-же о. Смѣлова, направленія „м а л а л л а“ и „к а я л л а“ считаются по отношенію къ р. Сурѣ.

IV) СВОЙСТВО.

В. А. Сбоевъ говоритъ, что у чувашъ существовалъ еврейскій законъ ужичества, но только съ слѣдующимъ ограниченіемъ: оставшуюся по сметри старшаго брата во вдовствѣ жену бралъ за себя младшій братъ, но старшій братъ не могъ жениться на вдовѣ младшаго брата ¹⁾. Въ подтвержденіе этого сообщенія приведу слѣдующее мѣсто изъ челобитной Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу служилаго татарина Свіажскаго уѣзда Бекбулатки Колчурина, жаловавшагося царю, между прочимъ, и на то, что его недругъ

«Сулкейко отнял насильствомъ у брата его, Бекбулаткова, у Ракая Залкеева жену Московку, Янтуганову дочь, что онъ, братъ его, за себя замужъ ималъ ту жонку по любви, а не силою. И жила та жонка за братомъ моимъ недилу. і въ томъ межъ нами судъ былъ въ Свіажскомъ передъ Восводою, князь Савельемъ Ивановичемъ Козловскимъ да передъ Дорофеемъ Семеновымъ. А на судѣ была ссылка околныхъ деревень на старыхъ людей, которые знаютъ веру нашу. И те сторонніе люди сказали, что де доведется по нашей вере братнюю жену другому брату, а ее деверю Бекбулатку. і въ духовную братъ мой писалъ, а приказывалъ после себя детямъ своимъ тое женку выдать за меня, за брата своего Бекбулатка, за меншого деверя ²⁾».

Законъ ужичества едва-ли не былъ общимъ у всѣхъ инородцевъ, населяющихъ Казанскую и Вятскую губерніи. Такъ въ сообщеніи П. Д. Шестакова: „Выдержки изъ архива ела-

¹⁾ Исслѣдованія стр. 76 и 86.

²⁾ Акты историческіе и юридическіе, собранные Степаномъ Мельниковымъ. Казань 1859 г. стр. 48.

бужскаго духовнаго правленія“ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее указаніе: „изъ указовъ (сохраняющихся въ архивѣ) видно, что съ новокрещенными (вотьяками²⁾) обходились очень безцеремонно; даже священники, духовные пастыри, которымъ они были ввѣрены, отнимали у нихъ скоть, хлѣбъ и проч., вѣнчали безъ вѣчныхъ памятей, б р а т а н а б р а т н и н о й ж е н ѣ ‘).

Въ 1888 г. во мнѣ въ Казань пріѣзжалъ холостой чувашинъ 22-хъ лѣтъ изъ дер. Кудашъ Ядринскаго прихода посоветоваться, можно-ли ему просить Владыку о дозволеніи жениться на вдовѣ умершаго родного брата? Приходскій священникъ, оказалось, отказалъ ему въ просьбѣ, и когда я высказалъ, что священникъ поступилъ законно, то мой незнакомецъ остался въ полномъ недоумѣніи, какимъ образомъ жена брата приходится ему въ родствѣ? ...

Едвали не подъ вліяніемъ закона ужичества составлено нижеслѣдующее „отпускное письмо“, найденное мной въ обыскныхъ книгахъ Шуматовской церкви.

Отпускное письмо.

«1798-го года, іюля 4 дня. Курмышскаго уезда села покровскаго, ходарова — тожъ новокрещенъка вдова матрена андреева съдочерью съвоею дарьей саяльевой осталася оная вдова после умершаго мужа съвоего василья федорова и которая показанная вдова въжителстве съвоемъ съмалолетную показанную дочью пропитанія себе неимевшая и которую вдову показаннаго селенія съродственнеки ея: деверь ея родной новокрещенъ иванъ федоровъ, двоюродной ея деверь семень федоровъ, которые отпустили оную показанную вдову къ сродственникамъ въ ядринской уездъ въ деревню агменее къ брату ея родному, къ новокрещену василью андрееву. И оному брату ея призирать оную вдову вовсе и обратно книмъ показаннымъ ея съродственникамъ, то есть, деверьямъ въпредъ во свое селение жить не принуждать. И по желанію ея, ежели оная вдова въдумаетъ замужъ ити, то оную вдову никому незапрещать ити възамужство. И ежели оная вдова выдетъ въ какое несть селение замужъ и кому надлежитъ оной бракъ венчать, то оному священнику съ церковники, разобравъ со своей стороны родство, что касается по правиломъ святыхъ отецъ, и оной бракъ разобравъ венчать; въ томъ сие отпускное писмо и дали. Писалъ сие отпускное писмо

¹⁾ Извѣстія Казанскаго Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи т. II, стр. 155.

по прошенію вышпоказанныхъ новокрещенъ ивана фелорова и семена фелорова тогожъ села показаннаго покровскаго, холарова—тожъ іерей Ефимъ Стефановъ по ихъ прошенію руку приложилъ».

У) ВРЕМЯ ЗАКЛЮЧЕНІЯ БРАКОВЪ.

Въ Шуматовскомъ приходѣ въ указанные годы браки совершены были въ слѣдующіе мѣсяцы, въ порядкѣ большинства браковъ:

ЖЕНИХИ И НЕ- ВѢСТЫ.	Въ Іюль.	Въ Январь.	Въ Февраль.	Въ Апрѣль.	Въ Май.	Въ Іюнь.	Въ Августъ.	Въ Сентябрь.	Въ Октябрь.	Въ Ноябрь.	Итого.
Холостые	126	70	47	3	41	40	1	7	4	5	346
Дѣвицы	143	92	53	5	53	56	2	8	9	9	430
Вдовцы 1 бр. . . .	21	32	7	4	21	20	2	4	5	5	121
Вдовцы 2 бр. . . .	10	5	—	2	5	2	—	—	—	—	24
Вдовицы 1 бр. . . .	14	14	1	3	14	5	1	3	—	1	56
Вдовицы 2 бр. . . .	2	1	—	1	—	1	—	—	—	—	5

Предѣльными числами заключенія браковъ въ іюль мѣсяцѣ были: въ 1841 году 11 іюля; въ 1847—13-го, 1848—15-го, 1849—24-го, 1850—9-го, 1851—20-го, 1852—30-го, 1853—26-го, 1854—9-го, 1855—3-го, 1856—25-го, 1884—20-го, 1885—14-го іюля.

Изъ приведенной таблицы видно, что браки у чувашъ заключаются далеко не исключительно лѣтомъ, но въ значительномъ числѣ и зимой, въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцахъ. Русскіе объ іюньскихъ бракахъ чувашъ отзываются неодобрительно. Есть тому и разумныя основанія. Такъ извѣстно, что въ іюль начинаются полевые работы: сѣнокосъ и жнитво, въ которыхъ женскій полъ у чувашъ участвуетъ наравнѣ съ мужчинами. И вотъ нерѣдко случается, что новобрачная отправляется на сѣнокосъ на другой-же день послѣ брака. Очевидно предосудительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, но бѣда въ

томъ, что молодуха, по чувашскому этикету, на сѣнокосѣ должна быть во всемъ праздничномъ нарядѣ молодой женщины: при двухъ „ш у л ь г е м ѣ“ на груди, въ „х о ш п у“ на головѣ, въ изобиліи унизанныхъ серебряной монетой, и тяжелыхъ металлическихъ серьгахъ на ухахъ ¹⁾, а между тѣмъ однѣ „ш у л ь г е м ѣ“ у богатыхъ составляютъ тяжесть вѣсомъ фунтовъ до 12-ти. Не говоря о непривычѣ держать себя въ необычномъ костюмѣ, „ш у л ь г е м ѣ“, болтаясь на груди изъ стороны въ сторону при каждомъ взмахѣ косой, до крайности затрудняютъ косьбу. Въ то же время работать молодухѣ необходимо съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, потому что на нее устремлены взоры всѣхъ косцовъ, выматривающихъ и оцѣнивающихъ, насколько молодуха способна къ работѣ и усердна къ ней. И работаютъ молодухи на сѣнокосѣ до того подъ часъ усердно, что иногда падаютъ мертвыми. Такой случай въ Шуматовскомъ приходѣ былъ, между прочимъ, 17 іюля 1867 года. 16 іюля этого года чувашинъ деревни Янасаль, околodka Кабырлей, Якимъ Андреевъ, былъ повѣнчанъ, а 17-го іюля его молодая жена Татьяна Андреева на сѣнокосѣ скончалась. Другой такой-же случай мнѣ извѣстенъ по корреспонденціи изъ Козмодемьянскаго уѣзда ²⁾. Тѣмъ не менѣе чувашскія дѣвушки считаютъ выходъ въ замужество не въ обычные мѣсяцы для себя зазорнымъ. Насъ увѣрили въ Шуматовѣ, что въ осенніе, напр., мѣсяцы выходятъ въ замужество только тѣ дѣвушки, которымъ и безъ замужества предстоитъ сдѣлаться матерями.

Въ виду такихъ браковъ и того обстоятельства, что чувашскія невѣсты засиживаются въ дѣвушкахъ лѣтъ до 30-ти, русскіе отзываются о чувашахъ, будто-бы они относятся снисходительно къ вольности своихъ дочерей. Въ дѣйствительности, у чувашъ за дѣвушекъ, сдѣлавшихъ грѣхъ, не платится „холымъ“; согрѣшившія дѣвушки изъ семействъ

¹⁾ Чувашскія свадьбы С. М. Михайлова. Казан. Губ. Вѣд. 1852—№ 47 ж 1853 № 5.

²⁾ Волжско-Камское Слово. 1882 г. № 160.

богатыхъ родителей выдаются въ замужество за бѣдняковъ. По должности судебного слѣдователя 2-го участка Чебоксарскаго уѣзда въ 1863—1877 годахъ мнѣ ежегодно приводилось производить по нѣскольку слѣдствій о дѣтубійствахъ и сокрытіи чувашскими дѣвушками труповъ мертворожденныхъ младенцевъ, что—очевидно—говоритъ какъ за то, что въ семьѣ не безъ урода, такъ и за то, что вольность поведенія признается предосудительной самими дѣвушками. Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, кромѣ-того, чувашамъ извѣстна „а ч а т у д а р м а н к ѳ р ы г е“—трава, чтобы не зарождалось дитя (*Achilles millefolium*) — тысячелистникъ, девятильникъ ¹⁾. Имѣеть-ли развращающее вліяніе на нравственность чувашскихъ дѣвушекъ вѣрованіе чувашъ Тюрлеминскаго прихода Чебоксарскаго уѣзда, что дѣвушка, умершая дѣвственной, становится по смерти женой Эфея ²⁾ я не имѣлъ случая разслѣдовать.

Я уже имѣлъ случай сообщить въ 1882 г., что чуваша Шуматовскаго прихода заимствуютъ сельско-хозяйственные приемы и моды въ нарядахъ отъ черемисъ сосѣдняго Козмодьянскаго уѣзда ³⁾. Въ 1886 г. мнѣ рассказывали въ Шуматовѣ, что черемисскія женщины и дѣвушки во многихъ селеніяхъ стали устранять въ своихъ нарядахъ украшенія серебряной монетой и гнущаться, между прочимъ, барабаннымъ боемъ во время свадебъ, который стали замѣнять игрой на гармоникѣ. Слухъ объ этомъ скоро дошелъ до Шуматовскихъ чувашъ и у многихъ вызвалъ сочувствіе къ нововведеніямъ черемисъ и желаніе подражать имъ и въ свадебныхъ обрядахъ.

Утратила у чувашъ Шуматовскаго прихода свое значеніе и такъ называемая „С и н з е“ ⁴⁾.

В. Магницкій.

¹⁾ Нравы и обычаи въ Чебоксарскомъ уѣздѣ. Этнографическій сборникъ В. Магницкаго. Казань 1888 г. стр. 20.

²⁾ Матеріалы къ объясненію старой чувашской вѣры В. Магницкаго. Казань 1881 года.

³⁾ Изъ поѣздки въ село Шуматово. Извѣстія Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи. Т. II, стр. 178.

⁴⁾ Волжскій Вѣстникъ (корреспонденц. изъ Шуматова) 1886 г. № 193.

ХРОНИКА.

I. МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ 1891 г. ¹⁾.

4. ИРКУТСКІЙ МУЗЕЙ

(при Восточно-Сибирскомъ Отдѣленіи И. Р. Г. Общества ²⁾).

Музей не можетъ похвалиться своимъ устройствомъ. Помѣщеніе пока мало, служитъ не только для храненія коллекцій, но и для засѣданій и Общихъ Собраній. Въ виду этого И. М. Сибиряковъ пожертвовалъ въ концѣ 1889 г. 6000 р. на расширеніе зданія музея съ тѣмъ, чтобы залъ для храненія коллекцій былъ совершенно отдѣленъ отъ зала для засѣданій членовъ Общества и публичныхъ чтеній. Къ пожертвованію И. М. Сибирякова присоединилось пожертвованіе П. А. Сиверса на сумму 9000, такъ что получилась возможность начать постройку каменнаго зданія съ двумя залами.— Коллекціи не распределены по группамъ, хотя разгруппировать ихъ было давно постановлено. Ревизіонная Комиссія, замѣчая о дѣятельности В.-Сиб. Отдѣла въ 1888 г., говоритъ между прочимъ: «Отчетный годъ прошелъ для музея Отдѣла почти совершенно безслѣдно, такъ какъ для приведенія его въ порядокъ не сдѣлано ничего существеннаго. Проверку имущества музея по каталогамъ Комиссія нашла невозможнымъ сдѣлать. Всѣ вещи, кромѣ буддійской и археологической коллекцій, размѣщены въ шкафахъ безъ соблюденія системы. Нѣкоторыя вещи попорчены молью, часто встрѣчаются вещи безъ этикетокъ, въ другихъ случаяхъ этикетки на предметахъ не соотвѣтствуютъ каталогу. Каталоги существуютъ только инвентарные, хроноло-

¹⁾ При описаніи музеевъ Редакція «Извѣстій» оказывается вынужденной уклоняться отъ строго географическаго порядка, такъ какъ относительно нѣкоторыхъ музеевъ, напр., Нерчинскаго и Владивостокскаго въ ея распоряженіи до настоящаго времени нѣтъ никакихъ данныхъ.

²⁾ За неимѣніемъ каталога описаніе Иркутскаго Музея составляется по тѣмъ даннымъ, которыя разсыяны по протоколамъ и журналамъ засѣданій В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. Общества за 1889—91 г. Red.

гическіе, въ нихъ №№ одного не соотвѣтствуютъ №№ другого, нѣкоторыя изъ вновь поступившихъ коллекцій не занесены въ каталогъ. Въ прошломъ году, возражая Комиссіи, Комитетъ ссылаясь на недостатокъ помѣщенія и средствъ. замѣченные Комиссіей безпорядки Комитетъ надѣялся устранить, получивъ субсидію отъ Думы; субсидія (600 р.) получена, а музей не приведенъ въ порядокъ. По поводу этой субсидіи Комиссія напоминаетъ, что она дана подъ условіемъ устройства объясненій коллекцій и составленія коллекцій общеобразовательнаго характера. Ни коллекцій, ни объясненій Комитетомъ не устроено, а потому Отдѣлъ, если не приметъ мѣръ къ выполненію принятаго на себя обязательства, рискуетъ потерять довѣріе и матеріальное воспособленіе города».

Въ Музей Отдѣла къ 1 января 1889 г. находилось 1138 номеровъ, подъ которыми числилось 9098 предметовъ, изъ нихъ:

Въ этнографической коллекціи. 1948.

„ археологической „ 1237.

Разныхъ предметовъ. 472.

Къ Февралю 1891 г. какъ можно видѣть изъ протоколовъ Отдѣла, этнографическая коллекція увеличилась до 2048 предметовъ, археологическая—до 1267. Какіе именно предметы имѣются, на какія группы можно ихъ раздѣлить,—сказать трудно, извѣстно только, что въ этнографическую коллекцію входятъ обширная буддійская коллекція, т. е. коллекція предметовъ, относящихся къ буддійскому культу, затѣмъ—все увеличивается бурятская коллекція; въ археологической коллекціи имѣются предметы всѣхъ вѣковъ, между прочимъ—коллекція орудій бронзоваго вѣка, найденныхъ въ первый разъ въ Балаганскомъ округѣ. — Въ концѣ 1890 г. Распорядительный Комитетъ Отдѣла рѣшилъ избрать Комиссію для разборки и приведенія въ порядокъ коллекцій; для бурятскихъ и буддійскихъ коллекцій были избраны Д. П. Першинъ и И. А. Подгорбунскій, для археологическихъ — Н. И. Витковскій и для этнографическихъ—Д. А. Клеменць.

III.

5. ТОМСКІЙ МУЗЕЙ

при Императораторскомъ Томскомъ Университетѣ ¹⁾.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

Классъ I. Антропология.

Черепъ длиноголовые.	14.
Черепъ круглоголовые.	11.
Черепъ съ выступающимъ гребнемъ.	5.
Сойотскій черепъ	1.

Итого №№ 31.

¹⁾ Описаніе составлено по «Каталогу» и «Дополненію» къ нему (Томскъ 1888 и 1890), почему о помѣщеніи, объ удобствахъ Музея нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Классъ II. Этнографія.

А. Русскій отдѣлъ.

Одежда и обувь	20.
Украшенія (серьги, кольца и перстни, запонки).	17.
Хозяйственныя принадлежности и домашняя утварь.	52.
Орудія (топоры, кирки, долота, косы, серпы, цѣпы).	24.
Орудія передвиженія (модели).	3.
Ткани и кружева; орудія ихъ производства.	9.
Кресты, крестики, образа.	22.
Книги, рукописи, картины, портреты.	61.
Различныя вещи	33.
<hr/>	
Итого №№	241.

Б. Сойотскій отдѣлъ.

Одежда, обувь и украшенія.	10.
Юрта и утварь (посуда, столы, ящики).	21.
Орудія (хозяйственныя, охотничьи) и инструменты	26.
Орудія пытки	2.
Музыкальные инструменты	2.
Амулеты	2.
Различныя предметы.	18.
<hr/>	
Итого №№	81.

В. Амурскій отдѣлъ.

(Манджуры, Манягры, Мангуны, Тунгусы, Гольды, Гиляки).

Типы; предметы внѣшняго быта (снимки на 7 таблицахъ).	137.
Одежда и обувь	27.
Холстъ, нитки и орудія ихъ приготовленія.	9.
Утварь (посуда, ложки, ведра, туясы и т. п.).	13.
Орудія (копья, ножи, наконечники стрѣлъ).	11.
Орудія передвиженія (нарты, лодки, весла).	9.
Предметы религіознаго культа (амулеты, идолы, одежда шамановъ).	24.
Различныя предметы.	12.
<hr/>	
Итого №№	242.

Г. Иностранцы Сѣверной Сибири и предметы ихъ быта.

Самоѣды.	12.
Остяки.	20.
Вогулы.	2.
Якуты.	1.
Качинцы.	6.
Сагайцы.	7.
<hr/>	
Итого №№	48.

Д. Иностранцы Сибири, Средней Азии, Западного Китая и Монголии, ихъ типы и предметы ихъ быта ¹⁾.

	Типы.	Предметы.
Авганцы	9	—
Дунганы	7	—
Евреи	4	—
Индусы	5	—
Калмыки	17	—
Каракалмыки	2	—
Каракиргизы	11	—
Караколпаки	1	—
Карашары	1	—
Киргизы	21	—
Китайцы	27	86
Монголы	39	2
Персиане	2	—
Сарты	10	—
Сибинцы	8	—
Таджики	3	—
Таранчи	22	5
Торгоуты	11	1
Туркмены	2	4
Узбеки	3	—
Чахары	10	—
Челоказаки	1	—
Японцы	—	2
Различные виды и предметы	130	—
Итого №№		446.

Е. Американскій отдѣлъ.

Типы и виды (фотографія)	55.	
Орудія (луки, стрѣлы, топоры, ножи, щиты)	30.	
Одежда и обувь	15.	
Различные предметы	26.	
Итого №№		126.

Всего въ антропологическомъ отдѣлѣ №№ . . . 1215.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ.

А. Каменные орудія.

Топоры (12), молотки (7), клинъ	20.
Скрепки (18), пестики (6) игла, закругленный камень	26.

¹⁾ Для большаго удобства названія народностей распределены по алфавиту.

Бруски и палочки.	32.
Жернова ручные (6), ядра (4).	10.
Напрясла (7), наконечники стрѣлъ и копій (47).	54.
Различныя каменные вещи.	32.
Нефритовые предметы (ножикъ, скребокъ).	3.
Итого №№	177.

Б. Костяныя орудія.

Шилья (21), иглы (7), крючки (3), гребень.	32.
Ножи (35), ручки къ ножамъ (5), стамески или клинья (61).	101.
Наконечники стрѣлъ (297), плоскія пластинки (28).	325.
Напрясла (10), скребки (9), трубки (9), стремена (4).	32.
Различныя предметы.	160.
Итого №№	650.

В. Глиняныя предметы.

Горшки, криночки, чашки (43), чарки (11).	54.
Идолычки (3), изображенія лошадей (29).	32.
Напрясла (68), цилиндры и конусы (22), шарики (11).	101.
Водопроводныя трубы (6), кирпичи (6) и различныя черепки.	229.
Итого №№	416.

Г. Предметы изъ красной мѣди.

Топоры (3), кельты (32), долота и стамески (13).	48.
Кинжалы (12), ножи (102), серпы (13).	127.
Шилья (3), стрѣлки и копыя (4), вилки (11).	18.
Булавы (2), ножницы, трубочка, крючекъ.	5.
Котлы и обломки котловъ (19), блюдо, крышки (3).	23.
Удила (14), стремена (5), бляхи (6).	25.
Браслеты (2), перстни и кольца (9), серьги (12), пряжки (2), вер- кала (3).	28.
Идолы (3) и различныя мѣдные предметы (13).	16.
Итого №№	290.

Д. Предметы изъ желтой мѣди (латуни).

Кельты (2), копыя (2), кинжалы (2), ножъ, гребень, пруть	9.
Бляхи (2), пряжки (2), пластинки съ изображеніями.	7.
Итого №№	16.

Е. Бронзовые предметы.

Топоры (6), кельты (29), долота (4), боевые молоты (5).	44.
Кинжалы (16), ножи (117), вилки (2), шилья (17), иглы (7).	159.
Копыя (2), стрѣлы (18), булавы (2), плоскія пластинки (72), серпъ.	95.

Шейные обручи (6), перстни и кольца (40), браслеты (5), серьги (51) зеркала (36), пряжки (10)	148.
Пластинки съ изображеніями птицъ, медвѣдя, черепахи, оленя, барана, коня (44), изображенія челоуѣка (идолы) (9)	53.
Бляхи (18), удила (12), трубочки (8), напрясла (2)	40.
Чашечки (4), тарелки (3), ложки (2)	9.
Различные предметы	55.
Пластинки изъ бѣлой бронзы	2.
Итого №№	605.

Ж. Желѣзные и чугунные предметы.

Топоры (4), кельты (4), долота (4), шилья (14), серпы (3)	29.
Лопаты (11), сошникъ, крючки (10), ножницы (13)	35.
Кинжалы (23), ножи (85), мечи и тесаки (5), копья (14), стрѣлы и наконечники стрѣлъ (497), гарпуны (6)	630.
Шлемы (3), кольчуги (11)	14.
Кольца (12), удила (46), стремена (21)	79.
Различные желѣзные предметы	39.
Чугунные предметы	4.
Итого №№	830.

З. Предметы изъ бѣлаго металлическаго сплава.

Зеркала (15), браслеты (3), подвѣски (4), звѣзда	23.
Пластинки (4), трубка, стремя, фигуры челоуѣка и неопредѣлен- ные предметы	9.
Итого №№	32.

И. Металлическія вещи ¹⁾.

Кружки съ изображеніями (8), привѣски (6), трубочки (3)	17
Пряжки (43), крышки (5) и другіе различные предметы	84.
Итого №№	101.

Всего въ археологическомъ отдѣлѣ №№ . . . 3117.

И. М.

¹⁾ Такое неопредѣленное названіе мы вынуждены оставить потому, что въ самомъ каталогѣ не сказано точно, изъ какого металла сдѣлана вещь, — указано только: «металлическая».

2. ЭКСПЕДИЦИИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ РОССІИ ВЪ 1891 г.

Археологическія поѣздки по Вятской губерніи въ томъ 1891 г.¹⁾ Предпринимая поѣздку (по порученію Московскаго Археологическаго Общества) въ Кайскій край Слободскаго уѣзда, я имѣлъ въ виду прослѣдить западную границу распространенія чудскихъ древностей и преданій о чуди, отыскать новыя городища изъ группы средне-вятскихъ городищъ и ознакомиться съ церковными древностями этой мѣстности, особенно съ кайскими деревянными церквами. Собранныя свѣдѣнія позволяютъ мнѣ высказать предположеніе, что чудь, занявъ берегъ Камы, остановилась предъ огромнымъ волокомъ, раздѣляющимъ здѣсь бассейны Камы и Вятки, и не проникла чрезъ него. По камскую сторону волока слышно уже множество преданій о чуди, о которой здѣсь говорятъ какъ о вчерашнихъ насельникахъ края. Во многихъ старинныхъ деревняхъ до сихъ поръ поминаютъ «чучкихъ» родителей (дер. Рубежная), но всего любопытнѣе, что въ разныхъ мѣстахъ кайскаго края до сихъ поръ живутъ «чучкіе отроки», т. е. прямые потомки чуди (напр. въ с. Гидаевѣ, д. Смолиной, д. Рубежной). Я видѣлъ нѣсколькихъ такихъ «отроковъ». Это какое-то странное инородческое лицо, не напоминающее ни вотское, ни финское, какъ мы его себѣ представляемъ по петербургскому чухонцу. Глаза и волосы черные какъ смоль, черты лица рѣзкія и довольно правильныя. Слѣдовъ городищъ и отдѣльныхъ находокъ старинныхъ предметовъ по теченію Камы много не было отыскано. Ихъ либо нѣтъ вовсе, либо очень мало, и вообще у меня составилось такое впечатлѣніе что эта мѣстность не была занята чудскою культурою съ давнихъ поръ, хотя отсюда не такъ далеко вюздинскій край съ его богатыми находками чудскаго типа. Сплошное старинное чудское населеніе по Камѣ можно прослѣдить пока лишь съ рч. Весляны, протекающей уже въ Пермской губ. Чудскіе предметы нами найдены уже въ сторонѣ отъ Камы, около с. Гидаева, расположеннаго скорѣе въ бассейнѣ р. Сысолы, и идутъ они, вѣроятно, уже съ сѣвера, съ Вычегды. Эти предметы хотя и близки къ чудскимъ древностямъ, но замѣтно грубѣе; вѣроятно, это уже вырянскія древности.

Одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній въ эту поѣздку составляютъ кайскія деревянныя церкви. Въ самомъ Каю оказалась внушительныхъ размѣровъ деревянная церковь постройки середины XVIII в., по архитектурѣ очень напоминающая каменные церкви того же времени, а въ д. Гушиной и Монастырской (въ приходѣ с. Гидаева) и въ д. Великое поле (въ приходѣ с. Лойнѣ) до сихъ поръ цѣлы прелестнѣйшія церкви постройки XVII в. Покрытіе теремкомъ, а на алтарѣ бочкой, *отопляются по черному*. Всѣ кайскія церкви покосились на одинъ уголь, и на нихъ уже давно косятся. Неужели нѣтъ средствъ сохранить такую драгоценность?

По западную сторону волока мы не нашли никакихъ слѣдовъ чуди. Найденное на р. Осетровкѣ городище оказалось ничуть не чудскимъ. Въ церковной архитектурѣ этой мѣстности встрѣчены любопытныя варіаціи. Ста-

¹⁾ Письмо въ редакцію.

рыхъ актовъ нигдѣ не найдено. Любопытна деревянная обѣденная церковь въ с. Екатерининскомъ.

Для того же общества я началъ раскопку самого богатаго изъ средне-вѣтскихъ городищъ—Приоборскаго на Чепцѣ. Особенно замѣчательныхъ находокъ не отыскано, но все же городище общааетъ быть интереснымъ, такъ какъ всѣ остальные городища этого типа почти совершенно пусты.

Въ августѣ мнѣ пришлось (по порученію Императорской Археологической Комиссіи) сдѣлать поѣздку на р. Юмъ, въ Котельническій уѣздъ. Въ поч. Загробинскомъ весною случайно найдены были любопытныя чудскія вещи, и я заподозрилъ существованіе здѣсь могильника. Въ самомъ дѣлѣ, на мѣстѣ находки отыскано подобіе могильника. Костей не найдено, погребены только вещи, въ отдѣльныхъ кучкахъ. Найдены: метъ въ серебряной оправѣ, 2 серебряныхъ гривны, серьги, обрывки ремней съ серебряными бляшками, стремена, довольно много чудскихъ шумящихъ привѣсокъ и проч. Найденные предметы аналогичны съ находками изъ раскопанныхъ мною прежде пижемскихъ городищъ и съ предметами курманскаго могильника, открытаго гр. Э. А. Уваровымъ на Окѣ. Это факты волжской, а не камской чуда.

А. Станицъ.

Этнографическая экскурсія къ Мордвѣ. Д. членъ Общества И. Н. Смирновъ совершилъ лѣтомъ 1891 г., экскурсію въ область Мордвы — Мокши. Пунктами наблюденія надъ Мордвой были селенія Карсаевка въ Чембарскомъ у. Пензенской губ., Пичилейка въ Городищенскомъ и Шадымъ въ Инсарскомъ у. Главной задачей экскурсанта было изслѣдованіе вѣрованій и религіозныхъ обрядовъ Мордвы (формы погребенія, культъ предковъ, анимистическія воззрѣнія на природу и культъ стихійныхъ божествъ). Въ настоящее время собранный матеріалъ обрабатывается и войдетъ въ содержаніе начатаго печатаніемъ очерка историко-этнографическаго «Мордва». Передъ поѣздкой въ мордовскія селенія авторъ ознакомился съ тѣмъ матеріаломъ для исторіи и современнаго быта Мордвы, который заключается въ архивахъ Нижегородской и Тамбовской Архивныхъ Комиссій и въ Пензенскихъ и Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за все время ихъ существованія.

Членъ-сотрудникъ Общества М. Е. Евсевьевъ совершилъ поѣздку къ Мордвѣ Кузнецкаго у. Саратовской губ. и Краснослободскаго Пензенской для изученія Мокшанскаго нарѣчія и собиранія матеріаловъ для Мокшанскаго словаря (словъ и текстовъ).

Членъ-сотрудникъ Общества Т. С. Семеновъ совершилъ поѣздку въ Бирскій у. Уфимской губ. для опредѣленія мусульманскаго вліянія на проживающихъ тамъ Черемись-язычниковъ.

Д. членъ Общества П. А. Пономаревъ совершилъ поѣздку на мѣсто древняго Укека и ознакомился съ раскопками, предпринятыми тамъ Саратовской Архивной Комиссіей.

Д. членъ Общества И. А. Паносковъ совершилъ поѣздку въ Кара-Якуповскую волость Белебейскаго уѣзда Уфимской губерніи и вывезъ оттуда, кромѣ этнографическихъ замѣтокъ о Черемисахъ и Башкирахъ, бумаги, относящіяся къ исторіи Башкиръ въ XVIII в.

Финскій ученый А. Гейцель, возвратившійся весной 1891 г. изъ экспедиціи въ Монголію, приготавливаетъ въ настоящее время къ печати собранныя имъ Орхонскія надписи.

3. ТЕКУЩАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Общество Любителей изслѣдованія Алтая въ Барнаулѣ. 27 октября 1891 г. начальникомъ Алтайскаго округа Н. И. Журинымъ были собраны въ залѣ Барнаульскаго Общественнаго Собранія члены-учредители Общества. Послѣ прочтенія краткой записки, при которой былъ представленъ проектъ устава на утвержденіе, и самого утвержденного устава, было приступлено, на основаніи 20 и 21 §§ устава, къ выбору совѣта, состоящаго изъ предсѣдателя, товарища его, трехъ членовъ и трехъ кандидатовъ. Предсѣдателемъ былъ избранъ Ф. Е. Зассъ, товарищемъ его Л. Л. Мартини, членами совѣта А. Н. Недзвецкій, П. Н. Соболевъ, П. Р. Чайгинъ и кандидатами Н. С. Гуляевъ, Д. А. Поникарововскій, Н. С. Волконскій. Послѣ сего была произведена баллотировка членовъ Общества, изъявившихъ согласіе записаться, которыхъ оказалось до тридцати человекъ и между ними нѣсколько дамъ. На первый разъ всѣхъ членовъ вмѣстѣ съ учредителями состоитъ въ Обществѣ слишкомъ шестьдесятъ человекъ. Цѣль Общества—всестороннее изслѣдованіе Алтайскаго округа. (Сиб. Вѣст. 1891, № 130).

Можно пожелать, чтобы новое ученое Общество включило въ кругъ своихъ задачъ имѣющую такое важное значеніе въ русской археологіи исторію горнаго дѣла въ краѣ съ древнѣйшихъ временъ.

МАТЕРИАЛЫ.

А. АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Городокъ Худоюра (Кудеяра-тожь).

Въ одной верстѣ на востокъ отъ с. Лапшанки (Никольское-тожь) Сенигилеевскаго у. Симбирской губ. на горѣ, возвышающейся саженъ на 20—30 надъ уровнемъ рѣчки (название неизвѣстно), находятся на пространствѣ около 30 кв. саж. рвы и валы, образуя собой четырехугольникъ. Среди этого четырехугольника встрѣчается нѣсколько глубокихъ ямъ, представляющихъ остатки какихъ-то построекъ, видимо подземныхъ. Отъ валовъ и рововъ, извѣстныхъ влѣсь подъ названіемъ городка Худоюра, верстѣ на 40—50 къ востоку идетъ дорога къ р. Волгѣ, окаймленная лѣсомъ и высланная необдѣланными плитами песчаника, добываемаго въ окрестностяхъ того-же городка Худоюра. На сѣверъ отъ городка встрѣчается много изгари,—можетъ быть, что здѣсь находились нѣкогда кузницы. Преданіе говоритъ, что здѣсь нѣкогда жилъ татарскій ханъ Худоюръ, занимавшійся разбоемъ, что онъ отправился разъ на Волгу указанной мощеной дорогой и затѣмъ исчезъ безслѣдно; послѣ него осталось много зарытаго въ землѣ золота. На самомъ же дѣлѣ здѣсь по временамъ выпаживаютъ то кольчугу, то сѣкиру, то мечъ, желѣзное стремя, непохожее на современное, замокъ, запирающійся дужкою снаружи,—то мѣдныя колокольчики на трехъ снизу мѣдныхъ шарикахъ.—О костяхъ людей или животныхъ ничего неизвѣстно, очевидно, что ихъ не находили.

М. Извоицковъ.

Б. ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

Стѣхъ покаянный.

Вы мнѣ, душе грѣшная моя!
Почто мнѣ вѣтъ чужіе грѣхи,
Довлѣло бы судить самого себе,
Понеже я свѣмъ вся влая моя,
Которыми азъ грѣхи побѣжденъ;

- Довѣло бы мнѣ творити добро,
 Но вмѣсто добра авъ влая творю.
 Почто мя отецъ на сей роди свѣтъ?
 Почто мене мать не повергнула
 10 Въ дивнхъ пустыняхъ непроходныхъ?
 Почто не вверже въ дебри-пропасти,
 Гдѣ есть жительство коркодилово?
 Скифская пустыня, глубокая дебрь,
 Почто не прія мене жительствомъ?
 15 Идѣ же тамо множество аспидъ,
 Змиина порода всякаго рода,
 Дивнн орли дѣтей плодятъ;
 Ввергаютъ тамо осужденныхъ въ смерть.
 И мнѣ бы тамо унѣ пребыть
 20 Въ скифской пустынѣ—глубокая дебрь;
 Дивнн орли отъ плоти моея
 Чадъ своихъ насытили бы,—
 Нежели мнѣ зрѣть горьку жизнь свою.
 Безсчастнй той часъ, какъ родихся авъ:
 25 Въ часъ время того измѣнися тварь,
 Земля воорыда, мене грѣшна зря,
 Предвари мя горестъ, грѣховъ моихъ плодъ,
 Облакъ мрачный солнце осѣни,
 Луна измѣнила свѣтлость естества,
 30 Свѣтъ свой сокрыли звѣзды въ небеса,
 Моихъ ради грѣховъ, сотворенныхъ впредь,
 Прорече вся тварь о моихъ грѣсѣхъ.
 Вкусъ горекъ въло—пелыни есть жолчь,
 Горчае всего безсчастна есть жизнь,
 35 Ровно въ темницѣ вавилонской есть
 Осужденному на смерть вѣчную.
 Почто земля нѣдръ не развервила,
 Не пожрала меня живаго суши,
 Дабы я не зрѣлъ горьку жизнь свою?
 40 Моря и рѣки, стихія водная,
 Почто на себѣ носила грѣшнаго,
 Како не покры свирѣпыми волны?
 Горы и холмы, мѣста каменные,
 Почто стерпѣли стопамъ грѣшнымъ,
 45 Не растворили своихъ славныхъ нѣдръ,
 Не пріяли мя жива сушаго?
 Многи грады аданны каменные,
 Почто не пали стѣны на меня,—
 Окончалъ бы я свою горьку жизнь.
 50 Совдатель творецъ положи конецъ,

- Всю тварь преклони къ милосердію!
 Не вѣмъ, грѣшный, что глаголати;
 Изжихъ жизнь свою въ беззаконіяхъ.
 Плачьте мене, вся словесна тварь!
 55 Лисы и птицы всѣ гнѣба имугъ,
 Киты велики въ пучинѣ живутъ,
 Зміи карасты въ разсѣлинахъ сугъ,
 Отъ Бога вся тварь сотворенная
 Творить вся, Богомъ повелѣнная;
 60 Токмо единъ азъ преступникъ Богу,
 Пресельникъ азъ есмь на земли живу,
 Не изыскахъ азъ во всей твари той
 Горчае себя и несчастливѣе.
 Многи грѣхи злы мене грѣшнаго
 65 Лишили земли, непричастнаго,
 Не имамъ части на земли гдѣ жить,
 Идѣ же бы азъ создалъ колибу,
 Дабы уллучилъ покой поне малъ:
 Убѣжалъ бы азъ въ лѣтѣ отъ зноя,
 70 Согрѣлъ бы я плоть отъ люта мраза.
 Почто мя Господь во гробъ не вселитъ!
 Не имамъ мѣста гдѣ крестъ водрузитъ,
 Градъ отечества отрину мене,
 Роду по плоти недостойнъ азъ,—
 75 Грѣхъ ради моихъ мада мнѣ праведна,
 Словесны други, въ годъ скорби-бѣды,
 Отреклися вси съ поношеніемъ.
 Гдѣ азъ скрплюся съ моими грѣхъ?
 Въ боры-вертепы вовбраняютъ грѣхи,
 80 Въ скитахъ-пустыняхъ живутъ праведны,
 Въ градѣхъ, селѣхъ и малыхъ весѣхъ
 Провождаютъ жизнь свою со сродниками.
 Помилуй, душе, ты сама себе,
 Устранися, душе, отъ всѣхъ знаемыхъ,
 85 Бѣжи ты, душе, отечества своего,
 Всѣхъ словесныхъ друзей безнадежныхъ,
 Продай сама себе великому отцу,
 Неба и земли и всѣхъ насъ творцу,—
 Той есть вѣрнымъ всѣмъ основаніе.
 90 Или ты, душе, еще славна есть?
 Примми, душе, мой благій совѣтъ:
 Не поколебаеть буря зѣльная
 Благихъ дѣлъ твоихъ основанія,
 Да спитъ съ тобой память смертная,
 95 Твое житіе—во гробъ вселеніе,

- Предъ очами имѣй муки огненны,
Присно помышляй неусыпный червь.
Огнь геенскій отъ бездны палить,
Устрашаетъ вельми мене грѣшнаго,
100 Вся муки и страхъ примутъ мене,
Трепетомъ будять отъ Бога падша,
Обличаются вся моя тайная.
Тогда помяну вся реченная:
Почто растлѣнно на земли живу,
105 Къ тлѣннымъ прилежахъ паче вѣчныхъ,
Не послушахъ азъ всѣхъ написанныхъ:
Аще человѣкъъ обрящетъ весь мѣръ,—
Душу свою отщетитъ благихъ.
Колику славу я воздамъ творцу,
110 Достойну ему принесу хвалу?
Языкъ грѣшный недостойный мой
Вспомяну мнѣ настоящее,
О грядущемъ всемъ извѣсти мене.
О, мысленное море свирѣпое!
115 Возсвирѣпи вся волны въ высоту,
Вознеси корабль душевный мой
Со имѣніемъ благимъ мысленнымъ,
Доправи до вратъ града вѣчнаго,
Идѣ же тамо вѣчно намъ пребыть,
120 Граждане тамо—души всѣхъ святыхъ.
Аще помяну многогрѣшный я
Земную жизнь бесполезную
Противу жизни вѣчной той,—
Не могу пребыть безъ рыданія;
125 Аще бы возмоглъ, во всю жизнь свою
Кипѣлъ бы въ червяхъ живой на земли,
Дабы убѣждалъ страшныхъ вѣчныхъ мукъ.
Кто бы далъ мнѣ источникъ слезъ,
Да поне мало омыю душу,
130 Согрѣшеніемъ очерненную!
Не мните мене виновна добру:
Совершитель азъ грѣху всякому;
Не могу престать отъ грѣховъ моихъ,
Во грѣсѣхъ бо азъ рожденный есмь.
135 За дерзость мою не судите мене:
Судный день явить всѣхъ тогда,
Каковы станемъ на страшномъ судѣ,
По дѣломъ своимъ воспримемъ вси.

Стихъ о смерти.

Уже къ старости и къ концу снидохъ,
 А въ чувство, окаянный, не придохъ!
 Жду на ся смертнаго посѣченія,
 А не остануся прелестнаго попеченія!
 Смерть не трубитъ, а каждаго человѣка губить;
 О, смерть! вижу, что ты суха и худа,
 А бѣжать отъ тебе некуда;
 Въ царскіе дома приходиши,
 Съ царей короны снимаеши;
 Со святители о чину пренія не держиши,
 А пришедъ къ нимъ, долго не медлиши;
 Всю вселенную объемиши,
 А гостинцевъ ни отъ кого не приемиши;
 На востокъ ходиши,
 И во мгновеніе ока къ западу приходиши;
 Съверъ очесы своими назираеши,
 А уже и югъ достигаеши.
 Кто смерти не памятуеть,
 Того мука не минуетъ.

Стихъ о грѣхѣ.

Врагъ-злодѣй безъ стыда нападе на меня,
 Много пряся со мною, преможе меня;
 Поскрежета яко левъ своими зубы на меня,
 Прострѣлялъ меня стрѣлою грѣховною,
 Поразилъ меня мечомъ—беззаконнымъ грѣхомъ,
 Впадохъ въ сѣти его—въ беззаконные грѣхи,
 Уловилъ меня въ сѣть яко звѣря на убіеніе,
 Врагъ-злодѣй посмѣялся мною.
 Господи, преломи вражія стрѣлы отъ меня!
 Господи, отвори вражія сѣти отъ меня!
 Господи, отыми всѣ злые помыслы отъ меня!
 Господи, помилуй мя падшаго!

Заговоры.

I.

Господи, благослови меня раба твоего имрка идти на войну противъ своихъ недруговъ и супостатовъ и злыхъ лихихъ людей. Ангелъ мой хранитель, сохрани меня раба своего имрка ото всякихъ странъ и ото всякихъ стрѣлъ летящихъ, во днѣ и ночи и въ полуночи и въ часу и въ получасу и въ четверти и въ полчетверти. Стой, стрѣла и пулька, не ходи до меня раба божія имрка моленіемъ Господа нашего Иисуса Христа, поди стрѣла и пулька черезъ меня и мимо меня раба божія имрка; стой, стрѣла и пулька,

не ходи до меня раба божія имирка моленіємъ и вступленіємъ честнаго и животворящаго креста господня, поди стрѣла и пулька черезъ меня и мимо меня раба божія имирка; стой, стрѣла и пулька, не ходи до меня раба божія имирка моленіємъ всея силы божіи, поди стрѣла и пулька черезъ меня и мимо меня раба божія имирка. Закрываетъ меня мати божія Богородица ризою нетлѣнною, которою Христа Бога пленала; ставитъ около меня раба божія имирка желѣзныи тынъ отъ земли до неба, отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга; охраняетъ меня ото всякихъ враговъ и супостатовъ и ото всякихъ злыхъ и нечестивыхъ людей и ото всякихъ пушекъ запальныхъ и полковыхъ и ото всякихъ пулекъ свинцовыхъ и желѣзныхъ и каменныхъ и булатныхъ и ото всякаго мѣлкаго оружія воинскаго — отъ турокъ и отъ пищалей и отъ самопаловъ и отъ мушкетовъ и отъ фузей и отъ пистолей, отъ копій и отъ рогативъ и отъ топоровъ и отъ ножей и отъ сабель и отъ бердышей и отъ кистеней и кинжаловъ и отъ сулицъ, и ото всякаго удару русскаго и татарскаго, и ото всякихъ воинскихъ людей — отъ турокъ и отъ нѣмцевъ и отъ башкировъ и отъ калмыкъ и отъ литвы и отъ мордвы и отъ татаръ и отъ черкасъ и отъ чувашъ, и ото всякихъ лихихъ людей и ото всякихъ насильниковъ, отъ колдуновъ и отъ колдуницъ, отъ еретниковъ и отъ еретницъ и ото всякаго вражія наважденія. Замкни меня, пресвятая Богородица, своими мѣдными замками и ключами золотыми и брось ключи въ окіянь-море синее подъ бѣлыи камень алатырь. Какъ тѣмъ воинскимъ людемъ и всѣмъ моимъ супостатамъ во окіянь-морѣ не бывать и бѣлаго камня алатыря не подымывать и влаченаго замка не отмыкивать, — также и меня раба божія имирка никакому челоуѣку ни изъ какаго оружія не убивать и не поранить и тѣла моего не окривенить и души моей не осквернить, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь (трижды). Ключъ въ море, а замокъ въ землю.

2.

Авъ рабъ божій имиркъ ограждаюся солнцемъ и мѣсяцемъ и покрываюся облакомъ отъ земли и до небеси; стани кругомъ меня раба божія градъ каменный, а въ томъ градѣ каennomъ ангелы и архангелы и всѣ небесныи силы берегутъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, тако бы и меня раба божія имирка святыи молитвами оградили: не дайте меня пушками бити и пищалыи стрѣляти и рогативыи колоти и саблями сѣчи и топорами рубити и ножами колоти и увязити и сокрушити всякимъ ратнымъ оружіемъ служебника своего раба божія имирка. Какъ Александръ Македонскій ничѣмъ никакому челоуѣку не далъ вредити, такъ бы и симъ передъ нами — аки дровдъ птица передъ соколомъ. Тѣмъ словомъ аминь.

3.

Господи благослови отче! святыи архангелы Михаилъ и Гавріилъ, закройте меня раба божія имирка со всею силою божественною и завалите каменною горою отъ всякаго лихаго челоуѣка и отъ всякихъ супостатовъ, отъ востоку и до западу. Земля, ты еси всякому челоуѣку мати, тако и укладу и булату синему и красному и стали и мѣди зеленой и красной и камени и

свинцу и пушкамъ и пищалямъ и стрѣламъ: подите вы, желѣза и камени и свинецъ, во свою мать землю, а ты, древо, поди во свою мать березу, а перья во свою мать птицу, а птица въ небо, а клей въ мать рыбу, а рыба въ море; а я рабъ божій имркъ меньшій братъ, и вы, пушки и пищаля и стрѣлы и всякое ратное оружіе, ко мнѣ рабу божію не ходите, тѣхъ людей не слушайте. Тѣмъ словомъ аминь.

4.

Пойду азъ рабъ божій имркъ изъ дому въ домъ, изъ избы въ избу, изъ воротъ въ ворота, умоюсь утренней росой, утрусь полотенцемъ тканымъ и бранымъ, пойду въ чистое поле путемъ-дорогой; навстрѣчу мнѣ идуть три хитрыхъ хитреца и три мудрыхъ мудреца, въ рукахъ несутъ три златыхъ кубца, наполнены кубцы хитростями и мудростями; и азъ рабъ божій въ пути-дорогѣ останавлиюсь, крестнымъ знаменіемъ знаменуюсь, и у тѣхъ хитрыхъ хитрецовъ и мудрыхъ мудрецовъ отнимаю изъ рукъ три златыхъ кубца и выпиваю изъ нихъ всѣ хитрости и мудрости. И придуть тѣ хитрые хитрецы и мудрые мудрецы ко Господу Богу и расплачутся не меня раба божія имрка; и рече имъ господь Богъ: рабъ мой имркъ именовъ моимъ отнялъ у васъ, у трехъ хитрыхъ хитрецовъ, изъ рукъ три златыхъ кубца и выпилъ изъ нихъ всѣ хитрости и мудрости, и буди надъ нимъ работъ моимъ благословеніе отнынѣ и до вѣка, поутру, во дни и въ полудни, въ вечеру, въ ноци и въ полуноци, въ пути-дорогѣ, на всякомъ мѣстѣ, во всякомъ дѣлѣ, отъ всякаго влаго звѣря, отъ лихихъ людей и немилостивыхъ судей и отъ всѣхъ враговъ и супостатовъ, отъ напасти и скорби и печали, отъ гнѣва и нужды, отъ глада и губительства, отъ труса и потопа, отъ огня и меча и отъ всякаго оружія, отъ недруга влаго и отъ смертоносныхъ язвы, и дарую ему рабу моему имрку всадѣ и во всякомъ дѣлѣ здравіе и талантъ и счастье, отнынѣ и до вѣка, аминь (трижды).

5.

На морѣ на окіяні, на островѣ на Буянѣ, стоитъ клень, вѣтеръ его сунять, солнце пропекаетъ; на рѣкѣ на Ердани лежитъ камень алатырь, а на томъ камнѣ алатырѣ сидятъ двѣ красныя дѣвицы, шьютъ двумя разными шелками, двумя булатными иглами, зашиваютъ кровавую рану отъ ножа, отъ топора. Ты, кровь, запекись, хрящомъ затянись, ключомъ завернись! Коли ты, кровь, не запечешься, хрящомъ не затянешься, ключомъ не завернешься,—напуцу я на тебя ягу змѣю буру: яга змѣя бура шерстью застелеть, хоботомъ замокъ замкнетъ, Богородицѣ ключъ отдастъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ, аминь (трижды).

Сообщилъ *А. Соколовъ*.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Пермская старина. Сборникъ историческихъ статей и матеріаловъ преимущественно о Пермскомъ краѣ. Александра Дмитріева. Пермь. 1891 г. Выпускъ третій.

Русская историческая литература далеко не можетъ похвалиться обиліемъ работъ по экономической исторіи. Между тѣмъ потребность въ такихъ работахъ ощущается самая настоятельная; слишкомъ долго историки занимались, такъ сказать, вершиною историческихъ явленій и слишкомъ мало сдѣлали для фундамента историческаго зданія. Но, чтобы фундаментъ вышелъ прочнымъ, представляется вполне необходимымъ соединенное сотрудничество многихъ лицъ, дружная работа какъ по центральнымъ, такъ и по областнымъ вопросамъ экономической исторіи: только при такихъ совмѣстныхъ усиліяхъ, обусловливаемыхъ трудностью и кропотливостью этого новаго изслѣдованія, можно надѣяться, что для русской исторіи сравнительно въ короткое время будетъ совершенно самое необходимое дѣло.

Къ числу областныхъ историковъ слѣдуетъ отнести г. Дмитріева, который уже посвятилъ немало труда для разработки всевозможныхъ вопросовъ по исторіи Пермскаго края. Въ настоящемъ (3-мъ) выпускѣ своего «Сборника» г. Дмитріевъ дѣлаетъ попытку обрисовать экономическое состояніе «Перми Великой на рубежѣ XVI—XVII вв.» Г. Дмитріевъ для своей цѣли воспользовался писцовыми книгами по Перми Великой Яхонтова (1579 г.) и Кайсарова (1623—24 гг.), изъ которыхъ онъ, по его собственному признанію, черпалъ матеріалъ «полной мѣрой». Но работа г. Дмитріева, дѣйствительно имѣя несомнѣнное значеніе со стороны сообщаемого въ ней матеріала, страдаетъ крупнымъ методологическимъ недостаткомъ. Фактическія данныя всецѣло господствуютъ надъ г. Дмитріевымъ; онъ не изслѣдуетъ бывшія у него подъ руками писцовыя книги, а лишь «слѣдуетъ» за старинными писцами, которые, къ сожалѣнію, не предвидѣли, что ихъ пестрыя записи могутъ потребоваться для «ученаго» пересказыванья. Приемы г. Дмитріева настолько элементарны, что онъ не озабоченъ даже классификаціей сообщаемыхъ имъ фактовъ. Безъ малѣйшей связи въ нѣсколькихъ строкахъ онъ пересказываетъ самыя разнообразныя свѣдѣнія, точъ въ точъ какъ они въ свое время записывались. Напр.

сообщивъ, что Усольцы были обяваны давать въ пользу Великокняжескаго намѣстника по двѣ бочки мелкой рыбы или деньгами 20 алтынъ за бочку, г. Дмитріевъ непосредственно продолжаетъ: «Посадскій челоуѣкъ Андрей Хлестовъ имѣлъ на рѣчкѣ Черной мукомольную мельницу» и пр. пр.

Въ главѣ, трактующей о городахъ «въ историко—экономическомъ отношеніи», мы читаемъ объ иконѣ святит. чудотворца Николая, которая «донынѣ сохраняется въ Соликамскомъ соборѣ» (стр. 121) и пр. и пр.: это—примѣры, попавшіеся первыми на глаза. Иногда, впрочемъ, г. Дмитріевъ дѣлаетъ нѣкоторыя наблюденія въ цифрахъ, называемыя имъ любопытными: напр., съ увеличеніемъ пашни уменьшалась лѣсная площадь (стр. 116); но въ общемъ его работа не изслѣдованіе, какъ авторъ имѣлъ слабость ее рекомендовать, а лишь подробный рефератъ отчасти неизданнаго, а глав. образ. напечатаннаго г. Шипонко матеріала. Мы однако не затрудняемся повѣрить г. Дмитріеву на слово, что изданія г. Шипонко исполнены погрѣшностей, почему и согласны, что фактическая провѣрка этихъ изданій была необходима; еще болѣе сочувствія вызываетъ въ насъ то обстоятельство, что г. Дмитріевъ *напечаталъ цѣликомъ* писцовую книгу Яхонтова (1579 г.) по городу Усолью Камскому и Усольскому уѣзду.

Отдавая полную справедливость намѣреньямъ и трудолюбію издателя и автора «Сборника», мы собственно нѣсколько запоздали. Г. Дмитріевъ гораздо лучше насъ сознаетъ свои заслуги, помѣщая въ своихъ Сборникахъ списокъ напечатанныхъ имъ статей. Въ первомъ выпускѣ онъ насчиталъ 41 статью по исторіи Пермскаго края, «которыя, говоритъ авторъ, «я напечаталъ въ періодъ времени съ 1882—1888 г. «Теперь я продолжаю этотъ списокъ, заявляетъ онъ, и въ настоящемъ выпускѣ доходитъ до цифры 53. Эти работы до 1891 г. Количество, несомнѣнно, почтенное.... Можетъ быть, оно и побуждаетъ г. Дмитріева говорить въ предисловіяхъ о себѣ въ тонѣ Плутарха о герояхъ.

Н. Н. Ойрсовъ.

Сборникъ статей о Пермской губерніи Д. Смышляева.
Пермь. 1891 г.

Авторъ настоящаго сборника смотритъ на помѣщенные въ немъ статьи, какъ на сырой матеріалъ, который можетъ представить «нѣкоторый интересъ для любителей пермской старины.» Дѣйствительно, такіе «любители» найдутъ въ книгѣ г. Смышляева довольно много любопытнѣйшихъ фактическихъ данныхъ для исторіи разнообразныхъ сторонъ жизни въ Пермскомъ краѣ. Историкъ учреждений городского благоустройства, нравовъ, просвѣщенія и раскола въ этой области несомнѣнно будетъ очень благодаренъ г. Смышляеву за то, что онъ собралъ въ одну книгу нѣкоторыя свои статьи, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ на протяженіи 30 лѣтъ его научно-литературной дѣятельности. Изъ этихъ статей самую интересною и важною не только для мѣстной исторіи, но и вообще для исторіи раскола въ Россіи на нашъ взглядъ слѣдуетъ признать «очеркъ» подъ заглавіемъ: «Лжеучитель Мензелинъ». Названный очеркъ, подобно другимъ статьямъ «Сборника» («Матеріалы для

«исторія города Перми», «Изъ прошлаго», «Послѣдніе заключенные въ Далматовскомъ монастырѣ», «Къ исторіи путей сообщенія въ Пермской губерніи»), составленъ на основаніи архивнаго матеріала и даетъ весьма характерные факты для изученія русскихъ пессимистическихъ сектъ. Мензелинъ, глава одной изъ такихъ сектъ, проповѣдывалъ самоубійство. «И сказывалъ онъ, Мензелинъ, что уже приходятъ время притти въ міръ антихристу и потому должно отъ него бѣжать въ горы и вертепы и помереть голодомъ и засыпаться пепломъ, отъ чего и истаетъ тѣло, аки воскъ и душа уйдетъ на небо.» Послѣдователи находились; слушали своего учителя и тѣмъ или другимъ способомъ лишали себя жизни. Болѣе другихъ практиковались самосожженіе и самоутпленіе. Въ статьѣ приводятся изъ бумагъ потрясающія сцены самоубійства и убійства посредствомъ утопленія. Привлеченные властью къ отвѣту изувѣры, не вѣдашіе, что творять, говорили и о причинѣ, почему они «имѣли потаенный расколъ». «На исповѣди у причастія года по четыре и по пяти не бывали и нынѣ быть не желаютъ, представляя причину на священниковъ, что нюхаютъ табакъ, бранятся матерно и упиваются вина до пьяна.»

Н. Н. Оурсовъ.

Памятная книжка и адресъ-календарь Пермской губерніи за 1892 г. Изданіе Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета подъ редакціею члена-секретаря Д. Смышляева.

Это весьма солидно обставленное изданіе заключаетъ въ себѣ и «историческое отдѣленіе». Мѣстной исторіи посвящено нѣсколько статей въ «приложеніи» къ памятной книжкѣ, а именно: «Историческій очеркъ гражданскаго устройства Пермскаго края» г. Балбашевского (статья перепечатанная). «Ссылка окольничаго Михаила Романова въ Чердынскій край и Ныробскія древности» г. Дмитріева, «Древнѣйшіе города Перми Великой—Искоръ и Пацка» свящ. Василя Попова (статья перепечатанная), «Преосвященный Иннокентій, архіепископъ Волинскій» Вологодина (тоже) и «Среднія цѣны ржаной муки въ Пермской губерніи въ періодъ 135 лѣтъ (1727—1862) г.» Д. С. (по архивнымъ документамъ). Всѣ эти статьи свидѣтельствуютъ о значительномъ трудолюбіи авторовъ и о тщательности ихъ работы. Это вообще, а въ частности можно отмѣтить нѣкоторыя отличительныя черты. Статья г. Балбашевского написана довольно давно, чѣмъ, конечно, въ значительной степени обусловливаются и ея недостатки. Авторъ понялъ свою задачу слишкомъ внѣшнимъ образомъ: онъ приводитъ весьма много цифръ (числа лавокъ, церквей, домовъ, жителей, заводовъ и т. п.) и мельчайшихъ фактовъ административнаго отдѣленія, но нигдѣ не дѣлаетъ даже попытки хотя сколько-нибудь освѣтить свой матеріалъ, хотя сколько-нибудь выяснитъ взаимныя отношенія общественныхъ элементовъ въ Пермскомъ краѣ XVIII ст. Это, впрочемъ, для автора было бы обязательно лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ потрудился поставить себѣ весьма естественные и самые важные въ его темѣ вопросы: насколько гражданское устройство Пермскаго края въ XVIII ст. соотвѣтствовало дѣйствительнымъ потребностямъ населенія и какіе интересы преимущественно преслѣдовало это устройство? Если бы

авторъ писалъ свою статью теперь, то онъ, можетъ быть, и поставилъ бы себѣ эти вопросы; едва ли также онъ повторилъ бы въ настоящее время старинное заблужденіе на счетъ блеска культуры въ отдаленной древности Пермскаго края,—блеска, исходившаго изъ легендарныхъ разсказовъ о торговой и богатой Біарміи и ослѣпившаго глаза не одному ученому.

Статья г. Дмитріева прочтется съ полнымъ интересомъ всякимъ, кто занимается мѣстными древностями подобнаго рода; но мы осмѣливаемся думать, вопреки увѣреніямъ автора (стр. 50), что для обще-русской исторіи изъ этой статьи читатель не извлечетъ ничего сколько нибудь характернаго. То же самое относится и къ слѣдующимъ двумъ статьямъ свящ. Попова и г. Вологодина; но нѣчто важнѣйшее даетъ работа г. Д. С. Мѣста она занимаетъ немного болѣе страницы; однако не легко, вѣроятно, далась автору эта страница; кто работалъ надъ сырымъ архивнымъ матеріаломъ, тотъ оцѣнитъ результаты, добытые г. Д. С., результаты, очень полезные для общей экономической исторіи Россіи.

Н. Н. Оурсовъ.

Е. В. Кузнецовъ. Сказанія и догадки о христіанскомъ имени Ермака. Тобольскъ. 1891 г.

Нѣсколько темны родословіе и начальная жизнь покорителя Сибири, настолько загадочно и его имя. Съ тѣхъ поръ какъ исторія Сибири стала предметомъ изученія, многіе изслѣдователи пытались разгадать загадку, представляемую именемъ Ермака, доискивались того христіанскаго имени, которое носилъ этотъ народный герой, но далѣе догадокъ дѣло не пошло и, какъ кажется, вопросъ этотъ такъ и останется открытымъ навсегда. Авторъ разбираемой книжки, добросовѣстный и неутомимый изслѣдователь сибирской старины, поставилъ себѣ цѣлью свести въ одно сказанія лѣтописей и выводы историковъ по данному вопросу, а въ заключеніе высказалъ и свою догадку, какое изъ шести приписываемыхъ Ермаку именъ должно быть признаваемо за настоящее. Отсылая интересующихся подробностями къ самой книжкѣ, скажемъ лишь, что г. Кузнецовъ рядомъ остроумныхъ сопоставленій и выводовъ разбиваетъ доводы проф. Буцинскаго, одного изъ самыхъ послѣднихъ по времени изслѣдователей этого вопроса, утверждающаго, что имя Ермакъ составляетъ передѣлку имени Ермила. вмѣстѣ съ Миллеромъ, Никитскимъ и преосв. Мелетіемъ авторъ находитъ, что «вульгарное» слово Ермакъ есть передѣлка христіанскаго имени Ермолая; къ этому выводу онъ приходитъ однако по основаніямъ нѣсколько инымъ, чѣмъ вышеприведенныя изслѣдователи. Признавая, что древнѣйшія сибирскія лѣтописи (Строгановская и Есиповская) не даютъ и не могутъ дать отвѣта на занимающій его вопросъ, г. Кузнецовъ останавливается на синодикѣ тобольскаго собора, введенномъ при первомъ сибирскомъ архіепископѣ Кирианѣ, и этотъ документъ кладетъ въ основу своей догадки. Упомянутый синодикъ дѣйствительно имѣетъ немалую историческую цѣнность, такъ какъ данныя для него извлечены были

Кипріаномъ изъ полученнаго имъ въ 1622 г. отъ оставшихся еще въ живыхъ сподвижниковъ Ермака «писанія, како (они) придоша въ Сибирь и гдѣ съ погаными были бои и ково ямянемъ у нихъ убиша». Но что же мы находимъ въ этомъ синодикѣ? «Атаману Ермаку стоварици его которые побени... вѣчная память и возгласъ болшей» — и ничего больше, ни малѣйшаго намека на какое либо христіанское имя!

Обстоятельство это однако не особенно смущаетъ г. Кузнецова; дѣло въ томъ, что при четвертомъ архіепископѣ Герасимѣ (1640—1650 г.) имя Ермака въ синодикѣ замѣнено было именемъ Ермолая и съ тѣхъ поръ въ многочисленныхъ синодикахъ, распространившихся въ сибирской епархіи, вездѣ Ермакъ называется Ермолаемъ. «Эти образцы синодиковъ, пишетъ г. Кузнецовъ, показываютъ, что благодаря начальной сибирской іерархіи имя Ермака давнымъ давно было раскрыто». Но кто же изъ двухъ архіепископовъ правильно занесъ въ синодикъ имя покорителя Сибири, Кипріанъ ли, пользовавшійся такъ сказать первоисточникомъ, или Герасимъ, который очевидно не засталъ уже въ живыхъ ни одного изъ сподвижниковъ славнаго Ермака? Авторъ такимъ образомъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ: арх. Кипріанъ хотя и зналъ отъ сотоварищей Ермака его настоящее имя, но благодаря малограмотности и отсутствію школьнаго образованія, явленій обычныхъ въ духовенствѣ начала XVII вѣка, — не придавъ особаго значенія тому, подъ какимъ именемъ поминать Ермака, — подъ настоящимъ ли, христіанскимъ, или тѣмъ, которое его прославило. Архіепископъ же Герасимъ, человѣкъ замѣчательно по своему времени образованный, конечно не могъ не обратить вниманія на неудобство поминанія человѣка не христіанскимъ именемъ и поправилъ ошибку своего предшественника.

Приведенное соображеніе имѣло бы доказательное значеніе, если бы авторъ привелъ тѣ основанія, которыми руководствовался арх. Герасимъ, замѣняя въ синодикѣ имя Ермака—Ермолаемъ. Этого то мы и не находимъ въ изслѣдованіи г. Кузнецова, вслѣдствіе чего вправѣ предположить, что таковая замѣна была совершенно произвольной, и архіепископъ, смущенный «вульгарнымъ» именемъ Ермака, просто подыскалъ ему по созвучію наиболее подходящее изъ христіанскихъ именъ Ермолая. Не можемъ мы также согласиться съ тѣмъ, что арх. Кипріанъ былъ однимъ изъ тѣхъ пастырей, къ которымъ можно бы было отнести замѣчаніе автора о малограмотности и отсутствіи образованія въ духовенствѣ того времени. Какъ извѣстно, Кипріанъ, пробывъ въ Tobольскѣ всего три съ небольшимъ года, назначенъ митрополитомъ Крутицкимъ въ Москву и по должности своей являлся ближайшимъ помощникомъ патріарха Филарета; едва ли столь высокое въ церковной іерархіи мѣсто предоставлено было бы человѣку полуграмотному, малообразованному; ему же поручено было составленіе службы на праздникъ въ честь ризы Господней ¹⁾, а подобное порученіе несомнѣнно исключаетъ всякую возможность считать арх. Кипріана малограмотнымъ.

¹⁾ Митроп. Макарій. Ист. русск. церкви. Т. XI, стр. 40, 65.

Намъ кажется правильнѣе было бы признать, что Кипріанъ не зналъ настоящаго имени Ермака, какъ не знали его и тѣ изъ сподвижниковъ его, съ которыми приходилось бесѣдовать Кипріану. Вѣдь Ермакъ, не забудемъ этого, былъ однимъ изъ тѣхъ смѣлыхъ и страшныхъ разбойниковъ, которые, тяготясь условіями современной жизни, искали простора и воли вдали отъ родины и тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ могли знать. Становясь въ рядъ бездомныхъ искателей приключеній, Ермакъ, какъ и тысячи другихъ такихъ же «гулящихъ людей, просто въ интересахъ безопасности могъ скрыть свое настоящее имя, а затѣмъ, окрещенный своими товарищами замѣнилъ это давно забытое христіанское имя данной ему кличкой.

Такъ или иначе, но вопросъ о христіанскомъ имени Ермака остается не разрѣшеннымъ до сего времени, да пожалуй и не нуждается въ разрѣшеніи: каково бы ни было настоящее его имя, оно ничего не скажетъ русскому народу, и въ сознаніи послѣдняго завоевателемъ Сибири всегда останется все тотъ же «славный атаманъ Ермакъ Тимофеевичъ»....

И. Б. Тазенвинкель.

Dr. Германнъ Бруннгоферъ: Археологическія задачи и цѣли Россіи въ центральной Азіи. Русск. Обзор. 1891 г. кн. II. (293—309 стр.).

Бруннгоферъ извѣстенъ въ наукѣ своими историко-географическими изслѣдованіями по средней Азіи («Иранъ и Туранъ» Лейпц. 1889. и «Отъ Понта до Инда» Л. 1890 г.). Въ настоящей статьѣ онъ знакомитъ насъ съ главными выводами своихъ ученыхъ изслѣдованій, намѣчаетъ историческія и культурныя эпохи, отъ которыхъ остались многочисленные слѣды въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ и указываетъ на культурныя задачи и цѣли Россіи по отношенію къ племенамъ, населяющимъ теперь эти владѣнія. Бруннгоферъ доказываетъ, что извѣстные гимны индійскихъ брамановъ—такъ наз. Ригведа—сочинены (за 2000—2500 лѣтъ до Р. Х.) не въ Индіи, не въ Пенджабѣ, а на Иранскомъ и частью Туранскомъ плоскогоріяхъ, гдѣ въ то время жили арійцы-санскриты. Въ Индію они шли по длинной дугѣ отъ Кавказа, огибая Эльбрусъ, черезъ Короссанъ въ Пятирѣчье. Анализъ Ригведы приводитъ Бруннгофера къ заключенію, что рядомъ съ санкритоарійцами жили съ одной стороны паряне, съ другой—сѣверовосточной—финно-турко-монгольскія племена: монголы, угры, гунны, еще не тронутые культурой, свирѣпыя, безчеловѣчныя варвары. Борьба между арійскимъ Ираномъ и урало-алтайскимъ или тюрко-монгольскимъ Тураномъ издревле является борьбой культуры съ варварствомъ. Основные черты культуры и варварства остались здѣсь до наст. врем. безъ перемѣны: въ рѣчныхъ долинахъ и по склонамъ горъ живутъ земледѣльцы или скотоводы арійцы, въ пустынѣ-же кочуетъ коварный и хищный турокъ; одни склоны къ плодотворной, культурной работѣ, другой—къ дикому грабежу. Тотъ и другой образъ жизни развивался здѣсь благодаря тому обстоятельству, что чрезъ Гиндуку къ Оксусу издревле шель караванный

путь изъ земель Востока и Юга, изобилующихъ пряностями, въ земли Сѣвера и Запада, потребляющія эти пряности. По р. Оксусу товары шли въ Касп. м., затѣмъ въ Албанію и р. Куру, къ берегамъ Черн. м., а оттуда порѣкамъ въ сѣверозападную Европу, или же черезъ Дарьяльское ущелье, чрезъ землю финскаго племени аорсовъ, живущихъ по р. Дону. Въ тоже время торговые караваны тянулись изъ промышленнаго Вавилона черезъ Мидійскій хребетъ, Каспійскія ворота, Кроссанъ въ Ташкентъ и въ другіе города и страны средней Азіи. Такимъ образомъ Иранъ и Туранъ находились на дорогѣ экспортной торговли юговостока и югозапада, и мѣстное населеніе, смотря по географич. условіямъ, или получало большія выгоды отъ культурной работы, или занималось легкой наживой отъ дорожнаго разбоя.

Какъ посредница между Востокомъ и Западомъ, средняя Азія сдѣлалась издавна театромъ мировыхъ событій. Здѣсь одна мировая монархія смѣняла другую. Вавилоняне и ассиріяне, мидяне и персы, македоняне и діадокхи, римляне и паряне, новоперсы при Сассанидахъ, новоримляне при византійскихъ императорахъ, арабы при калифахъ, турки и наконецъ мировые разорители—монгольскіе ханы—попеременно боролись и господствовали въ Иранѣ и Туранѣ. Политическая борьба поддерживалась и осложнялась борьбой религій. Бассейны Тигра и Евфрата были мѣстомъ рожденія и полемъ битвы культа свѣта Сабеевъ, огнепоклоненія послѣдователей Зороастра, солнцепочитанія брамановъ; при Александрѣ В. религія Аполлона здѣсь боролась съ религіей Ормузда; при Арсасидахъ здѣсь въ религіи Мави соединились элементы парсизма, христіанства и буддизма и образовали манихейство, которое проникло даже въ средневѣковую Европу. Въ восточномъ Иранѣ, вплоть до бассейна Тигра и Евфрата, въ теченіе многихъ вѣковъ мирно распространялся и господствовалъ буддизмъ, между тѣмъ какъ на западѣ возникла кровопролитная борьба между возродившимся при Сассанидахъ ученіемъ Зороастра и христіанствомъ армянъ и византійцевъ. Сѣвернѣе, въ современной Бухарѣ, шла расовая и религіозная борьба между туранскимъ буддизмомъ и иранскимъ парсизмомъ. Затѣмъ въ теченіе вѣковъ по берегамъ Оксуса и Яксарта велась ожесточенная война между распространителями ученія Магомета, приверженцами Зороастра и несторіанами.

«Тамъ, гдѣ прекращаются караванные пути Востока и Запада, гдѣ приходятъ въ соприкосновеніе культуры различныхъ расъ, гдѣ священнослужители и князья внѣшнимъ блескомъ своей религіи стараются наглядно показывать ея преимущество надъ другими, тамъ неизбежно должна появиться и роскошь». И дѣйствительно, исключая золотую Индію и Римъ временъ императоровъ, нигдѣ не было такого великолѣпія и роскоши, какъ въ Иранѣ и Туранѣ при позднѣйшихъ персидскихъ царяхъ, особенно во время владычества парянь, собравшихъ добычу со всего свѣта, и при ограбившихъ міръ монгольскихъ ханахъ.

Теперь вполне ясно, на какое обиліе различныхъ находокъ можно разсчитывать при археологич. изслѣдованіяхъ этой части Азіи, если только таковыя будутъ производиться въ систематическомъ порядкѣ сообразно длинному ряду слѣдовавшихъ одна за другою культуръ. Необходимо, чтобы въ

центрахъ духовной и административной жизни внутренней Азіи были устроены археологическія и этнографическія коллекціи, которыя содержались бы на доходы данныхъ областей. Одно изъ величайшихъ благодѣяній со стороны Россіи для погруженныхъ теперь въ невѣжество племенъ Ирана и Турана будетъ состоять въ томъ, чтобы не лишить этихъ въ будущемъ культурныхъ народовъ ихъ прошлаго. При собираніи и сохраненіи памятниковъ старины слѣдуетъ имѣть въ виду намѣченныя выше культурныя эпохи и борьбу расъ. При постройкѣ Закаспійской жел. дороги, проходящей какъ разъ въ Гиркани, въ Парейи и въ древнемъ Короссанѣ было, вѣроятно, слѣдено много находокъ, которыя становятся понятными только теперь, благодаря открытіямъ Бруннгофера. Желательно, чтобы необходимыя для новой жел. дороги земляныя работы производились подъ наблюденіемъ археолога. Не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія ишодного черепка; содержимое найденныхъ сосудовъ должно подвергаться химическому анализу; одно хлѣбное зернышко можетъ открыть цѣлую перспективу, какой ниб. обломокъ сосуда или украшеннаго вооруженія можетъ указать на историч. связь или дать цѣлую надпись. Одно слово, одно имя, письменное дошедшее до насъ изъ глубокой древности, имѣло бы неоцѣненное значеніе для языкованія, исторіи письменности и для этнографа. Сколько свѣта пролило бы подобное открытіе на Веды, на Авесту и можетъ быть на Шахнамѣ! Въ какой степени оно освѣтило бы центральную Азію Ктезія, Геродота, Страбона, Птоломея или Амміана Марцеллина въ эпоху великаго переселенія народовъ! Собирая всѣ доступныя для насъ названія странъ, народовъ, городовъ, деревень, мѣстечекъ и связанныя съ ними саги, можно надѣяться, что намъ удастся вполне понять памятники древней литературы Персіи и Индіи.

Культурная миссія Россіи въ средней Азіи можетъ и должна опираться на персидскую народность, которая до сихъ поръ сохраняетъ въ себѣ богатѣйшія духовныя сокровища, унаслѣдованныя ею отъ блестящаго прошлаго тысячелѣтней персидской монархіи. Лишь фанатизмъ и угнетавшая система турокъ придавили на время самостоятельность персовъ. Но правильная государственная жизнь и европейская наука снова пробудитъ это даровитое племя къ духовной жизни и возбудитъ въ немъ любовь къ своему прошлому. «Въ среднеазиатскихъ университетахъ, хотя бы въ томъ же въ Самаркандѣ, персидская молодежь будетъ снова одушевляться лекціями о Шахнамѣ и пріобрѣтаетъ свѣдѣнія, необходимыя для ознакомленія съ археолого-этнографич. музеемъ, на пользу котораго она впоследствии сама будетъ работать. Что сначала возможно лишь въ Самаркандѣ, то со временемъ можетъ осуществиться также и въ Мервѣ».

Высказанныя Б-ромъ desiderata при своемъ осуществленіи безспорно могутъ оказать громаднѣйшую услугу наукѣ и дѣлу просвѣщенія въ нашихъ азиатскихъ владѣніяхъ; можно только пожелать, чтобы эти идеи не остались въ области мечтаній, а перешли бы въ дѣйствительность въ возможной полнотѣ и въ наиболѣе близкомъ времени.

М. П.—нѣ.

Записки Импер. Русскаго Географическаго Общества, по отдѣленію этнографіи, т. XVII, в. 2, Спб. 1891 г.

Этотъ выпускъ Записокъ Географич. Общества цѣликомъ посвященъ этнографіи Восточной Россіи и Сибири, какъ видно изъ нижеслѣдующаго краткаго изложенія его содержанія:

1. Вруцевичъ, М. С. Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области, стр. 1—41.

Послѣ очень краткаго географическаго очерка Якутской области авторъ даетъ этнографическую характеристику обитателей этой области: якутовъ, тунгусовъ, якугировъ и чукчей со стороны ихъ матеріальной и, отчасти, духовной культуры, причемъ главное вниманіе обращаетъ на якутовъ, какъ преобладающій элементъ населенія этой области.

2) Троновъ, В. Д. Матеріалы по антропологии и этнологіи киргизъ, стр. 45—86.

Врачъ Троновъ произвелъ довольно обстоятельныя антропологическія измѣренія 49 киргизъ (36 мужчинъ и 13 женщинъ) Зайсанскаго уѣзда Семипалатинской области и въ результатъ этого далъ антропологическую характеристику зайсанскихъ киргизъ. При этомъ авторъ сравниваетъ добытые имъ результаты съ данными д-ра Зеланда относительно каракиргизъ. Къ этому авторъ присоединяетъ свѣдѣнія о болѣзняхъ, господствующихъ среди зайсанскихъ киргизъ, даетъ характеристику ихъ нравственной природы, описываетъ ихъ занятія и образъ жизни. Въ особой главѣ описываются брачныя обычаи киргизъ, ихъ семейныя отношенія, а въ заключеніе сообщаются нѣкоторыя черты изъ области обычнаго права киргизъ.

3. Михайловъ, В. И. Обряды и обычаи чувашъ, стр. 91—130.

Авторъ описываетъ нѣкоторые обряды и обычаи чувашъ, связанные съ празднованіемъ новаго года, Крещенія, масляницы, Пасхи; гораздо подробнѣе онъ останавливается на обрядахъ и обычаяхъ этого народа, связанныхъ съ земледѣльческимъ бытомъ его (сѣмянная каша, моленіе передъ Петровками, по окончаніи полевыхъ работъ и проч.), заботами о скотѣ (хлѣбная каша, прохожденіе черезъ ровъ, Миямирь); немало описывается поминальныхъ (семикъ, поминovanje передъ началомъ полевыхъ работъ, осеннее пиво) и похоронныхъ обрядовъ, а также брачныя обряды и обычаи (самокрутная свадьба, гулянье новобрачной и новобрачнаго), игры и времяпровожденіе молодежи (крещенское дѣвичье сидѣнье, моленіе воробья, дѣвичье пиво), моленія различнымъ духамъ. каковы: киреметь, тюри, эрихъ, домовый. Въ этой же статьѣ г. Михайловъ приводитъ 31 номеръ чувашскихъ пѣсенъ общаго характера и 5 номеровъ хороводныхъ пѣсенъ съ ихъ русскимъ переводомъ. Тоже дѣлаетъ онъ и съ тремя сообщаемыми имъ чувашскими поговорками. Въ своей статьѣ авторъ, вѣроятно, имѣетъ въ виду сыранскихъ чувашъ.

4. Катановъ, Н. Ф. Поѣздка съ карагасамъ въ 1890 г. стр. 133—230.

Въ настоящей статьѣ, изложенной въ видѣ путевого журнала, г. Катановъ излагаетъ результаты своей поѣдки къ карагасамъ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ, обитающихъ въ лѣсахъ Саяна и ведущихъ звѣролов-

ный бытъ. Авторъ изучалъ языкъ карагасовъ, записалъ немало пѣсень и сказокъ ихъ, а также описываетъ нравы и нѣкоторые обычаи этого народа. Но все это пока представляетъ совершенно сырой матеріалъ, обработка котораго обѣщаетъ познакомиться насъ съ этимъ мало извѣстнымъ, вымирающимъ теперь народомъ.

П. Кротовъ.

Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Древ. Росс. 1891, III.

Третья книга «Чтеній» за истекшій 1891 г. представляетъ значительный интересъ для историка Восточной Россіи. Въ ней помѣщены «двѣ сказки» казака Владиміра Атласова объ открытіи Камчатки, отысканныхъ г. Оглоблинымъ въ дѣлахъ Сибирскаго Приказа въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Благодаря этимъ «сказкамъ» въ исторіи завоеванія Камчатки, которая излагалась до сихъ поръ на основаніи сибирскихъ лѣтописей, приходится, по словамъ издателя, многое измѣнить и дополнить, другое отбросить. Сравненіе подлинныхъ «сказокъ» Атласова съ тѣми, что до сихъ поръ выдавалось, какъ его рассказы, обнаруживаетъ значительное количество искаженій, которымъ подверглись у сибирскихъ лѣтописцевъ его извѣстія о Камчаткѣ. Въ подлинныхъ показаніяхъ Атласова наша старая географическая литература пріобрѣтаетъ весьма цѣнное дополненіе. Нельзя не удивляться, читая сжатія показанія сибирскаго казака, тому широкому круговору, который обнаруживаетъ этотъ необразованный искатель новыхъ земель: онъ всматривается въ природу страны, говоритъ о ея произведеніяхъ, свойствахъ почвы—въ бытъ ея жителей, въ ихъ орудія, средства сообщенія, общественный строй и взаимныя отношенія, въ потребности, которымъ можетъ удовлетворить торговля, и въ средства передвиженія.

Для археологовъ «сказки» Атласова представляютъ исключительный интересъ въ виду того, что онъ описываетъ людей, пользовавшихся еще каменными и костяными орудіями.

Помѣщенное въ той-же книжкѣ изслѣдованіе г. Сапожникова «Самоожженіе въ русскомъ расколѣ съ второй половины XVII в. до конца XVIII» заключаетъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для исторіи сибирскаго раскола.

М. С.

УКАЗАТЕЛЬ

статей по археологiи, исторiи и этнографiи, помѣщенныхъ въ неофициальной части Симбирскихъ губ. Вѣдомостей съ 1865 по 1878 г. *)

1865. Ф. Гребнеръ. Этнографическій очеркъ. (№№ 32, 54, 55, 57).
 1866. Статистич. описанiе с. Поповки Сенгил. у. (№ 13).
 1867. Арнольдъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ по Симб. губ. (№№ 12, 14—18).
 — Его же. С. Березники (№ 60).
 — Чувашскiя повѣрья въ Курмышскомъ уѣздѣ Симб. губ. (№№ 21—22).
 — Юрловъ. Материалы для этнографич. замѣтокъ. — 1) Симбирская записка окладахъ (№ 24).
 — Его же. 2) Заученный разговоръ крестьянскихъ балагуровъ и рацея дружки (№ 37).
 — Его же. 3) Народная пѣсня, записанная въ с. Поливнѣ Симб. губ. и у. (№ 37).
 — Его же. 4) Поливенская пристань. — 5) Нѣсколько словъ о простонародныхъ заговорахъ и молитвахъ (№ 86).
 — Пановъ. Праздникъ въ селѣ Олоевщинѣ Ардат. у. Симб. губ. (№ 25).
 1867. Замѣтка о свадебныхъ обрядахъ въ Симб. губ. (№№ 27, 29, 30).
 — Чувашскiй праздникъ Учукъ. (№№ 33, 36).
 — Программа для собиранiя народныхъ юридическихъ обычаевъ (№№ 45, 48, 51, 55—57).
 — Материалы для этнографiи Симбирскаго края (№ 52).
 — Замѣтки о нашихъ (Симб.) церковныхъ древностяхъ (№ 61).
 — Благовѣщенскiй монастырь (№ 66).
 — Статистическiя замѣтки по Симбирск. губ. за 1867 г. (№ 87).
 — Какiе инородцы населяютъ Симбирск. губернiю (№ 91).
 — Административное дѣленiе нынѣшней Симб. губ. въ 1764 г. (№ 97).
 — Повѣрья и сказанiя крестьянъ Симб. губ. (№ 99).
 — Присяга установившаяся обычаями, какъ очистительное доказательство невинности (№ 122).
 1868. Клады въ Карсунскомъ уѣздѣ (№ 6).
 — Къ материаламъ по исторiи Сим-

*) До 1865 г. въ Симбирскiхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ не сохранилось по причинѣ пожара 1864 г.

- бирск. края (№ 22).
- Замятка о Симбирскѣ (№ 51).
- Арнольдъ въ. Изъ Симбирской старины (№ 56).
- Ег о - ж е. Этнографическія замѣтки по Симб. губ. (№ 76).
- Ег о - ж е. Городъ Сенгилей (№ 80).
- Описаніе инородческихъ селеній Симб. уѣзда (№№ 67 — 70, 72, 77, 78, 80, 81).
- Село Усолье (№№ 91, 99).
- Село Красные Четаи (№№ 110—112).
1870. Слаточная запись 1669 г. (№ 69).
- Сговорная запись 1694 г. (№ 66).
- Разводная грамота спорнымъ землямъ (№ 72).
- Тяжебныя дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ (№ 73).
- Сговорная запись 1682 г. (№ 83).
- Древняя память 1683 (№ 87).
1871. К. Х о в а н с к і й. Древняя грамота (№ 23).
- Ег о - ж е. Жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича Б. И. Зуину (№ 31).
- Чувашскій праздникъ Авдан-Сыры или Кир-Сыры (№№ 54, 55, 57).
1872. И. Х - р - ф - в ъ. Село Тагай 191 годъ тому назадъ (№ 69).
- Грамота на владѣніе землею данная Тагаевскимъ казакамъ (№ 71).
1873. И. Х - р - в ъ. Нарвскій пѣхотный полкъ во времена Петра Великаго 1723—25 гг. (№ 7).
1874. Я р о в о й. Историческіе матеріалы Симб. губ. (№ 10).
- Са д о в н и к о в ъ. Этнографическіе матеріалы Поволжскаго края (№№ 34, 36, 40, 46, 47, 51).
- Село Пригородъ-Аргашъ (№ 38).
- Х - р - ф - в ъ. Очерки учебныхъ заведеній Симб. губ. въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія (№№ 69, 70, 73, 74, 78, 79, 80, 83, 84, 88).
1875. Я р о в о й. Жалованная грамота данная въ правл. царевны Софіи Савину Ѳеодоровичу Лукину по случаю заключенія мира и союза съ польскимъ королемъ Яномъ Сигизмундомъ (№ 4).
- Очерки изъ исторіи Симбирской гимназіи (№№ 9, 11, 12, 16, 18, 19, 22, 32—34, 37—40, 43—46).
- Копія съ правой грамоты, данной царями Иоанномъ и Петромъ Алексѣевичами Тагайскимъ казакамъ Андрею Лабайну съ товарищами на владѣніе земель. (№ 25).
- Листъ изъ прихода - расходной книги Тагаевского церковнаго старосты Павла Афанасьева Плотнокова (№ 26).
- Жалованная грамота Тагаевскимъ казакамъ (№ 52).
- К л ю ж е в ъ. С. Печерское (№ 59).
- Истор. матер. Отпускной указъ, данный въ царств. Императрицы Анны Иоановны драгуну Тимоею Аверкіеву (№ 63).
- Истор. матер. Запись и отпись (№ 64).
- Прошеніе царю Ѳеодору Алексѣевичу, о пожалованіи земель. Завѣщаніе дочери и сыну (№ 80).
- Грамота на обмѣнъ помѣстьями (№ 87).
1876. Х - р - в ъ. Опись Тамбовскихъ пограничныхъ укрѣпленій (№ 9).
- Причитанія невѣсты; изъ свадебныхъ обрядовъ поселянъ (№ 16).
- Прошеніе сельскаго старосты Екаторинѣ Великой на дьяконскихъ дѣтей (№ 25).
- Ю д и н ъ. Село Сухой-Карсунъ (№ 29).
- Истор. матер. Челобитныя грамоты Петру Великому Симбир-

- скихъ муръ и Ключищенскихъ 1878. П. Варламовъ. Краткій очеркъ татаръ (№ 35).
- Добросмысловъ. Чувашская свадьба. Изъ жизни чувашъ Буинскаго у. (№№ 57, 58).
1877. Объясненіе названій нѣкоторыхъ городовъ Симб. губ. (№ 9).
- П. Варламовъ. Свадебные обряды въ с. Резоватовъ Ардат. у. Симб. губ. (№ 48).
- И. Христофоровъ. Значеніе IV Археологическаго Съѣзда въ Казани для исторіи Симбирской губ. (№ 71).
- Его-же. Сельскіе, приходскіе, осенніе храмовые праздники, совершаемые жителями Резоватовской волости Ардат. у. Симб. губ. (№ 57).
- Сергіевскій. Село Новая-Зиновьевка Карсунск. у. Симб. губ. (№ 79).

В. Или—чии.

ПРОТОКОЛЫ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

На предложеніе г. Предсѣдателя Общества отъ 4 іюня 1891 г. выражено согласіе гг. членовъ Совѣта на печатаніе 3 выпуска IX тома «Извѣстій» Общества, содержащій въ себѣ: протоколы, отчетъ, списокъ членовъ Общества за 1890 годъ, трудъ Р. А. Нелидовой: «Злая и добрая жена по народнымъ картинамъ» и «Мелкія этнографическія сообщенія» (Иванова и Аптіева).

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА 29 СЕНТЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Предсѣдатель Н. А. Ойрсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Ивановскъ; Члены: И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ, А. И. Соколовъ, П. А. Пономаревъ; и. д. секретаря Н. З. Тиховъ.

Было заслушано:

I) Отношеніе г. Начальника Типографіи Университета отъ 25 мая 1891 г. за № 594 о препровожденіи въ Общество 500 экземпляровъ «Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда том. II съ атласомъ». — **П о с т а н о в л е н о:** принять къ свѣдѣнію и книги сдать въ бібліотеку Общества.

II) Отношеніе члена-сотрудника архитектора М. Д. Михайлова отъ 23 іюня 1891 г. о доставленіи имъ въ Общество камня, взятаго изъ окрестностей деревни Большое АTRASье, Тетюшскаго у. Казанской губ. Въ виду того, что камень этотъ составляетъ предметъ особеннаго почитанія мѣстныхъ татаръ, г. Михайловъ проситъ снять копію съ рисунка и надписи, а камень потомъ, въ случаѣ надобности, отправить на прежнее мѣсто, причемъ расходы по доставкѣ онъ принимаетъ на себя. — **П о с т а н о в л е н о:** благодарить г. Михайлова и просить д. ч. I. Э. Готвальда прочитатъ и перевести надпись на памятникѣ.

III) Счетъ отъ г. Начальника Типографіи отъ 28 іюня 1891 г. за № 743 съ просьбой уплатить за наборъ и печатаніе—300 экземпляровъ 3-го выпуска IX тома «Извѣстій Общества» на сумму—68 рублей.

IV) Счетъ отъ г. Начальника Типографіи отъ 20 іюля 1891 г. за № 1069 съ просьбой уплатить за печатаніе сверхъ 13¹/₂ листовъ въ годъ: Извѣстій т. VIII вып. 1—350 экземпляровъ—267 р.; т. VIII вып. 2: 360 экзemplар.—330 руб. и т. IX вып. 3: 300 экзempl.—24 руб., всего на сумму—621 руб.— **П о с т а н о в л е н о:** уплатить по этимъ счетамъ пока—200 рублей.

V) Счетъ отъ г. Начальника Типографіи отъ 21 сентября 1891 г. за № 1114 съ просьбой объ уплатѣ за мелкія печатанія (объявленій, конвертовъ) по счетамъ 1891 г. за №№: 91, 99, 243, 283, 525 и 814, всего на сумму—13 р. 50 к. — **П о с т а н о в л е н о:** уплатить.

VI) Извѣщеніе Антропологическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія отъ 4 іюля 1891 г. за № 2401 объ оставленіи А. Н.

Харузинимъ должности Секретаря Отдѣла и передачи послѣдней Неофиту Васильевичу Калужскому (Поварская, Скарятинск. переул. собств. домъ). — **П о с т а н о в л е н о:** принять къ свѣдѣнію.

VII) Отношеніе полицейскаго урядника 2 участка Сенгилеевскаго уѣзда Михаила Ивовщикова отъ 23 іюля 1891 г. съ приложеніемъ двухъ тетрадей его сборника сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и словъ. — **П о с т а н о в л е н о:** передать рукопись въ редакціонный Комитетъ для разсмотрѣнія.

VIII) Прошеніе уполномоченнаго Угличскихъ гражданъ Л. Э. Соловьева отъ 3 августа 1891 г. объ оказаніи содѣйствія въ дѣлѣ возвращенія изъ Тобольска ссыльнаго Угличскаго колокола съ приложеніемъ: 1) удостовѣренія Тобольской Консисторіи отъ 22 декабря 1888 года за № 9956 о существованіи при архіерейской домовоі церкви корноухаго колокола съ надписью и 2) выписки изъ Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей о нахожденіи Угличскаго ссыльнаго колокола въ мѣстномъ музеѣ. — **П о с т а н о в л е н о:** въ виду окончанія дѣла оставить безъ послѣдствій.

IX) Извѣщеніе Главнаго Штаба отъ 16 августа 1891 г. за № 34183 о препровожденіи въ Общество 1-го экземпляра Каталога Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба выпускъ—II. — **П о с т а н о в л е н о:** благодарить.

X) Письмо члена-сотрудника Шкапскаго отъ 6 сентября 1891 г. о приобрѣтеніи имъ «маститой древности—огромной кости животнаго—звѣря» съ описаніемъ; при этомъ Шкапскій проситъ сообщить, почему ненапечатанъ его рукописи. — **П о с т а н о в л е н о:** отвѣтить г. Шкапскому, что рукописи его не имѣютъ никакого историческаго значенія, потому редакціонный Комитетъ Общества и рѣшилъ не печатать ихъ.

XI) Отношеніе члена-сотрудника К. С. Рябинскаго съ приложеніемъ а) исторической записки о Козмодемьянскомъ городскомъ училищѣ, б) статьи: «Городъ Козмодемьянскъ Казанской губ.»; в) сообщенія: «Нѣсколько археологическихъ данныхъ о г. Козмодемьянскѣ» и д) плана острога. Въ письмѣ г. Рябинскій проситъ выслать Извѣстія Общества, начиная съ VIII тома. — **П о с т а н о в л е н о:** Сообщение передать въ редакціонный Комитетъ и отвѣтить г. Рябинскому, что членамъ-сотрудникамъ Извѣстія Общества не посылаются, если не напечатано никакого сообщенія отъ нихъ.

XII) Отношеніе г. секретаря Астраханскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 24 іюля 1891 г. за № 270 съ препровожденіемъ отчета за 1890 г. о дѣятельности названнаго Комитета. — **П о с т а н о в л е н о:** благодарить.

XIII) Полученъ томъ трудовъ Кенигсбергскаго Физико-Экономическаго Общества за 1891 г. — **П о с т а н о в л е н о:** послать въ обмѣнъ IX томъ Извѣстій Общества.

XIV) Получено все изданіе этнографическаго журнала Wisła въ обмѣнъ на всѣ вышедшіе тома «Извѣстій Общества Арх., Истор. и Этногр.».— **П о с т а н о в л е н о:** послать въ обмѣнъ все изданіе «Извѣстій» Общества.

XV) Получена рукопись Черемисскаго Словаря сельскаго учителя Троцкого съ просьбой о напечатаніи его въ «Извѣстіяхъ» Общества. — **П о с т а**

новлено: просить И. Н. Смирнова рассмотреть словарь и доставить свой отзыв о немъ.

XVI) Письмо В. М. Флоринскаго объ отказѣ его отъ участія въ дѣлахъ Общества. — П о с т а н о в л е н о: принять къ свѣдѣнію.

XVII) Предложеніе д. ч. Н. А. Толмачева объ участіи Общества въ чествованіи 70-лѣтней годовщины профес. Р. Вирхова, почетнаго члена Общества, телеграммой и о подпискѣ на увеличеніе фонда имени Вирхова. — П о с т а н о в л е н о: послать телеграмму, уплатить за нее изъ средствъ Общества, а воззваніе объ увеличеніи фонда имени Вирхова циркулировать между членами Общества.

XVIII) Комиссионный расчетъ отъ продажи изданій Общества А. А. Дубровинымъ на сумму—15 руб. и 130 р. 9 к. и Н. Я. Башмаковымъ на сумму—29 р. 19 коп. — П о с т а н о в л е н о: полученныя деньги передать чрезъ и. д. Казначея Общества И. А. Износкова г. Начальнику Типографіи въ счетъ долга Общества.

XIX) Докладъ д. ч. А. А. Штукенберга о поѣздкѣ совмѣстно съ г. Предсѣдателемъ Н. А. Фирсовымъ въ Болгары, о произведенныхъ тамъ поправкахъ и покупкахъ вещей; приэтомъ представленъ счетъ отъ сторожа Мордвишина за поправку зданій на 53 руб. и за покупку вещей—33 руб. — П о с т а н о в л е н о: расходы одобрить; Мордвишину выдать пока 30 рублей, а остальные деньги—по окончаніи работъ; причеъ Мордвишинъ долженъ представить удостовѣреніе въ окончаніи работъ, отъ мѣстнаго священника.

XX) Предложеніе д. ч. И. Н. Смирнова объ устройствѣ лекцій въ пользу голодающаго населенія Казанской губернии. — П о с т а н о в л е н о: доложить объ этомъ Общему Собранію и предложить гг. членамъ принять участіе, назначивъ предметъ и время чтенія.

XXI) Предложеніе А. А. Штукенберга о навязкѣ коллекцій на картоны проволокой. — П о с т а н о в л е н о: исполнить и выдать на расходы на первое время—10 рублей.

XXII) Докладъ и. д. Казначея Общества И. А. Износкова о состояніи суммъ Общества: на приходѣ значится процентными бумагами—500 руб. и деньгами—567 р. 15 к., а на расходѣ—353 р. 1 к., всего наличо—500 руб. процентными бумагами (три—5% облигаціи 2-го Восточнаго займа по 100 р. и квитанція Государственнаго Банка на конверсированіе двухъ 5% облигацій 1-го Восточнаго займа) и деньгами—214 рублей 14 коп. Въ виду того, что въ Банкѣ не выдаютъ конверсированныхъ облигацій безъ довѣренности Общества, то и. д. Казначей И. А. Износковъ, просить Совѣтъ выдать ему надлежащую довѣренность. — П о с т а н о в л е н о: докладъ о состояніи счетовъ принять къ свѣдѣнію, а довѣренность выдать.

XXIII) П о с т а н о в л е н о: назначить Общее Собраніе членовъ Общества на Воскресенье 13 октября въ 12 дня: а) для избранія въ дѣйствительные члены Общества П. Н. Кротова и В. В. Молодцова и б) для выслушанія сообщений: 1) П. А. Пономарева: Булгарскій городъ Ошель и его окрестности; 2) А. А. Штукенберга: о послѣднихъ раскопкахъ въ Болгарахъ; 3) И. Н. Смирнова: предварительный отчетъ о поѣздкѣ къ Мордавѣ.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ 13 ОКТЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Председатель Н. А. Эирсовъ, Товарищ Председателя И. А. Износковъ; г. Ректоръ Университета К. В. Ворошиловъ; дѣйствительные члены: А. А. Штукенбергъ, П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, Н. Н. Галкинъ - Врасскій, Д. И. Образцовъ, Э. Г. Мищенко и Н. А. Толмачевъ; члены сотрудники: М. Е. Кобасевъ, Т. С. Семеновъ, А. К. Кулагинъ, Э. О. Суринъ, М. Н. Аристовъ, К. И. Воронцовъ и М. Н. Пинегинъ; и. д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

1) Председатель Н. А. Эирсовъ сказалъ нѣсколько прочувствованнымъ словъ памяти скончавшагося недавно дѣйствительнаго члена Общества, члена ревизионной Комиссiи Я. С. Степанова. — Присутствовавшіе почтили память усопшаго обычнымъ вставаніемъ.

2) Г. Председатель заявилъ о необходимости дополнить составъ ревизионной Комиссiи выборомъ новыхъ двухъ членовъ, такъ какъ за отказомъ Н. Н. Булича и смертію Я. С. Степанова членомъ ревизионной Комиссiи состоитъ только Н. А. Толмачевъ. — **П о с т а н о в л е н о:** отложить избраніе до слѣдующаго Общаго Собранія.

3) Г. Председатель заявилъ о принесеніи въ даръ Обществу д. чл. Д. А. Корсаковымъ его труда: «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка». — **П о с т а н о в л е н о:** выразить благодарность Д. А. Корсакову.

4) Г. Председатель заявилъ о принесеніи въ даръ Обществу членомъ-сотрудникомъ Э. О. Суринымъ 31 мѣдной и 1 серебряной монеты, найденныхъ при раскопкахъ въ с. Болгарахъ Спасскаго уѣзда Казанской губ. — **В ы р а ж е н а** благодарность г. Сурина въ засѣданіи.

5) Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта Общества 29 Сентября 1891 г.

6) Д. ч. П. А. Пономаревъ сдѣлалъ сообщеніе: «Булгарскій г. Ошель и его окрестности», вызвавшее замѣчанія А. А. Штукенберга. — И. Н. Смирновъ замѣтилъ, что въ редакціонномъ Комитетѣ Общества имѣется рукопись покойнаго члена - сотрудника Е. Т. Соловьева, близко касающаяся вопроса о Булгарскомъ г. Ошелѣ. — **П о с т а н о в л е н о:** въ виду этого прочитать сообщеніе г. Соловьева въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

7) Д. ч. А. А. Штукенбергъ сдѣлалъ сообщеніе: «О послѣднихъ раскопкахъ въ с. Болгарахъ». — Сообщеніе это вызвало замѣчаніе г. Товарища Председателя И. А. Износкова и П. А. Пономарева. — Г. Председатель Н. А. Эирсовъ замѣтилъ, что раскопки крестьянъ даютъ еще новыя доказательства богатства древнихъ Болгаръ, и что вслѣдствіе раскопокъ въ настоящее время площадь въ Булгарахъ съ остатками старинныхъ построекъ значительно расширена сравнительно съ прежнимъ временемъ.

8) Д. ч. И. Н. Смирновъ сдѣлалъ предварительный отчетъ о своей поѣздкѣ къ Мордвѣ. Онъ предполагаетъ посвятить нѣсколько сообщеній, касающихся Мордвы, и потому изложилъ тотъ планъ, которому онъ будетъ слѣдовать при изложеніи исторіи, описаніи быта, погребальныхъ обычаевъ и религіозныхъ вѣрованій мордовской народности, и отмѣтилъ тѣ новыя данныя, которыя онъ добылъ въ свое путешествіе.

IX) Избраніе въ дѣйствительные члены П. И. Кротова и В. В. Молоцова не состоялось за неприбытіемъ достаточнаго числа членовъ.

Предложеніемъ Г. Предсѣдателя, циркулировавшимъ 13 октября 1891 г. между членами Совѣта Общества, избранъ въ члены - сотрудники Магистръ Гельсингфорскаго Университета Георгъ Вихманъ, предложенный д. ч. И. Н. Смирновымъ и Н. З. Тиховымъ; согласно просьбѣ Вихмана выдано ему удостоверительное свидѣтельство за № 231 въ томъ, что Общество поручаетъ ему, Вихману, производить этнографическія изслѣдованія въ Вятской губерніи.

ЗАСѢДАНІЕ СОВѢТА 30 ОКТЯБРЯ 1891 ГОДА.

Присутствовали: Предсѣдатель Общества Н. А. Эирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, Члены: И. Н. Смирновъ, А. А. Штукенбергъ, А. И. Соколовъ, П. А. Пономаревъ, и. д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

Было заслушано слѣдующее:

1) Дѣйствит. членъ И. Н. Смирновъ отъ лица редакціоннаго Комитета вошелъ въ Совѣтъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

«Въ Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи. Совѣтъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи не будетъ конечно оспаривать справедливости того, что главнымъ, для всѣхъ видимымъ и прочнымъ выраженіемъ дѣятельности каждаго Общества являются его изданія. Въ нихъ выражаются результаты ученой дѣятельности Общества, и они же наталкиваютъ на изслѣдованіе окружающаго людей, которые ранѣе оставались къ нему равнодушными. Мы имѣли случай убѣдиться въ этомъ въ послѣдніе годы. Въ распоряженіе Общества, подъ впечатлѣніемъ выпускавшихся имъ томовъ, стали поступать сборники произведеній народнаго творчества, словари и другіе этнографическіе матеріалы. Обязанность Общества заключается въ томъ, чтобы поддерживать, укрѣплять и расширять эти зарождающіеся среди мѣстной интеллигенціи интересы, направлять дѣятельность людей, выражающихъ готовность къ изученію окружающаго, специальными программами и давать имъ возможность осмыслить свою дѣятельность специальными руководящими статьями. Общество окажется въ состояніи выполнить всѣ эти функціи лишь въ томъ случаѣ, если преобразуетъ свое изданіе. Въмѣсто тома, состоящаго изъ двухъ-трехъ выпусковъ, которые выходятъ одновременно, слѣдуетъ издавать небольшіе выпуски (листовъ въ 7—8 каждый) приблизительно чрезъ два мѣсяца одинъ послѣ другаго. Въ содержаніе каждаго выпуска должны входить кромѣ рефератовъ, прочитанныхъ въ Обществѣ за истекшее время, статьи общаго руководящаго содержанія, программы къ специальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи, отвѣты на вопросы, предложенные ранѣе Обществомъ, выборка новыхъ и имѣющихъ научную цѣнность фактовъ изъ газетъ края, хроника, въ которую заносились-бы извѣстія о находкахъ, откры-

тіяхъ, раскопкахъ, археологическихъ, этнографическихъ и археографическихъ экспедиціяхъ, о выдающихся по интересу поднятыхъ вопросахъ въ заведеніяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ и, наконецъ, библіографія, посвященная главнымъ образомъ обзору мѣстныхъ изданій Восточной Россіи.

Для того чтобы осуществить подобное предпріятіе, нужны прежде всего деньги и затѣмъ—силы.

Можемъ-ли мы съ нашими средствами предпринять подобное изданіе?— Чтобы рѣшить этотъ первый вопросъ мы предлагаемъ на усмотрѣніе Совѣта слѣдующія данныя.

На изданіе 6 выпусковъ по 7 листовъ каждый нужно будетъ—42 листа или, считая пока по 15 руб. за листъ,—630 руб.—Мы имѣемъ отъ Университета разрѣшеніе печатать на 200 руб. Нужно добыть, стало быть, еще—430 р. Часть этой суммы мы найдемъ возможность покрыть, если составимъ примѣрную смѣту нашихъ доходовъ и расходовъ.

Наши правильные расходы состоятъ изъ жалованья писмоводителю въ размѣрѣ—60 руб. въ годъ и служителю въ размѣрѣ—48 руб. Къ числу менѣе опредѣленныхъ, но также постоянныхъ расходовъ относится печатаніе публикацій о дняхъ Общихъ Собраній. Расходъ на эти публикаціи можно опредѣлить рублей въ 15 въ годъ. Къ постояннымъ, но имѣющимъ спеціальныя источники расходовъ относится жалованье хранителю болгарскихъ развалинъ. Затѣмъ остаются экстренные расходы: поѣздки въ Булгары, раскопки, приобрѣтеніе вещей изъ района бывшей Волжской Булгаріи, приобрѣтеніе картоновъ и др. матеріаловъ, необходимыхъ для помѣщенія ихъ въ музеѣ Общества.

Наши доходы выражаются: а) въ членскихъ взносахъ—въ 1890 г. ихъ было на сумму—200 руб.; б) въ $\frac{1}{100}$ съ неприкосновеннаго капитала Общества—въ 1892 г. около 24 руб.; в) въ доходахъ отъ продажи изданій Общества—по 1 сентября 1891 г. Общество имѣло отъ книгопродавцевъ Суворина, Башмакова и Дубровина—199 р. 33 к. и г) въ ежегодной ассигновкѣ на охраненіе Болгаръ въ размѣрѣ—300 руб.

Если мы примемъ за правило изъ Болгарскаго фонда производить всѣ расходы, такъ или иначе имѣющіе отношеніе къ Болгарамъ: поѣздки, приобрѣтеніе вещей, расходы по устройству ихъ въ музеѣ, то у насъ на покрытіе остальныхъ расходовъ Общества останутся три источника дохода, общую сумму которыхъ для 1892 г. можно принять въ 412 рублей.

Вычитая изъ этой суммы сумму нашихъ постоянныхъ расходовъ по тремъ статьямъ—123 руб., мы получимъ остатокъ—289 руб.

Въ виду того, что въ сентябрьскій счетъ книгопродавца Дубровина вошла выручка отъ продажи нѣкоторыхъ изданій Общества съ 1885 г., мы можемъ понизить для будущаго года этотъ остатокъ до 200 руб.

Если Совѣтъ Общества согласится отчислить въ 1892 г. на поддержку изданія всю выручку отъ продажи въ 1892 г. и тѣ суммы, которыя получатся изъ членскихъ взносовъ сверхъ 100 руб.; необходимымъ для покрытія текущихъ расходовъ, то недостающая до смѣты на изданіе сумма уменьшится до 230 руб., которые могутъ быть покрыты изъ выручки отъ подписки и розничной продажи изданій за 1892 годъ. Чтобы получить 230 руб. въ годъ отъ продажи 6-ти выпусковъ изданія, нужно продать каждого выпуска, считая цѣну выпуска на хорошей бумагѣ по 1 руб. и комиссіонный вычетъ въ 30%,

около 60 экземпляровъ. Продажу такого количества отдѣльныхъ книжекъ изданія съ той программой, которую мы намѣтили, нельзя считать невѣроятной. Возьмемъ цифры продажи нашихъ изданій съ 1889 г.—Отдѣльный оттискъ «Черемисы», напечатанный въ VII томѣ, разошелся до 1 октября текущего года въ количествѣ 90 экземпляровъ, 1-й выпускъ VIII тома, заключающій въ себѣ трудъ покойнаго Веске, проданъ въ количествѣ 22 экзempl., о продажѣ 2-го выпуска («Вотяки») свѣдѣній пока нѣтъ, такъ какъ книга сдана раньше другихъ книжному магазину «Новаго Времени» въ Москвѣ; 2-й выпускъ IX тома («Пермяки») проданъ съ 1 мая до 1 сентября въ количествѣ 31 экзempl.—Сложивъ эти цифры, возьмемъ среднюю и получимъ около 48 экз., — цифру, не особенно далеко уклоняющуюся отъ той, которую намъ нужно.

Не нужно быть слишкомъ смѣлымъ, что-бы предположить, что равнообразіе содержанія, предлагаемая изданіемъ возможность слѣдить за мѣстной литературой, мѣстными и обще-русскими новостями изъ области археологическаго этнографіи и исторіи можетъ дать лишнихъ 12 покупателей на каждую книжку.

Чтобы не задерживать уплаты въ типографію и не вести изданіе въ кредитъ, недостающіе 230 руб. лучше всего, конечно, имѣть на лицо. Для сбора этой суммы мы предлагаемъ специальную мѣру. Пусть Совѣтъ Общества обратится къ проживающимъ въ Казани дѣйствительнымъ членамъ Общества и членамъ-сотрудникамъ съ приглашеніемъ ссудить Общество до 1 января 1893 г. той суммой, которую каждый считаетъ для себя возможной, и опредѣлить условія ея возврата. Одинъ можетъ зачислить ее въ членскій взносъ за 1893 годъ, другой—взять на данную сумму изданій Общества, третій—получить обратно изъ суммы, вырученной за продажу изданія за 1892 г., деньги. Для всѣхъ членовъ, которые пожелали-бы взять въ счетъ своихъ денегъ изданія Общества, мы полагаемъ-бы желательнымъ сдѣлать ту скидку въ 30%, которую мы дѣлаемъ книгопродавцамъ-коммиссіонерамъ.

Указавши источники, изъ которыхъ можно составить необходимую для изданія сумму, обращаемся къ литературной сторонѣ предпріятія.

Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи рефератъ П. А. Пономарева: «Булгарскій городъ Ошель», рефератъ А. А. Штукенберга: «мечъ изъ древней могилы Спасскаго уѣзда», рядъ предположенныхъ рефератовъ о Мордвѣ И. Н. Смирнова, рефератъ сотрудницы Троицкой: «о Черемисахъ Арбанской волости», собраніе чувашскихъ пѣсенъ чл.-сотр. Ефимова, мордовскія пѣсни и причитанія чл.-сотр. Кобаева, заговоры и духовные стихи изъ рукописей прошлаго столѣтія, принадлежащихъ А. И. Соколову. Изъ числа статей общаго содержанія можно указать: «Очерки изъ исторіи археологій въ Европѣ», общезнаемые д. ч. И. Н. Смирновымъ «Задачи и методъ культурно-историческаго изученія жилища» Н. З. Тихова; хроникѣ, бібліографію и смѣсь берутъ на себя вѣсти А. К. Кулагинъ, М. Н. Пинегинъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, Н. З. Тиховъ. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что когда матеріальныя условія для предполагаемаго изданія будутъ обеспечены, число лицъ, желающихъ принять въ немъ участіе своимъ трудомъ, значительно увеличится.

Представляя свой проектъ на усмотрѣніе Совѣта Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, мы смѣемъ надѣяться, что онъ будетъ встрѣченъ сочувственно.

Члены редакціоннаго комитета И. Смирновъ, А. Соколовъ, Н. Тиховъ.

П о с т а н о в л е н о: Принимая въ принципѣ предложеніе редакціоннаго Комитета, представить вопросъ на усмотрѣніе Общаго Собранія.

П) Прочитанъ протоколъ Общаго Собранія Членовъ Общества Археологія, Исторія и Этнографія 13 октября 1891 года.

Ш) Счетъ отъ Начальника Типографіи отъ 9 октября 1891 г. за № 1216 съ просьбою объ уплатѣ за наборъ, печатаніе и бумагу приглашеній въ заведеніе 13 октября на сумму 1 р. 15 коп.—П о с т а н о в л е н о: уплатить.

IV) Отношеніе Начальника Типографіи отъ 15 октября 1891 г. за № 1244 о томъ, что онъ препровождаетъ оставшіеся неравосошанными 76 экз. трудовъ IV Археологическаго Съѣзда т. П съ атласомъ и о томъ, что отъ разсылки осталось деньгами — 22 р. 4 к., каковыя и должны быть переданы въ распоряженіе Общества.—П о с т а н о в л е н о: Извѣстить г. Начальника Типографіи о полученіи книгъ и поручить г. и. д. Казначая Общества получить оставшіяся деньги и внести ихъ въ Типографію въ счетъ долга.

V) Извѣщеніе г. Начальника Типографіи отъ 26 октября 1891 г. за № 1299 о полученіи имъ по счету за № 409 сорока четырехъ руб. шестидесяти трехъ коп. и о внесеніи этой суммы на приходъ за № 629.—П о с т а н о в л е н о: Принять къ свѣдѣнію.

VI) Предложеніе и. д. Секретаря Общества объ обмѣнѣ изданіями съ вновь основаннымъ археолого-этнографическимъ журналомъ *Česky lid* (Praha) и съ сибирскими газетами.—П о с т а н о в л е н о: предложить редакціямъ обмѣниваться изданіями.

VII) Предложены въ дѣйствительные члены Общества: профессоръ Г. К. Штеръ, архитекторъ М. Д. Михайловъ и преподаватель гимназіи А. К. Кулагинъ Г. Предсѣдателемъ Общества Н. А. Фирсовымъ, д. ч. И. Н. Смирновымъ и и. д. Секретаря Н. З. Тиховымъ.—П о с т а н о в л е н о: Предложить въ ближайшемъ Общемъ Собраніи.

VIII) Письмо Г. Попечителя Округа Н. Г. Потапова отъ 29 мая 1891 г. за № 2903 съ выраженіемъ благодарности за присланный IX томъ «Извѣстій» Общества.

IX) Письмо граф. Уваровой отъ 21 октября 1891 г. съ просьбой сообщить, когда будетъ доставленъ въ Императорское Московское Археологическое Общество трудъ Пономарева объ Ананьинскомъ могильникѣ, на который были ассигнованы суммы.—П о с т а н о в л е н о: Извѣстить Императорское Московское Археологическое Общество, что объ этомъ сообщено г. Пономареву и по личному заявленію послѣдняго ассигнованныя суммы къ Ананьинскому могильнику отношенія не имѣютъ.

X) Письмо г. О. Брока съ предложеніемъ объ обмѣнѣ изданій Общества Археологія, Исторія и Этнографія на «Записки Общества наукъ въ Христіаніи» («Vedenskabselskabets Afhandlings»).—П о с т а н о в л е н о: Сообщить г. Броку о согласіи на обмѣнъ.

XI) Наазначено Общее Собраніе на 10 ноября 1891 г. въ 1 часть дня а) для выслушанія сообщеній: И. А. Износкова: «Кара-Якуповская волость Уфимской губ. и уѣзда»; Е. Т. Соловьева: «Памятники татарской старины въ дачѣ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда Казанской губ.»; В. Н. Витевскаго: «Новыя данныя относительно Батырши, предводителя въ башкирскомъ мя-

Тежѣ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны»; А. А. Спицына: «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.» и б) для избранія въ дѣйствительные члены Общества П. И. Кротова, В. В. Молостова, проф. Г. К. Штера, А. К. Кулагина и М. Д. Михайлова; для избранія двухъ членовъ ревизіонной Комиссіи.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ 10 НОЯБРЯ 1891 ГОДА.

 присутствовали: Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ; Члены: И. Н. Смирновъ, Н. Я. Кириловъ, Н. А. Толмачевъ, А. Н. Бекетовъ, Н. С. Кукурановъ, П. В. Траубенбергъ, Э. Г. Мищенко; члены-сотрудники: М. Е. Кобаевъ, К. И. Воронцовъ, Н. К. Горгаловъ, Т. С. Семеновъ, Э. О. Суринъ; и д. Секретаря Н. З. Тиховъ.

I) За болѣзнію Г. Предсѣдателя Общества Н. А. Эирсова обязанности его исполнялъ Г. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ.

II) Прочитанъ протоколъ засѣданія Совѣта 30 октября 1891 г. Вопросъ о расширеніи яванія принять единогласно.

III) Дѣйств. членъ А. Н. Бекетовъ принесъ въ даръ Обществу циркуляръ отъ Казанскаго Губернскаго Медицинскаго Инспектора г. г. Священникамъ, Мулламъ, Врачамъ и Повивальнымъ Бабкамъ, вызвавшій въ свое время волненія среди татарскаго населенія. Официальный документъ, свидѣтельствующій объ этихъ волненіяхъ, хранится—по словамъ А. Н. Бекетова—у дѣйств. члена Общества Н. П. Загоскина. Циркуляръ официальнымъ образомъ отбирался у всѣхъ лицъ и потому представляетъ теперь рѣдкость.—Выражена благодарность А. Н. Бекетову въ засѣданіи.

IV) Дѣйств. Членъ В. Н. Витевскій письмомъ на имя г. Предсѣдателя Общества извѣстилъ, что по болѣзни онъ не можетъ явиться въ засѣданіе Общества для прочтенія своего реферата и потому проситъ отложить послѣдній до слѣдующаго Общаго Собранія.

V) Г. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ слѣлалъ сообщеніе: «Кара-Якуповская волость Уфимской губерніи и уѣзда», вызвавшее замѣчанія И. Н. Смирнова.

VI) И. д. Секретаря Н. З. Тиховъ прочиталъ сообщеніе покойнаго члена-сотрудника Общества Е. Т. Соловьева: «Памятники Татарской старины въ дачѣ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда Казанской губерніи», вызвавшее замѣчанія д. ч. А. Н. Бекетова и Н. А. Толмачева. Послѣдній выразилъ желаніе, чтобы Общество обратило вниманіе и занялось изслѣдованіями на почвѣ археологіи Золотой Орды.

VII) Избраны единогласно въ дѣйствительные члены Общества П. И. Кротовъ и В. В. Молостовъ.

VIII) Избраніе членовъ ревизіонной комиссіи и профессора Штера, А. К. Кулагина, М. Д. Михайлова въ дѣйствительные члены по случаю непрібытія достаточнаго числа членовъ не состоялось и отложено до слѣдующаго засѣданія.

IX) Рефератъ А. А. Спицына за позднимъ временемъ отложенъ до слѣдующаго Общаго Собранія.

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. *Провѣтъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ. — Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. — *Описание русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. *В. К. Савельева* и *Н. А. Толмачева*. — *О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*. — *Замѣтки о городкахъ курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *Н. А. Износкова*. — *О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобретенной въ селѣ Болгарахъ. *В. П. Васильева*. К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. — Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. *Свящ. П. Фанаторскаго*. — Объ историческомъ значеніи бібліотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. *П. В. Владимірова*. — О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Билярска. *М. П. Аристова*. — Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. *Н. А. Износкова*. — Замѣтки о селеніяхъ Чистопол. у.: В-Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Биляръ-Озеро. *В. А. Казаринова*. — Описание части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. *А. А. Лихачева*. — Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. *П. Д. Шестакова*. — Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной. *Его же*. — Описание монетъ, найденныхъ въ д. Каргашихъ Каз. г. *В. К. Савельева*. — Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сенгиля Симб. губ. *М. И. Извожикова*. — О старинномъ кладбищѣ близъ с. Билимурскаго Вят. губ. *А. Разамова*. — Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтописи Хисамъ Эддина Ибнъ Шарафъ-Эддина. *П. Д. Шестакова*. — Выдержка изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія, *Его же*. — Описание дополнител. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Уека. *В. К. Савельева*. — Описание чуждскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Теплоуховымъ. — Бытъ Вотяковъ Саранульскаго уѣзда. *В. Кошурникова*. Полный систематическій указатель статей мѣстно-областнаго содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» съ 1811—1821 г. *П. А. Пономарева*. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. И. А. и Э. С. М. Шпилевскаго. — Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биляръ и Мордваши. *Н. И. Золотницкаго*. — По поводу сообщенія Н. И. Золотницкаго. *П. Д. Шестакова*. — Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. *Н. А. Износкова*. — Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Билярскѣ. *Его же*. — Описание Билярскаго и Баранскаго городищъ. *В. А. Казаринова*. — Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. *П. Смирнова*. — Изъ пѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) *В. К. Манитскаго*. — О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. *П. И. Кротова*. — У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. *Г. И. Потанина*. — Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. *С. К. Кузнецова*. — О Чалдынскомъ городищѣ. *А. М. Зайцева*. — Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. *Е. Т. Соловьева*. — Преданія Чуваши и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. *М. А. Арзамасова*. — Остатки древности въ с. Увекѣ. *Г. С. Сиблукова*. — Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. *П. А. Пономарева*. — Предъ сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. *С. К. Кузнецова*. — Замѣтки о вышепомъ раскопкахъ. *А. А. Штукенберга*. — Краткое описание Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Нильченко*. — Описание рус. сер. копѣекъ изъ клада 1881 г. *В. К. Савельева*. — Описание двухъ коллекцій джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его же*. — Описание клада золото-

ордынскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Заюскина*.—Атамановы вѣсти. *С. К. Кузнецова*.—Замѣтка по поводу сообщенія Г. Н. Потанина: у Вотьяковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія.—Духовная В. Н. Татищева.—О Мишаряхъ чистоп. уѣзда. *В. А. Казаринова*.—Свѣдѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*. К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг.—Скиевскій слѣдъ на биларской почвѣ. *А. Ѳ. Лихачева*.—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Мамитскаго*. Смѣсь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г.—Стишки крестьянскихъ двѣй сель Астраханки и Карташки Ланшевскаго у. *С. К. Рябинскаго*.—Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ѳ. Можаровскаго*.—Къ археологій Урала. *А. М. Зайцева*.—Нѣсколько словъ о русскомъ вліаніи на инородцевъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *И. Н. Смирновъ*. К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ѳ. Высоцкаго*.—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Болгарахъ». *В. А. Казаринова*.—Однѣ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Спицына*.—Незданныя грамоты изъ аюонскихъ архивовъ. *В. В. Качановскаго*.—Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.). Свѣщ. *А. Д. Жилина*.—Обычай колядованія въ Симбирской губерніи. *М. Извошкова*.—Библиограф. замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ засѣд. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещегинимъ. *В. В. Качановскаго*.—Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исслѣдованія о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске*.—Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ѳ. Высоцкаго*.—Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриева*.—Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*.—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *И. В. Сорокина*.—Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вотьяки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній. за 1889—90 г.—Письмо Стеньки Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. И. Соколова*.—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1889—90 г.—Списокъ членовъ Общ. А., И. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Комиссіи 1767 г. *Н. Н. Фирсова*.—Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Фирсова*.—Толковая икона села Царицына (съ фотографіей). *И. В. Сорокина*.—Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій домъ. *Н. З. Тихова*.—Ирхи у Чувашъ. *В. К. Мамитскаго*.—Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. И. Соколова*.—Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Пинесина*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермьки. Историко-этнографическій очеркъ. *И. Н. Смирнова*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г.—Отчетъ Общ. А., И. и Э. за 1890—91 г.—Списокъ членовъ.—Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Ровинскаго. *Р. А. Нелидовой*.—Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статьи I тома, означенныя звѣздочкой, можно получать отъ Общества за 25 к.).

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ. (Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю).

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколы Съезда.—*Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологій, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*.—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *И. И. Срезневскаго*.—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова*.—*О задачахъ корреспондентовъ археолог. съездовъ. *А. С. Гацискаго*.—*О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *И. Р. Астелина*.—*О нѣкоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *И. М. Гвоздева*.—*О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлянд. губ.—*О желѣзномъ вѣкѣ въ Балтійскомъ краѣ. *К. Грезинка*.—*Каменные орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга*.—*О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнав. у. Костр. губ. *А. П. Поливанова*.—*О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *А. К. Ивановскаго*.—*О древнемъ кладбищѣ у Юрданской церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновича*.—*О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Еюже*.—*О городищѣ Черниг. у. *Н. А. Константиновича*.—*О древнихъ могилахъ Мцхеты. *В. Т. Туземтаузена*.—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева*.—*Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова*.—*Курганы въ окрестн. г. Екатеринбургъ Перм. губ. *М. В. Малагова*.—*О земляхъ, насыщенныхъ недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева*.—*Извѣстные остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина*.—*О пещерахъ каменн. рѣка на сред. течен. р. Днѣпра *В. Б. Антоновича*.—*О валахъ на территории др. Кіевъ, княж. *Еюже*.—*О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова*.—*Городъ Булгарь.—*С. М. Шпилевскаго*.—*Гдѣ искать потомковъ Можаръ, бывшихъ за русск. въ 1551 г. *А. Ѳ. Можаровскаго*.—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. *Мулла Шигабъ-уд-дуна Бага-ул-динова* (перев. *В. В. Раилова* и подлинникъ).—*Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. Г. Заринскаго*.—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣстн. названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Изюмова*.—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамадыш. у. *Еюже*.—*О личныхъ инородческихъ именахъ. *Еюже*.—*Списокъ др. инородч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго*.—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Еюже*.—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вечеслава*.—*Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съезда. *Д. А. Корсакова*.—*О старомъ и новомъ городѣхъ въ Н.-Новгородѣ. *П. И. Мельникова*.—*Селитряный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Заюсина*.—*Преданія Томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи кня. *Н. А. Кострова*.—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Еюже*.—*Нѣкоторыя данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по рукопис. И. Пуб. библиотеки *А. Я. Гаркави*.—*Кто были 4 тюрк. племена, разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна*.—*Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова*.—*О городахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева*.—*О монетахъ Владиміра Святого. *Д. И. Прозоровскаго*.—*Объ отдѣльн. букв. на копѣйкахъ и денежкахъ до Петра Великаго. *Ю. Б. Иаерсена*.—*О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ѳ. Лихачева*.—*О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстою*. Казань. 1884. Цѣна 7 р.

Содержаніе II тома: О характерѣ власти варяжск. князей. *К. П. Бестужева-Рюмина*.—*Слѣды церковн. братствъ въ вост. Малороссіи. *И. А. Срезинскаго*.—*О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библиотекѣ. *И. Я. Христофорова*.—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. И. Маркетича*.—*Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ *В. Н. Витевскаго*.—*О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. *Н. И. Арстова*.—*О кирежетахъ крещеныхъ Татаръ. *И. М. Собійскаго*.—*Повѣрья, обряды и обычаи Вотяковъ Мамад у. *Б. Г. Гаерилова*.—*О старин. рукоп. сборникахъ народ. быльи и пѣсенъ. *А. Н. Майкова*.—*Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библиот. содерж. народныя пѣсни. *А. Ѳ. Бычкова*.—*Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную» Ю. Крижанича. *И. М. Добротворскаго*.—*О раскольничьей рукоп.

конца XVII в. *И. С. Некрасова*. — «Сказаніе о Соловецк. монаст. и объ Асонѣ». *Н. И. Петрова*. — О Родопскомъ открытіи *С. Верковича*. (пер. *М. П. Петровскаго* и подлинникъ). — О Соловецк. библиотекѣ *И. Я. Порфирьева*. — Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Ею-же*. — Объ упрекѣ мон. Нила Курлатевыхъ въ незнаніи митр. Кипріаномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія*. — *Гдѣ книги, писан. азрян. и перм. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова*. — О вліаніи русскаго яз. на инородческіе. *Ею-же*. — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави*. — *Топографія др. города около с. Русскихъ Кирменей (Мамад. у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева*. — *О старой чувашской вѣрѣ. *Н. И. Золотницкаго*. — *Сказки, загадки и пѣсни Нагайбаковъ въ уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго*. — *Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и хранящ. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Им. Дѣль и его библиотекѣ. *И. Ѳ. Токмакова*. — Указатель личныхъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. — Атласъ къ Трудамъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. Ц. съ атласомъ 10 р. За оба тома вмѣстѣ ц. 12 р.

2) Архивъ кн. В. И. Баяшева. Разобранъ и приготовленъ къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексѣя Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шнилевскимъ. П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. *И. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Ею-же*. К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ *А. А. Дубровина* и *Н. Я. Башмакова*, въ С.-Петербургѣ у *А. С. Суворина* и *Карбасникова*.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Дѣятельные члены и члены-сотрудники, выписывающіе изданія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ,

надаваемое Этнографическимъ Отдѣломъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ СЕКРЕТАРЯ ОТДѢЛА Н. А. ЯНЧУКА.

при участіи проф. В. В. Антоновича, проф. Д. Н. Анучина, проф. Д. И. Вагалья, Е. В. Варсова, акад. Александра Н. Веселовскаго, проф. Алекофа Н. Веселовскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. М. Ковалевскаго, проф. В. Ф. Миллера, П. Н. Милдрова, А. Н. Микха, В. М. Михайловскаго, Г. Н. Потанина, Е. Р. Романова, проф. И. Н. Смирнова, проф. А. И. Соболевскаго, проф. М. И. Соколова, проф. Н. Ф. Студова, акад. Н. С. Тихонравова, А. Н. Харузина, Н. Н. Харузина, А. С. Хаханова, П. В. Шейна, проф. И. В. Ягича, Н. М. Ядринцева, Е. И. Янущина и другихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ.

Изданіе посвящено всестороннему изученію быта всѣхъ народностей Россіи, причемъ ближайшія предметы статей и изслѣдованій будутъ слѣдующіе вопросы:

1. Вѣрованія, обычаи, обряды. 2. Народная словесность, языкъ. 3. Народная музыка, живопись и другія искусства. 4. Народная медицина. 5. Юридическій бытъ: родовое и сословное устройство, семья, община и т. д. 6. Материальный бытъ, преимущественно въ связи съ бытомъ духовнымъ. 7. Историческая и доисторическая этнографія. 8. Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ этнографовъ.

Кромѣ изслѣдованій по частнымъ вопросамъ, будутъ помѣщаться также статьи общаго методологическаго характера, имѣющія руководящее значеніе.

Обширный **БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ** изданія заключаетъ въ себѣ:

1) Отказы о новыхъ книгахъ, объ издаваемыхъ ученыхъ обществахъ, земляхъ и статистическихъ комитетахъ, поскольку таковыя касаются вопросовъ этнографіи. 2) Подробный обзоръ по возможности всѣхъ столичныхъ и провинціальнымъ периодическихъ изданій съ указаніемъ находящихся въ нихъ этнографическаго матеріала. 3) Обзоръ и указатель иностранныхъ книгъ и изданій, въ особенности касающихся этнографіи Россіи и смежныхъ народностей.

Въ отдѣлѣ **СВѢДѢНІЙ** сообщаются новыя этнографическіе матеріалы.

Напомнѣнъ, въ **Извѣстіяхъ и Замѣткахъ** помѣщаются обзоры дѣятельности ученыхъ обществъ и др. учреждений, свѣдѣнія о музеяхъ, выставкахъ, съѣздахъ, экспедиціяхъ и т. п.

По мѣрѣ возможности будутъ даваться также **приложенія**: портреты этнографовъ, образцы народной музыки, узоровъ, и т. п.

«ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ» выходитъ 4-мя книжками въ годъ (около 15 листовъ каждая) приблизительно въ слѣдующіе сроки: 1-я кн. — въ началѣ марта, 2-я — въ началѣ іюня, 3-я — въ концѣ сентября, 4-я — въ концѣ декабря.

Цѣна годовому изданію безъ перес. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р., за границу 6 р. Отдѣльныя книжки, какъ вновь выходящія, такъ и вышедшія, продаются въ складѣ при канцеляріи Общества и въ книжныхъ магазинахъ по 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Учащимся, сельскимъ учителямъ и священникамъ дѣлается уступка 40%.
Довускается разсрочка по соглашенію.

Подписка принимается въ канцеляріи Общества (*Москва, Политехнический Музей*) и въ книжныхъ магазинахъ А. С. Суворина (*Москва и Петерб.*), Н. П. Карбасникова (*Москва, Петерб. и Варшава*), А. А. Карцева (*Москва*), Н. И. Мамонтова (*Москва*) и А. Ланга (*Москва*). **АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:** *Москва, Политехнический Музей.*

Распоряженіемъ г. Министра Народнаго просвѣщенія изданія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи **рекомендованы**, для приобрѣтенія въ фундаментальныя библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1892 г. „Извѣстiя“ Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ, приблизительно чрезъ каждыя два мѣсяца, книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Въ содержанiе каждой книжки будутъ входить:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи;
- 2) Специальныя изслѣдованiя и статьи по археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи (Поволжья, Средней Азiи и Сибири);
- 3) Материалы археологическiе, историческiе и этнографическiе, относящiеся къ Восточной Россiи: мѣлкiя оригинальныя сообщенiя, акты, переводы народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченiя изъ периодическихъ изданiй Восточной Россiи;
- 4) Хроника: извѣстiя о музеяхъ Восточной Россiи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедицияхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданiяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношенiе къ Восточной Россiи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи; отдѣльныя вопросы редакцiи;
- 6) Библиографiя: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ периодическихъ изданiй, имѣющихъ отношенiе къ археологiи, исторiи и этнографiи Восточной Россiи;
- 7) Протоколы засѣданiй Совѣта и Общихъ Собранiй Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи.

Въ слѣдующихъ выпускахъ «Извѣстiй» за 1892 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующiя статьи: «Очеркъ развитiя досторической археологiи въ Европѣ: а) археологiя во Францiи, б) въ Швейцарiи, Италiи и Испанiи, в) въ Англии» И. С.; «Задачи и методъ культурно-историческаго изслѣдованiя жилища» Н. В. Тихова; «Формы погребенiя у современныхъ и древнихъ народовъ Россiи» (Извлеченiя изъ извѣстiй историковъ, путешественниковъ и этнографовъ; въ составленiи свода примутъ участiе А. Б. Булаганъ, М. И. Пинегинъ, И. И. Смирновъ, Н. З. Тиховъ, П. В. Траубенбергъ и др.) «Болгарскiй городъ Опель и его окрестности» П. А. Пономарева; «Мордва. Историко-этнографическiй очеркъ» И. И. Смирнова; «Черемисы Арбанской волости» Н. Троицкой; «Программа для собиранiя свѣдѣнiй объ ассимиляцiи инородцевъ Восточной Россiи» И. И. Смирнова.

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб.

Подписныя сумми адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи.

Выписывающiе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.

См. 6922

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ прошлаго и настоящаго до- исторической археологіи въ Европѣ.

3) Доисторическая археологія во Франціи. И. С. 257—272.

Данная о городахъ Каяско-Волж- ской Булгаріи. 1) Ошель и его слѣ- ды. П. А. Пономарева. 273—288.

Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Рос- сіи: Гяляки, Карагасы, Качинцы, Бельгиры, Тунгусы, Долганы, Само- вды, Остяки, Юраки . . . 289—299.

Мордва. Историко-этнографическій очеркъ Гл. I. (Продолженіе) И. Н. Смирнова. 300—322.

Хроника. Извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи въ 1891 г. Музей Уфимскій.—Курганы Николаевскаго уѣзда.—Международный конгрессъ доисторической археологіи и антро- пологіи въ Москвѣ 1—8 августа 1892 г. 323—331.

Матеріалы. Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII в. А. Соколова.—Обру- сеніе западно-сибирскихъ инород- цевъ 332—339.

Библиографія. Труды IV Археологическаго Съѣзда т. II. И. Н. Смирнова.—Munkacsi Bernát.

Votjak Szótar. I. И. Н. Смирно- ва.—Д. А. Корсаковъ. Изъ жинни русскихъ дѣятелей XVIII в. М. П. на.—Медоксъ. Инородцы въ Поволжьѣ.

И. П. Смирнова.—Буличъ. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Универ- ситета, т. II. Н. Н. О.—Н. Н. Бакай: Обзоръ главнѣйшихъ актовъ, отно- сящихся къ исторіи колонизаціи Сибири о составленіи переписныхъ книгъ г. Мангазеи и Туруханска; объ изученіи исторіи Сибири Н. Н. О. 340—354.

Указатель статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помещен- ныхъ въ «Заволжскомъ Муравьѣ»: 355—357.

Приложеніе I. Отчетъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи за 1890—91 г.г.; списокъ членовъ Общества. 1—16.

Приложеніе II. Голодь предъ смутнымъ временемъ. Н. Н. Ойрсо- ва 17—34.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Вышелъ 1-го мая

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь Н. Тиховъ.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ КЪ ПЕЧАТИ И КЪ 1 ПОЛЮ 1892 Г. ВЫЙДЕТЪ
ВЪ СВѢТЪ

„АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ“

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

П. А. Писарева.

Текстъ отъ 1½ до 2 печ. листовъ и атласъ изъ 12 фотографическихъ таблицъ (видъ могильника, схематическій видъ одной изъ вскрытыхъ могилъ, черепа, орудія и украшенія изъ бронзы, жемчужныя орудія, керамика).

Подписавшіеся до 1 іюля платятъ за текстъ и атласъ 3 р.
Послѣ 1 іюля цѣна изданія будетъ повышена до 4 р. 50 к.

*Подписка принимается у казначея Общества А. Т. Соловьева
въ зданіи Университетской Типографіи.*

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY DEPARTMENT

PHILOSOPHY 101

LECTURE NOTES
BY
[Name]

LECTURE 1: INTRODUCTION TO PHILOSOPHY

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО
ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВЪ ЕВРОПѢ

3) *Доисторическая археологія во Франціи* *).

Германія въ археологическомъ отношеніи такъ же, какъ въ географическомъ и геологическомъ, составляетъ посредствующее звено между Сѣверомъ, Югомъ и Западомъ Европы. Сѣверными своими областями она составляетъ одинъ культурный районъ съ Скандинавскими государствами, южными и западными—входитъ вмѣстѣ съ Швейцаріей, Франціей и Бельгіей въ составъ той части Европы, которая въ археологическомъ и біологическомъ смыслѣ имѣетъ болѣе, чѣмъ Сѣверъ, древнюю исторію. Результаты, добытые изслѣдованіемъ южно-германскихъ и западно-германскихъ пещеръ, позволяютъ намъ догадываться о томъ, въ какую глубокую старину должно вести насъ ознакомленіе съ французской палеоэтнологіей.

Одновременно съ тѣмъ, какъ первые скандинавскіе археологи выработывали свою схему періодовъ доисторическаго развитія, Французы сдѣлали первый шагъ въ такую область человѣческаго прошедшаго, которая лежитъ за предѣлами современной геологической эпохи. Въ 1828 г. Турналь въ одной

*) Матеріалами для составленія этого очерка послужили: 1) «Revue d'anthropologie» 1877—1890 и «Bulletins de la Soc. d'anthropologie de Paris», 2) отчеты Г. Шаффгаузена о сессіяхъ международнаго конгресса доист. археологіи и антропологіи въ «Archiv für Anthropologie».

пещерѣ близъ Бизе открылъ кости человѣка рядомъ съ костями вымершихъ ископаемыхъ животныхъ. На другой годъ подобныя же открытія были сдѣланы Кристолемъ въ Гардскомъ департаментѣ, Шмерлингомъ въ Бельгіи; кости человѣка на этотъ разъ были найдены рядомъ съ костями пещерной гіены и риноцероса. И Турналь и Шмерлингъ предположили, что тѣ и другія кости относятся къ одной эпохѣ, но ихъ предположеніе встрѣтило еще меньше довѣрія, чѣмъ теоріи скандинавовъ. Прошло около десяти лѣтъ со времени этого перваго дебюта и изъ среды французскихъ ученыхъ выдѣлился человѣкъ, который рѣшился провѣрить не встрѣтившія сочувствія догадки. Это былъ Бушэ де Перть. Новый изслѣдователь исходилъ изъ библейскихъ преданій и думалъ найти остатки людей, жившихъ до потопа, въ тѣхъ слояхъ, которые у геологовъ носятъ названіе дилювіальныхъ (ледниговая или четвертичная эпоха—*époque quaternaire*). Въ пещерахъ долины Соммы ему удалось, дѣйствительно, найти кремневые орудія рядомъ съ остатками дилювіальной фауны. Въ 1847 г. онъ опубликовалъ свое открытіе, но встрѣтилъ такъ-же мало довѣрія, какъ и Турналь. Скептики говорили, что надъ ученымъ добрякомъ подшутили рабочіе. Только въ 1859 г., незадолго до смерти, Бушэ де Перть увидѣлъ свое открытіе признаннымъ — однако не на родинѣ, которая все еще не признавала его пророкомъ, а въ Англии. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нашелся наконецъ и во Франціи ученый, который высказался рѣшительно въ пользу Бушэ де Перта. Это былъ Ed. Lartet. Въ 1863 г. знаменитый англійскій геологъ Чарльзъ Ляйель разсѣялъ послѣднія сомнѣнія относительно дилювіальнаго человѣка и предѣлы археологическаго изслѣдованія разомъ отодвинулись на цѣлыхъ двѣ геологическихъ эпохи далѣе той, въ которой оперировали Скандинавы. Группа молодыхъ французскихъ ученыхъ съ жаромъ бросилась въ новую область изслѣдованія. Теперь, почти черезъ тридцать лѣтъ, имена ихъ составляютъ гордость французской науки; это были—Мортилье, Картальякъ, Рамъ, Буржуа. Въ 1864 г. одинъ изъ

нихъ, Мортилье, основываетъ специальный органъ для изслѣдователей этихъ древнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣка: „Matériaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homme“. Не довольствуясь тѣми данными, которыя могли предложить французскіе изслѣдователи, Мортилье въ слѣдующемъ 1865 г. на собраніи итальянскихъ географовъ въ Спеціи предложилъ сдѣлать изслѣдованіе этой новой области доисторіи международнымъ предпріятіемъ и для обмѣна мыслей учредить международный конгрессъ доисторической археологіи (палеоэтнологіи) и антропологіи. Проектъ Мортилье былъ поддержанъ итальянскими археологами. Первое международное собраніе палеоэтнологовъ имѣло мѣсто въ Швейцаріи, въ Невшателѣ. Съ этого времени Французы, можно сказать, специализировались на каменномъ вѣкѣ. Здѣсь имъ приходилось и приходится творить независимо отъ Скандинавовъ.

Орудія, которыя служили человѣку на протяженіи громадныхъ періодовъ палеолитическаго вѣка, мѣнялись. Первой потребностью изслѣдователя являлась классификація громаднаго матеріала, установленіе признаковъ, по которымъ можно было-бы опредѣлить относительную древность той или другой находки, — и въ этой области наука многимъ обязана французскимъ археологамъ. Создать общепринятую классификацію имъ пока не удалось, но многое уже сдѣлано тѣмъ, что они довели до минимума выборъ между основаніями для нея. Такихъ основаній въ настоящее время допускается только два: 1) фауна слѣдующихъ одинъ за другимъ геологическихъ пластовъ, 2) типы орудій.

Лартэ раздѣлилъ палеолитическую эпоху на періоды пещернаго медвѣдя, мамонта и оленя. Другіе палеоэтнологи оспариваютъ это дѣленіе, указывая на то, что всѣ эти животныя жили одновременно, только—въ различныхъ географическихъ условіяхъ: медвѣдь въ горахъ, мамонтъ на равнинахъ и т. д.

Мортилье въ 1873 г. предложилъ дѣлить каменный вѣкъ по геологическимъ пластамъ на эпохи эолитическую (I третичная эпоха), палеолитическую (II эпоха четвер-

тичная) и неолитическую;—по способамъ обработки орудій на 1) эпоху кремневыхъ орудій, добытыхъ посредствомъ накаливанія и охлажденія кремня, 2) эпоху оббитыхъ орудій и 3) эпоху шлифованныхъ орудій. Орудіями, приготовленными посредствомъ накаливанія кремня, начинается, по его мнѣнію, индустрія. Буржуа встрѣтилъ ихъ въ самыхъ древнихъ, третичныхъ пластахъ (Thepau). Палеолитическій вѣкъ (четвертичная эпоха) представляетъ постепенное усложненіе индустріи и распадается на четыре періода по типамъ орудій, которыя называются именами мѣстностей, гдѣ каждый типъ былъ обнаруженъ—Chelléen, Mustérien, Solutréen, Magdalenien. Періодъ St. Acheul (или Chelles) со стороны климатической характеризуется тепломъ и влажностью, со стороны фауны—присутствіемъ гиппопотама и *Elephas antiquus*, со стороны культуры—миндалевидной формы каменными орудіями изъ кремня (кам. топоры); періодъ Mustier—влажностью, холодомъ и широкимъ распространеніемъ глетчеровъ, въ области фауны пещернымъ медвѣдемъ и мускуснымъ быкомъ; въ области культуры отсутствіемъ костяныхъ орудій и кремневыми орудіями, обработанными съ одной стороны; періодъ Solutré—отступленіемъ ледниковъ, широкимъ распространеніемъ оленя, въ области культуры кремневыми, съ двухъ сторонъ оббитыми орудіями (форма скребка). Въ ближайшей къ нашей геологической эпохѣ періодъ Madelaine произведенія человѣческаго творчества—предметы изъ роговъ оленя и слоновой кости—покрыты рисунками. Подлинность этихъ рисунковъ представлялась многимъ, особенно нѣмецкимъ ученымъ сомнительной — и въ отдѣльныхъ случаяхъ не безъ основанія. Légeau въ своемъ рефератѣ „gravure et sculpture avec le silex“ (Bul. 1874, 3), показалъ, что рисунки эти не только могли, но даже должны быть сдѣланы кремнемъ; металлическій инструментъ даетъ на кости болѣе тонкій штрихъ, а для обработки свѣжей кости даже прямо не годится.

Существо, которое примѣнило впервые въ третичную эпоху огонь къ изготовленію орудій изъ кремня, по мнѣнію Мортилье, не было еще человѣкомъ. Это былъ его предшествен-

никъ, среднее между человѣкомъ и обезьяной. На Парижскомъ антропологическомъ конгрессѣ 1878 г. Мортилье предложилъ названіе для этого существа — *Anthroporithesus* и намѣтилъ два слѣдовавшихъ одинъ за другимъ его вида — *A. Bourgeois* и *A. Rames*. Изъ небольшого размѣра найденныхъ Буржуа кремневыхъ орудій Мортилье заключилъ, что *A. Bourgeois*, употреблявшій ихъ, былъ мельче человѣка.

Въ ледниковую эпоху является человѣкъ. На основаніи его анатомическихъ признаковъ, особенностей созданной имъ культуры и анализа окружающихъ физическихъ условій Мортилье находить возможнымъ обрисовать его внѣшній бытъ и внутренній міръ. Въ періодъ *St. Acheul* человѣкъ не владѣлъ еще даромъ членораздѣльной рѣчи; его творчество ограничивалось изготовленіемъ одного типа орудій, мягкой климатъ дѣлалъ для него ненужнымъ жилище. Культура *St. Acheul* имѣетъ громаднѣйшій районъ распространенія, захватывая С. Америку, гдѣ найдены были орудія совершенно тождественныя съ французскими. Культурная связь С. Америки съ Европой была результатомъ связи физической. Въ этотъ періодъ отношеніе и внѣшній видъ материковъ были совершенно иныя, чѣмъ теперь: на С. Европа непосредственно соприкасалась съ Америкой, на Ю. — съ Африкой; Ламанша не было и Франція представляла одну территорію съ Англіей; Ледовитый океанъ покрывалъ половину Россіи, всю Пруссію, Ганноверъ, большую часть Голландіи. Въ слѣдующій періодъ *Moustier* измѣнившійся климатъ заставилъ искать убѣжища въ пещерахъ и позаботиться объ одеждѣ и орудіяхъ для ея изготовленія, — является цѣлый рядъ новыхъ орудій.

Въ періодъ *Madéleine* творчество удовлетворяетъ уже не однимъ практическимъ потребностямъ; въ немъ находятъ своевыраженіе и высшія эстетическія потребности. На оленьемъ рогѣ и кости мамонта артистъ, современникъ сѣвернаго оленя, посредствомъ кремневыхъ орудій вырѣзываетъ изображенія рыбъ, животныхъ, людей. Содержаніе искусства эпохи *Madéleine* показываетъ,

что человекъ въ эту эпоху, какъ, конечно, и въ предшествовавшія ей, не имѣлъ еще религіозныхъ представленій: въ его художественныхъ произведеніяхъ отсутствуютъ имѣющія религіозное значеніе символическія фигуры: круги, треугольники, кресты (свастика). За орудіями эпохи *Madéleine* слѣдуютъ послѣ продолжительнаго перерыва орудія современной геологической эпохи,—неолитическія, типъ *Robenhausen*.

Съ наступленіемъ неолитической или робенгаузенской эпохи зарождается религія. Первымъ выраженіемъ ея является уходъ за умершими. Сначала пещеры, потомъ мегалитическія сооруженія (дольмены и пр.) начинаютъ служить мѣстомъ погребенія; во внѣшнемъ бытѣ совершаются также значительныя перемѣны: человекъ употребляетъ шлифованныя орудія, окруженъ прирученными животными, занимается земледѣліемъ, изготавливаетъ сосуды изъ глины (форма человѣческаго черепа); въ его искусствѣ находятъ примѣненіе религіозные символы—полулунія, треугольники; рядомъ съ украшеніями встрѣчаются амулеты—кружки, вырѣзанные изъ трепанированныхъ человѣческихъ череповъ; на религіозной почвѣ создается антропофагія.

Классификація, предложенная Мортилье, принята сочувственно значительной частью французскихъ и иностранныхъ палеоэтнологовъ. Не такую судьбу имѣла его смѣлая попытка набросать исторію культуры въ третичную и четвертичную эпохи.

Anthroporithesus Мортилье былъ очень нелюбезно принятъ какъ французскими, такъ и иностранными учеными. Брока высказался противъ болѣе измѣняемости высшихъ организмовъ, предполагаемой М.: организмы эти, напротивъ, обладаютъ болѣе способностью сопротивляться вліяніямъ среды. Шаффаузенъ, разбирая „*Le préhistorique*“ М., замѣтилъ, что представить мысленно человека, который не умѣлъ добывать огонь, еще можно, но обезьянъ, которыя добывали-бы огонь и пользовались имъ для изготовленія каменныхъ орудій, никто еще не видалъ. Катрфажъ, не полемизируя противъ М. непосредственно, указалъ въ „*Matériaux pour l'histoire prim. de l'homme*“ за 1885 г. на современныхъ Андаманцевъ, какъ на

народъ, который стоитъ на той-же ступени развитія, что и существо, оставившее въ Thenay свои орудія: до прибытія Европейцевъ они не имѣли ниодного прирученнаго животнаго, ниодного культурнаго растенія, не имѣли орудій для добыванія огня и располагали единственнымъ каменнымъ орудіемъ, которое приготовляли, накаливая камень, — но это были уже люди, а не переходныя существа.

Перерывъ (hiatus), отдѣляющій по мнѣнію Мортилье чело-вѣка и фауну палеолитической эпохи отъ чело-вѣка и фауны неолитической, также признается далеко не всѣми. Salmon въ „Matériaux“ Карпальяка за 1836 г. помѣстилъ статью, въ которой доказываетъ, что этого перерыва не существуетъ: фабрикація каменныхъ орудій идетъ въ обоихъ періодахъ при помощи тѣхъ же приемовъ; между фауной той и другой эпохи существуетъ рядъ промежуточныхъ ступеней. Изъ населенія палеолитической эпохи выселилась или погибла только часть; другая осталась рядомъ съ новымъ народомъ. Неолитическую эпоху Salmon не считаетъ возможнымъ обозначать всю именемъ робенгаузенской. Начальный періодъ этой эпохи можно наблюдать въ одной стоянкѣ въ Шампиньи; названіе робенгаузенской можно приложить только къ культурѣ свайныхъ построекъ, — будетъ-ли эта культура мѣстной или пришлой; мегалитическія сооруженія относятся къ концу періода. Сообразно съ этимъ Salmon дѣлитъ неолитическій періодъ на эпохи sampiéenne, robenhausienne и carnacéenne.

Изслѣдованіе неолитическаго періода имѣетъ во Франціи, какъ и всюду, болѣе древнюю исторію. Употребленіе каменныхъ орудій у древнихъ обитателей Франціи было констатировано Антуаномъ Жюсье въ 1723 г. Аббатъ Mahudel въ 1734 г. развивалъ этотъ взглядъ предъ парижской академіей, хотя не встрѣтилъ довѣрія. Goguet въ своемъ „Origine des lois“ (1758) говоритъ о времени, когда люди не знали металловъ, и тутъ-же высказываетъ мысль, что употребленіе мѣди предшествовало употребленію желѣза. Въ ряду памятниковъ неолитической эпохи наибольшее вниманіе французскихъ архео-

логовъ привлекли къ себѣ такъ называемыя мегалитическія сооруженія. Начало изслѣдованія ихъ относится еще ко второй половинѣ XVIII в. Графъ Кайлюсъ въ своемъ „Requeil d'antiquités“ далъ рисунки и описанія этихъ памятниковъ (1767), Legrand d'Aussi въ VII году республики установилъ ихъ классификацію, терминологию и опредѣлилъ назначеніе—служить для погребенія умершихъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ начались первыя раскопки этихъ памятниковъ; на конгрессѣ 1867 г. былъ принятъ впервые терминъ мегалитическій. Новѣйшіе изслѣдователи неолитической эпохи: Картальякъ, Салмонъ и Шове обратили вниманіе на то, что многіе французскіе дольмены имѣли ту же судьбу, что и скандинавскія мегалитическія сооруженія: поверхъ погребенныхъ въ нихъ представителей народа, который создалъ ихъ, вляли своихъ усопшихъ новыя пришельцы, — люди, жившіе въ эпоху перехода отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному и въ первый періодъ желѣзнаго вѣка, даже въ римскую пору. Хищники, искавшіе въ дольменахъ сокровищъ, своими поисками внесли еще болѣе неясностей въ вопросъ объ ихъ происхожденіи: они уничтожили естественную послѣдовательность культурныхъ слоевъ и оставили послѣ себя перемѣшанную кучу предметовъ изъ различныхъ эпохъ—римскія монеты съ орудіями неолитической эпохи и т. п. Въ связи съ трудностью разобратъ въ содержимомъ дольменовъ находятся безспорно различныя теоріи относительно ихъ происхожденія. Кому принадлежатъ дольмены? Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ люди, создавшіе ихъ, къ людямъ, которые погребали своихъ мертвыхъ въ пещерахъ, къ людямъ свайныхъ построекъ и людямъ бронзоваго вѣка? Французская археологія представляетъ значительное разнообразіе мнѣній по этимъ вопросамъ.

Мортилье на конгрессѣ въ Стокгольмѣ въ 1874 г. высказался противъ существованія особаго народа, воздвигавшаго дольмены. Дольмены—подражанія естественнымъ гротамъ изъ скалъ и могли возникнуть одновременно у разныхъ народовъ.

Нату, поддерживая этотъ взглядъ, указалъ на то, что въ нѣкоторыхъ дольменахъ были обнаружены остатки расы, которая жила въ эпоху оленя. Картальякъ на парижемскомъ конгрессѣ 1878 г. утверждалъ, что дольмены—продуктъ среды, геологическаго характера страны; считать создателей ихъ народомъ высшей культуры сравнительно съ тѣмъ, который погребалъ своихъ умершихъ въ пещерахъ, нѣтъ основанія.

Другая группа ученыхъ считаетъ мегалитическія постройки произведеніями особаго народа. Casalis de Fondouce относить ихъ къ переходной порѣ отъ каменнаго къ бронзовому вѣку: въ нихъ встрѣчается трупосоженіе рядомъ съ погребеніемъ полнаго трупа. Дэзоръ считаетъ народъ, оставившій свайныя постройки, инымъ сравнительно съ тѣмъ, который воздвигалъ мегалитическія сооруженія: въ его орудіяхъ и глиняныхъ издѣліяхъ видна высшая техника. Извѣстный историкъ Н. Martin считаетъ дольмены произведеніями Кельтовъ. Такія сооруженія воздвигались Кельтами Ирландіи; на вещахъ, добытыхъ изъ нихъ, орнаментъ оказывается тождественнымъ съ тѣмъ, который употреблялся у кельтскихъ народовъ до начала среднихъ вѣковъ; на нѣкоторыхъ дольменахъ имѣются надписи, которыя были дешифрованы и оказались кельтскими (Lagneau, Ferguson); ни Иберійцы, ни Финны не могли воздвигать ихъ, такъ какъ подобныя работы предполагаютъ существованіе высшей социальной организаціи; отсутствіе металловъ въ дольменахъ не говоритъ непременно объ ихъ принадлежности каменному вѣку,—оно можетъ имѣть религіозныя основанія.

Въ вопросахъ, касающихся исторіи металловъ, французская археологія обнаруживаетъ меньшую самостоятельность чѣмъ въ изслѣдованіи каменнаго вѣка. Представленіе объ особомъ бронзовомъ вѣкѣ сложилось у французовъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Скандинавовъ. Археологи начала нынѣшняго столѣтія видѣли въ бронзовыхъ орудіяхъ принадлежности кulta и не приписывали имъ того значенія, какое было установлено Скандинавами. Часть Французовъ, подобно Нѣмцамъ, скептически отнеслась къ скандинавскимъ те-

оріямъ относительно приоритета бронзы и это скептическое отношеніе держалось до семидесятыхъ годовъ. На международномъ конгрессѣ по доисторической археологіи въ Брюсселѣ (1872 г.) извѣстный ассирологъ Орреггъ заявилъ, что скандинавское ученіе о трехъ періодахъ не можетъ имѣть значенія для Азіи: здѣсь желѣзо предшествовало бронзѣ. Годъ спустя въ томъ же смыслѣ высказался другой не менѣе извѣстный ассирологъ Fr. Lenormant. Въ первомъ томѣ своихъ „*Les civilisations premieres*“ — Ленорманъ говоритъ, что употребленіе металловъ начиналось въ различныхъ странахъ различно; далеко не вездѣ бронза была первымъ металломъ, которымъ сталъ пользоваться человѣкъ вмѣсто камня. Негры начали, несомнѣнно, съ желѣза — и можетъ быть съ желѣза метеоритовъ, которое они обрабатывали холоднымъ путемъ при помощи каменныхъ молотковъ. Въ Китаѣ бронзѣ предшествовала мѣдь для орудій, золото и серебро для украшеній; бронзовый вѣкъ начался около 1123 г. до Р. Х. и продолжался до III вѣка, когда бронзу стало вытѣснять желѣзо, въ странахъ, примыкающихъ къ Тибету (съ сѣвера?), этотъ металлъ, по китайскимъ извѣстіямъ, обрабатывался уже за 2,500 л. до Р. Х.

Въ 1875 — 76 г. въ Лионѣ появилась капитальная трехтомная работа Шантра: „*Etudes paléoethnologiques dans le bassin du Rhône. — Age du bronze, recherches sur l'origine de la métallurgie en France*“ — плодъ двѣнадцатилѣтнихъ изслѣдованій въ бассейнахъ Роны и Соны. Къ изданію приложенъ былъ атласъ съ 679 изображеніями разнообразныхъ предметовъ изъ бронзы. Какъ-бы отвѣчая на возраженія Хостмана, который говорилъ, что изъ бронзы дѣлались только бездѣлушки и бутофорскія орудія, Шантръ доказываетъ, классифицируя свои находки, что въ памятникахъ бронзоваго вѣка заключаются всѣ необходимые элементы самостоятельной культуры: тутъ фигурируютъ правильныя формы — доказательство, что бронза производилась на мѣстѣ — молотки, топоры, рѣзцы, ножи, иглы, гвозди, мечи, кинжалы, копья, стрѣлы, изъ украшеній — браслеты, серьги, вольца, фибулы, аграфы, подвѣски, цѣпочки, бусы, ожерелья. Пе-

речисленіе сопровождается статистическими данными, которыя указываютъ на распространенность того или другого орудія (мечей найдено въ одной Франціи 386, кинжаловъ 149, бронзовыхъ предметовъ всякаго рода 32,418). Бронзовый вѣкъ, по мнѣнію Шантра, слѣдовалъ во Франціи непосредственно за каменнымъ. Французскій археологъ не отрицаетъ того, что употребленію металлическаго сплава, каковымъ является бронза, предшествовало употребленіе мѣди, какъ простаго металла. Онъ думаетъ, что этотъ мѣдный вѣкъ долженъ былъ существовать въ исторіи культуры, — но пережить онъ былъ не въ Европѣ, гдѣ слѣдовъ его не обнаружено. Во второмъ томѣ его сочиненія указаны мѣстонахожденія переходнаго времени: свайныя постройки, погребальныя гроты и въ особенности северныя дольмены. Примитивныя металлическія орудія, которыя находятся здѣсь рядомъ съ каменными, оказываются не мѣдными, а бронзовыми. Вопросъ о томъ, изъ чего слѣлана вещь рѣшается въ лучшемъ случаѣ анализами, но и при анализахъ нужна большая осторожность: металлъ слѣдуетъ брать не съ поверхности предмета, на которой бронза можетъ измѣняться вслѣдствіе окисленія въ чистую мѣдь, и изъ внутреннихъ частей его. Въ Европѣ началось, по мнѣнію Шантра, употребленіе мѣди; внѣ ея зародилась и бронзовая техника. Въ Европу бронза проникла Средиземнымъ моремъ и Дунаемъ и образовала здѣсь нѣсколько обособленныхъ районовъ (провинцій):

- 1) Греко - Италійскій со влюченіемъ побережья Средиземнаго моря въ Испаніи и Франціи,
- 2) Французско - Швейцарскій со влюченіемъ лѣваго побережья Рейна,
- 3) Венгерскій—бассейнъ Дуная, Эча въ Италіи, верховья Днѣстра, Вислы и Эльбы,
- 4) Скандинавскій (+С. Германія),
- 5) Британскій (Великобританія, Бретань и С. З. Франція до Бельгіи).

Идеи Шантра встрѣтили горячее сочувствіе со стороны извѣстнаго изслѣдователя каменнаго вѣка Габріеля Мортилье. Мортилье напечаталъ въ „Revue d'A“. разборъ книги Шантра и заявилъ, что составленныя ліонскимъ археологомъ таблицы содержатъ въ себѣ смертный приговоръ противъ школы, отрицающей существованіе особаго бронзоваго вѣка во Франціи. Въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ Мортилье развивалъ основныя идеи ліонскаго археолога. Рона, по мнѣнію Мортилье, служила путемъ, по которому бронза проникла не только во Францію, но и вообще на западъ Европы, какъ Дунай служилъ путемъ для ея проникновенія въ среднюю и сѣверную Европу. Мортилье считалъ возможнымъ указать и пунктъ, откуда приходило въ Европу нужное для бронзоваго сплава олово—полуостровъ Малакку и Зондскіе острова, обладающіе первыми въ мірѣ по богатству мѣстонахожденіями олова. Здѣсь явилась впервые бронза; отсюда шло все олово, которое употреблялось въ доисторическую пору Европы. Оружіе, которое выработывалось изъ бронзы—преимущественно мечи—было приспособлено къ рукѣ болѣе узкой, чѣмъ средняя рука Европейца; изъ современнаго оружія только индѣйское имѣетъ эти пропорціи. Въ пользу Индіи, по мнѣнію Мортилье, говорятъ и мотивы орнамента—напр. свастика—и господствующій въ бронзовую эпоху погребальный типъ—сожженіе трупа. Воззрѣнія Шантра на мѣдъ были также поддержаны Мортилье. М. заявилъ, что полые кельты, которые обыкновенно оказываются мѣдными, представляютъ позднѣйшую форму сравнительно съ другими,—и вообще въ Европѣ мѣдные предметы имѣютъ болѣе позднее происхожденіе, чѣмъ бронзовые: первое примѣненіе ихъ было сдѣлано гдѣ-то внѣ ея. Венгерскіе мѣдные кельты могли служить нѣкотораго рода слитками, замѣнявшими монету.

Въ 80-хъ годахъ г-жа Клемансъ Ройэ выступила въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ съ теоріей близкой къ той, которую развивалъ въ Германіи Вибель: человекъ открылъ бронзу случайно, расплавляя мѣдъ съ примѣсью оловоноснаго песка. Открытіе это могло произойти тамъ, гдѣ эти пески на-

ходятся на поверхности, а такіе пунеты имѣются во всей Европѣ—во Франціи, въ Швейцаріи, въ Испаніи, въ Чехіи. Орудія, приготовляемыя изъ сплава, могли предназначаться для кельтовъ или иберійцевъ, которые отличались отъ Германцевъ незначительнымъ ростомъ и тонкими руками; потомки этой мелкой, темной расы до сихъ поръ отличаются своими пропорціями отъ рослыхъ и массивныхъ блондиновъ. Противъ этой теоріи высказался Мортилье: пунеты, на которые указываетъ г-жа Рейс, или недоступны для первобытнаго рудокопа, или слишкомъ тощи, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ слѣдовъ доисторической эксплуатаціи: самыя раннія копи — испанскія — не восходятъ далѣе поры карагенскаго владычества. Англійское олово было извѣстно съ глубокой древности, но изъ этого нельзя еще заключать, что Англія была родиной бронзы: бронзовыя находки въ большемъ количествѣ встрѣчаются во Франціи, чѣмъ въ Англіи; это вполне естественно, если бронза шла въ Европу Средиземнымъ моремъ и Реной, но этого не могло бы быть, если бы она распространялась изъ Англіи. Въ ряду теорій, которыя созданы Французами относительно бронзы, слѣдуетъ упомянуть объ оригинальной теоріи Батальера. Б. считаетъ народомъ, принесшимъ въ Европу бронзу, предковъ нынѣшнихъ цыганъ. Пришли они не изъ Египта, какъ думаетъ большая часть изслѣдователей этого племени, а изъ Индіи. Уже въ доисторическую пору они выселились оттуда и раскинулись по М. Азіи, Кавказу и островамъ Средиземнаго моря. Геродотъ ихъ зналъ подъ именемъ Сигиновъ въ обширной странѣ на С. отъ Дуная (Истра), въ гомеровскомъ эпосѣ они фигурируютъ подъ именемъ, которое до настоящаго времени является однимъ изъ ихъ самоназваній—Sinti; подъ именемъ Сивановъ они жили въ Сициліи раньше, чѣмъ тамъ появились Сикулы.

По вопросу о томъ, кому человѣчество обязано открытіемъ желѣза, одни французскіе изслѣдователи высказываются въ пользу азіатскихъ, туранскихъ племенъ (Ленорманъ), другіе въ пользу африканскихъ (Мортилье). Въ подтвержденіе своего мнѣнія Мортилье приводитъ сомнительныя доказательства: на С. Россіи и въ Сибири желѣзо будто-бы стало извѣстно толь-

во въ IX в., въ нѣкоторыхъ сибирскихъ курганахъ, которые не старше 800 лѣтъ, нѣтъ желѣза; немногимъ ранѣе оно оказывается будто-бы и въ курганахъ Россіи. Идя съ С. на Ю. Европы, мы будемъ наблюдать, что употребленіе желѣза отходитъ все болѣе и болѣе къ отдаленнымъ эпохамъ; въ Египтѣ оно становится извѣстнымъ уже при первыхъ династіяхъ—т. е. за 4000 л. до Р. Х., Италія его узнала ранѣе чѣмъ остальная Европа благодаря вторженіямъ Сивуловъ и Этрусковъ въ Египетъ. Теорія Мортилье вызвала въ парижскомъ антропологическомъ обществѣ оживленныя пренія, которыя тянулись въ теченіе 2-хъ лѣтъ (1883—1884). Противъ Мортилье выступилъ скульпторъ Soldi. Солди утверждалъ на основаніи опытовъ, которые ему удалось произвести, что крѣпкія породы камня—гранитъ, діоритъ, порфиръ—доступны обработкѣ посредствомъ кремня и ясписа (jaspe - saillon égyptien); стало быть ни іероглифы, ни грандіозныя скульптуры первыхъ династій не могутъ говорить въ пользу знакомства Египтянъ первыхъ династій съ желѣзомъ. Для провѣрки своихъ соображеній Солди просилъ назначить техническую комиссію. Кремень могъ также служить и для того чтобы чеканить бронзу—Soldi убѣдился въ этомъ на опытѣ. Мортилье не отрицая фактовъ, на которые опирался Солди, оспаривалъ сдѣланные изъ нихъ выводы: чтобы приготовить орудіями изъ кремня камни для одной пирамиды нужно было испортить массу кремней; мастеровые должны были ихъ бросать—но скопленія испорченныхъ орудій не обнаружено нигдѣ въ Египтѣ. Споръ былъ конченъ благодаря вмѣшательству извѣстнаго египтолога Масперо, который заявилъ, что ему удалось найти долго отыскиваемые желѣзные орудія въ пирамидахъ старой имперіи.

Ислѣдованію тѣхъ культурныхъ измѣненій, которыми сопровождалось начало желѣзнаго періода, посвященъ специальный трудъ Шантра „Premier âge du fer. Nécropoles et tumulus. P. 1881“. Шантръ отмѣчаетъ медленность, съ которой входило въ употребленіе желѣзо. Въ тѣхъ свайныхъ постройкахъ (озеро Bourget и др.), гдѣ бронзовый вѣкъ достигъ своего апогея, желѣзо является въ видѣ рѣдкаго исключенія, но вліяніе ч у ж д о й и высшей культуры уже чувствуется,—явля-

ются новыя орудія, новыя мотивы орнаментовъ (звѣриный, спираль, свастика), новыя украшенія. Начало желѣзнаго вѣка характеризуется измѣненіемъ погребальнаго ритуала (погребеніе скелета вмѣсто сожиганія) и насыпаніемъ кургановъ (*tumulus*) изъ камней; только въ Бургоніи замѣчаются еще кромлехи рядомъ съ трупосожженіемъ. Культура перваго желѣзнаго вѣка во Франціи оказывается по своимъ элементамъ родственной съ культурой могильниковъ перваго желѣзнаго вѣка въ Ломбардіи, въ бассейнахъ Рейна и Дуная и на Кавказѣ: типы ломбардскихъ фибулъ ранняго желѣзнаго вѣка представляютъ поразительное сходство съ кавказскими (*les fibules à arcs simples*). Скелеты найденные въ кавказскихъ могильникахъ въ свою очередь обнаруживаютъ наибольшую близость къ скелетамъ изъ могильниковъ Юры,—существовала очевидно какая-то продолжительная связь между населеніемъ этихъ далеко отстоящихъ одна отъ другой странъ. Не рѣшаясь утверждать, что желѣзо принесъ съ собой на западъ Европы народъ, жившій первоначально на Кавказѣ, Шантръ находитъ болѣе правдоподобнымъ, что прото-этруски, съ воздѣйствіемъ которыхъ приводится въ связь желѣзный вѣкъ, простирали свое вліяніе до Кавказа.

Въ заключеніе нашего очерка мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о международныхъ палеоэтнологическихъ конгрессахъ, устройство которыхъ принадлежитъ Французамъ. Созданіе Мортилье представляетъ нѣчто среднее между постоянной международной ассоціаціей и временнымъ собраніемъ ученыхъ, какимъ являются конгрессы или съѣзды у насъ. Текущій элементъ въ нихъ представляютъ члены отдѣльныхъ сессій—по большей части граждане той страны, въ которой назначается конгрессъ. Элементъ постоянный состоитъ изъ выдающихся ученыхъ всѣхъ странъ, въ которыхъ назначались сессіи, бывшихъ во время той или другой сессіи предсѣдателями или вице-предсѣдателями конгресса. Изъ нихъ составляется постоянный комитетъ конгрессовъ. Сдѣлать конгрессы вполне международнымъ учрежденіемъ не удалось. Препятствіемъ явился вопросъ о языкѣ. Официальнымъ языкомъ конгресса

въ Спеціи рѣшено было признать французскій. Итальянцы, Швейцарцы, Португальцы, Бельгійцы, Шведы, Датчане, Мадьяры—въ настоящее время мы, Русскіе—признали этотъ пунктъ; Нѣмцы Германіи и Австріи протестуютъ противъ него и ставятъ условіемъ назначенія конгресса въ Вѣнѣ или Берлинѣ употребленіе на немъ нѣмецкаго языка—по крайней мѣрѣ рядомъ съ французскимъ. Въ этомъ смыслѣ не разъ уже дѣлались заявленія тѣми нѣмецкими учеными, которые являются постоянными гостями конгресса напр. извѣстнымъ Шаффаузенемъ, но постоянный комитетъ всякій разъ отклонялъ эти предложенія. Политическіе мотивы не препятствуютъ однако корифеямъ нѣмецкой науки (Вирхову, Шаффаузену и др.) принимать дѣятельное участіе въ совмѣстной работѣ европейскихъ ученыхъ надъ общими вопросами палеоэтнологіи. Рядъ нейтральныхъ пунктовъ, на которыхъ могутъ сходиться представители европейской науки, служить ручательствомъ того, что конгрессы еще долго будутъ служить органомъ европейскаго единенія на почвѣ науки и созданіе этого органа останется навсегда одной изъ крупнѣйшихъ услугъ, оказанныхъ палеоэтнологіи Французами.

И. С.

Литература. Rougemont. L'âge du bronze ou les Semites en Orient. P. 1866. Lart et. Reliquiae aquitanicae. Casalis de Fondouce. Derniers temps de l'âge de la pierre polie dans l'Aveyron. P. 1867. E. Chantre. Études paleo-ethnologiques. P. 1867. E. Marichard. Les grottes et les monum. mégalit. du Vivarais. 1869. Наму. Paleontologie humaine. P. 1870. E. Chantre. Les palafittes du lac de Paladrou. 1871. Ducrost et Lortet. Études sur la station préhist. de Solutré. 1871. L. Cloa. Archéologie de Jura. 1873. Lukis. Monum. mégal. en Algérie. 1873. Rabut. Hist. des habitations lacustres en Savoie. 1873. H. Martin. Études d'archéologie celtique. P. 1877. Cartailiac. L'art chez les chasseurs de rennes de l'Europe préhist. 1878. Chantre. De l'origine orient. de la métallurgie. 1879. Joly. L'homme avant les métaux. 1879. Nadaillac. Les premiers hommes. P. 1881.—L'Amérique préhistorique. P. 1883. Quatrefages. Hommes fossiles et hommes sauvages. 1884. Mortillet. Musée préhist. 1882.—Importation de la néphrite et du bronze. 1881.—Le préhistorique. Antiquité de l'homme. P. 1883. Jeanjean. L'âge du cuivre dans les Cévennes. 1885. Cartailiac. Les âges préhist. de l'Espagne et de Portugal. 1886. Chauvet. Les débuts de la gravure et de la sculpture. 1887. J. de Baye. L'archéologie préhist. 1888. Nadaillac. Moeurs et monuments des peuples préhist. 1888. Reinach. Esquisses archéologiques. 1888. Piette. L'art pendant l'âge du renne.

ДАННЫЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ ВУЛГАРІИ¹⁾.

(Археологическія замѣтки).

I

ОШЕЛЬ И ЕГО СЛѢДЫ.

ѣтомъ 1890 года, осматривая съ археологическими предѣлами нагорный берегъ Волги отъ Богородской пристани до г. Тетюшъ²⁾, я ознакомился, между прочимъ, съ окрестностями с. Кирельскаго, въ районѣ котораго еще Георги и Татищевъ указывали слѣды болгарскаго города Ошеля или Ашлы.

¹⁾ Авторъ настоящихъ замѣтокъ не занимался специально изученіемъ болгарскихъ памятниковъ, но во время археологическихъ экскурсій имѣлъ случай мимоходомъ ознакомиться съ слѣдами нѣкоторыхъ болгарскихъ поселеній. Наблюденія въ этихъ предѣлахъ конечно не отличаются полнотою, но интересующіеся болгарской стариною найдутъ, быть можетъ, возможность оправдать появленіе ихъ въ печати: они касаются не главныхъ центровъ Булгаріи—Булгара и Бюляра, болѣе или менѣе обстоятельно описанныхъ, а тѣхъ второстепенныхъ болгарскихъ городовъ и ауловъ, которые мало обращали на себя вниманіе и въ характеристикѣ которыхъ могутъ встрѣтиться по этому черты, не имѣвшія еще мѣста въ литературѣ. *Авт.*

²⁾ Въ этой поѣздкѣ, по моему предложенію, сопутствовалъ мнѣ А. А. Спицынъ, которому я и считаю своимъ долгомъ выразить здѣсь признательность.

Сдѣланныя мною наблюденія и послужили поводомъ въ изложенію въ настоящемъ очеркѣ нѣкоторыхъ данныхъ и соображеній относительно этого небезынтереснаго памятника болгарской старины.

Мѣстоположеніе с. Кирельскаго. Нагорный берегъ Волги, противъ Камскаго устья, оканчивается Богородской горой или—по мѣстному названію—Обачемъ¹⁾.

Отъ этого пункта нагорье праваго берега далеко отступаетъ отъ рѣки и, описавши дугу, выходитъ къ ней снова верстѣ на семь ниже, образуя здѣсь крутой горный выступъ—Соколъ.

Просторная долина, раскинувшаяся между Обачемъ и Соколомъ, состоитъ изъ трехъ постепенно возвышающихся террасъ: нижней, средней и верхней. Нижняя или береговая, шириною верстѣ до трехъ, представляетъ заливную луговину, называемую Дубравою. Лѣсной поросли на ней въ настоящее время нѣтъ, но въ старину, по преданію, высился крупный дубовый лѣсъ, охватывавшій все побережье. Средняя терраса возвышается надъ Дубравою въ началѣ сажени на три, но далѣе въ глубь долины постепенно приподнимается и версты за двѣ отъ окраины переходитъ въ верхнюю, которая и выступаетъ въ Волгѣ упомянутыми выше кручами.

Въ южной сторонѣ долины, у самой подошвы верхней террасы, извивается небольшая рѣчка Кирелка²⁾, выбѣгающая

¹⁾ У Будагова: «оба» — войлочная кибитка нагайцевъ; холмъ; курганъ; могила; монг. слово «обо» — сооруженная на холмѣ или горѣ насыпь, куда стекались монголы для приношенія жертвъ своимъ богамъ; персид. слово у б а ш ь — шайка разбойниковъ.

²⁾ С. Мельниковъ называетъ эту рч. Клярой (Каз. Г. В., 1854 г., № 9). Въ «Замѣткахъ о городищахъ Каз. г.» она названа «Безымяной», причемъ разъясняется, что въ свѣдѣніяхъ, достав. въ Стат. Ком. волост. правленіями, эта рѣчка названа Дубравою, а между тѣмъ такой рѣчки не значится ни на картахъ, ни въ «Спискѣ насел. мѣстъ». Названіе Мельникова ошибочно, а недоразумѣніе «Замѣтокъ» вполне разъясняется моимъ показаніемъ, что Дубравую мѣстные жители навывають не рѣчку, а всю береговую террасу.

жъ Волгѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднимается надъ нею недостатучнымъ утесомъ Соколъ.

На средней террасѣ, никогда не затопляемой водою, располагаются четыре селенія: с. Барскіе Каратаи у подошвы Обача, с. Кирельское на правомъ берегу низовья Кирелки, у самой подошвы и на склонѣ Сокола, а въ промежуткѣ — деревни Мельситова и Капердина.

Средняя и верхняя террасы покрыты неглубокимъ слоемъ чернозема съ глинистой подпочвой и представляютъ пашни. Дубрава состоитъ изъ иловатыхъ наносовъ, поросшихъ травою. Кустарники и мелкій лиственный лѣсокъ сохранились только на кручахъ праваго берега Кирелки, выше села. Въ садахъ с. Кирельскаго съ успѣхомъ разводятся яблони.

Что касается Волги, то она, широко раскинувшись ниже устья Камы, образуетъ здѣсь цѣлую систему острововъ, отдѣляющихъ обмелѣвшую коренную Волгу отъ судоходнаго протока Чертыва, идущаго подъ лѣвымъ берегомъ. Изъ этихъ острововъ, противъ самаго выступа горы Сокола, раскинулся Соколенокъ, а ближе къ Чертыву—Заволга, обширный островъ, разбитый протоками на нѣсколько частей ¹⁾).

Изъ этой бѣглой характеристики современной фізіономіи долины р. Кирелки не трудно видѣть, что она, обладая черноземной почвой, поемными лугами и лѣсомъ, могла представлять достаточныя удобства и для болгарскаго насельника — земледѣльца, тѣмъ болѣе, что отдѣлена была отъ города Булгара только р. Волгой и 10—15 верстнымъ разстояніемъ.

Описаніе городища. Приѣхавъ въ с. Кирельское вечеромъ, когда уже совершенно стемнѣло, я принужденъ былъ ограничиться до утра только тѣмъ, что пригласилъ къ себѣ на квартиру тѣхъ крестьянъ, которые уже давно распаиваютъ мѣстное городище. Свѣдѣнія, сообщенныя ими, были не особенно утѣшительны. На городищѣ было въ прежнее время мно-

¹⁾ «Заволга», начинаясь нѣсколько выше с. Кирельскаго, оканчивается близъ Сѣжеевскаго ввоза и тянется такимъ образомъ верстъ на 7.

жество ямокъ, но они теперь уже запаханы. Выпахивали много угля и даже большихъ обугленныхъ кусковъ дерева, попадались изрѣдка ржавые желѣзные ножицы и стрѣлки, но въ послѣдніе годы ничего уже не выпаживается, кромѣ черепковъ глиняной посуды, раздробленныхъ костей, овалины и мелкихъ желѣзныхъ обломковъ. Попадались-ли какія нибудь другія вещи въ окрестностяхъ: монеты, украшенія и т. п.,—никто не помнить. О находкахъ владовъ и отъ стариковъ не слыхивали. Только разъ одинъ мужикъ нашелъ на берегу кошель съ нѣсколькими старинными крупными пятаками. Гдѣ хоронился жившій на городкѣ народъ — неизвѣстно: ни при пашнѣ, ни при землеопныхъ работахъ человѣческихъ костей не попадалось, не вымывало ихъ нигдѣ и весеннимъ разливомъ и водороями...

Утромъ съ шестью рабочими я вышелъ на городокъ. Онъ находится въ полуверстѣ отъ с. Кирельскаго къ сѣверу и располагается на самой окраинѣ средней террасы, въ углу, образуемомъ заливными долинами Волги и Кирелки, и возвышается надъ ними сажени на три. Очертаніе его почти прямоугольное, но съ закругленными слегка углами. Поверхность его ровная и обнесена валомъ высотой около сажени ¹⁾, за которымъ съ внутренней стороны находится такой-же глубины ровъ. По этого укрѣпленія, служившаго значительной преградой только со стороны заливныхъ долинъ, жителямъ городка казалось—должно быть—недостаточно для двухъ остальныхъ сторонъ—сѣверной и западной, гдѣ площадь городка находится на одномъ уровнѣ съ окрестными полями. По крайней мѣрѣ здѣсь, внутри первой ограды, насыпанъ еще одинъ валъ нѣсколько выше наружнаго, а за нимъ выкопанъ ровъ глубиною въ сажень, считая отъ площади городка, къ которой онъ непосредственно примыкаетъ.

Наружный валъ со стороны Волги и Кирелки, подмываемый весенними разливами, разрушился почти на всемъ протя-

¹⁾ У Георги высота вала показана въ 2 саж., вѣроятно считая со дна рва.

женіи, но всѣ укрѣпленія съ прочихъ сторонъ сохранились вполне и имѣютъ въ длину 65 саж. на сѣверѣ и 85—на западѣ ¹⁾). Разрѣзы въ валахъ и соотвѣтственные перерывы во рвахъ указываютъ на существованіе двухъ воротъ: одни находились въ срединѣ сѣверной стороны, а другіе—въ юго-западномъ углу.

Такъ какъ прочная обдерновка укрѣпленій и ихъ строгоравельная форма ясно показываютъ, что они мало измѣнились, то и можно думать, что городокъ обладалъ крайне незначительными оборонительными средствами. Городища въ большинствѣ случаевъ располагаются на возвышенной мѣстности, огражденной съ двухъ или даже съ трехъ сторонъ крутыми и малодоступными обрывами и оврагами. Въ подобныхъ мѣстахъ не трудно было защищаться за земляными укрѣпленіями и слабой профили. Но Кирельскій городокъ находится на вполне доступной равнинѣ и поэтому невольно побуждаетъ думать, что онъ долженъ былъ имѣть еще какія нибудь дополнительныя сооруженія для обороны, чтобы быть сколько нибудь значительнымъ опорнымъ пунктомъ.

Культурный слой городка очень тонокъ, не глубже одной-двухъ четвертей, и памятниковъ древняго быта содержитъ въ себѣ очень немного. Значительная раскопка, произведенная по всей волжской его окраинѣ, гдѣ осыпающійся культурный слой представляетъ наибольшую мощностъ, ничего не дала кромѣ обломковъ глиняной посуды и кухонныхъ остатковъ въ видѣ мелко раздробленныхъ костей животныхъ. Пробныя раскопки въ другихъ мѣстахъ городища дали тѣ-же результаты. На пашнѣ, за валами, по направленію къ д. Капердиной и Мельситовой, черепковъ и костей почти не встрѣчается.

Но какъ ни скудны эти данныя, все-же на основаніи ихъ можно прійти къ нѣкоторымъ вѣроятнымъ заключеніямъ.

¹⁾ Изъ этихъ измѣреній видно, что вся окружность городка—300 саж. Въ «Замѣткахъ» показано 362 с. вѣроятно потому, что измѣреніе производилось шагами.

Черепки и ручки отъ сосудовъ съ плоскимъ дномъ, выдѣланныхъ на кругъ изъ чистой и хорошо обожженной глины, совершенно однородны съ подобными-же частями посуды всѣхъ вообще второстепенныхъ болгарскихъ городищъ. Такого разнообразія въ формахъ и орнаментивъ, какъ въ Булгарѣ и Бюлярѣ, нѣтъ.

Выборъ мѣста для городка также указываетъ болѣе на болгарскую земледѣльческую культуру, чѣмъ на древне-финскую—звѣроловную и рыболовную. Первобытный финнъ мѣстнаго края выбиралъ себѣ для жительства береговья недоступныя кручи, миниатюрныя площадки на горныхъ выступахъ, занимающія всего сажень 10—50 въ длину и ширину. Земледѣльческое населеніе Камско-Волжской Булгаріи, напротивъ, останавливало свое вниманіе по преимуществу на плодородныхъ равнинахъ, удобныхъ для хлѣбопашества. Оно, конечно, пользовалось для устройства селеній и высокими горными площадями, если онѣ удовлетворяли потребностямъ земледѣльческаго быта, но не чуждалось и доступныхъ долинъ. Нерѣдко встрѣчаются на такихъ мѣстахъ ясныя слѣды болгарскихъ поселеній, которыя не были защищены даже окопами. Въ послѣднемъ случаѣ укрѣпленіе устраивалось гдѣ нибудь на ближайшей горной кручѣ, господствующей надъ окрестностями, служа наблюдательнымъ постомъ, а иногда и редюитомъ на случай опасности.

Характеръ укрѣпленій Кирельскаго городища,—прямолинейныхъ, тщательно обдѣланныхъ и снабженныхъ разрѣзами въ валахъ и перерывами во рвахъ для выѣзда, — совершенно аналогиченъ съ фортификаціонными сооружениями прочихъ болгарскихъ городовъ.

Ту-же аналогію представляютъ и тѣ многочисленныя ямы, которыя до распахки покрывали площадь городища и о формахъ которыхъ у мѣстныхъ крестьянъ сохранилось вполне определенное представленіе. Подобныя ямы обыкновенно сопровождаютъ болгарскіе городища. Форма ихъ квадратная, длина отъ одной до двухъ сажень, глубина около двухъ аршинъ. На

одной изъ сторонъ есть всегда дополнительная выемка, напоминающая входъ въ русскую баню—землянку. Ямки располагаются очень близко другъ къ другу и нерѣдко тянутся правильной улицей.

Если подобныя ямки служатъ слѣдами неприхотливыхъ болгарскихъ жилищъ—землянокъ, то по числу ихъ можно, конечно, составлять приблизительное понятіе о численности жителей древняго поселка.

Къ сожалѣнію ямки на Кирельскомъ городкѣ, за исключеніемъ одной, давно уже запаханы и о числѣ ихъ можно судить только на основаніи сопоставленія площади городка съ обычными размѣрами ямокъ и отдѣляющихъ ихъ другъ отъ друга промежутковъ. Площадь Кирельскаго городка занимаетъ приблизительно 5000 кв. саж. Выдѣляя $\frac{1}{4}$ этого пространства на промежутки, получимъ на долю землянокъ 1000 кв. саж. Принимая размѣры каждой землянки въ 4 квад. саж., найдемъ, что число жилищъ могло доходить до 250. При размѣрѣ семьи въ 4 человека опредѣлимъ общую численность жителей городка въ 1000 душъ обоюго пола и всѣхъ возрастовъ. При такой цифрѣ населенія городокъ могъ выставить въ случаѣ нападенія 200—300 защитниковъ ¹⁾.

Наблюдательный постъ. Обитатели Кирельскаго городка, живя въ лоцинѣ, оваймленной съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой лѣсомъ, весьма естественно нуждались въ возвышенномъ пунктѣ, откуда можно-бы было наблюдать, что дѣлается въ окрестностяхъ и узнавать о приближеніи враговъ. Такимъ ближайшимъ пунктомъ является здѣсь гора Соколъ, на которой еще Мельниковъ указывалъ какую-то „насыпь въ видѣ маяка“.

При осмотрѣ этой горы овозалось, что она на самомъ концѣ, круто обрывающемся къ Волгѣ, раздѣляется оврагомъ на два горныхъ мыска. Съ этихъ мысковъ, поднимающихся

¹⁾ Это вычисленіе, понятно, только приблизительное и я не нахожу возможнымъ на немъ настаивать.

надъ рѣкою сажень на 40, открывается обширная панорама на луговое Заволжье, вверхъ по Волгѣ до Обача и Камскаго устья, а внизъ—до окрестностей с. Болгарь (г. Булгарь). Оба мыска оваймлены дугообразными рвами, длиною въ 70 и 20 саж., и валами, изъ которыхъ первый сильно приподнятъ въ срединѣ, что придаетъ ему видъ высокой курганной насыпи. Разрѣзовъ въ валахъ и соответственныхъ перерывовъ во рвахъ, т. е. воротъ, нѣтъ. Площади городковъ, длиною въ 65 и 22 саж., очень покаты къ Волгѣ и культурный слой ихъ, смытый водою, не толще одного-двухъ вершковъ. Хотя строеніе укрѣпленій на горѣ Соколъ и не соответствуетъ обычному характеру болгарскихъ фортификаціонныхъ сооруженій и указываетъ на другую культуру, но обломки глиняной посуды, встрѣчающіеся здѣсь, совершенно однородны съ черепками Кирельскаго городища и даютъ возможность думать, что болгарское населеніе его, если и не само воздвигло укрѣпленія на Соколѣ, то по крайней мѣрѣ пользовалось ими какъ observaціоннымъ постомъ.

Вопросъ о названіи города. У современнаго поколѣнія мѣстныхъ крестьянъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ назывался древній болгарскій городъ, находившійся въ долинѣ р. Кирелки. Крестьяне называютъ слѣды его просто „городкомъ“ и сообщаютъ преданіе, что здѣсь въ старые годы жилъ царь „Темиръ Ясавъ — желѣзная нога“, который „зажигалъ семь огней“, т. е. востровъ, на горѣ Соколъ, когда его городу угрожала опасность. Это преданіе, служа отголоскомъ смутныхъ татарскихъ легендъ о Тимурѣ, хотя и не разъясняетъ вопроса о названіи города, но тѣмъ не менѣе не лишено нѣкотораго интереса. Оно даетъ вѣроятное объясненіе назначенію укрѣпленныхъ площадокъ горы Сокола, какъ наблюдательному посту.

Вопросъ о названіи опредѣленно устанавливаютъ Георги и Татищевъ. Георги, описывая городище на лѣвомъ берегу Кирелки, называетъ его остатками татарскаго города Ашлы или Ошеля¹⁾. Что касается Татищева, то онъ сообщаетъ, что

¹⁾ Bemerkungen einer Reise im Russisch. Reich. II, 801.

„на нагорной сторонѣ, ниже Камы версть на пять, былъ городъ Ашла“, а въ другомъ мѣстѣ по тому-же вопросу высказывается такъ: „городъ Ашла былъ ниже Камы, на правой сторонѣ Волги, верстахъ въ семи, котораго остатки видимы и имя въ памяти хранится“¹⁾.

Хотя въ настоящее время имя города, приведенное у Татищева, въ памяти народа уже не сохранилось, но тѣмъ не менѣе точность показаній Георги и Татищева можетъ быть до известной степени выяснена сближеніемъ русскихъ лѣтописныхъ сказаній съ данными мѣстности и обстановкой городища.

Въ Воскр. лѣтописи²⁾, при описаніи похода Святослава, брата вел. кн. Юрія Всеволодовича, на „безбожныхъ Болгары“, между прочимъ сказано: „И сняшася вси на Волзѣ, на усть Оки, въ насадѣхъ и въ лодіяхъ, и оттолѣ поидоша внизъ; и бывшимъ имъ на Исадѣхъ противу Ошлю, и выидоша на берегъ“.

Но это показаніе еще не приурочиваетъ г. Ошель къ району с. Кирельскаго. Болѣе опредѣленный свѣтъ на это проливаетъ то мѣсто лѣтописи, гдѣ рассказывается, что Святославъ, разгромивъ городъ 15-го іюня, по случаю бури не рѣшился плыть въ обратный путь, а направился для ночевки „въ завѣтріе на островъ“ и только „на утреи“, послѣ обѣда „поидоша вверхъ по Волзѣ“ и „минувъ Исады“, „ста на усть Камы“.

Отсюда слѣдуетъ, что г. Ошель находился ниже устья Камы, близъ Исадовъ, располагавшихся, какъ уже ранѣе выяснилось, „противу Ошлю“.

Но что такое Исады?

Этотъ вопросъ разрѣшается показаніемъ Ипат. лѣтоп. о походѣ Всеволода Юрьевича въ 1184 году, гдѣ сказано, что русскіе плыли „по Волзѣ на Болгары“ до мѣста, „идеже островъ, нарѣцаемый Исады“. Здѣсь они вышли на берегъ и

¹⁾ У Татищева: т. I, стр. 351 и т. III, 606.

²⁾ Воскр. 126—128.

пошли „на конѣхъ в землю Болгарскую в великому городу Сербреныхъ Болгаръ“.

Подъ „великимъ городомъ“ въ данномъ случаѣ разумѣется, безъ сомнѣнiя, г. Бюляръ, такъ какъ русской рати для нападенiя на него пришлось перейти черезъ р. „Черемисанъ“, т. е. Малый Черемшанъ, близъ берега котораго и находятся развалины Бюлара, орошаемые рѣчкой Серебрянкой.

Принимая во вниманiе, что Исады—островъ, находившiйся ниже устья Камы и вмѣстѣ съ тѣмъ на ближайшей линiи къ г. Бюляру, т. е. нѣсколько сѣвернѣе г. Булгара, и можно думать, что это былъ одинъ изъ острововъ, располагающихся противъ нынѣшняго с. Кирельскаго. Въ Соколенкѣ можно видѣть мѣсто ночевки Святослава, а въ „Исадахъ“—обширный островъ Заволгу, который сѣверной своей частью находится противъ Кирельскаго городища („противу Ошлю“) и мимо котораго необходимо плыть къ устью Камы отъ Соколенка.

Кромѣ того можно найти нѣкоторыя данныя для сближенiя Кирельскаго городища съ Ошелемъ и въ сказанiи лѣтописи о разгромѣ этого городка Святославомъ.

Вотъ что рассказываетъ Воскр. лѣтопись о дѣйствiяхъ русской рати по высадкѣ на берегъ, противъ Исадовъ: „Изряди же Святославъ полкъ своя: Ростовскый по правой руцѣ, Переяславской по лѣвой, а самъ ста съ Муромскими князи посреди, а инъ полкъ остави у людей. Сами же поидоша отъ берега къ лѣсу, и прошедшимъ имъ лѣсъ, выидоша на поля ко граду, и устрѣтоша ихъ Болгаре со княземъ своимъ на конѣхъ и поставиша полкъ на поли; Святославъ-же поиде къ нимъ вборзѣ, они же, постоявше мало, пустиша по стрѣлѣ въ наши и возматшеса побѣгоша ко граду, и вбѣгше во градъ затворишася“.

Эта картина легко укладывается въ тѣ рамки, которыя представлялъ болгарскiй городъ на р. Кирелкѣ.

Лѣсъ, который необходимо было пройти, чтобы приблизиться къ городу, это—Дубрава, покрывавшая нѣкогда всю береговую террасу кирельской долины. Малочисленность кон-

наго болгарскаго отряда, выступившаго изъ города для отраженія нападенія и не рѣшившагося на полевой бой, соотвѣтствуетъ размѣрамъ Кирельскаго городка.

Ближайшими воротами этого городка со стороны Волги являются сѣверныя; слѣдовательно, примѣнительно къ Кирельскому городку, наступленіе русскихъ направлялось съ поля д. Мельситовой.

Далѣе лѣтопись даетъ и еще нѣкоторыя подходящія черты.

„Князь - же Святославъ поиде вборзѣ ко граду, бѣ - же острогъ утверждень около града крѣпокъ, тынъ дубовъ, а за тѣмъ два оплота и межи има валъ ссыпанъ, и по тому валу рыщуще изъ затканія бѣахуса. Князь же Святославъ пришедь къ городу и наряди люди впередъ со огнемъ и съ сѣкирами, и за ними стрѣлци и копейники, и приступи ко граду, и бысть брань межи има крѣпка зѣло, и подсѣкоша тынъ, и разсѣкоша оплоты и зажгоша ихъ“...

Здѣсь прямо указывается, что Ошель кромѣ земляного укрѣпленія имѣлъ еще внѣшнюю деревянную ограду („тынъ дубовъ“) и два деревянныхъ оплота по сторонамъ вала. Это указаніе можно примѣнить къ Кирельскому городку на томъ основаніи, что земляныя укрѣпленія его были незначительны и несоотвѣтствовали его доступному мѣстоположенію, вызывая необходимость въ дополнительныхъ преградахъ, матеріаломъ для которыхъ могъ служить окрестный дубовый лѣсъ.

Деревянные оплоты Ошеля были невысоки: приставивъ къ оплоту доску, можно было перескочить черезъ него. Объ этомъ свидѣтельствуетъ подвигъ Ермила Охотина, о которомъ рассказываетъ Татищевъ. Когда русскіе заняли уже валъ, но „отъ многаго стрѣлянія болгарскаго“ хотѣли было отступать, — Ермилъ Охотинъ, „взявъ мечъ въ руку, огонь въ другую, брося доску, скочилъ черезъ оплотъ, и за нимъ не умедлилъ братъ его Вавило, и начали сѣчь Болгаръ; товарищи-же ихъ, смотря съ вала, удивлялись, и стали имъ помогать, и приступа ближе, разметали оплотъ и зажгли самый градъ“...

„И бысть дымъ силенъ зѣло,—говорить Воскр. лѣтопись,— и потяну вѣтръ съ града на полкы Святослави, и не бѣ видѣти человѣка въ дымѣ, и не могуще трѣпѣти дыма и зноя, паче-же безводіа, и отступиша отъ града; и сѣдоша опочивати отъ многога труда. Рече-же Святославъ: „пойдемъ съ повѣтреа со другую страну града“; они же воставше поидоша обѣ оную страну града и, пришедше, стаха противу вратомъ града... И потече самъ князь преди всѣхъ ко граду. Видѣвше же его вой, вси устремишася ко граду борже, и посѣкоша тынъ и оплоты и съ ту страну, и зажгоша, а Болгари побѣгоша въ городъ; сїи же погнаху ихъ сѣкуще и потомъ зажгоша градъ отвсюду. И объятъ градъ огонь отвсюду, и бысть буря велиа, и страшно бысть видѣти, и бысть во градѣ вопль великъ зѣло. Князь же Болгарьскый выбѣже инѣми ворота и утече на конехъ въ малѣ дружинѣ, а что пѣшець выбѣгло, мужи избиша, а жены и дѣти въ полонъ взяша, а инїи во градѣ погорѣша, а инїи сами изсѣкоша жены своа и дѣти, и потомъ сами ся избиша; нѣции же отъ вой Святославлихъ дрзнуша внити во градъ, корысти дѣля, и едва утекоша пламене, а инїи ту изгорѣша“.

Въ примѣненїи къ Кирельскому городищу эти показанїя имѣють слѣдующїя соотношенїя:

1. Двое воротъ Кирельскаго городища почти противоположны и, соотвѣтствуя такимъ образомъ двумъ воротамъ Ошеля, даютъ возможность довольно наглядно представить оба момента штурма: нападенїе начинается со стороны сѣверныхъ воротъ, гдѣ мѣстность дѣйствительно вполнѣ безводная; затѣмъ русская рать переходитъ на другую сторону, гдѣ протекаетъ поблизости Кирелка, и наноситъ рѣшительный ударъ со стороны юго-западныхъ воротъ; князь-же болгарскїй, пользуясь тѣмъ, что сѣверныя ворота сдѣлались свободными, съ небольшою дружиной своихъ конниковъ спасается изъ города.

2. Свидѣтельство врестьянъ, что въ почвѣ городка находилось гари такъ много, какъ на пожарницѣ, также со-

отвѣтствуетъ до извѣстной степени сказанію лѣтописи о совершенномъ истребленіи Ошеля огнемъ.

Представляется умѣстнымъ остановиться еще на томъ мѣстѣ Воскр. лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что происходило въ окрестностяхъ Ошеля, когда Святославъ, переночевавъ послѣ разгрома города на островѣ, пошелъ „прочъ вверхъ по Волзѣ“.

„Слышавше - же болгары въ Великомъ градѣ и во иныхъ градѣхъ, яко и городъ ихъ Ошель взять, и печальны быша по велику зѣло, и собрашася вси со князьми своими: овни на конѣхъ, друзіи пѣши, и придоша на берегъ. Слышавъ-же Святославъ, оже Болгары собравшеся ждуть его на Исадахъ, повелѣ-же воемъ своимъ обочлѣтися во броня и стяги наволочити, и наряди полемъ въ насадѣхъ и лодіяхъ, и поиде полемъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопѣли, а самъ князь по нихъ поиде. Болгари-же, идуще по берегу, видяще своихъ ведомыхъ, овому отци, иному сынъ и дщерь, другому-же братіа и сестры и соплеменницы, и стаху покивающе главами своими, и стонаще сердце ихъ, и смѣжающе очи свои“.

С. М. Шпилевскій справедливо замѣчаетъ, что въ этомъ отрывкѣ констатируется „важный фактъ о существованіи въ Булгаріи въ одно время нѣсколькихъ князей“, но вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ, повидимому, въ нѣкоторую погрѣшность, утверждая, что подъ Великимъ городомъ нужно разумѣть въ данномъ случаѣ отдаленный Бюляръ, а не близкій Булгаръ. „Понятно—говорить онъ—что изъ Булгара къ Исадамъ ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не пошли-бы, а поднялись-бы на судахъ по Волгѣ“¹⁾.

Но чтобы принять это положеніе, необходимо прежде всего имѣть передъ собою вполне доказанный фактъ, что болгары располагали достаточной рѣчной флотиліей и предпринимали военныя экспедиціи на судахъ. Но такого доказаннаго

¹⁾ «Древніе города и др. болгаро-татарскіе памятники», стр. 153.

факта не только не существуетъ, но нѣтъ, повидимому, даже никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно-бы было видѣть, что Булгары на Камѣ и Волгѣ противопоставляли рѣчнымъ походамъ русскихъ какія либо препятствія. Ушкуйники сновали по Камѣ то и дѣло, высаживались безпрепятственно на берега и нападали на близъ лежащіе города. Булгары не преграждали имъ водный путь, не заходили на судахъ въ тылъ, а почти исключительно отсиживались за укрѣпленіями.

Что подъ „Великимъ городомъ“ въ описываемомъ случаѣ естественнѣе разумѣть не Бюляръ, какъ утверждаетъ г. Шпилевскій, а Булгаръ,—это явствуетъ уже изъ одного того, что Бюляръ находился отъ Ошеля за нѣсколько десятковъ верстъ, между тѣмъ какъ Булгаръ всего за 10—15 верстъ, такъ что изъ него свободно можно было видѣть даже дымъ, поднимавшійся надъ горѣвшимъ Ошелемъ, и немедленно узнать о его печальной участи.

Ковные и пѣшіе булгары, собравшіеся къ Исадамъ изъ Булгара и другихъ ближайшихъ городовъ и ауловъ и пассивно смотрѣвшіе на торжественное шествіе флотиліи Святослава, явились сюда конечно не для помощи своимъ заволжскимъ родичамъ и не для отмщенія за разгромъ Ошеля, а единственно для наблюденія за дальнѣйшимъ движеніемъ непріятеля, который могъ произвести попытку высадиться на лѣв. бер. Волги и внести опустошеніе въ самый центръ Булгаріи.

Если Святославъ съ такою помпой дефилировалъ мимо своихъ враговъ, то, значить, былъ вполнѣ убѣжденъ, что на рѣкѣ онъ безопасенъ, что булгары не имѣютъ средствъ помѣшать церемоніальному маршу его судовъ.

Независимо отъ этого, необходимо имѣть въ виду и то, что единство въ дѣйствіяхъ и солидарность не имѣли, повидимому, прочной обосновы въ отношеніяхъ болгарскихъ князей и городовъ. Такъ, напр., во время похода Всеволода Юрьевича въ 1184 году русская рать, высадившись у Исадовъ на лѣвый берегъ Волги, безпрепятственно прошла черезъ самый центръ Булгаріи къ Бюляру. Жители Булгара и другихъ городовъ,

мимо которыхъ шли дружинники Всеволода, не произвели ни малѣйшей попытки оказать содѣйствіе Бюляру, своевременно ударивъ во фланги и тылъ общему врагу. Только жители нѣсколькихъ второстепенныхъ пунктовъ — Собѣкуляне, Челмата и Темтюзи—произвели неудачную попытку напасть на русскій отрядъ, оставленный у Исадовъ для охраненія людей.

Возстановлялся-ли послѣ 1220-го года сожженный до глѣ Ошель? Едва-ли. По крайней мѣрѣ русскіе источники болѣе о немъ не упоминаютъ. Въ татарскихъ сказаніяхъ имени его и совсѣмъ не встрѣчается. У татаръ нѣтъ даже и слова, подходящаго къ названіямъ Ошель, Ашла, Ашля. . .

Есть основаніе думать, что слово это мордовскаго происхожденія. У Мордвы названія рѣчекъ состоятъ изъ слова, характеризующаго мѣстность, свойства рѣки, имя перваго поселенца и т. д., и слова л е й—рѣка, долина рѣчки. Въ Спас. у. Тамб. г., въ районѣ мордовскаго расселенія есть рѣчка Ашилья, на берегу которой находится городище. Можно думать, что это названіе образовалось изъ мордовскихъ словъ—О ш ъ (городъ) и л е й (Ошлей—городская рѣчка). Въ рус. яз. мордовское названіе рѣкъ измѣняетъ суффиксъ л е й на л я, л ь; наблюдаются и болѣе значительныя отклоненія. Напр.: Кирлей (въ Ниж. г.); Кирля, Кирленка (Симб.); Кирель (Ниж.). По этому и названіе Ошлей можетъ перейти въ Ошла (Ашла), Ошля (Ашля, Ашилья), Ошель ¹⁾.

Обращаясь къ мѣстности, гдѣ находился болгарскій городъ, которому русскіе дали это мордовское имя, встрѣчаемъ и нѣкоторые другіе мордовскіе элементы. Въ болгарскую эпоху, къ западу отъ Булгаріи, за Волгой, начинались мордовскія земли. Мордва живетъ и теперь версты за двѣ отъ Кирельскаго городища, въ д. Мельситовой, имѣющей названіе мордов-

¹⁾ См. подробности въ статьѣ И. Н. Смирнова о Мордвѣ (Изв. Каз. О. А. И. и Э. 1892 г., т. X, стр. 71, 72, 73 и 163).

ское и притомъ—старинное, языческое. Въ именахъ р. Кирелки и с. Кирельскаго также слышится мордовское слово Кирлей. Мордовскіе слѣды можно подозрѣвать здѣсь и въ своеобразныхъ укрѣпленіяхъ горы Сокола. Въ настоящее время нѣтъ еще данныхъ утверждать, что валы и рвы безъ прорѣза для воротъ и въ особенности валы въ видѣ курганообразной насыпи характерны именно для древне - мордовскихъ поселковъ, но я беру на себя смѣлость утверждать и въ своемъ мѣстѣ буду доказывать, что подобное строеніе укрѣпленій, наблюдаемое въ районѣ древне - финскаго расселенія и за предѣлами болгарской территоріи, совсѣмъ не свойственно собственно болгарскимъ городищамъ.

На основаніи изложенныхъ данныхъ прошлое долины р. Кирелки укладывается въ слѣдующія рамки:

1) На горѣ Соколѣ существовалъ нѣкогда мордов. городокъ (Ошь) подлѣ рѣчки, называвшейся по этому городскою (Ошлей).

2) Булгары, овладѣвши долиной этой рѣчки, основали на берегу ея свой городъ, а укрѣпленіемъ на горѣ воспользовались какъ наблюдательнымъ пунктомъ.

3) Въ 1220 г. этотъ болгарскій аванпостъ, разобщенный съ центромъ Булгаріи р. Волгой и занимавшій доступное мѣстоположеніе, былъ совершенно разоренъ русскими, усвоившими ему по имени рѣчки названіе Ошеля.

4) Впослѣдствіи запустѣвшая мѣстность снова заселилась Мордвой и рѣчка получила новое имя — Кирлей, которое у русскихъ поселенцевъ перешло въ названія—Кирель, Кирелка, Кирельское.

Вѣроятность этихъ рамокъ обусловливается конечно въ значительной степени изученіемъ мордовскихъ городищъ, типъ которыхъ пока еще не выясненъ.

П. Пономаревъ.

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНІЯ

У СОВРЕМЕННЫХЪ И ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ

ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

3) Бассейнъ Амура¹⁾.

Гиляки (живутъ частью на низовьяхъ Амура отъ Никольска до села Богородскаго, частью на ост. Сахалинѣ). „Умершаго везутъ въ сопровожденіи родственниковъ въ дѣсь и кладутъ на костеръ. Трупъ обкладывается дровами со всѣхъ сторонъ и сгораетъ весь въ продолженіе 3—4 часовъ. Пепель собирается, кладется въ особый турсучекъ и ставится въ нарочно выстроенномъ небольшомъ игрушечномъ домикѣ. Подъ домикомъ зарывается платье умершаго, трубка, оружіе; иногда-же все это складывается въ домикъ. Платье вмѣсто того, чтобы зарывать, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сожигается. Погребальные домики ставятся въ одиночку въ тайгѣ, не слишкомъ далеко отъ деревни.

Гиляки Софійскіе, представляющіе помѣсь съ Гольдами, кладутъ трупъ въ могилу безъ гроба. Съ боку кладется чашка съ будой, трубка съ табакомъ, водка. Въ головахъ и ногахъ ставятъ столбики, на которые навѣшиваютъ лукъ, копье. Особыхъ мѣсть или кладбищъ нѣтъ; иногда, вмѣсто того, кладутъ

¹⁾ Продолженіе. См. «Извѣстія» 1892, I.

трупы открытыми въ особыя люльки, сдѣланныя изъ вѣтвей, и подвѣшиваютъ послѣднія на деревьяхъ или особыхъ шестахъ. Эта послѣдняя процедура имѣеть мѣсто, „когда много люди умирають“.

(Зеландъ. О Гилякахъ. Изв. М. Об-ва Люб. Ест. Антр. и Этн. т. XLIX, в. 3, 114).

5) Бассейнъ Енисея.

Марагасы, или Туба (вѣтвь Саянскихъ татаръ, близкая къ Качинцамъ, Черневымъ Татарамъ и Урянхайцамъ; живутъ въ верховьяхъ р. Бирюсы). „Умершаго человѣка въ теплое время закапываютъ въ землю, вырывъ могилу глубиною до плечъ. Внутри могилы дѣлають ящикъ, гробъ. Въ холодное время землю не копають, а кладутъ покойника непосредственно на землю, построивъ вокругъ него подобіе ящика съ крышвой. Всюду кладутъ у ногъ умершаго ножикъ, топоръ, чайную чашку, горшокъ, сѣдло. Покойника кладутъ головой на В., а ногами на З. Всѣхъ покойниковъ не хоронять въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ.“

(Катановъ. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XVII, вып. 2.).

Качинцы (жили прежде по р. Качѣ близъ Красноярска, гдѣ и доселе существуютъ немногіе остатки ихъ; въ настоящее время занимають Качинскую степь въ Минусинскомъ округѣ). „Нынѣшніе Татары хоронять своихъ мертвыхъ на возвышенныхъ мѣстахъ и стараются, чтобы могилы копались въ одномъ направленіи съ В. къ З. Могилы рѣдко бывають глубже аршина; для взрослыхъ дѣлается въ самой могилѣ родъ деревяннаго ящика, шамановъ кладутъ прямо въ землю, дѣтей обвертываютъ берестой. Покойника кладутъ въ лежачемъ положеніи, лицомъ вверхъ съ глазами, обращенными къ В. Въ ноги покойника кладутъ сѣдло, мясо, масло. Сверхъ могилы насыпають бугоръ вышиной отъ одного до двухъ футовъ и покрываютъ его камнями“.

(Костровъ. Бытъ Минус. Татаръ. Труды IV Арх. Съѣзда. I, 221).

„Богатые покидаютъ послѣ покойника юрты и дома, бѣдные переставляютъ ихъ на другое мѣсто. Выбравъ толстый тополевыи или сосновый обрубокъ, выдалбливаютъ гробъ, предварительно отколовъ верхнюю часть для крышки. При похоронахъ богатаго, поставивъ гробъ въ могилу, сейчасъ-же колютъ его любимую лошадь, бросаютъ ее сверхъ гроба съ сѣдломъ и со всѣми принадлежностями. Для кладбищъ избираются мѣста въ возвышенной степи, большею частію на горахъ. Могилы обвѣдываются плитами, а у богатыхъ дѣлаются деревянные голбчики... Шамановъ хоронятъ не на кладбищахъ, а въ тайгѣ на самой вершинѣ высокой горы; сначала ставятъ четыре столба съ перекладинами, на нихъ накладываютъ жерди, на жерди хворостъ и наконецъ самого шамана со всѣми его принадлежностями... или, одѣвъ шамана, зашиваютъ его въ войлокъ и привязываютъ къ лѣсинѣ головой“.

(Качин. Татары Минус. Округа. И. Р. Г. О. т. XX, 629—631)

Бельтиры (живутъ въ Сагайской степи Минус. округа) „не имѣютъ обыкновенія хоронить въ землю покойниковъ, а въ лѣсныхъ чащахъ въ гробахъ вѣшаютъ на деревьяхъ или ставятъ на столбахъ. Вотъ одинъ примѣръ, замѣченный у Бельтировъ, кочующихъ по Тагитыпу. Здѣсь похоронены были такимъ образомъ молодая женщина и мужчина. Гробы изъ связанныхъ веревками сырыхъ досокъ повѣшены были на двухъ старыхъ лиственницахъ... Женскій гробъ стоялъ такъ низко, что влѣзши невысоко на дерево можно было покойницу видѣть... Съ боку лежалъ у ней кожаный мѣшокъ съ крупой, чашка съ жиромъ, копалка для сараны, косарь съ ножами, топоръ, сдѣланный на подобіе долота (кельтъ?)... Сѣдло лежало между ногъ. Покойница лежала головой на С., а покойникъ на В. . . При мужскихъ тѣлахъ, кромѣ лучшихъ одеждъ и сѣделъ, владутъ лукъ съ волчаномъ и переломленными стрѣлами“.

(Сиб. Вѣстникъ. 1818, I, 18.).

Выбралъ И. С.

Тунгусы (живутъ въ Богучанскомъ и Туруханскомъ округахъ въ Бассейнѣ Енисея. Къ сѣверу они доходятъ до селенія Дудинскаго, верстѣ за 500 ниже Туруханска, вдоль по теченію Енисея; къ югу же до рѣки Оны или Бирюсы, протекающей по границѣ Канскаго и Нижнеудинскаго округовъ; отдѣльныя группы проникаютъ на притоки Вилюя въ бассейнъ Лены). „Если кто въ чумѣ Тунгуса умеръ обыкновенною смертію и притомъ покойникъ (будень) ¹⁾ былъ христіанинъ, то сейчасъ послѣ смерти съ чума снимается вся покрывка ²⁾, а въ срединѣ разводится огонь и ставится на немъ сковорода съ оленьимъ жиромъ. Потомъ убиваютъ оленя и покойника, зашивъ въ его шкуру, зарываютъ въ яму. Если это мужчина, то вмѣстѣ съ нимъ зарываютъ любимыя его вещи—винтовку съ натруской, ножъ, пальму, топоръ, лукъ со стрѣлами и непременно котелъ съ пробитымъ дномъ; если же женщина, то ножъ и тювунъ или посошокъ, которымъ погоняютъ оленей. Убитаго оленя варятъ и, отрѣзавъ одно стегно, кладутъ на свѣжую могилу, а остальное ѣдятъ сами. Послѣ этого всѣ чумы немедленно снимаются, навьючиваются на оленей и Тунгусы уходятъ въ другое мѣсто. Слѣдъ свой они стараются завалить снѣгомъ или деревьями, чтобы мертвецъ не всталъ и не пришелъ къ нимъ по слѣду.

Похороны Тунгусовъ нехристіанъ отправляются иначе. Тутъ мертвый также зашивается въ шкуру оленя, но только не зарывается въ яму, а вѣшается на дерево. Если случится найти по близости четыре дерева, близко стояція другъ отъ друга, и въ особенности ведра, то на нихъ устраивается лабазъ и покойника кладутъ туда. Тутъ же вѣшаютъ его любимое оружіе ³⁾ и непременно котелъ съ пробитымъ дномъ. Туруханскіе Тунгусы, устроивъ такой лабазъ, иногда подклады-

¹⁾ У Третьякова въ его «Туруханскомъ краѣ» (Зап. И. Р. Г. О. по отд. общ. геогр. т. II, Спб. 1869)—«буни» (382).

²⁾ У Третьякова—«чумъ раскрывается съ одной стороны».

³⁾ У Третьякова «винтовку безъ замка, лукъ съ оборванной тетивой, надломленные откозъ, топоръ, трубку съ табакомъ». 383.

вають подь него сухихъ деревьевъ и зажигаютъ¹⁾. Когда мертвецъ обуглится, они уходятъ какъ можно далѣе отъ этого мѣста. Богучанскіе Тунгусы нехристиане не сожигаютъ своихъ покойниковъ, а оставляютъ ихъ просто на деревьяхъ, срубая всѣ сучки на нихъ опять таки для того, чтобъ покойнику нельзя было спуститься на землю. Если какому нибудь Тунгусу во время промысла случится нечаянно найти на такое дерево, то онъ тотчасъ же останавливается и начинаетъ пятиться назадъ. Пройдя такимъ образомъ такое пространство, что дерево съ мертвецомъ скрылось изъ виду, онъ оборачивается въ нему спиною и идетъ другою дорогою²⁾.

Олганы (часть Тунгусовъ, нѣсколько родовъ) отправляютъ похороны почти такъ-же, какъ Самоѣды, съ которыми они находятся въ частыхъ сношеніяхъ. Они оставляютъ покойника въ томъ самомъ чумѣ, гдѣ онъ умеръ, навидываютъ на этотъ чумъ нѣсколько оленьихъ кожъ и обкладываютъ его сухимъ хворостомъ. Потомъ ближайшіе родственники подходятъ и зажигаютъ хворостъ³⁾.

(Костровъ. Очерки Туруханскаго края. Зап. Сиб. О. И. Р. Г. О. IV, 96—98).

„Покойниковъ своихъ они хоронили въ гробахъ, которые въ ростъ человѣческой отстояли отъ земли и втиснуты были между двухъ деревъ⁴⁾); на тризну, по значительной стоимости упряжныхъ и верховыхъ сѣверныхъ оленей, употребляли не больше двухъ сѣв. оленей. По небольшой съ нарѣзами палочкѣ отсчитывали праздники, а въ особенноти день поминокъ“.

(Миддендорфъ. Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири стр. 703).

¹⁾ У Третьякова «трупъ обставляютъ досками на подобіе гроба — кивка гачинъ», *ibid.*

²⁾ У Третьякова: «женщину чаще всего по зашити въ оленью шкуру кладутъ на землю вмѣстѣ съ принадлежащими ей вещами и заваливаютъ деревьями». 583.

³⁾ «Охотничьи принадлежности зарываются въ землю». Вруцевичъ. Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области. Зап. И. Р. Г. О. по отд. Этн. т. XVIII, в. 2. Спб. 1891.

Элюйскіе Т. „Заслуживаетъ описанія старинная гробница на берегу рѣки Эякитъ, въ которой похороненъ Тунгусъ Бѣкчѣрюсь. Гробница эта находится въ ста шагахъ отъ берега рѣки Эякитъ на тропинкѣ въ лиственничномъ лѣсу. По преданію Бѣкчѣрюсь былъ очень зажиточный Тунгусъ, имѣлъ большія стада оленей и долгое время промышлялъ въ той мѣстности. Покойникъ лежалъ головою къ сѣверо-востоку и сама гробница состояла изъ четырехъ досокъ, продолговатаго ящика, поставленнаго на высотѣ двухъ съ половиною аршинъ отъ земли, на двухъ срубленныхъ деревьяхъ. На послѣднихъ положены были два поперечныхъ бревна, скрѣпленныхъ двумя вбитыми въ землю кольями.

Весьма небольшого роста скелетъ и особенно черепъ очень хорошо сохранились. По правую сторону трупа лежала палмъ и вышитый бисеромъ кочанъ съ шестью стрѣлами, съ лѣвой стороны—лукъ. Около колѣнъ находился небольшой деревянный ящикъ съ нѣсколькими запасными мѣдными и изъ мамонтовой кости стрѣлами; въ ногахъ—берестяной буракъ (туязъ), ложка, махалка и мѣдный котелъ съ пробитымъ дномъ. Въ такіе котлы кладутъ олений желудокъ, набитый оленьимъ мясомъ и дно пробивается намѣренно, но съ какою цѣлю—я не могъ узнать. Въ трехъ шагахъ отъ гробницы сохранились еще воткнутыя въ землю жерди, на которыхъ въ видѣ жертвоприношенія развѣшивается шкура убитаго во время похоронъ оленя.

Другая тунгусская гробница мною найдена у опушки лѣса на берегу рѣки Джегдендали, впадающей въ рѣку Моркову. Она укрѣплена на трехъ столбахъ: одинъ столбъ поддерживалъ ту часть гробницы, гдѣ находилась голова покойника, и два столба были расположены въ ногахъ. Сама гробница была устроена изъ узкихъ досокъ, положенныхъ со всѣхъ сторонъ по три — (по три по сторонамъ и по три наверху и внизу). Въ гробницѣ помѣщался вырубленный въ цѣльномъ бревнѣ гробъ, въ которомъ лицомъ къ югу лежалъ покойникъ.

Къ сожалѣнію всѣ кости въ гробницѣ были поломаны и значительнаго числа не доставало вовсе. Изъ вещей я нашелъ здѣсь маленькій буракъ (туязъ) и берестяной ящикъ, въ которомъ находились деревянная чашка и роговая ложка, узкій кожаный поясъ съ мѣдными бляхами и больше ничего. Черепъ безъ нижней челюсти лежалъ на землѣ подъ гробницею и челюсти я не могъ найти. Неизвѣстно, человѣкъ или звѣрь или, наконецъ, старое толстое дерево, гнившее по близости на землѣ и упавшее отъ времени, разрушили описываемую гробницу“.

(Маакъ. «Виллюйскій округъ»).

Эодеевскіе Самоѣды или Аси (вочують въ рѣчной области Боганиды, Дудыпты и Верхняго Таймыра, и доходятъ лѣтомъ до южнаго берега Таймырскаго озера (74¹/₂, с. ш.); слѣд., это самые сѣверные жители Таймырскаго края)—Тунгусскаго происхожденія.

„Само собою разумѣется, что шаманъ играетъ главную роль и тогда, когда приходится проложить путь усопшему въ будущей жизни, и опять все дѣло вертится на пированіи.

Во время странствованія моего съ Асинцами умерла старуха. вмѣстѣ съ лучшею ея одеждою, въ такомъ же сидячемъ положеніи, какое мы встрѣчаемъ въ нашихъ европейскихъ могилахъ каменнаго періода, ее зашили и притомъ (такъ какъ благодаря нашей экспедиціи ей удалось быть схороненной великолѣпнѣйшимъ образомъ) въ кусокъ старой парусины. Затѣмъ ее завернули въ часть палашной покрывки, вынесли изъ чума чрезъ боковое отверстіе (но ни за что на свѣтъ въ дверь) и посадили на женскія сани, украшенныя кусками красной кожи, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ей лично скарбомъ, мѣдными украшеніями и т. п., впрягли двухъ сѣверныхъ оленей, которыми правили изъ другихъ саней. Въ такомъ видѣ отправились въ тундру, куда и нашъ старшина поѣхалъ въ этотъ день, потому что ему приходилось копьемъ своимъ заволоть двухъ сѣв. оленей, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и съѣсть лучшіе куски. Такъ какъ покойница была бѣдная жен-

щина, оставившая по себѣ дочь съ маленькимъ сыномъ, то съ единственною частью шалашной покрывки, съ санями, разными приборами и одеждою, и съ сѣв. оленями, по войной отдана была для будущей жизни большая часть ея имущества.

У осиротѣвшихъ, которые вслѣдствіе похоронъ лишались большей части своего добра, осталось всего 3 оленя. Какъ ни жалко было положеніе, въ которомъ находились послѣдніи, они однакоже не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ горя, ничѣмъ не проявляли, что съ ними произошло нѣчто необычайное. Но все-таки они цѣлую недѣлю должны были провести въ особомъ, устроенномъ для нихъ шалашѣ, прежде нежели имѣли право приняться опять за обычныя занятія. Европейцу не слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣтельствуетъ о равнодушіи. По прошествіи года они опять посѣщаютъ могилу своихъ родныхъ“.

„Пустыни тундры, подобно безпредѣльно обширному кладбищу, были усѣяны самоѣдскими могильными памятниками, далеко отстоявшими другъ отъ друга. Въ одномъ мѣстѣ уединенно торчали мужскія, въ другомъ женскія сани, а мѣстами и символическое изображеніе дѣтскихъ саней. На послѣднихъ также находилось миниатюрное оружіе, лукъ и стрѣлы, для употребленія въ будущей жизни. Котлы и желѣзные ковши сохранились тамъ, гдѣ несмотря на охранительный климатъ деревянные вещи уже успѣли развалиться. Часто можно было еще ясно различать мѣста, на которыхъ были разведены очистительные огни. На свѣжихъ могилахъ мѣхъ отъ одеждъ и упряжи сѣв. оленей первый дѣлался добычею волковъ и лисицъ, которые съѣдали даже тѣло покойника, если въ часъ его смерти земля еще была ненарушимо мерзла и тѣло либо оставалось на саняхъ, либо кладось въ снѣгъ. Это даже считается хорошимъ празднествомъ, но если окажется, что могила разрыта людьми, то это принимается за весьма дурное предзнаменованіе.

Для устройства могилы обыкновенно выбирается вершина холма. Но когда мы собирались устроить свой шалашъ на бо-

дѣе продолжительное время у р. Таймыра, на полувысотѣ береговой покатоcти, и я успѣлъ приискать для него довольно сухое мѣстечко съ прежнимъ очагомъ, то мы не мало удивились, что по снятіи нѣкоторыхъ каменныхъ плитъ, для уравненія мѣста подъ нашу стоянку, и вслѣдствіе разгребанія земли моею собакою, добрались до с а й ды или до самоѣдскаго потаеннаго хранилища запасовъ. Дѣйствительно, вскорѣ появилось маховое гусиное перо, но подъ нимъ, среди кучки валуновъ мы открыли не запасъ съѣстныхъ припасовъ, а зашитое въ шкуру мертвое тѣло. Оно было стянуто въ сидячемъ положеніи, т. е. схоронено точно такъ, какъ хоронили тѣла въ Европѣ во время каменнаго періода. Оказалось, что это было тѣло дѣвушки въ полномъ облаченіи лучшаго наряда; горѣлое же мѣсто было остаткомъ заупокойной тризны.

Переводчикъ нашъ увѣрялъ, что гусиное перо владуть въ могилу несовершеннолѣтнихъ“.

(Миддендорфъ. Путеш. на Сѣверъ и Востокъ Сибири, стр. 687—688).

Остѣяки (живуть въ южной части Туруханскаго края). „Когда умреть Остѣакъ, то обмывъ его горячею водою, ноги складываютъ одну на другую, а руки протягиваютъ вдоль по бокамъ. Иногда, по желанію покойника, отрѣзываютъ у него волосы съ головы и отдають шаману для прикрѣпленія къ идолу, затѣмъ надѣваютъ на умершаго то самое платье, которое онъ носилъ, и зашиваютъ его въ одѣяло. Умершій выноcится не дверью, а въ особое отверстіе, сдѣланное въ чумѣ, и владется на лабазъ, устраиваемый какъ у тунгусовъ. При покойникѣ владуть всѣ его вещи въ поврежденномъ видѣ и нѣсколько убитыхъ оленей. Въ теченіе года родственники посматриваютъ, не повредился ли лабазъ и не коснулись ли тѣла звѣри, причеиъ владуть около покойника съѣстные припасы и табакъ, и отходя пускають стрѣлу въ ближайшее дерево. Инбатскіе же Остѣяки придерживаются старинны и ставятъ покойниковъ въ выдолбленное на подобіе борти углубленіе въ стоячемъ деревѣ, которое и заколачиваютъ доскою. Прежде,

когда Остяки были позажиточнѣе, то съ покойниками владели ружья и деньги; нынѣ это уже вывелось. Въ случаѣ смерти шамана тазовскіе Остяки дѣлаютъ семь могилъ, изъ коихъ на шести ставятъ по палкѣ, съ развилками на верху, а въ седьмой владутъ тѣло шамана съ такими же церемоніями, какъ это дѣлается при похоронахъ обыкновеннаго Остяка. На поверхности могилы ставятъ надъ шаманомъ доску съ вырѣзаннымъ на ней изображеніемъ дьявола, имѣющаго голову чело-вѣка, а туловище птицы. Идолы шамана складываютъ на санки и, обвязавъ ихъ крѣпко оленьими шкурами, ставятъ около могилы. По увѣренію Остяковъ всѣ семь могилъ въ те-ченіе 7 лѣтъ охраняются дьяволами, которые потомъ разле-таются къ родственникамъ шамана¹⁾.

(Третьяковъ. I. с. 391—392).

б) Бассейнъ Таза.

Юраки (самый сѣверный народъ Самоѣдскаго племени. Черта, мысленно проведенная отъ селенія Курейскаго, лежащаго ближе къ Ледовитому океану, ниже Тураханска, на западъ до рѣки Таза, служитъ южнымъ предѣломъ бродячества Юраковъ. Съ запада ихъ земли ограничиваются рѣкою Тазомъ, съ сѣвера Ледовитымъ моремъ и съ востока рѣкою Енисеемъ).

„Какъ скоро Юракъ, не смотря на всѣ лѣкарства, умеръ, всѣ жившіе съ нимъ въ одномъ чумѣ убѣгають изъ него и въ нѣкоторомъ отдаленіи разбиваютъ для себя другой чумъ. Тутъ же мужчины начинаютъ готовить похороны покойнику. Для этого врываютъ въ землю четыре столба, вышиною сажени въ двѣ каждый, и оконечности ихъ связываютъ четырьмя перекладинами, которыя зарѣшечиваются хворостомъ²⁾).

¹⁾ У Кострова (I. с.): «для умершаго обыкновенной смертью вырывается могила, тѣло покойника обертывается въ бересту и зарывается въ землю... съ лукомъ, стрѣлами, ножомъ». (Стр. 122). И. С.

²⁾ У Третьякова: «если близь становища находился лѣсъ, то въ немъ дѣлаютъ для погребенія умершаго лабазъ, въ противномъ случаѣ готовятъ срубъ и кладутъ въ оный покойника лицомъ къ землѣ; срубъ заваливаютъ хворостомъ». 398.

На этомъ возвышеніи разстилають кожу убитаго оленя, снявъ ее такъ, чтобы голова, рога и копыта остались цѣлыми. На этой кожѣ, по мнѣнію Юраковъ, покойный долженъ отправиться на небо. Потомъ втаскивають на верхъ тѣло умершаго со всѣми его вещами и одеждою и владутъ тутъ же переднюю часть нарочно убитаго для того оленя. Требуется непременно, чтобы этотъ олень былъ самецъ и притомъ первенецъ въ стадѣ. Оставивъ покойнаго лежать на устроенныхъ такимъ образомъ полатахъ дня два или три, родные его, по истеченіи этого времени, отходятъ отъ него на разстояніе выстрѣла изъ лука и пускають по двѣ или по три стрѣлы. Затѣмъ все становище снимается и отходитъ куда нибудь въ другое мѣсто. Къ жилищу покойнаго привочуетъ кто нибудь развѣ только по незнанію, а то вообще Юраки стараются избѣгать подобныхъ мѣстъ“.

(Костровъ. I. с. 160).

Выбралъ Н. Шрѣбгъ.

МОРДВА.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ГЛАВА I.

Очеркъ исторіи.

(Продолженіе)

Первымъ, несомнѣнно тюркскимъ народомъ, который появился въ Поволжьи послѣ Гунновъ, были Булгары. Въ концѣ V в. (около 482 г.) часть ихъ оказывается далеко на западѣ у береговъ Дуная ¹⁾, другая поднялась на сѣверъ по Волгѣ и четырьмя столѣтіями позднѣе сдѣлалась извѣстной благодаря торговымъ сношеніямъ Арабовъ. Виновниками этого раздробленія болгарской орды были, вѣроятно, Авары, которыхъ Прискъ около 460 г. зналъ уже на пространствѣ между Каспійскимъ и Азовскимъ морями ²⁾. Оставить нижнее Поволжье Булгары должны были такимъ образомъ не позже половины V в. Авары держались здѣсь, кажется, до конца VI в. Въ VII в. мѣсто Аваръ въ Нижнемъ Поволжьи заступили Хозары, представлявшіе собою смѣсь тюркскихъ элементовъ съ какими-то иными — по мнѣнію Френа, финскими. Въ теченіе почти полутора столѣтій Хозары ведутъ безпрестанную борьбу на Ю.

¹⁾ Дриновъ. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. М. 1872. Стр. 90.

²⁾ Ibid. 102.

съ Арабами, которые стремились прорваться на С. отъ Кавказскихъ горъ, на З. и С. съ Булгарами и Славянами. Весь югъ Россіи вошелъ за это время въ сферу ихъ владычества. Не осталась, конечно, внѣ его и Мордва. Хозары раздѣлили съ Булгарами господство надъ Волгой и жившими по берегамъ ея народами. Въ числѣ этихъ послѣднихъ Арабы, начиная съ Ибн-Даста, упоминаютъ Буртасъ. О народности Буртасъ много спорили; одни считаютъ ихъ Тюрками, другіе Финнами — Мещерой или Мордвой. Послѣднее, наиболѣе распространенное мнѣніе заставляеть насъ внимательнѣе пересмотрѣть вопросъ о Буртасахъ: если Буртасы и Мордва одно и то же, мы можемъ начать достовѣрную исторію Мордвы по крайней мѣрѣ съ IX в.

Первымъ изъ арабскихъ писателей, говорившихъ объ этомъ народѣ, былъ компиляторъ Ибн-Дастъ (писалъ ранѣе 913 г.). Земля Буртасовъ, по его извѣстіямъ, лежала на 15 дней пути отъ хозарской, имѣла 17 дней пути въ длину и ширину и примыкала къ землѣ Булгаръ; она отличалась ровной поверхностью; изъ деревьевъ чаще всего въ ней встрѣчался холенджъ. Кромѣ Булгаръ и Хозаръ съ Буртасами сосѣдили Печенѣги; съ обоими послѣдними народами Буртасы вели борьбу. Буртасы имѣли верблюдовъ, рогатый скотъ и много меду; главное богатство ихъ состояло въ вуньихъ мѣхахъ; занимались они и земледѣльствомъ. Верховнаго главы у нихъ не было. Въ каждомъ селеніи было одинъ или два старшины, къ которымъ они и обращались за судомъ. Подчиняясь хозарскому царю, они представляли въ полѣ 10,000 всадниковъ. Вѣра Буртасовъ была похожа на вѣру Гузовъ. Покойниковъ одни изъ нихъ хоронили, другіе сожигали ¹⁾.

Для того, чтобы хотя съ нѣкоторымъ основаніемъ отождествлять народъ, выступающій предъ нами въ этомъ описаніи, съ Мордвой, нужно прежде всего установить, что Буртасы жили на правомъ берегу Волги, гдѣ тремя десятилѣтіями позже

¹⁾ Хвольсонъ. Извѣстія Ибн-Даста о Хазарахъ и т. д. Спб. 1869. 19—21.

помѣщаетъ Мордву Константинъ Багрянородный ¹⁾. Ибн-Дасть не даетъ для этого основаній. Земля Буртасовъ примывала съ сѣвера (на разстояніи трехъ дней пути) къ землѣ Булгаръ—говоритъ онъ, а Булгары, какъ извѣстно, занимали лѣвобережье Волги. Въ числѣ животныхъ, которыхъ водили Буртасы, Ибн-Дасть упоминаетъ верблюда, райономъ распространенія котораго до сихъ поръ служатъ уходящія въ Среднюю Азію степи Самарской, Оренбургской и Астраханской губерній. Подобно теперешнимъ насельникамъ этихъ степей, Буртасы были народомъ, хорошо знакомымъ съ конемъ. На лѣвомъ-же берегу Волги помѣщаетъ Ибн - Дасть и Хозарь, съ которыми Буртасы соприкасались на югѣ. Волга (Итилъ) по его извѣстіямъ протекала между землями хозарской и славянской. Здѣсь въ IX в., въ которому относятся источники Ибн-Даста, кочевалъ и третій народъ, сосѣдившій съ Буртасами—Печенѣги ²⁾.

Извѣстія о Буртасахъ слѣдующаго по времени писателя Массуди также не говоритъ въ пользу того, что они жили на правомъ берегу Волги. Разказавши о битвѣ, которая произошла въ Итилѣ—конечно, на правой сторонѣ Волги ³⁾—между жившими здѣсь мусульманами и Руссами, вернувшимися изъ персидскаго похода, Массуди продолжаетъ: „едва пять тысячъ изъ нихъ спаслись и бросились на судахъ на ту сторону рѣки, которая примываетъ въ землѣ Буртасовъ. Тамъ бросили они суда и укрѣпились въ странѣ. Часть ихъ была

¹⁾ См. «Извѣстія» 1892, I, 65.

²⁾ По извѣстіямъ Константина Багрянороднаго Печенѣги жили первоначально между рѣками Атель и Геехъ (Яикъ - Уралъ) — въ сосѣдствѣ съ Хозарами и Узами (Половцами). Переселились они за Волгу въ концѣ IX в., въ 894—899 г. Хвольсонъ. I. с 46—47. Арабскій писатель IX в. (855—874) Ибн-Хордадбѣгъ знаетъ ихъ, какъ сосѣдей азіатскихъ народовъ. Часть Печенѣговъ, оставшюся на Яикѣ, видѣлъ еще въ 940 г. Абу-Долефъ.

³⁾ Руссы, возвращаясь изъ персидскаго похода, само собою разумѣется, должны были пристать къ тому берегу, съ котораго они могли сухимъ путемъ добраться до своей земли; интересъ мусульманъ итильскихъ заключался, напротивъ, въ томъ, чтобы загородить имъ путь на родину.

истреблена Буртасами, другихъ, которые направились въ страну мухамеданскихъ Болгаръ (сухимъ путемъ—суда были брошены), постигла таже участь¹⁾. Пройти изъ буртасской земли въ землю мухамеданскихъ Болгаръ—въ культурный центръ болгарщины сухимъ путемъ можно было, конечно, только лѣвобережьемъ Волги. Старые комментаторы Массуди такъ и понимали дѣло. Френъ въ примѣчаніи къ этому отрывку замѣчаетъ, что земля Буртасовъ находилась на лѣвомъ берегу Волги и простиралась до Хорезма (Хивы). Въ томъ сочиненіи, гдѣ разсказывается о пораженіи Руссовъ, Массуди даетъ неясныя указанія относительно земли Буртасовъ. Буртасы, по его словамъ, жили по берегамъ рѣки, вытекающей изъ окрестности Булгарской земли и впадающей въ Волгу выше Итиля, и дали ей свое имя; по этой рѣкѣ плавали суда Хозаръ и Болгаръ. Комментаторы Массуди считаютъ такой рѣкой то Оку, то Буртасъ на границѣ Пензенской и Тамбовской губерній²⁾. Ни то, ни другое опредѣленіе не выдерживаетъ критики. 1) Буртасъ не впадаетъ непосредственно въ Волгу, а Оза впадаетъ въ нее не выше Итиля, а выше Булгара, о которомъ хорошо зналъ Массуди. 2) Трудно было бы допустить, чтобы на маленькой рѣчкѣ Пензенской губерніи плавали торговыя суда Булгаръ и Хозаръ и держалось племя, выставлявшее 10,000 всадниковъ; еще труднѣе представить себѣ, чтобы на Окѣ въ непосредственномъ сосѣдствѣ княжества Рязанскаго жилъ диковинный народъ, располагавшій стадами верблюдовъ и коней. Мы думаемъ, что рѣкой, на которой держалась главная масса Буртасовъ, могъ быть только Ирғизъ, самый крупный изъ лѣвыхъ притоковъ Волги между устьемъ Камы и Астраханью. Въ сочиненіи „Китабъ-этъ - Тенхибъ“ Массуди самъ очень опредѣленно помѣщаетъ

¹⁾ Fraehn. Ibn-Fozlan. 246—247. Григорьевъ, комментировавшій этотъ разсказъ Массуди въ своей статьѣ о «походахъ Руссовъ», также приходитъ къ убѣжденію, что Руссы были отброшены на лѣвый берегъ. «Россія и Азія». Спб. 1876. 16.

²⁾ Хвольсонъ. I. с. 71—72. Савельевъ. Мухаммед. Нумизм. LXV, пр. 109.

Буртасовъ на лѣвомъ берегу Волги — между Ховарезмомъ и Хозарской землей ¹⁾).

Эль-Балхи говоритъ о Буртасахъ кратко: „Буртасы—народъ, который сосѣдитъ съ Хозарами; между ними и Хозарами нѣтъ никакого другого народа. Они живутъ разбросанно тамъ и сямъ при рѣкѣ Итилѣ ²⁾“. О томъ, на которомъ берегу Волги помѣщается онъ Буртасъ, можно догадываться изъ того, что онъ говоритъ о нихъ подъ рядъ съ Башеирами. На Эль - Балхи кончаются оригинальныя извѣстія Арабовъ о Буртасахъ. Далѣе идутъ компіляціи—болѣе или менѣе удачныя.

Географическія основанія не позволяютъ намъ отождествлять Буртасовъ съ Мордвой. Не больше правъ на это даютъ намъ и культурныя признаки Буртасъ. Буртасы были, несомнѣнно, кочевымъ, пастушескимъ, вышедшимъ изъ степей Средней Азіи народомъ—земледѣліе составляло второстепенный элементъ въ ихъ культурѣ и, нужно думать, имѣло мѣсто на С. страны въ сосѣдствѣ земледѣльцевъ-же Болгаръ. Такой бытъ—характеристичный признакъ Тюрковъ. Въ пользу родства Буртасъ съ Тюрками говоритъ и то, что ихъ вѣра была близка къ вѣрѣ Гузовъ или Половцевъ. Что они говорили языкомъ, непохожимъ на языкъ Булгаръ и Хозаръ, не противорѣчитъ предположенію объ ихъ тюркизмѣ: даже не заподозривая способности Арабовъ различать языки, мы можемъ допустить, что въ IX в. существовали тюркскія нарѣчія, не представлявшія очевиднаго для всѣхъ сходства съ болгарскимъ или хозарскимъ. Языкъ Буртасовъ отличался отъ языка Булгаръ, но онъ могъ быть близокъ къ языку Половцевъ, какъ близки были, по извѣстіямъ Арабовъ, религіозныя вѣрованія обоихъ народовъ.

Чтобы исчерпать вопросъ объ отношеніи Буртасовъ къ Мордвѣ, мы должны воснуться тѣхъ аргументовъ, на которыхъ основывается ихъ отождествленіе. Констатируя фактъ обитанія

¹⁾ Хвольсонъ. I. с. 73.

²⁾ Ibid.

Буртасовъ на лѣвомъ берегу Волги, мы устраняемъ главное основаніе для этого отождествленія. Всѣ ученые, занимавшіеся древней этнографіей Поволжья, подчеркиваютъ тотъ фактъ, что въ то время, какъ Арабы говорятъ о Буртасахъ и не знаютъ Мордвы, западные и русскіе писатели знаютъ на той-же территоріи Мордву, но не знаютъ Буртасовъ. Изъ этого обыкновенно дѣлается выводъ, что названія „Буртасы“ и „Мордва“ должны относиться къ одному и тому-же народу—Мордвѣ - Мокшѣ. Въ пользу этого отождествленія приводится затѣмъ 1), что Буртасы говорили особымъ языкомъ, не похожимъ ни на болгарскій, ни на хозарскій, 2)—характеръ ихъ культуры—занятіе охотой и земледѣліемъ. Ниодивъ изъ этихъ аргументовъ не оправдываетъ однако отождествленія Буртасъ и Мордвы. — Русскія лѣтописи, безспорно, не говорятъ о Буртасахъ, но ихъ молчаніе ничего не доказываетъ: онѣ не говорятъ вообще о народахъ, съ которыми русскимъ не приходилось имѣть дѣла: о Мордвѣ и Болгарахъ они упоминаютъ по случаю первыхъ столкновеній съ ними, между тѣмъ о Башкирахъ, которые были сосѣдями Булгаръ, они не упоминаютъ ниоднимъ словомъ; первоначальный лѣтописецъ совсѣмъ не говоритъ о тюркскихъ народностяхъ Поволжья. Говорить о тождествѣ культуры у Мордвы и Буртасъ довольно рискованно. Самыя раннія свѣдѣнія о бытѣ Мордвы даетъ намъ Рубруквисъ (XIII в.), но его картина далеко не совпадаетъ съ картинами буртасскаго быта у Арабовъ. „За Дономъ въ С., читаемъ мы у него, идутъ громадныя лѣса, въ которыхъ живутъ два народа (*genega hominum*). Мохел (Мокша) — чистые язычники, не знающіе законовъ; они не имѣютъ городовъ и живутъ въ лачужкахъ (*casulis*) среди лѣсовъ. У нихъ находятса въ изобиліи свиньи, медъ и воскъ, драгоценныя мѣха и соколы. За ними живетъ другой народъ, который называется *Merdas*, а у Латинянъ *Morduini*. Они Сарацины¹⁾“. Въ этой картинѣ бытъ Мокши рисуется совершенно со-

¹⁾ Tomas. I. c. 15. У Бергерона вмѣсто *Morduini Mardues*, *Mardes*. I, B. 30.

гласно съ физическими условіями сѣвернаго правобережья Волги, гдѣ еще въ XVII в. лѣса изобиловали всякимъ звѣремъ — съ кабаномъ въ томъ числѣ—и пчелой. Говорить, что она совпадаетъ съ картиной буртасскаго быта у Арабовъ, значить — забывать о типическомъ для Буртасы широкомъ развитіи скотоводства, въ частности о стадахъ верблюдовъ, которыя попятны на „ровной землѣ“ т. е. въ степяхъ лѣваго берега Волги и представляются измышленіемъ литературнаго Хлестакова въ мордовскихъ лѣсахъ.

Противъ предполагаемаго тождества Мордвы и Буртасы, кромѣ данныхъ географическихъ и культурныхъ, говорить и тотъ фактъ, что о Буртасахъ, какъ народности отличной отъ Татаръ, Мещеры и Мордвы, упоминають русскіе источники XVI—XVII в.в. Въ „Степенной книгѣ“ Буртасы упоминаются въ числѣ народовъ, которые были покорены Татарами. Въ актахъ XVI—XVII вв. встрѣчаются неоднократно выраженія „буртасская дорога“, „буртасскія ужожи“. Въ граматѣ царя Федора Алексѣевича стольнику князю Кучушеву 1682 г. повелѣвается дать бывшему Курмышскому воеводѣ Емельяну Засѣцкому „новокрещенымъ, и Мордвѣ и Буртасамъ имяныя списки и ясачныя книги, почему съ Буртасы и Мордвы собирають ясакъ и посопной хлѣбъ и медвяный оброкъ“¹⁾. Кромѣ Кадомскаго уѣзда въ томъ-же XVII в. Буртасы были извѣстны въ Алатырскомъ. Въ архивѣ нашего Общества имѣются подлинныя акты и копіи, относящіяся къ этому уѣзду, изъ собранія рукописей покойнаго нашего сочлена А. О. Бѣлокрысеню. Просматривая эти документы, мы встрѣчаемъ неоднократно упоминанія о Буртасахъ. Позволяемъ себѣ привести изъ нихъ нѣсколько выписокъ, которыя имѣють для насъ существенное значеніе. „Выпись съ книгъ письма и мѣры Дмитрея Юрьевича Пушечникова да подъячего Аванасья Костаева 132, 133 и 134 годовъ. Въ Олаторскомъ уѣздѣ, въ Верхосурскомъ стану деревня Нагаева, Чулпаново тожь, на рѣчкѣ на Чучерме, что выставилась изъ старово Янышева

¹⁾ Изв. Тамб. Арх. Ком. XIV, 85.

Лашинсково беляка, а въ ней Буртасы, посопные татарова... да пустыхъ дворовъ буртасскихъ... Деревня тетякова на речке на Чучерме выставка изъ деревни Ногаевы, а въ ней посопные татарова... да пустыхъ дворовъ буртасскихъ... Деревня Беремшина выставка изъ деревни старова янышева на речке на Беремше а въ ней посопные татарова... а всего въ деревнѣ Ногаеве и въ выставкахъ семнадцать дворовъ буртасскихъ, посопныхъ Татаръ, семь дворовъ бобыльскихъ непашенныхъ, да двадцать пять дворовъ пустыхъ буртасскихъ... А межа деревни Ногаевы и съ выставками отъ мордовской отъ поводимовской земли отъ мысу суходоломъ до речки оксермы правая сторона буртасская деревни Ногаевы съ выставками, а лѣвая сторона мордовская деревни Поводимовы, а речкою оксельмою на низъ до ахматовскаго устья левая сторона мордовская деревни Поводимовой, а правая сторона деревни Нагаевы Буртасъ а отъ ахматовскаго устья вверхъ идучи до сухова врага правая сторона Нагаевскихъ Буртасъ, а лѣвая сторона мордовская дер. Ардатовой, а черезъ сухой врагъ до речки ахматовки до вершинъ и отъ вершинъ черезъ лесъ до речки до сучерминские вершины, а съ сучерминские вершины прямо черезъ лесъ до мысу сучерминсково... і по государеву и цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича вся руси указу и по сей выписи Буртасомъ деревни Ногаевы и съ выставками государевы подати платить вновь, какъ писцы Дмитрей Пушечниковъ да подъячей Афанасей Костяевъ книги отдадутъ, въ привазъ Казанскаго дворца, а до писцовыхъ книгъ платить имъ всякіе подати по приправочнымъ книгамъ Гаврила Бобрищева Пушкина да Гневаша Норова. Къ подлинной выписи Дмитрей Пушечниковъ печать свою приложилъ. На оборотѣ по склейкамъ написано Аеонасей Костяевъ¹⁾.

¹⁾ Книга копій Алатырской приказной казны.—Ср. Слѣб. Сборн. т. II. Слѣб. 1370.

Тѣже Буртасы деревни Ногаевой фигурируютъ въ копіи съ грамоты царей Петра и Іоанна Алексѣевичей Алатырскому воеводѣ Кирилу Сомову. Послѣ выписки изъ писцовыхъ книгъ Пушечникова мы читаемъ въ грамотѣ извлеченіе изъ челобитной Мордвы деревни Новыхъ Дубенокъ: „после де писцовъ те буртасы посопны е татарова изъ деревни Ногаевы и изъ выставокъ сошли жить на иные места и та земля лежала пуста“ и затѣмъ: „и въ прошломъ де во 166 году августа въ 25 день по указу отца нашего великихъ государей блаженныя памяти великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича... а по ихъ мордовскому челобитью воевода Емельянъ Пестриковъ посылалъ на ту поместную землю нагаевскую, на которой жили Буртасы, подъячего Ивана Супонева для отказа земли и подъячей Иванъ Супоневъ со старожилы на ту землю ѣздилъ и по скаскамъ старыя межи и урочища, какъ прежь сего владѣли Буртасы, описалъ а описавъ отказалъ дубенской мордвѣ... и те отказныя книги подъячій Иванъ Супоневъ подалъ на Алаторе въ приказной избе и съ техъ отказныхъ книгъ далъ имъ мордве воевода Емельянъ Пестриковъ за своею рукою выписъ и по той выписи они мордва на той землѣ поселились дворами и была у нихъ въ деревнѣ десятинная пашня и тое пашню они пахали и всякія подати... и полоняничныя деньги платили со 166 по 176 годъ, а со 176 года вмѣсто десятинной пашни за всякіе доходы платили они съ той земли денежныхъ доходовъ по окладу по пятидесяти рублей на годъ и больше и въ нынѣшнемъ де 201 году прислана изъ приказа казанскаго дворца наша великихъ государей грамота на алаторь въ тебе по челобитью стольника нашего Ѳедора Плещеева а велено тое нагаевскую поместную землю на речке чеберчине отказать ему въ поместье и въ оброкъ и въ платеже оброчныхъ денегъ по крестьянамъ его собрана поручная записъ и для отказу тое земли посланъ съ алаторя подъячей Петръ Пестриковъ и онъ де Петръ нагаевскую пустовую землю ему стольнику нашему отказалъ Ѳедору Плещееву на речке Чеберчинке и где

въ межахъ и урочищахъ и скемъ смежна та нагаевская пустовая земля и тово въ отказные книги имянно ненаписаль а ихъ де Мордву на отказъ не призываль и стольника де нашего Федора Плещеева крестьяне ево села Чеберчина ихъ Мордву, гдѣ они живутъ, съ земли ссылають и пахать не велятъ а та де ихъ нагаевская земля на речке Сучерме и на иныхъ речкахъ, а не на Чеберчинке речке и отъ речки Чеберчинки тое землю разошла мордовская земля деревни поводимовы и въ писцовыхъ де книгахъ Дмитрея Пушечникова нагаевская земля написана на речке Сучерме¹⁾.

Связью между Кадомскими и Нагаевскими Буртасами могутъ служить татарскія, буртасскія и мордовскія вотчины и ухожья цѣлаго Алатырскаго уѣзда, занесенныя въ писцовыя книги Дмитрія Пушечникова. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ составъ Алатырскаго уѣзда въ XVII в. входили, кромѣ нынѣшняго уѣзда того-же названія, на С. часть нынѣшнихъ уѣздовъ Курмышскаго Симбирской и Лукояновскаго Нижегородской губерній, на З.—весь Ардатовскій уѣздъ до соприкосновенія съ Саранскимъ или Атемарскимъ уѣздомъ, на Ю. Корсунскій. Смежными съ нимъ въ актахъ являются уѣзды Арзамасскій, Чебоксарскій, Цивильскій, Саранскій и Пензенскій (последній обнималъ собою и нынѣшній Городищенскій уѣздъ). Выдѣленіе буртасскихъ вотчинъ изъ другихъ инородческихъ земель указываетъ, что въ XVII в. Буртасы представляли собою замѣтный элементъ въ тогдашнемъ Алатырскомъ уѣздѣ. Въ Краснослободскомъ уѣздѣ посредствующимъ звеномъ является селеніе Буртасы. Пробѣлъ въ топографическихъ указаніяхъ относительно Буртасъ представляетъ только Саранскій уѣздъ — въ предѣлахъ XVII в.

Въ приведенныхъ нами выше извлеченіяхъ выступаетъ эпизодъ изъ закрытой пова отъ глазъ изслѣдователей исторіи Буртасъ. Тамбовскіе акты даютъ только имя этой народности рядомъ

¹⁾ Книга копій Алатырскаго приказной избы.—Ср. Симб. Сборн. т. II. Симб. 1870.

съ именемъ Мордвы. Здѣсь это имя получаетъ нѣкоторое этнографическое содержаніе. Рядомъ съ словомъ Буртасы, какъ поясняющій терминъ, мы встрѣчаемъ „посопные татарова“. Въ XVII в., стало быть, Буртасы представляются настолько отатарившимися, что писцы ихъ не различали отъ татаръ иначе какъ по социальному положенію („посопные“). Въ нашихъ актахъ они занимаютъ опредѣленный районъ, состоящій изъ нѣсколькихъ деревень: Старое Янышево, Нагаева, Тетякова, Беремшина. Дорога, которая была проложена изъ этихъ деревень чрезъ лѣсъ, носила у окрестной Мордвы названіе буртасской ¹⁾). Ниодна изъ этихъ деревень не сохранилась до нашего времени, но опредѣлить ихъ положеніе нетрудно, если принять во вниманіе, что возникшая на мѣстѣ Нагаевой деревня Дубенки существуетъ до сихъ поръ (въ 52 в. отъ Алатыря по лѣвую сторону почтоваго тракта изъ Алатыря въ Симбирскъ) такъ же, какъ сосѣднія съ ней деревня Поводимово (48 в.), с. Чеберчино, Ардатово. Кореннымъ селеніемъ, которое могло основаться во всякомъ случаѣ не позже XV в., было Старое Янышево; наиболѣе ранней въ с т а в к о й изъ него была Ногаева, которая въ началѣ XVII в. представляется уже больше, чѣмъ на половину опустѣвшей. Основались эти селенія, повидимому, на мордовской землѣ. Объ этомъ можно догадываться по тому, что Ногаевскіе Буртасы не имѣли своего лѣса и писцовыми книгами Пушечникова имъ предоставляется право лѣсъ сѣчь въ мордовскомъ черномъ лѣсу ²⁾).

Въ половинѣ XVII в. Буртасы этого края исчезаютъ „невѣдомо куда“, но слѣды ихъ или ихъ родичей мы, можетъ быть, найдемъ когда нибудь въ „посопныхъ татарскихъ“ деревняхъ. Такъ, безъ прибавленія Буртасы, назывались жители дер. Ногаевой еще до Пушечникова. Это можно видѣть изъ данной имъ

¹⁾ «А по буртасской дорогѣ до рѣчки Парамзы, а отъ Парамзы по суходолу на ольховый кустъ, а среди ольховаго куста набита грань на ольхѣ, правая сторона съ поля идучи Алтышева, а лѣвая Сайнинской Мордвы...» Книга копій. Ср. Сп. нас. м. Симб. г. № 283.—«Сайнино при р. Промзѣ».

²⁾ Ibid.

выписи Мордвѣ дер. Ардатовой: „на тетяковскую пустошь, на примѣрную землю, что примѣряли писцы Нивонъ Бутурлинъ съ товарищи у деревни Нагаевы у посопныхъ татаръ...“ Эти „посопные татарова“—послѣдній моментъ въ исторіи буртасской народности. О болѣе раннемъ этнографическомъ содержаніи термина „Буртасъ“ можно догадываться изъ мѣстныхъ названій занятаго ими временно края. Названія рѣчекъ, по которымъ сидѣли Буртасы, рѣзко выдѣляются на фонѣ извѣстныхъ уже намъ мордовскихъ съ окончаніемъ на лей: Шушерма (|| Сучерма, Чучерма, Сюксюрма), Окселма, Кячерма (въ районѣ дер. Морги Алатырскаго у.). Названія рѣки или рѣчной долины, оврага, очевидно слагалось у Буртасъ изъ слова черма (|| серма, сюрма, селма) + опредѣляющее слово¹⁾. Такое слово въ формѣ сирмы мы встрѣчаемъ въ названіяхъ рѣчекъ и овраговъ у Чувашъ. У той же народности мы найдемъ и тождественныя названія деревень—ср. Янышево буртасское Ал. у. и названіе деревни Яныши въ Ядринскомъ уѣздѣ Казанской губерніи. Факты эти даютъ намъ право заключить, что посопные Татарова, Буртасы и Чуваша оказываются въ весьма близкомъ родствѣ, т. е. выдвинуть, обставивши новыми основаніями, старую, почти забытую гипотезу Сбоева. Въ пользу родства, если не тожества Чувашъ и Буртасъ, можно привести не одни мѣстныя названія. Изъ документовъ конца XVI в. оказывается, что Чуваша жили какъ разъ на той территоріи, гдѣ мы видимъ въ другихъ актахъ Буртасъ. Въ наказѣ астраханскимъ воеводамъ князю Сицкому и Пушкину говорится напр., что Черкесы въ 1589 г. нападали на Темниковскія и Алатырскія мѣста на Мордовскія и Чувашскія вотчины. Упомянутіе о бывшихъ чувашскихъ деревняхъ встрѣчаются даже въ актахъ, относящихся къ нынѣшнему Городищенскому уѣздѣ, входившему нѣкогда въ составъ Пензенскаго²⁾.

¹⁾ Ср. въ Каз. г. Ядр. у. дер. Буртасы при оврагѣ Хозямъ-сирма.

²⁾ «Пензенскаго уѣзду деревни Карамалъ и деревни Чувашевы и Мордва тою землю назвала своею...» Собр. актовъ Бѣлокрысенко. № 19.

Въ пользу этого - же родства говорить, намъ кажется, еще и то обстоятельство, что Чуваши, судя по языку, нѣкогда были знакомы съ степями и ихъ обитателемъ верблюдомъ. Позволяемъ себѣ надѣяться, что дальнѣйшія археографическія изысканія въ предѣлахъ Симбирской губерніи и разработка древнихъ актовъ, относящихся къ нынѣшнимъ Буинскому, Корсунскому, Симбирскому, Сызранскому и Сенгилеевскому уѣздамъ поставитъ родство Буртасовъ и Чувашъ внѣ сомнѣнія.

Установивши, 1) что Буртасы до X в. жили на лѣвомъ берегу Волги и представляли народъ совершенно отличный отъ Мордвы, 2) что съ XVI в. они начинаютъ упоминаться въ русскихъ официальныхъ актахъ въ качествѣ особой народности на правомъ берегу Волги рядомъ съ Мордвой, мы должны выяснить, когда - же и при какихъ обстоятельствахъ они здѣсь появились. Припомнимъ сосѣдей, среди которыхъ жили Буртасы на лѣвомъ берегу Волги. Изъ Константина Багрянороднаго мы знаемъ, что въ странѣ между Волгой и Яикомъ до конца IX в. жили Печенѣги, Половцы и Хозары. Печенѣги были вытѣснены затѣмъ двумя послѣдними народами и Нижнее Поволжье осталось во власти Хозарь и Половцевъ. Половцевъ или Гузовъ на лѣвомъ берегу Волги упоминаютъ и Арабы — Ибнъ Хордадбахъ въ IX в., Эль-Бекри въ XI в. На З. отъ Волги и Дона они появились только въ половинѣ XI в. и сразу стали грозой для Руси; очевидно, они переселились за Волгу массой. Въ своемъ движеніи они могли увлечь за собою и Буртасъ, которые приходились имъ родичами. Переселеніе это могло произойти въ первой половинѣ XI в.; первое знакомство Русскихъ съ Половцами произошло въ 1054 г.: „приходи Болушъ с Половци и сотвори Всеволодъ миръ съ ними и возвратишася вспять, отнюду-же пришли“ читаемъ мы въ лѣтописи ¹⁾). Насколько можно судить по району распространенія каменныхъ бабъ, Половцы заняли на правомъ берегу Волги часть Астрахан-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 158. Изд. Арх. Ком. Спб. 1872.

ской губернии, Землю Войска Донскаго и южную половину Саратовской губернии; для Буртасъ остались свободными противолежащiе устью Иргиза сѣверные уѣзды Саратовской губернии и смежные съ ними уѣзды Пензенской и Тамбовской губерній. Допустить передвиженiе Буртасовъ подъ напоромъ Половцевъ мы имѣемъ полное основанiе. Результаты половецкаго движенiя на З. можно сравнить—конечно, значительно уменьшая масштаб—съ тѣмъ, что происходило двумя столѣтiями позднѣе во время татарскаго нашествiя. Если Татары могли загнать Половцевъ на берега Дуная и бросить на правый берегъ Волги Башкиръ и Маджаръ сѣвернаго лѣвобережья ¹⁾, то болѣе слабые Половцы могли во всякомъ случаѣ сдѣлать это съ однимъ народомъ, если только этотъ народъ не двинулся съ ними на З. добровольно. О передвиженiи Буртасовъ на правый берегъ Волги можно догадываться изъ того, что въ XII в. все лѣвобережье Волги внѣ болгарскихъ границъ находится во власти Половцевъ. Во второй половинѣ этого столѣтiя они ведутъ уже борьбу съ Болгарами. Въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Всеволода на Болгаръ послѣ сообщенiя о высадкѣ Русскихъ на болгарскiй берегъ мы читаемъ: „пошедшу же князю въ поле, урѣша наши сторожеве полкъ въ поли и мняху болгарскiй полкъ и прiѣхаша 5 мужъ изъ

¹⁾ Въ дѣлахъ Шацкого архива сохранилась копия съ грамоты данной въ 1539 г. князю Кугушеву на право «судить и вязать по старинѣ Татаръ изъ Тархановъ и Башкирцевъ и Можерянъ, которые живутъ въ Темниковѣ...» (Изв. Тамб. А. К. XXIII, 31). Въ Шацкомъ уѣздѣ близъ Вышенской пустыни еще въ концѣ XVII в. была извѣстна «Башкирская гора». (Ibid. XIV, 24). Воспоминанiя о Маджарахъ на правомъ берегу Волги сохранилось въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ названiй: въ Казанской губ. д. Можарка, Мишеръ, р. Мижеръ-сирма въ Цивильскомъ у., дер. Можарки, с. Можарово, рѣчка Можарка въ Тетюшскомъ, Мижаръ, Мижары въ Козмодемьянскомъ, р. Мажарка въ Чебоксарскомъ у., въ Симбирской губернии въ Курмышскомъ у. дер. Мажаровскiй Майданъ, Мажаръ-касы, въ Пензенской губернии въ Городищенскомъ и Керенскомъ у.у. дер. Можаровка, руч. Можаровка, въ Тамбовской губ. деревни Можаровка, Можарово въ Кирсановскомъ и Козловскомъ у.у., Мажаровская въ Темниковскомъ, въ Саратовской губернии д. Мажары въ Аткарскомъ уѣздѣ. Ср. «Мачаринъ» въ договорѣ 1483 г. Собр. Гос. Грам. I, № 115—16.

того полку и удариша челомъ передъ княземъ Всеволодомъ и сказала ему рѣчь: „кланяются, княже, Половцы Емякове, пришли есьмы со княземъ Болгарскимъ воевати Болгаръ; князь - же Всеволодъ, здумавъ съ братьею своею и съ дружиною, води ихъ въ роту половецкую, пойма ихъ, поиде къ великому городу“ ¹⁾). Половцы, стало быть, были въ это время на лѣвомъ берегу Волги непосредственными сосѣдями Болгаръ. Положеніе это они занимаютъ до татарскаго нашествія. Даже послѣ того какъ Татары пришли на Русь, Плато Карпини включаетъ въ составъ половецкой земли пространство между р.р. Волгой и Ураломъ ²⁾).

Какъ отразились на культурѣ Мордвы всѣ тѣ народныя движенія, которыя происходили въ южномъ Поволжьи, опредѣлить когда нибудь лингвистъ - изслѣдователь, выдѣливши— подобно тому, какъ это сдѣлалъ г. Мункачи для Вотяковъ— заимствованные элементы въ языкѣ Мордвы. Пока такая работа не продѣлана, историкъ долженъ начинать обзоръ судебъ мордовскаго племени съ момента первыхъ его столкновеній съ Русскими.

Подъ 1103 г. въ лѣтопись занесено краткое извѣстіе о неудачномъ нападеніи Муромскаго князя Ярослава Святославича на Мордву: „бися Ярославъ съ Мордовою месяца марта въ 4 день и побѣжденъ бысть Ярославъ“ ³⁾). Слѣдующее не менѣе краткое извѣстіе относится уже къ концу XII в. къ 1184 г.: великій князь Владимірскій, возвращаясь изъ похода на Болгаръ, „пусти кони на Мордву“ ⁴⁾). Между двумя этими извѣстіями можно поставить еще одно—подъ 1172 г. мы читаемъ: „посла князь Андрѣй сына своего на Болгары и Рязаньскій князь сына своего; бысть не любъ путь всѣмъ людемъ

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 369.

²⁾ Собр. путеш. къ Татарамъ. Плато Карпини. Асцелинъ. Спб. 1825. Стр. 17.

³⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 269.

⁴⁾ Ibid.

симъ зане непогодѣ есть зимѣ воевати Болгаръ и поидучи не идяху. Бывшю же князю Мстиславу на Городьци совкупльшюся съ братома своимъ съ Муромьскимъ и Рязаньскимъ на усть Оки и ждаша дружины двѣ недѣли и не дождавше ѣхаша съ переднею дружиною... и въѣхаша въ поганя безъ вѣсти, взяша селъ 6 и семое городъ, мужи исѣшоша, жены поимаша. Слышавше же Болгаре въ малѣ дружины князя Мстислава пришедша... dospѣша въборзѣ... за маломъ не постигоша ихъ за 20 версть“¹⁾). Въ виду того, что набѣгъ былъ произведенъ налегкѣ, въ ожиданіи серьезнаго похода, можно думать, что князь удался не на очень далекое разстояніе отъ устья Оки и, стало бытъ, дѣйствоваль въ предѣлахъ эрзянской территоріи. Быстрое появленіе Болгаръ заставляетъ думать, что въ концѣ XII в. они держали въ своихъ рукахъ побережье Волги на 3. отъ Суры. Изъ XIII в. мы имѣемъ уже менѣ сухія извѣстія. Кромѣ фактовъ побѣды надъ Мордвой или пораженія отъ нея лѣтопись даетъ намъ кое - какія бытовыя черты. Подъ 1226 г. мы читаемъ: „посла великій князь Гюрги Святослава, Ивана, брату свою, на Мордву и побѣдиста Мордву и взяста нѣколько селъ и взвратистася съ побѣдою“²⁾). Къ слѣдующему 1227 г. относится важное извѣстіе Нижегородской лѣтописи: „князь Юрій Всеволодовичъ поганскую Мордву отогналъ отъ града и жилища и з и м н и ц ы раззорилъ... И великій князь Константинъ Юрьевичъ владѣлъ нижнимъ и городецкимъ княженіемъ. И повеле русскимъ селитися, по окѣ, и по волгѣ, и по кудмѣ, и на мордовскихъ селищахъ, гдѣ кто не похочеть“³⁾). Богаче другихъ бытовыми чертами рассказъ о походѣ 1228 г. „мѣсяца семтября великій князь Гюрги посла на Мордву Висилеа Костянтиновича и своего мужа Еремей Глѣбовича воеводствомъ, съ полкомъ; и бывшимъ имъ за новымъ городомъ на предѣлѣхъ Мордовскихъ пославъ Гюрги возврати ихъ, не дасть имъ воевати.

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 345.

²⁾ Ibid. 426.

³⁾ Нижегород. лѣтописецъ. Изд. А. А. Гацискаго. Нижній Н. 1836. стр. 3.

зане непогодья бысть... Тое же зимы... въ 14 д. генваря великій князь Гюрги, и Ярославъ, и Костянтиновичи Василько, Всеволодъ идоша на Мордву; и Муромскій князь Гюрги Давыдовичъ вшедь въ землю Мордовьскую, Пургасову волость, пожгоша жита и потравиша и скотъ избиша, полонъ послаша назадъ, а Мордва вбѣгоша въ лѣсы своя, въ тверди; а кто не вбѣгль, тѣхъ избиша наѣхавше Гюргеви молодии, въ 4 день генваря. То видѣвше молодии Ярослави и Василкови и Всеволожи, утаившеса, назаутрие ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша; а иныхъ изымаша и бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати. А Болгарскій князь пришелъ былъ на Пуреша, ротника Юргева, и слышавъ, оже великій князь Юрій съ братьею жжетъ села Мордовьская, и бѣжа прочь ночи... Въ лѣто 6737, мѣсяца априля, придоша Мордва съ Пургасомъ къ Новугороду и отбишася ихъ Новгородци... Тогоже лѣта побѣди Пургаса Пурешевъ сынъ с Половци и изби Мордву всю и Русь Пургасову, а Пургасъ едва въ малѣ утече¹⁾. Последнее извѣстіе о столкновеніи Руси съ Мордвою до татарскаго нашествія относится къ 1232 г. Въ то время, какъ Татары появились на границахъ болгарской земли — „посла великій князь Георги сына своего Всеволода на Мордву и съ нимъ Теодоръ Ярославичъ и Рязаньскіи князи и Муромскіи и пожгоша села ихъ, а Мордвы избиша много“²⁾. Подъ 1239 г. мы уже читаемъ въ лѣтописи: „взяша Татарове землю Мордовскую и Муромъ пожгоша и по Клязьмѣ воеваша“³⁾.

Скудные извѣстія нашихъ лѣтописей о дотатарскомъ періодѣ въ исторіи Мордвы даютъ нѣкоторое представленіе о культурѣ, которой обладало племя, и его отношеніяхъ къ русскому народу. Сѣверная Мордва—пограничная съ Муромомъ

¹⁾ Лѣт. по Лавр. сп. 428—429.

²⁾ Ibid. 437.

³⁾ Ibid. 446.

и Нижнимъ — выступаетъ предъ нами народомъ вполне осѣдлымъ и земледѣльческимъ. У нея были села, окруженные хлѣбными полями и выгонами для скота, и еще какія-то зимницы. На случай опасности отъ внѣшнихъ враговъ, какими кромѣ Русскихъ являлись Булгары на В. и Половцы на Ю., Мордва имѣла города, а въ лѣсахъ тверди, въ которыя укрывалось населеніе, оставляя свои дома. О размѣрахъ и значеніи городковъ можно судить по аналогіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно относительно древней Перми и Югры ¹⁾. Въ политическомъ отношеніи мордовская земля дѣлилась на области—мы видимъ на С. З. въ предѣлахъ Эрзи напр. область Пургасову. Отношенія этой области въ сосѣдней Руси въ XII в. представляются враждебными, но вражда раздѣляла, кажется, только правителей обоихъ народовъ: на земляхъ Пургаса жили мирно рядомъ съ Мордвой и русскіе колонисты — вѣроятно переселенцы изъ Муромскаго княжества—„Пургасова Русь“. На Ю. въ области Мокши русское вліяніе чувствовалось уже глубже. Князьямъ Рязанскимъ удалось захватить въ свои руки все нижнее теченіе Мокши и поставить своего тысяцкаго въ Кадомѣ, древнѣйшемъ центрѣ Мокши. Это обстоятельство имѣло мѣсто, вѣроятно, еще въ XII в., такъ какъ подъ 1209 г. мы встречаемъ уже извѣстіе о томъ, что въ Кадомѣ былъ убитъ тысяцкій. Можетъ быть, здѣсь-же въ области Мокши слѣдуетъ искать и ротника великаго князя Юрія-Пуреша. Районъ, въ которомъ можно предполагать область Пуреша, опредѣляется 1) тѣмъ, что во время борьбы Юрія съ Пургасомъ, на нее слѣлалъ нападеніе „князь Болгарскій, 2) совмѣстными дѣйствіями сына Пуреша и Половцевъ противъ Пургаса. Очевидно, она находилась на Ю. В. отъ области Пургаса.

Первые результаты татарскаго нашествія для Мордвы были тѣже, что и для другихъ народностей Россіи. Въ своемъ

¹⁾ См. наши «Пермяки», стр. 131—132. Остатками мордовскихъ городковъ могутъ считаться тѣ изъ городищъ, которыя въ актахъ носятъ названіе «мордовскихъ».

движеніи на западъ Татары увлекли за собою, подобно Половцамъ, и часть Мордвы - Мокши. Объ этомъ положительно говоритъ Рубруквисъ. Мокша ослабѣла и представляла собою почву для дальнѣйшихъ насилій со стороны Татаръ. Въ 1288 г. сынъ Темира Елартей опустошилъ мордовскую землю. Съ конца XIII столѣтія Татары не довольствуются уже грабежами и осѣдаютъ на мордовскихъ земляхъ. Въ 1298 г. выходитъ изъ большой Орды Ширинскій князь Бахметъ и захватываетъ въ свои руки земли по Цвѣ и Нижней Мокшѣ. Верхнимъ теченіемъ Мокши (отъ Наровчата) въ половинѣ XIV в. овладѣлъ Мурза Тогай, выслившійся изъ окрестностей Астрахани изъ Бездсжа. Никоновская лѣтопись говоритъ подъ 1365 г. о нападеніи этого Тагая на Переяславль Рязанскій и попути прибавляетъ: „Тагай князь Ордынскій, иже по разрушеніи ордынскомъ приде въ Норучай и тамо самъ о себѣ вняжаше въ Наручадвой странѣ“¹⁾. По среднему теченію Мокши отъ Кадома до Наровчата утвердились другіе татарскіе выходцы. Въ десяти верстахъ отъ нынѣшняго Темникова, внизъ по Мокшѣ, на мѣстѣ селенія „Городища“ стоялъ до 1535 г. старый Темниковъ, находившійся во владѣніи Астраханскихъ выходцевъ — Мурзь Еникеевыхъ и Тенишевыхъ. Въ 15 верстахъ отъ г. Краснослободска на мѣстѣ нынѣшняго селенія Ефаева было становище татарскихъ мурзь Тениша и Ефая. Тутъ, повидимому, былъ городокъ; до сихъ поръ существуетъ въ четырехъ верстахъ отъ Ефаева близъ села Рыбвина урочище, которое называется по мордовски „Ошпыръ“ т. е. городской лѣсъ²⁾.

Акты, опубликованные въ послѣднее время Тамбовской Архивной Коммиссіей, заключаютъ въ себѣ цѣнныя дополненія къ исторіи татарской колонизаціи въ мордовской землѣ. Изъ нихъ мы узнаемъ прежде всего о существованіи новыхъ городищъ, тѣсно связанныхъ съ татарскими владѣніями. Въ

¹⁾ Карамз. Ист. Г. Р. V, 181. Соловьевъ. Ист. Россіи. III, 333.

²⁾ Пенз. Губ. Вѣд. 1890. № 272.

дачахъ Вышенской пустыни близъ р. Выши на Башкирской горѣ находилось городище, которое въ XVII в. носило названіе стараго. Городище это приходилось по близости владѣній „шацкаго новокрещена Василья князя Кудашева“¹⁾. На мѣстѣ нынѣшняго Тамбова находилось Урлапово городище²⁾. Можетъ быть, тоже происхожденіе имѣютъ село Доброе Городище³⁾ въ Спасскомъ уѣздѣ (въ XVII в. — Козловскомъ) по рѣчкѣ Парцѣ между двухъ Липляевъ близъ самаго Спасска, деревня Городище между рѣчками Погановкой и Духовкой въ Верхоценовской волости Тамбовскаго уѣзда⁴⁾, городище Грязновское въ Тамбовскомъ уѣздѣ въ Кершенскомъ десяткѣ⁵⁾, Сосновское городище здѣсь же въ Верхоценовскомъ станѣ⁶⁾. Считать хотя часть ихъ татарскими мы можемъ въ виду того, что во всѣхъ извѣстныхъ пунктахъ Татарщины — въ Темниковѣ, въ Наровчатѣ мы знаемъ городища⁷⁾.

Значительная часть мордовской территоріи оказалась такимъ образомъ въ рукахъ татарскихъ князьковъ—мурзъ. Акты, относящіеся къ XVI и XVII в.в., позволяютъ намъ уяснить картину, которую представлялъ край въ концѣ татарскаго владычества; сложившійся въ эту пору строй отношеній удержался и подъ русской властью. Участки отдѣльныхъ мурзъ назывались, кажется, беляками. Въ Кадомскомъ уѣздѣ мы знаемъ беляки Еректинскій и Кучуковъ, въ Шацкомъ уѣздѣ белякъ Новосельскій на р. Цнѣ⁸⁾, въ районѣ села Томникова белякъ Томниковскій⁹⁾. Въ нынѣшнемъ Краснослободскомъ уѣздѣ въ округѣ упраздненнаго Пурдышскаго монастыря упоминается белякъ Мурзогиль-

¹⁾ Изв. Тамб. А. Ком. XIV, 24.

²⁾ Ibid. 9.

³⁾ Ibid. XV, 13.

⁴⁾ Ibid. XXI, 16.

⁵⁾ Наровчатское городище упоминается въ «Мат. для ист. статистики и археологій города Темникова и его уѣзда». Тамб. 1890. Стр. 31.

⁶⁾ Мамоит. Пустынь. Тамб. 1887. Стр. 23.

⁷⁾ Ibid. 38.

⁸⁾ Журн. Тамб. Арх. Ком. № 46, стр. 33.

⁹⁾ Прил. къ Журн. Тамб. Арх. Ком. отъ 2 окт. 1886. Стр. 52.

дѣевъ¹⁾). Наиболѣе существенныя данныя относительно беляковъ представляютъ упомянутыя уже выше копии съ актовъ Алатырской приказной избы. На пространствѣ, заключенномъ между рѣкою Сурой и пограничными линиями: а) между первымъ и вторымъ станомъ Алатырскаго уѣзда и б) между Ардатовскимъ и Алаторскимъ уѣздами, въ этихъ актахъ упоминается пять беляковъ: Дебердеевскій, Кержатскій, Кельдюшевскій, Кашмурскій, Тургаковскій. Затѣмъ по теченію р. Алатыря въ Ардатовскомъ Лунгенскій, въ Лукоян. у. при устьѣ Инзары Порасевскій (д. Баево), Сулеменскій (д. Пермѣво). Въ составъ однихъ беляковъ входило по нѣскольку деревень: въ Кильдюшевскомъ белякѣ наир. числилось до нынѣ существующія здѣсь деревни Сайнино (Списокъ нас. м. № 283), Морга (№ 280), Налитова (№ 275), Кирзять (№ 273), въ Лунгинскомъ—Пичеевка (№ 464²⁾), Тарасова (№ 488²⁾); относительно другихъ упоминается только по одной деревнѣ. Судя по тому, что почти въ каждой изъ названныхъ деревень упоминаются станичныя мордовскіе мурзы (по именамъ и по оффиціальному наименованію ихъ Мордой—мордовскаго происхожденія), можно предполагать, что въ XVII в. беляки утратили уже свое старое значеніе и упоминались въ значеніи мелкихъ территориальныхъ участковъ. Во второй половинѣ XVII в. этотъ терминъ выходитъ, кажется, совсѣмъ изъ употребленія.—Ясакъ съ населенія, жившаго на участкѣ, составлялъ достояніе мурзы. Въ дѣлахъ Шацкаго архива хранится грамота, предоставляющая мурзамъ Тенишевымъ ясакъ съ Сыхретинской Мордвы Кучукова беляка³⁾). Болѣе обстоятельное перечисленіе доходныхъ статей, извлекавшихся татарскими мурзами изъ своихъ владѣній, представляетъ грамота Лжедмитрія вдовѣ князя Темниковскаго Кулунчака Еникеева: „да мы же пожаловали князь Колунчаковыхъ и ея Салтаниныхъ дѣтей Калмамая мурзу да Уразъ мурзу отдаже

¹⁾ Изв. Тамб. Арх. Ком. Вып. XVI; прил. 16.

²⁾ Ibid. Вып. XXVIII, 132.

ихъ выслугой, помѣстьемъ и тамгой¹⁾ и съ посаду поземными и полавочными деньгами и разбойныхъ дѣлъ пошлинными и мордовскимъ ясакомъ, отца ихъ жеребьемъ, одиннадцатю рублевъ съ четью²⁾). Всѣ эти вещи съ XVI в. были уже вознагражденіемъ за службу русскому государю³⁾).

Политическій характеръ отношеній татарскихъ мурзъ къ Мордвѣ обнаруживается въ актахъ того-же Шацкаго архива. Въ приложеніи къ описи дѣлъ этого архива находится копія съ грамоты, данной въ 1608 г. темниковскому мурзѣ Ишею Барашеву о пожалованіи его, по челобитью Крымскаго царя, княженіемъ дѣда (князя Авчуры) и брата его Сатай Кулаева сына Авчурина, которые княжили въ Сукональской Мордвѣ. Княженіе Ишея Барашева было признано и Михаиломъ Оедровичемъ въ 7121 г.⁴⁾

Аналогичные факты имѣли мѣсто въ Симбирской губерніи. Мордва деревни Дубеновъ Алатырскаго уѣзда платила царю „князь-Колунзинскій ясакъ“⁵⁾. Мельниковъ упоминаетъ о татарскомъ князѣ, владѣвшемъ Мордвой въ окрестностяхъ Саровскаго монастыря⁶⁾.

Захватъ мордовскихъ земель не ограничился одной областью Мокши; и въ эрзянскомъ краѣ акты и преданія говорятъ о татарскихъ князьяхъ. Въ предѣлахъ Нижегородской губерніи Мельниковъ упоминаетъ о татарскихъ княжескихъ городкахъ на берегу р. Теши въ Саканахъ, въ Арзамасѣ, на мѣстѣ села Собакина (въ XVI в. оно писалось: „на мордовскомъ городищѣ“). Арзамасъ еще въ XVI в. называется Арзамасово мордовское городище. Резиденцію мордовскихъ князьковъ Мель-

¹⁾ Тамгой, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ Темниковскаго уѣзда, назывался базарный сборъ: «въ селѣ жъ Дѣвичѣй Рукавѣ торгъ а торгуютъ въ недѣлю одинъ разъ, а тамгу собирають на помѣщика». «Мат. для ист., стат. и археол. Тем. у.» 34.

²⁾ Изв. Тамб. Арх. Ком. XXIII, 32.

³⁾ Ibid. 102.

⁴⁾ Труды IV арх. съѣзда. т. I. статья Христофорова. 34.

⁵⁾ Рус. Вѣст. 1867, т. XLIX, 504.

никовъ упоминаетъ затѣмъ на р. Пьянѣ близъ с. Барнукова („Городище“). Татарскому князю Чамбѣ преданіе приписываетъ курганы на Пьянѣ, раскопанные Дружкинымъ.

Перемѣна, происшедшая съ водвореніемъ въ краѣ русской власти, выражается въ томъ, что ясакъ потерялъ характеръ наследственности; Московскій царь передаетъ его по усмотрѣнію то тому, то другому мурзѣ: ясакъ Сыхретинской Мордвы, напр., прежде чѣмъ сдѣлаться достояніемъ Емаша и Исята Тенишевыхъ, былъ данъ „Шикчурѣ да Мѣшаю, а напередъ того былъ за Казанскимъ княземъ за Мамышемъ съ сыномъ“¹⁾.

Рядомъ съ ясачною мордвой въ мордовскомъ краѣ, какъ и вездѣ въ предѣлахъ татарскаго вліянія, имѣли мѣсто тарханы. Въ челобитной строителя Рождественской пустыни на Цнѣ мы читаемъ „а вотчинъ де и рыбныхъ ловель у нихъ нѣтъ, а ловятъ деи они рыбу про монастырскую нужу у Мордвы на рѣкѣ на Цнѣ. . . а та деи рыбная ловля была за Мордвою за Мельсикомъ за Шендановинимъ съ товарищи, да за тарханы. . . на оброекъ“²⁾.

И. Смирновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

¹⁾ Изв. Тамб. Арх. Ком. XXIV, 32.

²⁾ Ibid. XIII, 19.

ХРОНИКА.

МУЗЕЙ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ 1891 Г.

МУЗЕЙ УФИМСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

Статистическій Комитетъ вмѣстѣ съ музеемъ до 1871 года помѣщался въ наемномъ домѣ. На засѣданіи 15 апрѣля 1865 года было рѣшено прибѣгнуть къ частнымъ пожертвованіямъ со стороны лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу и заинтересованныхъ имъ, то есть къ членамъ Статистическаго Комитета въ уѣздахъ, выславъ имъ книжки для записи пожертвованій, и письменно къ почетнымъ лицамъ, владѣющимъ большими вотчинами и заводами въ губерніи. Недолго пришлось ждать результатовъ этой мѣры: уже къ 1872 г. накопилось денежныхъ пожертвованій на сумму 4428 руб.; въ томъ числѣ: Ив. Ѳед. Бавилевскій прислалъ 1800 руб.; Д. Е. Бенардаки 456 руб.; Бій изъ Киргизской степи Биръ—Мухамедъ и Джантуринъ прислали 1120 руб.; многіе жертвовали по 100 руб.; отъ чугунной рѣшетки, пожертвованной городомъ въ пользу Комитета, выручено 287 руб., и отъ продажи желѣза, подареннаго Катавскими заводами князей Бѣлосельскихъ - Бѣловерскихъ — 200 руб. Скороѣйшему осуществленію постройки зданія помогло еще слѣдующее обстоятельство: въ 1867 году бывшему адѣкъ губернатору Сер. Пет. Ушакову пришла мысль воспользоваться упраздненіемъ бывшаго до того на торговой площади каменнаго одноэтажнаго зданія, занимаемаго гауптвахтой, и ходатайствовать объ уступкѣ этого зданія, а также и мѣста подъ нимъ Статистическому Комитету для учрежденія въ этомъ зданіи музея, на что и было получено согласіе.—Затѣмъ избрана была особая коммиссія для составленія проекта и выполненія постройки зданія музея, съ удѣленіемъ небольшого помѣщенія въ нижнемъ этажѣ для Статистическаго Комитета. Къ осени 1870 г. отстроены были нижній этажъ и Комитетъ со складомъ коллекцій и библіотекой перешелъ въ свое помѣщеніе. Второй этажъ, отстроенный въ 1872 году, отдавался по по 1886 годъ въ наймы въ тѣхъ видахъ, чтобы покрыть часть расхода по постройкѣ и отдѣлкѣ зданія. Отъ найма 2-го этажа въ теченіе 13 лѣтъ поступило 5800 руб. Въ 1880 году, по просьбѣ Комитета, городская дума уступила позади музейнаго зданія мѣсто для насажденія разныхъ древесныхъ по-

родъ, растущихъ въ губерніи, а Министерство Государственныхъ Имуществъ разрѣшило отпустить саженцовъ изъ казенныхъ лѣсовъ. Такимъ образомъ, благодаря заботамъ и щедротамъ горожанъ и многихъ просвѣщенныхъ лицъ, возникло каменное двухъ-этажное зданіе, вполне приспособленное для своей цѣли, съ изящною чугунною парадною лѣстницей, частью пожертвованной заводовладѣльцами г.г. Дашковыми, и мѣстомъ, отгороженнымъ кругомъ заборомъ для дендрологическаго сквера. Въ этомъ же зданіи, въ нижнемъ этажѣ, помѣщается библиотека Статистическаго Комитета, занимающая просторную комнату, въ которой размѣщены книги въ 10 большихъ шкафахъ съ подробнымъ каталогомъ по отдѣламъ.

Въ 1884 году наступила новая фаза въ судьбѣ музея; а именно: чтобы закрѣпить за нимъ зданіе юридическимъ документомъ, оказалось необходимымъ признать Общество музея самостоятельнымъ учрежденіемъ, независимымъ отъ Статистическаго Комитета и имѣющимъ право владѣть собственностью. На этомъ основаніи постановлено было проектировать учрежденіе въ Уфѣ Общества Губернскаго Музея и ходатайствовать предъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ о разрѣшеніи этого предложенія и объ утвержденіи проектированнаго устава. На это Центральный Статистическій Комитетъ отвѣтилъ, что означенный проектъ, въ виду предположеннаго по § 10 онаго подчиненія Общества Музея вѣдѣнію Министерства Государственныхъ Имуществъ, переданъ на усмотрѣніе и зависящее распоряженіе Министерства Государственныхъ Имуществъ, съ присовокупленіемъ, между прочимъ, что согласно предположенію Статистическаго Комитета, открытіе Общества можетъ послѣдовать ко дню празднованія въ Уфѣ 300 лѣтняго юбилея, т. е. къ 8 іюля 1886 года. Утвержденіе Устава послѣдовало со стороны Министерства Государственныхъ Имуществъ въ январѣ 1888 года.

Археологическій отдѣлъ музея не богатъ количествомъ предметовъ: онъ занимаетъ двѣ витрины въ средней залѣ, а крупныя вещи размѣщены на щитахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ передней залы, — но располагаетъ интересными предметами, добытыми изъ могилъ и кургановъ, относящихся къ эпохѣ, называемой археологами «бронзовымъ вѣкомъ», когда въ краѣ по обѣимъ сторонамъ Уральскаго хребта жилъ народъ, называемый въ народныхъ сказаніяхъ «чулскимъ». Исслѣдованіе кургановъ особенно усердно производилъ членъ Статистическаго Комитета, горный инженеръ подполковникъ Романовскій, завѣдывавшій Миасскими промыслами. Находки свои онъ въ 1865 г. пожертвовалъ музею при подробномъ описаніи вещей и мѣстъ ихъ находченія. Миасскій округъ на восточной сторонѣ Уральскаго хребта оказывается изобилующимъ курганами. Присланныя вещи добыты изъ 8 кургановъ, лежащихъ близъ рудниковъ на горахъ Каскиновской и Кавелинской и по рѣчкамъ Абалѣ, Атялкѣ и другихъ. Найденныя въ могилахъ предметы состоятъ преимущественно изъ желѣзныхъ стремянь, удиля, колець, пряжекъ, мѣдныхъ наконечниковъ копій и стрѣлъ, серебряныхъ бляхъ, серегъ, пуговиць, браслетовъ, бывшихъ еще на костяхъ скелетовъ; равныхъ обломковъ серебряныхъ украшеній, стежлянныхъ бусъ разныхъ формъ и цвѣтовъ, черепковъ графитовой посуды и нѣсколькихъ костяныхъ наконечниковъ для стрѣлъ. Вся

присланная Г. Романовскимъ коллекція состоитъ изъ 35 номеровъ по описи, а съ мелкими вещами заключаетъ до 60 предметовъ. Всѣ эти вещи были отправлены въ С.-Петербургскую Императорскую Археологическую Коммиссію для опредѣленія эпохи, къ которой могутъ быть отнесены эти древности, и Коммиссія въ іюнѣ 1870 года увѣдомила Комитетъ съ возвращеніемъ вещей, что онѣ принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ «Чудскихъ древностей», часто встрѣчаемыхъ въ сѣверо-восточной полосѣ Россіи, и могутъ быть отнесены къ XI или XII вѣку по Рожд. Хр. Исслѣдованіемъ мѣста находженія кургановъ и частію раскопками ихъ не мало занимался покойный членъ Статистическаго Комитета Р. Игнатьевъ. Статьи его по сему предмету помѣщались въ свое время въ изданіяхъ Уфимскаго Статистическаго Комитета и трудахъ нѣкоторыхъ археологическихъ обществъ. Мензелинскій уѣздъ, прилегающій съ сѣвера къ рѣкѣ Камѣ, также не мало содѣйствовалъ обогащенію музея находками эпохи бронзоваго вѣка: такъ, въ 1874 году, мензелинское полицейское управленіе прислало 14 бронзовыхъ орудій, вѣсомъ 7 фунтовъ 90 золотниковъ, найденныхъ близъ дер. Дербедень, въ лѣсу, при расчисткѣ пашни, на глубинѣ полъ-аршина. Въ числѣ ихъ было: 5 серповъ, 6 кайловъ, орудіе похожее на долото, крышечка и лопаточка, все изъ хорошей бронзы и тщательной отдѣлки. Изъ того же уѣзда получены черепки глиняной посуды (горшечковъ случайно найденныхъ въ землѣ), съ вытисненными въ видѣ украшеній узорами, но очень грубой работы. Въ маѣ 1890 года доставлена цѣлая кольчуга, найденная въ землѣ на глубинѣ $\frac{1}{4}$ аршина однимъ башкиромъ дер. Тулубасовой.

Различныя древности присылались въ даръ и изъ другихъ уѣздовъ; такъ, въ 1878 году, при рытѣ камня въ дачѣ помѣщика Новикова, въ двухъ верстахъ отъ г. Уфы открыта древняя могила съ человѣческими костями, при которыхъ оказались разныя золотыя и серебряныя украшенія въ видѣ бляхъ, пряжекъ и кусокъ массивной золотой цѣпи искусной выдѣлки, нѣсколько костяныхъ пластинокъ, выстроганныхъ въ видѣ ноженъ, съ просверленными отверстиями для подвѣшиванія. Г. Новиковъ прислалъ въ даръ въ 6 коробкахъ до 50 отдѣльныхъ вещей, считая и обломки. Въ самомъ городѣ, около Семинарской горы, въ могильномъ склепѣ при рытій камня найдено три костяхъ огромное янтарное ожерелье съ бусами величиной отъ яблока и до грецкаго орѣха. Одна изъ бусъ, величиной съ яблоко, приобретена и прислана въ даръ музею отъ имени бывшаго губернатора С. П. Ушакова. — Въ томъ же уѣздѣ въ древней могилѣ найденъ желѣзный свѣтильникъ о трехъ лапахъ на высокой ножкѣ. Въ дачѣ г-на Базилевскаго, въ 10 верстахъ отъ города, найденъ бронзовый серпъ одинаковаго фасона и матеріала съ серпами, присланными изъ Мензелинска. Въ Бирскомъ уѣздѣ найдены: бронзовый наконечникъ копья, двѣ большія пуговицы бронзовыя и того же матеріала большой бабалдашникъ; все это изъ кургановъ по берегу р. Бѣлой близъ г. Бирска. На берегу р. Камы, въ дачѣ дер. Сакловой, найденъ желѣзный топоръ первобытной выдѣлки. — Изъ Стерлитамакскаго уѣзда доставленъ вырытый изъ кургана близъ р. Стерля, при скелетѣ, похороненномъ въ сидячемъ положеніи, глиняный горшокъ грубой работы. Изъ того же

уѣзда прислана въ даръ шпага временъ Императрицы Елизаветы Петровны съ гравированною надписью на клинкѣ на одной сторонѣ: «Богу и отечеству», на другой—«Вивать Елизаветъ Великая».

Уфимскій музей имѣеть въ своихъ витринахъ нѣсколько предметовъ древности и изъ другихъ мѣстностей Россіи. Такъ изъ эпохи Болгарскаго царства въ предѣлахъ Казанской губерніи при раскопкахъ въ селѣ Билярскомъ найдены и пожертвованы равныя бронзовыя вещи извѣстной работы, до 10 отдѣльныхъ штукъ, въ числѣ коихъ бронзовый сапожокъ съ колечкомъ для привѣшиванія. Есть въ музеѣ образцы древностей, добытыхъ изъ Керченскихъ могилъ въ горѣ Митридата, бывшаго царя Босфора—Киммерійскаго: глиняный кувшинчикъ, ручка отъ амфоры съ рельефною греческою надписью, глиняное украшеніе, барельефъ отъ саркофага, представляющій женскую фигуру и молящагося генія. Вещи эти пожертвованы вмѣстѣ съ нѣсколькими монетами царства Босфора—Киммерійскаго княземъ Ал. Іов. Кугушевнымъ.—Нашествіе Пугачева на Оренбургскій край и осада города Уфы въ 1774 г. не могли пройти безслѣдно и не оставить вещественныхъ доказательствъ пережитой уфимцами смутной эпохи. Эти памятники (трофеи смерти), часто попадаются въ самомъ даже городѣ при рытіи колодцевъ или фундаментовъ въ чертѣ города, называемаго нынѣ Старой Уфой. Трофеи эти: нѣсколько заржавленныхъ гранатъ и ядеръ, копій и кольчугъ; изъ Саткинскаго же завода, разграбленнаго шайками Пугачева, доставлена сохранившаяся чугунная пушка длиною въ 1 аршинъ 12 вершковъ съ заклепанной затравкой и засѣвшимъ внутри ядромъ. Есть въ музеѣ образцы и болѣе древняго происхожденія: шлемъ (шишакъ), панцири, кольчуги, бердышъ, сѣкира, копьѣ; даже луки, колчаны и стрѣлы, употреблявшіеся въ прошлое время, а мѣстами и нынѣ, здѣшними инородцами; также Коканское фитильное ружье, взятое при штурмѣ крѣпости Акъ-Мечети, доставленное однимъ изъ участвовавшихъ въ штурмѣ.

Достойно замѣчанія, что въ предѣлахъ Оренбургскаго края еще не было заявлено о находкахъ орудій эпохи каменнаго вѣка, хотя въ Чудскихъ кояхъ по Уралу въ предѣлахъ Пермской губерніи попадались молотки и кайлы изъ яшмы и кварца, обдѣланные довольно искусно.

Кости допотопныхъ животныхъ. Палеонтологическая коллекція костей разныхъ допотопныхъ животныхъ составляетъ украшеніе уфимскаго музея какъ по количеству, такъ и по громадности нѣкоторыхъ экземпляровъ, принадлежавшихъ когда то представителямъ животнаго царства, населявшего въ доисторическія времена мѣстности, занимаемые Оренбургскимъ краемъ. Экземпляры череповъ, челюстей, мамонтовыхъ клыковъ и зубьевъ, бычачьихъ и оленьихъ роговъ и разныхъ оконечностей развѣшаны по стѣнамъ парадной лѣстницы, ведущей во второй этажъ. Ихъ развѣшано до 60 отдѣльныхъ штукъ, привезенныхъ экспертами за кости мамонта, носорога, быка или допотопнаго боса; рога тура, лося и сѣвернаго оленя и проч.

Нумизматическій отдѣлъ. Въ передней залѣ, въ двухъ вращающихся витринахъ: въ витринѣ № 2. Отдѣлъ иностранныхъ монетъ.

Въ этомъ отдѣлѣ заслуживаютъ особаго вниманія коллекціи монетъ восточнаго чекана. Изъ нихъ монеты Золотой орды составляютъ истинное богатство музея, хранящаго въ своихъ витринахъ до 342 серебрянныхъ монетъ и 8 мѣдныхъ, время владычества Темучинъ—Чингизъ Хана, періода 1292 по 1346 годъ христіанскаго лѣтосчисленія и гиджры—710 по 762 годъ. Затѣмъ коллекція Бухарскихъ монетъ въ числѣ 34-хъ штукъ, изъ нихъ 19 серебрянныхъ и 15 мѣдныхъ. Коқанскія монеты въ числѣ 5 штукъ; Хивинскихъ 2 монеты — серебрянная и мѣдная; Турецкихъ 34 монеты; изъ нихъ 27 серебр. и 7 мѣд.; Грузинскихъ 4 монеты серебр.—Есть представители древнѣйшихъ эпохъ; напримѣръ 2 серебр. монеты царя Александра Македонскаго, отъ 336 до 326 года, IV вѣка по Рожд. Христ., 2 серебр. и 1 мѣд. древняго Болгарскаго царства; 4 серебр. и 3 мѣд изъ раскопокъ города Геркуланума, засыпаннаго при изверженіи горы Везувія въ 79 году по Рожд. Христ. Изъ эпохи царства Босфора—Киммерійскаго, существовавшаго за нѣсколько вѣковъ до Рожд. Хрст., есть 4 монеты съ греческою надписью «Пантикапей» и изображеніемъ головы Пана, бога - покровителя города Пантикапей, гдѣ нынѣ г. Керчь. Эти 4 монеты пожертвованы музеемъ въ 1890 году княземъ А. Юв. Кугушевнымъ. Одна мѣдная монета царя Босфора Иниптима 185 — 223 г. по Рожд. Хр. Изъ новѣйшихъ временъ болѣе значительны: 1 мѣдная монета Пенсильванской республики въ Америкѣ, чекана 1716 года, до образованія союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и 6 монетъ чекана Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Китайскихъ 7 мѣдныхъ монетъ; Японскихъ 2 серебр. и 4 мѣд. Кромѣ того въ коллекціи есть еще нѣсколько десятковъ иностранныхъ монетъ, которыя не могли еще въ точности быть опредѣлены. Въ уфимской коллекціи древнѣйшими монетами оказываются 4 серебрянныя монеты эпохи княженія Ивана Калиты».

(Уфим. Губ. Вѣд. 1892, № 3—5).

ЭКСПЕДИЦИИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ ВЪ 1892 г.

Николаевскій уѣздъ (курганы и легенды о нихъ).

Въ половинѣ февраля мѣсяца здѣсь, пишетъ корр. «Сам. Газ.», начались общественныя работы по заготовкѣ камня для исправленія уже существующихъ въ уѣздѣ степныхъ плотинъ и сооруженія новыхъ. Въ настоящее время предпринята заготовка камня бливъ хутора Мѣловаго, пограничнаго съ казачьими владѣніями. Кромѣ геологическихъ особенностей эта мѣстность имѣетъ характерныя историческія особенности. На многихъ возвышенностяхъ существуютъ памятники весьма отдаленныхъ въ глубину исторіи временъ. Стоятъ они изъ груды камней, всѣ одинаковой круглой формы и имѣютъ отъ 20 до 50 сажень въ окружности; надъ поверхностью земли эти каменные памятники имѣютъ до 4 аршинъ высоты. Въ каждомъ изъ нихъ есть центръ, выложенный изъ громадныхъ плитъ, далеко углубляющихся внутрь земли. Въ настоящее время одинъ изъ такихъ памятниковъ разобранъ рабочими по

заготовкѣ камня до основанія и часть камня свезена за 40 верстъ на кочетковскую плотину. Но обнажена лишь поверхность земли; между тѣмъ громадныя плиты, изъ которыхъ состоитъ центръ, уступами, какъ бы составляя лѣстницу, опускаются внутрь земли и покрыты крѣпко промерзшей сѣрой глиной, почему и не поддаются усиліямъ рабочихъ, которые, ожидая найти подъ ними кладъ, съ особеннымъ усердіемъ извлекаютъ одну плиту за другой. Мѣстное объясненіе существованія этихъ памятниковъ, разумѣется, останавливается прежде всего на сокрытыхъ когда-то Разиннымъ и Пугачевымъ въ этихъ мѣстахъ всевозможныхъ сокровищахъ. Одинъ изъ рабочихъ на разбираемомъ памятникѣ разсказалъ своимъ товарищамъ даже списокъ сокровищъ, до которыхъ они съ незапамятныхъ временъ мечтали, а сейчасъ больше чѣмъ когда-либо въ другое время мечтаютъ, добраться подъ трудно поддающимися усиліямъ плитами. По этой описи сокровищъ подъ разобранымъ памятникомъ должна быть прежде всего золотая пушка, а къ ней привязанъ золотой конь съ глазами изъ драгоценныхъ камней, а ватѣмъ уже и груды золота. Другой вариантъ этой описи сокровищъ отзывается нѣсколько мистичностью. На известной глубинѣ къ востоку должна оказаться крѣпкая стѣна, отгораживающая подземную комнату; въ ней долженъ быть скелетъ старика, за второй стѣной должна быть «красная дѣвица»; за третьей стѣной долженъ быть крестъ и евангеліе и наконецъ за четвертой — золото, гряда золота. Историческое объясненіе происхожденія этихъ памятниковъ, разумѣется, не отличается такой богатой фантазійей, какъ мѣстное народное преданіе. Нѣкоторые говорятъ, что это могилы татарскихъ или киргизскихъ князей, знаменитыхъ воиновъ и проч., другіе объясняютъ, что у древней казанской орды былъ въ этомъ мѣстѣ родъ каторжныхъ работъ и наказанные этими работами «на урокъ» сооружали подобные памятники. (Каз. Вѣсти. 1 апр. 1892 г.)

ТЕКУЩАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Международный конгрессъ доисторической археологіи и антропологіи въ Москвѣ 1—8 августа 1892 г.—Московское Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи дѣятельно готовится къ предстоящему въ Москвѣ по его инициативѣ международному конгрессу по доисторической археологіи и антропологіи. Изъ помѣщенной въ настоящей книгѣ статьи о доисторической археологіи во Франціи читатели «Иавѣстій» могли уже усмотрѣть, что конгрессъ этотъ не новое и не случайное явленіе. Международныя съѣзды палеоэтнологовъ и антропологовъ гачались безъ малаго тридцать лѣтъ тому назадъ: начиная съ 1865 г. они обошли Францію, Италію, Португалію, Швейцарію, Австро-Венгрію, Англію, Данію, Швецію. Нѣкоторые города, какъ Парижъ, Стокгольмъ и Копенгагенъ видѣли ихъ по 2 и по 3 раза. Теперь пришла очередь для Россіи, на которую все съ большимъ и большимъ любопытствомъ устремляются взоры европейскихъ антропологовъ и археологовъ. Въ силу тѣсныхъ отношеній, въ которыхъ съ антропологической выставки 1879 г. Московское Общество Естествознанія стоитъ къ французскимъ антропологамъ, въ силу значе-

нія, которое имѣетъ Москва въ дѣлѣ развитія антропологическихъ, этнографическихъ и археологическихъ изученій въ Россіи, наконецъ въ силу интереса, который Москва представляетъ для иностранцевъ, имѣющихъ впервые посѣтить Россію, выборъ мѣстъ для перваго въ Россіи международного археологическаго конгресса палъ на Москву и Москва дѣятельно принялась за осуществленіе выпавшей на нее нелегкой задачи. Для предварительныхъ работъ образовался комитетъ, во главѣ котораго стоятъ Его Импер. Высочество Великій Князь Сергій Александровичъ, а членами являются всѣ наиболѣе видные московскіе представители антропологии и археологіи, затѣмъ десятки близкихъ къ дѣлу лицъ во всѣхъ углахъ Россіи. Съ просьбой принять участіе въ его предварительныхъ работахъ, высказаться относительно выставкѣ и вопросамъ, подлежащихъ обсужденію, Комитетъ обратился къ важнѣйшимъ представителямъ европейской науки и встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ полное сочувствіе. На конгрессъ выразили готовность пріѣхать изъ Австро-Венгріи Ф. Гегеръ — ближайшій сотрудникъ извѣстнаго Гохштеттера, проф. Вольдрихъ, проф. Брудина (Загребъ), д-ръ Нидерле (Прага), проф. Вейдовскій (Прага), д-ръ Тёрёкъ (Будапештъ), изъ Англіи д-ръ Э. Мёнро (Эдинбургъ), изъ Бельгіи Камгеръ, президентъ Бельгійскаго Общества Палеоэтнологіи, проф. антропологии Хувэ (Брюссель), изъ Германіи д-ръ Гремплеръ (Бреславль), проф. Бещенбергеръ и Штида (Кенигсбергъ), д-ръ А. Фоссъ, директоръ до-историческаго отдѣла Берлинскаго Этнографическаго Музея, и представители Берлинскаго Этнографическаго и Антропологическаго Общества съ Р. Вирховомъ во главѣ, изъ Испаніи проф. Донъ-Жуанъ-Виланова (Мадридъ), изъ Италіи проф. Капеллини (Болонья), д-ръ Сомье (Флоренція), проф. Монтегачца (Флоренція), проф. Белуччи (Перуджія), проф. Николуччи (Неаполь), проф. Борсари (Неаполь), проф. Г. Гильоли (Флоренція), изъ Франціи г.г. д'Аси, де-Бай, Гами проф. Говелякъ (Парижъ), проф. Г. де-Мортилье (Парижъ), проф. Мануэрье (Парижъ), д-ръ Топинаръ (Парижъ), принцъ Роландъ Бонапартъ, маркизъ Надалякъ, проф. Казали де-Фондусъ (Монпелье), проф. Эмиль Шантръ (Лионъ), Г. Шове (Шаранта), изъ Швеціи извѣстный Монтелиусъ и Государственный Антикварій Гансъ Гильдебрандтъ.

Уже изъ этого перечня будущихъ иностранныхъ членовъ конгресса можно видѣть, что въ немъ примутъ участіе самыя крупныя дѣятели современной палеоэтнологіи. Нѣтъ сомнѣній, что число предполагаемыхъ участниковъ конгресса до 1 августа значительно увеличится. Судя по заявленіямъ и вопросамъ, съ которыми перечисленные ученые обратились къ комитету, слѣдуетъ ожидать, что на предстоящемъ конгрессѣ будутъ затронуты всѣ стоящія на очереди важнѣйшіе вопросы современной палеоэтнологіи и по большей части въ тѣхъ видахъ, чтобы воспользоваться русскими матеріалами. Извѣстный шведскій археологъ Гансъ Гильдебрандтъ ставитъ вопросъ о предполагаемомъ перерывѣ между палеолитическимъ и неолитическимъ періодами европейскаго каменнаго вѣка и выражаетъ надежду возстановить благодаря восточно-европейскимъ даннымъ отвергнутый на предыдущемъ конгрессѣ переходный періодъ, когда кремень употреблялся одновременно съ шлифованными орудіями. Французскій археологъ Густавъ Шове желаетъ воспользоваться рус-

скими данными для того, чтобы выяснить вопрос о томъ, до какой степени періоды, установленные для палеолитической эпохи во Франціи, могутъ служить общими хотя бы для Европы и Азіи, существуютъ-ли общія подраздѣленія періодовъ, приложимые къ обѣимъ частямъ свѣта, другими словами въ какой степени одинаково развивалось человѣчество въ теченіе каменнаго вѣка. Сравненіе палеолитическаго періода въ Россіи съ таковымъ-же во Франціи ставитъ въ число задачъ конгресса и извѣстный Мортилье. Переходя къ періодамъ, слѣдующимъ за палеолитическимъ, мы встрѣчаемъ поставленные тѣмъ-же Мортилье вопросы о происхожденіи нефритовыхъ орудій, о мѣстѣ, гдѣ началось въ Азіи употребленіе мѣди, и попутно — объ относительной древности сибирскихъ мѣдныхъ орудій, о путяхъ распространенія олова. Вопросы эти обѣщаютъ занять первое мѣсто на засѣданіяхъ конгресса: кромѣ Мортилье о мѣдномъ періодѣ предполагаютъ реферировать испанецъ Вилянова и итальянецъ Гильоли (распредѣленіе орудій, сдѣланныхъ изъ мѣди, у народовъ доисторическихъ и первобытныхъ). Гильоли, кромѣ того, выразилъ желаніе, чтобы на конгрессѣ сдѣлано было сообщеніе о каменномъ вѣкѣ въ Сибири. Проф. Штида считаетъ необходимымъ затронуть на конгрессѣ вопросы о курганахъ и каменныхъ бабахъ. Кромѣ перечисленныхъ вопросовъ будущіе члены конгресса намѣчаютъ рядъ другихъ, но они не имѣютъ отношенія къ Восточной Россіи и потому мы ихъ обходимъ.

Предположенная при конгрессѣ археологическая выставка также вызвала рядъ пожеланій и запросовъ со стороны иностранныхъ ученыхъ. Штида выражаетъ желаніе, чтобы на выставкѣ были собраны 1) всѣ модели, снимки и другіе предметы, относящіеся до кургановъ, 2) всѣ рисунки и сочиненія о курганахъ, 3) каменные бабы въ оригиналахъ и слѣпкахъ съ спискомъ изслѣдованій о нихъ. А. Фоссъ считаетъ желательнымъ, чтобы на выставку были доставлены черепа, сгруппированные по большимъ доисторическимъ эпохамъ и территориямъ съ найденными при нихъ вещами и обстановкой погребенія — въ особенности курганные.

Мы познакомились съ проэктами, надеждами и пожеланіями будущихъ ученыхъ гостей Москвы и Россіи. Что-же готовятъ для нихъ хозяева, русскіе и въ частности московскіе ученые? Въ Москвѣ отыскалась компанія господъ о профессіи которыхъ къ чести русской науки лучше было бы не говорить: господа эти съ усердіемъ достойнымъ лучшей цѣли стремятся подорвать кредитъ конгресса въ Россіи и за границей. Русскую публику они чрезъ «С.-Петербургскія Вѣдомости», ставшіе по странной случайности орудіемъ этого своеобразно-патріотическаго предпріятія, увѣряютъ, что съ конгрессами мы только осрамимся: изслѣдованій у насъ нѣтъ, въ музеяхъ показывать нечего. Для иностранцевъ исполняется другой N: «лучшіе (?)» русскіе ученые не сочувствуютъ конгрессамъ и не вѣрятъ въ ихъ успѣхъ; ѣхать въ Москву иностранцамъ, въ особенности нѣмецкимъ ученымъ опасно въ виду русской вражды къ нѣмцамъ и непріятностей, ожидающихъ этихъ послѣднихъ отъ демонстративныхъ симпатій къ французамъ. Былъ моментъ, когда эта позорная махинація пріобрѣла въ Германіи нѣкоторый кредитъ, но моментъ этотъ уже прошлъ и московскимъ «друзьямъ русской науки» придется съ огорченіемъ видѣть.

нѣмецкихъ ученыхъ на засѣданіяхъ конгресса. Нельзя ожидать, конечно, что Москва дастъ ученымъ гостямъ то, что предлагали Парижъ, Копенгагенъ и Стокгольмъ, но вѣдь на то они и главные центры европейской палеознотологии: успѣхомъ будетъ и то, если она не окажется ниже Будапешта, Лиссабона, а на это можно смѣло рассчитывать. Комитету заявленъ рядъ рефератовъ, которые обнимаютъ всѣ области русской археологии. Въ рефератахъ Никитина, Докучаева и Анучина будутъ обрисованы геологическія условія, при которыхъ появился въ Россіи человекъ и породы (расы) домашнихъ животныхъ, окружавшихъ первобытнаго человека. Каменному вѣку въ Россіи будутъ посвящены сообщенія гр. Уваровой, г. Передольскаго, бронзовому и желѣзному — гр. Уваровой (Кавказъ), г. Нефедова, Антоновича, курганамъ и каменнымъ бабамъ сообщенія Бранденбурга, Сизова, Богданова, Спицына, Общему вопросу о значеніи погребальнаго типа, какъ признака племени — рефераты В. Б. Антоновича и Бранденбурга.

Нѣтъ сомнѣнія, что ко времени открытія конгресса число рефератовъ увеличится. Исслѣдователи Восточной Россіи могли бы безъ особеннаго труда удовлетворить по нѣкоторымъ вопросамъ любознательность иностранныхъ гостей Москвы: таковы напр. вопросы Гильоли о каменномъ вѣкѣ въ Восточной Сибири (достаточно свести данныя, опубликованныя въ «Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Геогр. Общества»), объ употребленіи мѣдныхъ орудій (анализы и карта мѣстовахожденій этихъ орудій), вопросъ Мортілье объ относительной древности мѣдныхъ Сибирскихъ орудій. Важнѣе рефератовъ, можетъ быть, для иностранцевъ будетъ археологическая выставка при конгрессѣ — и сдѣлать ее возможно полной является теперь главной задачей всѣхъ, кому дѣйствительно дорога честь русской науки. Поволжье могло-бы прежде всего дать прекрасный матеріалъ для антропологическаго отдѣла выставки: у фотографовъ Казани, Оренбурга, Астрахани можно найти богатый запасъ т и п о в ъ мѣстныхъ инородцевъ — Башкиръ, Калмыковъ, Татаръ, Чувашь и т. д.; изъ музеевъ Казани, Саратова, Уфы, Астрахани, можно было доставить если не вещи, то по крайней мѣрѣ фотографическіе снимки (равумѣется т и п и ч е с к і е предметы того или другого музея). Еще болѣе богатый и интересный матеріалъ могли-бы доставить музеи Сибири. Можно и должно надѣяться, что Поволжье и Сибирь не останутся безучастными къ дѣлу, которое предпринято Москвой. Этого требуютъ ихъ собственные интересы: конгрессъ опредѣлитъ научную цѣнность однихъ вещей, создастъ спросъ на другія и можетъ послужить эрой, съ которой для нихъ установятся правильныя научныя сношенія съ Европой.

Л. Смирновъ.

МАТЕРІАЛЫ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ.

1.

Стихъ вельми полезный.

- Страшна есть смерть грѣшнику,
Праведника ненавидящу;
О люте смерть скоро душу вынимаетъ,
На судъ къ Богу посылаетъ.
5 И како мнѣ на одрѣ спати,
О себѣ Богу отвѣтъ дати?
И чѣмъ мнѣ оправдаться,
Егда Господь во гнѣвѣ явится?
Горе мнѣ скверному:
10 Работахъ богу невѣрному!
Горе мнѣ мытарю:
Самовольно зло творю!
Многогрѣшная душа,
Почто ты ко діаволу пошла?
15 Не видиши ли предъ собою,
Что діаволь роетъ подъ тобою?
О душе, на что ты обнадѣялася?
Не вѣдаси того,
На огнѣ быть каково:
20 Едва начнеши горѣть,
Непрестанно имаши ревѣть.
О душе! не боишися ты геенны,—
Упадешь сатанѣ въ колѣни;
Убойся чтиться здѣсь,—
25 Тебя діаволь зубомъ съѣстъ.
О душе! како я вниду въ царство,
Егда поведуть душу мою чрезъ мытарство!
Увы, увы, великая бѣда:

- Приходить ко мнѣ череда!
30 Не вѣмъ, будетъ когда,
Отсюда возьмутъ куда?
Боюсь страшнаго суда,
И гдѣ явлюся тогда?
Яко плоть моя немощна,
35 А душа моя вельми грѣшна.
Ты же, смерть, безобразна и страшна,
Внезапу ко мнѣ пришла,
Образомъ своимъ страшишь
И скоро ко мнѣ спѣшишь.
40 Сокровенная бо твоя коса и труба,
Много въ семь вѣцѣ тебѣ труда:
Понеже ты ходиши сама нага и боса,
А на плечѣ лежитъ коса;
Лютая смерть суха и худа,
45 А бѣжать отъ нея некуда;
Пребываетъ она во всякомъ дому,
А поймать ее некому;
Сама собою мала—
Всю вселенную обняла;
50 Не боится она стужи
И языкъ ея наружи;
Острая твоя оскорда
Не падитъ плоти оскорблѣй.
Тогда мнѣ, душе, будетъ худо,
55 Какъ смерть подрѣжетъ и растлитъ моя уды;
Аще я въ камени случусь,
И тутъ съ тѣломъ разлучусь;
Ни съ кѣмъ смерть не говоритъ,
А повелѣнная отъ Бога вся творитъ;
60 Ни дверью отъ нея затвориться,
Нечѣмъ отъ нея оборониться;
Входитъ она въ царскія палаты и хоромы,
Нѣсть отъ нея заборыны,
Не падитъ царскія короны;
65 Течеть скоро къ порогу,
Не заставитъ ей никто дорогу;
О, ясныя ея очи,
Не имутъ себѣ темныя ночи;
Аще шествую я въ путь,
70 Обряцетъ мя и тутъ;
И аще по морю плыву,
И тутъ съ нею бою не творю.
Горе мнѣ, грѣшному пѣяницѣ!

- Надъ піяницями діаволь похваляеться;
 75 Піяница проснулся,—
 Бѣсъ къ нему подвернулся;
 Самъ хлопочеть,
 Не еще ли де онъ вина хочеть;
 Пора тебѣ прохмеляться,
 -80 Къ сатанѣ, нашему дѣдушкѣ, убраться;
 А старикъ нашъ говоритъ:
 Хочешь горечью адскою напоить.

2.

К а н т ъ.

- ожіе нынѣ Рождество
 Соединяеть естество,
 Ангели славу возглашаютъ,
 На земли миръ возвѣщаютъ:
 5 Се бо дѣва раждаетъ,
 И утроба не истлѣваетъ,
 Непорочна пребываетъ.
 Пастыри пѣсни слышаху,
 До Виолеема течаху,
 10 Въ яслѣхъ Христа обрѣтоша,
 Къ рожденному припадоша.
 Мати при немъ сѣдѣше,
 Іосифъ все удовляше(?);
 Волъ и осель тамо сташа,
 15 Творца своего повнаша.
 Съ востока придоша тріе цари,
 Принесоша тріе дары:
 Ливанъ, кадило и злато,—
 Безсмертіемъ взяли за то.
 20 Съ востока звѣзда приде,
 Гдѣ родися Мессія,
 Надъ вертепомъ прямо стала,
 Тамъ Христа всѣмъ показала.—
 И мы ко Христу сближимся,
 25 Грѣховъ блюстися потщимся,
 Да будемъ съ Нимъ соединени,
 Во царство Его водворени!

3.

Стихъ молебный Богородицѣ.

- 1 Мати милосерда!
Ты еси ограда:
Отъ лютаго, злаго врага храниши мя всегда!
- 2 Онъ, лютый, рыкаеть,
Бѣдна мя хищаетъ;
Твоя помощь скоро, скоро отъ того избавляетъ.
- 3 На всякій часъ зову,
Въ немощи вопію,
Воплемъ крѣпкимъ тебе, тебе, чистая дѣво, молю.
- 4 Не вѣмъ азъ кончину,
Дня того годину,
Къ тебѣ, къ тебѣ, всѣхъ царице, очи мои выну.
- 5 Прошу тя, прещедру,
Матерь милосерду,
Гласъ мой услыши, плачь мой внуши, молю.
- 6 Руцѣ да воздѣну
Къ твоему сыну,
Мати, мати преблагая, ходатайствуй къ Нему.
- 7 Тебе, дѣво, молю,
Воплемъ крѣпкимъ зову,
Душу, сердце, въ воздыханіи преклоняю главу.
- 8 Тебе поютъ хоры,
Ангельски соборы,
Херувимы, серафимы, господства со престолы;
- 9 Тебе властей лики
Горнѣйшихъ силъ полки
И начала со ангелы хвалятъ тя во вѣки.
- 10 О, коль есть сильна
Пѣснь ихъ умильна,
Царице-владычице, слава ихъ премирна.
- 11 О царице вѣчна!
О слава превѣчна!
Тебе хвалятъ, тебе славятъ, хвальна буди вѣчно!
- 12 Всеи небесній дуси,
Превышнихъ силъ крузи,
Гласно поютъ, сладко зовутъ, поклонъ вѣчный дають.
- 13 И отъ земныхъ буди тебѣ
Поклонъ въ небѣ;
Въ скорбѣхъ, бѣдахъ и напастѣхъ утекаютъ къ тебѣ.

- 14 Моли о насъ слова,
Мати бо Христова,
О царица-владычица, въ помощь намъ готова!
- 15 Въ горнемъ царствѣ живешь,
Вѣчные дары даешь,
Бѣдныхъ, скорбныхъ, обидимыхъ въ утѣху ведешь.
- 16 Азъ, скорбный, молю,
Главу къ тебѣ клоню,
Всегда, всегда, госпоже всѣхъ, благодѣтель твою хвалю.
- 17 Въ слезномъ часѣ моемъ
Покрый кровомъ твоимъ,
Щигь, помощь и ограда вѣрнымъ рабомъ твоимъ,
- 18 Егда моя кончина
Будетъ ми причинна, —
Еще лѣта и години проси ми у сына!
- 19 Приклони ми уши,
Болѣзнь мою внуши,
Скорбный, слезный гласъ и плачевный скоро ми услыши!
- 20 Гдѣ ся азъ подѣну?
Кто поможетъ бѣдну?
Зѣльно, зѣльно сердцемъ болю отъ грѣховъ ми, вредну!
- 21 Нѣсть вѣчнаго въ свѣтѣ,
Аки въ сильномъ цвѣтѣ!
Лишенъ града и ограда, охъ, прелестный свѣте!
- 22 Подобно есть горю,
Бурнѣйшему морю,
Корабль носить и приносить волнами по нему.
- 23 Не глубина того,
Ни песокъ сего, —
Мои мя грѣси мнози въ бездну влекутъ всего.
- 24 Горько въ семъ свѣтѣ,
Пристанища нѣсть адѣ,
Волны злобы житейскія погружаютъ вездѣ.
- 25 Зѣло врагъ прельщаетъ,
Злобно онъ хищаетъ;
Не даждь, не даждь мене тому, да мя прельщаетъ.
- 26 Злобы лукъ напряже,
Яда стрѣлу разжже,
Въ мое сердце и утробу жало грѣха вонзе.
- 27 Отъ челюсти того,
Изъ гортани его
Исхити мя и спаси мя, ей, раба твоего!

- 28 Моли о мнѣ сына,
О мати предивна,
Украшена вѣчно въ солнце (?) и во святыхъ дивна!
- 29 О троическа слава,
Небесныхъ силъ глава!
Мати, мати, намъ царица и вѣчная хвала!
- 30 Вѣчный поклонъ тебѣ
Отъ всѣхъ святыхъ въ небѣ,
Авъ, скорбный и непотребный, въ помощь прошу тебе!
- 31 Приври своимъ окомъ,
Въ небеси широкомъ
Вѣчно живешь и царствуешь во вѣки вѣкомъ!

ЗАГОВОРЫ.

1.

о край моря стоитъ столпъ каменный, на томъ столпѣ святой великій Исая; и возмутися море и сташа на морѣ волны, и изыдоша двѣнадцать женъ простоволосыхъ, и вопросы ихъ святой великій Исая: что есте вы за жены?—«Мы жены трясавицы, вышли мучить родъ человѣческой: кто заутреню просыпаеть, въ среду и въ пятокъ блудъ творить и во дни богородицны нечистъ ходитъ, и того человѣка мы имамъ мучити довольно». — Святой великій Исая помолися Господу Богу, и посла Господь Богъ четырехъ евангелистовъ—Луку, Марка, Матвѣя и Иоанна Богослова, и они начали бить тѣхъ женъ дубцами желѣзными, и даша имъ по три тысячи разовъ и по три тысячи ударовъ. Онѣ же окаянницы возопиша: «Уже вы насъ не бейте, намъ милость свою покажите! въ коемъ градѣ или въ коемъ родѣ имена ваша прославляютъ, и того града и того рода мы за семь поприщъ и за три дня будемъ бѣгать». — И вопросыша ихъ святой великій Исая и четыре евангелиста: Что суть имена ваши? — «Имена наши суть: обыдея, блудея, ломота, харкота, хрипота, пухота, желтуха, глухота, сухота, трясея, невея, грѣта, и всѣмъ сестрамъ старѣйшая, что повелѣла отсѣди главу Иоанну предотечѣ». — Господи Исусе Христе, сыне божій! помилуй меня раба своего (или рабу свою) имя рекъ! слава отцу, и сыну, и святому духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь (трижды).

2.

вери дверьми, ворота воротами; стану я подъ избой подъ нижнимъ бревномъ. Стоять тутъ тридцать три бѣса, изъ нихъ есть хамеонъ(?). И заговорилъ онъ: Куда вы, братцы, задумали?—Мы задумали и загадали въ чистое поле огни запущать, рабу имя рекъ разжигать, чтобъ она обо мнѣ тосковала и гревала и съ трепетомъ ее кверху поднимало; былъ бы я лучше отца и матери и всего роду - племени, вольнаго свѣта и яснаго солнца. (Наговаривать три раза на свѣжіе яблоки и на второй сортъ и на вино простое).

3.

*Я*гу я не благословясь, встану я не перекрестясь; умываюсь я не водой и не росой, утираюсь я нешитымъ и непряденымъ, немытымъ и некатанымъ; пойду я изъ дверей не въ двери, а пойду изъ-подъ избнаго подлежня, пойду я въ ночную сторону; въ ночной сторонѣ черное море, въ черномъ море черная баня, въ той банѣ сѣладена печка ргинная(?) и дрова горять дубовыя и доска горить желѣзная; это не доска горить, а это горить тоска рабы имя рекъ. Пойду я отъ востока до запада; попался мнѣ навстрѣчу мамойла-сатана: Здравствуй, братъ меньшей, я буду тебѣ большой; сослужи ты мнѣ службу великую: дѣлай ты такой-то рабѣ имя рекъ сухоту, пусти въ мозгъ, и въ уши, и въ глаза, и подъ языкъ, въ сердце, въ чрево и въ подпятныя жилы. Слово — ключъ, языкъ—замокъ; пушу я ключъ въ окіянь-море, замечетъ его желтыми песками, никто не можетъ достать. (Проговорить три раза на всякую вещь, которую она можетъ принять).

(Изъ стариннаго рукописнаго сборника).

Сообщилъ А. Соколовъ.

КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМОДѢЙСТВІИ РУССКАГО И ИНОРОДЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

Обрусѣніе западно-сибирскихъ инородцевъ.

Въ своемъ отчетѣ объ экскурсіяхъ въ системѣ Абакана г. Клеменць сообщаетъ: «Проѣхавъ бродъ черезъ р. Тою, мы остановились на 2 часа въ улусѣ на ея берегу. Улусъ называется Усть-Челейскимъ, по р. Чели, впадающей въ Тею справа, а жителей улуса инородцы и русскіе крестятъ именемъ джарымъ-казактеръ, т. е. полуказаки, и они заслуживаютъ этого названія. Вѣроятно благодаря смѣшенію съ русскими они усвоили себѣ многія черты жизни послѣднихъ. Все населеніе отъ мала до велика говоритъ на 2-хъ языкахъ. По-русски они говорятъ лучше подгороднихъ минусинскихъ татаръ. Обыкновенно у инородцевъ женщины не говорятъ по-русски, если даже и знаютъ этотъ языкъ: это считается неприличнымъ. Такое правило этикета соблюдается строго до нелѣпости. Разъ мнѣ пришлось встрѣтить инородца, женатаго на природной русской казачкѣ, и она ни полслова не сказала со мной по-русски, а вмѣстѣ съ тѣмъ переводила своему мужу все, что я говорилъ, на татарскій языкъ. Разговоръ приходилось вести при помощи такого односторонняго, если такъ можно выразиться, перевода. Мои вопросы переводились по-татарски, хозяйнъ давалъ реплику на томъ же языкѣ, но хозяйка и не думала переводить ее по-русски, предоставляя мнѣ добираться до смысла сказаннаго, какъ я знаю, и только изрѣдка утвердительно и отрицательно киваніемъ головы давала знать, вѣрно или невѣрно я понимаю ея супругу. Здѣсь же у джарымъ-казактеръ, при входѣ въ юрту, хозяйка завела со мной бойкій разговоръ на русскомъ языкѣ, пересыпая его прибаутками и поговорками не хуже разбитной горожанки. Я думалъ, что она родомъ ка-

зачка, оказалось — чистѣйшей инородкой, сагайкой изъ рода Томнеръ. Обстановка жилищъ у джарымъ - казактеръ чисто инородческая. Типъ, очевидно, смѣшанный, — очень много бѣлокурыхъ, но приплюснутые носы и широкія скулы выдаютъ инородческую кровь. Костюмъ представляетъ дикую смѣсь русскаго съ инородческимъ. Женщины — и тѣ мѣняютъ свою традиціонную тюнику на мѣщанское женское платье съ гладкимъ лифомъ, застегивающимся на спинѣ на крючки, но характерный инородческой способъ повязывать голову платкомъ, завязывая концы на затылокъ, въ общемъ употребленіи. Этотъ улусъ единственный извѣстный мнѣ примѣръ такого тѣснаго смѣшенія двухъ культуръ. Близость русскихъ тутъ ни причемъ: около Минусинска и въ 2-хъ верстахъ отъ Таштыпа я видѣлъ инородческія поселенія, сохранившія въ чистотѣ свой первобытный обликъ. Къ сожалѣнію, я не могъ добиться свѣдѣній о происхожденіи населенія этого улуса и пробылъ въ немъ очень недолго, всего 2 часа». (Зап. З. С. Отдѣла И. Р. Г. Общ. Кн. XI).

2. «Стоящія на Яѣ село Шигарское съ деревнями Арышевой и Кисловой населены ясажными инородцами неизвѣстнаго происхожденія. Всѣ они говорятъ по-русски, занимаются земледѣліемъ и одѣваются какъ русскіе крестьяне. Помнившіе старыи народный языкъ столѣтніе старики одинъ за другимъ сошли въ могилу и теперь указываютъ только на одного, который знаетъ нѣсколько словъ своего родного языка. По объясненію одного инородца, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать, всѣ они одного улуса и раньше были татарами. Но ихъ выше средняго ростъ, характерное длинное лицо съ густой бородой, ихъ болѣе или менѣе правильный тонкій носъ съ узкимъ межглазничнымъ промежуткомъ, — не говорятъ ни за родство ихъ съ чистыми татарами, ни за родство съ извѣстными мнѣ остяками, точно также какъ русые волосы и каріе глаза, свойственные большинству изъ нихъ, еще не указываютъ на ихъ принадлежность къ финскому или татарскому племени. Эта народность, очевидно, представляетъ обрывокъ какаго-то невѣдомаго народа, смѣшавшагося ранѣе съ татарами-завоевателями, а позднѣе съ русскими переселенцами. Ни ихъ анатомическій типъ, ни ихъ языкъ, ни бытъ, ни вѣрованія, — ничто до сихъ поръ неизвѣстно, да въ цѣломъ едва ли и можетъ быть узнано, такъ какъ національный типъ сглаживается, бытъ мѣняется, древнія вѣрованія исчезаютъ, языкъ умираетъ...» (Сиб. Вѣст. 1891, № 85.).

БИБЛИОГРАФІЯ.

Труды IV Археологическаго Съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Кавани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Томъ II. Казань. 1891.

Труды бывшаго въ Кавани IV Археологическаго Съѣзда представляютъ крупный интересъ для всякаго изслѣдователя мѣстнаго края въ отношеніи археологическомъ, историческомъ и этнографическомъ. Съѣздъ 1877 г. представлялъ въ духовной жизни края моментъ значительнаго научнаго возбужденія. Къ нему готовились въ теченіе двухъ лѣтъ; вызванный имъ подъемъ научныхъ интересовъ держался и послѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Подъ влияніемъ Съѣзда возникло наше Общество Археологіи, Исторіи и Этнографіи, члены котораго въ теченіе четырехъ лѣтъ съ достойнымъ подражаніемъ усердіемъ вносили ежегодно высокую сравнительно членскую плату (10 руб. вмѣсто нынѣшнихъ пяти), посѣщали Общія Собранія, принимали въ мѣру своего разумнѣя участіе въ возникавшихъ преніяхъ, устраивали лекціи, выставки. Даже знаменитая своей апатіей каванская публика какъ будто почувствовала, что въ стремленіяхъ людей, начинавшихъ копаться въ мѣстной старинѣ, есть нѣчто нечуждое и для нея; она съ невиданнымъ позже усердіемъ посѣщала лекціи. Потомъ волна упала: и наше Общество, и публика занялись мелкими домашними дѣлишками и мало по малу прониклись убѣжденіемъ, что общаго между ихъ интересами ничего нѣтъ. Въ послѣдніе годы волна начала подниматься понемногу, но она далека еще отъ той высоты, на которой интересы небольшого кружка специалистовъ («диллетантовъ» — говорятъ иные) сообщаются большой публикѣ, захватываютъ широкіе круги.

«Труды» представляютъ собою такимъ образомъ документъ изъ эпохи подъема нашей научной мысли, и въ этомъ ихъ право на вниманіе публики. Съѣздъ, кромѣ поднятаго Д. А. Корсаковымъ общаго вопроса объ основаніи въ Кавани ученаго общества для изслѣдованія археологіи, исторіи и этнографіи Каванскаго края, ватронулъ длинный рядъ вопросовъ изъ области до-исторической археологіи, исторической географіи, исторіи и современнаго быта русскаго и инородческаго населенія въ Поволжьи.

Читатель можетъ убѣдиться въ этомъ изъ прилагаемаго въ концѣ настоящего выпуска «Ивѣстій» объявленія о «Трудахъ» съѣзда. Изъ ряда рефератовъ, помѣщенныхъ во второмъ томѣ, мы беремъ самый обширный и, безъ сомнѣнія, самый богатый новыми фактами рефератъ г. Гаврилова: о Вотьякахъ Мамадышскаго уѣзда. Въ 1877 г., когда рефератъ былъ доложенъ Съѣзду, онъ представлялъ капитальное явленіе въ литературѣ о Вотьякахъ: тогда кромѣ статей, разбросанныхъ въ «Вят. Губ. Вѣд.», была одна болѣе или менѣе крупная работа о Вотьякахъ — Островскаго. Редакція «Трудовъ», затянущи яданіе на 14 лѣтъ, уничтожила добрую половину научной цѣнности собраннаго Гавриловымъ матеріала: пока онъ лежалъ въ рукописи, вышелъ рядъ работъ о Вотьякахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ. Многими деталями рефератъ Гаврилова и въ настоящее время однако представляеть для этнографовъ интересъ и на эти-то детали мы предполагаемъ обратить вниманіе читателей.

Изъ списка божествъ, предлагаемаго на стр. 82, оказывается, что у Каванскихъ Вотьяковъ слово «Имаръ» приобрѣло такое-же нарицательное значеніе, какъ черемисское слово «юмо», означающее первоначально небо. Въ числѣ «имаровъ» и другихъ духовъ у Гаврилова фигурируютъ нѣсколько новыхъ («алякъ-и.», «каба-и.», чажжис).

Говоря о вож-шудахъ, Гавриловъ замѣчаетъ, что ихъ дѣйствию приписываются Вотьяками болѣзни и заболѣвшій по указанію ворожеца, идетъ умолюстить вож-шуда, пославшаго болѣвнъ,—но не достаточно ясно говорить, своему, родовому или чужому вож-шуду приписывается болѣзнетворное вліяніе. По пути Гавриловъ сообщаетъ любопытныя подробности относительно умолющенія дальняго вож-шуда.

Въ числѣ влхъ духовъ у Гаврилова фигурируютъ неивѣстные по другимъ исследователямъ пор-в о жо, бй воудис'-мынис', сіис' јуис' (последніе два, можетъ быть, эпитеты).

По поводу культа мудора или воршуда Гавриловъ говоритъ о закланіи въ куалѣ быка и тутъ-же даетъ любопытную подробность: «въ прежніе годы приносили въ жертву только телку... жертва эта приносилась за женщину (за каждую женщину 5 разъ въ продолженіе ея жизни—89)». Сообщение г. Гаврилова увеличиваетъ вѣроятность предположенія, что воршудъ представляетъ собою духа родоначальницы, основательницы дома. (Ср. наши «Вотьяки» стр. 140).

Отдѣлъ, носящій заголовокъ «Равсказы туночи», взятый въ связи съ фактами, изложенными на стр. 123, 124, представляеть интересъ по аналогіи вотьяцкаго шаманизма съ лопарскимъ: туночи Мамадышскихъ Вотьяковъ живо напоминають лопарскихъ нойдовъ.

На стр. 93—94 слѣдуетъ отмѣтить указаніе на обычай во время семейныхъ моленій выносить жертвенныя яства на дворъ группами въ 5—7 человекъ.

Въ равскавѣ о моленіи въ куалѣ во время правника «балвымъ акашка» встрѣчается деталь, проливающая свѣтъ на вотьяцкія представленія о воршудѣ: въ переднемъ углу за столомъ, уставленнымъ жертвенными яствами, кладется на лавку подушка (предназначаящаяся, конечно, для воршуда 94). Если мы

вспомнимъ обычай Черемисъ и Мордвы класть за столъ во время поминокъ подушку для чествуемаго усопшаго, то связь между вож-шудомъ и духомъ родоначальницы или родоначальника приобрѣтеть новую вѣроятность.

На стр. 110—111 интересъ новизны представляетъ извѣстія объ осеннемъ жертвоприношеніи на пашнѣ (овцы, пѣтуха).

На стр. 111—114 любопытны извѣстія о «лудахъ».

Въ параграфѣ «похороны» г. Гавриловъ сообщаетъ никѣмъ инымъ не констатированное у Вотьяковъ вѣрованіе, что смерть рѣжетъ человѣка (118). Говоря о культѣ усопшихъ, авторъ отмѣчаетъ обычай становиться при поминовеніи ихъ лицомъ на С. и туда-же обращать головой жертвенное животное.

На стр. 124 сообщается повѣрье, увеличивающее извѣстное уже число воспоминаній о первобытномъ каннибализмѣ у Вотьяковъ: «чтобы избѣжать порчи извѣстнаго вѣдуна, слѣдуетъ поймать его, бить до того, чтобы потекла кровь, и выпить нѣсколько капель этой крови».

На стр. 139 сообщается извѣстіе о духѣ-хранителѣ ребенка «нунь-кылчинъ». Параграфъ «мудоръ с'уанъ», трактующій объ обрядахъ, съ которыми соединено основаніе новаго очага, представляетъ нѣсколько деталей, дополняющихъ извѣстія объ этомъ предметѣ г. Богаевского («Этн. Обзор.» V, 82).

На стр. 142—143 подъ заголовками «Оромъ» и «Дусымъ» сообщается о видахъ условнаго родства, имѣющаго мѣсто у Мамадышскихъ Вотьяковъ (нѣчто въ родѣ побратимства и посестримства).

Интересъ новизны представляетъ бѣльшая часть повѣрій, излагаемыхъ на послѣднихъ страницахъ реферата. Повѣрья частію вносятъ новый матеріалъ для уясненія констатированныхъ уже фактовъ, частію намѣчаютъ новые вопросы для изслѣдованія. Отмѣтимъ одно повѣріе послѣдней категоріи: если воронъ пролетитъ, крича надъ головой, на Сѣверъ, то это не къ добру. Оно имѣетъ несомнѣнную связь съ обычаемъ становиться лицомъ къ С. при поминовеніи усопшихъ и вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ даетъ ключъ къ объясненію обычая Вотьяковъ — и кажется восточныхъ Финновъ вообще — класть покойниковъ въ могилѣ головой на С.

Повѣріе, въ силу котораго человѣкъ, становящійся во время грозы подъ дерево, долженъ предварительно ранить его, представляетъ въ связи съ другимъ, по которому шайтанъ во время грозы прячется отъ инмара въ деревья, прекрасный матеріалъ для уясненія вотьяцкихъ возрѣвій на природу духовъ.

Отмѣтимъ въ заключеніе нѣсколько неточностей. Г. Гавриловъ въ числѣ вотьяцкихъ божествъ упоминаетъ «осто инмара». Особого божества съ такимъ именемъ нѣтъ; слово «остъ (+кѣсма)» представляетъ остатокъ древняго-молитвеннаго обращенія къ Инмару и представляетъ собою по формѣ и ударенію повелительное наклоненіе позабытаго въ настоящее время глагола. По поводу «каба инмара» г. Гавриловъ говоритъ, что «каба — непонятное слово»; справившись въ литературѣ, онъ могъ-бы узнать, что «каба» есть заимствованное татарское слово для обозначенія судьбы, доли. Въ ряду вѣдмъ духовъ мы встрѣчаемъ «ибыр'а» — по толкованію г. Гаврилова это имя означаетъ вѣдму; на самомъ дѣлѣ «ибыр (въ др. м. убир) означаетъ колдуна-вампира; эпитетами этого «ибыр'а» являются слова «сіс' јуис'», изъ которыхъ

г. Гавриловъ сдѣлалъ особаго духа. Въ передачѣ вотяцкихъ словъ встрѣчаются опечатки: на стр. 85 «нюлэе-кужо» вм. «нюлэс-кужо», на стр. 137 «винь корка» вм. «виль корка», на стр. 139 «таньѣ» вм. «такьѣ».

И. Смирновъ.

Munkácsi Bernát. Votják Szótár. Etső füzet. Budapest. 1890.
(Мункачи Бернгардъ. Вотяцкій Словарь. Вып. 1).

О сихъ поръ въ печати былъ извѣстенъ одинъ только вотяцкій словарь, составляющій приложение къ вырянско-нѣмецкому словарю Видемана (стр. 461—561). Трудъ мадыарскаго ученаго представляетъ собою первый опытъ научнаго словаря вотяцкаго языка. Г. Мункачи самъ посѣтилъ въ 1884 г. вотяцкій край и ознакомился со всѣми доступными для иностранца работами о Вотякахъ (изъ русскихъ работъ онъ цитируетъ Верещагина, Гаврилова, Кошурникова, Потанина и нашихъ «Вотяковъ»). Рядомъ съ каждымъ вотяцкимъ словомъ помѣщаетъ его переводъ сначала на мадыарскій, потомъ на нѣмецкій языкъ; для многихъ словъ, записанныхъ самимъ составителемъ словаря, имѣются еще русскія слова, которыми ему переводили ихъ Вотяки. Послѣ значеній того или другого слова слѣдуетъ рядъ выраженій, въ которыхъ оно употребляется, съ указаніемъ источника заимствованія; въ нѣкоторыхъ случаяхъ рядъ такихъ выраженій занимаетъ страницу и даже болѣе. Уже эти особенности начатаго г. Мункачи словаря дѣлаютъ его цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ литературѣ финновѣдѣнія. Его достоинство увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что г. Мункачи выдѣляетъ слова, заимствованныя Вотяками, и указываетъ источникъ заимствованія то въ татарскомъ, то въ арабскомъ и персидскомъ языкахъ, изъ которыхъ они проникли черезъ татарскій, а можетъ быть и черезъ древній болгарскій. Подготовительныя работы въ этомъ направленіи составитель началъ еще передъ своей поѣздкой въ Россію.

Цѣнный для лингвиста словарь г. Мункачи будетъ, конечно, со временемъ необходимымъ пособіемъ и для историка культуры восточныхъ Финновъ: извѣстно, что исторія развитія значенія того или другого слова даетъ матеріалъ для исторіи обозначаемаго этимъ словомъ явленія. Какъ образчикъ того матеріала, который можетъ извлечь изъ словаря г. Мункачи историкъ, мы приведемъ статью, относящуюся къ слову *kaq*. Общераспространенное значеніе *kaq* — городъ, городище. Въ виду обилія каровъ въ вотяцкомъ краѣ можно построить очень фантастическія соображенія относительно древней культуры Вотяковъ; но обратимся къ тѣмъ значеніямъ слова, которыя даетъ намъ г. Мункачи, и къ тѣмъ комбинаціямъ, въ которыхъ оно встрѣчается—*kuzili-kaq*=муравейникъ, *sig-kaq*=мышья норка, *repes-kaq*=собачья конура — и *kaq* окажется, подобно зап. фин. *lippa*, словомъ, обозначающимъ первоначально всякое жилище.

По отношенію къ нѣкоторымъ культурнымъ словамъ можно было-бы пожелать большей полноты въ указаній значеній:

a z b a g переведено — дворъ; значитъ кромѣ того околodокъ, совокупность построекъ, занятыхъ однимъ родомъ;

I n- v o z o переведено—метеоръ; значить еще—душа колдуна или мертвеца, летающая въ такомъ видѣ къ живымъ;

I p m a g- m i z переведено—притязаніе бога на обѣщанную, но не принесенную жертву; значить собственно кара (miz), насылаемая богомъ или усопшими за неисполненіе обѣта (ср. Пермьки);

U b i r переведено—злой духъ; значить духъ мертвеца (въ част. колдуна), пьющій изъ живыхъ кровь, вампиръ;

u g t переведено—душа, духъ усопшаго, привидѣніе; значить еще вообще духъ; йу-уртъ (Уф.)—хлѣбный духъ;

k a g t переведено—мужъ; значить еще старикъ, глава семьи, жрецъ.

И. Смирновъ.

Д. А. Корсаковъ. Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка.
Казань. 1891 г.

Книга проф. Д. А. Корсакова представляетъ, безспорно, выдающееся явленіе въ русской исторической литературѣ за прошлый годъ. Хотя это—сборникъ характеристикъ, біографическихъ очерковъ и эпизодовъ изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII в., хотя собранныя здѣсь статьи печатались раньше въ спеціально-историческихъ изданіяхъ, но вслѣдствіе того что теперь эти статьи частью переработаны, частью исправлены и размѣщены не по времени ихъ появленія въ печати, а по хронологической послѣдовательности важнѣйшихъ событій изъ жизни описываемыхъ лицъ, — она представляетъ интересъ новизны. Содержаніе ея слѣдующее: 1) Н. А. Кудрявцевъ и его потомство; 2) кн. И. А. Долгорукой—фаворитъ и оберкамергеръ Петра II (1708—1739); 3) кн. Н. Б. Долгорукая (1714—71); 4) кн. С. Г. Долгорукой и его семья въ ссылкѣ, въ Ренбургѣ, съ 1730 по 1735 г.г.; 5) ссылка кн. В. Л. Долгорукаго въ с. Знаменское (1730 г.); 6) судъ надъ кн. Д. М. Голицынымъ (1736—1737 г.г.); 7) А. П. Волявскій и его «конфиденты» (1689—1740 г.г.); 8) В. Н. Татищевъ (1686—1750 г.г.); 9) нѣкоторые изъ сторонниковъ воцаренія Екатерины II (1757—1762 г.г.). Въ концѣ помѣщены три рецензіи на сочиненія: М. И. Семеваго — «Царица Прасковья» и «Царица Екатерина Алексѣевна, Анна и Виліимъ Монсъ» и Д. О. Кобеко—«Царевичъ Павелъ Петровичъ».

Сборникъ начинается статьей, которая имѣетъ значеніе для мѣстной исторіи, къ слову сказать—разработанной еще весьма мало; на нее-то мы и обращаемъ вниманіе нашихъ читателей. Очеркъ о родѣ Кудрявцевыхъ даетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ Казанской исторіи, такъ какъ фамилія Кудрявцевыхъ играла видную роль въ мѣстной администраціи и общественной жизни. Кудрявцевы не принадлежатъ къ числу «родословныхъ» русскихъ фамилій; они вышли изъ слоя среднеслужилыхъ людей Московскаго государства. Никита Алферовичъ Кудрявцевъ, сынъ костромскаго дворянина, началъ службу жильцомъ и участвовалъ въ азовскихъ походахъ Петра В. Въ 1697 г. онъ былъ назначенъ вторымъ воеводою въ Казань. Интересенъ наказъ, данный Петромъ кн. Львову (первому воеводѣ) и Кудрявцеву: уже въ этомъ наказѣ

царь обращаетъ вниманіе на сохраненіе дубовыхъ лѣсовъ въ Казанской губерніи. Далѣе наказъ говоритъ о положеніи въ краѣ инородцевъ: Татаръ, Чувашъ, Черемисъ, Мордвы и Вотяковъ, бывшихъ въ то время еще опасными воинственными врагами русской власти; о иновемцахъ, поселенныхъ въ краѣ и находившихся тамъ на службѣ. Изъ этого же наказа мы узнаемъ, что въ самой Казани и въ ея окрестностяхъ еще въ 1653 г. начато мѣдное рудоконное дѣло; но къ концу XVII ст. казанскіе рудники уже истощились, а поэтому Кудрявцевъ обратилъ вниманіе на разработку мѣдной руды въ Кунгурѣ.

На другой годъ службы въ Казани Никита Алферовичъ остается здѣсь воеводою одинъ. Дѣятельность его была направлена на то, чтобы сплавлять лѣсъ Волгой и Дономъ въ Азовъ; тягло по вырубкѣ и сплаву лѣса несли мѣстные инородцы и дворцовые крестьяне. Въ то-же время воевода обязанъ былъ отправлять рабочихъ въ Ингрію для постройки Петербурга, набирать людей и лошадей въ драгунскіе полки и исполнять массу мелочныхъ порученій царя, въ родѣ освидѣтельствванія вѣса всѣхъ церковныхъ колоколовъ Казани и ея окрестностей, что вызвано было необходимостью пополнить артиллерію для войны съ Карломъ XII. За усердную службу Кудрявцевъ былъ награжденъ помѣстной землей въ Казанскомъ и Свѣжскомъ уѣздахъ въ размѣрѣ 4½ т. десятинъ.

Съ 1705 по 1709 г.г. наступаетъ для Казанскаго края смутное время, причинившее Петру В. столь много заботъ; это — астраханскій и башкирскій бунты. Благодаря нетактичнымъ распоряженіямъ Б. П. Шереметьева, посланнаго съ войскомъ на востокъ изъ Лифляндіи, башкирскій бунтъ разгорѣлся до того, что скопища бунтовщиковъ появились въ 30 верстахъ отъ Казани. Волненіе было временно потушено. Петръ В. остался недоволенъ Кудрявцевымъ, приписавъ его нерадѣнію злоупотребленія уфимскихъ воеводъ, вызвавшихъ безпорядки, и слѣдаль Кудрявцеву выговоръ.

Въ 1708 г. была учреждена обширная Казанская губернія, въ предѣлы которой вошли всѣ низовые города и Башкирія. Первымъ губернаторомъ въ Казани былъ околицничій Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Какъ понималъ этотъ новый администраторъ свои обязанности, это лучше всего видно изъ слѣд. факта. Въ 1711 г. Апраксинъ отправился въ походъ за Кубань. Не зная, кому поручить дѣла въ свое отсутствіе, онъ сильно печалился. Наконецъ, будучи уже въ Царицынѣ, губернаторъ вспомнилъ о своемъ четырехмѣсячномъ сынѣ и послалъ въ Казань указъ, что оставляетъ этого сына своимъ намѣстникомъ, а по малолѣтству его опредѣлялъ къ нему своихъ старыхъ слугъ, которымъ и приказалъ именемъ сына справлять всякія дѣла. Указъ онъ приказалъ прочесть при собраніи казанскихъ жителей въ публичномъ мѣстѣ въ присутствіи сына, котораго велѣлъ пріятномъ держать подъ олѣяломъ. По возвращеніи изъ похода Апраксинъ приказалъ мамкѣ вынести своего сына предъ собравшимися именитыми гражданами и публично благодарилъ его за мудрыя распоряженія. Это не анекдотъ, а фактъ, занесенный въ оффиціальнй документъ: «Послужной списокъ Кубанскаго походу». Итакъ, Казань имѣла въ числѣ своихъ губернаторовъ четырехмѣсячнаго ребенка!

Между тѣмъ Кудрявцевъ по прежнему оставался комендантомъ Казани. Въ 1712 г. онъ былъ назначенъ главновѣдующимъ корабельными лѣсами во

всемъ Поволжья, отъ устья р. Оки до Каспія. Въ 1714 г. онъ назначается вице-губернаторомъ, каковымъ и состоитъ до 1726 г. За это время его дѣятельность весьма обширна и разнообразна. Онъ заготавливаетъ лѣсъ и отправляетъ его вверхъ по Волгѣ до Твери, чтобы оттуда переправить въ Петербургъ. Съ 1818 г., когда было основано въ Казани адмиралтейство, Кудрявцевъ является главнымъ кораблестроителемъ. Подъ его наблюденіемъ, по подробнымъ инструкціямъ Петра В., строятся, «рейс-шифъ» или расшивы, какъ ихъ переименовалъ народъ, и «гортгоуты», предназначенные для преслѣдованія «удалыхъ добрыхъ молодцевъ понизовой вольницы». Кудрявцевъ же долженъ былъ заготавливать въ Казани до 15 т. пудовъ соленого мяса для російскаго флота. Въ послѣднее время своей службы Кудрявцевъ по дряхлости уже не могъ энергично исполнять всѣ свои обязанности и незадолго до смерти (13 февраля 1728 г.) за неисполненіе предписаній Верховнаго тайнаго совѣта былъ подвергнутъ штрафу въ 500 руб.

Изъ дѣтей Никиты Алферовича младшій сынъ Меѳодій, въ просторѣчїи Нефедъ, дослужившійся до чина полковника, въ 1727 г. былъ назначенъ на мѣсто отца вице-губернаторомъ въ Казань. Онъ не сошелся съ Арт. П. Волинскимъ, бывшимъ съ 1728 г. вторично казанскимъ губернаторомъ, и много способствовалъ къ раскрытію злоупотребленій по вымогательству Волинскимъ денегъ у мѣстныхъ инородцевъ. Въ 1740 г. онъ вышелъ въ отставку и сталъ проживать частью въ г. Казани, частью въ с. Каймарахъ, гдѣ построилъ церковь (еще въ 1723 г.). Названія К а й м а р а хъ и Б а й т е р я к о в о (другое имѣніе Кудрявцева) наводятъ автора на размышленія о колонизаціи русскими Казанскаго края. Въ 1767 г. произошла въ Казани встрѣча «Семирамиды сѣвера» съ 90 лѣтнимъ Нефедомъ Ивановичемъ, а въ 1774 г. онъ былъ убитъ въ казанскомъ монастырѣ пугачевцами. Въ слѣд. двухъ (7 и 8) главахъ первой статьи авторъ говоритъ о фамиліи Нармацкихъ, состоявшихъ въ родственныхъ связяхъ съ Кудрявцевыми. Весьма любопытны свѣдѣнія объ Андрѣ Петровичѣ Норматкомъ, самоуправство котораго дошло до того, что изъ своего с. Шурана онъ занимался разбоемъ и грабежомъ на р. Камѣ. Сынъ этого Норматкаго Петръ, кончившій курсъ въ казанской гимназіи вмѣстѣ съ Державинимъ, отличался совсѣмъ инымъ характеромъ. Онъ былъ весьма религиозенъ и возмущался помѣщичьимъ произволомъ надъ крѣпостными крестьянами, скорбѣлъ за нихъ душою, объяснялъ имъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными, и мечталъ объ освобожденіи своихъ крѣпостныхъ-Дворяне Казанской губерніи подали Екаѳеринѣ II прошеніе о «сумасбродныхъ» намѣреніяхъ Нармацкаго. За свои идеи о христіанской любви къ ближнему въ примѣненіи ихъ къ крестьянству Петръ Андреевичъ былъ признанъ сумасшедшимъ и оставленъ на жительство въ Нижнемѣ, гдѣ и умеръ.

Слѣдующія главы посвящены другимъ родственникамъ Кудрявцевыхъ—Татищевымъ, Пакаевымъ, Давыдовымъ, Боратынскимъ. Повѣствованіе вкратцѣ доведено до 70-хъ р.г. XIX столѣтія. Здѣсь выводятся шесть поколѣній, представители которыхъ въ теченіе двухъ столѣтій подвизались на самыхъ разнообразныхъ общественныхъ поприщахъ: судостроитель и администраторы смѣняются поэтами. На этихъ лицахъ отражаются общія русскія событія и идеи

вѣка отъ Петра В. до Николая I, огражаются—правда—не полно и не ясно—но такова участь всѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ личностей, не возвышающихся надъ общимъ уровнемъ современнаго имъ умственнаго развитія».

Живо написанная, богатая бытовыми картинами книга проф. Корсакова читается съ живымъ интересомъ. Излагая историческіе и бытовые факты прошлаго вѣка, она даетъ полезную пищу уму. Сравнивая прошлое съ настоящимъ, читатель можетъ подмѣтить, что современная жизнь, при всѣхъ ея недостаткахъ, содержитъ въ себѣ всетаки болѣе элементовъ добра и справедливости чѣмъ прошлая, и что отъ направленія нашей дѣятельности зависитъ лучшее будущее.

М. Пинъ.

Медоксъ. Иностранцы въ Поволжьи. Саратовъ. 1892.

Изданіе г. Медокса (мы затрудняемся назвать книгой или брошюрой довольно изящную типографическую имитацию нашихъ старинныхъ «столбцовъ») заслуживаетъ вниманія какъ симптомъ заражающихся въ провинціи научныхъ интересовъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ Саратовѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ основалась Архивная Коммиссія, обывателей стали занимать больше чѣмъ прежде вопросы о народахъ, которые владѣли низовымъ Поволжьемъ до появленія въ немъ Русскихъ. Раньше другихъ на этомъ поприщѣ выступилъ г. Чекалинъ; въ 1890 г. дебютировалъ г. Красnodубровскій; въ 1892 г. мы видимъ наконецъ г. Медокса. Въ свиткѣ, который онъ предлагаетъ читателямъ, изложены сообщенія о томъ, кто были Гунны, съ какими изъ существующихъ инородческихъ племенъ оказываются въ родствѣ древніе Буртасы, Половцы, Булгары и т. д.

Г. Медоксъ — диллетантъ чистой крови. Онъ, видимо, много читалъ, немало возился съ словарями разныхъ русскихъ инородцевъ, но, какъ это зачастую бываетъ съ любителями, ему не хватаетъ школы, критики, метода. Онъ не чувствуетъ разницы между случайной и органической связью фактовъ, не признаетъ логическихъ отгѣнковъ въ сужденіяхъ о вещахъ и высказываетъ увѣреннымъ тономъ самыя сомнительныя соображенія. Мы найдемъ эти черты въ каждой изъ рубрикъ его свитка. Возьмемъ рубрику «Гунны». Изложивши на основаніи китайскихъ лѣтописей на нѣсколькихъ десяткахъ строкъ исторію Гунновъ, г. Медоксъ рѣшаетъ, что Гунны были предками нынѣшнихъ Бурятъ: какъ Буряты, они были узкоглазы, имѣли большую голову, сплюснутый носъ и желтую кожу; кромѣ того они носили имя, которымъ Буряты называютъ себя до сихъ поръ (хунъ). Последнее замѣчаніе во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія; но если дѣло стоитъ такъ, то почему г. Медоксъ считаетъ Гунновъ Финнами? Вѣдь между современными Бурятами и Финнами нѣтъ ничего общаго.

Подъ рубрикой «Буртасы» мы узнаемъ, что и этотъ загадочный народъ приходится сродни Бурятамъ. Доказательства этого родства г. Медоксъ видитъ въ мѣстныхъ названіяхъ Саратовской губерніи: въ Саратовскомъ уѣздѣ есть село Юнгерово; въ Бурятскомъ языкѣ юнг значитъ что, гер—домъ. Мы

не будемъ настаивать на томъ общеизвѣстномъ пунктѣ, что во всѣхъ языкахъ мѣстныхъ названія имѣютъ опредѣленное строеніе и, главное, смыслъ, а въ названіи деревни «что домъ» смысла не усматривается; но что будетъ съ Бургасами, если по справкѣ окажется, что Юнгерово называется по имени стараго помѣщика, который носилъ нѣмецкую фамилію Junger? Относительно истолкованія изъ бурятскаго языка другихъ мѣстныхъ названій: (р. Иделга || бур. иделга—пить, Манговина || бур. мангун—деньги, р. Коломонтай || бур. коалтай — жаркая) мы бы посоветовали г. Медоксу одно: пусть онъ найдетъ сначала на громадномъ пространствѣ Россіи хоть одну рѣку, которая бы называлась русскими словами: пить, деньги.

Подъ рубрикой «Башкиры» г. Медоксъ сообщаетъ, что Башкиры представляютъ собою потомковъ Половцевъ: у Половцевъ былъ ханъ Башкуртъ, въ Саратовской губерніи есть рѣчка Карагужа, а по башкирски Карагай значитъ дѣсь. Sarpienti sat. Саратовскій изслѣдователь не считаетъ нужнымъ приводить другихъ доказательствъ и спѣшить, хотя не совѣмъ кстати, сообщить сенсационную новость: «при сравненіи цѣлой сотни языковъ Европейскихъ и Азіатскихъ близкаго сходства какаго либо изъ нихъ съ черемисскимъ не замѣчено (къмъ?)». Нужно думать, что не только въ Саратовѣ, но даже въ Дубовкѣ эта новость будетъ встрѣчена съ недовѣріемъ: вѣроятно и тамъ слышали хоть бы о родствѣ Черемисъ съ Мордвой.

Въ рубрикѣ «Булгары» сообщается, что этотъ народъ—одно и тоже съ сибирскими Б е л ь т и р а м и: Булгары назывались у восточныхъ писателей Б и л ь я р ь. Was willst du noch mehr?

Въ рубрикѣ «Чуваши» устанавливается тожество Чуваши съ Якутами: въ Забайкальской области есть хребетъ «Чуваченскій», въ Колымскомъ округѣ живетъ вѣтъ Якутовъ «Чуванцы», въ Тобольской губерніи есть «Чувашское» городище; Чуваши пришли въ Россію, стало быть, изъ Забайкалья чрезъ Тобольскую губернію—«какъ разъ по направленію утвержденной Сибирской желѣзной дороги!»

Фактовъ, которые мы привели, достаточно для того, чтобы составить представленіе о научной цѣнности «свитка» г. Медокса. Новаго въ науку онъ, конечно, ничего не вноситъ; въ немъ нѣтъ даже обстоятельнаго, безпретенціознаго свода извѣстныхъ вещей, за который автора могъ-бы поблагодарить какойнибудь начинающій мѣстный изслѣдователь.

Такія вещи интересны только для тѣхъ, кто интересуется исторіей духовнаго развитія края. Онѣ — *malum necessarium*, признакъ, по которому можно догадываться, что историческіе интересы начинаютъ прививаться въ извѣстныхъ общественныхъ слояхъ. Теоріи и гипотезы любителей, конечно, очень скоро забудутся, но тотъ духовный интересъ, который вызываетъ ихъ, не останется безъ вліянія на общество; пройдутъ годы — и саратовскіе обыватели выучатся научно обращаться съ фактами; тогда ученые грѣхи г. Медокса забудутся и въ памяти останется только то, что онъ зналъ другія слова «кромѣ «роббера», «шлема» и «коронки».

В. Смирновъ.

Булячъ: Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета, т. 2.

Булячъ давно занимается изученіемъ далекаго прошлаго Казанскаго Университета; онъ уже выпустилъ въ свѣтъ два объемистыхъ тома своихъ «разсказовъ» «по архивнымъ документамъ». Не смотря однако на то, что эти книги заслуживаютъ серьезнаго вниманія, мы въ періодической прессѣ не встрѣтили ихъ надлежащей оцѣнки. Кромѣ статьи г. Пыпина о первомъ томѣ (въ Вѣстникѣ Европы), мы не знаемъ ничего, что выходило бы изъ уровня поверхностной замѣтки; въ виду этого мы и остановимся на 2-мъ томѣ настолько подробно, чтобы у читателя не осталось сомнѣнія на счетъ истинныхъ достоинствъ «разсказовъ» о Казанскомъ Университетѣ. Выдающийся и новый во 2-мъ томѣ предметъ — старинное казанское студенчество. Предметъ, разумѣется, очень интересный и достойный обстоятельнаго изученія. Но прежде всякаго изученія изслѣдователь обыкновенно ставитъ самому себѣ вопросъ: какіе источники положить въ основу изученія? Выборомъ источниковъ и умѣнемъ ими воспользоваться и опредѣляется изслѣдовательская правоспособность.

Г. Булячъ вообще любитъ пользоваться источниками «судебными».

«Нельзя, говоритъ онъ, не порадоваться тому обстоятельству, что студенты Казанскаго Университета были подчинены университетскому суду... Не такъ счастливъ будетъ тотъ, кто захотѣлъ бы ближе, по источникамъ и документамъ (?), узнать жизнь, нравы и обычаи современной университетской молодежи, которая внѣ университета за нарушеніе не формальныхъ университетскихъ правилъ, а общіхъ законовъ и постановленій, подчинена общему суду. Источники для изслѣдованія подобнаго рода придется искать въ архивахъ мировыхъ судей или Окружнаго Суда» (стр. 125). Итакъ, г. Булячъ убѣжденъ, что «жизнь, нравы и обычаи» студенчества можно обрисовать на основаніи «дѣлъ» о разнаго рода «нарушеніяхъ» благопристойности. Онъ такъ и поступаетъ, изображая, впрочемъ, и профессорскую «жизнь» на основаніи официальныхъ «донесеній» болѣе или менѣе пикантнаго свойства. Но г. Булячу мало однихъ официальныхъ «источниковъ», т. е. канцелярскихъ бумагъ, сообщающихъ болѣе или менѣе провѣренныя, хотя и исключительные эпизоды; нашъ авторъ не брезгаетъ и такимъ «источникомъ», показанія котораго не могутъ подлежать провѣркѣ; это — «книга о поведеніи», или дневникъ, веденный инспекторомъ Боннеромъ лично для себя, книга, куда, какъ и самое заглавіе ея показываетъ, инспекторъ для собственнаго назиданія заносилъ свои наблюденія надъ нравственностью студентовъ; на основаніи такого-то мутнаго источника, въ которомъ скорѣе отразилась физіономія автора дневника, чѣмъ студенческіе «нравы и обычаи», г. Булячъ и дѣлаетъ рѣшительный и огульный отзывъ о нравственной и умственной жизни стараго казанскаго студенчества. Въ отзывѣ слышится все то, что г. Булячъ нашелъ въ своихъ судебныхъ документахъ, какъ официальныхъ, такъ особенно любительскомъ кондуитѣ инспектора. «Изъ этой юной сферы (студенчества), говоритъ почтенный историкъ Казанскаго Университета, «вѣтъ гнилымъ и затхлымъ воздухомъ. Глубокая испорченность свидѣтельствуется не о юности...» (стр. 209).

Г-нъ Буличъ такъ увлеченъ своимъ «источникомъ», что, будучи специалистомъ по русской словесности, на этотъ разъ не хочетъ помнить, напр., объ Аксаковѣ, вышедшемъ изъ этой самой «гнилой сферы», чловѣкъ, какъ извѣстно, весьма симпатичномъ и высокой нравственности

Воспоминанія С. Т. Аксакова о Казанскомъ Университетѣ всѣмъ извѣстны, почему и нѣтъ нужды распространяться о томъ, что отзывъ г. Булича о старомъ казанскомъ студенчествѣ ложенъ въ самомъ своемъ основаніи; показанія современника, правдивость и искренность котораго создали ему славу, приводятъ всякаго безпристрастнаго наблюдателя къ заключенію, что, если въ первые годы Казанскаго Университета его питомцы и не блистали ученостью и даже, можетъ быть, достаточной грамотностью, то все же это былъ въ общемъ свѣжій и хорошій народъ, увлекавшійся не только кутежами, но и литературой, и искусствомъ. Занятый усиленно фактами одного порядка, исключительно скандальнаго свойства, г. Буличъ и въ своихъ то бумагахъ не замѣчаетъ того, что дало бы ему возможность изобразить старинное студенчество и вообще состояніе Университета въ первые годы не въ одинъ цвѣтъ, какъ окрашиваются самыя плохія любочныя картины, а во столько, сколько того потребовала бы живенная правда. Такъ, для г. Булича совершенно не имѣетъ значенія то обстоятельство, что комитетъ, образованный изъ членовъ университетскаго совѣта для обсужденія поведения провинившихся студентовъ, считая ихъ «проступки» «дурными и несвойственными благовоспитаннымъ юношамъ», однако не нашель въ нихъ «ни духа буйства, ни ожесточенія»; профессорскій комитетъ рѣшилъ, что это— «шалости, только молодости свойственныя»... Кромѣ того комитетъ, оцѣнивая каждаго изъ провинившихся, отмѣчалъ въ числѣ другихъ разныхъ ихъ свойствъ, и «ревность къ наукамъ» (стр. 190 и 191). Г. Буличъ, выпиравъ это, удивился только снисходительности членовъ совѣта и въ утѣшеніе себя отвесь ее къ грубости времени, когда «не возмущались тѣмъ, что возмущаетъ насъ». Можетъ быть, г. Буличу, у котораго въ юности несомнѣнно не было ровно никакихъ «шалостей», и прилично удивляться снисходительности членовъ совѣта, но и мы въ свою очередь тоже не можемъ не подивиться близорукости г. Булича, когда онъ высоко-гуманное отношеніе профессорскаго комитета къ студентамъ приписалъ, по шаблону, «грубости нравовъ», вмѣсто того чтобы сдѣлать выводъ, что и въ то вообще печальное время въ стѣнахъ Университета нашлись люди, по чловѣчески смотрѣвшіе на живнъ и отнесшіеся съ участіемъ къ провинившейся молодежи. А что эта молодежь была вовсе не испорчена до мозга костей,—доказываетъ ея самоотверженіе во время страшныхъ казанскихъ пожаровъ, на которыхъ студенты выказывали рѣдкое мужество, засвидѣтельствованное и тогдашней печатью, и университетомъ. Излюбленная г. Буличемъ «книга о поведеніи» была спасена студентами «изъ пламени», какъ это рассказываетъ самъ ея авторъ. Средства людей, которые, по словамъ газетной статьи того времени, «съ чернью не стыдились помогать своему ближнему» (стр. 213), не могла быть гнилой; г. Буличъ о студенческихъ подвигахъ рассказываетъ очень подробно (210—214), но въ состояніи вывести только то, что «изъ студентовъ можно было

бы образовать превосходную вольную команду» (210). Впрочем, при разсказѣ объ участіи студентовъ на пожарахъ у г. Булича срываются и такія фразы, которыя стоятъ совершенно одиноко, въ полномъ противорѣчій съ общимъ тономъ изложенія. «Этотъ, говоритъ онъ, «лучшій, болѣе гуманный, чуждый эгоизма элементъ были студенты Казанскаго Университета; это было увлеченіе, но увлеченіе чистое, человѣческое, какое только бываетъ въ молодости (стр. 212). А на стр. 209 говорится о студенческихъ «стремленіяхъ», въ которыхъ было мало свѣтлаго, человѣческаго»... И на стр. 136 было заявлено, что «молодые люди не выносили ничего въ жизнь (изъ Университета), кромѣ глубокаго эгоизма»... Но тутъ мы входимъ въ область логики, относительно которой г. Буличъ держитъ себя также независимо, какъ и относительно пріемовъ изслѣдованія. Приведемъ, чтобы не затягивать статьи, лишь нѣкоторые примѣры этого рода развязности бытописателя Казанскаго Университета, очень любящаго отъ времени до времени прерывать свои выписки изъ архивныхъ бумагъ и расплывчатая повѣствованія размышленіями «философскаго» характера. На стр. 135 г. Буличъ разсуждаетъ: «до сихъ поръ наша школа (рѣчь идетъ о высшемъ университетскомъ образованіи) не только не воспитываетъ людей, давая часто ничтожныя, бесполезныя или вполнѣ тенденціозныя свѣдѣнія, скоро и безъ сожалѣнія забываемыя людьми, выходящими изъ школы въ жизнь, но она не въ состояніи дѣйствовать сколько-нибудь сильными и благотворными образомъ на самую жизнь». Слѣдовательно, значеніе школы сводится къ нулю, ибо «свѣдѣнія» «безъ сожалѣнія» забываются; но на слѣдующей страницѣ г. Буличъ очевидно забылъ о только-что слѣланномъ имъ заключеніи и приписываетъ школѣ, хотя и плачевное, но чрезвычайное вліяніе на жизнь; оказывается, что школа «по своему формировавала все будущее страны» (стр. 136). На той же страницѣ г. Буличъ, вообще пессимистически относящійся къ нашей «школѣ» (т. е. университетамъ), откровенно высказывается, что молодые люди «ничего не выносятъ изъ этой школы кромѣ ненависти къ ней, когда жизненный опытъ дастъ поаднее и напрасное сознаніе о бесполезно потраченныхъ школьныхъ годахъ». Послѣ такой тирады для всякаго читателя дѣлается несомнѣннымъ, что почтенный авторъ ставитъ ни во что существовавшее и существующее высшее образованіе; да едва ли можно серьезно и говорить объ образованіи, когда приходится только жалѣть, что старался получить его въ университетѣ? Но пусть читатель не торопится дѣлать заключенія о «взглядахъ» г. Булича; они очень переменчивы; приведенная тирада помѣщается въ началѣ 136 стр., а въ среднѣ ея г. Буличъ заявляетъ: «ни научное, ни общеобразовательное содержаніе школы» «неповинно» во «временныхъ увлеченіяхъ молодежи, которыя прошли и забылись очень скоро». И самъ г. Буличъ успѣлъ уже забыть, что имъ же на верху страницы отказано русскимъ университетамъ въ научномъ и обще-образовательномъ содержаніи. Примѣровъ такой забывчивости можно было бы привести очень много изъ толстаго тома, если бы мы захотѣли слѣдить за логикой г. Булича на значительныхъ пространствахъ; но въ виду недостатка мѣста мы къ отмѣченному добавимъ

лишь два-три примѣра, въ которыхъ наиболѣе рельефно отразилось философическое настроеніе нашего историка. На стр. 135 г. Буличъ съ понятнымъ сожалѣніемъ говоритъ, что «школа» до сихъ поръ совсѣмъ «не воспитываетъ людей», а на стр. 138 убѣжденъ въ томъ, что «воспитаніе собственно принадлежитъ семьѣ». На стр. 136, 137 и 138 г. Буличъ толкуетъ на разные лады «о всемогущемъ вліяніи жизни на школу», послѣ чего на стр. 139 странно читать обвиненіе «школы» въ ранней испорченности юноши, жившаго въ интернатѣ; вѣдь «школа», по словамъ же г. Булича, есть «созданіе» «жизни» (137 стр.) и въ добавокъ она «въ борьбѣ съ жизнью вообще безсильна (стр. 135). Изъ всего этого не можетъ подлежать никакому сомнѣнію только одно, что г. Буличъ еще самъ не уяснилъ себѣ содержанія употребляемыхъ терминовъ. У него выходитъ такъ: жизнь сама по себѣ, школа сама по себѣ и даже семья сама по себѣ. «Плохая жизнь», говоритъ онъ, создаетъ и плохую школу и плохую семью. Словомъ, вся сила—въ «жизни», а раньше мы видѣли, что вся сила—въ «шкoлѣ», которая «по своему формировала все будущее страны», т. е. всю ея «жизнь»; слѣдовательно «жизнь» создаетъ «школу», а «школа»—«жизнь»—ларчикъ открывается, по обыкновенію, очень просто! Жаль, что г. Буличъ не договорился, что же именно такое создаетъ «семья»? Тутъ, мнѣ думается, онъ нашелъ бы больше простора для своего остроумія.

Что сказать и о такихъ фразахъ г. Булича, какъ, напр., «у насъ нѣтъ никакой преемственности культуры» (135), «въ нашихъ университетахъ не сохраняется никакихъ духовныхъ традицій, за исключеніемъ развѣ анекдотическаго свойства» и т. под.? Едва ли слѣдуетъ подробно доказывать, что первый изъ этихъ взглядовъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о совершенномъ непониманіи г. Буличемъ историческаго процесса, что не было, нѣтъ и быть не можетъ общества и государства, въ исторіи котораго было бы невозможно установить фактъ «преемственности» культуры; какъ это ни азбучно, а приходится, въ виду «маститости» автора, напоминать ему, что въ исторіи, какъ и въ природѣ, скачковъ не бываетъ... Что касается второго изъ процитированныхъ изрѣченій, то не намъ бы напоминать человѣку, учившемуся въ университетѣ въ 40-хъ годахъ, о такихъ русскихъ университетскихъ традиціяхъ, какія соединяются съ именами Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, Кавелина, Мейера, Ешевскаго и др., о которыхъ многіе старые студенты оставили восторженныя воспоминанія и вліянія которыхъ на позднѣйшія поколѣнія никто не станетъ отрицать. Мы, впрочемъ, не будемъ спорить противъ того, что для г. Булича и эти традиціи памяты только съ анекдотической стороны, потому что трудно отыскать другого подобнаго любителя анекдотовъ, какъ нашъ авторъ, блистательно доказавшій это всею своей книгой. Разсужденія же со свободнымъ отношеніемъ къ логикѣ сдѣланы имъ, очевидно, для того, чтобы придать своимъ вообще механическимъ писаніямъ научную окраску, и такъ какъ эти разсужденія вовсе не вытекаютъ изъ фактическаго текста, а пришиты къ нему бѣлыми и довольно толстыми нитками, то они къ пользѣ репутаціи г. Булича могли бы быть выпущены въ слѣдующихъ изданіяхъ его веселой книги въ большинствѣ ея страницъ. Мы на мѣстѣ г. Булича исключили бы и лирическія отступленія, производящія

впечатлѣніе не совсѣмъ дестной для автора неожиданности. Посудите сами: пока г. Буличъ разсказываетъ «разныя исторіи», б. ч. грязнаго содержанія, онъ, повидимому, — въ прекраснѣйшемъ расположеніи: и хихикаетъ, и подмигиваетъ, и потираетъ руки отъ удовольствія, но лишь только ударился въ размышленія, его сейчасъ же посѣщаетъ самая черная меланхолія; такъ, напр., на стр. 155 онъ жалуется на свое «тяжелое душевное состояніе», которое онъ испытываетъ при благородномъ желаніи «уяснить себѣ бесиліе Нашей интеллигенціи», на стр. 209 опять говоритъ: «у насъ остается въ душѣ чрезвычайно тяжелое чувство» и т. под. Мы, пожалуй, не стали бы и указывать на эту лирику, если бы не подовѣрвали, что, вѣроятно, нехорошимъ настроеніемъ автора и объясняются тѣ вылазки, которыя г. Буличъ нерѣдко дѣлаетъ въ разбираемомъ трудѣ противъ разныхъ современныхъ намъ учреждений, напр., противъ казанскаго Археологическаго Общества, противъ лицъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ первымъ годамъ Казанскаго Университета, наконецъ противъ повднѣйшей учащейся молодежи и даже противъ всего русскаго народа; этотъ послѣдній провинился въ томъ, что отличается равнодушіемъ къ пожарному бѣдствію (212).

Приведенныхъ данныхъ, намъ кажется, вполне достаточно для заключенія, что книга г. Булича не можетъ претендовать на серьезное значеніе историческаго изслѣдованія, такъ какъ въ ней нѣтъ ни надлежащаго историческаго метода, ни логической мысли. Нельзя ее оцѣнивать и какъ художественно-рисованную бытовую картину, потому-что авторомъ не соблюдено двухъ основныхъ требованій, которыя всегда необходимо предъявить всякому художественному произведенію: извѣстной мѣры въ выборѣ однородныхъ фактовъ и жизненной правды, густо замазанной г. Буличемъ одной краской. Книгу г. Булича можно оцѣнивать только съ точки зрѣнія простой сводки архивнаго матеріала; какъ таковая она, разумѣется, будетъ имѣть значеніе для будущаго историка нашего культурнаго роста въ 1-ой четверти XIX-го ст.

Н. Н. О.

Н. Н. Бакай. Общій обзоръ главнѣйшихъ актовъ, относящихся къ исторіи колонизаціи Сибири въ концѣ XVI-го и XVII-го ст. О составленіи переписныхъ книгъ городовъ Мангазеи и Туруханска во второй половинѣ XVII в. Къ вопросу объ изученіи исторіи Сибири. Рѣчь, читанная на актѣ въ красноярской женской гимназіи 3-го декабря 1889 г. препод. Н. Н. Бакай.

Съ эти брошюры препод. Н. Н. Бакай изданы въ Красноярскѣ, и это обстоятельство, независимо отъ внутреннихъ ихъ достоинствъ, производитъ на читателя особенно симпатичное впечатлѣніе. Пріятно воочию убѣдиться, что и въ «медвѣжьихъ углахъ» нашей родины попадаютъ люди, искренне увлеченные научнымъ изслѣдованіемъ историческихъ вопросовъ, польза отъ развѣшенія которыхъ для нашего національнаго совнанія не можетъ подлежать сомнѣнію. Первые двѣ брошюры посвящены специальнымъ вопросамъ

сибирской исторіи и обнаруживаютъ въ авторѣ и значительную наблюдательность, и умѣнье группировать намѣченныя явленія въ стройномъ и осмысленномъ изложеніи, особенно въ статьѣ о колонизаціи; а третья, представляя добросовѣстный обзоръ того немногаго, что сдѣлано для сибирской исторіи, показываетъ въ авторѣ серьезное желаніе поставить изученіе сибирской исторіи на вполнѣ научную почву. Предъ мѣстнымъ обществомъ г. Бакай прежде всего пропагандируетъ образованіе архивной комиссіи, убѣждая красноярскую интеллигенцію въ необходимости этого учрежденія, напр., слѣдующими словами: «вѣдь въ непривлекательныхъ архивныхъ занятіяхъ есть тоже свѣтлыя стороны. Подъ слоемъ архивной пыли, въ мрачныхъ, сырыхъ подвалахъ, въ полустлѣвшихъ рукописяхъ съ едва замѣтными начертаніями, можно найти много жизненныхъ, полныхъ смысла и значенія свѣдѣній» и пр.

Въ добрый путь!

Н. Н. О.

УКАЗАТЕЛЬ

статей по археологіи, исторіи и этнографіи, помѣщенныхъ въ журналѣ „Заволжскій Муравей“ (1832—1834).

- Этнографическія статьи «Картина башкирскаго быта» 1832 г. мѣстно-областного содержанія: т. 1, стр. 156—159.
- «Правдники казанскихъ татаръ», К. «Сатовка въ Омскѣ», Владиміра Ве-Ф. Фукса. 1834 г., т. 3, стр. 52—71, селли, 1832 г. т. 3, стр. 1051—1055. 178—194. «О казакахъ Енисейской губ.», Пет-«Имена боговъ черемисскихъ» 1833 г. рова. 1833 г. т. 1. стр. 215—229. т. 2, стр. 924—925. «О ламахъ кочующихъ въ вабайкаль-скомъ краю Бурятъ шигемоніанскаго мисами крещеными и некрещеными при исповѣданія и о догматахъ ихъ вѣры», жертвоприношенія въ киремети» 1833 г. полковника Маслова. 1832 г. т. 2, стр. 888-902; т. 3, стр. 1012—22, 1203—18. т. 2, стр. 584—587.
- «О чувашскомъ языкѣ» прот. Вишнев-«О чистности Остяковъ». 1834 г. скаго. 1832 г. т. 3, стр. 1155—1157. т. 2, стр. 358—360.
- «Черемисскія поминки», А. А. Фуксъ. «Нѣчто о Солоняхъ», 1834 г. т. 2, 1834 г. т. 3, стр. 460—471. стр. 357—358.
- «Поѣздка изъ Казани въ Чебоксары», Статьи топо-этнографическія. письма А. А. и К. Ф. Фуксовъ. 1834 г. т. 1, стр. 39—50, 90—101, 154—170, «Рынь-пески», Сабанщикова 1832 г. 211—224, 271—287, 348—362, 454— т. 2, стр. 660—678. 467; т. 2, стр. 41—50, 102—121, 166— «Описаніе Екатеринбургa и его окрестностей» 1834 г. т. 3, стр. 446—175. 462, 491—506.
- «Замѣчанія чувашскаго жителя на статью «поѣздка въ Чебоксары» 1834 г. «Бродящіе народы Туруханскаго т. 3, стр. 507—516. края», полковника Маслова. 1833 г. т. 1, стр. 275—291, 392—415; т. 2, стр. «О водвореніи коловистовъ Саратов-ской губ. по Камышинскому уѣзду». 506—523, 562—575. Сабанщикова. 1832 г. т. 3. стр. 944— «Красноярскъ», изъ путевого журнала Антропова. 1832 г. т. 3, стр. 1183—91.

- Грамоты, рескрипты, рѣчи, письма.
- «Копія съ грамоты царя Иоанна Васильевича Грознаго архимандриту Спасо-преображенскаго монастыря Варсонофію». 1832 г. т. 2, стр. 856—860.
- «Списокъ съ государевы грамоты о новокрещеныхъ татарахъ, объ отведеніи для нихъ особыхъ пашень и истребленія мечетей». 1834 г. т. 3, стр. 274—284.
- «Копія съ грамоты Св. патріарха Іова къ митрополиту казанскому и астраханскому Гермогену, по случаю пѣтія панихиды по убиеннымъ при покореніи Казани». 1832 г. т. 2, стр. 737—740.
- «Копія съ челобитной Спасо-преображенскаго монастыря архимандрита Макарія». 1832 г. т. 2, стр. 741.
- «Грамота Ѳедора Алексѣевича казанскому митрополиту Іосифу въ 1678 году». 1833 г. т. 3, стр. 1041—1046.
- «Грамота о построеніи крѣпости, собора и бывшаго гостиннаго двора». 1834 г. т. 2, стр. 285—294.
- «Объявленіе жителямъ губ. казан., нижегород. и оренбургской отъ графа Петра Панина». 1834 г. т. 2, ст. 225—231.
- «Рескриптъ Екатерины II-й и благодарственная рѣчь отъ казанскаго дворянства по его поводу». 1834 г. т. 1, стр. 288—296.
- «Рѣчь архіепископа казанскаго Вениамина при встрѣчѣ Екатерины II-й 26 мая 1767 г.». 1834 г. т. 3, стр. 517—525.
- «Копія съ письма Г. Р. Державина». 1834 г. т. 2, стр. 176—178.
- «Объявленіе о сооруженіи въ Кавани памятника Державину». 1832 г. т. 2, стр. 571—573.
- «Письма хана Букеевской орды Джангира къ профессору Фуксу». 1832 г. т. 2, стр. 732—736.
- Замѣтки о мѣстно-областныхъ древностяхъ.
- «Церковный обрядъ вшествія Спасителя въ Іерусалимъ». 1833 г. т. 1, стр. 58—59.
- «Поѣздка въ старую Казань», Рыбушкина. 1833 г. т. 1, стр. 1169—1189.
- «Поѣздка въ Булгары и Билярскъ», Рыбушкина. 1833 г. т. 1, стр. 63—92, 187—145.
- «Болгаре или развалины столицы народа сего», ст. Кафтанникова. 1832 г. т. 2, стр. 601—613, 881—887.
- «Болгаре». 1832 г. т. 3, стр. 1077—1089.
- «О надгробныхъ надписяхъ въ Болгарахъ», Эрдмана. 1832 г. т. 3, стр. 1219—1230, 1342—1358.
- «О восточныхъ зеркалахъ», проф. Эрдмана. 1832 г. т. 1, стр. 272—277.
- «Замѣчаніе во время путешествія по берегамъ Камы и въ Оренбургскую губернію», проф. Эрдмана. 1834 г. т. 1, стр. 76—89, 324—347; т. 2. 157—165.
- «О надгробныхъ камняхъ близь селенія Калмаюръ, Ставропольскаго у., Самарской губ.», Смирнова. 1833 г. т. 1, стр. 203—234.
- «Къ С. С. Щукину», отъ Соловцова изъ Тобольска. 1832 г. т. 3, стр. 1416—1423.
- Историческія замѣтки мѣстно-областнаго содержанія:
- «Казань» въ географическомъ, статистическомъ и историческомъ ея состояніи», проф. Рыбушкина. 1832 г. т. 1, стр. 33—47, 83—96, 191—207; т. 2, стр. 541—560, 647—660, 779—793, 902—916; 1833 г. т. 1, стр. 33—50, 152—167, 332—346, 440—460; т. 2, стр. 721—746, 837—856; 1834 г. т. 1, стр. 256—270; т. 2, стр. 375—409.

- «Дополненіе къ исторіи Казани», Ры- прогулки изъ Казани къ Верхнему бушкина. 1834 г. т. 1, стр. 225—229. Услоу» Рыбушкина. 1832 г. т. 2, стр. «О порядкѣ царствованія хановъ въ 813—827. Казани». 1834 г. т. 2, стр. 356--357. «О началѣ г. Ирбити». 1832 г. т. 1, «Историческія воспоминанія во время стр. 317—323.

ОПЕЧАТКИ ВО 2 ВЫП. X Т. „ИЗВѢСТІЙ“.

Стран.	строк.	напечатано	должно быть
204	13	сверху	гробъ срубъ
226	1	—	объденная обыденная

По постановленію Совѣта Общества Археологій, Истории и Этнографіи цѣна „Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда“ значительно понижена. Подробности см. въ Объявленіи.

ОТЧЕТЪ

ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

при Императорскомъ Казанскомъ
Университетѣ

ЗА 1890—92 ГОДЫ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ ОБЩЕСТВА

КЪ 19 МАРТА 1892 Г.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго университета.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря Н. Тиховъ.

О Т Ч Е Т Ъ

Общества Археологiи, Исторiи и Этнографiи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ за 1890—92 гг.

Составъ Общества. Къ 19 марта 1892 г. Общество имѣло 16 почетныхъ членовъ, 4 члена-соревнователя, 90 дѣйствительныхъ членовъ и 71 членовъ сотрудниковъ.

Въ этомъ числѣ, за время съ 1 апрѣля 1890 г. по 1 марта 1892 года, вновь избрано: а) два почетныхъ члена: 1) бар. Тивенгаузенъ В. Г. и 2) Штида Л. Х., проф. Кенигсбергскаго университета; б) 17 дѣйствительныхъ членовъ: 1) Айналовъ Д. В. прив.-доц. Казанскаго университета; 2) Воронцовъ К. И., преподаватель 1-й гимназiи; 3) Газенвинкель К. Б., товарищъ прокурора Каванск. Судебн. Палаты; 4) Горталовъ Н. К., преподаватель первой гимназiи; 5) Кирилловъ Н. Я., надзиратель при той-же гимназiи; 6) Кротовъ П. И., проф. Казанскаго университета; 7) Кулагинъ А. К., преподаватель 1-й гимназiи; 8) Латышевъ В. В., помощникъ попечителя Казан. учебнаго округа 9) Михайловъ М. Д., архитекторъ; 10) Молоствовъ В. В.; 11) Пинегинъ М. Н., воспитатель татарской школы; 12) Смышляевъ Д. Д.; 13) Тиховъ Н. З., кандидатъ истор.-филол. наукъ; 14) Толстой А. В., землевладѣлец Самарской губ.; 15) Шершеневичъ Г. Ф., проф. Казанскаго университета; 16) Штеръ Г. К., проф. Казанскаго университета и 17) Эйрсовъ Н. Н., прив.-доц. того-же университета; в) 6 членовъ - сотрудниковъ: 1) Вихманъ Г., магистръ Гельсингфорскаго университета; 2) Логачевъ, учит. въ с. Йогвѣ Соликамск. у.; 3) Смирновъ С. М., хранитель ботаническаго кабинета; 4) Софоновъ К. Т., фотографъ-художникъ; 5) Троицкая, учительница въ Царевококш. у. и 6) Хоросhevъ, учитель въ с. Ошибѣ Соликамск. у.

За отчетные годы Общество понесло тяжелыя утраты въ лицѣ умершихъ: а) почетныхъ членовъ 1) П. Н. Масленикова, попечителя Каванск. округа, 2) Н. А. Попова, директора Архива Министерства Юстиціи, 3) М. И. Семеvскаго, ред.-над. «Русской Старины» б) дѣйствительныхъ членовъ: 4) М. П. Веске, преподав. финск. нарѣчiй, 5) Н. И. Ильминскаго, директора учительск. семинарiи; 6) А. Ѳ. Лихачева, 7) И. Я. Порфирьева, проф. Духовной Академіи, 8) Я. С. Степанова, проф. университета; в) членовъ-сотрудниковъ: 8) Е. Т. Соловьева и 10) И. Н. Холмогорова, проф. Лаваревскаго института.

Составъ Совѣта. Совѣтъ Общества въ отчетные годы составляли: Предсѣдатель Общества Н. А. Эирсовъ, Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ, члены совѣта: П. А. Пономаревъ, И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ, Н. В. Сорокинъ и А. А. Штукенбергъ; секретарь П. В. Траубенбергъ. Вслѣдствіе отказа послѣдняго обязанности секретаря (съ 25 февр. 1891 г.) поручено было исполнять дѣйствит. члену проф. А. И. Александрову, а за его отъѣдомъ обязанности эти поручены были дѣйств. члену Н. З. Тихову. Обязанности казначая исполнялъ г. Товарищъ Предсѣдателя И. А. Износковъ; ревизіонная комиссія состояла изъ Н. А. Толмачева и Я. С. Степанова; за смертію послѣдняго были назначены выборы, на которыхъ избраны были П. В. Траубенбергъ и А. К. Кулагинъ. — Членами редакціонной комиссіи были: И. Н. Смирновъ, А. И. Соколовъ и секретарь Общества (независимо отъ перемѣны лицъ). — Музеемъ Общества завѣдывалъ А. А. Штукенбергъ, библиотечкой — И. Н. Смирновъ, отдѣломъ рукописей — А. И. Соколовъ.

Дѣятельность Общества. За время съ 27 апрѣля 1890 г. по 12 марта 1892 г. было 13 засѣданій Совѣта и 15 Общихъ Собраній. На этихъ Общихъ Собраніяхъ были сдѣланы слѣдующія сообщенія: а) Предсѣдателя Общества Н. А. Эирсова (1): 1) «Памяти П. Д. Шестакова»; б) Товарища Предсѣдателя И. А. Износкова (3): 2) «О памятникахъ древности въ Казанской губерніи»; 3) «Кара-якуповская волость Уфимской губ. и уѣзда» и 4) «Памяти Н. И. Ильминскаго»; с) дѣйствительныхъ членовъ: А. И. Александрова (1): 5) «Вышній бытъ Сербовъ»; В. Н. Витевскаго (2): 6) Новыя данныя относительно Батырши, предводителя въ башкирскомъ мятежѣ въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны и 7) «Памяти Н. И. Ильминскаго»; В. В. Латышева (1): 8) «Присяга гражданъ Херсониса Таврическаго»; В. К. Магницкаго (2): 9) «Объ ирихахъ у чувашъ» и 10) «Этнографическо-статистическія данныя о бракахъ Чувашъ Казан. губ.»; Э. Г. Мищенко (1): 11) «По поводу I тома «Сборника ученыхъ трудовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ»; М. Н. Пинегина (1): 12) «Свадебные обычаи казанскихъ татаръ»; П. А. Пономарева (2): 13) «По вопросу о монгольскомъ городѣ Укекѣ» и 14) «Булгарскій городъ Ошель и его окрестности»; И. Н. Смирнова (8): 15) Предварительный отчетъ о поѣздкѣ къ Пермьякамъ», 16) «Обзоръ источниковъ и пособій для изученія исторіи и современнаго быта Пермьяковъ»; 17) «Очеркъ исторіи Пермьяковъ», 18) «Семейный и общественный бытъ Пермьяковъ», 19) «Погребальныя обычаи и остатки языческой старины у Пермьяковъ», 20) Предварительный отчетъ о поѣздкѣ къ Мордвѣ», 21) «Очеркъ исторіи Мордвы (данныя географическія)» и 22) «Очеркъ исторіи Мордвы (данныя археологическія)»; А. И. Соколова (1): 23) «Русскія имена и прозвища въ XVII в.»; Н. З. Тихова (1): 24) «Болгарскій домъ въ относящіяся къ нему постройки»; А. А. Штукенберга (2): 25) «Объ одной изъ древнихъ могилъ Спасскаго уѣзда Казанск. губ. и 26) «Послѣднія раскопки въ Болгарахъ»; д) членовъ-сотрудниковъ: Р. А. Нелидовой (2): 27) «О наглядныхъ пособіяхъ для преподаванія русской исторіи» и 28) «Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ известномъ изданіи сенатора Д. И. Ровинскаго»; Е. Т. Соловьева (1): 29) «Памятники татар-

ской старины въ дачѣ с. Сюкеева Тетюшск. у. Казанск. губ.»; А. А. Спицына (1): 30 «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.»; Троицкой (1): 31 «Черемисы Арбанской волости Царевококш. у. Казанск. губ.»; Безрукова (1): 32 Свадебные обряды русскихъ крестьянъ Красноуфимск. у. Пермск. губ.» и студ. Обрѣзкова (1): 33 «Слѣды древняго поселенія въ окрестностяхъ г. Спасска Казанск. губ.» — Кромѣ этого дѣйств. чл. И. Н. Смирновъ прочелъ двѣ публичныя лекціи на темы: 1) Задачи и значеніе этнографіи» и 2) Этнографическій матеріалъ, его собираніе и обработка».

Музей Общества обогатился частями вотской одежды (женской-дѣтской рубашкой и фартукомъ), пожертвованными помощницей учителя В. В. Ложкиной; 32 монетами, принесенными въ даръ чл.-сотр. О. Э. Суринымъ; 2 серебряными кабільскими застежками, пожертвованными Н. А. Бобровниковымъ; различными предметами болгарской культуры, приобретенными для Общества Н. А. Фирсовымъ и А. А. Штукенбергомъ. Кромѣ того чл.-сотр. П. К. Вагинъ принесъ въ даръ Обществу рисованный имъ самимъ портретъ царствующаго Государя Императора Александра Александровича и д. ч. А. Н. Бекетовъ—циркуляръ Казанскаго медицинскаго инспектора, сдѣлавшійся рѣдкостью по той причинѣ, что онъ отбирался административнымъ путемъ послѣ того, какъ былъ повсемѣстно разосланъ.

Библиотекѣ Общества также очень значительно увеличилась, особенно—благодаря обмѣну изданіями съ другими учрежденіями. Въ отчетные годы Общество обмѣнивалось: съ Императорскими университетами: 1) Варшавскимъ, 2) Казанскимъ, 3) Киевскимъ, 4) Новоросійскимъ; 5) съ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и его отдѣленіями: 6) Оренбургскимъ, 7) Западно-Сибирскимъ и 8) Восточно-Сибирскимъ, 9) съ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, 10) съ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, 11) съ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, 12) съ Обществомъ Естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ, 13) съ Уральскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, 14) съ Историческимъ Обществомъ Нестора Лѣтописца въ Кіевѣ, 15) съ Финляндскимъ Археологическимъ Обществомъ, 16) съ Историческимъ Обществомъ при С.-Петербургскомъ университетѣ, 17) съ Историко-филологическимъ Обществомъ при Харьковскомъ университетѣ, 18) съ Эстонскимъ Ученымъ Обществомъ въ Дерптѣ, 19) съ Физико-экономическимъ Обществомъ въ Кенигсбергѣ, 20) съ Московскимъ Архивомъ Министерства Юстиціи, 21) съ Ростовскимъ, 22) Минусинскимъ и 23) Тобольскимъ Музеями, 24) съ Вятскимъ Земскимъ Статистическимъ Бюро, 25) съ Курляндскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ, 26) съ Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ, 27) съ Енисейскими, 28) Нижегородскими, 29) Пензенскими и 30) Уфимскими Губернскими Вѣдомостями, 31) съ Астраханскими, 32) Казанскими, 33) Нижегородскими, 34) Самарскими и 35) Саратовскими Епархіальными Вѣдомостями, 36) съ Костромской, 37) Нижегородской, 38) Пермской, 39) Рязанской, 40) Саратовской, 41) Таврической, 42) Тамбовской и 43) Ярославской Архивными Комиссіями, 44) съ Петровскимъ Обществомъ Изслѣдователей Астраханскаго Края, 45) съ Одесскимъ

Обществомъ Исторіи и Древностей, съ редакціями 46) Волжскаго Вѣстника, 47) Каванскаго Биржевого Листка, 48) Владивостока, 49) Южнаго Края, 50) Вѣстника Грузинскаго Экзархата, 51) Православнаго Собесѣдника, 52) Славянскаго Обзорѣнія, 53) Русской Старины, 45) Этнографическаго Обзорѣнія, 55) Wisła и 56) Český lid.

Кромѣ того въ бібліотеку пожертвованы книги отъ слѣдующихъ лицъ: Anderson'a (№ 2455), Вильчинскаго (№ 2524), Корсакова (№ 2536), Красносельцева (№№ 2522—23), Кувнецова (№№ 2562—63), Латышева (№№ 2457—60, 2462—68), Лебедева (№ 2450), Лопатинскаго (№ 2477), Малова (№№ 2449, 2569), Masing'a (№ 2456), Налямова (№ 2452), Napiersk'аго (№ 2528), Пантусова (№ 2489), Рябинскаго (№ 2446), Самуилова (№ 2451), Семенова (№ 2571) Смирнова И. Н. (№№ 2548 — 49), Смышляева (№ 2537), Титова (№№ 2483, 2566—67), Толстого М. В. (№ 2565) и Ушакова (№ 2568).

По опредѣленію Совѣта Общества изданы 3 выпуска IX тома и 2 выпуска X тома, занимающіе въ общей сложности 33 печатныхъ листа.

ДЕНЕЖНЫЯ СРЕДСТВА ОБЩЕСТВА.

Приходъ:

Къ 23 марта 1890 года оставалось въ наличности . . .	808 р. 18 к.
Къ 8 марта 1892 года вновь поступило:	
% по купонамъ	43 » 43 »
Облигація 2 Восточнаго займа	100 » — »
Членскихъ взносов въ 1890—91 г.г.	325 » — ¹⁾
На охрану Болгаръ на 1891 г.	300 » — »
На расширеніе изданія	177 » — »
Отъ продажи изданій	366 » 34 ²⁾
Остатокъ отъ изданія «Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда»	22 » 09 »
Сборъ съ лекцій И. Н. Смирнова	30 » — »
Итого	2172 р. 04 к.

Расходъ:

За 5% облигацію 2 Восточнаго займа и храненіе процентныхъ бумагъ	108 р. 20 к.
Жалованье писцу и служителямъ	229 » 50 »
За охрану и ремонтъ Болгарскихъ развалинъ	314 » — »
На устройство Музея	27 » 86 »
На вѣнокъ д. ч. М. П. Веске	11 » — »
За телеграмму Вирхову	5 » 30 »
На экскурсіи	110 » — »

¹⁾ Въ томъ числѣ въ 1890 г.—160 р и въ 1891 г.—165 р.

²⁾ Въ томъ числѣ за 1891—92 г. выручено 295 р. 49 к.

Внесено въ типографію а) за платные листы IX т.	248 р.	— »
б) за мелкія печатанія	65 »	70 »
Уплачено фотографамъ Соболеву и Софонову	74 »	— »
На мелкіе канцелярскіе и почтовые расходы	63 »	40 »
Итого	1256 р.	96 к.

Такимъ образомъ въ наличности къ 8 марта 1892 года, когда была произведена ревизія, оставалось 915 р. 08 к.
Въ томъ числѣ:

Неприкосновеннаго капитала	500 р.	— »
Редакціоннаго фонда	380 р.	21 к.
На текушіе расходы	34 р.	87 к.

Сверхъ указанныхъ расходовъ Общество имѣеть уплатить, на основаніи постановленій Совѣта отъ 27 января и 12 марта 1892 г., 186 руб. университетской типографіи: 66 р.—въ погашеніе долга за IX т. и 120 р.—запечатанія 1889—90 г.г., стоимость которыхъ составляла сумму въ 631 руб.

Отчетъ объ явленіяхъ, изъ которыхъ слагается исторія Общества за 1890—1892 г.г., былъ бы неполонъ, еслибы мы обошли молчаніемъ нѣсколько фактовъ, небезынтересныхъ какъ для г.г. членовъ Общества, такъ и для постороннихъ лицъ, сочувствующихъ его дѣятельности.

1) Научная цѣнность изданій, сдѣланныхъ Обществомъ, и цѣнность не маловажная,—констатирована критикой русской и иностранной.

Сочувственный отзывъ о VII томѣ за это время помѣщенъ въ Вѣстн. Европы 1890, IV. Въ журналѣ «Globus» за 1890 г. (т. LVIII, №№ 12, 13) помѣщенъ подробный отчетъ Р. Stepiń'a о заключающемся въ VII т. «Издвѣстій» очеркѣ «Черемисы». Въ журналѣ Филол. отд. Венг. Академіи Наукъ мадьярскій филологъ Мункачи, дѣлая разборъ VII т. «Издвѣстій», останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на «Исслѣдованіяхъ о нарѣчіяхъ черемисскаго языка» М. П. Веске, сочувственно упоминая приэтомъ и объ очеркѣ «Черемисы». — Томъ VIII, вып. 1, заключающій въ себѣ трудъ покойнаго М. П. Веске: «Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка», вызвалъ слѣдующій отзывъ В. И. Ламанскаго въ журналѣ «Живая Старина» (1891, 1): «Трудъ замѣчательный и важный и для филологовъ, и для этнологовъ, для исторіи финскихъ и славянскихъ языковъ и народностей. По своимъ достоинствамъ и по своему значенію эта отличная ученая работа даровитаго, прекрасно подготовленнаго и увѣ! уже покойнаго Веске должна быть поставлена рядомъ съ извѣстнымъ изслѣдованіемъ датскаго ученаго Томсена: «О вліяніи германскихъ языковъ на финно-лапарскіе». Проф. В. Миллеръ говоритъ о томъ-же трудѣ въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» (1890, IV): «будущій изслѣдователь будетъ признателенъ покойному Веске уже за то, что онъ первый собралъ довольно значительный матеріалъ для этого вопроса. Вообще, трудъ покойнаго финнолога представляетъ добросовѣстную и хлопотливую работу, затрогивающую цѣлый рядъ культурно-историческихъ вопросовъ, и остается пожалѣть, что внезапная смерть прервала въ самомъ разгарѣ его научную дѣятельность». — О вып. 2 тома VIII помѣщены отзывы

въ Историч. Вѣстникѣ 1890, въ Наблюдателѣ 1890, Русск. Мысли 1891, II Вѣстн. Европ. 1890, IV, Русск. Старин. 1890, III въ Новя 1890, Этнограф. Обзорѣн. 1890, I, въ Живой Старинѣ 1890, I; обширное извлеченіе изъ этого выпуска сдѣлано (Р. Stenip'ымъ) для извѣстнаго этнологическаго журнала «Ausland»; подробный и весьма сочувственный отчетъ о томъ-же выпускѣ помѣстилъ г. Н. Харузинъ, авторъ монографіи о Лопаряхъ, въ органѣ Парижскаго Антропологическаго Общества «Anthropologie». О т. IX, вып. 1 и 2 помѣщены отрывы въ Русск. Стар. 1891, X, Русск. Мысли 1891, VIII Русск. Богатствѣ 1891, Екатеринбургск. Недѣлѣ 1891, 25, въ Гражданинѣ, Новостяхъ 1891, 219, Этногр. Обзор. 1891, II и IV и Славян. Обзор. 1892, II. — Наконецъ въ англійскомъ журналѣ «Atheneum» изданія Общества А., И. и Э. фигурируютъ въ числѣ выдающихся явленій русской этнографической литературы въ годичныхъ обзорахъ русской литературы за 1890 и 1891 г.г.

2) Комиссіонные счета книгопродавцевъ Дубровина, Башмакова и Суворина за 1890 и 1891 годы показываютъ, что и съ точки зрѣнія экономической изданные Обществомъ томы «Извѣстій» представляютъ цѣнность незначительную для специальныхъ и притомъ выходящихъ въ провинціи изданій. Отъ продажи принадлежащихъ Обществу изданій въ послѣдніе два года выручено около 366 руб., изъ которыхъ 248 руб. уже уплачены университетской типографіи, а 118 руб. съ присоединеніемъ 30 руб. отъ публичныхъ лекцій И. Н. Смирнова, 22 руб. и 16 р. изъ редакціоннаго фонда, какъ видно изъ вышесказаннаго, назначены къ уплатѣ. — Къ косвеннымъ выгодамъ, которыя Общество извлекаетъ изъ выпущенныхъ имъ въ свѣтъ изданій, служить 1) увеличивающійся изъ года въ годъ обмѣнъ съ другими учрежденіями, изданія которыхъ представляютъ очень значительную цѣнность и 2) — возрастающая аккуратность, съ которой уплачиваются членскіе взносы: уклоненіе отъ платежа становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ явленіемъ

Приведенныя данныя позволяютъ Совѣту выразить убѣжденіе въ томъ, что погашеніе долга въ 511 руб., который остается еще на Обществѣ отъ прошлыхъ лѣтъ, представляетъ только вопросъ времени и времени недалекаго, если принять во вниманіе періодъ, въ теченіе котораго собрана для уплаты сумма въ 434 руб. Вѣроятность скораго погашенія долга увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ 1892 г. въ продажѣ за счетъ Общества будутъ состоять кромѣ «Извѣстій» съ III тома по IX включительно и мелкихъ брошюръ еще «Труды IV Археологическаго Съѣзда», переданные въ собственность Общества по окончаніи ихъ печатанія, и 6 выпусковъ X-го тома, печатаніе которыхъ обеспечено благодаря горячей отзывчивости гг. членовъ Общества суммами, собранными по специальной подпискѣ.

И. С. Секретаря И. Тиховъ.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

*Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при
Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ*

къ 19 марта 1892 года

со указаніемъ времени вступленія въ Общество и мѣста
ожительства.

I. ПОЧЕТНЫЕ ЧЛЕНЫ.

- 1 Аспелинъ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*
Буслаевъ, Федоръ Ивановичъ, академикъ, (4 нояб. 1888 г.). *Москва.*
Бычковъ, Афанасій Федоровичъ, академикъ, директоръ Импер. Публичн. бібліотеки (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
Бюлеръ, Э. А. почетн. членъ Импер. Академіи Наукъ, директоръ Главнаго Архива Министерства Иностр. Дѣлъ (14 февр. 1888 г.). *Москва.*
- 5 Васильевъ, Василій Павловичъ, академикъ, заслуж. орд. проф. Импер. С.-Петер. унив. (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
Вирховъ, проф. универс. (30 окт. 1881 г.). *Берлинъ.*
Доннеръ, проф. универс. (4 окт. 1884 г.). *Гельсингфорсъ.*
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичъ, предсѣдатель Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ универ. (16 мая 1884 г.). *Москва.*
Мещериновъ, Григорій Васильевичъ, командующій войсками Казан. Воен. Округа (22 дек. 1889 г.). *Казань.*
- 10 Островскій, Андрей Николаевичъ, кандидатъ естеств. наукъ (16 мая 1884 г.). *Казань.*
Павель, Архіепископъ Казанскій и Свяжскій, Членъ Свят. Синода (22 дек. 1889 г.). *Казань.*
Полтарацкій, Петръ Алексѣевичъ, Казанскій губернаторъ (22 дек. 1889 г.). *Казань.*

- Леонъ де Рони, Сенаторъ франц. республики, предсѣдатель Париж. Этнографическаго Общества (30 окт. 1881 г.). *Парижъ.*
 Савваитовъ, П. И., Членъ Импер. Русскаго Археологическ. Общества (14 февр. 1888 г.). *С.-Петербургъ.*
 15 Тизенгаузенъ, Владиміръ Густавовичъ, баронъ членъ Императ. Археологической Коммисіи (11 апр. 1891 г.). *С.-Петербургъ.*
 16 Штида, Людвигъ Христіановичъ, проф. универ. (27 апрѣля 1890 г.). *Кенигсбергъ.*

II. ЧЛЕНЫ-СОРЕВНОВАТЕЛИ.

- 1 Горемыкинъ, Игнатій Ивановичъ, Членъ Окружн. Суда (16 апр. 1879 г.). *Казань.*
 Кекина, Анна Авксентьевна, Потомст. поч. гражд. (27 янв. 1882 г.). *Казань.*
 Унженинъ, Василій Авксентьевичъ, Потом. поч. гражд. (16 мая 1881 г.). *Казань.*
 4 Шимановскій, Митроф. Васильевичъ, Членъ суд. Пал. (28 сент. 1879 г.). *Одесса.*

III. ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ.

а) Городскіе:

- 1 Айналовъ, Дмитрій Власьевичъ, прив. доц. унив. (11 апр. 1891 г.).
 Александровъ, Александръ Иван., проф. унив. (20 апр. 1889 г.).
 Архангельскій, Александръ Семен., проф. унив. (3 нояб. 1885 г.).
 Ахмеровъ, Шахбасъ-Гирей Измаиловичъ, инспекторъ татарской учительской школы (23 нояб. 1889 г.).
 5 *Бекетовъ, Андрей Николаев., д. с. с. (5 сент. 1878 г.).
 Бѣляевъ, Дмитрій Ѳедоров., проф. унив. (16 мая 1884 г.).
 Васильевъ, Александръ Васильев., проф. унив. (3 мая 1886 г.).
 Витевскій, Владиміръ Никол., препод. гимназ. (11 апр. 1879 г.).
 Воронцовъ, Константинъ Иванов., препод. гимн. (27 февр. 1892 г.).
 10 Газенвинкель, Константинъ Борисов., товар. прокурора Судебн. Палаты (19 дек. 1891 г.).
 Галкинъ-Врасскій, Николай Никол., членъ Суд. пал. (членъ-основатель).
 Горталовъ, Николай Констан., преп. гимн. (27 февр. 1892 г.).
 Готвальдъ, Осипъ Ѳедоров., библиот. унив. (членъ основ.).
 Дормидонтовъ, Григорій Ѳедоров., проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
 15 Загоскинъ, Николай Павл., проф. унив. (членъ-основатель).
 Заусайловъ, Василій Иванов., пот. поч. гражд. (30 нояб. 1878 г.).
 Ивносковъ, Иліодоръ Александр., директ. реальн. уч. (членъ-основ.).
 Корсаковъ, Дмитрій Александр., проф. унив. (членъ-основ.).
 Корсакова, Варвара Дмитріевна (4 нояб. 1888 г.).
 20 Кириловъ, Никол. Яковл., надзир. 1-й гимн. (11 апр. 1891 г.).

- Кротовъ, Петръ Иванов, проф. унив. (10 нояб. 1891 г.).
 Кукурановъ, Никол. Сергѣев., препод. реал. уч. (23 нояб. 1889 г.).
 Кулагинъ, Александръ Корнилов., преп. гимн. (12 дек. 1891 г.).
 Латышевъ, Василій Васильев., пом. поп. округа (8 марта 1891 г.).
 25 Львовъ, Дмитрій Михайлов., проф. унив. (19 дек. 1885 г.).
 Михайловъ, Митрофанъ Дмитр., гражданскій инженеръ (12 дек. 1891 года).
 Мищенко, Ѳедоръ Герасимовичъ, проф. унив. (22 дек. 1889 г.).
 Молоствовъ, Владиміръ Вадимовичъ, (10 нояб. 1891 года).
 Нагуевскій, Дарій Ильичъ, проф. унив. (16 дек. 1886 г.).
 30 Насыровъ, Каюш Насыровичъ, казанск. купецъ (3 нояб. 1885 г.).
 Образцовъ, Дмитрій Иларіевичъ (14 февр. 1888 г.).
 Осокинъ, Николай Алексѣев., проф. унив. (членъ-основ.).
 Пельцамъ, Эммануилъ Даниловичъ (30 нояб. 1878 года).
 Пинегинъ, Михаилъ Николаевичъ, надзир. татар. школы (19 дек. 1891 года).
 35 Пономаревъ, Петръ Алексѣев., преп. Родіон. инст. (членъ-основ.).
 Розенъ, баронъ Фридрихъ Фридриховичъ, проф. ун. (членъ-основ.).
 Сластниковъ, Семень Иванов., канд. мат. наукъ (17 дек. 1886 г.).
 Смирновъ, Аполлонъ Ивановичъ, проф. унив. (3 мая 1886 г.).
 Смирновъ, Иванъ Николаевичъ, проф. унив. (29 дек. 1885 г.).
 40 Соколовъ, Авдій Ивановичъ (14 февр. 1888 г.).
 Соловьевъ, Александръ Титовичъ, казн. унив. (16 мая 1884 г.).
 Сорокинъ, Николай Васильев., проф. унив. (членъ-основ.).
 Тиховъ, Николай Захаровичъ, канд. истор. - филол. наукъ (17 дек. 1890 г.).
 Толмачевъ, Николай Александровичъ, проф. унив. (членъ-основ.).
 45 Траубенбергъ, Петръ Викторовичъ, преподав. татарской школы. (27 февр. 1887 г.).
 Хрщановичъ, Левъ Казиміровичъ, губерн. инж. (29 дек. 1885 г.).
 Шершеневичъ, Гавріилъ Феликсов. проф. унив. (11 апр. 1891 г.).
 Штеръ, Георгій Карловичъ, проф. унив. (12 дек. 1891 г.).
 Штукенбергъ, Александръ Антонов., проф. унив. (членъ-основ.).
 50 Щеголевъ, Николай Иванов., казан. землевл. (23 дек. 1885 г.).
 *Юшковъ, Николай Ѳирсовичъ (членъ-основ.).
 *Ярыгинъ, Иванъ Александров., чиновн. отд. госуд. банка (19 марта 1881 года).
 Ѳирсовъ, Николай Алексѣевичъ, заслуж. орд. проф. университета (членъ-основатель).
 Ѳирсовъ, Николай Николаевичъ, прив. - доцентъ универ. (8 марта 1891 года).

б) иногородніе:

- 55 Буличъ, Николай Никитичъ, т. с. (членъ-основ.). *Спасскъ* Каз. губ.
 Вахрамѣевъ, И. А., (14 февр. 1888 г.). *Ярославль*.

- Владиміровъ, Петръ Владиміров. проф. Кіевск. универс. (членъ-основатель). *Кіевъ*.
- Зайцевъ, Алексѣй Михайловичъ, проф. Томск. универс. (3 ноября 1885 года). *Томскъ*.
- Измайловъ, Александръ Силовичъ, магистръ ветер. наукъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ*.
- 60 Качановскій, Владиміръ Васильевичъ, проф. Нѣж. института (17 декаб. 1886 г.). *Нѣжинъ* Черниг. губ.
- Красносельцевъ, Николай Ѳомичъ, проф. Новорос. университета (3 мая 1886 г.). *Одесса*
- Кремлевъ, Николай Александровичъ, заслужен. орд. проф. (17 дек. 1886 г.). *С.-Петербургъ*.
- Кривошапкинъ, Михаилъ Ѳомичъ (членъ-основатель).
- Кузнецовъ, Степанъ Кировичъ, бібліотекаръ университета (25 окт. 1884 года). *Томскъ*.
- *Ляхачевъ, Иванъ Ѳедоровичъ, в.-адмир. (25 нояб. 1884 г.). *Москва*.
- 65 Магницкій, Василій Константин., инспекторъ нар. учил. (3 нояб. 1885 года). *Елабуга* Вятск. губ.
- Мазунинъ, Николай Михайловичъ, землемѣръ (29 сент. 1889 года). *Глазовъ* Вятск. губ.
- Майковъ, Леонидъ Николаевичъ, помощн. директора Императ. Публичн. бібліот., д. с. с. (27 января 1879 г.). *С.-Петербургъ*.
- Можаровскій, Александръ Ѳедоровичъ, инспекторъ нар. училищ. (4 сент. 1878 года).
- Можаровскій, Аполлонъ Ѳедоров., преподават. семинаріи (4 сент. 1878 года). *Нижній-Новгородъ*.
- 70 Овсянико-Куликовскій, Дмитрій Николаев., проф. универс. (14 февр. 1888 года). *Харьковъ*.
- Пантусовъ, Николай Николаевичъ, правит. канцеляріи Семирѣч. воен. губерн. (3 мая 1886 года). *Вурный*.
- Петровъ, Александръ Александровичъ, преподават. промышленнаго училища (22 дек. 1889 года). *Красноуфимскъ* Пермск. губ.
- Подтягинъ, Григорій Иванов., инженеръ (10 апр. 1880 г.). *Петро-Александровскъ*, Тургайск. обл.
- *Поливановъ, Владиміръ Николаев., камеръ-юнкеръ двора Е. И. В. (членъ-основ.). *Симбирскъ*.
- 75 Путиловъ, Александръ Аристархов., землевл. Самар. губ. (27 янв. 1879 года). *Самара*.
- Радловъ, Василій Васильевичъ, академикъ (членъ-основатель). *С.-Петербургъ*.
- Рамбо, Альфредъ, докторъ рус. истор., проф. слов. факультета въ Парижѣ (членъ-основ.). *Парижъ*.
- Сверчковъ, Николай Дмитріевичъ, уѣздн. предв. дворян. (27 янв. 1879 года). *Тетюши* Казанск. губ.
- *Смышляевъ, Дмитрій Дмитріевичъ (11 апр. 1891 г.). *Пермь*.

- 80 С п а с с к і й, Николай Александров., секрет. губ. стат. комит. (22 дек. 1889 года). *Вятка*.
- *Т и м а е в ъ, Евгений Матвѣевичъ, драгоманъ азіатскаго Департ. Мин. Иностран. дѣлъ (членъ-основ.). *С.-Петербургъ*.
- Т и т о в ъ, Андрей Александровичъ, потом. почетн. гражд. (27 февр. 1887 года). *Ростовъ* Ярослав. губ.
- Т о л с т о й, Александръ Васильевичъ, землевл. Саратов. губ. (27 апр. 1890 года). *Сызрань* Симбирск. губ.
- Т р у б н и к о в ъ, Юрій Владиміровичъ, землевл. казан. губ. (25 окт. 1885 года). *Спаскъ* Казахск. губ.
- 85 Т р у т о в с к і й, Владиміръ Констант., членъ Москов. Арх. Общ. (17 дек. 1886 года). *Москва*.
- Х о р о ш а в и н ъ, Сергѣй Александр. (членъ-основ.).
- Х р и с т о ф о р о в ъ, Иванъ Яковлевичъ, инспект. гимназіи (членъ-основатель). *Астрахань*.
- *Ч е к а л и н ъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ предсѣд. Мир. Съѣзда (29 дек. 1882 года). *Кузнецкъ* Саратов. губ.
- Ш и ш к и н ъ, Ѳедоръ Ростиславов. (29 дек. 1885 г.). *Тетюши* Казан. г.
- 90 Ш п и л е в с к і й, Сергѣй Михайловичъ, директоръ Демидовск. лицея (членъ-основ.). *Ярославль*.

IV. ЧЛЕНЫ СОТРУДНИКИ ОБЩЕСТВА.

а) городскіе:

- 1 В а г и н ъ, Петръ Константинов. учитель (15 дек. 1879 г.).
- Г е р к е н ъ, Вѣра Александровна (18 апр. 1887 г.).
- И в а н о в ъ, Александръ Павловичъ, преподав. Ксеніинской гимназіи (25 дек. 1878 г.).
- К а в а р и н о в ъ, Всеволодъ Абрамовичъ (16 апр. 1879 г.).
- 5 К а н о н н и к о в ъ, Иннокентій Ивановичъ, проф. унив. (28 апр. 1881 г.).
- К о б а е в ъ, Макаръ Евсевьевичъ, учитель (3 апр. 1889 г.).
- К у н г у р ц е в ъ, Ипполитъ Семеновичъ, преподават. реальн. училища (31 янв. 1890 г.).
- Л и х а ч е в ъ, Николай Петровичъ, прив.-доц. унив. (22 апр. 1881 г.).
- Л ю с т р и ц к і й, Викторъ Ѳедоровичъ, инспекторъ народн. училищъ. (16 окт. 1882 г.).
- 10 М а л о в ъ, Ефимій Александровичъ, прот., професс. Академіи (2 апр. 1884 года).
- Н е л и д о в а, Раиса Александровна (16 мар. 1890 г.).
- П а ш к о в с к і й, Христофоръ Григорьевичъ, архитекторъ, преподав. реальн. учил. (22 нояб. 1880 г.).
- С е м е н о в ъ, Тимофей Семеновичъ, о. діаконъ (3 апр. 1889 г.).
- С м и р н о в ъ, Сергѣй Михайл., хранит. бот. каб. (2 мая 1890 г.).
- 15 С о ф о н о в ъ, Константинъ Трифоновичъ (2 мая 1890 г.). Адмир. слоб.
- С у р и н ъ, Ѳедоръ Осиповичъ, подполк. артиллер. (18 дек. 1880 г.).

Щербачковъ, Арсеній Яковл, проф. унив. (28 апр. 1882 г.).
 Эрактинъ, Алексѣй Петровичъ (29 дек. 1885 года).
 Юртовъ, Авксентій Филиппов. препод. учит. семин. (1 февр. 84 г.)

б) иногородніе:

- 20 Аптіевъ, Гавріиль Андреевичъ, учитель дер. *Варяши*, Бирск. уѣзд.
 (19 нояб. 1889 года).
 Аристовъ, Михайль Николаевичъ, Мировой судья (22 мар. 1879 г.).
Чистополь Казанск. губ.
 Архангельскій, Иванъ Васяльев., штатн. смотрит. Тетюшскаго
 уѣздн. учил. *Тетюши*.
 Балабановъ, Иванъ Петров., редакторъ «Саратов. губерн. Вѣдом.»
 (4 окт. 1880 г.). *Саратовъ*.
 Батьковскій, Василій Ефимов., священ. (1 янв. 1880 г.) с. *Воро-
 нежское*, Казан. губ.
- 25 Вакуловскій, Николай Никол. (27 янв. 1882 г.). *С.-Петербургъ*.
 Васильевъ, Егоръ Васильев. учитель Бичуринск. учил. Казанской
 губерніи (10 мая 1887 года).
 Веселницкій, Владиміръ, священн. села *Богородскаго* Казанск. уѣзда
 (8 сент. 1889 года).
 Вихманъ, Георгъ, магистръ Гельсингфорск. унив. (15 окт. 1891 г.).
Гельсингфорсъ.
 Владимірскій, Василій Ѳедоровичъ, священ. (29 дек. 1885 года)
 село *Богаво*, Свіяжск. уѣзда.
- 30 Гейкель, магистръ философіи Гельсингф. университета (30 сент.
 1884 года). *Гельсингфорсъ*.
 Гуляевъ, Костантинъ Иванов. (28 мая 1881 года).
 Дмитріевъ, Александръ Алексѣевичъ, инспект. народн. учил. (3
 нояб. 1885 года). *Пермь*.
 Дмитріевскій, Николай Ивановичъ, сельскій учитель (22 ноября
 1881 года) с. *Биллярскъ*.
 Дубасовъ, Иванъ Ивановичъ. *Тамбовъ*.
- 35 Дьяконовъ, Павелъ Иванов., священ. (22 сент. 1879 г.) с. *Мож-
 рово* Тетюшскаго уѣзда.
 Ефимовъ, Николай Ефимовичъ учитель народнаго училища (16 мая
 1889 года).
 Жилинъ, Алексѣй Дмитріев., священ. (22 мар. 1879 г.) село *Верхъ-
 Ушнуръ*, Вятской губерніи.
 Живневскій, А. К. предсѣдатель архивн. комиссіи. *Тверь*.
 Заятовъ, Мухаметзянъ Биккининъ, указанный мулла (8 март. 1880 г.)
Кунарчино, Лаяшевскаго уѣзда.
- 40 Зайцевъ, Иванъ Яковлевичъ, сельскій учитель (30 сент. 1884 года).
Тетюшск. уѣзда.
 Извощиковъ, Михайль Иванов., полицейск. урядн. (8 нояб. 1879 г.)
 с. *Новодѣвичье* Сент. у. Сиб. г.

- Ильченко, Дмитрій Васильевичъ, директоръ народн. учил. (28 апр. 1882 г.). *Тамбовъ*.
- Каратаевъ, Бахитъ-Джанъ Джієневичъ (30 сент. 1885 г.). *Оренбургъ*.
- Катановъ, Николай Ѳедоров. (8 дек. 1884 г.) *С.-Петербургъ*.
- 45 Логачевъ, учитель с. *Йола*, Соликамскаго уѣзда (1 нояб. 1890 г.).
- Любимовъ, Николай Александр., священ. (8 мар. 1880 г.). *Арскъ*.
- Маліевъ, Николай Михайлов. проф. унив. (8 нояб. 1879 г.). *Томскъ*.
- Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, проф. унив. (27 окт. 1888 года). *Дертъ*.
- Мелетій, Епископъ Селенгинскій (20 іюля 1878 года).
- 50 Наливкинъ, Владиміръ Петров., преподав. учит. семин. (5 февр. 1888 года). *Ташкентъ*.
- Нохратскій, Василій Михайлов. сельскій учитель (22 нояб. 1880 г.) *Чистоп.* уѣзда.
- Остроумовъ, Николай Петров., директоръ гимназіи (8 мар. 1880 г.) *Ташкентъ*.
- Пасынковъ, Павелъ Петров., помощ. испр. (28 сент. 1889 г.) *Вятка*.
- Пироговъ, П. Г., правитель дѣлъ архив. комиссіи *Рязань*.
- 55 Потанинъ, Григорій Николаев. (17 дек. 1880 г.). *Иркутскъ*.
- Радаковъ, Александръ Николаев. (28 сент. 1879 г.). *Вятка*.
- Рейнгольмъ, художникъ (30 сент. 1884 года). *Гельсингфорсъ*.
- Рябинскій, Константинъ Сергѣевичъ, инспект. городск. училища (16 окт. 1882 года). *Козмодемьянскъ*.
- Сабуровъ, Василій Васильев., землевл. Пенвенск. губери. (22 марта 1879 года). *Пенза*.
- 60 Сапожниковъ, Василій Васильев., (28 сент. 1879 г.). *Рыль-Пески*.
- Селивановъ, А. В. правитель дѣлъ архив. комиссіи. *Рязань*.
- Семеновъ, Александръ Ѳедоров. препод. реал. училища (3 февраля 1883 года). *Владикавказъ*.
- Скопинъ, Василій Никитичъ, (16 апр. 1879 года). *Чекментъ*, Сыръ-Дарьинской области.
- Спицынъ, Александръ Андреевичъ членъ. Импер. Археол. Комиссіи (4 ноября 1881 года). *С.-Петербургъ*.
- 65 Троицкая, учительница въ *Царевкокиш.* уѣзд. (1 нояб. 1890 г.).
- Фанагорскій, Петръ Иванов., священ. (27 янв. 1878 г.) село *Бояково* Спасск. у.
- Фатяновъ, Михаилъ Иванов., землевл. (15 дек. 1879 г.) *Сенсилевск.* у. Симбир. губ.
- Хорошевъ, учитель въ с. *Ошибъ*, Соликамск. у. (1 нояб. 1890 г.).
- Шкапскій, Евлампій Семеновичъ, учит. уѣздн. училища. *Ядринъ*.
- 70 Шляковъ, И. А. членъ музея въ *Ростовъ*.
- 71 Яковлевъ, Трифонъ Степанов., сельскій учитель села *Астраханки*, Ланшевскаго уѣзда.

ПРОТОКОЛЬ ЗАСѢДАНІЯ РЕВИЗИОННОЙ КОМИССІИ.

1892 г. марта 8 дня мы, члены ревизіонной комиссіи Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи, свидѣтельствовали денежную приходо-расходную книгу этого Общества, а также провѣряли всѣ расходныя статьи, оправдательные документы и всѣ наличныя деньги и процентныя бумаги. При ревизіи оказалось: на приходѣ двѣ тысячи сто девяносто три руб. семьдесятъ три коп. (2193 р. 73 к.), а на расходѣ: тысяча двѣсти семьдесятъ восемь руб. шестьдесятъ пять коп. (1278 р. 65 к.) и въ остаткѣ девятьсотъ пятнадцать руб. восемь коп. (915 р. 08 к.), каковыя деньги и процентныя бумаги оказались всѣ на лицо.

Члены ревизіонной Комиссіи { *Н. Толмаевъ.*
П. Траубенбергъ.
А. Мулагинъ.

ГОЛОДЪ ПРЕДЪ СМУТНЫМЪ ВРЕМЕНЕМЪ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ).

Въ мірѣ есть царь; этотъ царь без-
пощаденъ,—голодъ прозванье ему.

Некрасовъ.

До половины XVI-го столѣтія пространство между Волгой и Окой постепенно наполнялось пришлымъ населеніемъ, которое, повидимому, крѣпко „осѣдало“ въ этомъ междурѣчьи. Колонизація съ юга изъ украинскихъ степей, казалось, готова была остановиться здѣсь и не пойти дальше, найдя себѣ окончательный пріютъ въ земляхъ копителей—собирателей московскихъ князей, сумѣвшихъ объединить подъ своею властью всю Великороссію. Но это только казалось: дальше пока и идти было некуда: путь на сѣверо- и юго-востокъ былъ еще плотно закрытъ двумя татарскими царствами. Только это внѣшнее препятствіе и пріостановило на время передвиженіе населенія. Справедливость этого соображенія доказывается тѣмъ, что лишь только указанное препятствіе было устранено, почти тотчасъ же цѣлыя массы народа начали отливать отъ центра и расплываться по обширнымъ областямъ средняго и южнаго Поволжья, Прикамья и Приуралья. Несомнѣнно этимъ бродяжническимъ управляютъ весьма серьезныя причины, какъ агрономическія, такъ и соціально-политическія. Переходить все на новыя и новыя мѣста побуждалъ земледѣльца уже самый способъ обработки земли; большею частью пашня возникала на мѣстѣ выжженного лѣса и питалась только пепломъ и пере-

¹⁾ Публичная лекція, читанная отъ лица Общества А. И. и Э. 15 марта 1892 г. въ пользу нуждающихся учениковъ сельскихъ школъ и недостаточныхъ студентовъ И. К. У.

гноемъ; понятно, что этого питанія хватало не надолго: земля, представляющая въ верхнемъ Поволжьи не особенно благодарный суглинокъ, быстро выпахивалась, и земледѣлецъ, собравъ свой несложный инвентарь, переходилъ на нетронутую почву. Но какъ бы этотъ процессъ ни былъ быстръ, одни агрономическія условія не могли бы его сдѣлать такимъ, какимъ мы его наблюдаемъ въ концѣ XVI стол.: движеніе походило на сплошное бѣгство населенія отъ центра къ окраинамъ.

Иностранные наблюдатели-современники мѣтко указываютъ на тѣ обстоятельства, которыя сильно ускоряли темпъ движенія. Одинъ изъ нихъ—человѣкъ, весьма трезво смотрѣвшій на вещи и называвшій ихъ настоящими именами, свидѣтельствуется, что земли и движимое имущество на Руси принадлежать простому народу *„только по названію“*, а *„на самомъ дѣлѣ нисколько не ограждены отъ хищничества и грабежа какъ высшихъ властей, такъ даже и простыхъ дворянъ, чиновниковъ и солдатъ“*¹⁾. Вслѣдствіе этого *„простой народъ подверженъ такому грабежу и такимъ поборамъ отъ дворянъ, разныхъ властей и царскихъ посыльныхъ, что случается видѣть многія деревни и города въ полмилю или цѣлую милю длины совершенно пустыя, народъ весь разбѣжался по другимъ мѣстамъ отъ дурного съ нимъ обращенія и насилій“*²⁾.

По дорогѣ къ Москвѣ (между Вологдою и Ярославлемъ) въ концѣ XVI - го ст. путешественникъ насчитывалъ на растояніи 180 верстѣ до 50 деревенъ, въ которыхъ не было *„ни одного жителя“*³⁾. Какъ раньше, подъ вліяніемъ страха предъ внѣшними врагами, русское населеніе сбѣгалось въ сравнительно сносное убѣжище—въ Московское княжество, какъ теперь, подъ вліяніемъ того же чувства, оно спѣшило подальше отъ Москвы, опека которой сдѣлалась чрезмѣрно заботливой.

¹⁾ Флетчеръ, стр. 12.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. стр. 45.

Это бродячее направленіе въ жизни древне-русскаго крестьянина не располагало его къ заготовленію значительныхъ хлѣбныхъ запасовъ на черный день; отбивали послѣднюю охоту къ таковой хозяйственности и всевозможные „наѣзды“ царскихъ прикащиковъ ¹⁾; вообще—состояніе сельскаго хозяйства было весьма жалкимъ: большинство населенія кормилось съ грѣхомъ пополамъ отъ жатвы до жатвы. Фигура русскаго крестьянина XVI—XVII ст. обрисовывается предъ нами довольно отчетливо: это—полуголодный пахарь съ кое-какими примитивными орудіями, но безъ устойчивой почвы подъ ногами, человекъ съ кочевыми наклонностями, но прежде всего имѣющій предъ собой трудно преодолимую преграду—лѣсную чащу; каждый шагъ въ этихъ вѣковыхъ лѣсахъ дается ему послѣ упорной борьбы, надрывающей его силы; наконецъ это—человекъ, который въ случаѣ неурожаа былъ заранѣе обреченъ на злѣйшій голодъ, повальные болѣзни и смерть и который разсматривалъ эти бѣдствія какъ „божеское наказаніе“. „Наказанія“ такого рода посѣщали древнюю Русь весьма часто, но никогда они не достигали такой жестокости, какъ въ царствованіе Бориса Годунова. Неурожаю предшествовали, какъ и всегда, нѣкоторыя атмосферическія явленія, отмѣченныя нашими лѣтописцами рядомъ съ заявленіями, что самъ Богъ „наведе гладь великій“ ²⁾. Лѣто 1601 г. было весьма дождливое; дождя было такъ много, „что вси человекѣ во ужасъ впадоша“ ³⁾; хлѣбъ уже наливался, но не зрѣлъ, стоялъ зеленый, „аки трава“. Кромѣ того, въ ночь на Успеневъ день (16-го августа) ударилъ сильный морозъ („мразъ велій“) и погубилъ весь хлѣбъ. Въ этотъ годъ, по свидѣтельству русскаго лѣтописца, народъ

¹⁾ Ibid.: ...«народъ, будучи стѣсненъ и лишаемъ всего, что приобрѣтаетъ, терять всякую охоту къ работѣ», стр. 46. Маржеретъ: «простой народъ довольствуется весьма немногимъ... весьма лѣнивъ, работы не любитъ»... (Сказ. совр. т. III, стр. 15).

²⁾ Лѣтоп. о мн. мятеж, стр. 63 и 64. Палицинъ, Сказаніе объ осадѣ Троицко-Серг. мон., стр. 10.

³⁾ Палицинъ, стр. 10.

еще питался „съ нуждою“ тѣми остатками, которые сохранились отъ стараго года и спаслись отъ мороза въ этомъ году; даже на посѣвъ хватило, какъ на озимое, такъ и на яровое; всѣ надѣялись, „что возрастетъ“, но сѣмена погибли „въ землѣ: тогда наступилъ „гладъ велий, яко и купити негдѣ“; отцы начали покидать своихъ дѣтей, мужья—женъ, „и мроща людіе“, какъ и „въ повѣтріе моровое не мроща“. „Бысть же гладъ три годы“, заканчиваетъ русскій лѣтописецъ краткое описаніе этого бѣдствія ¹⁾).

Иностранцы, жившіе въ то время въ Россіи, словоохотливыѣ; ихъ описанія, которыми не одинъ разъ пользовались наши историки, заключаютъ въ себѣ не только общія черты бѣдствія, но и частныя, весьма трагическіе эпизоды. При этомъ иностранцы большею частью завѣряютъ, что они были очевидцами сообщаемыхъ ими „случаевъ“. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ, заявивъ: „я самъ видѣлъ ужасное дѣло“, затѣмъ рассказываетъ о томъ, какъ четыре женщины заманили мужика съ возомъ дровъ на дворъ и удавили, намѣреваясь его съѣсть, когда выйдетъ мясо его лошади; пойманныя въ этомъ преступленіи, онѣ сознались, что два человѣка ими уже съѣдены ²⁾. Другой очевидецъ, ученый географъ Масса, изъ оконъ своей квартиры въ Москвѣ созерцалъ человѣка, который „блѣсно въ продолженіе четырехъ дней“, вслѣдствіе чего, объясняетъ сообразительный голландецъ, „онъ надорвался и умеръ“. Ученый географъ, по его словамъ, „самъ охотно далъ бы поѣсть молодому человѣку“, но онъ опасался, что на него нападутъ; географъ былъ очень напуганъ; каждое утро онъ встрѣчалъ за городомъ „людей, лежавшихъ близъ кучекъ навоза“; трупы нѣкоторыхъ изъ нихъ были полусъѣдены, и когда Масса смотрѣлъ на нихъ, то у него „волосы становились дыбомъ“. Если ученый географъ совершенно спасовалъ въ дѣлѣ частной благотворительности, то его землякъ, царскій аптекаръ, ока-

¹⁾ Лѣт. о мн. мят., стр. 63 и 64.

²⁾ Маржеретъ; Сказанія совр. о самозванцѣ Устрялова, 3 ч., стр. 74 и 75.

зался человѣкомъ сострадательнымъ. Аптекарь, „пользовавшійся почетомъ между вельможами“, однажды нашель ребенка на дорогѣ, „еще живого, лежавшаго въ снѣгу безъ памяти отъ холода“. Онъ не побоялся этого ребенка поднять, положить въ свои сани и окутать его шубами и медвѣжьими шкурами. Приѣхавъ въ деревню, „въ которой еще оставалось въ живыхъ нѣсколько человѣкъ“, аптекарь отогрѣлъ ребенка на печкѣ. Дѣвочка, прийдя въ себя, рассказала своему благодѣтелю, что мать бросила ее на дорогѣ, а сама убѣжала. „Больше ничего нельзя было узнать отъ ребенка“, говорилъ аптекарь впослѣдствіи. А тогда онъ оставилъ дѣвочку въ избѣ, давъ „кое-что“ хозяевамъ на ея „содержаніе“, и сказалъ, что онъ скоро вернется и возьметъ ее съ собою. Но ему не удалось исполнить своего обѣщанія; на возвратномъ пути онъ въ этой деревнѣ уже никого не нашель — „всѣ жители вымерли“. Аптекарю осталось только сдѣлать предположеніе, что „ребенка съѣли“ „вмѣстѣ со съѣстными припасами“.

Ученый географъ, которому царскій аптекарь рассказалъ все это, убѣжденъ, что „происшествіе вѣрно передано“. „Оно, прибавляетъ Массъ, достовѣрно и потому, что въ то время было много подобныхъ происшествій“¹⁾. Дѣйствительно, рассказы о нихъ мы слышимъ со всѣхъ сторонъ—рассказы, которыми, если и можно недовѣрять, то лишь въ подробностяхъ, въ ихъ, такъ сказать, казусной сторонѣ; въ общей же правдѣ этихъ рассказовъ нельзя сомнѣваться, потому что сущность ихъ засвидѣтельствована единогласно всѣми современниками, писавшими о голодныхъ годахъ при Борисѣ. Конечно очевидно, подавленные отдѣльными исключительными фактами, были склонны разсматривать эти факты обыкновеннымъ явленіемъ и въ своихъ обобщеніяхъ доходили до утрировки, которая замѣтна съ перваго взгляда; такъ, только напуганное воображеніе могло привести Буссова къ заключенію, что „вездѣ

¹⁾ Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изданіе Археогр. Комиссіи; стр. 78 и 79.

отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей“¹⁾); но уже самое это преувеличеніе въ выраженіяхъ весьма типично: едва ли кто станетъ отрицать, что крайнія выраженія были продиетованы крайнимъ ужасомъ, которымъ современники были совершенно подавлены. Словомъ, общій характеръ картины былъ приблизительно таковъ: мучительно борясь съ голодною смертью, люди набрасывались на что ни попало: „ядоша всяку траву и мертвину, и пси и кошки, а инъ кору липовую и сосновую“²⁾): не гнушались иногда и людоедствомъ, бывали также случаи и голоднаго бѣшенства, въ каковое впала, напр., та женщина, которая, проходя по улицѣ, „схватила—по словамъ очевидца—руками собственное дитя и начала отъѣдать у него ручки“ съ такою жадностью, „что народъ едва силую могъ отнять младенца и спасти его“. Погибая отъ голода, вскорѣ начали погибать и отъ „черной смерти“ или чумы, проявившейся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства. За три года бѣдствія населеніе, и безъ того незначительное встарину, сильно уменьшилось; источники не даютъ намъ возможности точно опредѣлить число погибшихъ во время голода; на основаніи свидѣтельствъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, мы можемъ только предполагать, что это число равнялось прибли-

¹⁾ Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, т. 1. изд. Устрялова, стр. 38; вошло также въ обыкновеніе повторять, вслѣдъ за Буссовымъ, что «мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкѣ за говяжье, въ пирогахъ» (стр. 38); это сообщеніе дало въ свое время поводъ французскому историку де-Ту, очевидно не любившему блѣдныхъ красокъ, рассказывать, что въ голодные годы при Борисѣ «мясо человѣческое лежало на рынкахъ, туда вносили трупы, кто только могъ» (Сказ. совр. т. 3, стр. 128). Даже Устряловъ, ивдатель и большой поклонникъ этого историка, усумнился въ этомъ случаѣ въ правдоподобіи такихъ сообщеній, рассказанныхъ по слухамъ (Ibid. стр. 232).

²⁾ Повѣсть о Гришкѣ Отрепьевѣ. Къ сдержаннымъ сообщеніямъ нашего лѣтописца любители сильныхъ подробностей могутъ прочесть у Буссова (Сказ. совр. о Дмитр. Самозв., т. 1., стр. 38), что «у мертвыхъ находили во рту, вмѣстѣ съ навозомъ, человѣческой калъ» и т. п.

зительно 500,000 въ одной Москвѣ ¹⁾). Не удивительно, что „зрѣлище было неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ голода и холода“ ²⁾). Вообще, бѣдствіе, по выраженію современника, „было такъ необыкновенно и ужасно, что ни одинъ человекъ, какими бы необыкновенными способностями онъ ни былъ одаренъ, не могъ бы описать его“ ³⁾).

Вполнѣ соглашаясь съ приведеннымъ мнѣніемъ современника, я со своей стороны лишь старался на основаніи показаній источниковъ намѣтить предъ Вами общіе размѣры народнаго бѣдствія на Руси въ началѣ XVII - го стол. Теперь мнѣ слѣдовало бы разсмотрѣть мѣры, употребленныя русскимъ правительствомъ для борьбы съ голодомъ, съ этимъ, по мѣткому выраженію поэта, „безпощаднымъ царемъ“. Но чтобы вѣрно оцѣнить эту борьбу, надо знать обоихъ противниковъ; съ однимъ мы уже познакомились,—посмотримъ, каковъ другой—царь Борисъ Годуновъ, глава московскаго правительства того времени. Сравнивая Годунова съ другими московскими царями, нельзя не признать, что это былъ лучшій изъ нихъ. Отъ представителей Рюриковской династіи Бориса выгодно отличаетъ извѣстная степень вниманія къ нуждамъ населенія а также значительная терпимость ко всему тому, что отзывав-

¹⁾ Маржереть сообщаетъ, что въ одной Москвѣ погибло болѣе 120,000 ч., которыхъ «похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ иждивеніемъ Государя» (Сказанія совр., т. 3, стр. 75); Авраамій Палицынъ: въ 2 года и 4 мѣс. схоронили въ трехъ скудельницахъ 127,000 труповъ повелѣніемъ Бориса, кромѣ погребенныхъ людьми христолюбивыми у церквей приходскихъ, коихъ считалось въ Москвѣ болѣе 400. Если Буссовъ и преувеличиваетъ, говоря, что иждивеніемъ царя было похоронено 500,000 труповъ, то всетаки можно признать приблизительную вѣрность такого количества для погибшихъ отъ голода въ Москвѣ, соединивъ въ него, какъ похороненныхъ царемъ, такъ и частными лицами; первыя два показанія, особенно Палицына, даютъ намъ полное право для такого заключенія, а самъ Буссовъ подкрѣпляетъ его утвержденіемъ, что онъ сообщаемую имъ цифру «самъ слышалъ отъ нѣкоторыхъ купцовъ и достовѣрныхъ сановниковъ» (Сказ. соврем., т. 1, стр. 39 и 242). О погибшихъ въ другихъ мѣстахъ государства мы тоже не знаемъ ничего опредѣленнаго: «умирало много»—и все тутъ!

²⁾ Маржереть, стр. 76.

³⁾ Масса, стр. 79.

лось „нерусскимъ духомъ“; отъ своихъ преемниковъ на Московскомъ тронѣ, кончая Федоромъ, Борисъ отличается далеко незаурядными правительственными дарованіями. Даже современники считали Бориса весьма разсудительнымъ правителемъ. Съ виду онъ казался крайне хитрымъ, „пронормъ лукавымъ“, и спокойнымъ человѣкомъ, который не способенъ сильно увлечься какимъ-бы то ни было чувствомъ; но эта холодность Бориса была не природнымъ его свойствомъ, а приобретеннымъ въ трудной школѣ Ивана Грознаго, при дворѣ котораго актерскія качества только и могли нѣсколько гарантировать жизнь. И изъ Бориса вышелъ хорошій актеръ,—настолько хорошій, что понравился даже Грозному царю, который, какъ извѣстно, былъ очень строгимъ цѣнителемъ. Крайности сошлись: сильный волей Борисъ пришелся по душѣ безвольному Ивану Васильевичу. Выдержка, приобретенная Борисомъ, очень рѣдко измѣняла ему и тогда, когда онъ самъ сдѣлался царемъ; я говорю „очень рѣдко“, потому-что вышли два случая, когда Борисъ увлекся до того, что со-всѣмъ измѣнилъ самому себѣ. Онъ былъ хорошій актеръ, но не такой, чтобы никогда не переигрывать, потому-что на самомъ дѣлѣ это была сграстная натура, державшая себя въ уздѣ при помощи могучей воли. Благодаря этому послѣднему качеству Годунову¹⁾ и удалось сдѣлать свою блестящую карьеру, но когда цѣль была достигнута, въ моментъ коронованія на царство, Борисъ поддался охватившему его восторгу и голосомъ „зѣло высокимъ“ повлялся всенародно, призывая Бога въ свидѣтели, что въ его государствѣ никогда не будетъ нищихъ и убогихъ, что онъ даже послѣднюю рубашку раздѣлитъ со всѣми. Этому, разумѣется, никто не повѣрилъ, но кромѣ того выхода Бориса не понравилась и потому, что была противъ всякаго обыкновенія, противъ тогдашняго этикета или „чина“; современники удивились безтактности новаго царя, не сумѣвшаго въ торжественную минуту соблюсти должнаго спокойствія¹⁾.

¹⁾ Авраамій Палицынъ, рассказывая объ инцидентѣ съ клятвой, замѣчаетъ съ недоумѣніемъ: «невѣмы чего р...», стр. 7.

Царь, „мужъ зѣло чуденъ и сладкорѣчивъ“, вѣроятно, и самъ понялъ, что вложилъ въ свое сладкорѣчіе слишкомъ много сахара, но, чтобы заслужить расположеніе народа и чрезъ то утвердить свою династію на московскомъ тронѣ, онъ дѣлалъ все, что могъ. Мало симпатизирующій Борису Авраамій Палицинъ свидѣтельствуетъ, что царь весьма „промышлялъ“ о бѣдныхъ и нищихъ и что, вслѣдствіе этого, онъ былъ „всѣмъ любезенъ“.

Но вотъ, одновременно съ наступленіемъ голода, пронесся слухъ, что живъ еще послѣдній представитель старой династіи, царевичъ Дмитрій, котораго Борисъ такъ долго считалъ умершимъ въ Угличѣ. Выдержка опять измѣнила Борису: онъ чрезмѣрно испугался. Какъ въ счастливый моментъ онъ не сумѣлъ скрыть свой восторгъ, такъ теперь онъ не сумѣлъ подавить въ себѣ страхъ предъ призракомъ, вышедшимъ изъ могилы. Борисъ навѣрное не зналъ даже, призракъ ли это, потому-что о кончинѣ царевича ему сообщили въ какихъ-то фальшивыхъ чертахъ. Если же это призракъ, то все-таки онъ очень опасенъ, въ силу своего магическаго имени. Борисъ почувствовалъ, что усилія всей его жизни могутъ быть разбиты однимъ ударомъ... Чьимъ?... Кто выставилъ этого человѣка?... Кто стремится лишить его власти,—его, который имѣлъ „во властолюбію ненасытное желаніе“¹⁾? Воспитанникъ Грознаго—Годуновъ заподозрилъ въ крамолѣ московское именитое боярство. Долго сдерживаемая ненависть противъ вліятельныхъ боярскихъ фамилій, наконецъ проявилась въ полной силѣ. По доносамъ начались пытки и тайныя казни. Борису пришлось совѣщать добросердечіе къ голодающимъ съ жестокостью къ заподозрѣннымъ; быть добрымъ онъ обѣщалъ, не быть жестокимъ онъ оказался не въ состояніи. Эта двойственность въ поведеніи Бориса произвела на современниковъ столь неблагоприятное впечатлѣніе, что въ

¹⁾ Сказ, т. 1, стр. 255.

доброту его совсѣмъ перестали вѣрить ¹⁾). Поэтому мѣры Бориса противъ народнаго бѣдствія встрѣчались многими съ большимъ предубѣжденіемъ, которое въ извѣстной степени вредило дѣлу; но было бы странно, вслѣдъ за нѣкоторыми учеными историками, приписывать полную неудачу мѣропріятій Бориса его собственнымъ ошибкамъ,—тому, что онъ несумѣлъ заслужить народнаго довѣрія. Проницательные историки, читающіе давно умершимъ людямъ уроки мудрости, забываютъ или не хотятъ помнить объ одномъ весьма простомъ обстоятельстве,—о томъ, что въ жизни человѣческихъ обществъ всегда на лицо имѣются такія условія, предъ которыми человѣкъ совершенно безсиленъ, какою бы энергіею онъ ни обладалъ и какъ бы благоудно ни поступалъ. Такъ и въ русскомъ обществѣ разсматриваемаго времени было много такого, съ чѣмъ борьба была не по плечу не только Борису, но и гораздо поздыѣе, превосходившему его во всѣхъ отношеніяхъ Петру Великому.

Изъ этого многого достаточно для нашей цѣли указать на слѣдующее неотразимое явленіе. Въ то время, когда массы народа погибали голодною смертью, богачи хранили полъ спудомъ обильные хлѣбные запасы, выжидая, что страшная дороговизна хлѣба ²⁾ еще значительно усилится; такой политикъ: и придерживались и служилые люди высшихъ степеней, и купцы, и монастыри, бывшіе, какъ извѣстно, самыми крупными послѣ царя землевладѣльцами въ странѣ ³⁾). Хлѣбъ гнилъ въ смир-

¹⁾ Маржереть, стр. 78.

²⁾ Въ 1601 г. «Сольвычегодскіе на послѣдхъ и въ уѣздахъ хлѣбъ дорого купять: четь ржи по рублю, овесь въ двадцать алтынъ, ячмень по 30 алтынъ безъ гривны». (Русск. Стар. 1891 г., ноябрь). Въ 1602 г. рожь продавали по 2 р. четверть, овесь по 1 р. 10 алт.; въ 1603 рожь по 3 руб., овесь по 1 р. 10 алт., жито по полтретья рубля четь; а четверть была невелика противъ нынѣшней вдвое) (Карамзинъ, т. XI, примѣч., стр. 35).

³⁾ Авраам. Палиц., стр. 13; Сказанія, т. 1, стр. 40; Масса, стр. 80: «Во многихъ монастыряхъ и у многихъ знатныхъ богатыхъ людей амбары были полны хлѣба, часть котораго отъ продолжительнаго времени уже сгнила, а они не хотѣли его продавать». Буссовъ: «нашлись на поляхъ огромные скирды: длиною въ 1000 саж., болѣе полувѣка неприкосновенные и ...уже поросшіе»

дѣхъ, но „знатные и богатые люди“ и „лукавые мпихи“ были терпѣливы, не подозрѣвая, что кромѣ повышенія цѣны они дождутся и тѣхъ ужасовъ, которыми было чревато смутное время, когда холопы платили своимъ господамъ очень крупною монетою: связывали мужа или сына и предъ глазами ихъ „студъ содѣвающе и не десять числомъ, но и сугубѣ двоицею и вѣщи“, когда они не падали даже малолѣтнихъ дѣвочекъ, когда „невѣсты Христовы честныя и святыя инокини“ насильно разстригались и подвергались самому безстыдному поруганію въ воровскихъ станахъ ¹⁾. Не подозрѣвали всѣхъ этихъ и другихъ несчастій богатые люди, скрывая отъ умирающихъ хлѣбъ, который былъ „обрѣтенъ“ уже въ царствованіе Василія Шуйскаго или „во время плѣненія отъ всѣхъ овольнихъ языкъ“. Въ это время, т. е. въ разгаръ смутной эпохи, было найдено огромное количество „разхищеннаго“ всякаго хлѣба: житницы и гумна оказались переполненными одоуями и копнами хлѣба, котораго хватило бы на десять лѣтъ; современникъ, сообщающій намъ это, достаточно ясно понималъ, что основная причина смуты кроется въ безпощадномъ эгоизмѣ людей, владѣвшихъ капиталомъ и народнымъ трудомъ; рассказавъ о найденныхъ запасахъ хлѣба, скрытаго богачами въ голодные годы, онъ прибавляетъ: „*отъ нельже смятъніе бысть во всей русской земли*“ ²⁾.

Характеризуемое направленіе было настолько господствующимъ въ общественныхъ верхахъ, что „даже самъ патріархъ, глава духовенства, на котораго смотрѣли въ Москвѣ какъ на святого, имѣя большой запасъ хлѣба, говорилъ, что онъ не хочетъ еще продавать его въ ожиданіи возвышенія цѣны ³⁾“.

Какія, при такихъ условіяхъ, мѣры борьбы съ голодомъ достигли бы своей цѣли? Предоставимъ этотъ вопросъ рѣшать

деревами(?), — заканчиваетъ этотъ современникъ, нѣсколько склонный къ гипер-боллизму. (Сказ. совр., т. 1, стр. 40).

¹⁾ Авраам. Палиц., стр. 53.

²⁾ Ibid. 13.

³⁾ Масса, стр. 79.

людямъ компетентнымъ въ практическихъ дѣлахъ и обратимся прямо къ тому, что было сдѣлано.

Лишь только появились первые признаки голода, какъ отъ царя Бориса мы слышимъ такія рѣчи:

„вѣдомо намъ учинилось“, что „у всѣхъ богатыхъ людей, прошлыхъ лѣтъ ржаного и ярового молоченаго и въ кладѣхъ немолоченаго всякаго хлѣба много; а архимандриты, и игумены, и епискупли, дѣти боярскіе, и десятильники, и Строгановы и ихъ прикащики и мноіе прожиточные и пашенные люди межъ себя сговорятся... хлѣбною дорогою цѣною обогатили, тотъ весь хлѣбъ у себя затворили и затаили, и для своихъ прибылей вздорожили въ хлѣбъ великую цѣну“... и т. д.

Правительство нисколько не скрывало истиннаго положенія вещей; отмѣтивъ печальный фактъ, оно въ указѣ вступило съ нимъ въ борьбу; оффиціальная рѣчь лилась и милостливо, и грозно: *„и мы, великій Государь, Борисъ Федоровичъ, и нашъ сынъ великій Государь царевичъ князь Федоръ Борисовичъ вся Русіи“... , жалья о васъ, о всемъ православномъ крестьянствѣ и сыскивая вамъ всѣмъ всего народа людямъ полезныя, чтобы... было въ нашихъ во всѣхъ земляхъ хлѣбное изобилуваніе, житіе нематежное и неповредимый покой у всѣхъ ровно,... вельми... хлѣбныхъ скупщиковъ и тѣхъ всѣхъ людей, которые цѣну въ хлѣбъ вздорожили и хлѣбъ затаили, сыскивати. И впредь того смотрѣти и беречи, и проведывати накрѣпко и о скупщикахъ, и о закупномъ хлѣбѣ по всѣмъ юродамъ нашего юсударства учинити укрѣпленіе и береженье великое, чтобы отъ тѣхъ скупщиковъ и ни отъ какихъ людей... ниждѣ хлѣбъ не дорожалъ... и нужи, и скудости, и оскорбленія никакимъ людямъ не было“¹⁾. Это предписывалось въ 1601 г., въ началѣ голода; тутъ же были установлены и крайнія цѣны на хлѣбъ, тутъ же привязывалось покупать „всякимъ людямъ“ хлѣба „понекому про себя, а не въ скупъ, чети по двѣ и по три, и по четыре челоуьку“²⁾.*

¹⁾ Русская Старина, 1891 г. ноябрь.

²⁾ Ibid.

Но, мм. гг., вы отлично понимаете, что этимъ хорошимъ словамъ было не суждено перейти съ бумаги въ дѣйствительность. Никакая сила не могла бы ихъ реализовать въ средѣ, относительно которой одинъ изъ самыхъ типическихъ ея представителей царь Иванъ Васильевичъ Грозный выразился: „мои русскіе всѣ воры“¹⁾. Само собой ясно, что при такихъ общественныхъ привычкахъ „береженье великое“ было пустымъ звукомъ безъ малѣйшаго смысла. А если чего и достигала регламентація, то лишь ббльшей изворотливости тѣхъ, въ кому она относилась; такъ, напр., постановленіе Бориса, опредѣлявшее точно вѣсъ хлѣба, привело къ тому, что пекари изловчились увеличивать вѣсъ хлѣба водой²⁾.

Видя такимъ образомъ, что предписанія исполнѣ безсильны въ борьбѣ съ бѣдствіемъ, царь Борисъ обратился къ болѣе радикальнымъ средствамъ; онъ затѣялъ каменные постройки въ Москвѣ, „чтобы людямъ питаться“³⁾ и началъ раздавать населенію изъ царской казны милостыню деньгами и хлѣбомъ⁴⁾. Но это повлекло только къ осложненіямъ. Царская благотворительность приманила въ столицу такъ много народа, что объ удовлетвореніи всѣхъ нечего было и думать; тѣмъ болѣе, что милостыня часто попадала не тѣмъ, для кого была назначена, а лицамъ, имѣвшимъ чрезмѣрно развитой

*Boris =
показаніемъ
присутствіемъ
Акс. в. в. в.
монетаріуса
с. в. в. в.
15 XVII в.
Воръ - Ма,*

¹⁾ Это не было случайно вырвавшейся фразой. Подобное же убѣжденіе высказывалъ почти черезъ 100 лѣтъ послѣ царя Ивана царь Алексѣй, этотъ „гдѣшній“ изъ царей; по смерти патріарха Іосифа онъ лично переписывалъ «келейную казну». Любопытно его простодушное объясненіе (въ письмѣ къ Никону) этого личнаго участія въ описываньи имущества покойнаго патріарха: «если бы самъ не ходилъ, то думаю, что и половины бы не почему сыскать, потому что записки нѣтъ; не осталось бы ничего, все бы раскрали... Но еще любопытно добавленіе къ этому описанію на счетъ другихъ: «немного и я не покусился на иные сосуды, да милостію Божіею воздержался и вашими молитвами святыми: ей, ей, владыка святыи, ни до чего не дотронулся... (Исторія Россіи съ древ. врем., т. 10, стр. 210).

²⁾ Масса, стр. 81.

³⁾ Лѣтопись о мн. мят., стр. 64.

⁴⁾ Буссовъ, стр. 40; Масса. 80; Маржеретъ, 76 по издан. Устрялова; Авраам. Пал., стр. 11.

аппетитъ. „Чиновники, назначенные для раздачи милостыни, сообщаетъ намъ ученый географъ Масса, „были воры, каковыми всѣ они по большей части бывають въ Москвити. Своихъ племянниковъ, племянницъ и другихъ родственниковъ они заставляли приходять въ тѣ дома, въ которыхъ раздавали милостыню, въ разодранныхъ платьяхъ, какъ будто они ничего не имѣли и раздавали всѣ деньги имъ и своимъ любовницамъ, негодьямъ, и нахлѣбникамъ, которые также приходили, какъ нищія, ничего не имѣющіе. Между тѣмъ истинно бѣдствующихъ, страждущихъ и нищихъ давили въ толпѣ или прогоняли дубинами и палками отъ дверей. Всѣ эти бѣдные, между которыми были изувѣченные, умирали какъ скотъ на улицахъ. Если же кому-нибудь и удавалось получить милостыню, то ее отнимали негодяи надсмотрщики. Я самъ видѣлъ богатыхъ дяковъ, приходившихъ за милостынею въ нищенской одеждѣ“¹⁾. Наконецъ и самихъ бѣдняковъ богачи сдѣлали своими сообщниками, покупая чрезъ нихъ муку изъ царскихъ магазиновъ по уменьшенной цѣнѣ, а затѣмъ по высокой—продавая ее голодающему люду²⁾.

При такихъ условіяхъ продовольственнаго дѣла смертность въ Москвѣ достигла до такихъ размѣровъ, что царь Борисъ былъ принужденъ прекратить раздачу милостыни для предотвращения дальнѣйшаго наплыва населенія въ столицу. Борисъ, кромѣ всего перечисленнаго, прибѣгалъ и къ экспроприаціи хлѣбныхъ запасовъ, но мы уже знаемъ, какъ успѣшно въ тѣ времена владѣльцы хлѣбомъ боролись, въ свою очередь, противъ этого средства. Нѣкоторые изслѣдователи обвиняютъ Бориса въ томъ, что онъ непредусмотрительно собралъ множество голодныхъ въ одинъ пунктъ; но этотъ упрекъ всецѣло устраняется свидѣтельствомъ достовѣрныхъ источниковъ. Отъ одного современника мы узнаемъ, что конфискованный хлѣбъ Борисъ повелѣлъ везти не только въ Москву, но и въ другіе города,

¹⁾ Масса, стр. 80 и 81.

²⁾ Буссовъ, стр. 40 и 41.

а другой заявляетъ, что „во всей Россіи не было города, куда бы Борисъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу“. Маржеретъ, человекъ, совсѣмъ нерасположенный къ Борису, говоритъ: „я самъ знаю, что въ Смоленскъ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 р.; всю сумму, розданную Борисомъ народу, Маржеретъ называетъ „невѣроятной“¹⁾. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и въ городахъ эта сумма распредѣлялась такимъ же образомъ, если не болѣе безсовѣстно, какъ и въ Москвѣ, которою преимущественно интересовались современники, оставившіе намъ свѣдѣнія о бѣдствіи.

Итакъ, правительственная помощь голодающимъ, не смотря на полную благожелательность Бориса и его энергію, не принесла сколько-нибудь видимой пользы, особенно, если припомнить количество умершихъ. Общественную же благотворительность было бы болѣе чѣмъ рискованно искать въ государствѣ, въ которомъ весь политическій строй былъ основанъ на частномъ интересѣ верховнаго вотчинника и его слугъ. Общее направленіе людей того времени, вытекающее изъ сущности социальна - политическаго строя и извѣстное намъ изъ выше приведенныхъ фактовъ, исключаетъ всякую возможность ожидать разлива частной благотворительности. Были, конечно, и въ ту пору хорошіе и сердечные люди, способные пожертвовать своимъ имуществомъ и жизнью для своихъ ближнихъ, и прекрасныя качества такихъ людей собрались, какъ въ фокусѣ, въ личности идеальной женщины древней Руси—Іуліаніи Ла-

¹⁾ Маржеретъ, стр. 76; Буссовъ свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ ежедневно раздавалось около 50,000 польскихъ грошей (стр. 36). По вычисленіямъ В. О. Ключевскаго «въ смутное время рубль по цѣнамъ хлѣба равнялся 12 нынѣшнимъ, т. е. хлѣбъ въ началѣ XVII ст. сталъ въ пять разъ дороже, чѣмъ былъ во второй половинѣ XVI ст.» «Если эти выводы заслуживаютъ какого-нибудь довѣрія, прибавляетъ В. О. Ключевскій, «то они довольно выразительно обозначаютъ силу народно-хозяйственнаго потрясенія, испытаннаго Московскою землей въ смутное время». (Русскій рубль XVI—XVII ст. въ его отношенія къ нынѣшнему, стр. 51). Въ данномъ случаѣ экономическія послѣдствія были результатомъ *событій*, вызванныхъ *экономическими причинами*.

заревской, которая на лучших современников произвела сильное впечатлѣніе своею беззавѣтною дѣятельностью въ страшные голодные годы; но справедливо и то, что такіе люди были весьма рѣдкимъ исключеніемъ въ ту эпоху: ихъ призывали или за юродивыхъ, или за святыхъ... Тонъ жизни давали не эти исключительные люди, не эти „блаженненькіе“, которымъ удивлялись и даже молились, но вообще избѣгали подражать, а подавляющее большинство, поступавшее лишь въ интересахъ собственныхъ желудковъ. Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ намъ о крайнемъ развитіи хищничества и объ окончательномъ паденіи и безъ того слабыхъ нравственныхъ началъ въ русскомъ обществѣ того времени. „Во всѣхъ сословіяхъ, говоритъ современникъ, „воцарились раздоры и несогласія; богачи брали росты болѣе жидовскихъ и мусульманскихъ; бѣдныхъ вездѣ притѣсняли“ ¹⁾. Другой ему вторитъ: „люди становились все хуже и хуже, болѣе и болѣе вдавались въ разбои и грабежи и впадали въ такое коснѣніе, какого еще никогда не было на свѣтѣ“ ²⁾. „Надъ всѣми же сими, добавляетъ третій современникъ, во объяденіе и пьянство велико и во блудъ впадохомъ... и во всякая злая дѣла“ ³⁾. Все предвѣщало наступленіе полной анархіи. На лицо были ясные признаки, что больной социальный строй долженъ испытать сильный параксизмъ. Это было такъ очевидно, что предсказателемъ потрясенія общественнаго тѣла могъ явиться въ то время простой татаринъ. Если вѣрить Буссову, то одинъ татаринъ, опираясь, положимъ, на нѣкоторыя необычныя явленія изъ царства животныхъ, пророчествовалъ, что „московитяне измѣнятъ сами себя и какъ псы будутъ язвить и истреблять другъ друга“ ⁴⁾.

Вообще положеніе вещей было таково: одни слѣзнили поскорѣе нажить на счетъ голода, другіе, доведенные до не-

¹⁾ Буссовъ, стр. 44.

²⁾ Масса, стр. 81.

³⁾ Авраамъ Палиц., стр. 20 и 21.

⁴⁾ Буссовъ, стр. 43.

возможности жить въ государствѣ, уходили въ разбой и вступали съ обществомъ и правительствомъ въ непримиримую войну. Сильное развитіе разбойничества въ это время было самымъ яркимъ симптомомъ приближавшагося великаго социальнаго кризиса. А разбойничество на Руси къ тому же имѣло крѣпкія традиціи, потому-что издавна бродячее крестьянство выдѣляло изъ своей среды довольно много людей, которые совсѣмъ покидали пашню для „широкаго раздолья“ и такимъ образомъ сами освобождали себя отъ всѣхъ тягостей и повинностей, кромѣ застѣнка и плахи въ случаѣ поимки. Прикрѣпленіе закономъ къ землѣ послужило, между прочимъ, къ увеличенію рядовъ вольницы. Къ голодному времени при Борисѣ отъ „голытбы“ на Руси настолько „стало тѣсно“, что царю пришлось „думать“ съ боярами о разбойничествѣ какъ о важнѣйшемъ государственномъ дѣлѣ, и „придумать“ посылку на разбойниковъ воеводѣ „съ многою ратью“. Хотя этой „многой рати“ и удалось въ упорномъ бою подъ Москвой одолѣть удалцовъ, дравшихся, по словамъ лѣтописца, „аки звѣри“,—но отъ этого разбойничество нисколько не уменьшилось. Голодъ былъ сильнѣе правительственныхъ войскъ; число разбойниковъ все увеличивалось и увеличивалось: къ нимъ присоединилась та масса холоповъ, которую господа выбросили за ворота своихъ усадьбъ добывать пропитаніе вполне самостоятельно¹⁾. Эти обездоленные не считали даже себя ворами и разбойниками, можетъ быть—смутно чувствуя, что такими они сдѣлались не по своей винѣ, а вслѣдствіе несокрушимыхъ условій жизни; по крайней мѣрѣ нѣчто подобное слышится въ ихъ пѣсенной поэзіи; изъ смятенной разбойничьей души неволью вырвался вопль: „ты взойди, взойди солнце красное! Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ, людей бѣдныхъ, сиротъ бѣглыхъ; мы не воры, не разбойники“... Эти „сироты

¹⁾ Аврам. Палиц., стр. 13. Холопы и начали «добывать»; напр., Масса показываетъ: ... холопы, принадлежавшіе различнымъ московскимъ боярамъ и господамъ, возмутились, соединились вмѣстѣ и начали грабить путешественниковъ» (стр. 96).

бѣгле“ и являются той основной силой, которая породила смутное время на Руси. Нельзя, само собой разумѣется, отрицать и того, что въ эту эпоху играли довольно видную роль и другія силы: разнаго рода политическія и династическія притязанія, но дѣло въ томъ, что представители этихъ притязаній дѣйствовали въ силу тѣхъ же самыхъ соображеній, вслѣдствіе какихъ рыбаки спѣшили ловить рыбу въ мутной водѣ. Такая именно была жизнь въ этотъ моментъ: ее взмутилъ страшный голодъ. Хронически голодающее русское крестьянство, не смотря на свою привычку ко всякаго рода „божескимъ наказаніямъ“, на этотъ разъ не вынесло сильнаго обострѣнія своего недуга и скоро отъ прошенія пицци перешло къ требованью имущества „лучшихъ“ людей, ихъ женъ и дочерей,—словомъ—безпощадно выразило желаніе занять первое мѣсто въ государствѣ. Эти побужденія, которыя кровавою нитью проходятъ черезъ смутную эпоху, лучше всего показываютъ, что въ основѣ смуты лежали не политическія и династическія причины, а коренная органическая потребность, переставшая удовлетворяться.

Всѣ эти мрачныя воспоминанія нашего прошлаго я рассказалъ, исходя изъ того убѣжденія, что и отрицательныя стороны жизни заслуживаютъ полнаго вниманія и что не слѣдуетъ закрывать на нихъ глаза когда-бы то ни было. Оставаясь въ качествѣ историка по профессіи на исторической почвѣ и стараясь нарисовать предъ Вами невеселую картину страданій и слѣпнаго человѣческаго эгоизма встарину, я имѣлъ въ виду простой, но глубокой принципъ, которымъ всегда было живо историческое знаніе и который такъ задушевно выразенъ самимъ народомъ: „все минется, одна правда останется“.

Н. Ойрсовъ.

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества, Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Превітъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ. — Приложенія. Свѣдѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. — Описание русскихъ монетъ издаваемаго 4 сентября 1878 г. В. К. Савельева и Н. А. Толмачева. — О нѣкоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. Д. А. Корсакова. — Записки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Павловскаго. — О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобретенной въ селѣ Болгарахъ. В. П. Васильева. К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. — Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. Свѣщ. П. Фалаторскаго. — Объ историческомъ значеніи библіотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. П. В. Владимірова. — О возможности существованія ламповидныхъ въ окрестностяхъ пригорода Биларска. М. П. Арестова. — Записки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Павловскаго. — Записки о селеніяхъ Чистопол. у.: В-Никиткиной, Татарской Багаицъ, Кизлау и Виларъ-Озеро. В. А. Каларникова. — Описание части издаваемаго русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. А. Ф. Долганова. — Записка о каратайскомъ Квантелинъ к. XIV или нач. XV в. Н. Д. Шестакова. — Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Ананьиной, Кюмѣ. — Описание монетъ, найденныхъ въ д. Карташихъ Каз. г. В. К. Савельева. — Описание городища и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Селенгѣ Свияб. губ. М. П. Павловскаго. — О старинномъ кладбищѣ близъ с. Владиморскаго Вят. губ. А. Рязанцева. — Попытка объясненія одного мѣста изъ Булгарской лѣтписи Хисаятъ-Задина Ибнъ Шарафъ-Задина. Н. Д. Шестакова. — Вывержка изъ архива Казанскаго духовнаго Правленія. Ею-же. — Описание доподлинител. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Укека. В. К. Савельева. — Описание чуждесныхъ вещей, подаренныхъ въ музей Общества А. Е. Тепловуковымъ. — Инъ Вотяковъ Саранулскаго уѣзда. В. Кашуринскаго. Подлинъ систематическій указатель статей мѣстно-областныхъ содержанія, напечатанныхъ въ „Казанскихъ извѣстіяхъ“ съ 1811—1821 г. П. А. Павловскаго. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О заданіяхъ дѣятельности К. О. П. А. и Э. С. М. Штильманскаго. — Лингвистическая записка о названіяхъ Булгаръ, Биларъ и Морквоши. Н. П. Золотницкаго. — По поводу сообщенія Н. П. Золотницкаго. Н. Д. Шестакова. — Записка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. Н. А. Павловскаго. — Объ археологическихъ извѣдкахъ, сдѣланныхъ въ Биларскѣ. Ею-же. — Описание Биларскаго и Баринскаго городищъ. В. А. Каларникова. — Записка о жилищахъ Астрахан. губерніи. П. Смирнова. — Изъ поездки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чувашъ) П. К. Мининскаго. — О раскопкахъ близъ д. Валкиной на р. Чуевой. П. П. Бронзова. — У Вотяковъ Елабужскаго уѣзда. Г. П. Понкина. — Изъ городищъ записокъ во время этногр. экскурсіи. О. К. Куликова. — О Чалдышевскомъ городищѣ. А. М. Зейсова. — Одно изъ древнихъ болгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. К. Т. Соловьева. — Преданія Чувашъ и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. М. А. Арзамасова. — Остатки древности въ с. Увекѣ. Г. С. Сабурова. — Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурина. П. А. Павловскаго. — Предъ сообщеніемъ о раскопкахъ надъ Ройскимъ источникомъ. О. К. Куликова.

—Замѣтки о вышешнихъ раскопкахъ. *А. А. Штурмберга*. — Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Падмеева*. — Описаніе рус. сер. конфектъ изъ кладки 1881 г. *В. К. Сивильова*. — Описаніе двухъ медно-дѣланныхъ джуч. монетъ пожерт. обществу. *Его же*. — Описаніе кладки золотосреднскихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Захаровича*. — Атаманскія кости. *С. К. Кузнецова*. — Замѣтка по поводу сообщенія Г. П. Потапова; у Волжковъ Елабужск. у. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1880—81 г. Приложенія. — Духовная *В. П. Татищева*. — О Мишаряхъ истор. уѣзда. *В. А. Казаричова*. — Свидѣнія о Мишаряхъ. *Е. А. Малова*. К. 1884. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и общихъ собраній за 1882—84 гг. — Спасскій слѣдъ на биларской почтѣ. *А. Ф. Лычева*. — Особенности русскаго говора въ Урж. у. Ват. г. *В. К. Малицкаго*. Сибирь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г. — Статьи протѣвскихъ дѣтей селъ Астраханки и Каргашини Лаишевскаго у. *О. Б. Рубинская*. — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ф. Можаровская*. — Къ археологамъ Урала. *А. М. Забѣлова*. — Несколько словъ о русскаго издѣліи пашинородствѣ въ предѣлахъ Казанскаго края. *Н. Н. Смирновъ*. К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Несколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ф. Високиной*. — Галваліны древнихъ изданій при селѣ «Болгаряхъ». *В. А. Казаричова*. — Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Сивильова*. — Певдвалины грамоты изъ вѣвонскихъ архивовъ. *В. В. Козловскаго*. — Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особеннаго значеніе въ говорѣ жителѣй с. Волжкорѣвья, Яранск. у.). Слѣдъ *А. Л. Жолдана*. — Обычай возлѣдованія въ Сибирской губерніи. *М. Павловскаго*. — Библиографъ замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ застѣ. VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Вершаринимъ. *В. В. Кичановскаго*. — Отчетъ и извлеченія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исслѣдованія о нарѣчныхъ Черемисскаго языка *М. П. Веске*. — Новая антропологическая находка изъ с. Волгаряхъ. *Н. Ф. Високиной*. — Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитріева*. — Гдѣ была древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соловьева*. — Старая церковь въ селѣ Богородскѣ (съ рисункомъ). *Н. В. Сорочина*. — Черемиса. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирнова*. К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по древнимъ языкамъ. *М. П. Веске*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вѣтки. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирнова*. К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1889—90 г. — Письмо Станьлы Раина къ казанскимъ Татарамъ. *А. П. Сивильова*. — Отчетъ Общ. А. П. и Э. за 1889—90 г. — Списки членовъ Общ. А. П. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросы о бѣдлахъ и разбойникахъ въ Комиссіи 1767 г. *Н. Н. Ойрсова*. — Намати Н. Д. Шестакова. *Н. А. Ойрсова*. — Толкованіе икона села Царница (съ фотографіей). *Н. В. Сорочина*. — Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Волгарскій домъ. *Н. З. Тихова*. — Прихи у Чуваши. *В. К. Малицкаго*. — Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. П. Сивильова*. — Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. Н. Понкина*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермьки. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирнова*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А. П. и Э. за 1890—91 г. — Списки членовъ. — Загадки и дѣбрыя жѣла по народнымъ картинкамъ Ровнинскаго. *Р. А. Неландова*. — Медвіа этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статя 1 тома, означеннаго звѣздочкой, можно получать отъ общества за 25 к.)

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съезда въ Ровені, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываетъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю).

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколъ Съезда.—Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологій, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсаковъ*.—^{*}О русскихъ древностихъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *Н. Н. Орельский*.—^{*}Въ которыхъ даныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *И. В. Елачова*.—О задачахъ корреспондентовъ археолог. съездовъ. *А. С. Гиньшинъ*.—О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *Л. Р. Аспензина*.—О некоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, найденныхъ при раскопкахъ. *Н. М. Гвоздева*.—О раскопкахъ гр. *Сверска* въ Лифлянд. губ.—О желѣзныхъ рѣдъ въ Балтійскомъ край. *К. Гревингъ*.—Каменные орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Шиндлеръ*.—О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнава у Костр. губ. *А. П. Пашининъ*.—О раскопкахъ кургановъ на р. Осуи 1875 г. *А. К. Павловская*.—О древнемъ кладбищѣ у Іорданской церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновичъ*.—О погребенныхъ типахъ Юго-зап. края. *Ею-же*.—О городищѣ Черняг. у. *И. А. Константиновичъ*.—О древнихъ могилахъ Мухомы. *В. Т. Тихонярава*.—^{*}Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачевъ*.—Майнское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливановъ*.—Курганы въ окрестн. г. Каторинбурга Перн. губ. *М. В. Милковъ*.—^{*}О ямзаян. населян. недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *И. Савельевъ*.—Извѣстные остатки древности въ Самар. край. *П. В. Алабина*.—О пещерахъ камени. рѣки въ сред. течен. р. Дибра *В. Б. Антоновичъ*.—О валахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Ею-же*.—^{*}О древнемъ г. Малжаръ *П. Д. Шестаковъ*.—^{*}Городъ Булгаръ.—*С. М. Шиндлеръ*.—^{*}Гдѣ искать потомковъ Малжаръ, бывшихъ за русск. въ 1551 г. *А. Ф. Мажаровская*.—^{*}Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царств. *Мулы Шахъ-уд-дина Баши-уд-дина* (перев. *В. В. Радлова* и подлинникъ).—^{*}Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. Г. Зорилкина*.—^{*}О сравненіяхъ преданій по поводу мѣсти, названій Каз. и смежн. губ. *И. А. Павлова*.—^{*}Списокъ населенн. мѣстъ Маманш. у. *Ею-же*.—^{*}О значеніи ипородческихъ именованій. *Ею-же*.—Списокъ др. ипородч. именъ изъ аптовъ *Н. Н. Золотницкаго*.—^{*}О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Ею-же*.—^{*}Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. край и берѣгъ ихъ съ туземцами. *И. Н. Вечеславъ*.—^{*}Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съезда. *Д. А. Корсаковъ*.—^{*}О старомъ и новомъ городѣхъ въ П.-Новгородѣ. *И. И. Мельникова*.—^{*}Селитринный городокъ Астрах. губ. *Виктаевъ*. у. *В. П. Завоскинъ*.—^{*}Преданія Томскихъ ипородч. о вѣдѣнствѣ ихъ Россіи *Км. И. А. Кострова*.—^{*}Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Ею-же*.—^{*}Некоторые даныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по руинамъ. *И. Нуб. библиотека А. Н. Горькаго*.—^{*}Кто были 4 тюрк. племени. разбитыи Грекомъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна*.—^{*}Программа по предм. «исторіи и теоріи искусствъ». *И. В. Павлова*.—^{*}О городѣхъ Малжарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельевъ*.—^{*}О монетахъ Владимира Святого. *Д. Н. Прохоровская*.—^{*}Объ отдѣльн. буки на монѣтахъ и денжкахъ до Петра Великаго. *Ю. В. Поерсена*.—^{*}О загадочныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ф. Лидичева*.—^{*}О др. иконахъ въ г. Старой Русѣ. *Гр. М. В. Толстой*. Казань. 1884. Цѣна 3 р.

Содержаніе II тома: О характерѣ влестн. варяжск. князей. *К. Н. Петушкова-Рыжова*.—Слѣды церкви. братствъ въ вост. Малороссіи. *И. А. Орельский*.—О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библиотекѣ. *Н. И. Христоворова*.—^{*}Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. Н.*

Мирковича. — Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ В. Н. Витковскаго. — "О народныхъ праздникахъ въ Пензенск. губ. Н. Н. Дроздова. — "О кире-метлахъ крещенныхъ Татаръ. П. М. Соболевскаго. — "Повѣрья, образы и обычаи Ватажковъ Мамадъ у. В. Г. Гаврилова. — "О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ в пѣсенъ. А. Н. Майкова. — Свѣдѣнія о рукописяхъ И. Пуб. Библиот. содерж. народныя пѣсни. А. Ф. Вичкова. — Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную». Ю. Крижанича. П. М. Добровольскаго. — "О расколнничьей рукоп. конца XVII в. Н. С. Некрасова. — «Сказаніе о Соловецк. монасты. и объ Афонѣ». Н. П. Петрова. — "О Родонскомъ открытіи С. Верковича. (пер. М. П. Петровскаго в подлинникъ). — "О Соловецк. библиотекѣ Н. Н. Порфирьевска. — Анографич. молитвы по рукоп. Солов. библ. Елюже. — Объ урокахъ мон. Пила Курлятевича въ незнаемъ мѣст. Киприанова греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. Арх. Амфилохія. — "Гдѣ книги, писан. зырян. и перм. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? П. Д. Шестаковскаго. — "О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. Елюже. — Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія изъ Араб. литер. А. Н. Гирсова. — "Топографія др. города въ юго-в. Руссиизъ Кирменей (Мамия. у. Каз. губ.) Е. Т. Сильванскаго. — "О старой чуждешной иврь. Н. Н. Зодотинскаго. — "Сказки загадки и пѣсни Нагайбазова изъ уральск. у. Оренб. губ. В. Н. Витковскаго. — "Документы и рукописи, относящ. къ Каз. губ. и ханшамъ въ Моск. Главн. Архивѣ М. Пн. Дѣтъ и его библиотекѣ Н. Ф. Токмакова. — Указатель личнымъ и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. Цѣна 3 рубля. — Атласъ къ Трудовъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. Ц. 2 руб.

2) Архивъ зн. В. Н. Баюшева, Разобранъ и притоложенъ къ изданію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Александра Сергѣевича Уварова, Рѣчи, произнесенныя С. М. Шипилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсакинымъ. К. 1893. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ общественной дѣятельности Казанскаго Общества Археологич. Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 16 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Н. Н. Смирнова. К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическаго съѣзда. Елюже. К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получить въ Казани у книготорговца А. А. Дубровина и Н. П. Вашикова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самож. ограниченномъ количествѣ, можно получить только при вниманіи отъ Общества вслѣдъ томъ «Извѣстій».

Внимавшіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Ивановскіи члены и члены-сотрудники, внимавшіе изданія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1892 ГОДЪ.

СЪОБЩАЕМЪ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

„Ю Ж Н Ы Й К Р А Й“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО:

Программа газеты: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обзоръніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ юга: корреспонденціи «Южнаго Края». VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ). IX. Внѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фелетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебн. палаты. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежк, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 м.
Безъ доставки	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою.	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ перес. иногородн.	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади, въ домѣ Питрм.

Редакторъ-Издатель А. А. Іозефовичъ.

Съ 1892 г. „Извѣстїя“ Общества Археологїи, Исторїи и
Этнографїи при Императорскомъ Казанскомъ Универ-
ситетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ, приблизи-
тельно чрезъ каждыя два мѣсяца, книжками въ 7—8
листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки будутъ входить:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологїи, исторїи и этнографїи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологїи, исторїи и этнографїи Восточной Россїи (Поволжья, Средней Азїи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россїи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россїи;
- 4) Хроника: извѣстїя о музеяхъ Восточной Россїи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданїяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россїи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологїи, исторїи и этнографїи Восточной Россїи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологїи, исторїи и этнографїи Восточной Россїи;
- 7) Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній Общества Археологїи, Исторїи и Этнографїи.

Въ слѣдующихъ выпускахъ «Извѣстій» за 1892 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Очеркъ развитія доисторической археологїи въ Европѣ: а) археологїя въ Швейцарїи, Италїи и Испанїи, б) въ Англїи» И. С.; «Задачи и методъ культурно-историческаго изслѣдованія жилища» Н. З. Тихова; «Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Россїи» (Извлеченія изъ извѣстій историковъ, путешественниковъ и этнографовъ; въ составленїи свода примутъ участіе А. Е. Кулагинъ, М. Н. Цинегинъ, И. Н. Смирновъ, Н. З. Тиховъ, П. В. Траубенбергъ и др.) «Данныя о городахъ Волжско-Камской Булгарїи»; П. А. Пономарева; «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» И. Н. Смирнова; «Черемисы Арбанской волости» И. Троицкой; «Программа для собиранія свѣдѣній объ ассимиляціи инородцевъ Восточной Россїи» И. Н. Смирнова. «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губ.» А. Д. Смирнова.

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб.
Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологїи, Исторїи и Этнографїи.

Выполняющіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

М. В. 22
№ 2241

3/

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ прошлаго и настоящаго до- исторической археологіи въ Европѣ.
4) Доисторическая археологія въ Швейцаріи, Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ. И. С. 361—374.

Древнія поселенія Яранскаго уѣзда. П. И. Кротова 375—391.

Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Рос- сіи. Лопари, Угры, Киргизы, Кал- мыки. И. С. и К. Воронцова. 392—404.

Материалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края. I. Анапийскій могильникъ. Археологическій этюдъ. П. А. Пономарева 405—438.

Хроника. Извѣстія о музеяхъ В. Россіи. Музей Уральскаго Обще- ства Любителей Естествознанія. — Музей Отечества въ дѣлннхъ при И. К. Университетѣ. — Музей Каз. Обще- ства А. И. Э.—Новыя раскопки въ Болгарахъ. 439—448.

Материалы. Памятники татар- ской старины въ дачахъ с. Сюжеева Тетюшскаго уѣзда Е. Соловьева. Развалины каменнаго городища близъ с. Русскаго Канадея въ Сызранскомъ у. Э. Чекалина. Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣст- ности. Т. Яковлева. Кубашевское городище около Царевосанчурска. П. И. Кротова. 449—455.

Библиографія. Записки Ураль- скаго Общества Любителей Естество- знанія. Т. XII—XIII.—Труды Рязан- ской Ученой Архивной Коммиссіи. Т. VI, №№ 7—8.—Сборникъ Харь- ковскаго Историческаго Общества.— Протоколы Петровскаго Общества Исслѣдователей Астраханскаго края. —Отчетъ о дѣятельности Петровска- го Общества Исслѣдователей Астра- ханскаго края. —Сибирскія древно- сти. Т. I, вып. 1, 2. В. В. Радлова. 456—466.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Вышелъ 1-го іюля.

20

Спб., 6422

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Изъ прошлаго и настоящаго до- исторической археологіи въ Европѣ.
4) Доисторическая археологія въ Швейцаріи, Италиі и на Пириней-скомъ полуостровѣ. И. С. 361—374.

Древнія поселенія Яранскаго уѣзда.
П. И. Кротова 375—391.

Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Восточной Рос- сіи. Лопари, Угры, Киргизы, Кал-мыки. И. С. и К. Воронцова.
392—404.

Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края. І. Ананьинскій могильникъ. Археологическій этюдъ. П. А. По-номарева 405—438.

Хроника. Извѣстія о музеяхъ В. Россіи. Музей Уральскаго Обще-ства Любителей Естествознанія. — Музей Отечества въ дѣлнїи при И. К. Университетѣ. — Музей Каз. Обще-ства А. И. Э. — Новая раскопки въ Болгарахъ. 439—448.

Матеріалы. Памятники татар-ской старины въ дачахъ с. Сюкеева Тетюшскаго уѣзда Е. Соловьева. Развалины каменнаго городища близь с. Русскаго Канадея въ Сызранскомъ у. Э. Чекалина. Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣст-ности. Т. Яковлева. Кубашевское городище около Царевосанчурска. П. Кротова. 449—455.

Библиографія. Записки Ураль-скаго Общества Любителей Естество-знанія. Т. XII—XIII. — Труды Рязан-ской Ученой Архивной Коммиссіи. Т. VI, №№ 7—8. — Сборникъ Харь-ковскаго Историческаго Общества. — Протоколы Петровскаго Общества Исслѣдователей Астраханскаго края. — Отчетъ о дѣятельности Петровска-го Общества Исслѣдователей Астра-ханскаго края. — Сибирскія древно-сти. Т. I, вып. 1, 2. В. В. Радлова.
456—466.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО

ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ ВЪ ЕВРОПѢ

2) *Доисторическая археологія въ Швейцаріи, Италіи и на Пиринейскомъ полуостровѣ.*

Маленькая Швейцарія является важнымъ факторомъ въ развитіи палеоэтнологическихъ изученій въ Европѣ. Въ силу особенностей своей физической исторіи она сдѣлалась первымъ центромъ изслѣдованія неолитическаго періода—въ особенности его начальныхъ моментовъ. Въ четвертичную или палеолитическую эпоху она лежала еще, вѣроятно, подъ сплошной ледяной корой. Человѣкъ появился въ ней только тогда, когда низменности освободились изъ подъ этой коры и обратились въ систему озеръ. Съ остатками его культуры Швейцарцы ознакомились впервые въ концѣ 50-хъ годовъ. Случайность—сильное пониженіе уровня воды въ Цюрихскомъ озерѣ—обнаружила въ 1858 г. первые слѣды свайныхъ сооружений и послужила исходнымъ моментомъ для развитія швейцарской палеоэтнологіи. Среди полусгнившихъ свай были найдены каменные орудія неизвѣстнаго до тѣхъ поръ типа и кости животныхъ современной геологической эпохи. Передъ глазами изслѣдователей обозначались слѣды построекъ, которыя оставили древнѣйшіе обитатели Швейцаріи—протогельветы, какъ ихъ называютъ новѣйшіе изслѣдователи. По матеріалу орудія древнихъ насельниковъ Швейцаріи были одинаковы съ орудіями обитателей французскихъ и бельгійскихъ пещеръ, но ихъ формы

и способъ обработки были существенно отличны — орудія эти были уже шлифованы. На основаніи формъ и условій залеганія было установлено, что эти орудія относятся къ позднѣйшей эпохѣ и эта эпоха получила названіе *робенгаузенской* — по мѣстечку Робенгаузенъ въ Цюрихскомъ кантонѣ, близъ Пфэффиконскаго озера, гдѣ были сдѣланы первыя крупныя находки этого рода. Терминъ „робенгаузенскій“ держался до тѣхъ поръ, пока его не вытѣснилъ предложенный англичанами терминъ „неолитическій“; нѣкоторые французскіе археологи употребляютъ его въ общемъ значеніи до сихъ поръ (Мортилье). Съ открытіемъ свайныхъ сооружений швейцарскіе изслѣдователи обратили вниманіе на торфяныя болота, какъ на мѣстности, гдѣ можно ожидать слѣдовъ доисторическаго человѣка и добытые ими результаты вызвали однородныя изслѣдованія въ Италіи, Германіи, Франціи; съ начала 80-хъ годовъ изслѣдованіе этихъ пунктовъ распространилось и на Востокъ Россіи (Зауралье). Роль швейцарскихъ изслѣдователей свайныхъ построекъ не ограничивается однимъ указаніемъ новаго объекта для изслѣдованій. При разработкѣ добытаго въ нихъ матеріала — каменныхъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ и желѣзныхъ орудій — оказалось, что Швейцарія пережила всѣ намѣченные скандинавской археологіей фазисы развитія (каменный вѣкъ преимущественно на В., бронзовый на З.) и Швейцарцамъ пришлось принять участіе въ разработкѣ общихъ археологическихъ вопросовъ — напр. о происхожденіи и взаимномъ отношеніи мѣдной и бронзовой культуры въ Европѣ. Швейцарскіе изслѣдователи въ большинствѣ высказались за южное происхожденіе бронзы, найденныхъ въ свайныхъ постройкахъ, и смотрятъ на страну Протогельветовъ, какъ на станцію для южныхъ бронзовыхъ издѣлій по пути съ Ю. на С. и СВ.

Палльманъ („Die Pfahlbauten und ihre Bewohner“. Greifswald. 1866) высказалъ предположеніе, что свайныя постройки были стоянками южныхъ торговцевъ металлическими (бронзовыми и желѣзными) издѣліями — кареагенскихъ, этрусскихъ и массалиотскихъ — и ремесленниковъ, которые на мѣстѣ приго-

товляли каменные и бронзовые орудія. Эта гипотеза подрывала ученіе о самостоятельномъ скандинавскомъ періодѣ бронзовой культуры.

Въ 80-хъ годахъ на основаніи данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи свайныхъ построекъ швейцарскіе ученые подняли вопросъ о мѣдномъ періодѣ въ Европѣ. Вопреки мнѣнію такихъ выдающихся французскихъ изслѣдователей, какъ Мортилье и Шантрѣ, В. Гроссъ на франкфуртскомъ съѣздѣ пѣмекскихъ антропологовъ въ 1882 г. выдвинулъ гипотезу о существованіи мѣднаго періода въ Европѣ. На мѣдныя находки въ свайныхъ постройкахъ было обращено вниманіе еще въ 60-хъ годахъ, но изъ нихъ не рѣшались дѣлать какихъ нибудь общихъ выводовъ. Гроссъ обратилъ вниманіе съѣзда на новѣйшія находки на стоянѣ Finelz (близъ Neuville) и предложилъ раздѣленіе каменнаго вѣка Швейцаріи на 3 періода: періодъ грубыхъ издѣлій изъ камня, кости и дерева, періодъ употребленія рядомъ съ другими нефритовыхъ и ядеитовыхъ орудій, періодъ совмѣстнаго употребленія камня (серпентинъ вмѣсто нефрита и ядеита) и металловъ (бронза и преимущественно мѣдь). Въ остаткахъ Финельцскихъ свайныхъ построекъ Гроссъ нашелъ около пятнадцати штукъ мѣдныхъ пожей и кинжаловъ рядомъ съ кремневыми и нефритовыми орудіями. Аналогичныя находки — мѣдный кинжалъ съ остаткомъ прикрѣпленной къ нему берестой деревянной ручки — были обнаружены на стоянѣ St. Blaise. Швейцарскимъ-же ученымъ принадлежитъ инициатива въ вопросѣ о нефритѣ. Нефритовыя орудія, находимыя въ значительномъ количествѣ въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка, подали поводъ однимъ ученымъ (Дезоръ) говорить о томъ, что ихъ принесли съ собою арійскіе предки протогельветовъ изъ Азіи, другимъ (Гроссъ), что они представляютъ собою продуктъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ.

Открытія, сдѣланныя въ Швейцаріи послужили толчкомъ для развитія итальянской палеоэтнологіи. На классической почвѣ Италіи идеи о смѣнѣ доисторическихъ культурныхъ періодовъ восходятъ еще къ римскимъ временамъ. Еще Лук-

рецій Каръ въ своемъ „de rebus natura“ высказываетъ мысль, что раньше всего человѣкъ употреблялъ камень, потомъ мѣдь и наконецъ желѣзо (ст. 1282—1285). Начиная съ XVI в. до конца XVIII в. идетъ рядъ ученыхъ, которые высказывали догадки о каменномъ вѣкѣ: назовемъ Mercati (1541 — 1593), который въ своей *Metallotheca*, изданной только въ 1717 г., устанавливаетъ настоящее значеніе каменныхъ орудій, затѣмъ Aldrovandi (1522—1605), Cupani (1657—1711), Vallisnieri (1705—1730), Bianchi (1752), Giovene (1753—1881)—проводившихъ ту-же мысль и въ нѣкоторыхъ случаяхъ независимо другъ отъ друга. Alberto Fortis (1786) и Giovanni Costa (1794) предположеніе о каменномъ вѣкѣ подкрѣпляли общимъ соображеніемъ, что о древнемъ человѣкѣ слѣдуетъ заключать на основаніи быта дикихъ. Venturi Giambattisto около 1795 г. занимался уже террамарамы, которыя онъ приписываетъ Боямъ. Въ 1815 г. о террамарахъ говоритъ Filippo Re. Знаменитая свайная станція Reschiera была обнаружена еще въ 1830 г. во время работъ по укрѣпленію мѣстныхъ фортовъ. Въ 1850 г. здѣсь вторично были обнаружены остатки свай и среди нихъ бронзовыя орудія. Почти весь матеріалъ, надъ которымъ теперь оперируетъ итальянская палеоэтнологія, такимъ образомъ былъ извѣстенъ до начала 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія — и однако только цюрихскія открытія 1858 — 1859 г. уяснили Итальянцамъ смыслъ ихъ доисторическихъ памятниковъ и заставили ихъ углубиться въ изученіе свайныхъ построекъ и террамаръ. Съ 60-хъ годовъ, со времени первыхъ открытій Gastaldi палеоэтнологія быстро завоевываетъ вниманіе итальянской публики и ученыхъ. Въ новую область знанія, по словамъ историка итальянской палеоэтнологіи Castelfranco, бросились всѣ. Образовалась манія—въ родѣ собранія почтовыхъ марокъ. Самыя экстравагантныя гипотезы встрѣчали полное довѣріе и чѣмъ экстравагантнѣе, тѣмъ больше. Газеты, которыя сдѣлались проводниками новыхъ научныхъ открытій, обобщали и раздували отдѣльные факты, не заботясь объ ихъ правдѣ. Итальянцы какъ будто торопились разобраться въ ма-

теріалъ, который копился въ теченіе столѣтій. Въ 80-хъ годахъ это возбужденіе улеглось: диллетанты остыли, а серьезные ученые успѣли осмотрѣться среди массы вновь открытыхъ фактовъ и провѣрить свои общія соображенія. Не смотря на сильное вліяніе Швейцарцевъ и Французовъ, они выработали къ этому времени рядъ мнѣній, которыя имѣютъ существенное значеніе для оцѣнки о б щ а г о значенія французскихъ палеоэтнологическихъ теорій.

Для русскихъ и въ частности для восточно-русскихъ изслѣдователей,—по причинамъ, которыя изложены будутъ ниже—особенный интересъ должны представлять итальянскія воззрѣнія на каменный вѣкъ и отношеніе палеолитической эпохи къ неолитической.

Итальянцы на первыхъ порахъ безъ колебаній приняли французскую систему воззрѣній на каменный вѣкъ и дѣлили его на періодъ эолитическихъ оббивныхъ и шлифованныхъ орудій изъ кремня. Скоро однако они пришли къ убѣжденію, что французская палеоэтнологическая схема не вполне примѣнима къ итальянскому матеріалу. Надежды найти слѣды человѣка третичной эпохи не оправдались. *Gastaldi* въ своихъ „*Frammenti di Paletnologia italiana*“ 1876 г. говоритъ, что ни одно изъ открытій, сдѣланныхъ въ Италіи до сихъ поръ не позволяетъ намъ предполагать, что человѣкъ существовалъ здѣсь въ эпохи пліоценовую и міоценовую. Скоро была обнаружена ошибка и по отношенію къ пещерамъ. Идя по слѣдамъ Французовъ, Итальянцы на первыхъ порахъ относили найденныя въ нихъ предметы древней культуры къ палеолитической эпохѣ. Позднѣе было обнаружено, что въ Италіи пещеры служили мѣстомъ убѣжища для человѣка начиная съ отдаленнѣйшихъ эпохъ до близкихъ къ намъ историческихъ временъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи пещеры служили жилищами Лигуровъ почти до временъ имперіи. Еще въ 58 г. *Діодоръ Сицилійскій* зналъ Лигуровъ, которые жили въ пещерахъ и искусственныхъ гротахъ. Обитатели пещеръ были уже знакомы съ мѣдью—*Chierici* и *Mogelli* встрѣтили при своихъ раскопкахъ мѣдные кинжалы—но сами они обрабатывали только камень и кость.

Въ сочиненіи „Iconografia di alcuni oggetti di remota antichità rinvenuti in Italia“ тотъ же Gastaldi высказалъ мысль, что раздѣленіе каменнаго вѣка на два различные періода не приложимо къ Италіи: здѣсь встрѣчаются въ обработанной почвѣ и на поверхности кремневые орудія обоихъ періодовъ. Такъ какъ при этомъ въ большей части случаевъ нельзя воспользоваться указаніями фауны, то найдя въ одной и той-же мѣстности одинъ разъ грубыя, другой разъ тонко обработанныя кремневые орудія изслѣдователь относитъ ихъ къ тому или другому періоду соотвѣтственно своимъ субъективному расположенію. Подъ вліяніемъ замѣчаній Gastaldi и другіе итальянскіе палеоэтнологи—Concezio Rosa, Belucci, Nicolucci, Rigolini говорятъ просто о каменномъ вѣкѣ, не пускаясь въ подробныя дѣленія. Nicolucci дополнилъ соображенія Gastaldi замѣчаніемъ, что каменные орудія отдаленныхъ эпохъ оставались въ употребленіи у послѣдующихъ, ближайшихъ къ намъ поколѣній. Rigolini доказываетъ неправильность французской системы къ Италіи другимъ путемъ: „въ доисторическую пору, какъ и у современныхъ дикарей, дѣла стояли такъ, что въ то время, какъ одни выдѣлывали орудія, приближающіяся по своему типу къ шлифованнымъ, другіе пользовались грубыми оббивными орудіями. Могила и стоянки одного и того-же періода могутъ заключать себѣ предметы различные: въ могилѣ помѣщались лучшія издѣлія каменной индустріи, на стоянкахъ и мѣстахъ мастерскихъ такія совершенныя издѣлія не встрѣчаются. Если бы кто нибудь составилъ отдѣльные атласы вещей, найденныхъ въ этихъ двухъ категоріяхъ залеганій, пришлось-бы намѣтить различныя фазы въ индустріи одной эпохи“. Приводя это мнѣніе Castelfranco замѣчаетъ, что каменные бинжалы типа Солютрэ, обнаруженные въ могилахъ Remedello, находились въ сосѣдствѣ съ металлическими издѣліями. Эпохи, которая бы соотвѣтствовала французской Солютрэ, итальянскіе палеоэтнологи у себя не знаютъ. Стрѣлки и наконечники тожеждественныя съ таковыми-же Solutré во Франціи въ Италіи (Molina, Rolcadi Rivole) были найдены въ могилахъ вмѣстѣ

съ полированными топорами и горшечными издѣліями. Стрѣлки въ видѣ лавроваго листа чаще всего находились въ могилахъ рядомъ съ мѣдными и бронзовыми орудіями.

Въ результатѣ сопоставленія итальянскаго матеріала съ французскимъ оказалось съ одной стороны, что итальянскій палеолитическій періодъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ эпохъ принятыхъ Французами, съ другой, что здѣсь имѣли мѣсто другія эпохи или точнѣе другія народности, которыхъ не могло быть въ другихъ мѣстахъ. Итальянскіе изслѣдователи наши и ключъ къ объясненію этого различія доисторическихъ культуръ Италіи и Франціи. Когда дѣло идетъ о дикихъ племенахъ, живущихъ на большихъ разстояніяхъ одно отъ другого, при различной фаунѣ, различной флорѣ, различномъ матеріалѣ для подѣлокъ, было бы абсурдомъ думать, что они въ одно и то же время будутъ имѣть одни и тѣ же обычаи, орудія и оружіе—говоритъ одинъ изъ крупныхъ представителей итальянской палеоэтнологіи Castelfranco. Оставаясь въ своихъ предѣлахъ Итальянцы классифицируютъ свои древности по группамъ: мастерскія на открытомъ воздухѣ, фундаменты хижинъ, гроты, пещеры, убѣжища подъ скалами, озерныя поселенія и т. д., но отваживаются только на приблизительную хронологію этихъ группъ.

Для изслѣдователей восточной Россіи спеціальнѣе интересъ представляютъ итальянскія данныя относительно ранняго неолитическаго періода Италіи — культура такъ называемыхъ Лигуровъ.

Почти всѣми изслѣдователями доисторическаго прошлаго Италіи (Nicolucci, Molon, Gelbig) Лигуры признаются предшественниками Арийцевъ-Италиковъ и особымъ отъ нихъ народомъ. Сводъ любопытныхъ предположеній объ этихъ аборигенахъ Италіи мы встрѣчаемъ въ книгѣ Molon'a „Preistorici e contemporanei. Studi palenologici in relazione al popolo ligure“. — Неолитическая эпоха начинается съ того времени, какъ стояли ледники, покрывавшіе Европу въ концѣ послѣ-третичной эпохи. Растительные и животные виды Средней и Малой Азіи, Кавказа и Арменіи за-

няли мало по малу освободившуюся изъ подъ ледяной коры Европу и подготовили появленіе новыхъ насельниковъ изъ Азіи. Насельники эти не были однако совершенно чужды европейской почвѣ Европы. Они происходятъ отъ человѣка, жившаго еще въ третичную эпоху въ сѣверной, арктической зонѣ стараго и новаго свѣта. Глечеры двинули потомковъ этихъ третичныхъ людей на югъ и въ Азію. Сѣверяне двигались, отбрасывая еще далѣе на Ю. въ крайнимъ предѣламъ Индіи и Аравіи встрѣчныя азіатскія племена. Столкнувшись съ племенами, обладавшими высшей цивилизаціей (въ Минусинскомъ краѣ еще въ четвертичную эпоху процвѣтала бронзовая культура), сѣверяне научились шлифовать камень, познакомились съ бронзой, съ прирученіемъ животныхъ. Отсюда они вновь направляются въ Европу двумя потоками—первый образовали туранскія или монгольскія племена, второй—иранскія или арійскія. Остатками отъ этого древнѣйшаго выселенія изъ Азіи являются между прочимъ Амурскіе и Сахалинскіе Айно. Туранскій потокъ прошелъ чрезъ Арменію и чрезъ Уралъ. Къ числу самыхъ западныхъ его представителей относятся Баски; вѣтвь туранцевъ заняла Вавилонію и продержалась тамъ до появленія Семитовъ. Къ этой монгольской группѣ относятся на Ю. Европы всѣ лигурійскія и иберійскія племена, на С. гренландскія, лапландскія и финскія. Иберійцы принесли съ собою искусство воздвигать свайныя постройки и знакомство съ бронзой. Иранское движеніе — Кельтовъ, Германцевъ и Славянъ—послѣдовало позднѣе и знаменуется мегалитическими сооружениями.—Теорія Мопон'а далеко не во всѣхъ частностяхъ раздѣляется другими итальянскими палеоэтнологами и, кажется, основательно. Лигурирійская культура обрисовывается предъ нами довольно ясно благодаря даннымъ антропологии и палеоэтнологии. Лигуриійцы жили сначала въ пещерахъ, потомъ въ искусственныхъ подземныхъ хижинахъ по теченію главныхъ рѣкъ и ихъ притоковъ, съ особенной любовью останавливаясь при ихъ сліяніи. Остатки ихъ жилищъ — *fondi di sarapne*—даютъ право предположить, что эти послѣднія по своей формѣ

были тождественны съ урало-алтайскими чумами или юртами — были вырыты въ землѣ и имѣли коническую крышу (лоп. ямы). Открытіемъ этихъ остатковъ (въ Абрुццахъ, въ долины Вибраты) итальянская палеоэтнологія обязана Concezio Rosa. На первый взглядъ *fondi di saranne* представляли собою широкія пятна черной земли. Раскапывая эти пятна, въ нихъ встрѣчали угли, обломки костей, черепки, обработанные кремни, полированные топоры изъ кварцита и известняка, скребки, кремневые ножи — и при этомъ полное отсутствіе наконечниковъ копій и стрѣлъ. Разработка этого матеріала въ Эмиліи доставила извѣстность Gaetano Chierici. Между особенностями культуры того народа, который оставилъ *fondi di saranne*, Chierici отмѣчаетъ фактъ, что ему какъ будто не извѣстна была еще собака: ея слѣдовъ не было найдено ни въ одной изъ изслѣдованныхъ станцій этого рода. Фактъ этотъ кажется страннымъ въ виду того, что изслѣдователи считаютъ народъ, оставившій *fondi di saranne* по преимуществу охотничьимъ, хотя ему извѣстны были и домашнія животныя. Strobel пользуется имъ для того, чтобы опредѣлять относительную древность *fondi*, и считаетъ ихъ древнѣе сѣверныхъ Kiokkenmoeding'овъ и швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка. Подъ нѣкоторыми изъ такихъ *fondi* на глубинѣ 5 метровъ Chierici нашелъ могилы — и притомъ съ трупосоженіемъ, — фактъ, находящійся въ рѣшительномъ противорѣчии со всѣмъ, что извѣстно относительно каменнаго вѣка во всей Европѣ и въ Италіи. Памятниками позднѣйшей эпохи въ исторіи Лигуровъ являются пещеры и искусственные гроты, которые служили или жилищами или могилами челоуѣка. Къ числу памятниковъ, оставленныхъ послѣ себя Лигурами Molon относятъ и надписи на скалахъ (къ его книгѣ приложены 54 снимка этихъ письменъ). Къ неолитической эпохѣ относятся и древнѣйшія свайныя постройки Италіи. Первые работы по изслѣдованію этого рода памятниковъ начались въ 1863 г., когда С. Италію посѣтилъ швейцарскій палеоэтнологъ Дээръ. Совмѣстно съ французомъ Г. Мортилье и мѣстнымъ дѣятелемъ

Стопани Дэзоръ предпринялъ первую экскурсію вдоль береговъ сѣверныхъ озеръ и открылъ свайныя стоянки Vagese. Въ 1864 другой иностранецъ баронъ Саккенъ предпринялъ правильныя раскопки стоянки Peschiera. За этими открытіями послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ. На однихъ изъ свайныхъ стоянокъ не обнаружено никакихъ слѣдовъ металла (Lagozza), на другихъ (Verese) каменные орудія (кремневая стрѣлки) встрѣчены были рядомъ съ бронзовыми орудіями; на стоянкѣ Peschiera были найдены чисто-мѣдныя орудія. Часть ихъ (самая древняя), предполагается, принадлежитъ Лигурамъ. Свайныя постройки съ металлическими находками принадлежатъ, по мнѣнію итальянскихъ изслѣдователей уже другому народу. Мѣдную и бронзовую культуру принесъ съ собою другой народъ, отличающійся отъ долихоцефаловъ-Лигуровъ своимъ брахицефализмомъ.

Разработка новаго матеріала ввела Итальянцевъ, какъ и Швейцарцевъ, въ кругъ основныхъ вопросовъ европейской палеоэтнологіи. По поводу кремневыхъ стрѣлокъ, найденныхъ рядомъ съ мѣдными вещами, Итальянцы пришли къ заключенію, что онѣ стали входить въ употребленіе почти одновременно съ бронзовыми орудіями и служили главнымъ образомъ въ теченіи такъ называемаго бронзоваго вѣка:

1) Наибольше богатыя бронзовыми предметами свайныя постройки Vagese дали и наибольшій запасъ этихъ стрѣлокъ;

2) въ Лагоццѣ рядомъ съ отсутствіемъ металловъ замѣчается и отсутствіе кремневыхъ стрѣлокъ,

3) стрѣлки отсутствуютъ—по крайней мѣрѣ съ крыльями и ножками—въ fondi di saranne.

По поводу находокъ въ Peschiera швейцарскій изслѣдователь свайныхъ построекъ Ф. Келлеръ поставилъ вопросъ о мѣдномъ вѣкѣ въ Италіи. Анализы Саккена показали, что въ каждомъ изъ найденныхъ предметовъ находилось олово, хотя не въ обычной пропорціи: 89,07 мѣди + 10,78 олова, 97 + 3, 99 + 1. Позднѣйшими анализами проф. Вгіосі были обнаружены и такіе предметы, въ которыхъ вовсе не оказалось олова. Пигорини, не нашель возможнымъ допустить относительно Pes-

schier'ы мѣднаго періода и объясняетъ обнаруженное здѣсь уклоненіе въ составѣ бронзовыхъ вещей тѣмъ, что бронзовыя издѣлія приходили на Peschier'у извнѣ; мѣстные обитатели не имѣли въ своемъ распоряженіи другого металла кромѣ мѣди и при самостоятельномъ производствѣ орудій переплавляли бронзовый ломъ, произвольно увеличивая количество мѣди, а за отсутствіемъ бронзы и вовсе отливали орудія изъ мѣди по типу бронзовыхъ.

Возрѣнія Итальянцевъ на бронзовый вѣкъ существенно отклонились отъ сѣверо-европейскихъ подъ влияніемъ добытыхъ на мѣстѣ фактовъ. Возникшее первоначально подъ чуждымъ влияніемъ представленіе, что такъ называемый бронзовый вѣкъ представляетъ собою моментъ въ самостоятельномъ развитіи всего населенія полуострова, смѣнилось постепенно другимъ: факты показали, что бронзовая культура локализуется въ долинѣ По и является созданіемъ народа, который въ теченіе нѣкотораго періода держался на пространствѣ между Альпами и Аппенинами. По другимъ существеннымъ общимъ вопросамъ палеоэтнологіи Итальянцы высказываются согласно съ второй генераціей скандинавскихъ археологовъ. Они отказываются отъ старой теоріи, въ силу которой одинъ періодъ рѣзко смѣнялся другимъ и являлся результатомъ появленія новаго народа; вмѣсто новыхъ иммиграцій они, какъ и Скандинавы, начинаютъ говорить о новыхъ влияніяхъ. Богатый историческій опытъ Италіи кромѣ того подсказалъ имъ, что не все пришельцы-завоеватели являются побѣдителями и на культурномъ поприщѣ: часто они сами усваиваютъ культуру побѣжденныхъ. Въ ряду частныхъ вопросовъ, возникшихъ на почвѣ итальянской палеоэтнологіи, можно отмѣтить одинъ, имѣющій интересъ для археологовъ южной Россіи—это вопросъ о происхожденіи окрашенныхъ въ красную краску костяковъ. По близости мѣстечка Sgurgola итальянскій изслѣдователь Росси нашелъ могилу, въ которой лежалъ окрашенный костякъ, снабженный каменными стрѣлками, каменнымъ молоткомъ, грубымъ горшкомъ и маленькимъ бронзовымъ копьемъ. Разработкой этого мате-

риала занялся Pigorini. По его просьбѣ химикъ римскаго университета Ралеbianco произвелъ анализъ окраски и констатировалъ что она произведена кинноварью и не случайно. Какимъ образомъ возникла эта окраска? Прежде всего возникало предположеніе, что древніе обитатели Лигуріи покрывали свое тѣло красной краской и клали ее въ могилы усопшимъ. Но противъ такого предположенія говорило то обстоятельство, что кости въ могилѣ оказались не въ естественномъ порядкѣ, у нѣкоторыхъ кромѣ того не хватало. Pigorini пришелъ на основаніи этихъ фактовъ къ заключенію, что окрашивалось не тѣло, а костякъ послѣ того какъ онъ былъ очищенъ отъ мяса. Въ подтвержденіе своей догадки онъ ссылается на обычаи Папуасовъ, Новозеландцевъ, Таитянъ и др. современныхъ дикарей. Народомъ, оставившимъ послѣ себя окрашенные костяки были по мнѣнію Chierici Лигуры.

Перехода изъ Италіи на Пиринейскій полуостровъ, мы должны припомнить, что доисторическое населеніе послѣдняго Иберы—считаются ближайшими родичами Лигуровъ. Въ этомъ родствѣ и предполагаемомъ монгольскомъ происхожденіи обоихъ народовъ лежитъ основаніе спеціальнаго интереса, съ которымъ археологъ В. Россія долженъ отнестись къ палеоэтнологіи далекаго пиринейскаго полуострова. Раздѣленный политически между Испаніей и Португаліей, Пиринейскій полуостровъ и въ исторіи палеоэтнологическихъ изученій представляетъ эту двойственность. Португалія съ 1863 г., когда открыты были въ долинѣ Тахо первые слѣды третичнаго человѣка, рядомъ съ Франціей работаетъ надъ самыми отдаленными эпохами въ исторіи человѣка. Carlos Ribeiro считается однимъ изъ главныхъ защитниковъ третичнаго человѣка. Его именемъ Мортилье назвалъ одинъ изъ видовъ своего *Anthroporopitecus*. Въ 1880 г. спеціально для выясненія вопроса о третичномъ человѣкѣ состоялась въ Лиссабонѣ сессія международнаго конгресса доисторической археологіи. Была предпринята спеціальная поѣздка въ одно изъ мѣстонахожденій этой эпохи—въ Отту, составила комиссія для опредѣленія добытыхъ здѣсь нахо-

докъ — но результаты оказались сомнительными: пласты, въ которыхъ залегали находки, всѣми были признаны за третичныя, но самыя находки представляли, по мнѣнію комиссіи, смѣсь палеолитическихъ, неолитическихъ и можетъ быть третичныхъ. Рибейро до 80-хъ годовъ былъ почти единственнымъ палеоэтнологомъ Португаліи. Кромѣ слѣдовъ третичнаго чело-вѣка онъ изслѣдовалъ стоянки неолитической эпохи, дольмены, погребальныя пещеры изъ переходной между камнемъ и бронзой эпохи. Въ своихъ общихъ заключеніяхъ относительно каменнаго вѣка Рибейро сходится съ Итальянцами и думаетъ, что по типамъ орудій далеко не всегда и не вездѣ можно судить о времени, къ которому онѣ относятся. Онъ указываетъ на тотъ фактъ, что въ португальской академіи имѣются кремневыя орудія изъ неолитическихъ стоянокъ, послѣтретичныхъ и третичныхъ пластовъ, принадлежащія къ одному типу и до такой степени сходныя, что ихъ невозможно различить. Въ неолитическихъ стоянкахъ долины Тахо Рибейро констатировалъ фактъ, привлекающій вниманіе итальянскихъ ученыхъ относительно древнихъ Лигуровъ—отсутствіе собаки. Новѣйшіе анализы мѣдныхъ орудій, найденныхъ въ Португаліи, констатируя въ нихъ существованіе въ разнообразныхъ пропорціяхъ олова и цинка предлагаютъ новые факты въ пользу гипотезы о европейскомъ происхожденіи бронзовой культуры (Alfredo Ben-Sande).

Доисторическое прошлое Испаніи уяснено для науки главнымъ образомъ трудами иностранныхъ ученыхъ — француза Э. Картальяка и бельгійцевъ гг. Сирэ. Въ силу этого намъ приходится говорить не о томъ, что дали палеоэтнологіи испанскіе ученые, а о томъ, что дала почва Испаніи. Г. Картальякъ производилъ изслѣдованія по порученію французскаго министерства просвѣщенія. Французскій археологъ находитъ на пиринейскомъ полуостровѣ аналогичныя съ французскими доисторическія отношенія: въ Португаліи оказываются на лицѣ всѣ типы орудій послѣтретичной культуры; неолитическая эпоха рѣзко обособляется и начинается съ прибытіемъ народа, кото-

рый принесъ съ собой знакомство съ земледѣліемъ и скотоводствомъ и потребность погребать своихъ усопшихъ въ пещерахъ или гротахъ. Въ могилахъ неолитической эпохи рядомъ съ каменными орудіями встрѣчаются и примитивной формы мѣдныя и бронзовыя. Г. Картальякъ приходитъ, какъ и мѣстные изслѣдователи къ заключенію, что въ Европѣ вообще и въ частности на Пиринейскомъ полуостровѣ имѣлъ мѣсто мѣдный періодъ.

И. С.

ДРЕВНІЯ ПОСЕЛЕНІЯ

ЯРАНСКАГО УЎЗДА.

Бывшій въ Казани IV археологическій съѣздъ возбуждалъ живой интересъ къ изученію различныхъ памятниковъ древности и особенно къ разысканію слѣдовъ древнихъ поселеній не только въ Приволжьи и Прикамьи собственно, но и далеко за предѣлами ихъ. Въ послѣднее десятилѣтіе мѣстные археологи особенно заинтересовались Вятской губерніей, на обширномъ пространствѣ которой оказались разсѣянными памятники весьма разнообразныхъ культурныхъ періодовъ. Въ этомъ отношеніи южная полоса Вятской губерніи возбуждала едвали не преимущественное вниманіе какъ археологическихъ учреждений, такъ и мѣстныхъ изслѣдователей и любителей старины. Въ данномъ случаѣ мы остановимся на территоріи Яранскаго уѣзда, занимающаго юго-западную часть Вятской губерніи, и посмотримъ, какія имѣются данныя для сужденія о характерѣ и культурѣ *древняго* населенія этого края.

Еще въ 60-хъ годахъ этого столѣтія въ прессу начали проникать указанія на находженіе каменныхъ орудій въ предѣлахъ Яранскаго уѣзда. Такія орудія были констатированы въ 1864 году г. *Алабинымъ* въ Комаровской, Водозерской и Ситкинской волостяхъ этого уѣзда, гдѣ были найдены наконецники

стрѣль, копій, ножи и проч. ¹⁾). Но главнѣйшая масса свѣдѣній объ этомъ предметѣ относится уже къ 80-мъ годамъ, въ теченіи которыхъ весьма усерднымъ собирателемъ свѣдѣній о вятскихъ древностяхъ, а въ послѣднее время и изслѣдователемъ ихъ былъ *А. А. Спицынъ*, напечатавшій въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и изданіяхъ Вят. Губерн. Статистич. Комитета нѣсколько статей и замѣтокъ по археологіи Вятской губерніи ²⁾). Но во всѣхъ этихъ статьяхъ и замѣткахъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на культурную эпоху, къ которой должны быть отнесены вышеназванныя орудія, между тѣмъ какъ по отношенію къ другимъ древностямъ Яранскаго уѣзда сдѣлано уже не мало попытокъ къ уясненію ихъ культурно-историческаго характера.

Вещественные памятники древности Яранскаго уѣзда концентрировались главнѣйше въ Вятскомъ Статистическомъ Комитетѣ и въ Вятскомъ музеѣ. Но въ послѣднее время не мало каменныхъ орудій, преимущественно молотковъ, колотушекъ и проч., изъ Яранскаго уѣзда попало въ музеи Казанскаго университета и собранія частныхъ лицъ въ Казани, куда они доставлялись преимущественно татарами — яичниками и другими странствующими торговцами, совершавшими для своихъ цѣлей поѣздки по Яранскому уѣзду и скупавшими у мѣстныхъ жителей имѣвшіеся у нихъ памятники древности. Понятно, что въ этомъ случаѣ не могло быть и рѣчи ни о точномъ констатированіи мѣстонахожденія этихъ орудій, ни о выясненіи условій ихъ находенія.

¹⁾ Вятск. Губерн. Вѣдомости, 1865 г., № 54, 55 и 74.

²⁾ Каталогъ древностей Вятскаго края въ «Календарѣ Вят. губери на 1882 г.»; различныя статьи въ Вятск. Губерн. Вѣдомостяхъ за 1883, 1887, 1888, 1889 и 1890 годы; Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края, 1887 г.; Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятской губерніи, 1886; Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края, 1889 г. и друг.

Мнѣ извѣстно далѣе, что члены статистической экспедиціи Вятск. Губерн. Земства, экскурсировавшіе лѣтомъ 1891 года въ Яранскомъ уѣздѣ, вывезли оттуда въ Вятку не мало различныхъ древностей. Такъ какъ мнѣ пришлось посѣтить различныя части Яранскаго уѣзда уже послѣ объѣзда его членами вышеназванной экспедиціи, то на мою долю досталась только небольшая часть имѣвшихся у мѣстныхъ жителей каменныхъ орудій, которыя и переданы мною въ географическій кабинетъ Казанскаго университета. Но при своихъ поѣздкахъ прошлаго 1891 года по Яранскому уѣзду я занимался не только составленіемъ коллекціи каменныхъ орудій, но также опредѣленіемъ условій ихъ находенія. И хотя при этихъ поѣздкахъ я былъ занятъ другого рода изслѣдованіями и только немного времени могъ удѣлять археологіи этого края, но тѣмъ не менѣе собранный мною фактической матеріалъ, вмѣстѣ съ данными другихъ изслѣдователей, мнѣ кажется, можетъ приблизить насъ къ рѣшенію вопроса о культурной эпохѣ, въ которой относятся Яранскія каменные орудія и другіе памятники древнихъ обитателей Яранскаго уѣзда. При дальнѣйшемъ изложеніи я считаю болѣе удобнымъ распредѣлить обзоръ относящихся къ этому вопросу матеріаловъ по отдѣльнымъ территориямъ этого уѣзда. Разсмотримъ прежде всего ЮВ—ную часть Яранскаго уѣзда.

Въ этомъ районѣ я встрѣтилъ впервые каменные орудія въ Тожсолинской волости, въ бассейнѣ верхняго Ижа, около д. д. Емакаевой - Кугунуръ и Емакаевой - Бахтенки. Около первой изъ этихъ деревень, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ къ западу отъ нея, находятся два глубокіе оврага, сливающіеся между собою подъ угломъ около 50° , обращеннымъ вершиною къ сѣверу. При сліяніи этихъ овраговъ находятся слѣды древняго городища, называемаго нынѣ мѣстными жителями „Прокопомъ“. Съ сѣверо-восточной и сѣверо-западной сторонъ это городище недоступно, благодаря почти отвѣснымъ склонамъ названныхъ овраговъ, а съ юга оно было защищено валомъ до $1\frac{1}{2}$ арш. высоты и параллельнымъ ему ровомъ до 2 арш. глубины, расположеннымъ на внѣшней сторонѣ вала. Благодаря

такой естественной и искусственной защитѣ, на стрѣлкѣ между оврагами образовалась треугольная площадка до 17 саж. ширины и 21 саж. длины, занятая бывшимъ здѣсь поселеніемъ. Произведенныя мною небольшія раскопки показали, что валъ сложенъ изъ песчаного матеріала, очевидно взятаго при рытьѣ сопровождающаго его рва. Въ поверхностныхъ частяхъ вала были обнаружены обломки битыхъ и рубленыхъ костей и куски угля. Нужно замѣтить, что лѣтъ 100 тому назадъ это городище было покрыто густымъ хвойнымъ лѣсомъ, уничтоженнымъ бывшимъ здѣсь лѣснымъ пожаромъ. Послѣ этого прилегающая къ городищу мѣстность, вмѣстѣ съ площадкой самаго городища, была обращена въ пашню. При полевыхъ работахъ около городища мѣстные жители нерѣдко находили и находятъ теперь каменные орудія, напр. кремневые наконечники стрѣлъ и копій, кремневые ножики и много притесанныхъ обломковъ кремня. Попадающіеся здѣсь наконечники стрѣлъ и копій отличаются небольшою величиною и приготовлялись изъ темно-сѣраго и темно-бурого кремня валуннаго происхожденія, какъ и ножики и притесанные куски кремня. Нахожденіе каменныхъ орудій въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этимъ городищемъ можетъ дать основаніе съ вѣроятностію заключать о принадлежности этихъ орудій къ одной эпохѣ съ городищемъ, хотя прямыхъ доказательствъ этого не имѣется.

Кремневые наконечники стрѣлъ и копій встрѣчаются нерѣдко и въ другихъ частяхъ разсматриваемаго района. Мнѣ извѣстно, что наконечники стрѣлъ встрѣчаются напр. въ поляхъ д. Рус. Руя на Руѣ, притоку Ошмы, гдѣ вмѣстѣ съ ними попадаютъ кремневые скребки и много притесанныхъ кусковъ кремня. Они встрѣчаются далѣе на поляхъ д.д. Табашевой и Кулашевой, расположенныхъ по берегамъ оз. „Зрывъ“; ихъ находятъ въ поляхъ д. Кресты, что на парево-вокшайско-яранскомъ трактѣ, гдѣ кромѣ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ встрѣчаются скребки и каменные колотушки. Отмѣчу при этомъ, что въ окрестностяхъ д. Кресты имѣются и другіе слѣды древнихъ поселеній. Это—группа кургановъ,

которые расположены на плоскомъ скатѣ къ широкой долиинѣ Ошмы, между д.д. Кресты и М. Кугунуръ, въ 1½ вер. отъ первой. Здѣсь на равнинѣ хорошо выдѣляются три большихъ и нѣсколько меньшихъ кургановъ, поросшихъ мелкимъ хвойнымъ лѣсомъ. На вершинахъ большихъ кургановъ находятся глубокія полуобвалившіяся шахты — слѣды недавнихъ раскопокъ этихъ кургановъ однимъ изъ вятскихъ археологовъ ¹⁾). Въ области лѣвыхъ притоковъ р. Ошмы каменные орудія встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ. Они извѣстны мнѣ изъ окрестностей д. Спорной и Созы Курбатовой, гдѣ на высокихъ поляхъ на пашинѣ встрѣчаются каменные молотки и точильные камни изъ кварцеваго песчаника валуннаго происхожденія. Въ моей коллекціи имѣются отсюда точильные камни удлиненно-столбчатой формы, съ плоско-вогнутыми и выпуклыми сторонами, которые могли употребляться для шлифованія каменныхъ орудій, напр. при приготовленіи каменныхъ молотковъ изъ мелкихъ валуновъ, каковыя дѣйствительно встрѣчаются въ окрестностяхъ этихъ деревень. Но здѣсь имѣются и другого рода слѣды древнихъ поселеній. Это—древнее городище, расположенное въ лѣсистой и болотистой мѣстности, по зимней дорогѣ изъ д. Салонеръ въ с. Норку. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, при раскопкахъ на этомъ городищѣ находятъ различные металлическіе предметы, напр. серебряныя и бронзовыя украшенія. Укажу еще, что въ бассейнѣ Ошмы каменные молотки встрѣчаются около д.д. Шуйки, Яндушевой и во многихъ другихъ мѣстахъ этого района. Очевидно, уже въ древности здѣсь было довольно густое населеніе, оставившее намъ разнообразныя слѣды своего существованія.

Еще болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ слѣды древнихъ поселеній, констатированныя въ области М. Кокшаги, въ со-
сѣднемъ съ Ошмой районѣ. Изъ нихъ прежде всего нужно

¹⁾ Вѣроятно, эти именно курганы стоятъ подъ знакомъ вопроса на стр. 17 «Новыхъ свѣдѣній о доисторической археологіи Вятскаго края» А. А. Сивцына.

упомянуть о небольшомъ курганѣ, находящемся около с. Ернуръ, на задахъ д. Лапсолы¹⁾). Онъ расположенъ на плоскомъ скатѣ коренного праваго берега Кокшаги и имѣеть плоскую форму, а высота его въ настоящее время не болѣе 3 аршинъ. Какъ показали пробныя раскопки, этотъ курганъ сложенъ изъ глины, перемѣшанной съ почвой. Но ни при моихъ раскопкахъ, ни при прежнихъ раскопкахъ г. Спицына, никакихъ предметовъ въ этомъ курганѣ не было найдено, изъ чего можно заключать, что лапсолинская насыпь есть сторожевой курганъ, построенный для наблюдений надъ р. Кокшагой и ея широкой долиной. Вѣроятно, такой же характеръ имѣеть курганообразная насыпь на противоположномъ, лѣвомъ берегу М. Кокшаги, верстахъ въ 2—3 къ востоку отъ лапсолинскаго кургана, гдѣ она расположена на землѣ крестьянъ Фузиковыхъ.

Мы едвали ошибемся, если отнесемъ ернурскіе курганы къ той же эпохѣ, къ которой относится находящееся недалеко отъ с. Ернуръ городище „Одо-лемъ, т. е. жилище Одо, названное такъ потому, что по преданію оно служило мѣстообитаіемъ нѣкоего Одо, хотя нѣкоторые авторы думаютъ, что слово Одо обозначаетъ вотяковъ. Хотя это городище описано уже *А. Спицынымъ*²⁾, но я считаю необходимымъ пополнить описаніе этого автора нѣкоторыми новыми данными, полученными мною при изслѣдованіи городища.

Городище Одо-лемъ находится въ 1½ вер. къ сѣверу отъ с. Ернуръ и д. Лапсолы и расположено на высотахъ (60 саж. надъ уровнемъ моря), сложенныхъ изъ пермскихъ пластовъ, вдали отъ рѣки, въ лѣсистой мѣстности, хотя въ настоящее время лѣсъ здѣсь уже почти весь вырубленъ. Мѣстность около городища сильно расчленена широкими и глубокими оврагами. Самое городище расположено на стрѣлкѣ между двумя оврагами, сходящимися подъ острымъ угломъ. Оно имѣеть

¹⁾ Также упоминается г. Спицынымъ на стр. 17 той же статьи.

²⁾ *А. Спицынъ*. Новыя свѣдѣнія по доистор. арх. Вят. края, 34—35; см. также Вят. Губ. Вѣд. за 1887, №№ 89 и 90.

видъ плоской трапециoidalной площадки, нѣсколько покатой къ СВ, въ мѣсту слиянія овраговъ. Въ направленіи наибольшей длины (до 80 саж.) это городище вытянуто съ СВ на ЮЗ, а максимальная ширина его, около юго-западнаго конца, простирается до 40 сажень. Довольно крутые склоны овраговъ защищаютъ это городище съ СВ, СЗ и ЮВ, а съ ЮЗ оно защищено крутымъ валомъ, до $3\frac{1}{2}$ арш. высоты, за которымъ располагается узкій ровъ, съ крутыми склонами, имѣющій до 3—4 арш. глубины. Валъ состоитъ изъ вынутаго при рытвѣ рва песчанаго матеріала. Еще сравнительно недавно все городище было занято хвойнымъ лѣсомъ, а теперь площадь его распахивается, что даетъ возможность ознакомиться съ остатками культуры древнихъ обитателей его. На площади этого городища, на пашнѣ я нашолъ кучки битыхъ костей млекопитающихъ, угли отъ кострищъ и сравнительно немного черепковъ битой посуды грубой работы (не обожженной). Тутъ же встрѣчаются гальки и валуны кварцита, величиною съ дѣтскую голову, а также угловатые куски краснаго гранита. Но всего замѣчательнѣе масса встрѣчающихся на пашнѣ притертыхъ и обточенныхъ плоскихъ кусковъ пермскаго сѣраго песчаника, имѣющихъ клиновидно-треугольную форму, очевидно бывшихъ въ употребленіи у обитателей этого городища, которымъ они служили какимъ то орудіемъ. Тутъ же найдены два крупные точильные камня изъ того же пермскаго песчаника. Разныя части поверхности этихъ камней являются плоско вогнутыми или выпуклыми, притертыми, имѣя видъ современныхъ точильныхъ камней, употребляющихся для точенія желѣзныхъ орудій. Весьма вѣроятно, что жители городища употребляли эти камни, а равно и мелкіе куски песчаника въ качествѣ точилъ для своихъ желѣзныхъ орудій. И дѣйствительно, при распашкѣ поверхности городища находили здѣсь желѣзные топоры. Кромѣ того, по рассказамъ мѣстныхъ черемисъ, здѣсь находятъ изрѣдка серебряныя и бронзовыя вещи. Тутъ же я нашолъ порядочное количество шлаковъ.

Слѣды подобной же культуры находятся въ вершинахъ р. Ярани, около с. Ярань-мучашъ. Нѣсколько западнѣе этого села, недалеко отъ берега Ярани, въ оврагѣ, вблизи проѣзжей дороги я замѣтилъ прямоугольный разрѣзъ ямы, не глубоко заложенной въ элювіальной красной глинѣ. Яма оказалась заполненной богатой органическими веществами глиной, въ которой разсыано не мало обломковъ глиняной посуды очень грубой работы, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ небольшихъ клинообразныхъ кусковъ пермскаго песчаника, съ зашлифованными и заглаженными, какъ бы притертыми поверхностями. Нѣкоторые изъ этихъ кусковъ были весьма значительно истерты. По своему характеру они вполне соотвѣтствуютъ такимъ же точильнымъ камнямъ съ вышеописаннаго городища Одо-лемъ. Очевидно, что въ вершинѣ Ярани были поселенія того же народа, который около Ернара защищалъ себя городками, употреблялъ металлическія орудія, пользовался весьма грубой посудой, питался продуктами охоты и, вѣроятно, былъ земледѣльческимъ. Весьма вѣроятно, что Ярань-мучашскія ямы представляютъ остатки примитивнаго жилища обитавшихъ здѣсь финновъ, вродѣ западно-финской коты, которую И. Н. Смирновъ склоненъ считать примитивнымъ жилищемъ черемисъ¹⁾.

Таковы слѣды древней культуры въ юго-восточной части Яранскаго уѣзда. Посмотримъ, что даетъ намъ юго-западная часть этого уѣзда, бассейнъ Б. Кокшаги и смежныя съ нею мѣстности. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на слѣдахъ сравнительно недавнихъ поселеній, каковы: кубашевское городище, кладбище близъ с. Галицкаго, гдѣ въ могилахъ встрѣчаются: желѣзные ножи, огнива, мѣдныя кольца и пряжки, остатки холщевой и шерстяной тканей, вмѣстѣ съ костями черепа²⁾; мы минуемъ также сравнительно поздняго происхо-

¹⁾ И. Н. Смирновъ. Черемисы, стр 70 (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этнографія, т. VII).

²⁾ А. Спицынъ. Новыя свѣдѣнія, 58.

жденія культурные слѣды, упоминаемые г. *Спицынымъ*¹⁾ изъ Царевосанчурска, с. Сметапина, с. Кувшинскаго и проч. Мы рассмотримъ здѣсь слѣды болѣе древней культуры, выраженной каменными орудіями, особенно каменными молотками. Въ этомъ районѣ каменные молотки были находимы около Царевосанчурска, въ с. Улешъ, близъ с. Люмпануръ и проч.²⁾ Но особенно интересно мѣстонахождение такихъ орудій около дер. Барышниковой на р. Руткѣ. Здѣсь русскіе поселенцы нашли въ старомъ хвойномъ лѣсу слѣды прежняго жилья, въ видѣ бороздъ отъ старой распашки полей, ямъ, какія остаются на мѣстахъ прежнихъ поселеній и проч. Тутъ находили также желѣзные серпы, косы и ральники; тутъ же, на мѣстѣ бывшаго жилья, попадаетъ не мало каменныхъ шлифованныхъ молотковъ и другихъ полированныхъ орудій, напр. точильные камни, колотушки. Теперь это мѣсто расчищено подъ пашню и при пахотѣ и другихъ полевыхъ работахъ вышеуказанныя орудія встрѣчаются. Такимъ образомъ, слѣды древняго поселенія около д. Барышниковой достаточно ясно опредѣляютъ культурное состояніе того народа, который употреблялъ каменные молотки и другія полированные орудія.

Къ аналогичному же заключенію приводятъ насъ культурные остатки западной и сѣверной полосы Яранскаго уѣзда. Намъ извѣстно не мало мѣстностей въ западной полосѣ этого уѣзда, гдѣ встрѣчаются шлифованные каменные молотки. Сюда относятся: д. Килимары, д. Могунова, поч. Ивановскій, д. М. Рѣчважъ, откуда имѣется также желѣзный топоръ, поч. Лоскутовъ, гдѣ встрѣчаются также желѣзные наконечники копій, поч. Реутовскій, п. Малозвѣревскій, поч. Тумановъ, д. Черномужъ и проч. около с. Шаранги, гдѣ каменные молотки находили при аналогичныхъ же условіяхъ. Ихъ находятъ также около с. Устинскаго, с. Кивнура, д. Кундышъ, поч. Высокогровскаго и проч., причемъ

¹⁾ *А. Спицынъ*. Вещественные памятники, стр. 34; Вят. Губ. Вѣд. за 1888, № 83.

²⁾ *Ibidem*, стр. 3.

высокогровиское мѣстонахожденіе, описанное г. *Спицынымъ*¹⁾, представляется не менѣе интереснымъ, чѣмъ и барышниковское, описанное выше. Около этого починка находится удлинено-овальное возвышеніе, до 5 саж. высоты, называемое „Высокой гривой“ и имѣющее 120 саж. длины, при ширинѣ въ 30 сажень. Образование этого возвышенія остается до сихъ поръ не выясненнымъ, хотя преданіе считаетъ его курганомъ. Оно состоитъ изъ глинистаго матеріала. Русскіе поселенцы, появившіеся здѣсь въ 1851 году, нашли на мѣстѣ этой гривы молодой лѣсовъ, обгорѣлыя пни и дубовыя стволы, свидѣтельствовавшіе о бывшемъ здѣсь крупномъ лѣсѣ, уничтоженномъ пожаромъ. Тогда же они замѣтили на поверхности этой гривы слѣды прежней распашки. Въ настоящее время „грива“ также распаивается и мѣстные жители находятъ при паханіи различные предметы древней культуры. Здѣсь были найдены: каменный молотокъ, желѣзный кодочигъ и желѣзные скребки, напоминающіе тѣ орудія, которыя употребляются черемисами при выдѣлѣ бортей. При раскопкѣ же этого возвышенія мѣстные жители замѣтили на глубинѣ 2¹/₂ арш. кости, похожія на человѣческія. Изъ сказаннаго вытекаетъ, что на Высокой гривѣ обиталъ народъ-земледѣлецъ, ухаживавшій за пчелами, умѣвшій плести лапти,—черты, которыя свойственны нашимъ финнамъ. И дѣйствительно, находящаяся недалеко отсюда д. Останшурга есть одно изъ древнѣйшихъ черемисскихъ поселеній.

Совершенно аналогичные слѣды древнихъ поселеній находятся также въ сѣверной полосѣ Яранскаго уѣзда, напримѣръ между починками Ошетскимъ и Казанскимъ²⁾, близъ границы Яранскаго уѣзда съ Костромской губерніей. Здѣсь въ 1¹/₂ вер. отъ поч. Казанскаго находятся плоское курганообразное возвышеніе до 8 сажень высоты и 123 саж. въ окружности, сло-

¹⁾ А. Спицынъ. Новыя свѣдѣнія, стр. 17.

²⁾ А. Спицынъ. Новыя свѣдѣнія, стр. 11, 20 и 58.

женное пзъ суглинистаго матеріала. Оно, какъ и вся прилегающая страна, было занято прежде хвойнымъ лѣсомъ, который послѣ появленія здѣсь русскихъ поселенцевъ въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія началъ сильно сокращаться въ своихъ размѣрахъ. Теперь названное возвышеніе и прилегающая къ нему мѣстность распаиваются. При первыхъ распашкахъ, особенно при поднятіи нови, крестьяне находили около этого возвышенія желѣзные топоры, серпы, косы и другіе желѣзные предметы. Вмѣстѣ съ ними былъ найденъ здѣсь каменный молотокъ превосходной работы, а въ спискѣ предметовъ вятскаго отдѣла на выставкѣ Ярославскаго археологическаго съѣзда значится кромѣ того каменный топоръ, также найденный въ полѣ починка Казанскаго.

Намъ осталось остановиться на слѣдахъ древнихъ поселеній по р. Пижмѣ и въ прилегающей къ ней мѣстности. Здѣсь наибольшую извѣстностію пользуются три городища: Еманаевское на Пижмѣ, Нижнеботское на Немдѣ и Жеребцовское на Ижѣ. Изъ нихъ городище у д. Еманаевой остается мало изслѣдованнымъ и объ немъ приводятся еще и теперь только тѣ свѣдѣнія, которыя вошли въ отчетъ Вятскаго статистическаго Комитета за 1873 годъ ¹⁾, а потому мы и не будемъ на немъ останавливаться. Перейдемъ къ Жеребцовскому городищу, расположенному на крутомъ правомъ берегу Ижа, между д.д. Жеребцовой и Городище. Съ трехъ сторонъ его окружаютъ глубокіе овраги, а съ четвертой оно примыкаетъ къ крутому берегу Ижа. Параллельно оврагамъ оно окружено съ трехъ сторонъ валомъ, сложеннымъ изъ глины, перемѣшанной съ углемъ, а при раскопкахъ въ немъ находили пережженные кости, наконечникъ желѣзной стрѣлы и проч. Овраги, огибающіе съ трехъ сторонъ городище, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія и образовались изъ бывшихъ здѣсь рвовъ, размывтыхъ потомъ стекавшей съ поверхности высокихъ полей.

¹⁾ См. у *Спицына*, Программа для описанія доисторическихъ древностей Вятскаго края, стр. 10; Каталогъ древностей, 8.

водой. Площадка городища трапециoidalной формы и имѣть до 40 саж. длины и 25 саж. ширины. Въ старину городище было подъ хвойнымъ лѣсомъ, а теперь оно распахивается и при паханіи перѣдко находятъ различныя предметы, свидѣтельствующіе о культурѣ обитавшаго здѣсь народа. Здѣсь находятъ много черепковъ глиняной посуды грубой работы, истлѣвшія и жженыя кости, бронзовыя подвѣски и части ихъ, желѣзные наконечники стрѣлъ, желѣзные остроги и проч. Тутъ же былъ найденъ переданный мнѣ священникомъ І. Бобровскимъ каменный скребокъ, превосходно отполированный и вообще изящно сдѣланный.

Такого же характера и Нижнеотское городище на правомъ берегу Немды. Оно расположено надъ высокимъ, отвѣснымъ известковымъ утесомъ и поросло густымъ хвойнымъ лѣсомъ. Это городище уже давно обратило на себя вниманіе археологовъ и было раскопано еще *Алабинымъ* въ 1864 году ¹⁾, а въ послѣднее время его изслѣдовалъ *И. А. Пономаревъ*. Но послѣдній еще не обнаружилъ результаты своихъ раскопокъ, а результаты изслѣдованій Алабина уже неоднократно были пересказаны *Спицынымъ* ²⁾. Въ виду этого я ограничусь перечисленіемъ предметовъ, найденныхъ при прежнихъ раскопкахъ, а за другими свѣдѣніями отсылаю къ указанной здѣсь литературѣ. Здѣсь были найдены: черепки глиняной посуды, угли, много костей и издѣлій изъ нихъ, напр., костяныя стрѣлы и копья, желѣзные ножи и стрѣлы, молотки и топоры, обломокъ бруска, различныя серебряныя и мѣдныя (?) украшенія, синія бусы, плоскія каменныя кружки (напрясла?) и проч. Я имѣю оттуда не мало шлаковъ, а изъ прилегающей къ городищу мѣстности нѣсколько кремневыхъ скребковъ и ножи-ковъ. Вообще на этотъ городищѣ и въ окрестностяхъ его встрѣчаются довольно разнообразныя культурныя остатки.

¹⁾ Вятск. Губерн. Вѣдомости за 1865, № 55—56.

²⁾ Программа, стр. 21; Каталогъ древностей, 22; Вещественныя памятники, 33; Вятск. Губ. Вѣд., 1883 г., № 67.

Г. Спицынъ соединяетъ три вышеупомянутыя городища въ особую группу пижемскихъ и считаетъ ихъ чудскими ¹⁾. Последнее мнѣніе основывается на сходствѣ нѣкоторыхъ предметовъ, найденныхъ на этихъ городищахъ, съ предметами изъ чепецкихъ и камскихъ городищъ. Но и самъ г. Спицынъ справедливо сознаетъ непрочность этого вывода, такъ какъ указываетъ на нѣкоторыя отличія пижемскихъ древностей отъ чудскихъ собственно и даже считаетъ пижемскія городища позднѣйшими. Гораздо вѣроятнѣе, на нашъ взглядъ, мысль г. Спицына объ одновременности пижемскихъ городищъ съ другими городищами и проч. древними поселеніями Яранскаго уѣзда. Эти послѣднія отличаются отъ пижемскихъ только болѣею своею примитивностію и болѣею однородностію своихъ культурныхъ остатковъ. Если въ древнихъ поселеніяхъ сѣверной, припиемской полосы Яранскаго уѣзда мы встрѣчаемъ довольно разнообразныя остатки культуры того времени, въ видѣ различныхъ желѣзныхъ орудій и оружія, бронзовыхъ и серебряныхъ украшеній, костяныхъ стрѣлъ и различныхъ предметовъ домашняго обихода, приготовленныхъ изъ кости, въ видѣ стеклянныхъ бусъ, глиняной посуды грубой работы и сравнительно рѣдкихъ каменныхъ скребковъ, то удаляясь въ глубь уѣзда, мы встрѣчаемъ здѣсь, вдали отъ Пижмы и Вятки, этихъ древнихъ колонизаціонныхъ и культурныхъ трактовъ, болѣе простоту и однообразіе содержаемаго различныхъ древнихъ поселеній. Бронзовыя и серебряныя украшенія и другіе предметы болѣе высокой культуры здѣсь отступаютъ на второй планъ, а на первомъ планѣ мы видимъ предметы для удовлетворенія нуждъ первой необходимости, которые и придаютъ тонъ культурѣ этихъ поселеній. Здѣсь въ содержимомъ различныхъ городищъ, мѣстѣ древнихъ поселеній и такъ называемыхъ кургановъ стоятъ на первомъ планѣ желѣзные топоры, ножи, серпы, косы, ральники, колючиги, желѣзные скребки, а также точильные камни для этихъ орудій. Къ нимъ

¹⁾ «Вещественныя памятники древн. обитателей Вятск. края». 32—34.

обыкновенно присоединяются каменные шлифованные молотки, колотушки и скребки. Около мѣстъ древнихъ поселеній на поляхъ всюду попадаются кремневые наконечники стрѣлъ и копій, кремневые ножики и много оббитыхъ, но не отдѣланныхъ кусковъ кремня. Глиняная посуда здѣсь также весьма грубой работы. Все это изображаетъ намъ древняго обитателя Яранскаго уѣзда, занятаго тогда обширными лѣсами, народомъ на низкой ступени культуры, но занимавшимся земледѣліемъ, пчеловодствомъ, звѣроловствомъ, носившимъ лапти, жившимъ въ примитивныхъ жилищахъ, вродѣ западно-финской коты, принужденнымъ защищать занимаемую имъ территорію отъ нападенія враждебныхъ сосѣдей. По этимъ чертамъ древнихъ обитателей Яранскаго уѣзда можно признать финнами, всего вѣроятнѣе черемисами и вотяками, этими аборигенами яранской страны.

Нѣкоторыя историческія, лингвистическія и другія данныя указываютъ, что Яранскій уѣздъ до появленія черемисъ былъ занятъ вотяками, съ чѣмъ согласуется также распространеніе здѣсь вотскихъ названій урочищъ. Но вотъ появляются со стороны Волги черемисы, вступаютъ въ борьбу съ вотяками, вытѣсняють ихъ и обширнымъ потокомъ разливаются по территоріи Яранскаго уѣзда, являясь преимущественно аборигенами страны. Въ свою очередь они въ послѣдствіи начинаютъ вытѣсняться русскими, появившимися въ началѣ въ небольшомъ количествѣ и только сравнительно недавно оттѣсненными на второй планъ коренное финское населеніе этого уѣзда. Этимъ-то финнамъ-вотякамъ и черемисамъ и могли принадлежать тѣ древнія поселенія, слѣды которыхъ были рассмотрѣны выше.

Съ этой точки зрѣнія нѣтъ никакой необходимости вводить въ составъ древняго населенія этого уѣзда чудскую народность, какъ это дѣлаетъ г. Спицынъ, да и сама чудь является еще исторической и этнографической загадкой, которую все болѣе и болѣе склоняются рѣшить въ смыслѣ признанія чудью предковъ тѣхъ же финновъ, которые и теперь насе-

ляютъ бассейнъ Камы. Что же касается псевдо-чудскихъ элементовъ среди остатковъ древнихъ поселеній Яранскаго уѣзда, то ихъ слабое и спорадическое распространеніе въ глубинѣ уѣзда и преимущественное нахожденіе въ области нижемскихъ городищъ указываетъ только на путь распространенія предметовъ высшей культуры со стороны Вятки и Пижмы, этихъ древнихъ колонизаціонныхъ и культурныхъ путей въ здѣшнемъ краѣ. Своего рода культуртрегеры того времени проникали по Вяткѣ и Пижмѣ и распространяли по Яранскому уѣзду элементъ такъ называемой чудской культуры, чѣмъ и объясняется сравнительное обиліе на Пижмѣ чужеземныхъ элементовъ культуры и бѣдность ими внутреннихъ частей этого уѣзда.

Второе обстоятельство, вытекающее изъ разсмотрѣнія слѣдовъ древнихъ поселеній Яранскаго уѣзда, не менѣе интересно. Оказывается, что эти же аборигены страны употребляли для своихъ цѣлей и каменные орудія, распространеніе которыхъ по Яранскому уѣзду тѣсно связано съ нахожденіемъ слѣдовъ древнихъ поселеній, городищъ преимущественно. Особенно это относится къ каменнымъ шлифованнымъ молоткамъ, колотушкамъ и скребкамъ, которые находятся именно въ районѣ здѣшнихъ древнихъ поселеній и встрѣчаются вмѣстѣ съ желѣзными предметами. Но и другого рода каменные орудія, каковы кремневые наконечники стрѣлъ, копій, кремневые ножи, скребки и проч. находятся въ такомъ же тѣсномъ соотношеніи съ древними финскими поселеніями этого края. Эти послѣднія орудія были вполне необходимы финнамъ при ихъ занятіяхъ звѣроловствомъ и могли употребляться также какъ орудія защиты и нападенія при столкновеніяхъ съ враждебными сосѣдями. Для послѣдней цѣли особенно могли употребляться молотки и колотушки, которыя, судя по преобладающей изящной отдѣлкѣ ихъ, были преимущественно боевыми молотками, хотя могли служить также и для цѣлей охоты и для домашняго обихода. Что же касается полированныхъ скребковъ, то кромѣ другихъ цѣлей они могли употребляться при

бортевомъ пчеловодствѣ, рассказы о чемъ мнѣ приходилось слышать отъ жителей Яранскаго уѣзда. Впослѣдствіи каменные скребки были замѣнены другими орудіями, употребляющимися и теперь.

Извѣстные мнѣ каменные молотки и колотушки приготовлены изъ діорита и всего вѣроятнѣе изъ діоритовыхъ валуновъ, каковыя дѣйствительно встрѣчаются на территоріи Яранскаго уѣзда, вмѣстѣ съ валунами кварцита, гранита и проч. Смотря по величинѣ валуновъ и ихъ формѣ, изъ нихъ приготовлялись то крупныя, то мелкія молотки, которые или являются вполне симметричными, или же имѣютъ болѣе или менѣе асимметрическую форму. Послѣднее нужно объяснить не только несовершенствомъ самой техники, но и характеромъ самаго матеріала (валуна), часто имѣющаго такой видъ, что изъ него очень трудно приготовить вполне симметричный молотокъ. Одни изъ молотковъ имѣютъ плоскую форму, съ большимъ круглымъ отверстіемъ по срединѣ; другіе же имѣютъ удлиненную, боченковидную форму, а круглое отверстіе ихъ помѣщается ближе то къ верхнему, то къ нижнему концу молотка. Верхній конецъ молотка въ большинствѣ случаевъ имѣетъ клиновидную форму, такъ что при случаѣ могъ даже играть роль топора. Къ нижнему же концу молотокъ всегда суживается и имѣетъ почти цилиндрической видъ, такъ что самый конецъ имѣетъ почти круглую поверхность небольшого діаметра. Иногда вдоль всего молотка проходитъ искусно отшлифованное ребро на одной сторонѣ или же по одному ребру на каждой сторонѣ. Чаще же другая сторона молотка является плоскою или плоско-выпуклою. Иногда же на верхнемъ концѣ молотка, на внѣшней его сторонѣ, по отношенію къ рукояткѣ, находится хорошо отшлифованный небольшой придавокъ, благодаря которому молотокъ получаетъ болѣе изящный видъ.—Характеръ отверстій въ молоткахъ ясно указываетъ, что они дѣлались путемъ сверленія съ внѣшней и внутренней сторонъ молотка. Между молотками имѣется и такой, у котораго отверстіе еще не просверлено, а только намѣчено

мѣсто его. Колотушки имѣютъ удлиненную форму, съ пережимомъ по срединѣ, назначеннымъ очевидно для болѣе прочнаго привязыванія къ рукоятѣ.

Что же касается точильныхъ камней, то они приготовлялись или изъ мелкозернистаго краснаго кварцеваго песчаника валуннаго происхожденія (д. Соза Курбатова), или же изъ мѣстнаго пермскаго известковистаго песчаника краснаго и желто-сѣраго цвѣта (Одо-лемъ с. Ернура, с. Ярань-мучашь), а форма ихъ была описана выше, гдѣ указано также и на валунное происхожденіе того кремня, изъ котораго приготовлялись скребки, ножи, наконечники стрѣлъ и копій, попадающіеся на мѣстахъ древнихъ поселеній Яранскаго уѣзда.

Въ окончательномъ выводѣ изъ всего вышесказаннаго является положеніе, что каменные орудія Яранскаго уѣзда не относятся къ каменному вѣку собственно, а принадлежатъ къ эпохѣ городищъ и другихъ формъ древнихъ поселеній финновъ, вѣроятно вотяковъ и черемисъ, употреблявшихъ, наряду съ орудіями изъ камня и кости, также желѣзные и бронзовые орудія и другіе металлическіе предметы.

П. Кротовъ.

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНІЯ

У СОВРЕМЕННЫХЪ И ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ

ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

Лопари ¹⁾). Прекрасная работа Н. Н. Харузина даетъ намъ возможность возстановить съ достаточной ясностью прошлое и настоящее лопарскаго погребальнаго обряда. Древнѣйшей могилой Лопаря, быть можетъ, была вежа, которую онъ занималъ при жизни (318). Слѣдующую стадію развитія представляетъ погребеніе внѣ дома. Сначала умершихъ хоронили въ пещерахъ, затѣмъ въ специально вырытыхъ ямахъ. Умершій оставался въ вырытой ямѣ на саняхъ и закладывался сверху древесными пнями (319). Иногда могила закладывалась кучей камней (321). Мѣстомъ погребенія избирались лѣса. Позднѣе мѣсто саней замѣнилъ выдолбленный гробъ и сани стали оставляться на верху могилы. Съ покойникомъ клали топоръ, огниво, иногда лукъ и стрѣлы; съ охотниками собаку, рыболовныя снасти, метательныя копыя. Свѣдѣнія, добытыя въ новѣйшее время, въ общемъ сходятся съ тѣмъ, что констатировано старинными бытописателями Лопарей. Относительно могилы мы получаемъ болѣе точныя указанія: могила копаются

¹⁾ Мы помѣщаемъ Л. въ ряду народностей В. Россіи въ силу того, что есть основаніе предполагать бывшее пребываніе ихъ въ бассейнахъ рр. Ветлуги и Юга.

не глубоко $\frac{1}{2}$ арш.—1 арш. (ibid. 324), закрывается сверху камнями. Къ погребенію имѣетъ отношеніе поминальный обрядъ, также оставляющій послѣ себя вещественные слѣды къ почвѣ. При поминкахъ закалается олень, кости котораго укладывались въ ящики и зарывались вмѣстѣ съ деревянной статуеткой, долженствующей изображать покойника (ibid. 320). Данныя, которыя сообщаютъ намъ бытописатели Лопарей, наблюдаются, дѣйствительно въ могилахъ, которыя называются лопарскими. Горкъ, производившій раскопки такихъ могилъ въ Скандинавской Лапландіи, находилъ кости въ веревкахъ (санкахъ); около костяковъ оказывались рыболовные крючки, луки, стрѣлы, копыя, лыжи и употребляемая при бѣганьи на лыжахъ палки. Могилами оказывались пещеры съ заложеными камнемъ отверстиями или вырытыя въ землѣ ямы. Раскопки констатировали на несомнѣнно лопарской почвѣ нѣкоторыя детали, о которыхъ не говорятъ бытописатели. Обнаружено были два новыхъ рода могилъ: 1) неглубокая яма съ крышей изъ двухъ большихъ наклоненныхъ одинъ къ другому камней, заваленная съ открытыхъ сторонъ кучей мелкихъ камней, 2) четырехугольная яма обложенная по сторонамъ равной величины камнями съ двумя большими, поставленными въ головахъ и ногахъ, и покрытая плоскими камнями на подобіе черепичной крыши (ibid. 322). Затѣмъ покойники найдены были обернутыми въ куски бересты, покрытые рисунками животныхъ и шитые оленьими жилами (ibid.).

Уловія кочевой жизни создаютъ фактъ, имѣющій существенное значеніе для археолога — отсутствіе опредѣленныхъ мѣстъ погребенія, могильниковъ. Мѣста на горахъ, въ лѣсахъ, по берегамъ рѣкъ, подходящія по своему значенію къ могильникамъ, встрѣчаются лишь около зимнихъ погостовъ. Умершихъ во время весеннаго, лѣтнаго или осенняго промысла хоронятъ одиночно неподалеку отъ мѣста кончины (ibid. 323). Детали, констатированныя г. Хорузинымъ въ современномъ лопарскомъ погребальномъ обрядѣ, позволяютъ предположить, что покойникъ полагался первоначально не въ ямы, а на ма-

терикъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ обычай класть на могилу, а не въ могилу, вещи необходимыя для покойника— сани, орудія, пищу и напитки (*ibid.* 324—5), и, можетъ быть, устройство надъ могильной насыпью кивота—низенькаго сруба съ крышей (*ibid.* 325).

Угры, предки нынѣшнихъ Маньзовъ и Мадьяръ являются другимъ народомъ, жившимъ нѣкогда въ Заволжьи въ бассейнѣ Вычегды и, можетъ быть, Сухоны.

Мѣсто погребенія у современныхъ Маньзовъ находится обыкновенно въ лѣсу ¹⁾. Могила, какъ и у Лопарей, не глубока, но имѣетъ нѣкоторыя особенности: бока ея выкладываются деревомъ или берестой (Гондатти—„Сл. языч. у инор. С. З. Сибири“, 42). Покойникъ кладется въ яму не въ гробу, а въ лодкѣ—однодеревнѣ съ отпиленными кормой и носомъ и накрывается сверху берестой или досками; за неимѣніемъ лодки служатъ ящикъ, имѣющій ея форму (*ibid.*). Могила Маньзовъ имѣетъ своеобразное прикрытіе: „поверхъ ямы, на высотѣ двухъ вершковъ отъ земли дѣлается крышка, уплощенная и только слегка покатая на обѣ стороны. Крышка эта состоитъ изъ ряда тонкихъ бревень, расположенныхъ продольно и покрытыхъ очень искусно сверху и снизу слоями бересты, отъ чего не смотря на малую глубину могилы и на то, что тѣло землей не засыпается, запаха на кладбищахъ не бываетъ. Наконецъ, вершковъ на 6—8 отъ земли возвышается еще крыша, устроенная совершенно подобно предыдущей. Вещи, особенно мелкія, кладутся во внутреннюю часть и только болѣе крупныя—лыжи и т. п. находятся на крышкѣ гроба“ (*ibid.* 43). Содержаніе могилы Маньза дополняется костями оленей, на которыхъ его везли и которые поступаютъ на поминальную трапезу въ честь похороненнаго (*ibid.* 42).

У низовыхъ Остяковъ типъ погребенія нѣсколько иной: могилы не роютъ вовсе, тѣло кладутъ на материкъ и покры-

¹⁾ «Красивая и возвышенная мѣстность».

ваютъ опрокинутыми нартами (ibid. 43). Этотъ типъ, можетъ быть заимствованъ Остяками у Самоѣдовъ.

Могилы шамановъ заключаютъ въ себѣ рядомъ съ обыкновенными вещами „изображенія боговъ и разные талисманы въ видѣ просверленныхъ зубовъ домашнихъ животныхъ, разныя мелкія кости и въ томъ числѣ черепа (не жертвы? ib. 44—5)“.

Въ дополненіе къ этой картинѣ приведемъ еще нѣсколько сообщений: у Новицкаго въ „Описаніи остяцкаго народа“ мы читаемъ: „Имѣнія-же отъ частей, а паче нужная въ житіи: одежду, лукъ, стрѣлы, котель, топоръ и прочая съ умершимъ въ гробъ полагаютъ“ (стр. 45—46)“.

Въ описаніи печерскаго путешествія Латкина заключается указаніе на третій типъ устройства могилы: „У Самоѣдовъ и Манзей, говоритъ онъ, мертвыхъ иногда кладутъ въ срубы изъ тонкихъ бревенъ“ (Зап. Г. О. т. VII, 150).

Юрьевъ въ „Топографическомъ описаніи С. Урала“ говоритъ: „Покройниковъ Остяки... одѣвши завертываютъ въ оленью шкуру. Въ неглубокую могилу кладутъ запасную одежду. Кроме того къ мужчинамъ кладутъ ружье, топоръ, ножъ, сверло, ложку, котелокъ... Съѣдая оленя оставляютъ на могилѣ голову съ рогами и нарту, опрокинутую вверхъ полозьями... (Зап. И. Г. О. VI, 353).

Финшъ, посѣтившій Обскихъ Остяковъ вмѣстѣ съ Бреммонъ въ началѣ 80-хъ годовъ, такъ описываетъ остяцкое кладбище у Чернаго Яра. „При устройствѣ остяцкой могилы сначала вбиваютъ въ землю три пары кольевъ, потомъ соединяютъ ихъ сверху перекладинами, въ головахъ и въ ногахъ кладутъ поперечныя доски въ видѣ распорокъ и эти доски поддерживаютъ весь ящикъ. Въ ногахъ ящикъ дѣлается значительно ниже и уже передней части. Погребальный ящикъ богатаго Остяка былъ покрытъ берестяными циновками.... Чего нельзя помѣстить внутри склепа, то помѣщаютъ снаружи. Кладутъ иногда пику, которой управляютъ оленями, носъ челнока, лыжи. На деревьяхъ, окруающихъ могилу, вѣшаютъ оленью упряжь. На подпорки втыкаются черепа съѣденныхъ при различныхъ

тризнахъ оленей... Остатки кладутъ своихъ умершихъ головою въ югу, ногами въ сѣверу. По близости остацкихъ владѣнцѣ всегда находится идольскій домикъ — въ уменьшенномъ видѣ остацкѣй зимній чумъ — накрытый берестой. Здѣсь находили остацкихъ деревянныхъ идоловъ и разную домашнюю утварь“.. (Городковъ. Рел. воззр. Остановъ. Пер. Еп. Вѣл. 1890, 1—3).

И. С.

Киргизы обыкновенно „не держатъ умершаго болѣе трехъ, четырехъ часовъ, а много полсутокъ; тотчасъ же въ вибитку умершаго приглашаются изъ окрестныхъ ауловъ муллы, которые съ поспѣшностью и являются туда для чтенія положенныхъ молитвъ и корана“ ¹⁾. Покойника сначала тщательно „обмываютъ, а затѣмъ наряжаютъ въ лучшее платье или пеленаютъ въ холстѣ“ ²⁾; въ Семипалатинской области покойника-киргиза завертываютъ въ особаго рода саванъ, называемый ахретъ. Послѣдній состоитъ изъ нѣсколькихъ простынь, — трехъ для мужчины и пяти или семи для женщины, — сшитыхъ изъ тонкой, бѣлой ташкентской ткани; изъ той же матеріи готовятся длинныя завязки, которыми и затягиваютъ ахретъ надъ головой, по талии и подъ ступнями покойника; руки покойника всегда вытянуты вдоль тѣла“ ³⁾. Гробовъ киргизы не дѣлаютъ и обряженнаго указаннымъ образомъ покойника зарываютъ въ могилу, для которой обыкновенно избираютъ мѣстность возвышенную, холмистую ⁴⁾; обращаютъ также вниманіе при выборѣ мѣста для погребенія усопшаго и на то, чтобы могила была близъ воды, дабы проѣзжіе находили по ней источникъ для утоленія жажды“ ⁵⁾. „По большей же

¹⁾ Алтынсаринъ. «Очеркъ обычаевъ при похоронахъ и поминкахъ у Киргизовъ Оренбургскаго вѣдомства»; Записки Оренб. Отдѣла И. Р. Г. О., 1870 г. стр. 116.

²⁾ А. Левшинъ. «Описаніе Киргизъ-Кавачьихъ или Киргизъ-Кайсацкихъ ордъ и степей»; стр. 110.

³⁾ П. «Обычаи Киргизовъ Семипалатинской области»; Русскій Вѣстникъ 1878 г., Сентябрь, стр. 48.

⁴⁾ Указанное сочиненіе Левшина, стр. 112.

⁵⁾ Указанная статья Алтынсарина, стр. 119.

части“, замѣчаетъ путешественникъ Палласъ, они „хоронятъ мертвыхъ около могилъ тѣхъ усопшихъ, коихъ за святыхъ почитаютъ, и притомъ подлѣ старыхъ мечетей, а особливо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ уже много старыхъ могилъ находится“¹⁾. „Въ могилѣ дѣлаютъ углубленіе или ложбинку такой величины, чтобы только можно было положить тѣло. Покойника кладутъ немного на бокъ и лицомъ обращеннымъ къ западу“²⁾. Впрочемъ, относительно этого послѣдняго предмета, т. е. положенія мертваго тѣла въ могилѣ имѣются и другого рода указанія: такъ, А. Харузинъ, описывая свое путешествіе по степямъ Киргизской Букеевской орды, рассказываетъ, что, когда, проѣзжая мимо двухъ могилъ, онъ спросилъ сопровождавшаго его киргиза, какъ у нихъ кладутъ мертваго, то киргизъ сообщилъ ему: „ноги на Востокъ, а голова на Западъ, голова положена на правую щеку, слѣдовательно лицо обращено на Югъ“³⁾; путешественникъ же Палласъ замѣчаетъ, что голова покойника-киргиза обыкновенно лежитъ къ Сѣверу⁴⁾. Отверстіе въ сдѣланное въ могилѣ „углубленіе, или ложбинку, куда положено тѣло, киргизы закладываютъ жердочками и замазываютъ глиной; въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда невозможно достать глины, закладываютъ травой и затѣмъ уже засыпаютъ землей“⁵⁾. По свидѣтельству Ал. Левшина, углубленіе въ могилѣ или маленькая яма дѣлается въ боку ея и именно въ тѣхъ видахъ, „чтобы земля, которая насыпается на главную яму, не давила покойника“⁶⁾. „Иногда съ тою цѣлію дѣлаютъ въ могилѣ срубъ, или плетень, и накрываютъ оный досками,—а потомъ уже сыплотъ землю“⁷⁾. Въ древнія

¹⁾ Палласъ. «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи», стр. 586.

²⁾ Указанная статья въ Русск. Вѣстн., стр. 49.

³⁾ Ал. Харузинъ. «Степные очерки»; стр. 124.

⁴⁾ Палласъ. Путешествіе, стр. 586.

⁵⁾ Указан. статья въ Р. Вѣстн., стр. 49.

⁶⁾ Указан. сочиненіе Левшина, стр. 112.

⁷⁾ Ibidem.

времена съ усопшимъ вляли „ратную сбрую, ножъ, брусокъ, огниво, кремьнь, шило, иголку, нитки, сухія жилы и проч.“¹⁾). Случалось, что зарывались съ умершимъ и лучшія его лошади²⁾). Надъ могилами киргизы или дѣлаютъ насыпи³⁾ изъ земли, камней, или же—по большей—части строятъ разнаго рода памятники. „Бѣдные люди складываютъ просто призму изъ сырца или изъ глины, а богатые ставятъ дорогія постройки изъ жженаго кирпича, въ видѣ квадратныхъ или конусообразныхъ сѣлеповъ съ отверстіемъ на верху, на подобіе юрты“⁴⁾). Въ Семипалатинской области могильные памятники киргизовъ представляютъ собой „или каменные ограды съ окнами, дверью и башенками по угламъ, или деревянныя, совершенно схожія съ обыкновеннымъ домомъ постройки, только стѣны дѣлаютъ у богатыхъ рѣзныя, узорчатыя, какъ у насъ садовыя рѣшетки. На могилу мужчины втыкаютъ или его переломленную найзу⁵⁾ или просто палку въ видѣ дровка отъ найзы; иногда на нее надѣваютъ черепъ любимой лошади. На могилу женщины ставятъ баканъ⁶⁾, дѣвушки—ууку⁷⁾ съ арканомъ, которымъ онъ

¹⁾ А. Харузинъ. «Киргизы Букеевской орты; вып. I, стр. 105.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Левшинъ, стр. 112.

⁴⁾ «Народы Россіи»—Этнограф. очерки, изд. редакціей журнала «Пророда и Люди», т. II, стр. 194.

⁵⁾ Найза—киргизское копье или пика съ длиннымъ дровкомъ. Во многихъ мѣстахъ у Киргизовъ существуетъ слѣдующій древній обычай: какъ только умираетъ Киргизъ, въ юртѣ его тотчасъ же устанавливаютъ особымъ образомъ его найзу или пику, а именно, ставятъ ее въ вертикальномъ положеніи и притомъ такъ, чтобы острый конецъ ея выходилъ черезъ крышу юрты наружу; на этотъ конецъ навязываютъ особый флагъ, цвѣта краснаго или чернаго или бѣлаго, смотря потому, какаго возраста былъ умершій,—молодой, или среднихъ лѣтъ, или старикъ. Въ такомъ положеніи найзу оставляютъ годъ или болѣе до особыхъ поминокъ по умершемъ, во время которыхъ при соблюденіи особыхъ обрядовъ найзу переламываютъ и затѣмъ, какъ сказано выше, иногда втыкаютъ на могилу умершаго (см. указ. статью въ Рус. Вѣстн., стр. 49, 53 и статью Алтынсарина, стр. 120).

⁶⁾ Баканъ—толстая, аршина въ четыре жердь съ раздвоеннымъ концомъ, въ видѣ короткой вилы съ тупыми концами; когда ставятъ юрту, баканомъ поддерживаютъ такъ наз. чанаракъ, — деревянный кругъ, составляющій верхушку юрты.

⁷⁾ Ууки — выгнутыя, плоскія деревянныя палки, составляющія сводъ юрты. Они оставляются однимъ концомъ въ чанаракъ, другимъ привязываются арканами къ кереге.

привязывался къ кереге ¹⁾, на могилу ребенка—его колыбельку ²⁾. Кладутъ иногда киргизы на могилы своихъ покойниковъ и разныя другія вещи, какъ, напр., конскія гривы, сѣдла, луи, стрѣлы и т. п. ³⁾; въ древнія же времена, приблизительно до начала нынѣшняго вѣка, когда мусульманство еще не вытѣснило у киргизовъ многихъ языческихъ обрядовъ, они ставили иногда на могилы умершихъ и грубыя изображенія человѣка или животнаго и совершали передъ ними особаго рода жертвоприношенія ⁴⁾.

Кромѣ зарыванія въ могилахъ, въ сравнительно болѣе древнихъ описаніяхъ жизни и нравовъ киргизскаго народа имѣются указанія и на нѣкоторыя другія формы погребенія усопшихъ. Такъ, путешественникъ Палласъ сообщаетъ, что киргизы „для погребенія мертвыхъ копаютъ могилы, или вколачиваютъ въ землю колья, переплетаютъ хворостомъ, кладутъ мертваго поверхъ земли въ платъ, покрываютъ вѣтвями и засыпаютъ землею“ ⁵⁾. При этомъ, сообщаетъ далѣе Палласъ, „подлѣ головы обыкновенно лежащей къ сѣверу вколачиваютъ толстый колъ, и не вынимаютъ онаго до тѣхъ поръ, пока со-всѣмъ сдѣлаютъ могильный бугоръ; а какъ оной колъ вынуть, то остается дыра въ могилу. Въ каменистыхъ мѣстахъ складываютъ они кучу камней надъ мертвымъ тѣломъ. Потому“, замѣчаетъ Палласъ, неудивительно, что во всѣхъ степяхъ находится множество такихъ могильныхъ бугровъ, коихъ число и впредь умножаться будетъ“ ⁶⁾. Наконецъ вышеназванный этнографъ Левшинъ сообщаетъ, что „богатыхъ людей, умирающихъ зимою, въ нѣкоторыхъ поволянїяхъ Средней и Большой (Киргизской) Орды, вмѣсто погребенія, вѣшаютъ на де-

¹⁾ Кереге—складная, деревянная рѣшетка, составляющая стѣны юрты.

²⁾ Указан. статья въ Рус. Вѣстн., стр. 54.

³⁾ Левшинъ, стр. 113.

⁴⁾ Харузинъ. К. Б. О., стр. 105, 106.

⁵⁾ Палласъ. Путеш., стр. 586.

⁶⁾ Палласъ. Путеш., стр. 586.

ревьяхъ, обернувъ въ войлокъ или въ полотно; весною же отвозятъ ихъ въ Туркестанъ и хоронятъ тамъ близъ гроба киргизскаго пророка Ходжи Ахмета“¹⁾.

Однако въ настоящее время общераспространенною и едвали не единственною формою погребенія у Киргизовъ является именно зарываніе умершаго въ могилѣ; по крайней мѣрѣ новѣйшіе наблюдатели быта Киргизовъ никакихъ другихъ формъ погребенія у нихъ не указываютъ.

Калмыкъ передъ кончиною обыкновенно спѣшитъ послать „за гемонгомъ“²⁾, молится бурханамъ³⁾, приноситъ имъ жертвы, и если у него есть семейство, благословляетъ дѣтей тѣльниками съ изображеніями бурхановъ, или маленькими литыми бурханами, которыхъ носятъ на груди. Какъ скоро больной скончается, всѣ переходятъ изъ этой кибитки въ другую, а при умершемъ остаются только гелюрги. Они моютъ тѣло и, обернувъ полотномъ, кладутъ на постель или на коверъ у постели, покрывъ бѣлымъ покрывалъ. Въ такомъ положеніи тѣло лежитъ двое сутокъ. Только на третій день входятъ въ кибитку въ первый разъ родственники покойнаго и прощаются съ нимъ, наклоняясь надъ ногами его такъ, что касаются ихъ лбомъ“⁴⁾.

Самое погребеніе умершаго совершается у калмыковъ различнымъ образомъ, и особенно особые жрецы-астрологи, или такъ назыв. з у р х а ч е и производятъ у нихъ на основаніи времени рожденія и кончины покойнаго опредѣленіе того,

¹⁾ Левшинъ, стр. 112.

²⁾ Калмыки живутъ въ Европѣ и Азіи; въ Европѣ они кочуютъ между нижнимъ теченіемъ Волги, Дономъ и притокомъ послѣдняго Малымъ; въ Азіи же они обитаютъ на склонахъ и долинахъ Алтайскихъ горъ, въ области рѣкъ Бій и Катуні.

³⁾ Гемонгами называются калмыцкіе жрецы; они ведутъ безбрачную жизнь и пользуются большимъ уваженіемъ въ народѣ.

⁴⁾ Бурханами назыв. статузки, изображающія буддійскія божества.

⁵⁾ «Народы Россіи», — этнографическіе очерки, издан. редакціей журнала «Природа и Люди»; 1881 г.; томъ II, стр. 469.

когда именно, какимъ способомъ и въ какомъ приблизительно-мѣстѣ слѣдуетъ похоронить его ¹⁾).

„Первое или самое простое погребеніе“, говоритъ путешественникъ второй половины прошлаго вѣка Палласъ, въ томъ состоитъ, что тѣло выносятъ (калмыки) въ степь, кладутъ головою къ востоку, безъ всякаго одѣянія, и притомъ такимъ образомъ, какъ будто бы онъ спитъ, подложя руку подъ голову. По обѣимъ сторонамъ головы и у ногъ втыкають въ землю четыре кола, къ которымъ привязываютъ четвероугольные тангутскими молитвами исписанные сянѣе китайчатые доскуты, вѣющимъ флагамъ подобныя ²⁾).

Второй способъ погребенія, по сообщенію того же Палласа, а также Нефедьева, Горохова и др., состоитъ въ томъ, что покойника относятъ въ находящійся по близости лѣсъ или кустарникъ и здѣсь или оставляють его на землѣ въ лежачемъ положеніи или вѣшаютъ на деревьяхъ, зашивъ иногда предварительно въ войлокъ ³⁾). При этомъ калмыки считаютъ хорошимъ предзнаменованіемъ касательно загробной участи умершаго, если оставленный въ лѣсу или степи трупъ его скоро дѣлается добычею дикихъ звѣрей или хищныхъ птицъ, и наоборотъ — „за весьма худой знакъ почитаютъ, если къ положенному тѣлу дикіе звѣри не прикасаются“ ⁴⁾).

Третьимъ способомъ погребенія является опусканіе трупа въ воду рѣки или озера, четвертымъ—зарываніе его въ землю, пятымъ—накладываніе надъ нимъ болѣе или менѣе значительной груды камней ⁵⁾).

¹⁾ Палласъ. «Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи». С.-Пет., 1809 г.; стр. 533. Нефедьевъ. «Подробныя свѣдѣнія о Волжскихъ калмыкахъ». С.-Пет., 1834 г.; стр. 201.

²⁾ Палласъ. Путеш., стр. 534. Нефедьевъ, стр. 201.

³⁾ Ibidem. Гороховъ. «Краткое этнографич. описаніе Бійскихъ или Алтайскихъ калмыковъ», въ журналѣ М. В. Д. 1840 г., Октябрь, стр. 228.

⁴⁾ Палласъ, стр. 535. Нефедьевъ, стр. 201.

⁵⁾ Ibidem.

Изъ всѣхъ этихъ способовъ, которые примѣняются обыкновенно къ лицамъ простаго, незнатнаго происхожденія, а также къ низшему духовенству и женщинамъ, сравнительно болѣе распространеннымъ въ настоящее время является, по видимому, зарываніе умершаго въ землю; такъ но крайней мѣрѣ можно заключить изъ той статьи о калмыкахъ, что находится въ сборникѣ „Народы Россіи“: здѣсь категорично говорится, что умершихъ лицъ простаго сословія калмыки, хоронятъ въ землю, обертывая тѣло полотномъ¹⁾, и никакого другаго способа погребенія, какъ обычнаго или общепринятаго по отношенію къ лицамъ этого сословія, не указывается. Въ прежнее время, при зарываніи умершаго калмыка въ землю, зарывались съ нимъ и разныя вещи. Объ этомъ свидѣлствуетъ современный Палласу путешественникъ Лепехинъ, который говоритъ, что, когда калмыки предають землѣ покойника, то „всѣ члены его обертываютъ въ восчаную бумагу и зарываютъ его въ землю со всѣмъ воинскимъ снарядомъ, куда принадлежитъ пицаль, лукъ, стрѣлы, сабля и сѣдло“²⁾. Нужно также замѣтить, что какъ при первомъ изъ указанныхъ способовъ погребенія, такъ и при слѣдующихъ четырехъ у калмыковъ весьма употребительно то втыканіе около головы и ногъ покойника кольевъ съ священными доскутами или флагами, о которомъ уже упомянуто выше³⁾.

Наконецъ шестымъ и, такъ сказать, самымъ почетнымъ способомъ погребенія у калмыковъ является сожженіе тѣла умершаго. Этотъ способъ погребенія примѣняется лишь къ тѣмъ умершимъ лицамъ, которые принадлежали къ числу наиболѣе знатныхъ лицъ въ калмыцкомъ обществѣ, каковыми являются такъ называемые *но й о н ы*, или владѣтели улу-

¹⁾ Народы Россіи, т. II, стр. 470.

²⁾ Лепехинъ. «Дневныя записки путешествія». 1795 г., ч. I, стр. 485.

³⁾ Палласъ, стр. 534. Лепехинъ, стр. 485. Нефедьевъ, стр. 201.

совъ ¹⁾, затѣмъ зайсанги, или управители аймаковъ ²⁾, и старшіе гелюнги, или высшія духовныя лица ³⁾). Сожженіе трупа производится обыкновенно при весьма торжественной обстановкѣ. „Умершаго облачаютъ во всю парадную одежду, по его званію, и украшаютъ голову особеннымъ уборомъ въ видѣ вѣнца; потомъ, посадивъ на покрытыя богатыми коврами носилки, въ сопровожденіи духовенства и народа, выносятъ изъ кибитки въ мѣсту, гдѣ предварительно въ небольшой, нарочно ископанной ямѣ приготавливаются дрова, и здѣсь посаженный на костеръ трупъ превращается въ пепель“ ⁴⁾). По другому сообщенію, для сожженія трупа калмыки „выкапываютъ пять ямъ, одну посрединѣ, а четыре околѣ нея, и накладываютъ въ нихъ дровъ. Въ среднюю яму ставятъ большой котелъ и сажаютъ въ него трупъ. Гелюнги начинаютъ погребальное пѣніе, и костры зажигаютъ. Котелъ раскаляется до красна, и надъ кострами поднимаются клубы чернаго дыма. Когда они разсѣются и послѣднія головки погаснутъ и истлѣютъ, въ котлѣ не останется уже больше ничего кромѣ горсти пепла ⁵⁾). У Алтайскихъ или Бійскихъ калмыковъ, по сообщенію Горохова, при сожженіи покойника непременно закалывается и сожигается и лучшая его лошадь ⁶⁾; у Волжскихъ же калмыковъ лошади вмѣстѣ съ покойникомъ не сожигаютъ, но передъ самымъ началомъ сожженія трупа просто „отводятъ ее въ хурулъ, какъ жертву бурхану“ ⁷⁾). Съ тѣмъ пепломъ, кото-

¹⁾ Улусомъ называется часть калмыцкаго народа, заключающая въ себѣ нѣсколько родовъ, происшедшихъ отъ одного корня. Народы Россіи, т. II, стр. 444.

²⁾ Аймакомъ называется собраніе нѣсколькихъ хотоновъ, которые въ свою очередь составляются изъ нѣсколькихъ близко родственныхъ семей. Ibidem.

³⁾ Палласъ, стр. 535. Нефедьевъ, стр. 201. Лепехинъ, стр. 486.

⁴⁾ Нефедьевъ, стр. 202.

⁵⁾ Народы Россіи, т. II, стр. 469, 470.

⁶⁾ Вышеуказанная статья Горохова, стр. 228.

⁷⁾ Народы Россіи, т. II, стр. 469.

рый остается послѣ сожженія трупа, калмыки поступаютъ различно. Иногда они просто хранятъ его у себя въ юртѣ въ знакъ уваженія къ покойнику ¹⁾), иногда же отсылаютъ, въ сопровожденіи богатыхъ подарковъ, въ Тибетъ въ Далай-Ламѣ, какъ о томъ сообщаютъ путешественники Палласъ и Лепехинъ ²⁾). Согласно же сообщенію Нефедьева, „изъ сего (т. е. оставшагося по сожженіи трупа) пепла, смѣшаннаго съ глиною, дѣлаютъ у калмыковъ маленькіе цилиндрики, называемые цяця; они ставятся въ курулахъ ³⁾ и въ сооружаемыхъ на мѣстахъ сожженія, изъ глины или кирпичей, памятникахъ, которые носятъ тоже названіе цяца, и въ продолженіи существованія служатъ предметомъ общаго уваженія калмыковъ; проѣзжая мимо такой цяци, каждый калмыкъ непременно долженъ сдѣлать какое нибудь приношеніе, и если ничего при себѣ не имѣетъ, то обязанъ положить хоть кость, камень и т. п.“ ⁴⁾). Объ этомъ же обычаѣ калмыковъ сооружать особые памятники на мѣстахъ сожженія покойника и хранить въ нихъ пепель послѣднихъ сообщается также и въ томъ очеркѣ о калмыкахъ, что находится въ сборникѣ „Народы Россіи“; авторъ этого очерка, вслѣдъ за вышеприведенной картиной сожженія трупа въ котлѣ, говоритъ слѣдующее: „пепель (калмыки) такъ и оставляютъ въ котлѣ, и надъ нимъ сооружаютъ памятникъ....: къ востоку отъ котла съ пепломъ ставятъ столикъ съ бурханами и жертвенными куреньями, и обводятъ все это круглою кирпичною стѣною. Потолокъ образуетъ внутри сводъ, укрѣпленный снаружи разными украшеніями въ витайскомъ стилѣ. Дверь дѣлаютъ съ восточной стороны и запираютъ на замокъ. Когда памятникъ готовъ, въ немъ совершаютъ моленія и приносятъ жертвы“ ⁵⁾).

И. Воронцовъ.

¹⁾ Гороховъ, стр. 228.

²⁾ Палласъ, стр. 535. Лепехинъ, стр. 486.

³⁾ Курулами называются калмыцкія кумарни.

⁴⁾ Нефедьевъ, стр. 202.

⁵⁾ Народы Россіи, т. II, стр. 470.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ
КАМСКО-ВОЛЖСКОГО КРАЯ.

I.

Ананьинскій могильникъ ¹⁾.

(Археологическій этюдъ).

I.

Въ многочисленныхъ памятниковъ древности, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ Камско-Волжскаго края, ни одинъ еще (за исключеніемъ, конечно, главнаго центра Камской Булгаріи — г. Булгара) не возбуз-

¹⁾ Собралъ нѣкоторыя данныя относительно бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края, я предполагалъ осенью текущаго года приступить къ напечатанію ихъ въ «Извѣстіяхъ» Каз. Арх. Общества въ видѣ очерковъ, изъ которыхъ послѣдній долженъ былъ касаться Ананьинскаго могильника. Но по случайнымъ обстоятельствамъ порядокъ этотъ пришлось измѣнить. И. Н. Смирновъ, задумавъ издать къ предстоящему въ Москвѣ международному антропологическому съѣзду фотографическіе снимки съ предметовъ изъ Ананьинскаго могильника, принадлежащихъ музею Каз. Археол. Общества, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ составить для «Извѣстій» Общества замѣтку объ этомъ могильникѣ, которая могла бы вмѣстѣ съ тѣмъ служить и дополненіемъ къ фотографическому альбому. Къ сожалѣнію, я въ настоящее время не имѣлъ возможности удѣлить этой работѣ достаточно времени и только въ послѣдующихъ главахъ «Матеріаловъ» надѣюсь по возможности пополнить пробѣлы и приложить пояснительныя чертежи и рисунки, которые помогутъ детальнѣе ознакомиться съ наблюдавшимися мною погребальными обрядами въ Ананьинскомъ могильникѣ. А в т.

далъ такого интереса и не привлекалъ такого вниманія, какъ Ананьинскій могильникъ, имя котораго сдѣлалось безвѣстно и за предѣлами Россіи.

Первое слово о существованіи этого могильника принадлежитъ елабужскому купцу и любителю старины Ивану Васильевичу Шишкину. Въ 1855 году проф. Московскаго университета Невоструевъ, встрѣтивъ у болгарскаго лѣтописца XVI вѣка Шерефъ-эд-дина указаніе на могилы послѣдователей Мухаммеда при устьѣ р. Тоймы, обратился къ Шишкину съ просьбой сообщить, нѣтъ ли въ окрестностяхъ г. Елабуги какого нибудь древняго кладбища, кургана или насыпи. Отвѣтомъ на эту просьбу было извѣщеніе, что верстахъ въ 5 отъ Елабуги и въ одной верстѣ отъ д. Ананьиной и р. Тоймы есть „какое-то старое кладбище, которое и дониндѣ называется могильникомъ и изъ котораго жители вьрывали камни“ для домашнихъ потребностей.

На слѣдующій годъ, посѣтивъ могильникъ, Шишкинъ доставилъ Невоструеву желѣзные удила и шесть бронзовыхъ вещей—„согнутый въ кругъ длинный пруть съ петлею на одномъ концѣ для зацѣпки другого“ (шейная гривна), кельтъ, долото, предметъ въ видѣ „бараньей головки“, продолговатую полузвруглую подвѣску и длинную желтоватую бляху, которые вымыты были изъ могильника высокимъ весеннимъ разливомъ Камы.

Придя изъ разсмотрѣнія этихъ находокъ къ заключенію о научной важности могильника, Невоструевъ обратился къ елабужскому любителю съ новой просьбой—произвести раскопки, руководясь тѣми археологическими сочиненіями, которыя онъ ему доставилъ.

Но Шишкину, относившемуся къ ознакомленію съ стариною съ осторожной внимательностью, не смотря на неоднократныя ходатайства передъ Вятской удѣльной конторою, на землѣ которой находился могильникъ, не позволено было приступить къ работамъ, и въ качествѣ первыхъ изслѣдователей выступили мѣстные удѣльные чиновники. „Самъ управляющій

удѣльной конторою — рассказываетъ Невоструевъ — своими людьми, безъ надлежащихъ свѣдѣній и правилъ, а потому и безъ результатовъ, рылъ въ могильникѣ яму аршина въ четыре“. Не смотря на эту неудачу, удѣльные чиновники — по словамъ Шишкина, напрасно хлопотавшаго о томъ, чтобы работа поручена была кому либо изъ членовъ Археологическаго общества—пытались еще разъ на раскопки, но столь-же „безпорядочныя и безуспѣшныя“: „въ разныхъ мѣстахъ они изрыли землю, и опять въ нѣкоторыхъ зарыли и все перемѣшали“...

Тѣмъ не менѣе удѣльное вѣдомство рѣшилось произвести и болѣе значительныя раскопки, поручивъ это дѣло чиновнику Алабину. Въ іюнѣ 1858 года г. Алабинъ, пригласивъ Шишкина присутствовать при раскопѣ, исполнилъ возложенную на него задачу и, произведя обширную раскопку, напечаталъ о результатахъ ея статью въ „Вѣстникѣ Императорскаго географическаго общества“¹⁾.

Важнѣйшія фактическія данныя этой статьи могутъ быть сведены къ слѣдующимъ краткимъ положеніямъ:

1) могильникъ состоитъ изъ двухъ кургановъ—большаго и малаго, о чемъ уже Шишкинъ и ранѣе сообщалъ Невоструеву;

2) большой курганъ, на вершинѣ котораго, по преданію, „были нѣкогда большіе камни съ какими-то непонятными надписями или знаками“, занималъ въ окружности 219 шаговъ, а въ высоту—до 3-хъ аршинъ;

3) при раскопѣ этого кургана, въ западномъ концѣ его, обращенномъ къ деревнѣ, подъ слоемъ чернозема обнаружился „круглый валъ“ около 9 саж. окружностью, обложенный въ два и три ряда каменными плитами, лежащими косвенно одна на другой;

¹⁾ «Вѣстникъ Импер. Рус. Географич. Общества», 1860 г., ч. 29, стр. 87—120.

4) Раскопка поведена была отъ этого „вала“ вдоль по всему кургану на протяженіи 28 сажень трехъаршинной канавой, при чемъ черезъ 13 сажень отъ перваго каменнаго „круга“ встрѣчена была „каменная гряда“, обложенная плитами и идущая поперекъ кургана, а за ней въ полусаженіи—другая, параллельная ей, но гораздо короче. За этой „грядкою“ обнаружена была еще „каменная стѣна“ не болѣе аршина толщиною, подъ которой находился „будто гротъ“, выложенный камнемъ. Далѣе курганъ заканчивался вторымъ „круглымъ валомъ“, подобнымъ первому, „каменнымъ одромъ“ и „помостомъ, сдѣланными изъ плитъ“.

5) На всемъ протяженіи раскопки, въ кругахъ и между ними, встрѣчено было 46 человѣческихъ костяковъ—полныхъ и неполныхъ, сожженныхъ и несожженныхъ, лежавшихъ головой къ сѣверу, а ногами на югъ, за исключеніемъ трехъ, изъ коихъ два располагались въ обратномъ порядкѣ и одинъ—вдоль кургана, головой къ западу.

6) При костякахъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно разрушившихся отъ времени, найдены глиняные горшки, различныя бронзовыя и желѣзныя вещи, точильныя камешки, кости лошадей и пр. Всѣ эти предметы, положеніе которыхъ въ могилахъ описано въ статьѣ Алабина, препровождены были имъ въ Императорское Географическое Общество ¹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что раскопка г. Алабина дала весьма обильный археологическій матерьялъ (150 номеровъ). Составленное имъ описаніе „с ъ в е л и ч а й ш е ю—по его словамъ—т о ч н о с т і ю рисуетъ все, что курганъ въ теченіи многихъ вѣковъ хранилъ ревниво отъ человѣческаго взора“. Но Невоструевъ, имѣя въ виду частное сообщеніе очевидца раскопокъ, нашелъ тѣмъ не менѣе возможнымъ назвать „Записку“ г. Алабина „не вездѣ точной и удовлетворительной“ и указалъ на существенное разногласіе съ нимъ Шишкина въ вопросѣ о каменныхъ владбахъ въ могильникѣ. Шишкинъ

¹⁾ Къ сожалѣнію, эти вещи, по видимому, не сохранились. По крайней мѣрѣ, при посѣщеніи музея въ 1883 году, мнѣ было сообщено, что отъ Алабинскихъ находокъ осталось только нѣсколько ярычковъ.

„совершенно отвергаетъ“ существованіе „грота“, а относительно двухъ „каменныхъ грядъ“ говоритъ, что плитами обложены были не какія нибудь особенныя насыпи, а просто ими прикрывались скелеты или гробницы.

Въ виду этого является позволительнымъ поставить вопросъ: не объясняется-ли указанное разногласіе тою поспѣшностью, съ которой производилась раскопка. Г. Алабинъ не упоминаетъ въ своей статьѣ о времени, которое потребовалось ему для вскрытія и описанія 46 погребеній и ограничивается только указаніемъ на то, что онъ „приступилъ къ поиску съ достаточнымъ числомъ нанятыхъ рабочихъ, при нѣсколькихъ нарочито назначенныхъ благонадежныхъ людяхъ для присмотра за рабочими“. Но г. Аспелинъ, посѣщавшій лично могильникъ и имѣвшій такимъ образомъ возможность собрать свѣдѣнія на мѣстѣ, разъясняетъ, что подъ руководствомъ Алабина „40 человекъ рабочихъ сдѣлали въ могильникѣ въ одинъ день ровъ (un fossé) около 60 метровъ длины и $2\frac{1}{4}$ метра ширины и глубины“, при чемъ слова „en un jour“ подчеркиваетъ и называетъ раскопку „сдѣланной такъ быстро“. Мнѣ лично довелось выслушать отъ мѣстныхъ крестьянъ — непосредственныхъ участниковъ въ раскопкѣ г. Алабина — еще болѣе рѣшительную и быть можетъ даже нѣсколько преувеличенную характеристику той быстроты, съ которой производилась работа. „При Алабинѣ — рассказывали они — с о г н а л и народъ изъ трехъ удѣльныхъ деревень — изъ нашей Ананьиной, изъ Мальцевой и Поспѣловой; собралось насъ человекъкъ со-сто и копали мы цѣлый день, а Алабинъ съ корзиной ходилъ, находки обиралъ и запись велъ“...

Такимъ образомъ, если допустить, что память не изменила очевидцамъ, то придется установить фактъ однодневной раскопки со вскрытіемъ и описаніемъ 46 погребеній въ теченіи не болѣе какъ 10—12 рабочихъ часовъ. Понятно, что при подобной обстановкѣ замѣчаніе Невоструева о „неточности“ получаетъ вѣроятный характеръ и побуждаетъ относиться къ наблюденіемъ г. Алабина и его статьѣ съ нѣкоторой осторожностью.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, а именно въ 1865 году П. И. Лерхъ, командированный Императорской Археологической Коммиссіей, произвелъ новое обследованіе Ананьинскаго могильника. Относительно его раскопки въ отчетѣ Коммиссіи за 1865 годъ сообщены были хотя и краткія, но крайне существенныя данныя. „Въ началѣ сентября—рассказывается тамъ—г. Лерхъ занялся окончательною развѣдкой Ананьинскаго могильника“, часть котораго, послѣ раскопокъ Алабина, „оставалась еще не тронутаю, и была изслѣдована г. Лерхомъ“. „Найденныя имъ вещи вмѣстѣ съ предметами, пріобрѣтенными отъ Ананьинскихъ крестьянъ“ привели составителя отчета къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) могильникъ принадлежит „къ началу періода введенія въ употребленіе въ здѣшнемъ краѣ желѣза“, 2) „бронзовые топоры представляютъ по своей формѣ прямой переходъ отъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменныхъ орудій“, 3) рукоятки кинжаловъ, „иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ, находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири“.

Въ іюлѣ 1870 года посѣтилъ Ананьинскій могильникъ давно уже интересовавшійся имъ проф. Невоструевъ и нашелъ, что „разрыта только середина его, а оба бока, обѣщающіе еще довольно открытій, равно и другой меньшей курганъ, не исполнѣ еще изслѣдованы“. Посѣщеніе это не осталось безъ послѣдствій. Проф. Невоструеву посчастливилось пріобрѣсти отъ мѣстныхъ крестьянъ въ высшей степени замѣчательную находку, а именно „надгробный камень съ изображеніемъ человѣка“.

„Камень этотъ“, разбитый на восемь частей, „опоковый, найденъ крестьяниномъ въ главномъ или большемъ Ананьинскомъ курганѣ, въ землѣ, на четверть отъ верха; высоты онъ 6 четвертей 11 вершковъ, шириною внизу 8 вер., а вверху, нѣсколько суженномъ и сведенномъ полукругомъ, 7 вер., толщины — одна четверть. Камень, по сказанію крестьянина, лежалъ въ извращенномъ положеніи, внизъ голо-

вою. На лицевой выглаженной сторонѣ его вырѣзано вглубь во весь ростъ изображеніе человѣка современнаго могильнику, въ полномъ вооруженіи и украшеніи, какія наблюдаются на скелетахъ, положенныхъ въ могильникѣ. „На камнѣ представленъ человѣкъ въ остроконечной шапкѣ“, отъ которой спускаются на плеча и ниже двѣ какія-то покровки. На шеѣ человѣка широкій кругъ съ продольными на немъ чертами, показывающими разныя фигуры и украшения. На поясѣ — продольными чертами также показаны разныя украшения. Въ правой рукѣ или сбоку — кинжалъ и военная сѣкира въ видѣ кирки, насаженная на древко, — подобныя находимымъ въ могильникѣ; въ лѣвомъ боку — что-то полукруглое съ продольными же чертами, можетъ быть щитъ или чашка для питья. Глаза у человѣка большіе“.

Кромѣ того, проф. Невоструевъ, послѣ личнаго ознакомленія съ могильникомъ, напечаталъ о немъ въ „Трудахъ перваго археологич. съѣзда“ обстоятельную статью, въ которой произвелъ попытку научной обработки результатовъ раскопки Алабина и другихъ отрывочныхъ данныхъ, которыя успѣли накопиться въ 1870 году. Окончательный выводъ этой капитальной работы, въ которой приложенъ былъ и научно-составленный каталогъ Ананьинскихъ находокъ, былъ тотъ, что могильникъ относится „въ бронзовомъ вѣкѣ не къ концу его, когда бронза, вытѣсняемая желѣзомъ, сдѣлалась лишь предметомъ роскоши, а ко времени преобладанія бронзы“¹⁾.

Въ послѣдующее затѣмъ время посѣщалъ Ананьинскій могильникъ г. Аспелинъ и составилъ большую коллекцію, вошедшую въ составъ его превосходнаго атласа. Въ замѣтѣхъ, предшествующей таблицамъ, характеризующимъ „Nécropole d'Anapino“ — какъ называется г. Аспелинъ описываемый могильникъ — высказывается мысль о принадлежности его къ „концу

¹⁾ Труды перваго Археолог. съѣзда въ Москвѣ. 1871 г. т. II, стр. 594 — 632.

бронзоваго Урало-Алтайскаго вѣка и первыхъ временъ желѣзнаго на берегахъ Камы“¹⁾.

Въ концѣ 70-хъ годовъ осматривали могильникъ члены Казанскаго Общ. Арх., Истор. и Этногр. П. Д. Шестаковъ, Н. О. Высоцкій, Н. М. Маліевъ и Н. А. Толмачевъ и производили здѣсь частичныя раскопки, давшія въ результатѣ нѣсколько древнихъ вещей.

Но несмотря на многочисленность всѣхъ указанныхъ выше раскопокъ, производимыхъ съ научной цѣлью, не смотря на поиски мѣстныхъ крестьянъ, которые, по словамъ г. Аспелина, перерыли могильникъ „во всѣхъ направленіяхъ для продажи находимыхъ тамъ древностей“, содержаніе этого стародавняго памятника еще не вполне истощилось. По крайней мѣрѣ, лѣтомъ 1880 года г. Радакову удалось приобрести въ Ананьинѣ еще около 40 различныхъ предметовъ.

Обширность собранной г. Аспелиномъ коллекціи и благоприятные результаты, достигнутыя г. Радаковымъ, побудили меня весной 1881 года въ представленный мною Казанскому Археологическому Обществу проектъ обслѣдованія праваго берега Камы отъ устья этой рѣки до района Камско-Воткинскаго завода²⁾ включить, между прочимъ, и производство раскопокъ въ большомъ Ананьинскомъ могильникѣ.

Общество сочувственно отнеслось къ этому предложенію и поручило мнѣ, совмѣстно съ членомъ-сотрудникомъ обще-

¹⁾ Antiquités du Nord Finno-Ougrien, II, ст. 105—106.

²⁾ Основной цѣлью этого проекта ставилось собраніе матеріала для возможно точнаго разграниченія тѣхъ культуръ, которыя характеризуютъ съ одной стороны Камскую Булгарію, а съ другой—Ананьинскій могильникъ. Въ качествѣ средствъ для достиженія этой цѣли указывалось: обслѣдованіе городищъ на правомъ берегу Камы отъ устья до Воткинскаго завода, ознакомленіе съ слѣдами могильника у Пьянаго Бора и раскопки въ большомъ Ананьинскомъ могильникѣ. Общество присоединило къ этому еще обслѣдованіе такъ называемыхъ «чудскихъ копей» на границахъ Казанской и Вятской губерній, пригласивъ принять участіе въ выполненіи послѣдней задачи совмѣстно со мною А. А. Штукенберга.

ства Н. П. Лихачевымъ, выполнить работы, означенныя въ проектѣ экскурсіи.

19 іюня 1881 года мы отправились въ Елабугу. Намъ сопутствовали—Н. М. Маліевъ, котораго общество пригласило принять участіе въ раскопкахъ Ананьинскаго могильника, какъ спеціалиста по антропологии, Н. П. Загоскинъ, любезно предложившій на нѣсколько дней свое содѣйствіе и этнографъ-путешественникъ Г. Н. Потанинъ, принявшій на себя трудъ собранія у инородцевъ Елабужскаго уѣзда преданій о мѣстныхъ памятникахъ древности.

20-го іюня къ вечеру мы были уже въ д. Ананьиной и производили предварительный обзоръ мѣстности и внѣшняго вида могильника, собирая матеріаль для рѣшенія вопроса о системѣ раскопки.

II.

Мѣстоположеніе могильника представляется въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ.

Подъ г. Елабугой вливается въ Каму небольшая рѣчка Тойма, протекающая по развалистой долинѣ, которая, при выходѣ на Каму, заканчивается обширной заливной террасой, состоящей изъ песчаныхъ наносовъ, покрытыхъ кое-гдѣ травой и кустарниками. Въ западной сторонѣ эта низина ограничена высокимъ нагорьемъ праваго берега Камы, которое у самой рѣчки обрывается очень круто, а далѣе вглубь мѣстности образуетъ среднюю террасу. Эта терраса, на которой раскинулся городокъ Елабуга, далѣе къ востоку постепенно понижается и переходитъ въ заливные луга р. Тоймы, а за этой рѣчкой, верстахъ въ 4—5 отъ города мѣстность снова приподнимается, образуя невысокую песчаную равнину, примыкающую западной стороной къ лѣвому берегу Тоймы, а южной и восточной — къ описанной выше заливной низинѣ р. Камы.

При ближайшемъ осмотрѣ мѣстности, становится довольно вѣроятнымъ, что р. Тойма, какъ утверждаетъ мѣстное преда-

ніе, вливалась нѣкогда въ Каму не подъ Елабугой, а версты на 4—5 выше, т. е. близъ того мѣста, гдѣ соприкасаются между собою заливное побережье Камы съ песчаной равниной лѣваго берега Тоймы. Эту невысокую равнину и можно разсматривать какъ песчаный наносъ или дюну, образовавшуюся въ мѣстѣ стариннаго слиянія рѣкъ.

Во время разлива Камы, особенно въ высокую воду, дюна эта, а равно и небольшая деревенька Ананьина, пріютившаяся на юго-западной сторонѣ ея, сплошь затопляются водою и только въ одномъ мѣстѣ, а именно въ самой срединѣ южной окраины дюны, обращенной къ камской заливной низинѣ, остается небольшая продолговатая гривка. Въ этомъ пунктѣ дюна достигаетъ наибольшей высоты и опускается къ сторонѣ Камы двухсаженной кручей, прикрытой сверху черноземомъ.

Пласть чернозема имѣетъ форму продолговатаго овала, длиною въ 30, а шириною въ 7 саженъ; толщина черноземнаго слоя въ средней части обрыва доходитъ до 3-хъ аршинъ, а во всѣ остальные стороны постепенно сходить на нѣтъ.

Этотъ-то едва замѣтный черноземный пригорокъ, находящійся на разстояніи версты къ востоку отъ д. Ананьиной, и есть большой Ананьинскій могильникъ.

Наружный видъ могильника сильно измѣнился съ того времени, когда нашъ извѣстный пейзажистъ И. И. Шишкинъ много лѣтъ тому назадъ дѣлалъ свой эскизъ, пожертвованный имъ черезъ Г. Н. Потанина Казанскому Археологическому Обществу. На этомъ наброскѣ ясно замѣтны на окраинѣ песчаной дюны, за изгородью, отдѣльные черноземные холмики, образующіе описываемый могильникъ.

Въ настоящее время весенними разливами уже успѣло отрѣзать отъ дюны всю южную окраину, гдѣ стояла изгородь, и даже значительную часть черноземнаго пласта, за противоположную, т. е. сѣверную сторону котораго давно уже пришлось перенести и изгородь. Отдѣльные бугорки, ясно различаемые на эскизѣ Шишкина, слились въ сплошной продолго-

ватый холмъ съ слегка волнообразной поверхностью. Склопяясь постепенно въ западу, къ сторонѣ деревни, этотъ холмъ только на востокъ образуетъ едва замѣтную куполообразную выпуклость и заканчивается здѣсь довольно крутымъ скатомъ. На поверхности черноземнаго пласта, покрытой тощей травой, не безъ труда можно было различить нѣсколько небольшихъ темныхъ пятенъ—слѣдовъ позднѣйшихъ раскопокъ. Часть дугообразнаго вала на западномъ концѣ и узкая лощинка, которыя становятся замѣтными только тогда, когда ихъ увидятъ мѣстные старики-крестьяне,—служатъ единственными свидѣтелями обширныхъ раскопокъ Алабина, его перваго каменнаго круга и 28 саженой широкой и глубокой траншеи. Алабинъ велъ раскопку, придерживаясь средины могильника, а слѣды его работъ мы видѣли уже близъ самой окраины—ясное доказательство разрушительнаго воздѣйствія весеннихъ разливовъ. Что касается „окончательныхъ развѣдокъ“ г. Лерха, то отъ нихъ не осталось и признака. Причина понятна: черноземъ во время раскопокъ, по словамъ крестьянъ, никогда не отвозился въ сторону и черезъ нѣкоторое время при помощи дождевыхъ и снѣговыхъ водъ совершенно затагивалъ углубленія и выравнивалъ поверхность насыпи.

Послѣ внѣшняго осмотра намъ предстояло рѣшить: что и какъ раскапывать.

Вопросъ оказывался не легкимъ.

Въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ могильникъ то и дѣло подвергался болѣе или менѣе значительнымъ раскопкамъ, размываетъ и рветъ его съ незапамятныхъ временъ весенней водою, крестьяне и особенно ребята каждое воскресенье и вообще въ свободное время копаются въ его обрывѣ съ коммерческими цѣлями ¹⁾—все это невольно наводило на мысль, что могильникъ представлялъ въ сущности уже ничто иное, какъ простую груду земли, которую много разъ перетряхивали по всѣмъ направленіямъ до самаго материка и что позднѣйшія

¹⁾ Они продаютъ находки заѣзжимъ любителямъ или слабужскимъ мѣдникамъ.

находки принадлежать къ числу послѣднихъ и случайно обогатенныхъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ послышная съемка всего черноземнаго пласта большинствомъ голосовъ признана была не соотвѣтствующей какъ описанной выше обстановкѣ, такъ и матеріальнымъ средствамъ, которыя могли быть удѣлены на раскопку. Взамѣнъ этого, рѣшено было съ общаго согласія разрѣзать восточную болѣе возвышенную половину могильника четырьмя поперечными траншеями, отстоящими на двѣ сажени одна отъ другой и имѣвшими отъ 7 до 9 футовъ въ ширину.

Траншея Н. П. Загоскина (№ 1-й) заложена была въ самой восточной части могильника и направлялась черезъ центрѣ описанной выше едва замѣтной куполообразной выпуклости; западнѣе—заложены были три параллельныя траншеи: Н. П. Лихачева (№ 2-й), моя (№ 3-й) и Н. М. Маліева (№ 4-й).

Работа поведена была такимъ образомъ: на всемъ протяженіи каждой траншеи (7 сажень) земля снималась послышно и послѣ тщательнаго осмотра отвозилась въ сторону отъ могильника на телегахъ. При этомъ обнаружилось, что въ верхней части могильникъ состоялъ изъ слоя довольно рыхлаго и жирнаго чернозема чернаго цвѣта, а далѣе вглубь вплоть до самой дюны шла сухая земля темно-сѣраго цвѣта мѣстами рыхлая и какъ-бы потревоженная прежними раскопками, а мѣстами очень твердая и плотная, очевидно еще нетронутая лопатой. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ залегала эта твердая и плотная земля сѣроватаго цвѣта замѣчалось въ разрѣзахъ траншей какъ-бы куполообразное строеніе, т. е. поверхность этого слоя была не горизонтальна, а волнообразна.

Начиная отъ самой поверхности могильника и вплоть до его песчанаго основанія попадались въ небольшомъ количествѣ частички угля и пепла, мелкіе обломки глиняной посуды, кусочки вывѣтрившихся костей, а изрѣдка и бронзовыя и желѣзныя вещицы. Болѣе благопріятной для находокъ оказалась траншея Н. М. Маліева (№ 4-й), гдѣ найдены были въ разныхъ мѣстахъ и на разной глубинѣ сплошнаго рых-

лаго слоя два желѣзныхъ кинжала, точильный камешекъ и бронзовая пуговка; въ моей (№ 3-й) при тѣхъ-же условіяхъ— двѣ бронзовыя коническія подвѣски съ боковыми прорѣзами, обломокъ витой бронзовой трубочки и мѣдной пластинки; у Н. П. Лихачева (№ 2-й) на глубинѣ 1¹/₂ аршина—очень большихъ размѣровъ желѣзный современный буравъ.

Всѣ эти обстоятельства приводили къ заключенію, что наши траншеи пришлось на мѣстахъ прежнихъ раскопокъ. Это было, покрайней мѣрѣ, несомнѣнно въ отношеніи двухъ западныхъ траншей, гдѣ, пробравъ рыхлую и слѣдовательно потревоженную землю до самаго материка, мы не нашли ничего, кромѣ указанныхъ выше вещей, расположенныхъ безпорядочно и по всему вѣроятію случайно незамѣченныхъ во время прежнихъ раскопокъ. Но въ траншеяхъ Н. П. Лихачева и Н. П. Загоскина (№№ 2 и 1-й), особенно въ послѣдней, нижній слой оказался почти совсѣмъ нетронутымъ. Въ траншеѣ № 1-й обнаружили ряды необдѣланныхъ каменныхъ плитъ, которыя стояли наклонно и пересѣкали траншею на глубинѣ 1¹/₂ аршина въ видѣ дугъ значительнаго радіуса. Въ сосѣдней траншеѣ № 2-й также показались подобныя плиты, расположеніемъ своимъ указывавшія на связь съ предыдущими.

Въ виду этого рѣшено было соединить двѣ восточныя траншеи и, не выбирая изъ земли плитъ, обнаружить всю каменную кладку. Работа эта пала на мою долю и Н. П. Лихачева а Н. П. Загоскинъ и Н. М. Маліевъ заложили 5 траншею и повели ее вдоль могильника, начиная отъ западнаго конца.

При соединеніи двухъ восточныхъ траншей обнаруженъ былъ постепенно обширный поясъ каменныхъ плитъ, описывавшій правильный кругъ и опиравшійся непосредственно на дюну. Въ центральной части этого круга обнаружена была кромѣ того продолговатая ладьеобразная впадина, также выложенная плитами.

Правильность формъ этой подземной постройки, подробная характеристика которой будетъ сдѣлана ниже, побудила пригласить изъ Елабуги фотографа съ цѣлью сдѣлать точный снимокъ.

Таковы были не совсѣмъ опредѣленные результаты пятидневныхъ непрерывныхъ работъ, производимыхъ при помощи 20 рабочихъ, четырехъ телѣгъ и двухъ носилокъ.

Пятая траншея, проведенная къ этому времени Н. М. Маліевымъ и Н. П. Загоскинымъ на протяженіи 10 сажень вдоль кургана, дала болѣе опредѣленные результаты. Въ средней части ея, на глубинѣ 5 четвертей отъ поверхности могильника обнаружена была нетронутая могила (А). Совершенно разрушившійся костякъ лежалъ на поверхности песчаной дюны головой на сѣверо-востокъ, ногами на юго-западъ. Въ головѣ находились черепки глинянаго сосуда и небольшая прослойка пепла и углей. Костякъ не представлялъ слѣдовъ сожженія и никакихъ вещей при немъ не было. Но въ другихъ мѣстахъ траншеи № 5, въ рыхломъ потревоженномъ пластѣ найдены были—шейный жгутъ изъ неправильно согнутой массивной бронзовой проволоки и обломокъ другого такого-же бронзоваго жгута.

Что касается „землянки“—такъ называли рабочіе обнаруженную въ восточной части могильника каменную кладку—то возлагать на нее особенныя надежды было, повидимому, невозможно: запонка изъ такъ называемаго „новаго золота“ съ двумя ножками, какіе носили въ манжетахъ въ 50-хъ годахъ, найденная на глубинѣ 2-хъ аршинъ, почти у самого подножія каменнаго пояса; самая кладка, мѣстами разрушенная и какъ-бы догадывавшая этимъ, что нѣкоторые камни давно уже извлечены отсюда; отсутствіе слѣдовъ погребенія въ ладьеобразной центральной котловинѣ—все это невольно наводило на мысль, что могила уже вскрыта Алабинымъ, который на протяженіи своей траншеи отъ перваго западнаго круга встрѣтилъ въ восточной части могильника второй такой-же каменный кругъ. Это казалось тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что разру-

щныя части обнаруженной нами кладби находилсь какъ разъ на направленіи Алабинской траншеи.

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда отвлеаемые другими спѣшными дѣлами Н. П. Загоскинъ и Н. М. Маліевъ принуждены были возвратиться въ Казань и лишить насъ своей дѣятельной помощи.

Для успѣшнаго движенія дальнѣйшихъ работъ мы пришли къ необходимости подраздѣлить ихъ: Н. П. Лихачевъ занялся проведеніемъ новыхъ траншей; мнѣ довелось исключительно сосредоточиться на вскрытіи обнаруживаемыхъ при этомъ могилъ.

Нанеся на планъ 5 упомянутыхъ выше траншей, г. Лихачевъ, составилъ проектъ цѣлой системы дальнѣйшихъ траншей, который и сталъ приводить постепенно въ исполненіе. Въ теченіи 10 послѣдующихъ дней удалось настолько подвинуть работы, что могильникъ оказался почти разрытымъ, за исключеніемъ узкихъ промежуточныхъ полосъ, оставленныхъ для размѣщенія выбрасываемой изъ траншей земли ¹⁾.

За это время, помимо отдѣльныхъ предметовъ, встрѣченныхъ въ небольшомъ количествѣ въ потревоженныхъ пластахъ, обнаружались и совершенно нетронутыя мѣста, давшія возможность ознакомиться съ особенностями мѣстнаго погребенія. Всѣхъ могилъ вскрыто было мною 10. При характеристикѣ ихъ я позволю себѣ нѣсколько долѣе остановиться только на трехъ важнѣйшихъ, представляющихъ новыя данныя.

Къ востоку отъ упомянутой выше круглой каменной кладби, на разстояніи двухъ сажень, обнаружилась группа изъ трехъ могилъ, расположенныхъ въ одномъ горизонтѣ, на разстояніи аршина другъ отъ друга ²⁾. Погребеніе во всѣхъ

¹⁾ Земля изъ первыхъ пяти траншей вывозилась въ сторону и такимъ образомъ удалено было нѣсколько сотъ возовъ; но потомъ земля стала относиться на носилкахъ въ опорожненныя траншеи, а отчасти выбрасываться на промежуточные полосы, такъ какъ подвѣзжать къ мѣстамъ раскопки оказалось затруднительно, вслѣдствіе сдѣланныхъ разрѣзовъ.

²⁾ Въ запискѣ раскопокъ они значатся подъ литерами М, L и К; этими литерами означу я ихъ и въ настоящемъ очеркѣ.

трехъ случаяхъ совершенно однообразно: голова на сѣверо-востокъ, ноги на юго-западъ, въ ногахъ раздавленный глиняный горшокъ. Костяки лежатъ на песчаномъ материкѣ, прикрыты тонкимъ слоемъ песку и зола, надъ которымъ располагается пластъ углей толщиной въ $\frac{1}{4}$ аршина. Костяки совершенно разрушились, но вмѣстѣ съ тѣмъ не представляютъ ни малѣйшихъ слѣдовъ сожженія.

Въ 1-й могилѣ (М) подлѣ черепа находились: тонкая бронзовая бляшка, 5 цилиндрическихъ бронзовыхъ подвѣсокъ, двѣ коническія бронзовыя подвѣски въ формѣ колокольцевъ съ боковыми прорѣзами, 1 большая и 56 мелкихъ бусинокъ, сдѣланныхъ повидимому изъ бѣловатой глины и покрытыхъ свѣтло-голубоватой эмалью. Кромѣ того, у лѣваго локтя маленькій глиняный сосудъ.

Во 2-й могилѣ (L) около черепа — 65 такихъ-же бусинокъ.

3-я могила (K) оказалась болѣе богатой. Въ головахъ наклонно лежалъ овальный камень, на разстояніи 2-хъ четвертей отъ черепа. На лобной кости черепа—бронзовая бляшка; у затылочной—два набора изъ бронзовыхъ бляшекъ (45 бляшекъ съ 3 выпуклостями) и раковинъ (сургаеа); подъ однимъ изъ наборовъ сохранился даже кусокъ ремня; у праваго виска—большая круглая бляха, двѣ овальныя бляшки съ дырочками, одна четырехугольная, одна ромбоидальная и маленькіе обломки какого-то деревяннаго издѣлія въ видѣ трубочки, покрытаго бороздками. Поверхъ этихъ вещей—изогнутый въ кругъ деревянный пруть, на который наизаны 64 пронизки изъ бронзы, а подъ этимъ ожерельемъ 486 мелкихъ глиняныхъ съ эмалью бусинокъ, отчасти наизанныхъ на тонкую истлѣвшую отъ времени нить.

Къ югу отъ группы изъ этихъ трехъ, судя по украшеніямъ, женскихъ могилъ, на разстояніи саженн отъ нихъ и на глубинѣ трехъ четвертей отъ поверхности могильника встрѣченъ былъ еще одинъ костякъ (H), который тянулся также въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ голо-

вахъ его стояла каменная плитка. Костякъ находился на разстояніи аршина отъ поверхности песчаной дюны, залегалъ въ толстомъ слоѣ углей и сплошь состоялъ изъ совершенно перегорѣвшихъ костей. Найденныя при немъ бусы и бронзовыя бляшки также совершенно перегорѣли и приводили къ заключенію, что трупъ женщины былъ сожженъ на этомъ мѣстѣ вмѣстѣ со всѣми ея вещами, входившими въ составъ погребальнаго обряда.

На три сажени къ западу отъ каменной кладки обнаружено было еще три могилы: двѣ рядомъ, ближе къ сѣв. сторонѣ могильника и одна—къ южной.

Въ двухъ первыхъ могилахъ (E и F), на глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ, лежали также въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу сильно разрушившіеся костяки, не представлявшіе ни малѣйшихъ слѣдовъ горѣнія. Въ ногахъ cadaго находилось по глиняному сосуду, на черепѣ западнаго костяка (F) лежала бронзовая бляшка.

Третья могила (D), находившаяся ближе къ южной сторонѣ могильника, представляла слѣдующія данныя:

На глубинѣ $2\frac{1}{2}$ аршинъ, на материковомъ пескѣ, стоялъ сильно разрушившійся черепъ. Къ лѣвому виску его прилегалъ наклонно большой глиняный горшокъ, въ которомъ помѣщался еще горшокъ поменьше; въ большой горшокъ входила, кромѣ того, однимъ концомъ обломанная кость быка. Кругомъ черепа и горшка—711 мелкихъ бусинокъ. У затылочной кости—два браслета изъ тонкихъ бронзовыхъ пластинокъ и нѣсколько бронзовыхъ бляшекъ. Подлѣ черепа—плечевая кость, на ней большая бронзовая бляха, а лѣвѣе—железный ножъ. Слѣдовъ остальныхъ частей скелета, а равно и слѣдовъ сожженія нѣтъ. Направленіе и дно могилы определяются залеганіемъ въ томъ-же горизонтѣ нѣсколькихъ бронзовыхъ пластинокъ, встрѣченныхъ на протяженіи 5 футовъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу.

Затѣмъ я перехожу къ описанію трехъ послѣднихъ болѣе замѣчательныхъ могилъ (B, C и G).

Въ средней части могильника—двѣ могилы, на разстояніи 4 сажень одна отъ другой.

Въ западной изъ нихъ (В), на глубинѣ въ $1\frac{1}{2}$ аршина, обнаружился слой перегнившихъ бревень или досокъ, тянувшихся на протяженіи 6 футовъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу. По удаленіи этого слоя, могила представляла слѣдующій видъ:

Въ сѣверо-восточномъ (головномъ) концѣ—два футляра или свертка изъ бересты; правый—продолговатой овальной формы, лѣвый—въ видѣ двухъ соединенныхъ кружковъ разныхъ размѣровъ; въ первомъ футлярѣ—бронзовое копье съ остатками древка во втулкѣ, во второмъ—бронзовый шейный жгутъ въ большей половинѣ; черепныя косточки, зубы, пепель и серебряная спираль—въ меньшей.

Въ томъ-же горизонтѣ, но нѣсколько ниже праваго футляра, т. е. ближе къ средней части могилы—совершенно разрушившійся отъ ржавчины желѣзный кинжалъ; ниже втораго футляра—маленькій берестяной-же футлярчикъ, внутри котораго круглая бронзовая бляшка. Направо отъ кинжала въ продолговатомъ берестяномъ футлярѣ—бронзовый кельтъ съ короткимъ древкомъ, завернутый въ какую-то ткань въ видѣ рокожи, и нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ.

Въ юго-западной части могилы—разрушившіяся нижнія конечности; прочихъ костей скелета нѣтъ, незамѣтно даже и малѣйшихъ слѣдовъ ихъ.

Всѣ означенные предметы располагались на черноземѣ, смѣшанномъ съ пескомъ, подъ которымъ на два вершка ниже начинался уже чистый песокъ дюны.

Вторая могила (С), къ востоку отъ предыдущей, оказалась еще болѣе оригинальной и содержательной.

Могила обложена была съ сѣвера и юга двумя несходящимися дугами изъ большихъ плитъ, плотно примкнутыхъ другъ къ другу и стоящихъ наклонно подъ угломъ въ 45 градусовъ. Эти дуги, судя по кривизнѣ, имѣли общій діаметръ въ двѣ сажени и, быть можетъ, сливались въ началѣ въ кругъ,

части котораго были разобраны во время прежнихъ раскопокъ. Изъ плитъ, образующихъ описанную кладку, одна была правильно обдѣлана въ формѣ треугольника, на поверхности котораго выбита или вытерта круглая впадина.

Въ срединѣ между дугами изъ плитъ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршина отъ поверхности могильника, обнаружился слой сгнившихъ бревенъ толщиною около четверти аршина, которыя тянулись полоскою въ 10 футовъ длины и 5 фут. ширины отъ сѣверо-востока къ юго-западу.

Когда этотъ слой былъ осторожно снятъ, то на горизонтальной поверхности песчаной дюны представилась слѣдующая картина погребенія:

Въ сѣверо-восточной или головной части могилы—двѣ большія плиты на разстояннн фута одна отъ другой. На правой гладко выбиты или вытерты двѣ впадины—круглой и эллиптической формы. Между плитами, ближе къ лѣвой—круглая бронзовая бляха съ орнаментомъ, ближе ко второй—обломокъ кости быка.

Далѣе, въ юго-западномъ направленнн, предметы располагались въ такомъ порядкѣ: черезъ 5 дюймовъ отъ лѣвой плиты—бронзовый кельтъ съ короткимъ древкомъ, лежащнн на деревянной дощечкѣ, а за два дюйма далѣе кельта—большой футляръ изъ бересты въ формѣ колчана съ двумя отростками направо. Въ колчанѣ—красивой отдѣлки бронзовая сѣкира съ обломкомъ древка во втулкѣ, за сѣкирою—узорчатый бронзовый кинжалъ, направо отъ котораго—бронзовая круглая бляха, налѣво—большое желѣзное копье, а внизу—точильный камешекъ съ отверстннмъ для подвѣшнваннн. Въ верхнемъ отросткѣ колчана—бронзовый шейный жгутъ, человѣческнн зубы, перелъ и серебряная спираль; въ нижнемъ отросткѣ—кельтъ съ древкомъ и бронзовыя стрѣлы.

За 6 дюймовъ далѣе описаннаго колчана—еще два футляра. Лѣвый, въ видѣ небольшого кружка, заключалъ въ себѣ маленькнн бронзовый кельтъ, а правый въ видѣ большаго

многоугольника—нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и одну желѣзную.

Еще далѣе на одинъ футъ—два небольшихъ камня, расположенныхъ симметрично съ первыми; наконецъ, на разстояніи одного фута, могила заканчивалась двумя большими плитами, между которыми въ срединѣ, въ видѣ луннаго серпа, располагалось 8 небольшихъ гладкихъ камешковъ. Костей, кромѣ упомянутыхъ, а равно и слѣдовъ сожженія, не было.

Затѣмъ мнѣ остается разсказать о послѣдней и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе замѣчательной могилѣ, находившейся подъ описанной выше каменной владкой, обнаруженной въ первые пять дней раскопки въ самой восточной и возвышенной части могильника.

Изображаю ходъ раскопки этого пункта послѣдовательно.

1) Прежде всего, при послонной съемкѣ земли, обнаружилось, что она, на глубину аршина отъ поверхности, состояла изъ жирнаго чернозема, въ которомъ только изрѣдка попадались мелкіе обломки костей, угольки и прослойки пепла.

2) Затѣмъ пошла плотная и сухая темно-сѣраго цвѣта земля съ незначительной примѣсью мелкихъ угольковъ и обломковъ пережженныхъ костей. Этотъ слой рѣзко выдѣлялся изъ чернозема и залегалъ подъ нимъ въ видѣ куполообразной выпуклости. Въ немъ и обнаружена была плитняковая кладка, имѣвшая видъ полусвода, наклоненнаго подъ угломъ въ 45 градусовъ и состоявшаго изъ пояса плитъ шириною въ 2¹/₂ аршина¹⁾. Нижнее основаніе этого полусвода, опиравшееся на поверхность песчаной дюны, имѣло видъ правильнаго круга длиною въ 12 сажень; верхній край полусвода также представлялъ кругъ, длина котораго, вслѣдствіе наклона плитъ, не превосходила 8 сажень. Внутри этаго полусвода обнаружена была выложенная плитами-же яма, имѣвшая подобіе лодки длиною до 14, а шириною до 9 футовъ. При глубинѣ

¹⁾ Всѣ плитняковыя кладки въ Анавинскомъ могильникѣ безъ цемента.

въ 3 фута, эта лодкообразная впадина уходила средней частью своего дна на одинъ футъ въ песчаную почву дюны.

3) Послѣ снятія фотографіи съ этой кладки, я перешелъ къ дальнѣйшимъ раскопкамъ. Прежде всего сняты были плиты внѣшняго свода, подъ которымъ на глубинѣ одного фута обнаружился новый поясъ плитъ, параллельный первому. По удаленіи земли изъ подъ этого послѣдняго пояса, получилась ровная песчаная круглая площадка съ каменной лодкой въ срединѣ. При разборѣ послѣдней оказалось, что она состояла изъ двойнаго, а на днѣ изъ тройнаго ряда плитъ, прилегавшихъ къ сгнившимъ доскамъ, подъ которыми находилась уже песчаная почва дюны. Какъ самая лодка, такъ и промежутки между плитами наполнены были землею, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ угольковъ, пепла и мелкихъ обгорѣлыхъ кусочковъ костей.

Послѣ снятія фотографіи съ каменной лодки и удаленія плитъ, раскопка имѣла видъ крутой площадки, середина которой представляла продолговатую впадину около фута глубиною. Затѣмъ я сталъ снимать послойно песокъ по окраинамъ этой площадки съ цѣлью придать ей вполне горизонтальный видъ, прежде чѣмъ идти далѣе въ глубь. Верхній слой песку отличался желтоватымъ цвѣтомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ на поверхности дюны, былъ сухъ и не совсѣмъ чистъ — замѣчались кое-гдѣ тонкія жилки чернозема. Ниже онъ становился плотнѣе, сырѣе и чище и на глубинѣ 1½ футовъ показался, наконецъ, столь плотный красноватый песокъ, что его только съ усиленіемъ можно было скоблить острой желѣзной лопатой, при чемъ онъ отдѣлялся тонкими и нераспадавшимися листочками. Не оставалось сомнѣнія, что мы дорылись до материка, нетронутаго человѣкомъ, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ дюны, гдѣ мы производили изслѣдованіе почвы, она состояла въ верхнемъ слоѣ изъ сыпучаго желтаго песку, а въ нижнемъ—изъ плотнаго и красноватаго.

Невольно закрадывалась мысль о безплодной затратѣ пятидневнаго труда. А трудъ былъ не малый. Мы стояли на

материковомъ днѣ конусообразной ямы, верхняя окраина которой имѣла въ окружности около 20 сажень и возвышалась надъ нами на 5 аршинъ; 14 каменныхъ ступенекъ устроены были рабочими для спуска на дно этого углубленія.

Но въ этотъ моментъ раскопокъ обстоятельства вдругъ измѣнились. Лишь только мы сняли верхковъй слой краснаго материковаго песку по окраинамъ и окончательно сравняли такимъ образомъ дно ямы, какъ въ центрѣ ея желтымъ пятномъ обрисовался правильный четырехугольникъ около 9 футовъ длиной и 4 шириной, имѣвшій направленіе отъ сѣверо-востока къ юго-западу.

Мы стали осторожно выбирать желтый песокъ. Онъ по своей рыхлости легко поддавался раскопкѣ и бока четырехугольника выяснились совершенно опредѣленно. На второмъ слоѣ лопатка вдругъ остановилась. Что-то звякнуло. На песчаной поверхности показался кончикъ металлическаго предмета.

Съ этого момента всѣ рабочіе были удалены изъ ямы и расположились по ея верхней окраинѣ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдя за дальнѣйшей раскопкой. Ожиданія были большія. „Теперь надо такъ говорить: до самаго настоящаго дѣла дошли, тутъ у нихъ и вся казна будетъ.... Не даромъ звуку землянку наладили“—слышалось въ толпѣ.

Но лишь только я успѣлъ пройти еще два тонкихъ слоя въ четырехугольникѣ, какъ совершенно неожиданно пришлось приостановить работу. Разразилась сильная двухчасовая гроза съ ливнемъ и градомъ. Я едва успѣлъ защитить могилу, прикрывъ ее кожаномъ и большимъ бархатнымъ ковромъ, который любезно предложила мнѣ г-жа Кваліо, пріѣхавшая изъ Елабуги посмотреть на раскопки.

Когда миновала гроза, было уже 8 часовъ вечера, поэтому пришлось отложить работу до слѣдующаго дня. Опасаясь, въ виду разговоровъ о „казнѣ“, за цѣлость могилы, я остался ночевать на могильникѣ съ 4 рабочими, изъ коихъ

двое уже провели здѣсь двѣ предъидущія ночи, оберегая каменную кладку.

Съ 3-хъ часовъ утра, когда уже достаточно разсвѣтало, я принялся за работу и послѣ полудня могила была окончательно обследована, вещи вполне обнаружены и съ расположенія ихъ снятъ точный рисунокъ съ показаніемъ всѣхъ размѣровъ. Въ этомъ окончательномъ періодѣ раскопки могила имѣла слѣдующій видъ:

1) Въ материкѣ дюны находилась правильная прямоугольная яма съ отвѣсными стѣнками и плоскимъ дномъ, идущая отъ сѣверо-востока къ юго-западу, длиною въ 8 футовъ 9 дюймовъ и шириною въ 3 фута 7 дюймовъ, а глубиною въ одинъ футъ.

2) На горизонтальномъ днѣ этого углубленія, засыпаннаго рыхлымъ желтымъ пескомъ съ тонкими жилками чернозема, располагалась слѣдующая картина погребенія:

а) Въ сѣверо-восточной головной части—двѣ каменные плиты, изъ которыхъ лѣвая—правильной треугольной формы и раздѣлена выпуклой чертою на двѣ части; на одной изъ нихъ, а именно на верхней замѣтенъ врѣзанный кружокъ.

б) Между плитами, ближе къ ихъ верхней окраинѣ—каменная круглая плитка; ближе къ нижней, на лѣво—сѣкира съ бронзовой рукояткой и желѣзнымъ торчащимъ вверху остриемъ, а направо—небольшая глиняная чаша, наполненная желтымъ пескомъ. Чаша нѣсколько наклонена и на край ея положена однимъ концомъ узкая желѣзная пластинка, утратившая отъ ржавчины свой первоначальный видъ.

в) Между чашей и сѣкирой на небольшой и приплюснутой къ землѣ черепной косточкѣ лежитъ бронзовая круглая бляха съ орнаментомъ; налѣво отъ нея серебряная спираль, а направо точильный камешекъ съ сквознымъ отверстіемъ.

д) За бляхою и точиломъ, въ направленіи къ юго-западной сторонѣ могилы—серебряный витой шейный жгутъ, на пластинчатомъ концѣ котораго врѣзанъ кружокъ; жгутъ окружаетъ часть человѣческой челюсти, подлѣ которой помѣщается

еще какая-то неопредѣленнаго вида совершенно разрушившаяся небольшая косточка.

е) За жгутомъ, направо—втулка желѣзнаго копья, острие котораго обратилось отъ ржавчины въ мелкую зернистую массу.

ф) За копьемъ, въ средней части могилы, направо: двѣ кремневья стрѣлки, положенныя одна на другую, а лѣво: берестяной свертокъ, въ которомъ—согнутая тонкая бронзовая пластинка; въ ней, какъ въ футлярѣ, помѣщается конусообразный бронзовый наконечникъ, съ кусочкомъ дерева въ нижней полой части. Подъ берестянымъ футляромъ—небольшая скупѣвшаяся масса буроваго цвѣта, въ которой ясно различаются пережевленные кости. Оригинальная форма бронзоваго наконечника, слишкомъ тупого, чтобы быть копьемъ, положеніе его на сожженныхъ костяхъ и тщательный способъ сбереженія въ двухъ футлярахъ—бронзовомъ и берестяномъ—наводятъ на мысль, что онъ былъ наконечникомъ какого нибудь почетнаго начальническаго жезла.

г) За этимъ футляромъ—большой желѣзный кинжалъ, мѣстами успѣвшій уже обратиться въ зернистую массу и, наконецъ, еще далѣе, т. е. въ самой юго-западной части могилы—двѣ каменные плиты; изъ подъ лѣвой плиты, выставляется еще небольшая плитка, а на окраинѣ правой лежить однимъ концомъ кость быка.

h) Песокъ на днѣ могилы въ горизонтѣ расположенія описанныхъ вещей былъ покрытъ едва замѣтнымъ порошкообразнымъ налетомъ свѣтло-коричневаго цвѣта, а между двумя послѣдними плитами можно было хотя и не безъ труда различить въ двухъ мѣстахъ тонкій слой пепла и мельчайшихъ частицъ угля.

Вотъ и все, что мы нашли въ этой могилѣ. Наши рабочіе были разочарованы. Убѣжденіе ихъ въ существованіи „казны“ было такъ сильно, что имъ не хотѣлось еще съ нимъ разстаться. По освобожденіи могилы отъ вещей, они съ прежней энергіей принялись за дальнѣйшую послонную

раскопку, но скоро принуждены были остыть, такъ какъ необычайная твердость и чистота красноватаго песку, приводили къ несомнѣнному заключенію, что мы разрабатываемъ материкъ и что раскопка окончена.

III.

Результаты описанныхъ выше раскопокъ, а равно и другія наблюденія, о которыхъ я не имѣлъ еще случая упомянуть, ставятъ меня въ необходимость воснуться еще нѣкоторыхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ Ананьинскому могильнику.

1. Могильникъ или курганъ? Крестьяне деревни Ананьиной называютъ мѣсто древняго погребенія близъ ихъ деревни м о г и л ь н и к о м ъ. Алабинъ присвоиваетъ этому пункту имя кургана. Эйхвальдъ, исходя изъ данныхъ раскопки Алабина, полагаетъ между прочимъ, что всѣ вырытые имъ 46 скелетовъ „сожжены были на многихъ небольшихъ кострахъ въ одинъ день, что это были тѣла женъ, придворныхъ и рабовъ, положенныхъ по древнимъ обычаямъ вмѣстѣ съ умершимъ владѣтелемъ нѣкогда цвѣтущей земли на Камѣ“. Невоструевъ, указывая на то, что „скелеты найдены были въ разныхъ слояхъ земли, одни глубже, другіе мельче“, отрицаетъ фантастическое предположеніе Эйхвальда и принимаетъ крестьянское названіе могильника, рассматривая послѣдній какъ древнее кладбище.

Мои личныя наблюденія побуждаютъ присоединиться къ мнѣнію Невоструева. Расположеніе могилъ въ разныхъ горизонтахъ—въ материкѣ песчаной дюны, на ея поверхности и во всѣхъ слояхъ насыпного чернозема, а равно и замѣченная мною куполообразность въ строеніи могилъ, находящихся въ нижнемъ и твердомъ пластѣ могильника, даютъ возможность думать, что образованіе его происходило слѣдующимъ образомъ: на небольшой гривкѣ, рѣдко затопляемой водою, погребали умершихъ и насыпали надъ ними небольшіе курганы;

затѣмъ, когда уже не оставалось на гривкѣ мѣста, стали погребать умершихъ по склонамъ этихъ кургановъ, дѣлая новыя присыпки, такъ какъ расширять владбище по дюнѣ, затопляемой водою, представлялось невозможнымъ. Такимъ образомъ на гривкѣ и образовалась мало по малу цѣлая система кургановъ однихъ надъ другими, которые постепенно сглаживались дождевыми и снѣговыми потоками, а впослѣдствіи и распашкой, и принимали видъ одного невысокаго продолговатаго холма. Но въ нижнемъ слоѣ, вдали отъ воздѣйствія сохи, потоковъ и разливовъ, сохранились въ большей или меньшей степени куполообразныя очертанія первыхъ по времени и болѣе старыхъ могилъ, которыя и знакомятъ довольно опредѣленно съ структурою могильника.

2. Необходимость разграниченія древностей могильника и дюны и вопросъ о каменныхъ орудіяхъ. „Мы имѣемъ въ рукахъ своихъ восемь кремневыхъ стрѣлъ, найденныхъ въ Ананьинскомъ могильникѣ“ и „слышали“, что „П. И. Лерхъ отъ Ананьинскихъ крестьянъ приобрѣлъ каменный или кремневый ножъ“, говоритъ Невоструевъ, замѣчая при этомъ, что и вообще каменные орудія встрѣчаются иногда совмѣстно съ бронзовыми вещами и въ другихъ курганахъ Запад. Европы и Россіи.

Останавливаюсь на этомъ показаніи потому, что есть основаніе думать, что стрѣлы Невоструева, какъ и кремневый ножъ Лерха, приобрѣтены отъ крестьянъ. Въ виду этого умѣстно поставить вопросъ: дѣйствительно ли упомянутыя выше кремневые орудія найдены именно въ могильникѣ?

Въ интересахъ разъясненія его, считаю необходимымъ указать на содержаніе той песчаной дюны, на южной окраинѣ которой находится древнее владбище. Во время раскопки могильника и обследованія дюны въ разныхъ частяхъ ея я составилъ небольшую коллекцію каменныхъ орудій и кремневыхъ осколковъ съ слѣдами обработки, но эти слѣды каменнаго вѣка не изъ могильника, а изъ песчаной дюны, на которой онъ воздвигнутъ.

У подошвы дюны, на всемъ ея протяженіи, попадаются въ песокѣ обдѣланные и необдѣланные кремни. Они встрѣчаются и подлѣ самаго могильника, но опять таки не въ немъ, а въ песокѣ, вымытомъ изъ дюны. Крестьяне собираютъ ихъ и продаютъ, руководясь спросомъ, за найденные въ могильникѣ. Необходимость строгаго разграниченія этихъ памятниковъ каменнаго вѣка отъ древностей могильника выясняется уже изъ того, что первые встрѣчаются въ песокѣ дюны совместно съ характерными обломками глиняной посуды, не имѣющей ничего общаго съ глиняной посудой могильника. На основаніи этихъ данныхъ я считаю позволительнымъ остановиться на слѣдующемъ предположеніи:

1. Песчаная дюна, почти сплошь затопляемая высокими весенними разливами, могла служить, въ періодъ предшествующій возникновенію могильника, мѣстомъ временныхъ стоянокъ челоуѣка каменнаго вѣка.

2. Дюна эта съ своими своеобразными бытовыми памятниками представляетъ, повидимому, нѣкоторую аналогію съ песчаными дюнами Ови, обследованными гр. Уваровымъ и членами Каз. Арх. Общества г.г. Кротовымъ и Высоцкимъ. Аналогія эта подкрѣпляется и тѣмъ, что въ Ананьинской дюнѣ попадаютъ и костяныя орудія, доказательствомъ чего служатъ костяная стрѣлка и обломокъ шила, входящіе въ составъ собранной мною коллекціи.

Но говоря о необходимости строгаго разграниченія памятниковъ дюны и могильника, я не отрицаю и не могу отрицать, что и послѣднему присущи слѣды каменнаго вѣка. Въ описанной выше главной могилѣ (G) открыты мною двѣ кремневыя стрѣлки, характерное положеніе которыхъ въ одномъ горизонтѣ съ прочими бронзовыми, серебряными и желѣзными вѣщами не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они входили въ составъ погребальнаго обряда. Такимъ образомъ и является возможнымъ утверждать, что эти двѣ стрѣлки есть единственныя каменныя орудія, которыя несомнѣнно принадлежали челоуѣку, погребенному въ Ананьин-

свомъ могильникѣ. Только онѣ и могутъ быть вводимы въ кругъ сужденій объ этомъ древнемъ памятникѣ.

3. Системы погребенія въ Ананьинскомъ могильникѣ. Нашими раскопками подтверждается уже замѣченный ранѣе фактъ разнообразія въ системахъ погребенія Ананьинскаго могильника, но при этомъ въ деталяхъ получается во многихъ отношеніяхъ существенная разница съ наблюденіями Алабина.

а) По его словамъ, кости въ могильникѣ положены преимущественно головой на сѣверъ, ногами на югъ, но во всѣхъ могилахъ нашей раскопки погребеніе располагается въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Въ виду этой существенной разницы считаю возможнымъ допустить, что наблюденія Алабина производились глазомѣрно, безъ помощи компаса. Это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что бывшіе Алабинскіе рабочіе во время нашихъ раскопокъ впервые видѣли примѣненіе компаса къ опредѣленію направленія погребеній и даже такъ увѣровали въ него, что относительный успѣхъ нашихъ изысканій приписывали ему почти исключительно. „Онъ, братъ, покажетъ—тольковали они межъ собою и, дойдя до выпуклой поверхности плотной темно-сѣрой земли, говорили: „ну-во, влады-во штучку-то... какъ-бы зря въ сторону не заѣхать“...

Если-же признать, что указанная неточность дѣйствительно могла имѣть мѣсто, то вмѣстѣ съ тѣмъ придется установить тотъ фактъ, что погребеніе въ Ананьинскомъ могильникѣ располагалось вообще отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Что-же касается замѣченныхъ Алабинымъ трехъ отступленій (два погребенія въ обратномъ порядкѣ и одно вдоль могильника, ногами на западъ), то сужденіе о нихъ умѣстнѣе будетъ тогда, когда обнаружены будутъ другіе подобныя варианты.

б) Изъ наблюденій Алабина и анализа, сдѣланнаго на основаніи ихъ Невоструевымъ, выясняются три формы погребенія въ Ананьинѣ: съ трупосоженіемъ, безъ трупосоженія

и частичное, предполагающее предварительное разсѣченіе трупа.

Всѣ эти три формы наблюдались и ввремя нашей раскопки, но съ нѣкоторыми особенностями, вызывающими необходимость дополненій въ характеристикѣ Алабина.

Преобладающей формой у Алабина указывается трупосожженіе. „Мертвецы здѣсь погребенные—говоритъ онъ объ Ананьинскомъ могильникѣ — принадлежали къ народу, въ обычаѣ котораго было трупосожженіе“. Наличие трупосожженія онъ признаетъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ могилахъ не обнаружено было сожженныхъ костей, но находились „будто переженная земля“ и горшечки, наполненные изсѣра-черной землею, „какъ будто смѣшанной съ золою и перегорѣвшимъ человѣческимъ прахомъ“. Алабинъ на основаніи этихъ шаткихъ данныхъ рисуеъ даже цѣлую картину. Трупосожженіе въ Ананьинѣ производилось, по его словамъ, въ особыхъ, обложенныхъ камнями валахъ; „положеніе костяковъ въ курганѣ показываетъ, что по совершеніи обряда трупосожиганія выбирались изъ костра кости сожженнаго и укладывались по рисунку обыкновеннаго человѣческаго скелета. Сохранившимися остаткамъ скелетовъ видно, что изъ костра вынимались только черепъ да нѣсколько большихъ костей отъ рукъ и ногъ, остальные-же обращались въ пепелъ и часть этого пепла собиралась въ горшечекъ, зарывавшійся съ покойникомъ; въ этомъ горшкѣ и тогда находились захваченныя съ пепломъ и неперегорѣвшія мелкія кости“.

Къ сожалѣнію, эта картина недостаточно обставлена и представляется поэтому произвольной. Наши раскопки также не говорятъ въ ея пользу. Они указываютъ только одну, судя по украшеніямъ, женскую могилу (Н), гдѣ совершенно опредѣленно констатируется обрядъ сожженія трупа на кострѣ. Что касается „обложенныхъ камнями валовъ“, то они имѣли совсѣмъ иное назначеніе: поясомъ каменныхъ плитъ обкладывалось не мѣсто сожженія трупа, а самая могила; горшеч-

ки-же наполнены не пепломъ, а подобно черепамя тою именно землею, какая соотвѣтствуетъ горизонту могилы: въ нижнемъ-дюннымъ пескомъ, въ среднемъ—сѣрвато-темной землей, а въ верхнемъ—жирнымъ черноземомъ.

Въ шести случаяхъ мы наблюдали полное погребеніе трупа безъ малѣйшихъ слѣдовъ сожженія. Но кости отъ времени находились въ состояніи такого разрушенія что представляли рыхлую массу, до которой почти невозможно было прикоснуться. Зачистивъ могилу и подготовивъ ее для снятія рисунка, мы оставляли кости на нѣсколько часовъ нетронутыми. Окрѣпнувъ на воздухѣ, онѣ хотя и твердѣли, но при выниманіи распадались на части, такъ что изъ череповъ намъ удалось сохранить въ достаточно полномъ видѣ только одинъ, а другіе — только въ болѣе или менѣе существенныхъ частяхъ. Если при вскрытіи подобныхъ могилъ, нѣкоторыхъ мелкихъ костей и не хватало, то это объясняется тѣмъ, что онѣ совершенно разрушились, оставивъ въ почвѣ едва замѣтный слѣдъ.

Невостревъ, встрѣтивъ у Алабина указаніе на обнаруженіе въ нѣкоторыхъ могилахъ или одного только черепа безъ прочихъ костей, или наоборотъ цѣлаго костяка безъ черепа, констатировалъ въ Ананьинскомъ могильникѣ слѣды такъ называемаго частичнаго погребенія встрѣченнаго и въ другомъ извѣстномъ могильникѣ переходной эпохи отъ бронзы къ желѣзу, а именно въ Гальштадтскомъ, въ Австріи, гдѣ въ 13 случаяхъ изъ 993 открыто было положеніе въ могилу не полнаго трупа, а отдѣльных несожженныхъ костей. Составитель изслѣдованія объ этомъ могильникѣ замѣчаетъ между прочимъ, что „подобное погребеніе, возможное исключительно при разсѣченіи трупа, до таковой степени представлялось страннымъ, что только послѣ самыхъ тщательныхъ изысканій признано было за достовѣрный фактъ, подтверждаемый также и тѣмъ, что варварскій обычай разсѣченія трупа умершаго на части сохранился отчасти до историческихъ временъ“.

Наши раскопки совершенно подтверждаютъ мнѣніе Нево-

струева: мы наблюдали частичное погребеніе въ четырехъ выше-описанныхъ могилахъ D, B, C и G. Если обнаруженіе въ могилахъ или однѣхъ только костей нижнихъ конечностей, или черепа съ правой плечевой костью, или небольшого отрѣзка черепной чашки и челюсти, и можетъ еще оставлять нѣкоторую тѣнь сомнѣнія, то погребеніе въ могилахъ B и C человѣческихъ зубовъ, помѣщенныхъ въ берестянныхъ футлярахъ, устраняетъ всякую возможность объяснять частичность погребенія въ Ананьинскомъ могильникѣ какою-либо случайностью.

Здѣсь уместно будетъ замѣтить, что, обнаруживъ въ могилахъ футляры изъ бересты и видя, что береста обратилась въ совершенно рыхлую массу, мы не рѣшились вскрывать ихъ на мѣстѣ, желая сколько возможно сохранить отъ разрушенія. Снявъ рисунокъ съ наружной формы ихъ, мы давали имъ отлежаться на воздухѣ, а затѣмъ уже вечеромъ, когда нужно было уходить въ деревню, подрѣзавъ снизу землю, осторожно поднимали на лопаткахъ и на носилкахъ доставляли на квартиру. Когда береста успѣвала отвердѣть, мы осторожно приподнимали ея верхній пластъ, чтобы хотя отчасти познакомиться съ содержаніемъ футляровъ. Оказалось, что каждый изъ нихъ состоялъ изъ деревянной подстилки (доски), обратившейся въ гнилушку, на которую положены различные предметы и сверху прикрыты кускомъ бересты, которая по окраинамъ слилась съ деревянной подстилкой, образовавъ нѣчто въ родѣ футляровъ продолговатой, округленной или многоугольной формы. Дальнѣйшее вскрытіе этихъ футляровъ мы производили уже въ помѣщеніи музея Общества, при чемъ и обнаружено было ихъ содержимое. Въ такомъ видѣ они и доселѣ хранятся въ витринахъ музея: на сгнившей деревянной подстилкѣ лежатъ на своихъ мѣстахъ вещи, а сверху или рядомъ—и покрывши изъ бересты.

Оставляя, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, открытымъ вопросомъ о томъ, сопровождался-ли обрядъ частичнаго погребенія сожженіемъ остальныхъ частей трупа, можемъ замѣтить.

только слѣдующее: погребенныя части не имѣютъ слѣдовъ горѣнія, но около зубовъ въ футлярахъ наблюдается присутствіе небольшого количества пепла, а въ могилѣ G подъ сверткомъ изъ бересты находится скипѣвшаяся масса желтовато-бураго цвѣта, въ которой замѣчаются перегорѣлыя кости.

с) По наблюденіямъ Алабина и анализу Невоструева, погребеніе въ Ананьинѣ происходило или „на голой, твердой и, очевидно, пережженной землѣ“, или „въ рыхломъ или твердомъ обожженномъ черноземѣ“; нѣкоторыя, „вѣроятно, особенно знатныя и богатые, были положены на особенныхъ нарочито устроенныхъ изъ обгорѣлыхъ бревенъ могильныхъ одрахъ или каменныхъ ложахъ; другія костяки, или вѣрнѣе отдѣльныя головы — на каменныхъ плитахъ, одинъ костякъ положенъ былъ на камнѣ и какъ бы обложенъ камнями“.

Эти наблюденія находятся въ большемъ или меньшемъ противорѣчій съ фактами нашей раскопки. Одна изъ нашихъ могилъ (G) была углублена въ материкъ дюны на одинъ футъ, прочія расположены или на ея поверхности, или въ разныхъ горизонтахъ черноземной насыпи. Обожженной земли, какъ подстилки въ могилахъ, не наблюдалось. „Могильный одръ изъ обгорѣлыхъ бревенъ“ или проще сказать костеръ, на которомъ лежалъ совершенно перегорѣлый костякъ, констатированъ былъ только въ одномъ случаѣ. Каменныхъ одровъ или отдѣльныхъ плитъ, на которыхъ размѣщались черепа, мы также не видѣли. Но въ двухъ могилахъ, въ горизонтѣ погребенія, находилось 4 симметрично расположенныя плиты по двѣ въ головахъ и въ ногахъ. Въ двухъ другихъ могилахъ за черепомъ находилась наклонно положенная плитка, образывавшая какъ-бы изголовье. Обложеніе могилъ камнями мы наблюдали въ двухъ случаяхъ, при чемъ каменные плиты располагались наклонно подъ угломъ въ 45° . Въ двухъ случаяхъ надъ горизонтомъ погребенія было прикрытіе изъ сгнившихъ бревенъ, въ трехъ — изъ пласта углей и золы, и въ одномъ — каменная лодка, опиравшаяся на сгнившія доски.

Не входя, за неимѣніемъ данныхъ, въ разсмотрѣніе вопроса — были-ли особенности, замѣченныя Алабынымъ вариантами мѣстнаго погребенія, или результатами недостаточной точности его наблюдений, и предполагая, что пробѣлы настоящаго очерка будутъ восполнены фотографіями альбома и каталогомъ, которымъ предполагается его снабдить, я позволю себѣ въ заключеніе сстановиться еще на слѣдующихъ данныхъ.

1) Изъ вещей, добытыхъ раскопками 1881 года особенное вниманіе обращаютъ на себя три серебряныя спирали, серебряный шейный жгутъ, обломки деревянной вещицы, бронзовый коническій наконечникъ, бронзов. бляшка съ звѣриной головкой и глиняный сосудъ съ изображеніемъ животныхъ, напоминающихъ лошадей.

2) При разсмотрѣніи могиль, бросается въ глаза тотъ фактъ, что погребеніе безъ трупосожденія и съ трупосожденіемъ сопровождается довольно простой и бѣдной обстановкой; напротивъ, погребеніе частичное—болѣе сложной и богатой.

3) Изъ всѣхъ могиль, вскрытыхъ нами, наиболѣе выдѣляется могила G. Брытая въ самый материкъ дюны, окруженная двумя полусводами плитъ и прикрытая каменной ладьеобразной кладкой, она имѣла надъ собою болѣе значительную насыпь и надъ нею именно, по рассказу мѣстныхъ крестьянъ, найденъ былъ тотъ камень съ изображеніемъ челоуѣка, который посчастливилось приобрѣсти въ Ананьинѣ Невоструеву. Значеніе этой могилы увеличивается еще тѣмъ, что обстановка ея позволяетъ до извѣстной степени установить вопросъ объ эпохѣ могильника, не смотря на разнообразіе обнаруженныхъ въ ней предметовъ, относящихся къ разнымъ періодамъ (кремневая стрѣлка, бронзовая, серебряная и желѣзная вещи). Рѣшительное преобладаніе желѣзныхъ вещей надъ бронзовыми и желѣзная сѣкира съ бронзовой рукояткой въ значительной степени подрываютъ мнѣніе Невоструева о принадлежности могильника не „къ концу бронзоваго вѣка, а во времени преобладанія бронзы“ и побуждаютъ

склониться въ пользу предположенія Аспелина, т. е. отнести могильникъ именно къ „концу бронзоваго вѣка и первымъ временамъ жслѣзнаго на берегу Камы“.

Попытки установить болѣе точную хронологію и народность могильника не отличаются опредѣленностью. Въ виду этого о нихъ не представляется необходимости и говорить. Въ особомъ рефератѣ объ Ананьинскомъ могильникѣ, доложенномъ въ годичномъ собраніи Казан. Арх. Общества весною 1882 года, я уже проводилъ мысль о трудности, при наличности современныхъ свѣдѣній по археологіи Сибири и вост. полосы Европ. Россіи, задаваться широкими обобщеніями относительно этого памятника. Съ тѣхъ поръ сумма свѣдѣній измѣнилась сравнительно немного. Частичныя сближенія, основанныя на двухъ-трехъ фактахъ, конечно, возможны, но они не даютъ тождества. Настоящій очеркъ посвященъ исключительно установленію фактическихъ данныхъ о могильникѣ и въ немъ не можетъ быть мѣста для сближеній. Въ послѣдующихъ главахъ „Матеріаловъ“, собранныхъ мною для характеристики бронзовой эпохи Камско-Волжскаго края, мнѣ не разъ еще придется говорить объ Ананьинскомъ могильникѣ и о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между нимъ и другими мѣстными памятниками бронзовой эпохи.

П. Пономаревъ.

ХРОНИКА.

МУЗЕИ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ ВЪ 1891 Г.

МУЗЕЙ УРАЛЬСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ ВЪ ЕКАТЕРИНБУРГЪ.

Описание музея дѣлается на основаніи скудныхъ данныхъ, которыя нашлись въ «Запискахъ» Общества за годы 1888—1889. Редакція обращалась къ хранителю музея съ просьбой доставить каталогъ археологическаго и этнографическаго отдѣловъ, но не получила никакого отвѣта.

Этнографическій отдѣлъ музея, образовался послѣ выставки изъ предметовъ, пожертвованныхъ Обществу экспонентами. На коллекціи по этому предмету слѣдуетъ смотрѣть, только какъ на зачатки будущаго, можетъ быть, очень значительнаго отдѣла. Въ Пермской губерніи насчитывается до 12 инородческихъ племенъ.

Въ настоящее время Общество имѣетъ:

предметовъ быта Пермляковъ	160
Вогуль	88
Остяковъ	75
Черемись	87
Башкиръ	71
Самоѣдъ	25
Дунганъ	81
Киргизъ	19
Буряты	13
Якуты	18
Тунгусовъ	1
Китайцевъ	12
Костюмъ русской женщины XVIII вѣка	5
Фотографическія снимковъ по этнографіи.	97
<hr/>	
Всего.	751

Археологической отдѣлъ получилъ въ 1888 г. самое значительное приращеніе—какъ по количеству экземпляровъ, такъ и по тому высокому интересу, который они представляютъ. Изъ нихъ первое мѣсто, безспорно, занимаетъ коллекція доисторическихъ предметовъ, поступившихъ отъ графа А. А. Стенбокъ-Фермора и найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ дачи Верхъ-Исетскихъ заводовъ. Затѣмъ слѣдуетъ коллекція черепковъ глиняной посуды изъ д. Палкиной съ описаніемъ, поступившая отъ Общества секретаря О. Е. Клера и находки, добытыя препараторомъ Общества А. И. Гаккелемъ въ 1888-мъ году и состоящія изъ глиняныхъ черепковъ, каменныхъ кремневыхъ орудій и т. п. предметовъ. Собраніе этихъ предметовъ еще не разработано, но представляетъ значительный интересъ для дополненія уже сдѣланныхъ открытій о существованіи доисторическаго человѣка на Уралѣ.

Коллекціи по археологіи раздѣлены на предметы по археологіи доисторической и на старинныя вещи и предметы.

Общество имѣетъ по доисторической археологіи

Коллекцію, состоящую изъ глиняныхъ горшковъ, черепковъ, каменныхъ и костяныхъ орудій, деревянныхъ веселъ и т. п. предметовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Верхъ-Исетской дачи при добываніи золота и пожертвованныхъ въ музей, какъ упомянуто выше, графомъ А. А. Стенбокъ-Ферморъ. Коллекція эта не разработана	38
Коллекціи черепковъ и равныхъ орудій каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, поступившія отъ гг. Клера, Малахова, Теплоухова, Зырянова, Чердынской управы, Гебауэра и другихъ лицъ	706
Черепки глиняные безъ орнамента 16 и обломковъ костей 2.	
Изъ городища на р. Балдѣ, около дер. Малая Балда	18
Черепки безъ орнамента, найденные на берегу р. Исети, около заимки Злоказова, близъ г. Екатеринбургa, на мысу ближе къ городу.	8
Черепки безъ орнаментовъ, найденные въ Сухомъ Логу близъ берега р. Пышмы	11
Предметы, найденные А. И. Гаккелемъ въ первый разъ на Карасьемъ озерѣ, близъ дер. Колюшкиной: черепковъ съ орнаментомъ 375, тоже безъ орнамента 1050. Форма для отливки по всей вѣроятности бронзы 1. Каменныхъ орудій болѣе крупныхъ 1, равныхъ мелкихъ предметовъ изъ камня 4, бронзовая пластинка 1, кибасьевъ глиняныхъ 27 (изъ нихъ 5 пѣльныхъ), разныхъ каменныхъ орудій и кремней 103. Всего.	1562
Предметы, найденные А. И. Гаккелемъ въ первый разъ у Карасяго озера, въ 12 верстахъ отъ г. Екатеринбургa. Глиняныхъ черепковъ съ орнаментомъ и безъ него 365, осколковъ камней 18, кремней, орудій изъ нихъ и хорошо обработанныхъ стрѣлъ 295. Издѣлій изъ глины 9.	687
Черепковъ глиняной посуды съ узорами и безъ нихъ, собранныхъ А. И. Гаккелемъ въ дер. Палкиной 130, кремней 93	223
Остатокъ горна, служившаго вѣроятно для выплавки мѣди, найденный А. И. Гаккелемъ близъ дер. Шабры, всѣ эти четыре коллекціи неразработаны	10

Старинныхъ вещей	22
Фотографическихъ снимковъ съ разныхъ археологическихъ вещей.	16
Снимковъ съ камней съ историческими надписями.	20
Всего.	3321

По антропологии и краниологии.

Череповъ изъ раскопокъ башкирскихъ могилъ	25
Разныхъ другихъ череповъ	2
Патологическихъ препаратовъ	11
Частей скелетовъ изъ раскопокъ башкирскихъ могилъ.	500
Фотографическихъ снимковъ типовъ народностей.	27
Всего	515

За лѣтніе мѣсяцы 1889 г. поступило въ музей

Большихъ камней со слѣдами обработки рукою человѣка . . .	7 экз
Кремневыхъ и каменныхъ орудій	22 »
Кремней и камней со слѣдами обдѣлки.	24 »
Глиняныхъ вещей	11 »
Мѣдныхъ вещей.	2 »
Желѣзное колечко.	1 »
Мѣдный крючекъ рыболовный и мѣдное грузило. Добыты при промывкѣ золотоносныхъ песковъ на Березовскихъ промыслахъ . . .	2 шт.
Коллекція предметовъ, относящихся къ доисторической эпохѣ, съ городища, въ 3 верстахъ отъ желѣзнодорожнаго полотна и въ 6 верстахъ отъ ст. Исеть:	
Желѣзныхъ предметовъ	1 »
Мѣдныхъ	3 »
Каменныхъ	1 »
Кусковъ костей.	21 »
Глиняныхъ черепковъ	53 »
Коллекція кремневыхъ орудій, глиняныхъ черепковъ съ береговъ озера Таватуй, въ 3 верстахъ отъ Тараскова:	
Каменныхъ и кремневыхъ орудій.	42 »
Черепковъ глиняныхъ	120 »
Коллекція кремневыхъ орудій, костей и глиняныхъ черепковъ съ острововъ и береговъ Исетскаго озера, $\frac{1}{4}$ вер. отъ ст. Исеть, съ острововъ Ельничнаго, Листвянаго и Соловковъ:	
Кремневыхъ и каменныхъ вещей	18 »
Кусковъ костей	4 »
Глиняныхъ черепковъ	83 »
Коллекція кремневыхъ и каменныхъ предметовъ и глиняныхъ черепковъ съ береговъ оз. Шитовскаго, въ 18 вер. отъ оз. Исетскаго:	
Кремневыхъ и каменныхъ предметовъ.	14 »
Глиняныхъ черепковъ	48 »

По этнографіи—предметы быта Вогуль:

1. Модель чума.
2. Модель юрты.
3. Модель лодки.
4. Стругъ.
5. Лось изъ дерева.
6. Медвѣдь изъ печенаго хлѣба.
7. Лось изъ печенаго хлѣба.
8. Самка оленя изъ печенаго хлѣба.
9. Самецъ оленя изъ печенаго хлѣба.
10. Люлька дѣтская.
11. Одежда малютки изъ оленьей шкуры при люлькѣ.
12. Одѣяло изъ оленьей шкуры при люлькѣ.
13. Подушка при люлькѣ.
14. Кисеть для табаку изъ лапы лебедя.
15. Малица.
16. Совикъ.
17. Слонъ изъ печенаго хлѣба. Модель съ серебрянаго Остяковъ.

МУЗЕЙ ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЯ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Коллекціи Музея занимаютъ двѣ комнаты въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса. Не отличаясь богатствомъ и законченностью, онѣ все же представляютъ собою существенное пособіе для изученія мѣстной этнографіи — въ особенности инородческихъ племенъ. Одно изъ первыхъ по значенію мѣстъ въ ряду этихъ коллекцій занимаютъ фотোগрафіи волжскихъ инородцевъ — Черемисъ горныхъ и луговыхъ, Чувашъ верховыхъ и низовыхъ, Вотяковъ-Ватка и Калмезовъ, Пермиковъ, Мордвы-Мокши и Татаръ. Общее число фотографій Музея Отечествовѣдѣнія доходитъ до 250. Фотографіи раздѣляются на два основныхъ разряда. Первый можно назвать антропологическимъ. Сюда относятся поясные снимки въ фасъ и профиль, имѣющіе цѣлю дать понятіе о типѣ лица — формѣ носа, губъ и т. д. Второй, гораздо болѣе обширный отдѣлъ, составляютъ фотографіи, иллюстрирующія бытъ инородцевъ — сюда относятся общіе виды деревень, виды деревенскихъ улицъ, водоемовъ, домовъ, гуменъ, овиновъ, пчельниковъ, сѣноваловъ, клѣтѣй, отдѣльныя части построекъ — крыльца, двери, окна. Разсматривая этотъ отдѣлъ, посѣтитель музея имѣетъ прежде всего возможность ознакомиться съ исторіей развитія инородческаго жилища. Начиная съ коническаго овина, который является остовомъ былаго чума, переходя черезъ курную избу съ открытымъ ходомъ (пермяцкая изба), инородецъ постепенно доходитъ до русскаго дома, идеала котораго имѣется тутъ-же въ видѣ модели дома, какой строятъ раскольники — бѣгуны, къ дому съ крытымъ крыльцомъ, сѣнями и т. д. Обзорѣніе

жилищъ дастъ посѣтителю первую мѣрку культурности отдѣльныхъ инородческихъ племенъ. Низшую ступень развитія представляютъ постройки пермяковъ, за ними слѣдуетъ чувашскія, вотяцкія и наконецъ горно-черемисскія. Въ послѣднихъ посѣтитель встрѣчаетъ знакомыя рѣзные ворота съ двускатной крышей, окна съ рѣзными наличниками. Все это заимствовано черемисами у русскихъ и носить печать заимствования въ самыхъ названіяхъ — «русскія ворота», «русское окно». Снимки съ двускатныхъ воротъ, сдѣланные въ горно-черемисскихъ деревняхъ, являются не только показателями русскаго вліянія на черемись; мы знакомимся по нимъ съ вліяніемъ церковной архитектуры на крестьянскую въ обл.сти орнамента. Далѣе слѣдуютъ фотографіи, относящіяся непосредственно къ быту инородцевъ. Мы видимъ инородческую женщину за мятемъ конопли, очищеніемъ конопляныхъ волоконъ отъ костриги, колоченіемъ холста, вышиваніемъ, за пряжей шерсти и тканьемъ, за колоченіемъ сукна, обвареннаго горячей водой (чтобы сдѣлать ткань болѣе плотной), мужчинъ за кустарными промыслами и домашними работами. Здѣсь же фигурируютъ и первобытныя орудія труда: мельница-ступа и деревянные жерновки съ наколоченными чугунными полосками, деревянная борона, до сихъ поръ сохранившаяся въ употребленіи у инородцевъ. За фотографіями, относящимися къ обыденной трудовой жизни, мы видимъ другія, которыя знакомятъ насъ съ исключительными, важнѣйшими моментами жизни — напр. съ чувашской свадьбой, съ остатками языческой старины чувашъ и черемисъ: наполнымъ моленіемъ предъ началомъ пашни. Есть фотографіи, которыя ведутъ насъ на чувашское кладбище и знакомятъ съ переживаніями древняго языческаго погребальнаго обряда, съ обычаемъ пермяковъ провожать покойника на саняхъ даже лѣтомъ.

За фотографіями слѣдуетъ коллекція инородческой посуды — издѣлія вотяковъ, пермяковъ, черемисъ и чувашъ. Посуда рѣзко различается на орнаментированную и неорнаментированную: первая принадлежитъ вотякамъ и пермякамъ, вторая черемисамъ и чувашамъ, другими словами — инородцамъ, входившимъ въ составъ бывшаго Булгарскаго царства. Въ болѣе тонкихъ издѣліяхъ этого типа обращаетъ на себя вниманіе сходство ихъ формъ съ формами древнихъ русскихъ металлическихъ издѣлій того-же назначенія (большековши). На образцахъ этой же неорнаментированной посуды, пользуясь соседними фотографіями, мы можемъ овнакомиться съ исторіей развитія нѣкоторыхъ формъ утвари. Сопоставивши издѣлія черемисъ и чувашъ, мы замѣчаемъ, что мотивы орнамента разграничены Волгой: на С. отъ Волги, въ области луговыхъ и вятскихъ черемисъ ручка коша украшается обыкновенно фигурой медвѣдя или птицы; на Ю., въ области чувашъ и горныхъ черемисъ — фигурой коня. Ковши съ коньками на ручкѣ оказываются поразительно сходными у чувашъ и черемисъ. Это какъ будто произведенія одного народа, равнообразящіяся въ мелочахъ по деревнямъ и семьямъ.

Собраніе инородческихъ головныхъ уборовъ включаетъ въ себѣ черемисскіе, мордовскіе, чувашскіе, пермяцкіе, вотяцкіе и татарскіе головные уборы. При всемъ кажущемся разнообразіи, они распадаются на три главныхъ группы: къ первой относятся уборы съ коническимъ верхомъ — тюрики, къ

второй сороки или кокошники, къ третьей шапочки, убранныя бисеромъ и монетами. Мы имѣемъ здѣсь возможность наблюдать исторію развитія основныхъ формъ приволжскаго головнаго убора. Первообразомъ тюрика является кусокъ ткани, перегнутой пополамъ и спитый съ одного конца. Въ своей простѣйшей формѣ этотъ головной уборъ удержался у вырлянъ и называется «накомарникомъ», такъ какъ защищаетъ щеки и шею отъ укусовъ комаровъ.

Головныя, шейныя, грудныя и поясныя украшенія инородцевъ Волжско-Камскаго края, предлагая обильный матеріалъ, относящійся къ вышиванью, даютъ возможность различить основные типы орнамента по народностямъ. Сравнивая узоры на остяцко-вогульскихъ берестяныхъ издѣліяхъ и одеждахъ, на пермяцкихъ головныхъ уборахъ и опояскахъ, на щитахъ съ вотяцкими и черемисскими вышивками, мы находимъ, что въ отношеніи орнаментальныхъ мотивовъ всѣ восточные финны распадаются на три группы. Первую группу составляютъ пермяки, вогулы и остяки. Пермяки перенесли на ткацкія работы орнаментальные мотивы, выработанные въ пору, когда они одѣвались въ звѣриныя шкуры (что такая пора у пермяковъ была, свидѣтельствуется языкъ). Вторую группу въ области орнамента представляютъ собою вотяки. Въ отличіе отъ пермяцкаго вотяцкаго орнамента имѣетъ ясно выраженный геометрическій характеръ: мы видимъ различнымъ образомъ скомбинированные треугольники и многоугольники. Черемисскій орнаментъ выдѣляется изъ другихъ финскихъ и богатствомъ мотивовъ и ихъ сравнительной оригинальностью. Начельши «сорокъ» Яранскаго и Ветлужскаго уѣздовъ, покрыты довольно отчетливо выполненнымъ звѣринымъ орнаментомъ: на одномъ начельшѣ представлены два животныхъ, симметрично расположенныхъ по бокамъ дерева, на другомъ два животныхъ съ птицей надъ каждымъ. Рядомъ имѣютъ мѣсто образцы растительнаго орнамента. Всмотриваясь въ черемисскія и чувашскія вышивки, мы открываемъ въ нихъ такъ же, какъ и въ посудѣ, замѣчательное тождество мотивовъ. Вышивки черемисокъ Козмодемьянскаго уѣзда оказываются совершенно однородными по мотивамъ съ чувашскими изъ того-же уѣзда; это совпаденіе наблюдается и внѣ Козмодемьянскаго уѣзда въ пограничныхъ черемисскихъ селеніяхъ Царевкокшайскаго. Вышивки низовыхъ чувашекъ въ свою очередь оказываются иногда черта въ черту тождественными съ вышивками черемисокъ заволжной, противолежащей стороны. Это сходство техники и мотивовъ говоритъ о культурномъ взаимодействіи сосѣднихъ, но не родственныхъ народовъ. Помимо своего происхожденія и сходства съ чувашскимъ, черемисскій орнаментъ обнаруживаетъ еще одну любопытную черту: отдѣльные мотивы оказываются замѣчательно близкими къ мотивамъ чудскихъ бронзовыхъ издѣлій: рисунокъ, изображающій животное съ парящей надъ нимъ птицей, поразительно напоминаетъ бронзовую группу, находящуюся въ коллекціи Э. А. Теплоухова. Чувашскія вышивки даютъ возможность указать лишній признакъ, обособляющій верховыхъ чувашъ (живутъ въ Козмодемьянскомъ, Ядринскомъ и части Чебоксарскаго уѣзда — на З. отъ р. Цивилия) отъ низовыхъ (живутъ главнымъ образомъ въ Чебоксарскомъ и Цивильскомъ уѣздахъ). Объединяясь между собою отсутствіемъ звѣринаго орнамента — въ отличіе отъ черемисскихъ — узоры верховыхъ и низовыхъ чу-

вашь различаются во всемъ остальномъ. У нивовыхъ чувашь мы видимъ тяготѣніе къ растительному орнаменту — цвѣтамъ; верховые разрабатываютъ почти исключительно геометрической орнаментъ.

Шейныя и грудныя украшенія заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ, интересный, помимо своего бытового значенія, и съ точки зрѣнія культурно-исторической: здѣсь мы еще разъ наталкиваемся на фактъ культурнаго взаимодѣйствія тюркскаго и финскаго міра. Среди черемисскихъ украшеній замѣстительствіемъ у тюрковъ представляется перевязь черезъ плечо (ши—аршашъ). Мы видимъ ее въ витринѣ съ чувашскими украшеніями и въ витринѣ, заключающей въ себѣ принадлежности женскаго башкирскаго костюма. Здѣсь она является въ видѣ ленты, унизанной серебряными деньгами съ подушечкой, въ которой зашита молитва. Витрины съ шейными и грудными украшеніями заключаютъ въ себѣ матеріалъ не для однихъ только сужденій о взаимодѣйствіи приволжскихъ тюрковъ и финновъ. Мы находимъ въ нихъ и такія вещи, которыя позволяютъ установить связь между современными инородцами волжско-камскаго края и тѣми исчезнувшими поколѣніями, могилы которыхъ даютъ матеріалъ для археологическихъ коллекцій.

Звенномъ, соединяющимъ современныя инородческія вещи съ древними чудскими и мерянскими являются вещи, извлеченныя изъ инородческихъ могилъ—вотяцкихъ, черемисскихъ, мордовскихъ (эрянскихъ и мокшанскихъ). Вещи эти добыты по большей части членами Общества Естествоиспытателей—гг. Маліевымъ, Стояновымъ, Чугуновымъ и составляютъ собственность этого Общества.

Коллекція инородческихъ одеждъ заключаетъ въ себѣ костюмъ мордвы-терюханъ Нижегородской губерніи—последній признакъ народности, по формамъ тождественный съ эрянскимъ, костюмъ Мещеряковъ, народности, которая, говоря, подобно терюханамъ, по русски, тѣмъ не менѣе сама обособляетъ себя отъ русскихъ, старинныя одежды крещенныхъ татаръ также, какъ религія и зародыши искусства, обособляющія ихъ отъ татаръ-мусульманъ. Онѣ сдѣланы изъ бѣлаго холста и расшиты, подобно чувашскимъ и черемисскимъ, шелкомъ.

Небольшая коллекція стариннаго черемисскаго вооруженія даетъ понятіе о томъ, какое оружіе употреблялось приволжскими вѣроловами еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Особеннаго вниманія заслуживаютъ стрѣлы съ костяными наконечниками, употреблявшіяся одновременно съ стрѣлами, у которыхъ наконечники уже желѣзные, берестяной колчанъ одного рода съ тѣмъ, который обнаруженъ недавно С. К. Кузнецовымъ въ древнихъ могильникахъ близъ Томска. Коллекція, иллюстрирующія бытъ приволжскихъ инородцевъ заканчиваются предметами, относящимися къ вѣрованіямъ и культу. Здѣсь имѣютъ мѣсто рисунки карандашемъ, изображающіе моленіе и сдѣланные черемисиною, лыко, которое обгаряется первой струей крови жертвеннаго животнаго и которымъ опоясывается священное дерево, вотяцкій «воршудный» коробъ—коробъ, въ которомъ хранятся жертвы домовому божеству, а иногда помѣщается и изображеніе этого божества—равбитыя чашки, деревянные корытца, грубые горшки и нѣчто въ видѣ деревянной кирки знако-

мящія насъ съ особенностями погребенія и возвращенія на загробную жизнь у инородцевъ края.

Средне-Азиатская коллекція Галеева содержитъ образцы бухарскаго вооруженія; мы видимъ народъ, который еще пользуется сѣкирой, лукомъ, стрѣлами, прикрываетъ себѣ грудь броней или желѣзнымъ нагрудникомъ. Но у этого народа мы встрѣчаемъ уже мысль о возможности пользоваться давлениемъ воздуха для выбрасыванья бьющихъ снарядовъ. Въ коллекціи имѣется сдѣланный изъ жилъ длинный стволъ, изъ котораго охотникомъ выдувается въ цѣль глиняный шарикъ—снарядъ, который является первообразомъ ружья. Бѣднѣе другихъ отдѣловъ музея Русскій: въ него входятъ фотографіи, дающія понятіе о типѣ русскаго населенія расположившагося съ XVII в. среди низовыхъ чувашъ въ окрестностяхъ Маринскаго Посада (Чебокс. у. Каз. г.), модели сѣверно-русскаго дома, фотографіи, знакомящія съ формами народной архитектуры Нижегородской, Вятской и Костромской губерній, перенесенными на З. Казанской губерній, манекенъ г. Нелидовой, дающій понятіе о костюмѣ, который носился въ Казанской губерній въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка, женскій костюмъ Вятской губерній, 2 женскихъ костюма Нижегородской губерній и нѣсколько образцовъ головныхъ женскихъ уборовъ изъ губерній Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Пензенской. Между русскими вещами заслуживаетъ исключительнаго вниманія расшитый шелкомъ кокошникъ Казанской губерній. Это единственный въ музеѣ и отсутствующій въ богатыхъ собраніяхъ русскихъ головныхъ уборовъ Москвы (Историческій и Дашковскій Музеи) образецъ русскаго шитаго шелкомъ головного убора и звено, соединяющее инородческія шитыя шелкомъ и шерстью сороки съ шитыми золотомъ, мишурой, бисеромъ, жемчугомъ, русскими кокошниками *). Въ послѣднее время русскій отдѣлъ обогатился цѣнными пожертвованіями Н. Л. Шабельской — принадлежностями женскаго костюма Тульской и Рязанской губерній, кружевами, вышивками.

И. Смирновъ.

МУЗЕЙ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФІИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Музей расположенъ въ небольшомъ помѣщеніи въ зданіи университета. Въ составъ его входятъ коллекціи, принадлежащія Обществу А. И. Э., антропологическіе и археологическіе предметы принадлежащія Обществу Естествоиспытателей и Геологическому Кабинету Университета. Въ общемъ музей представляетъ довольно полно археологическія особенности Казанской и прилегающихъ къ ней губерній.

*) Подробности см. въ нашей брошюрѣ: «Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ».

Каменный вѣкъ представленъ очень полно. Палеолитическій періодъ представленъ слѣпками и подлинными орудіями, происходящими изъ разныхъ мѣстъ Франціи, неолитическій—орудіями, оружіемъ и разными предметами домашняго быта изъ свайныхъ построекъ Швейцаріи. Отдѣлъ неолитическихъ орудій включаетъ въ себѣ обширную коллекцію (около 1500 экз.) предметовъ, найденныхъ въ губерніяхъ Казанской, Вятской, Нижегородской, Пермской и др. Большая часть этой коллекціи принадлежитъ геологическому кабинету. Одни предметы куплены у разныхъ лицъ, другіе собраны въ мѣстахъ поселеній и стоянокъ каменнаго вѣка по обоимъ берегамъ Волги въ сс. Мордовѣ, Карташихѣ и пр.

Бронзовый или мѣдный вѣкъ представленъ довольно значительнымъ собраніемъ отдѣльныхъ предметовъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Казанской и сосѣднихъ губерній. Наибольшій интересъ представляютъ въ этой коллекціи вещи, добытыя путемъ раскопокъ Ананьинскаго могильника — который относится къ концу бронзоваго вѣка. Къ этому-же періоду относятся древности Кавказа (Кобань и Кагабульчи) принесенныя въ даръ Обществу графиней П. С. Уваровой.

Железные вѣкъ, принадлежащій уже исторіи, представленъ въ музеѣ наиболѣе полно. На первомъ планѣ тутъ стоятъ древности болгаро-татарскія. Коллекціи ихъ собраны въ разныхъ городищахъ Казанской губерніи—преимущественно въ Болгарахъ и Билярскѣ. Главная масса этихъ вещей собрана путемъ отдѣльныхъ находокъ. Коллекція состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 3000 предметовъ, не считая серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, которыхъ имѣется нѣсколько тысячъ. Кромѣ этой основной коллекціи болгаро-татарскихъ древностей можно еще указать на небольшое собраніе предметовъ той-же категоріи изъ Укека и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ. Весьма любопытны относящіяся къ этому-же времени коллекціи изъ могильниковъ Костромской губерніи, изъ костыщъ и городищъ Пермской и Вятской—и аналогичныя коллекціи изъ костыщъ около Сорочьихъ Горъ и Шурана въ предѣлахъ Казанской губерніи (на берегахъ р. Камы)*).

А. Штуфенбергъ.

ЭКСКУРСИИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ.

Раскопка «четырехугольника» въ с. Болгарахъ.—9—17 іюня сего года въ Болгарахъ происходили на средства Императорской Археологической Коммиссіи раскопка развалинъ такъ называемаго четырехугольника. Задача раскопокъ состояла въ томъ, чтобы обнаружить планъ и остатки зданія, погребеннаго подъ грудой мусора. Раскопки велись коммиссіей, въ составъ которой входили члены Общества Н. А. Эирсовъ, И. А. Износковъ,

*) Съ подробностями читатели могутъ ознакомиться изъ каталога коллекцій, который начнется печатаніемъ въ ближайшихъ №№ «Извѣстій».

Ө. Г. Мищенко и И. Н. Смирновъ, и привели къ довольно существеннымъ результатамъ: освобождена параллельная улицѣ стѣна зданія—длиною около 15 саж., вышиной до 1 саж.—съ двумя выступами въ видѣ крылецъ, расчищена вся внутренняя площадь четырехугольника, разчлененная рядами базъ отъ поднимавшихся надъ ней колоннъ, выяснено отношеніе башенъ къ зданію. Подробности будутъ сообщены въ слѣдующей книжкѣ «Извѣстій».

Новѣйшая экскурсія къ Вотьякамъ. Въ половинѣ іюня вернулся изъ восьми-мѣсячной экскурсія къ Вотьякамъ магистръ Гельсингфорскаго Университета Г. Вихманъ. Экскурсантъ собралъ материалы для вотьяцкаго словаря, собраніе пѣсенъ и загадокъ и любопытныя детали относительно быта Вотьяковъ.

МАТЕРИАЛЫ.

А) АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ.

Памятники татарской старины въ дачѣ села Сюкеева:
Тегюшскаго уѣзда.

Въ дачѣ села Сюкеева Тегюшскаго у. Каванской губ. находится урочище, называемое «Татарскимъ жилищемъ». Это жилище расположено въ 3-хъ верстахъ отъ села на юговостокъ, въ 2-хъ верстахъ отъ р. Волги, въ 16 верстахъ отъ мѣста древняго Булгара. Жилище лежитъ на совершенно ровномъ мѣстѣ и занимаетъ площадь, до 500 десятинъ земли, а вовсе не на мысу, между двухъ глубокихъ суходоловъ, какъ напечатано о немъ у Мельникова и валами съ двухъ сторонъ вовсе не ограждается. Татарское жилище занимало не менѣе половины квадратной версты земли; въ этомъ убѣждаютъ насъ разбросанные на такомъ пространствѣ черепки глиняной посуды — нѣкоторые съ такими орнаментами, которые встрѣчаются и на посудѣ древняго Булгара; убѣждаютъ въ томъ же и известковые камни, выломанные изъ сосѣднихъ приволжскихъ горъ для фундаментовъ домовъ и разбросанные на томъ же пространствѣ, — затѣмъ также находеніе здѣсь мѣдныхъ и серебряныхъ монетъ, золотыхъ и серебряныхъ колецъ, серебряныхъ браслетъ и одного экземпляра серебряной гривны. По опредѣленію нѣкоторыхъ мѣдныхъ монетъ, сдѣланномъ бывшимъ членомъ Императорскаго Каванскаго Общества А. И. и Э. В. К. Савельевымъ, оказалось, что между ними были монеты и Хызръ - Хана 762 года (1384 г. по Р. Хр.). Тутъ-же имѣется другой городокъ, который былъ мнѣ указанъ техникомъ сюкеевскаго сѣрнаго завода Н. Р. Шишкинымъ. Здѣсь также были находимы вмѣстѣ съ другими монетами и монеты Хызръ - Хана. Этотъ послѣдній городокъ находится въ 5 верстахъ отъ с. Сюкеева, на юговостокъ, въ 2-хъ верстахъ отъ описаннаго жилища и въ 200 саж. отъ р. Волги, на высотѣ 100 саж. надъ уровнемъ ея, на разстояніи 12 верстъ отъ древняго Булгара.

Площадь жилища по формѣ приближается къ квадрату, гдѣ каждая сторона достигаетъ 250 саж.; а площадь городка представляется въ видѣ фигуры, близкой къ трапеціи, гдѣ западная сторона городка равняется 28 саж., сѣверо-восточная — 22 саж., сѣверо-западная — 37 саж. и юго-западная — 16 $\frac{1}{2}$ саж.

Городокъ имѣетъ ровъ и валъ лишь съ сѣверо-запада, а съ остальныхъ сторонъ его укрѣпленій не существовало, да въ нихъ не было и надобности, такъ какъ со всѣхъ остальныхъ сторонъ городка спускается внизъ гора на протяженіи около 150 сажень подъ угломъ не менѣе 80°. Высота сохранившагося вала составляетъ 1½ саж., ширина его 3 саж., глубина рва 2 саж. Валъ къ площади городка примыкаетъ плотно съ сѣверо-восточной стороны. Ровъ идетъ параллельно валу и, по окончаніи его, тотчасъ же спускается своими обоними концами внизъ. Въ срединѣ онъ шире, почти въ 2 раза, чѣмъ по краямъ. Въ городкѣ останавливается на себѣ вниманіе круглый фундаментъ постройки съ діаметромъ въ 3 саж.; такого же размѣра ямы со слѣдами каменныхъ фундаментовъ. Фундаментъ одинъ сохранился вполне хорошо, толщина его въ верхней части равняется аршину, а глубина ямы достигаетъ 1 сажени. Кургановъ около городища нѣтъ, но имѣются мазарки, т. е. кладбища. Послѣднія находятся въ 1½ верстахъ отъ жилища, въ 3¼ верстахъ отъ городка и въ 1¼ верстахъ отъ села Сюкеева. Упомянутое кладбище во всякомъ случаѣ могло принадлежать жилищу, когда на немъ былъ городъ. По преданію крестьянъ с. Сюкеева, на упомянутомъ кладбищѣ болѣе никого не хоронятъ. Въ старое время, лѣтъ 250 тому назадъ въ с. Сюкеевѣ жили татары *) и имѣли свою мечеть. Около Сюкеева былъ значительный черный лѣсъ, за версту же отъ него, къ сѣверо-востоку, росъ крупный дубнякъ и мѣсто это называлось дубравой, то же названіе сохранилось за нимъ и теперь, хотя самой дубравы нинѣ нѣтъ и въ поминѣ; чернолѣсье также все вырублено и вся земля, бывшая подъ лѣсомъ, обращена въ пахатное поле. Основаніе с. Сюкеева мѣстными жителями приписывается татарину Сюкею, впервые поселившемуся со своимъ семействомъ на этомъ мѣстѣ.

Г. Глинскій, проживавшій въ с. Сюкеевѣ, воспользовался преданіемъ о находящемся вблизи жилища кладѣ и сталъ рыть землю. Преданіе оказалось отчасти справедливымъ, такъ какъ г. Глинскому удалось дѣйствительно найти костякъ челоуѣка, лежавшій подъ плитой, а черезъ 16 аршинъ послѣ него отверстие и даже встрѣтить новую плиту. Около костяка, какъ сообщаютъ, найдено было нѣсколько мѣдныхъ монетъ. Слѣдуетъ добавить, что, по словамъ г. Глинскаго, вторая плита до потолка вырытой пещеры не доходитъ; а потому, когда онъ влѣзалъ на верхъ плиты, то видѣлъ за ней куполообразный потолокъ съ отверстиемъ, прикрытый каменною плитою. При входѣ въ пещеру г. Глинскимъ найдено было въ разныхъ положеніяхъ нѣсколько человѣческихъ костяковъ. Земля въ пещерѣ оказалась мелкая и сухая, откуда г. Глинскій, принимая во вниманіе отверстие куполообразнаго потолка, заключилъ, что земля въ пещеру насыпалась сверху торы, гдѣ было продѣлано отверстие. Стѣны пещеры, полъ и потолокъ ея

*) Въ дачахъ с. Сюкеева и до сихъ поръ естъ земля, находящаяся во владѣніи мурзъ древнихъ татарскихъ родовъ; мурзы эти живутъ теперь въ разныхъ татарскихъ деревняхъ Тетюшскаго уѣзда.

состоять изъ алебастра. Имъ же при дальнѣйшихъ развѣдкахъ найдена древняя купальня, высѣченная изъ камня.

Находками въ жилищѣ, какъ упомянуто выше, являются мѣдныя и серебряныя монеты, встрѣчавшіяся и въ городкѣ, золотыя и серебряныя кольца, серебряныя вещи и такіе же браслеты и экземпляръ древней гривны серебра. Монеты, по опредѣленію казанскаго нумизмата-практика В. К. Савальева, относились какъ къ періоду 1251 — 1259 г.г. съ именемъ Менгу-Каана—верховнаго, Берки-Хана, Менгу-Тимура-Хана, такъ и къ 1301, 1325 *), 1360 и 1384 г.г., гдѣ съ послѣднимъ годомъ монеты принадлежатъ Хызръ-Хану.

Много мѣдныхъ монетъ, найденныхъ крестьянами с. Сюкеева и ихъ дѣтьми, растеряно и только небольшая часть ихъ сдѣлалась достояніемъ музейе и попала въ руки людей науки; серебряныхъ монетъ нумизматы добыли еще меньше, такъ какъ значительное количество ихъ скупалось и спускается мѣстными серебряками и обращается въ слитки, а затѣмъ идетъ на различныя подѣлки, что является общимъ характеристическимъ условіемъ для всѣхъ находокъ, гдѣ бы онѣ не получались изъ благородныхъ металловъ; таже участь постигла и найденные на татарскомъ жилищѣ серебряныя браслеты, золотыя и серебряныя кольца, а также древнюю серебряную гривну, которую, къ счастью, мнѣ удалось видѣть и срисовать. Гривна состояла изъ чистаго серебра и имѣла вѣсъ ровно 46 золотниковъ. Серебро мѣстами окислилось и почернѣло, но весьма незначительно; сплавлено оно совершенно безъ всякихъ примѣсей. Принимая во вниманіе, что гривны серебра въ древней Руси были въ большемъ ходу до XIV вѣка, а также имѣя въ виду нахожденіе въ городкахъ упомянутыхъ выше монетъ и останавливаясь на ихъ датѣ и другихъ перечисленныхъ находкахъ, мы можемъ съ твердой увѣренностью сказать, что существованіе городковъ должно быть отнесено не ранѣе, какъ къ XII вѣку, когда описываемая мѣстность была въ предѣлахъ Булгарскаго царства и господствующая народность, которой они принадлежали, были Чуваши, какъ главнѣйшая часть населенія Булгаріи. Русскія же древнія гривны серебра могли попасть въ ту мѣстность путемъ торговыхъ сношеній Булгаръ или Чувашъ, съ Русскими.

8. Соловьевъ.

Развалины каменнаго городища близъ с. Рус. Канадея въ Сызранскомъ уѣздѣ.

Эти развалины, о которыхъ было высказано предположеніе, что онѣ составляютъ остатки нѣкогда бывшаго здѣсь Болгарскаго городка, разореннаго татарами ¹⁾, находятся верстахъ въ 5 къ сѣверозападу отъ упомянутаго села

*) О монетахъ 1301 и 1325 г.г. сообщено было мною Каванскому Археологическому Обществу въ январѣ 1882 г.

¹⁾ См. с. Канадей въ Географич. Словарѣ Семенова.

по пути въ с. Головино и въ 1 верстѣ отъ праваго берега р. Сызранки и извѣстны на мѣстѣ подъ названіемъ «Чертова Городка». Онѣ расположены на горѣ и представляютъ въ настоящее время цѣлый небольшой холмъ каменной росыпи очень плотной и заросшей травой; середину этого холма образуетъ впадина. Среди груды камней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по окружности холма до сихъ поръ сохранились еще выступающіе наружу остатки стѣнъ или фундамента повидимому одного и того же зданія круглой формы. Эти стѣны состоятъ изъ явственно различныхъ слоевъ плитъ темнокраснаго песчаника, длина которыхъ доходитъ иногда въ доступныхъ осмотру мѣстахъ до $3\frac{1}{2}$ арш. при ширинѣ въ $1\frac{1}{2}$ и болѣе арш. и толщинѣ до 8 верш. Судя по сохранившимся остаткамъ стѣнъ, діаметръ этого зданія имѣлъ въ основаніи около 10 сажень. Въ ближайшей окрестности такого камня, какъ тотъ, изъ коего было построено это зданіе, не встрѣчается. Крестьяне с. Канадея издавна брали этотъ камень изъ городка для точилъ и даже жернововъ; старожилы между ними помнятъ еще на южной сторонѣ городища стѣну вышиною болѣе сажени и входъ въ него съ сѣвера со стороны р. Сызранки. О находкахъ въ этихъ развалинахъ никакихъ преданій не сохранилось.

Въ разстояніи около 50 саж. отъ описаннаго городка находятся три холма въ видѣ кургановъ такой же величины, какъ и городокъ, но немного пониже его; они состоятъ изъ каменнаго щебня той же породы и уже повидимому не содержатъ въ себѣ слѣдовъ каменной кладки; они изрыты, такъ какъ камнемъ ихъ также пользовались мѣстные крестьяне. Два изъ нихъ находятся на западъ отъ главнаго городка въ разстояніи 50 саж. другъ отъ друга и одинъ на востокъ отъ него.

По народному преданію, впрочемъ очень смутному, два западные кургана также представляли каменные постройки около описаннаго выше главнаго зданія. Теперь однакоже никакой существенной разницы между всѣми этими тремя курганами не замѣчается и по всей вѣроятности всѣ они вмѣстѣ съ главнымъ принимали участіе въ образованіи предполагаемаго Болгарскаго городка.

О. О. Чехлинь.

Рождественскій курганъ и прилегающія къ нему мѣстности.

Рождественскій курганъ находится въ $\frac{3}{4}$ версты отъ деревни Дятловой, въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ села Рождествена и полуверстѣ отъ большой ланшевской дороги, на правомъ берегу р. Меши. Такъ какъ «курганъ» съ давняго времени подвергается разрушенію полой водой, то въ настоящее время остается отъ него небольшая часть представляющая собою отсѣченный край конуса, обрамленный вертикальною стороною къ обрыву рѣки. Сохранившая часть его имѣетъ въ основаніи около 20 арш., высоту отъ вершины гребня по обрыву до глинистаго подпочвеннаго слоя до 4 арш. Въ «курганѣ» съ обрывистой сто-

роны его подь самымъ гребнемъ видны слѣды двухъ четырехугольниковъ по формѣ похожихъ на могильныя ямы, подь которыми въ низу обрыва образовалась отлогая осыпь; отъ нея рѣка отходитъ ежегодно далѣе и далѣе, оставляя наносъ песку, саж. на 15 внизъ по рѣкѣ. Въ отвѣсномъ берегѣ, при ежегодномъ его размываніи полою водой обнаруживаются съ верху въ глубину правильныя четырехугольныя ямы, наполненныя черноземной массой и рѣзко выдѣляющіяся своимъ очертаніемъ въ глинистомъ слоѣ; количество этихъ ямъ, принимаемыхъ нѣкоторыми за древне-татарскія могилы, отъ опусканія берега въ воду, ежегодно мѣняется. Лѣтомъ 1887 г. ихъ насчитывалось до 20; разстояніе ихъ одна отъ другой не равномерно: иногда онѣ являются группами по 3, 4, 5 вмѣстѣ, иногда по одиночкѣ,—то близко, то на значительномъ разстояніи; какъ ширина, такъ и глубина ихъ также различны: отъ 2 до 4 арш. сверху до низу и отъ 1½, до 3 по длинѣ берега. При раскопкѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ ямъ въ наполнявшемъ ихъ черноземѣ, я находилъ: волю, уголь, куски сгнившаго дерева, красныя и черныя глиняныя посудныя черепки, кости различныхъ животныхъ, между прочимъ, кости лошади, собаки, и изрѣдка — человѣческія. Все это находится въ разрозненности, по всему углубленію; костяковъ же въ цѣломъ своемъ видѣ находить не удавалось. Къ культурнымъ остаткамъ древняго народа, населявшаго эту мѣстность, относятся находки, иногда попадающія въ береговыхъ отвалахъ—мѣдныя, желѣзныя вещи и глиняная посуда. Въ 1887 г. мои розысканія обнаружили и находки серебра. Обнаруженіе мѣстныхъ находокъ зависитъ отъ обваловъ берега и относится (хотя не исключительно) къ весеннему времени (до спада полои воды). Рассказываютъ случай появленія здѣсь послѣ обвала въ берегѣ какой то большой металлической посуды, которая, прежде чѣмъ видѣвшіе имѣли возможность достать ее, опустилась съ новымъ обваломъ въ рѣку. 26 мая 1887 г. я проѣзжалъ здѣсь въ лодкѣ съ двумя рождественскими учениками. Мы держались близь самаго берега, внимательно разсматривая, выходящую тогда день отъ дня болѣе, береговую осыпь и всматриваясь у края ея въ воду; на откосѣ этой осыпи у воды, между глиняными камнями, въ разстояніи сажень 50 отъ «кургана», мы увидѣли бѣлѣвшійся металлическій предметъ; вышедши изъ лодки, я выдернулъ его за край изъ расплывшейся черноземной массы, и это оказалась витой металлическій кругъ съ погремущами; ватѣмъ въ двухъ шагахъ выше я поднялъ браслетъ, кольцо и набралъ еще нѣсколько кусочковъ металла; сдѣлавши тутъ, совмѣстно съ учениками, небольшую раскопку, мы нашли еще нѣсколько такихъ же металлическихъ кусочковъ. Найденные предметы оказались серебряными (за исключеніемъ браслета, который, какъ видно, не изъ чистаго металла); первыя три вещи, весьма вѣроятно, принадлежали къ женскому украшенію: 1) ожерелье, въ видѣ круга, свито изъ трехъ серебряныхъ жгутовъ въ двѣ проволоки, скованныхъ къ концамъ въ одну, застегивается сверху двумя загибами; по среднѣ жгутовъ, на тонкихъ цѣпочкахъ въ 1 вершокъ длины, висятъ подвѣсы-бубенчики ложжіе по формѣ и величинѣ на желуды, внутри которыхъ находятся маленькіе металлическія жеребечки; такихъ погремущекъ въ цѣлости оказалось 10, но смотря по находящимся еще цѣпочкамъ безъ подвѣсокъ, ихъ было

больше. Кругъ этотъ имѣетъ 32 дюйма по окружности и вѣситъ 68 золотниковъ; 2) браслетъ свить также изъ 6 проволокъ, скованныхъ на концахъ лопатками, но по сравненію съ ожерельемъ, другаго образца завивки; 3) перстень средней величины довольно сношенный и истертый, на кружкѣ котораго вмѣсто камня видны слѣды, повидимому, арабской надписи; 4) серебряные кусочки, которыхъ оказалось не много болѣе фунта (въ томъ числѣ еще добытые мною раскопкой въ другія поѣздки) имѣютъ различную величину и по вѣсу отъ $\frac{1}{2}$ золотника до $\frac{1}{8}$ фунта; всѣ они рублены жеребейками и, смотря по большимъ кускамъ, серебро это было въ формѣ трубокъ или жолобоквъ. Противъ полосы этихъ находокъ въ стѣнѣ берега сверху видны 3 четырехугольника описанныхъ выше ямъ; изъ которыхъ отъ одной оставались едва замѣтные слѣды и послѣдняя приходилась какъ разъ надъ мѣстомъ находокъ, почему можно предположить, что они свалились изъ этой ямы. Въ это же время саженъ на 40 ниже того мѣста, у самой воды, среди также расплывшагося чернозема, я поднялъ человѣческой черепъ, не подалеку отъ его—2 тазовыя кости и нѣсколько другихъ; всѣ они были, повидимому, отъ одного костяка, вѣроятно, вымытаго также изъ обваловъ. Около мѣстонахожденія упомянутыхъ мною находокъ одинъ ученикъ нашелъ еще глиняную посудину, края которой немного выступали изъ размытой осыпи, а самая посудина была въ землѣ и наполнена иломъ; по формѣ она похожа на горшечекъ, съ 4 ушками, судя по которымъ, становится загадочнымъ опредѣлить ея назначеніе. По рассказамъ мѣстныхъ жителей о «рождественскомъ курганѣ» лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ «курганъ» сохранялъ свою полную вышину, поднимаясь саженъ на 5 вверхъ; на вершинѣ его было небольшое углубленіе; стороны его были настолько круты, что едва можно было туда взобраться. Въ одно время, много лѣтъ тому назадъ, осыпавшійся у кургана берегъ, обнаружилъ углубленіе внутри земля на подобіе печи, гдѣ было найдено много глиняной посуды, которая, къ сожалѣнію, донныѣ ни у кого не сохранилась. Осыпающійся берегъ съ ямами тогда былъ отъ большой дороги въ разстояніи полуверсты (нынѣ середина дуги берега находится саженъ на 5 отъ телеграфнаго столба) ямъ показывалось въ берегѣ больше, чѣмъ нынѣ, но вообще количество ихъ послѣ ежегодныхъ разрушеній мѣнялось. Утверждаютъ, что давно когда-то здѣсь жили татары, которые куда-то убрались. Весною 1887 г. мнѣ удалось здѣсь не въ далекомъ изслѣдовать еще одну интересную въ археологическомъ отношеніи мѣстность, также по р. Мешѣ, въ полуверстѣ по прямому направленію вверхъ отъ «кургана», на одной съ нимъ сторонѣ. Мѣстность эта представляетъ низменную луговую впадину близъ дер. Дятловой и Пановой. Среди этой впадины есть возвышенный полукругъ, имѣющій длину дуги около версты одинъ конецъ этой дуги сходитъ въ Мешу, а другой—на луговую низменность. Говорятъ въ старину этотъ полукругъ окружала канава съ насыпью, а нынѣ мѣсто это распахано подъ посѣвы хлѣбовъ и слѣды канавы изгладились, но осталось замѣтнымъ возвышеніе, ограничивающее этотъ полукругъ; на нижнемъ концѣ его (по рѣкѣ) въ разрушающемся берегѣ, высота котораго здѣсь отъ $\frac{1}{2}$ до 2 саж., видны такія-же четырехугольныя ямы, какъ и близъ кургана; здѣсь подъ обрывомъ и въ самыхъ ямахъ я нашелъ человѣческія кости. По рассказамъ дятловскихъ крестьянъ, таковыя кости

падаютъ здѣсь всегда послѣ половодья, нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ крестьянинъ здѣсь въ берегѣ нашелъ два мѣдныхъ котла, а разъ на самомъ возвышеніи, окружающимъ эту впадину, у д. Дятловой, при рытвѣ ямы для овина былъ найденъ цѣлый костякъ; далѣе по отлогому скату той же возвышенности при распашкѣ земли иногда находятъ человѣческія кости.

П. Яновскъ.

Кубашевское городище около Царевосанчурска.

Это городище называется мѣстными жителями Борокъ и расположено недалеко отъ дд. Кубашеной и Шуи, въ 1 верс. къ югу отъ царевосанчурско-ветлужскаго тракта и въ 3—5 верс. отъ Царевосанчурска. А. А. Спицынъ въ своей статьѣ «Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края» описываетъ это городища (стр. 18) подъ именемъ Кубашевскаго кургана, а въ статьѣ «Вещественные памятники древнѣйшихъ обитателей Вятскаго края» (стр. 3) относитъ его, подъ именемъ шуйскаго, къ особой группѣ городищъ, называемой имъ одо-лемами, вродѣ ернурскаго одо-лема. Впрочемъ, на стр. 30 «Новыхъ свѣдѣній» г. Спицынъ описываетъ подъ именемъ городища при д. Шуя, вѣроятно, это же кубашевское городище. Въ виду упомянутого равногласія является необходимымъ заявить, что кубашевское городище есть дѣйствительно городище, какъ я убѣдился въ этомъ путемъ непосредственнаго осмотра его. Оно расположено на высокомъ коренномъ берегу Мамошки, около впаденія ея въ Б. Кокшагу. Этотъ берегъ сложенъ изъ пермскихъ сѣрыхъ и желто-бурыхъ песковъ и тянется крутымъ урвцомъ съ ВСВ на ЗЮЗ, а въ сѣверо-южномъ направленіи эти высоты здѣсь прорѣзаются узкимъ и глубокимъ оврагомъ. Вслѣдствіе этого, при впаденіи указаннаго оврага въ долину Мамошки, образовался узкій и острый мысъ, который и занялъ городищемъ. Площадка его имѣетъ треугольную форму и вытянута съ СВ на ЮЗ. Съ сѣверо-востока это городище защищалось высокимъ валомъ, въ которомъ находится не глубокой ровъ. Валъ сложнаго устройства и очень изрытъ кладочисателями и другими любителями. Въ составѣ его—масса песку, перемѣшаннаго съ углемъ, золой; тутъ же встрѣчаются обломки кирпичей. На сколько мнѣ извѣстно, на этомъ городищѣ не было найдено никакихъ предметовъ, а циркулирующія въ народѣ преданія о немъ были сообщены уже г. Спицынымъ (Новыя свѣдѣнія, стр. 18 и 30).

Изъ вышеизложеннаго вытекаетъ, что кубашевское городище не имѣетъ ничего общаго съ ернурскимъ одо-лемомъ. Болѣе вѣроятно, что оно было передовымъ укрѣпленнымъ пунктомъ Царевосанчурска, расположеннаго недалеко отсюда, за широкой и замѣчательно плоской долиной Мамошки-Кокшаги. Но для полнаго уясненія характера этого городища необходимо тщательное собраніе на мѣстѣ различныхъ свѣдѣній о немъ, что принялъ на себя священникъ сосѣдняго села Галицкаго, членъ-сотрудникъ Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи А. Д. Жилинъ.

П. Кротовъ.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Записки Уральского Общества Любителей Естествознанія. Т. XII, вып. 2. Т. XIII, вып. 1 (Екат. нед. 1892 г.).

Разсматриваемые выпуски «Записокъ» Урал. Общества содержать въ себѣ рядомъ съ протоколами нѣсколько статей по мѣстной археологіи и этнографіи. Таковы въ XII т. вып. 2 статьи А. А. Дмитріева «Народное творчество въ Билимбаевскомъ заводѣ Екатеринбургскаго уѣзда Пермской губерніи» (по матеріаламъ П. А. Шилкова), И. Г. Остроумова «Резюмѣ реферата о Вогулахъ», его-же «Курганы восточной части Ирбитскаго уѣзда Пермской г.». Д. П. Никольскаго «О раскопкахъ древнихъ Башкирскихъ могилъ въ Екатеринбург. у.» и въ приложеніяхъ сообщеніе С. М. Сергѣева о поѣздкахъ лѣтомъ 1889 г. на «Чертово городище» и озеро Исегское, Шитовское и Таватуйское. Въ невышедшемъ еще отдѣльно 1-мъ вып. XIII т. помѣщены статьи М. Е. Соловьева «Начало горнаго промысла на Уралѣ» (Ек. Нед. 1891, № 8, 10, 13), г. Копалова «Памятники старины въ Киргизской степи» (ibid. № 13, 14), переводъ статьи Соммы «Fga i Baskiri» (№ 14, 16, 18, 21), А. А. Дмитріева «Народное творчество въ дер. Косой Бродъ Екат. у.» (№ 21, 28, 30), отчетъ о лѣтней экскурсіи С. И. Сергѣева. На статьи А. А. Дмитріева обратитъ, несомнѣнно, вниманіе состоящая при Имп. Р. Геогр. Обществѣ комиссію по изданію русскихъ народныхъ пѣсенъ. Мы остановимся въ своей замѣткѣ лишь на сообщеніяхъ гг. Остроумова, Сергѣева и Соловьева.

По адресу г. Остроумова можно высказать сожалѣніе, что онъ напечаталъ только резюмѣ своего интереснаго реферата. Судя по этому резюмѣ, онъ серьезно приступилъ къ изслѣдованію Вогуловъ—пересмотрѣлъ литературу и составилъ (первая часть реферата), на основаніи ея цѣльный и повидимому интересный очеркъ первобытной жизни этого инородческаго племени и причинъ его поспешнаго исчезновенія по слѣдующей программѣ: происхожденіе вогуль, географическое положеніе занимаемаго ими пространства, краткій историческій очеркъ жизни племени, внѣшній видъ вогуль, характеръ, жилища, одежда, домашняя обстановка, пища, занятія и промыслы, заключеніе браковъ, похороны, религія, общественность, мѣропріятія правительства къ обрусенію вогуль, неблагоприятныя условія жизни бродячихъ вогуль, число

вогуль и условія ихъ жизни въ настоящее время. Вторая часть, реферата посвященная критическому обзору обширной литературы о вогулахъ, констатируетъ въ ней много существенныхъ пробѣловъ. Такъ, наприм., до сихъ поръ нѣтъ болѣе или менѣе достаточнаго количества чисто антропологическаго (особенно краниологическаго) матеріала объ этомъ племени, а также и данныхъ объ его языкѣ. Нѣтъ также въ данный моментъ болѣе или менѣе основательной возможности опредѣлить, какое отношеніе вогульское племя имѣетъ къ остяцкому и не составляютъ ли они одно и тоже племя, говорящее только разными нарѣчіями? По крайней мѣрѣ, такъ называемыхъ, л я п и н с к и х ъ о с т я ц о в ъ нужно, по всей справедливости, причислить тоже къ вогуламъ—манси.

Далѣе г. О. не нашелъ строго точныхъ указаній, въ какихъ пунктахъ, напр., Верхотурскаго уѣзда жили и живутъ вогулы? Имѣющіеся равнообразные источники для этого вполне противорѣчивы и не даютъ возможности съ увѣренностью назвать всѣ чисто вогульскія поселенія и т. п.

До сихъ поръ нѣтъ правильно составленной карты, на которой были-бы показаны мѣста обитанія вогуль — какъ прежде, такъ и теперь; имѣющаяся въ музеѣ Уральскаго Общества этнографическая карта Пермской губерніи, спеціально составленная г. Вологодскимъ по даннымъ литературы, земскихъ управъ и врачей, далеко неудовлетворительна въ отношеніи указанія на мѣста жительства вогуль.

Вторая статья г. Остроумова сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ Ирбитскихъ курганахъ дачи Ницинскаго завода. Курганы расположены среди воздѣлывающихся пахатныхъ земель, за исключеніемъ двухъ; послѣдніе не только находятся въ лѣсу, но даже на нихъ самихъ растутъ сосновыя и березовыя деревья, лѣтъ 70—80-ти. Курганы разной величины: меньшій имѣетъ сажень 8 въ діаметрѣ основанія, а большій до 20 с. Съ внѣшней стороны курганы представляютъ изъ себя усѣченный конусъ, съ отлогими ребрами, съ конусообразнымъ углубленіемъ на вершинѣ. Такія-же углубленія, но меньшихъ размѣровъ, находятся еще на нѣсколькихъ сторонахъ кургана ближе къ основанію. Всѣ курганы покрыты сплошнымъ толстымъ слоемъ дерна и, повидимому, нетронуты никакими раскопками.

Въ первый разъ раскопки одного изъ кургановъ,—самого меньшаго по размѣрамъ,—были произведены въ 1888 году, владѣльцемъ Ницинскаго винокуреннаго завода, г. В—мъ. Раскопанъ былъ курганъ первоначально одной траншеей насквозь, безъ соблюденія всякихъ научныхъ требованій и предосторожностей, столь необходимыхъ при археологическихъ раскопкахъ вообще. По словамъ г. В., результатомъ этихъ раскопокъ были слѣдующія находки: полъ воронкой, образовавшейся на верхушкѣ кургана, былъ найденъ хорошо сохранившійся человѣческой черепъ, съ нижней челюстью и зубами; при внимательномъ осмотрѣ его, въ наружномъ слуховомъ отверстіи оказалась, вѣроятно, сережка, представляющая изъ себя очень маленькую золотую, четырехъ-угольную пластинку; съ двумя дырочками на одной изъ сторонъ, при чемъ въ одной дырочкѣ сохранилось колечко; на пластинкѣ находится грубое, какъ-бы нацарапанное чѣмъ-то твердымъ, изображеніе не то животнаго, не то

птицы. Далѣ среди земли попадались плохо сохранившіяся мелкія кости, желѣзная вещь, напоминающая по формѣ какъ-бы остатки коробки, нѣсколько глиняныхъ черепковъ. На уровнѣ окружающей почвы обнаружилась могила въ которой оказался хорошо сохранившійся большой кусокъ дерева (повидимому, сосны)—остатокъ не то столба, не то сруба.

Раскопки г. О. были начаты 1889 г. 23 мая, при чемъ въ этотъ день были найдены подъ дерномъ, на западномъ склонѣ кургана, среди мелкихъ угольковъ, небольшой кусокъ желѣза неопредѣленнаго значенія, по формѣ подходящій къ продолговатому четырехъ-угольнику, одинъ край котораго съ ясно замѣтной выемкой; вскорѣ послѣ этого попался небольшой кусочекъ перегорѣлой кости; еще нѣсколько глубже попался маленькій глиняный черепокъ съ многочисленными крапинами изъ слюды; западнѣ всѣхъ этихъ находокъ показались въ значительномъ количествѣ древесные угли, довольно крупныя, перемѣшанные съ землей; на глубинѣ втораго аршина попались еще два черепка такого же вида, какъ и первый; угли начали попадаться все въ большемъ количествѣ и съ меньшей примѣсью земли, пока, наконецъ, на глубинѣ, почти соответствующей уровню окружающей курганъ почвы, изъ нихъ не образовался цѣлый, совершенно свободный отъ всѣхъ примѣсей, угольный слой въ двѣ четверти толщины и три ширины, въ формѣ полукруга, причѣмъ встрѣчались очень крупныя куски и даже какъ бы непрогорѣлое дерево, отчасти подвергшееся гніенію. Среди этого угля вынуты два небольшихъ куска желѣза; они плохо сохранили свою форму, но все же безъ особеннаго риска ихъ можно счесть остатками наконечниковъ копій. Затѣмъ въ слой, находящемся прямо подъ конусообразнымъ углубленіемъ, т. е. на глубинѣ 3-хъ аршинъ, среди углей, перемѣшанныхъ съ землей, попались двѣ косточки, несомнѣнно черепныя (ясно замѣтенъ черепной шовъ); за ними еще двѣ, опредѣлить которыя затруднительно.

При раскопкахъ (24 мая) восточной траншеи, сейчасъ подъ дерномъ найденъ продолговатый кусокъ желѣза, имѣвшій, вѣроятно, назначеніе служить какимъ-либо рѣжущимъ орудіемъ или оружіемъ.

25 мая, въ третій и послѣдній день раскопокъ, обѣ части траншеи были соединены на уровнѣ сажени отъ вершины кургана, при чемъ съ обѣихъ сторонъ оказались расположенные параллельно съ N на S, пласты угля и древесины, плохо прогорѣвшей. Подъ ними находился овальный слой красной глины сильно затвердѣвшей, точно прокаленной; большихъ усилій стояло пробить его; но снимать этотъ слой не пришлось, такъ какъ онъ уже лежалъ на нетронутой почвѣ и подпочвѣ той площади, на которой расположились курганы. Нетронутой-же оказалась почва и на разстояніи отъ упомянутаго слоя глины до краевъ кургана, т. е. до восточной и западной оконечностей траншеи. Оставалось поэтому только разрыть небольшое пространство, которое находилось въ центрѣ кургана между указанными параллельными глиняными слоями. При дальнѣйшихъ раскопкахъ оказалось, что красная глина, составляющая подпочву всей дачи Ницинскаго завода, образуетъ подъ курганомъ какъ бы овальной формы дно довольно обширной ямы. Съ этого глиняного пола была снята вся земля, и въ ней найдено 20 разныхъ крупныхъ и мел-

кихъ костей, одни изъ которыхъ вполне сохранились, а другія только полуразрушены, въ силу чего ихъ можно безошибочно опредѣлить. Когда все содержимое могилы, представляющей изъ себя яму въ аршинъ глубины и пять аршинъ ширины, было вынуто, то оказалось, что обнаружены вполне лишь три ея стороны, четвертая-же, сѣверная, осталась не откопанной, въ силу чего оказалось необходимымъ прорыть вторую траншею съ N на S.

Всѣ до одной изъ найденныхъ въ могилѣ костей различны и лежали, повидимому, безъ всякаго порядка; удалось только замѣтить, что ножныя кости лежали южнѣ ручныхъ.

Громадное количество угля, мѣстами нетронутаго — въ однихъ слояхъ и присутствіе пепла въ другихъ, — несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что въ указанныхъ мѣстахъ горѣли костры, громадные по величинѣ, прокалявшіе землю настолько, что она приобрѣтала твердость, подобную утрамбованной. Устройство подъ кострами ямъ или могилъ, отсутствіе какихъ бы то ни было костей въ томъ курганѣ, гдѣ замѣчено полное сгораніе, и обиліе ихъ въ курганѣ съ непрогорѣвшими углями даютъ нѣкоторую возможность предположить, что тутъ на кострахъ сжигались человѣческіе трупы. Поэтому-же, можетъ быть, кости и найдены нами на двѣ ямы, лежащими въ полномъ безпорядкѣ, но соответственно угольнымъ слоямъ, т. е. чѣмъ ниже лежала кость, тѣмъ она болѣе сохранилась, чѣмъ выше надъ почвой, гдѣ было сильнѣйшее сгораніе, тѣмъ менѣе сохранилась. Въсѣгъ съ трупами своихъ близкихъ или начальниковъ, древніе аборигены этой мѣстности, вѣроятно, сжигали и болѣе любимыхъ ими или чтимыхъ почему-либо животныхъ, домашнюю утварь и оружіе, чѣмъ можно было бы легко объяснить присутствіе среди человѣческихъ костей костей животныхъ, остатковъ желѣзныхъ и глиняныхъ вещей, труднѣе поддающихся дѣйствию огня и разрушительной силѣ времени.

Отчегъ г. Сергѣевъ содержитъ любопытныя данныя относительно «Чертова Городища» близъ станціи Исеть: куча черепковъ и костей лежала на поверхности темно-сѣраго песка, подъ тонкимъ слоемъ котораго находилась глина. Проѣзжая 18-ти верстнымъ протокомъ, соединяющимъ озера «Исетское» и «Шитовское» г. Сергѣевъ имѣлъ случай узнать отъ старика-сторожа, что отцы и дѣды, посѣщая эти мѣста для выжига угля, находили у подножія горъ совершенно круглыя ямы, неизвѣстно съ какою цѣлью сдѣланныя. Впослѣдствіи, когда стали строить проселочную дорогу въ этихъ мѣстахъ, то брали землю и песокъ изъ этихъ ямъ и находили человѣческія кости, узорчатые черенки, каменные орудія и пр., которыя вновь бросали въ ямы и закапывали. Онъ предложилъ пройти по дорогѣ и посмотреть эти ямы, которыхъ много между подножіемъ горъ и дорогой. Горы эти образуютъ долину рѣки Черной, текущей, по показанію старика, на протяженіи 30 верстъ, въ Исетское озеро. Г. С. принялъ предложеніе и вскорѣ дошелъ до высокой горы съ пологимъ скатомъ, покрытымъ каменными плитами и рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. У подножья горы, у самой дороги, оказались двѣ круглыя ямы, не вдалекѣ другъ отъ друга найдены на дорогѣ грансные кремневыя осколки.

На Исетскомъ озерѣ, на кругломъ островѣ, поднимающемся въ серединѣ его, и на сосѣднихъ островахъ г. Сергѣевъ нашелъ нѣсколько череп-

ковъ. На озерѣ «Шитовскомъ» у пристанищъ онъ собралъ небольшую коллекцію глиняныхъ черепковъ и кремневыхъ подѣлокъ. Современный человекъ построился тамъ, гдѣ были остатки прежнихъ временъ, перерылъ этотъ слой земли и растопталъ и разбросалъ то, что сберегалось вѣками. Весь берегъ Таватуйскаго озера исхоженъ г. С. пѣшкомъ и на поверхности песка онъ находилъ во множествѣ глиняные черепки кремневая подѣлки и осколки въ бухтахъ 3—4 у истока рч. Витильной на югозападномъ берегу озера и на противоположной сторонѣ нѣсколькихъ бухтъ на сѣв. западѣ и на сѣв. востокѣ.

Путемъ опыта г. С. дошелъ, что искать черепки и кремневые осколки и подѣлки надо въ мѣстности, удовлетворяющей слѣдующимъ условіямъ: во первыхъ, берега должны состоять изъ каменныхъ глыбъ, во вторыхъ должны омываться водою непосредственно и, въ третьихъ, чтобы берегъ не былъ-бы покрытъ растительнымъ слоемъ, состоя изъ песку. Тогда весеннимъ или осеннимъ половодіемъ эти глиняные черепки и кремневая подѣлки вымываются изъ подъ почвы или изъ разсѣлинъ каменныхъ глыбъ и появляются на поверхности; часто они находятся у корней сосенъ, доставляющихъ временныя преграды движенію поверхностныхъ водъ.

Въ статьѣ г. Соловьева заключается сводъ извѣстныхъ уже данныхъ о древнихъ мѣдныхъ копяхъ на Уралѣ. Г. Копыловъ сообщаетъ рядомъ съ данными о степныхъ могилахъ любопытныя извѣстія о древнихъ мѣдныхъ рудникахъ въ Киргизской степи (въ уѣздахъ Каркаралинскомъ, Павлодарскомъ, Семипалатинской и отчасти Акмолинской областяхъ). Съ большою достовѣрностью можно сказать, говоритъ онъ, что чуждъ добывала только однѣ мѣдныя руды, пренебрегая при этомъ находившимися у нихъ подъ руками серебряно-свинцовыми. Самымъ главнымъ доказательствомъ этого служитъ Кызыль-Эспинскій разрѣзъ: чуждъ онъ былъ выработанъ до 5 саж., на какой-глубинѣ нынѣшними работами нашли серебряно-свинцовую руду въ видѣ бѣлой свинцовой, свинцоваго блеска, но часть штока была заполнена самородною мѣдью и мѣднымъ блескомъ. Имѣя въ виду, что книзу эти руды исчезли, и руководствуясь примѣрами другихъ рудниковъ степи, гдѣ въ верхнихъ горизонтахъ жилы заполнены мѣдными рудами, про Кызыль-Эспу можно сказать, что чуждъ вынимала одну мѣдь. Къ тому-же найденные шлаки верстахъ въ 20 на западъ указываютъ на мѣдную плавку. Далѣе въ той-же мѣстности есть много ямъ, при осмотрѣ которыхъ не замѣчено признаковъ ни свинца ни серебра, а только лишь мѣдь. Другіе рудники, какъ напр. Рождественскій, точно также чуждъ работала только на мѣдь, серебряно-свинцовыя же руды остались нетронутыми.

О способѣ и орудіяхъ выработки многого сказать нельзя. При расчисткѣ Кызыль-Эспинскаго разрѣза, какъ говорятъ, были находимы каменные орудія.

Количество работъ въ краѣ позволяетъ сдѣлать заключеніе, что мѣдное дѣло имѣло порядочные результаты.

Авторъ предполагаетъ, что въ своихъ поискахъ чуждъ руководилась естественными обнаженіями. Ранѣе было упомянуто, что мѣсторожденія степи, въ верхнихъ горизонтахъ, всегда болѣе или менѣе богаты мѣдью. Замѣтивъ окислы мѣди на земной поверхности, вблизи жилъ или штоковъ, въ такъ называемыхъ розсыпяхъ, прежніе народы по нимъ, очевидно, и начинали работу.

Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссии 1891 г.
Томъ VI. №№ 7—8.

Для археологіи Восточной Россіи имѣетъ значеніе статья: За мѣтка о Борковскомъ могильникѣ. Въ 1874 году, близь с. Борокъ, въ верстѣ отъ г. Рязани, былъ открытъ древній могильникъ. Гораздо раньше на этомъ мѣстѣ Борковскіе крестьяне часто находили мелкія украшенія: металлическія подвѣски и разнообразныя бусы, почему они издавна называютъ его—«жемчужнымъ полемъ». Прорѣвая выемку и выбирая песокъ изъ сосѣдняго бугра для полотна дороги, саженьхъ въ 20 отъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ, у Борковского лѣса, желѣзнодорожный домъ, были открыты первыя находки, и затѣмъ онѣ попадались безъ перерыва на протяженіи 40 или 50 сажень, по направленію къ Окѣ. Въ случайно открытомъ могильникѣ нашли много человѣческихъ костей, среди которыхъ было до 20 цѣлыхъ череповъ. При одномъ черепѣ оказалась сохранившеюся длинная женская коса: цвѣтъ волосъ ея былъ темный. Костяки лежали въ землѣ или по одиночкѣ, или по два и болѣе. Въ одномъ мѣстѣ нашли остова лошади. Кости и черепа, за исключеніемъ 2-хъ или 3-хъ взятыхъ какимъ-то студентомъ, были собраны и снова зарыты въ землю.

Вмѣстѣ съ костями находили разныя металлическія вещи, каменные и стеклянныя бусы; послѣднія отличались большимъ разнообразіемъ, какъ по формѣ, такъ и по матеріалу. Изъ вещей особенно много было бронзовыхъ,—«позелѣвшія», какъ выражались объ нихъ рабочіе. Здѣсь находили бронзовые обручи (гривны) съ коробками и безъ коробокъ, разной формы пряжки и подвѣски, серьги, запястья, четырехугольныя и круглыя большія бляхи съ крышками по срединѣ ихъ и безъ крышекъ, сплошныя и съ прорѣзами, и множество мелкихъ бронзовыхъ вещей и обломковъ встрѣчалось на каждомъ шагѣ. Найдено было много остатковъ желѣзнаго оружія и конской сбруи: наконечники копій и стрѣлъ, перержавленные мечи (кажется два), ножи, удила, стремена и другіе обломки, назначенія которыхъ нельзя было опредѣлить. Встрѣчались и серебряныя вещи; но повидимому, рабочіе быстро научились различать ихъ и, опасаясь, что эти болѣе цѣнныя находки у нихъ отберутъ, они старательно припрятавали ихъ и потомъ сбывали знакомымъ торговцамъ. Изъ серебряныхъ вещей извѣстны находки — толстаго серебрянаго круглаго обруча (шейной гривны), серебрянаго тройнаго обложнаго обруча и нѣсколькихъ серебряныхъ узкихъ, продолговатыхъ пластинокъ. Между костями попадались отдѣльныя серебряныя монеты; нѣкоторыя изъ нихъ были съ отверстіями. Въ числѣ извѣстныхъ найденныхъ монетъ оказались исключительно только одни арабскіе диргеми чеканенные въ VIII, IX и началѣ X вѣка. Беря среднюю величину монетныхъ датъ, можно съ значительною увѣренностью сказать, что въ IX столѣтіи могильникъ уже существовалъ. Основаніе его, вѣроятно, относится къ болѣе раннему времени, примѣрно—къ началу VIII ст., основывая это предположеніе на древнѣйшемъ диргемѣ (Мервана II 736,7 г. по Р. Хр.).

Въ статьѣ «Случайная находка» мы встрѣчаемъ указанія относительно погребальнаго ритуала, который имѣлъ мѣсто въ могильникѣ. Г.г.

Андріевскій и Черепнинъ разрыли одну случайно обозначившуюся могилу и въ ней обнаружили цѣлый костякъ, лежавшій на правомъ боку, головою на сѣверъ. Положеніе костяка было нѣсколько изогнутое, руки протянуты вдоль — къ коленнымъ. Около ручной кисти костяка найденъ остатокъ желѣзнаго ножа, обыкновеннаго курганнаго типа; у поясничныхъ позвонковъ лежала сильно проржавленная желѣзная пряжка. Съ этой же стороны (къ западу отъ востока) оказались гладкіе черепки глинянаго горшка, небольшіе куски разбитыхъ камней (красноватый песчаникъ), толстые кусочки обожженной глины, гладкіе съ одной стороны и неправильные съ другой;—эти куски напоминали собою разбитый дискъ, вѣроятно—остатки грузила. Никакихъ другихъ вещей около костяка не было. На ключицѣ и на ржавомъ слогѣ желѣзной пряжки видны были слѣды зеленой окраски, которая, могла произойти отъ совершенно разложившихся бронзовыхъ вещей,—серьги въ ухѣ, бронзовой бляшки или кольца на поясѣ. Костякъ лежалъ на глубинѣ 19¹/₂ вершковъ отъ поверхности земли, въ свѣтло-желтомъ, съ легкимъ ровнымъ отгѣнкомъ, пескѣ который шелъ непрерывнымъ пластомъ какъ подъ костякомъ, такъ и надъ нимъ. Вершкахъ въ семи надъ костякомъ, въ нижней части темно-сѣраго слоя, найдены были узорчатые и гладкіе черепки, небольшіе углы, часть зуба неизвѣстнаго животнаго и куски обожженной красной, темной и сѣрой глины, а также нѣсколько кусковъ расколотыхъ камней (плотный известякъ). Эти предметы лежали близко другъ къ другу, почти кучею, и все еще хранили явные признаки дѣйствія огня. Въ одномъ кускѣ красноватой глины, внутри, видны остатки ножа, въ другомъ кускѣ сѣровой глины замѣтно желѣзное кольцо или пряжка, на кускѣ темной глины сохранились отпечатки, напоминающіе стебельки травянистыхъ растений. Кромѣ зуба здѣсь нашлась небольшая часть обуглившейся кости, опредѣлить происхождение которой было невозможно и нѣсколько мелкихъ кусочковъ обожженной кости. Никакихъ другихъ костей въ этомъ мѣстѣ не оказалось.

Въ отчетѣ о дѣятельности Рязанской Ученой Архивной Комиссіи за 1891 г. мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ музей поступили курганныя вещи, найденныя близъ д. Бутовой, Егорьевскаго уѣзда, нѣсколько шейныхъ металлическихъ гривень, привѣсокъ и др. вещей мерянскаго типа, затѣмъ нѣсколько также курганныхъ предметовъ изъ Касимовскаго уѣзда.

Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Т. 3-й. Харьковъ. 1891.

 Большая часть статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ томѣ «Сборника» посвящена быту Харьковской Украйны. Для изслѣдователей Восточной Россіи представляетъ интересъ статья проф. Н. Э. Сумцова «Колдуны, вѣдьмы и упыри» и проф. Д. И. Багалая «Раскопка кургановъ въ Иаюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, произведенная И. М. Бычь-Лубенскимъ». Статья проф. Сумцова представляетъ обстоятельную библиографію вопроса о вѣдьмахъ и упыряхъ и является полезной новинкой въ нашей этнографической литературѣ. За послѣдніе годы въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» и нашихъ

«Извѣстіяхъ» помѣщено было нѣсколько указателей относящихся къ области частной этнографіи (для отдѣльныхъ народностей). Г. Сумцовъ даетъ указатель, относящійся не къ отдѣльной народности, а къ отдѣльному явленію духовнаго творчества у различныхъ народовъ. Такіе указатели существенны важны для каждаго этнографа, который задается цѣлью отдѣлить продукты самостоятельнаго творчества изучаемой народности отъ заимствованій. Статья проф. Багалѣя сообщаетъ результаты раскопки кургановъ въ урочищѣ Могильномъ въ 5 верстахъ отъ села Корудьки. Констатированныя раскопками формы погребенія представляютъ интересъ и для восточно-русскихъ археологовъ: было время, когда Нижнее Поволжье и Харьковская Украина имѣли одно и тоже населеніе (Хазары, Печенѣги, Половцы, Татары). Въ одномъ курганѣ (4) на глубинѣ 4 аршинъ былъ обнаруженъ срубъ «въ видѣ четырехскатной крыши(?)», въ немъ скелетъ съ подогнутыми ногами головой на Ю.З., въ другомъ (7) найденъ былъ скелетъ, лежавшій головой на С., ногами на Ю., въ перемычкѣ былъ обнаруженъ скелетъ всадника, лежавшаго головой на З. съ правой рукою, подложенной подъ голову, и рядомъ съ нимъ скелетъ коня. Особенный интересъ представляютъ результаты раскопки кургана № 12. Здѣсь были найдены 4 скелета (три взрослыхъ и одинъ дѣтскій); всѣ они сидѣли на короткихъ лицемъ къ З.; въ согнутыхъ рукахъ каждый держалъ какъ-бы прижимая къ груди два горшка, по одному въ рукѣ. Въ положеніи погребенныхъ многое напоминаетъ положеніе каменныхъ бабъ. Не старался-ли народъ, ставившій надъ своими усопшими каменные бабы, дать имъ позу и аксессуары погребеннаго?

Протоколы Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Астрахань. 1890.

Въ IV протоколѣ Историко-Этнографической Секціи напечатано интересное сообщеніе дѣйствительнаго члена Общества И. А. Житецкаго: «Къ археологіи калмыцкой степи». Г. Ж. изслѣдовалъ 1) Городище, называемое окрестнымъ населеніемъ «Шареными или Жареными буграми» въ Астраханскомъ у., на которое указываютъ то какъ на остатки Балангара или Ителя, то какъ на первоначальное мѣстонахожденіе г. Астрахани. Поверхность 1 и 2 холмовъ не имѣетъ остатковъ обитанія въ прошломъ, поверхность-же послѣдняго усѣяна разной величины холмами и усыпана битой глиняной посудой, кусками израсцовъ и обожженныхъ кирпичей—версты на 2—3 въ окружности, если не болѣе. Несомнѣнно, что здѣсь было когда-то довольно большое поселеніе. Форма холмовъ (круглая) и нѣкоторыя особенности посуды, израсцовъ и кирпича даже въ деталяхъ напоминаютъ холмы, израсцы и кирпичъ и пр. находившіеся въ мѣстности около г. Царева, гдѣ была когда-то извѣстная столица Золотой Орды-Сараево. У подошвы обрыва средняго бугра разбросано множество хорошо сохранившихся череповъ и другихъ большихъ костей человѣческаго скелета. Въ самомъ обрывѣ на разстояніи 2—3 саж. отъ основанія и около сажени отъ поверхности обнаженъ цѣлый рядъ могилъ, состоящихъ одна отъ другой почти на одинаковомъ промежуткѣ. Во всѣхъ могильникахъ скелеты

обращены ногами на востокъ. Ж—цкому удалось раскопать съ вершины грунтъ надъ нѣкоторыми могильниками настолько, что можно было разсмотрѣть поближе; при этомъ въ нихъ, кромѣ скелетовъ, не было ничего,—вѣроятно, покойники клались безъ всякихъ украшеній и безъ гробовъ, а только въ нѣкоторыхъ погребальныхъ ямахъ дѣлались небольшіе склепы (годные для одного покойника) изъ необожженного кирпича или же изъ толстыхъ досокъ, не сбитыхъ ни металлическими, ни деревянными гвоздями. Интересно здѣсь то, что могилы изъ кирпича расположены въ самомъ центрѣ бугра, за ними по спуску идутъ могилы съ деревянными склепами, а по двумъ сторонамъ послѣднихъ — безъ всякихъ склеповъ. Въ центральной части обрыва этого бугра былъ обнаженъ рядъ довольно оригинальныхъ кувшино-видныхъ ямъ, которыя заполнены были глиной, пескомъ, золой, костями, обломками посуды. Изъ мусора одной изъ такихъ ямъ былъ извлеченъ неразбитый кувшинъ существующей и теперь формы, но сдѣланный довольно грубо.

2) Курганныя насыпи южной Манычской части Малодербетовскаго улуса. Всѣ курганы имѣютъ около 10 саж. въ высоту и болѣе 25—въ окружности, продольной формы, съ небольшою площадкою на верху, иногда затрамбованною мелкими камнями; на такихъ площадкахъ прежде стояли каменные статуи или «бабы», но теперь ихъ растащили сосѣдніе поселяне. Вокругъ большихъ кургановъ, крайней мѣрѣ, около урочища Элиста, площадь на значительное разстояніе устѣяна мелкими курганами разной величины, въ видѣ обыкновенныхъ могильниковъ. Въ поселеніи Бислюрта г. Ж. удалось видѣть остатки разбитыхъ каменныхъ бабъ: у внѣшнихъ стѣнокъ дворовой изгороди находились четыре обломка, видимо образовавшіеся изъ двухъ разбитыхъ статуй. По словамъ поселянъ, статуи взяты на курганахъ въ окрестностяхъ Бислюрты. На двухъ обломкахъ, составляющихъ, очевидно, нижнюю часть каменныхъ бабъ, незамѣтно никакихъ слѣдовъ фигуры, кромѣ украшеній, расположенныхъ по двумъ параллельнымъ длинѣ краямъ, представляющихъ углубленія изъ ломанныхъ линій; но на другихъ двухъ камняхъ отчетливо видны еще грубо высѣченныя фигуры людей. Первый камень представляетъ собою нижнюю часть корпуса человѣка со сложенными на животѣ руками, которыя держатъ сосудъ, части ногъ и пьедесталь, который представляетъ широкую, и кривую суживающуюся и едва закругленную плиту. Второй камень, хотя и гораздо менѣе отчетливо, представляетъ собою остатокъ той-же фигуры, какъ и первый. По величинѣ, работѣ и размѣру остатки бабъ совершенно напоминаютъ тѣ фигуры, какія находимы были во множествѣ въ Новороссійскомъ краѣ*).

Отчетъ о дѣятельности Петровскаго Общества И. А. К.
За 1889—1890 г.г. Астрахань. 1891.

 отчетъ за 1889 г. напечатано краткое содержаніе нѣкоторыхъ со-
общеній. Отмѣчаемъ отчетъ о поѣздкѣ въ село Селитряное К. Н. Малинов-

*) По словамъ поселянъ Бислюрты, голова одной изъ статуй была представлена въ «та-
тарской шапочкѣ»,—ее увезъ бывшій помощникъ главы, поименн. калм. нар. г. Кузнецовъ.

скаго. Экскурсантъ, намѣтивъ село Селитряное, попутно посѣтилъ нѣкоторыя другія мѣста, замѣчательныя въ археологическомъ отношеніи, какъ напр. г. Черный-Яръ, село Никольское (Енотаевского уѣзда). Въ г. Черномъ-Яру, въ городскомъ полицейскомъ управленіи добыты свѣдѣнія, что 1) въ чертѣ надѣла крестьянъ Кормовскаго общества находятся два замѣчательныхъ по своей высотѣ, круглыхъ кургана, и 2) въ селахъ Крестовской волости сохраняются остатки каменныхъ бабъ, служащихъ столбами для изгородей. Въ с. Никольскомъ стоятъ три кургана «кругообразной формы», имѣющей до 70 сажень протяженія и до 1½ саж. высоты. Свѣдѣній и сказаній о происхожденіи и значеніи этихъ кургановъ у мѣстныхъ жителей не получено. Окончивъ обобраніе указанныхъ мѣстъ, экскурсантъ 25 іюля выѣхалъ на лодкѣ изъ г. Енотаевска и на слѣдующій день прибылъ въ с. Селитряное и посѣтилъ Каменный бугоръ, въ которомъ крестьяне «отрываютъ могилы, выложенныя кирпичемъ, выходы со сводами и иногда деревянные гробы. Въ 3-хъ верстахъ отъ этого бугра на болѣе низкомъ и расширенномъ пространствѣ расположено древнее татарское кладбище, пользующееся глубокиимъ уваженіемъ Кувдровскихъ Татаръ».

Во дворѣ крестьянина, Тихона Петрова Гончарова было осмотрѣно и описано подземное каменное строеніе, формою напоминающее кибитку или палатку, удлиненныхъ въ одну сторону, съ потолокомъ въ видѣ поднимающагося къ центру свода. Строеніе это случайно открыто крестьяниномъ, при копаніи имъ ямки или выхода. Полицейскій урядникъ сообщилъ, что такая же ямка находится во дворѣ другаго крестьянина, но за отсутствіемъ хозяевъ на работахъ, вторая ямка не была осмотрѣна.

Во дворѣ крестьянки А. А. Борисовой встрѣтились «2 замѣчательно красивыхъ, бѣлаго гранитнаго камня, плиты квадратной формы, почти въ $\frac{3}{4}$ аршина длины—сторона; вся наружная поверхность изящно испещрена отгиснутыми украшеніями, изображающими цвѣты и какъ-бы вазы съ ними; на вдавленныхъ линіяхъ украшеній сохранилась позолота, отчасти стершаяся».

Сибирскія древности. В. Радлова. Т. I, вып. 1 и 2. — Матеріалы по Археологіи Россіи, издаваемые Императорскою Археологическою Коммиссіей. № 3 и 5. Спб. 1888—1891.

 Сибирскія древности академика В. В. Радлова заключаютъ въ себѣ описаніе громадной коллекціи мѣдныхъ орудій, составленной горнымъ инженеромъ И. А. Лопатинымъ въ системѣ верхняго и средняго Енисея. Въ видѣ дополненія къ Лопатинской коллекціи являются рисунки предметовъ, добытыхъ г. Радловымъ при раскопкахъ, которыя онъ производилъ въ Южной Сибири, и копія съ рисунковъ помѣщенныхъ въ описаніи Минусинскаго Музея. Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ описаніе мѣдныхъ вещей, добытыхъ въ замкнутомъ горами, лѣсами и болотами пространствѣ отъ Красноярска до Саянскихъ горъ съ С. на Ю. и отъ р. Юса до Канской тайги съ З. на В. Въ древностяхъ этого края Радловъ видитъ памятники культуры, которая

самостоятельно развились изъ зерна, случайно занесеннаго можетъ быть съ юга и составлять достояніе одного народа.

Текстъ изданія состоитъ изъ описанія предметовъ, изображенныхъ на таблицахъ и изъ отрывковъ изъ различныхъ изданныхъ и неизданныхъ литературныхъ памятниковъ о Сибири. Выводы относительно южно-сибирской культуры предполагается дать въ концѣ. Описание, понятно, находится въ зависимости отъ того плана, по которому составлены и расположены таблицы. Г. Радловъ желалъ-бы расположить предметы въ хронологическомъ порядкѣ—и за неимѣніемъ монетъ и письменныхъ источниковъ находить необходимымъ руководствоваться тѣми указаніями, которыя заключаются во взаимныхъ отношеніяхъ формъ предметовъ—т. е. становится на почву типологическаго изслѣдованія. Представляя специалистамъ рѣшить, въ какой степени выдержанъ въ трудѣ почтеннаго академика типологическій методъ, мы отмѣтимъ нѣсколько имѣющихъ общее значеніе фактовъ: въ первомъ выпускѣ г. Радловъ устанавливаетъ несомнѣнную связь между формами желѣзныхъ, мѣдныхъ и бронзовыхъ ножей, во второмъ вып. на стр. 60 онъ констатируетъ тоже явленіе относительно кинжаловъ—въ пору господства исключительно мѣдныхъ орудій возникаютъ формы, которыя дѣлаются всеобщими, когда входитъ въ употребленіе желѣзо. На стр. 69 по поводу кинжала, имѣющаго желѣзную рукоятку и мѣдный клинокъ г. Радловъ замѣчаетъ: «этотъ кинжалъ служить лучшимъ доказательствомъ того, что не слѣдуетъ строго отдѣлять такъ называемый мѣдный (бронзовый) вѣкъ отъ желѣзнаго, т. е. что въ жизни обитателей бассейна верхняго Енисея навѣрное существовалъ переходъ, когда оба металла были извѣстны и употреблялись одинаково—и этотъ переходный періодъ продолжался довольно долго». По пути бросается догадка, что желѣзо привозилось съ юга, можетъ быть изъ Китая.

Въ приложеніи къ обоимъ выпускамъ помѣщены относящіеся къ предмету отрывки изъ актовъ и записокъ путешественниковъ XVIII в. между этими отрывками цѣнность новизны представляютъ тѣ, которые сдѣланы изъ ненапечатаннаго до сихъ поръ дневника Мессершмитта.

Содержаніе „Извѣстій Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Т. I. Уставъ Общества, списокъ членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. *Проектъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, сост. В. М. Флоринскимъ. — Приложенія. Свидѣнія о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увекъ. — *Описание русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. В. К. Савельева и Н. А. Толмачева. — *О некоторыхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. Д. А. Корсакова. — *Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Изюмова. — *О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобретенной въ селѣ Болгарахъ. В. П. Васильева. К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. — Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда. Свящ. П. Фанагорская. — Объ историческомъ значеніи библиотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. П. В. Владимірова. — *О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Биларска. М. П. Аристовъ. — *Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. Н. А. Изюмова. — *Замѣтки о селеніяхъ Чистопол. у.: В. Никиткиной, Татарской Баганѣ, Кизляу и Виларь-Озеро. В. А. Казаринова. — *Описание части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. А. О. Лихачева. — *Замѣтка о хараѣтеномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. П. Д. Шестакова. — *Нѣсколько словъ о могильникѣ, находящемся близъ деревни Апаньинной. Ею же. — *Описание монетъ, найденныхъ въ д. Барташихъ Каз. г. В. К. Савельева. — *Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Сеулига Симб. губ. М. Н. Павловичева. — *О старинномъ кладбищѣ близъ с. Виларскаго Вят. губ. А. Развигина. — *Попытка объясненія одного хѣста изъ Булгарской дѣтской Хисамъ Эдина Иби Шарафъ-Эдина. П. Д. Шестаковъ. — *Выдержка изъ архива Елабужскаго духовнаго Правленія. Ею же. — *Описание дополнител. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Усека. В. К. Савельева. — *Описание чуждскихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. В. Теплоуховымъ. — *Бытъ Вотиковъ Сарапульскаго уѣзда. В. Кошурникова. — *Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ извѣстіяхъ» съ 1811—1821 г. П. А. Пономарева. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. Н. А. и Э. С. М. Шнилевскаго. — Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Виларь и Морквани. Н. Н. Золотницкаго. — По поводу сообщенія П. Н. Золотницкаго. П. Д. Шестакова. — *Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. Н. А. Изюмова. — Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Виларскѣ. Ею же. — *Описание Биларскаго и Баранскаго городищъ. В. А. Казаринова. — *Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. П. Смирнова. — *Изъ поѣздки въ село Шуматово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) В. К. Мамитскаго. — *О раскопкахъ близъ д. Палкиной на р. Чусовой. П. В. Кротова. — *У Вотиковъ Елабужскаго уѣзда. Г. Н. Потанина. — *Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время этногр. экскурсіи. С. К. Кузнецова. — *О Чалышскомъ городищѣ. А. М. Зайцева. — *Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. Е. Т. Соловьева. — *Преданія Чуваши и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. М. А. Армазова. — *Остатки древности въ с. Увекѣ. Г. С. Саблукова. — *Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. П. А. Пономарева. — *Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. С. К. Кузнецова.

—Замѣтки о вѣшенномъ распоязахъ. *А. А. Шингарина*.—Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.д. *Д. Н. Назимовъ*).—Описаніе рус. сер. войска изъклада 1881 г. *В. К. Савинскій*.—Описаніе двухъ коллекцій джукъ, монетъ, похертъ, обществу. *Эль-зе*.—Описаніе склада золотыхъ аршинныхъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Лавровъ*.—Атмамоновъ кости. *С. К. Кузнецова*.—Замѣтка по поводу сообщенія Т. П. Вотякова: у Вотяковъ Владужск. у. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Сѣдта и Обществъ собраній за 1880—81 г. Предложенія. — Духовная *Б. Н. Татаринова*.—О Мисарахъ частей уезда. *В. А. Калеринская*.—Слѣдствія в Мисарахъ. *Е. А. Малова*. К. 1885. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Сѣдта и обществъ собраній за 1882—84 гг. —Списокъ слѣдъ на биларской почтѣ. *А. П. Лавровъ*.—Особенности русскаго говора въ Урж. у. Ват. г. *В. К. Мамонтова*, Сибирь. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Назначенія изъ Протоколовъ за 1885 г. —Статьи о крестьянскихъ дѣтяхъ селъ Астраханки и Каргашихи Лавшевскаго у. *С. К. Рубинская*. —Замѣтка по поводу этой статьи. *А. П. Лавровъ*. —Къ археологій Урала. *А. М. Зайцева*. —Нѣсколько словъ о русскомъ языкѣ на породнѣхъ въ предѣлахъ Казанскаго края. *Н. П. Смирнова*. К. 1889. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. П. Вотикина*.—Развалины древнихъ зданій при селѣ «Волгаряхъ». *В. А. Калеринская*.—Однѣ изъ петчинскихъ исторій Вятскаго края. *А. А. Сивина*.—Неизданныя траматъ изъ восточныхъ архивовъ. *В. В. Кочетковская*.—Материалы для Русскаго словаря (словъ, имѣющихъ особенное значеніе въ говорѣ жителей с. Великорѣчья, Яранск. у.д. Саянъ. *А. Д. Зюлева*.—Общій докладованіи въ Сибирской губерціи. *М. П. Назимовъ*.—Библиографъ замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ 24 мая. VII Арх. Съѣзда въ Арсаваля А. Беренданинскихъ. *В. В. Кочетковская*. —Отчеты и назначенія изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исследования о марьичихъ Черемисскаго языка. *М. П. Веже*.—Новая антропологическая находка въ с. Болгаряхъ. *Н. П. Рыжовъ*.—Древній Вулгарь и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриевъ*.—Гдѣ былъ древній Вулгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Солдатовъ*.—Старая церковь въ селѣ Богородскомъ (съ рисунками). *Н. В. Сорочина*.—Черемиса. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. П. Смирнова*. К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Слова и фразы культурнаго отношенія на дашинскъ языка. *М. П. Веже*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вѣтки. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. П. Смирнова*. К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Сѣдта и Обществъ собраній за 1889—90 г. —Письмо Степанъ Галаина къ казанскому Татарамъ. *А. П. Соколовъ*. —Отчетъ Общ. А. П. и Э. за 1889—90 г. —Списокъ членовъ Общ. А. П. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросы быта и разбоищакъ въ Бомиссѣи 1757 г. *Н. П. Смирнова*.—Ваматы П. Д. Шестакова. *Н. А. Смирнова*. —Толкованіе слова Наричина (съ фотографіей). *Н. В. Сорочина*. —Материалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Болгарскій дѣтъ. *Н. З. Тузова*. —Врѣхъ у Чуванскъ. *В. К. Мамонтова*. —Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. П. Соколовъ*. —Свадебные обряды казанскихъ Татаръ. *М. П. Назимовъ*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Пермскія. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. П. Смирнова*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Сѣдта и Обществъ собраній за 1890—91 г. —Отчетъ Общ. А. П. и Э. за 1890—91 г. —Списокъ членовъ. —Ваня и добрая жена по народнымъ картинкамъ Гривинскаго. *Р. А. Назимовъ*. —Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 30 к.

(Статьи I тома; означенныя издательницей, можно получить отъ Общества за 25 к.).

Маданія, составляющая собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съезда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 июля по 14 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Заблюдая (*) указывать на статьи, относящіяся къ мѣстному краю).

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколъ Съезда. — Объявленіи изъ Казани ученаго Общества для изслѣдованій археологій, исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсаковъ*. — О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *П. П. Срезневскій*. — Некоторые данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Коллчова*. — О задачахъ археологическаго искусства. *А. С. Гайдаръ*. — О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *Г. Р. Ассланинъ*. — О некоторыхъ химическихъ измѣненіяхъ въ костяхъ, находимыхъ при раскопкахъ. *Н. М. Голубева*. — О раскопкахъ гр. *Синерса* въ Лифлянд. губ. — О желѣзномъ шлѣмѣ въ Балтійскомъ край. *К. Греншукъ*. — Камонныя орудія и бронзовыя вещи изъ Печерск. края 1874 г. *А. А. Штурмъ*. — О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнава у Костр. губ. *А. П. Поливанова*. — О раскопкахъ кургановъ на р. Сита 1875 г. *А. К. Петавскій*. — О древнемъ кладбищѣ у Бердасовой церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновичъ*. — О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Блюмъ*. — О городищѣ Черкас. у. *Н. А. Константиновичъ*. — О древнихъ могилахъ Мухета. *В. У. Гизеландтъ*. — Объявленіи о древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толочковъ*. — Майское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. П. Поливановъ*. — Курганъ въ окрестн. г. Екатеринбургъ Перм. губ. *М. В. Малахова*. — О земляхъ, лежащихъ недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Кама. *Н. Савельевъ*. — Искѣстия древности въ Самар. край. *П. В. Алабинъ*. — О пещерахъ камней. Бѣлыя на сред. течен. р. Дибара. *В. Б. Антоновичъ*. — О пещерахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Ево-же*. — О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестиковъ*. — Городъ Булгаръ. — *С. М. Штильбергъ*. — Гдѣ искать потомковъ Мохаръ, бывшихъ въ русск. въ 1551 г. *А. Ф. Можаринскій*. — Очеркъ исторіи Болгарск. Казанск. царства. *Мудали Шихабъ-уд-динъ Бай-уд-динова* (перев. *В. В. Губинина* и введ. *Н. Н. Золотницкаго*). — Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. Г. Заринъ*. — О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣсти, названій Каз. и Татка. губ. *Н. А. Павлова*. — Списки населенія мѣсти Мамалиш. у. *Ево-же*. — О личимыхъ ипородныхъ именахъ. *Ево-же*. — Списки др. ипородныхъ именъ въ актовѣ. *Н. Н. Золотницкаго*. — О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Ево-же*. — Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. край о берѣгахъ ихъ съ европейск. *Н. Н. Веселова*. — Ископаемыя кости по 30-му вопросу ипородныхъ IV съезда. *Д. А. Корсаковъ*. — О старомъ и новомъ городѣ въ П.-Волгородѣ. *Н. Н. Мельникова*. — Селитряный городокъ Астрах. губ. Коставъ у. *Н. П. Зинкина*. — Преданія Татскихъ ипородныхъ о падѣнствѣ ихъ въ Россіи. *Вн. Н. А. Кострова*. — Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Ево-же*. — Историческія данныя по историч. геогр. и этнограф. Россіи по условіямъ. *Н. Пуб. библиотека*. *А. Н. Гарина*. — Кто были 4 тюрк. племени, обитавшія Гривск. въ 934 г. при г. Валденгарѣ и гдѣ находилась этотъ городъ. *В. Б. Бруновъ*. — Программа по предм. исторіи и теоріи искусствъ. *П. В. Павлова*. — О городѣхъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельевъ*. — О монетахъ Владиміра Святого. *Д. П. Прохоровскій*. — Объявленіи оудѣлы. Букв. и копійныхъ и левелѣхъ до Петра Великаго. *Ю. В. Вересинъ*. — О значимыхъ свѣдѣнхъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ф. Алабинъ*. — О др. ипородныхъ г. Старой Русы. *Гр. М. В. Толстой*. Казань. 1884. Цѣна 3 р.

Содержаніе II тома: О характерѣ мѣсти варяжск. сплавей. *К. Н. Вересинъ-Уолова*. — Останъ церкви, братства въ вост. Малороссіи. *Н. А. Срезневскій*. — О старинныхъ русскихъ въ Симбирск. Карамзинск. библиотекѣ. *Н. П. Христофорова*. — Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. П.*

Марковича.—Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ. *В. Н. Витевскаго.*—*О народныхъ праздникахъ изъ Пензенск. губ. *Н. Я. Аристовъ.*—*О стариннѣхъ крещенныхъ Татаръ. *Н. М. Собѣйскій.*—*Пейзажи, образы и обшчы Вотяковъ Мамадъ у. *В. Г. Гаврилова.*—О старин. рукоп. сборникахъ нарѣ. билинъ и пѣсень. *А. Н. Майковъ.*—Свѣдѣнія о рукописныхъ Н. Пуб. Библиотекъ, содерж. народныя пѣсни. *А. Ф. Бичкова.*—Объ «обличеніи на Соловецкую челобитную». Ю. Крижанича. *Н. М. Добротворскаго.*—О раскольниковъ рукоп. конца XVII в. *Н. С. Некрасова.*—«Сказаніе о Соловецк. монастыр. и объ Асоитѣ». *Н. Н. Петрова.*—О Родословномъ открытіи. *С. Верковича.* (пер. *М. П. Петровскаго* и подлинникъ).—О Соловецк. библиотекѣ. *Н. Я. Поурѣвскаго.*—Апокрифич. молитвы по рукоп. Солов. библ. *Ело-же.*—Объ упрекахъ митр. Никола Курлятевскихъ изъ неваніи митр. Кипріяномъ греческ. и нашего яз. при исправленіи псалтири. *Арх. Амфилохія.*—*Гдѣ книги, писан. зыран. и пери. азбукою, составленною св. Стефаномъ Пермскимъ? *П. Д. Шестакова.*—О вліяніи русскаго яз. на инородческіе. *Ело-же.*—Крымскій полуостровъ до Монгол. нашествія въ Араб. литер. *А. Я. Гаркави.*—*Топографія др. города около с. Русскія въ Киргизіи (Мамадъ у. Каз. губ.). *Е. Т. Соловьева.*—*О старой чувашской збѣрѣ. *Н. Н. Золотницкаго.*—*Сказан. загадки и пѣсни Нагайбаковъ изъ Уральск. у. Оренб. губ. *В. Н. Витевскаго.*—*Документы и рукописк. относим. къ Каз. губ. в храненіи. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Им. Дѣль и его библиотекѣ. *Н. Ф. Токмакова.*—Указатель личимыхъ в географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. Цѣна 3 рубля.—Атласъ изъ Трудовъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. Ц. 2 руб.

2) Архивъ кн. В. И. Башшева. Разбранъ и приготовленъ къ издаванію проф. Н. П. Загоскинымъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алексія Сергѣевича Уварова. Рѣчи, произнесенныя С. М. Шнилевскимъ, П. Д. Шестаковымъ и Д. А. Корсаковымъ. К. 1885. Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмидѣлетней дѣятельности Казанскаго Общества Археологій, Исторій и Этнографій и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. *Н. Н. Смирнова.* К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическій съѣздъ. *Ело-же.* К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получать въ Казани у книгопродавцевъ А. А. Дуфронка и Н. Я. Башманова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбасникова.

I и II томы «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества за пересылку не платятъ.

Дѣятельными членами и членами-сотрудниками, выписывающіе издаванія отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

[The page contains extremely faint and illegible text, likely due to low contrast or scanning quality. The text is arranged in a single column and appears to be a list or a series of entries, but the individual words and sentences cannot be discerned.]

Съ 1892 г. „Извѣстїи“ Общества Археологїи, Исторїи и Этнографїи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ, приблизительно чрезъ каждыя два мѣсяца, книжками въ 7 — 8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки будутъ входить:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологїи, исторїи и этнографїи;
- 2) Специальныя изслѣдованїя и статьи по археологїи, исторїи и этнографїи Восточной Россїи (Поволжья, Средней Азїи и Сибири);
- 3) Матерїалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россїи: мелкія оригинальныя сообщенїя, акты, произведенїя народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченїя изъ періодическихъ изданїй Восточной Россїи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россїи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданїяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношенїе къ Восточной Россїи;
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологїи, исторїи и этнографїи Восточной Россїи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографїя: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданїй, имѣющихъ отношенїе къ археологїи, исторїи и этнографїи Восточной Россїи;
- 7) Протоколы засѣданїй Совѣта и Общихъ Собранїй Общества Археологїи, Исторїи и Этнографїи.

Въ слѣдующихъ выпускахъ «Извѣстій» за 1892 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Очеркъ развитїя досторической археологїи въ Европѣ: д) археологїя въ Швейцарїи, Италїи и Испанїи, е) въ Англїи» И. С.; «Задачи и методъ культурно-историческаго изслѣдованїя жилища» И. З. Тихова; «Формы погребенїя у современныхъ и древнихъ народовъ Россїи» (Извлеченїя изъ извѣстій историковъ, путешественниковъ и этнографовъ; въ составленїи свода примутъ участїе А. Б. Еулагинъ М. И. Пинегинъ, И. Н. Смирновъ, И. З. Тиховъ, П. В. Траубенбергъ и др.) «Данныя о городахъ Волжско-Камской Булгарїи»; П. А. Пономарева; «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» И. Н. Смирнова; «Черемсы Арбанской волости» И. Троицкой; «Программа для собиранїя свѣдѣній объ ассимиляціи инородцевъ Восточной Россїи» И. Н. Смирнова. «Замѣтки о Мордвѣ Нижегородской губ.» А. Д. Смирнова.

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологїи, Исторїи и Этнографїи.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

№ 6422

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Владѣнія Липовогорскихъ князей. П. А. Пономарева. . . 467—486
 Книги Разрядныя, какъ матеріалъ для исторіи Сибири въ XVII в. К. Б. Газенвинкеля. 487—538
 Хроника. Музеи В. Россіи: Музей Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края. Донской Музей. Раскопки Борковскаго могильника близъ Рязани. Археологическія находки въ Тетюшскомъ уѣздѣ. Антропометрическія станціи въ Сибири. Экскурсія В. С. Отдѣла И. Р. Географ. Общества. Изслѣдованіе Туркестанскихъ древностей. Экспедиція Г. Н. Потанина.—Археологія В. Россіи на Московскомъ международномъ конгрессѣ доистор. археологіи. Общество изученія Амурскаго края. «Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго Музея». 539—547

Программы. Программа для собранія свѣдѣній объ обрусѣніи в.норолдствъ В. Россіи. И. Н. Смирнова. 548—551
 Библиографія. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1882—88 годы, съ атласомъ. Спб. 1891 г. М. П. на. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XII: Hjalmar Appelgren. Suomen Muinaisliinat. Helsingissä 1891. LXXV+237. Журналъ Финскаго Археологическаго общества, XII: Ялмаръ Аппельгрень. Доисторическіе шавны въ Финляндіи. Гельсингфорсъ. 1891). Отчетъ о дѣятельности Вятскаго Статистическаго Комитета за 1891 годъ 552—562
 6) Матеріалы (приложеніе). Матеріалы для этнографіи Поволжья.—Черемисско-русскій словарь. Троицкаго. 1—16

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Вышелъ 1-го сентября.

М. К. В. 22

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

Томъ X, вып. 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Владѣнія Липовогорскихъ князей.
П. А. Пономарева. . . 467—486

Книги Разрядныя, какъ матери-
алъ для исторіи Сибири въ XVII в.
К. Б. Гавенвинкеля. 487—538

Хроника. Музеи В. Россіи:
Музей Петровскаго Общества исслѣ-
дователей Астраханскаго края. Дон-
ской Музей. Раскопки Борковскаго
могильника близъ Рязани. Археоло-
гическія находки въ Тетюшскомъ
уѣздѣ. Антропометрическая станція
въ Сибири. Экскурсія В. С. Отдѣла
И. Р. Географ. Общества. Исслѣдо-
ваніе Туркестанскихъ древностей.
Экспедиція Г. Н. Потанина.—Архе-
ологія В. Россіи на Московскомъ
международномъ конгрессѣ доистор.
археологіи. Общество изученія Амур-
скаго края. «Ежегодникъ Тоболь-
скаго Губернскаго Музея». 539—547

Программы. Программа для
собиранія свѣдѣній объ обрусѣнн
инородцевъ В. Россіи. И. Н. Смир-
нова. 548—551

Библиографія. Отчетъ Им-
ператорской Археологической
Коммиссіи за 1882—88 голы, съ ат-
ласомъ. Спб. 1891 г. М. П.-на.
Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Ai-
kakauskirja XII: Hjalmar Appelgren.
Suomen Muinaislinnat. Helsingissä
1891. LXXV+237. (Журналъ Фин-
скаго Археологическаго общества,
XII: Ялмаръ Аппельгреньдъ. Доисто-
рическіе шанцы въ Финляндіи. Гель-
сингфорсъ. 1891). Отчетъ о дѣятель-
ности Вятскаго Статистическаго Ко-
митета за 1891 годъ . . . 552—562

6 Матеріалы (приложеніе). Ма-
теріалы для этнографіи Поволжья.—
Черемисско-русскій словарь. Тро-
ицкаго 1—16

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологія, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. Секретаря И. Смирновъ.

ДАННЫЯ О ГОРОДАХЪ КАМСКО-ВОЛЖСКОЙ ВУЛГАРИИ.

(Археологическія замѣтки).

II

ВЛАДѢНІЯ ЛИПОВОГОРСКИХЪ КНЯЗЕЙ.

 В русскихъ лѣтописяхъ за періодъ времени отъ 1359 года до 1411 упоминается болгарскій городъ Жукотинъ, имя котораго совсѣмъ не встрѣчается въ другихъ источникахъ.

Никон. лѣтопись, подробнѣе другихъ касаясь разграбленія этого города новгородскими ушкуйниками въ 1359 году, говоритъ: „Изъ Великаго Новагорода разбойницы придоша въ Жукотинъ и множество татаръ побиха и богатство ихъ взяша, и за то разбойничество христіане пограблены быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ. Того-жъ лѣта князи Жуконстіи поидоша въ Орду къ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ, понеже много убивства и грабленія отъ нихъ сотворяшесь безпрестани. Царь-же Хидыръ посла трехъ пословъ своихъ ко княземъ русскимъ, чтобы разбойниковъ поймали и къ нему прислали. И бысть всѣмъ княземъ съѣздъ на Костромѣ... и поимаша разбойниковъ, и выдаша ихъ всѣхъ посломъ царевымъ и со всѣмъ богатствомъ ихъ, и тако послаша ихъ въ Орду“ (III, 216).

Это лѣтописное показаніе представляется довольно существовавшимъ, потому что даетъ поводъ къ слѣдующимъ вѣроятнымъ заключеніямъ:

1. Избіеніе множества татаръ при разгромѣ Жукотина въ 1359 году указываетъ на значительное многолюдство города въ это время.

2. Если Жукотинъ подвергался съ цѣлью грабежа набѣгамъ русскихъ ушкуйниковъ безпрестанно,—значить, онъ былъ достаточно богатъ и привлекателенъ для разбойничьихъ предпріятій.

3. Ограбленіе русскихъ въ Булгарѣ въ отместку за погромъ Жукотина указываетъ на существованіе известной солидарности между жителями этихъ болгарскихъ городовъ. Но съ другой стороны, если князи Жуконстїи непосредственно искали защиты въ Ордѣ, то значить они были вполнѣ независимы отъ Булгара и подчинялись только Сарайскому хану. Внимательное-же отношеніе къ нимъ послѣднаго показываетъ, что они пользовались не маловажнымъ значеніемъ.

Все это рисуетъ Жукотинъ въ монгольскую эпоху Камской Булгаріи, какъ центръ довольно значительный.

Но гдѣ-же онъ находился?

Архангелогородская лѣтопись, упоминая о набѣгѣ 1359 года, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ. „Боляринъ Великаго Новгорода Анфаль Микитинъ — сообщаетъ она — ходилъ ратью на Каму, да взялъ г. Жукотинъ и много бесерменъ побилъ“. Еще опредѣленнѣе высказывается Воскр. лѣтопись (VIII, 61) въ описаніи набѣга ушкуйниковъ въ 1391 году: „Новгородцы и Устюжане и прочіи, къ тому съвѣкупившеся, выидоша въ насадехъ и въ ушкуехъ рѣкою Вяткою на низъ и взяша Жукотинъ и Кашанъ¹⁾, и вышедше на Вългу, пограбивше гостей всѣхъ, возвратишася“.

¹⁾ Въ разныхъ спискахъ лѣтописи здѣсь упоминается собственно не Кашанъ, а Казанъ и даже Казнъ, но уже С. М. Шпилевскій въ своей книгѣ о «Древнихъ городахъ» рассматриваетъ это какъ опіску и доказываетъ, что нужно читать не Казанъ, а Кашанъ (ст. 176). Подробности этого вопроса и характеристикѣ болгарскаго города Кашана у меня будетъ посвящена особая глава.

Если принять во вниманіе, что городъ Кашанъ располагался на Камѣ ниже Жукотина, близъ нынѣшняго с. Шурана (Лаишевскаго уѣзда), то изъ приведеннаго показанія лѣтописи и можно вывести заключеніе, что Жукотинскія владѣнія находились въ той части камскаго побережья, которая тянется отъ устья Вятки до с. Шурана.

Вѣроятность этого заключенія подтверждается и изысканіями мѣстныхъ изслѣдователей. Кондыревъ въ своемъ докладѣ совѣту Казан. университета еще въ 1812 году сообщалъ, что въ 10 верстахъ отъ Чистополя на берегу Камы находится „городокъ Жукотинъ“; затѣмъ Рыбушкинъ и Артемьевъ въ 1833 и 1851 г., говоря объ этомъ городѣ, уже прямо приурочиваютъ его къ окрестностямъ с. Жукотина, въ имени котораго сохранилось упоминаемое русскими лѣтописями названіе древняго болгарскаго города. Кромѣ того, Артемьевъ, Мельниковъ, Риттихъ и авторъ „Замѣтокъ о городищахъ Казанской губерніи“ сообщаютъ и нѣкоторыя другія отрывочныя данныя, касающіеся этой мѣстности. Послѣ С. М. Шпилевскаго, воспользовавшагося всѣми этими замѣтками для характеристики „Жукотинскаго округа“, сдѣланы были еще краткія сообщенія въ 1878 и 1879 г. И. А. Износковымъ и А. А. Штукенбергомъ ¹⁾).

¹⁾ 1) «Записка» Кондырева, относящаяся къ 1812 г. и найденная С. М. Шпилевскимъ въ архивѣ Казан. универ.

2) «Поѣздка въ Болгары и Билярскъ», Рыбушкина (Заволжскій Муравей, 1833 г., т. 1).

3) «Древній болгарскій г. Жукотинъ», Артемьева (Жур. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1851 г. т. 33).

4) «Отъ Чистополя до с. Богородскаго», Мельникова (Каз. губ. вѣдомости, 1862 г., № 35).

5) «Матеріалы для этнографіи Россіи. Казанская г.», Риттиха, т. 2, ст. 161.

6) «Замѣтки о городищахъ Казан. г.», изд. Казанскаго статистическаго комитета.

7) «Древніе города и другіе болгаро-татар. памятники», С. М. Шпилевскаго.

Я лично имѣлъ случай ознакомиться съ лѣвымъ побережьемъ Камы близъ Чистополя въ 1880 и въ 1881 г. ¹⁾ Не смотря на довольно бѣглый обзоръ мѣстности, сдѣлалось очевиднымъ, что собранныя доселѣ свѣдѣнія не исключаютъ необходимости въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Эти дополненія и служатъ темою настоящей главы.

Значительность археологическаго матеріала, указываемаго на Камѣ близъ Чистополя нисколько не удивительна. Лѣвый берегъ рѣки, вообще довольно пологій, здѣсь на всемъ протяженіи отъ с. Кубасовъ до с. Булдыря или правильнѣе отъ долины р. Бахты до долины р. Шешмы представляетъ возвышенное плато, ниспадающее къ Камѣ обрывистыми кручами, которыя то выдвигаются къ самой рѣкѣ, то отдѣляются отъ нея привольно раскинувшимися луговыми займищами. Возвышенная равнина эта, состоящая изъ пермскихъ пластовъ и прикрытая сверху слоємъ чернозема, разсѣбается на нѣсколько болѣе или менѣе пространныхъ площадей, отдѣленныхъ другъ отъ друга то ущелистыми, то развалистыми оврагами, по дну которыхъ пробѣгаютъ быстрые ручьи и рѣчки. Вся эта мѣстность давно уже распахана; отъ старинныхъ лѣсовъ сохранились только небольшіе листовенные перелѣски близъ Чистополя, да по склонамъ овраговъ виднѣется кое-гдѣ мелкое чернолѣсье, въ которомъ преобладаетъ липнякъ. Изъ всего этого не трудно

8) Записки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. г., И. А. Изюмова («Извѣстія Каз. археол. общ.» за 1878 г.

9) Сообщеніе А. А. Штукенберга о находкахъ на мѣстѣ г. Жукотина, сдѣланное Каз. арх. обществу.

¹⁾ Въ 1880 г., экскурсируя по порученію Каз. арх. общества совмѣстно съ Н. П. Загоскинымъ по юго-восточной полосѣ Каз. губ., мы осмотрѣли проѣздомъ изъ Лашшевскаго уѣзда въ Чистопольскій побережье Камы къ востоку отъ с. Жукотина и д. Данауровки до с. Булдыря; въ 1881 г. на пути въ Вятскую губернію осмотрѣли бытъ совмѣстно съ А. А. Штукенбергомъ береговой районъ къ западу отъ д. Данауровки и с. Жукотина до с. Кубасъ и Утякова.

завлечь, что описываемое побережье могло представлять для промышленнаго болгарскаго населенія достаточныя удобства— черноземныя поля для земледѣльческой культуры, многоводную рѣчку для сношеній, малодоступныя береговыя кручи для защиты и т. п.

Наиболѣе замѣчательныя слѣды болгарскаго разселенія обнаруживаются здѣсь въ 5—6 верстахъ къ западу отъ Чистополя, близъ д. Данауровки и с. Жукотина. Деревня Данауровка разбросалась по обоимъ склонамъ тѣснаго оврага, который верстою ниже выходитъ на камское займище. По дну оврага пробирается между камнями небольшая рѣчка, которую всѣ мѣстные крестьяне называютъ теперь Килевкой¹⁾. Но это названіе несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, какъ и сама д. Данауровка. Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ 1648 г. эта рѣчка означена подъ именемъ Жукоти, въ отказныхъ книгахъ—Жукотки, а на рукописной картѣ Каз. губ., принадлежащей Казанскому университету—Жукотинки. Этимъ стариннымъ прозвищемъ я и считаю болѣе умѣстнымъ пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Берега Жукоти не одинаковы: правый—представляетъ почти горизонтальную площадь, которая обрывается къ займищу и рѣчкѣ крутымъ десятисаженнымъ скатомъ и образуетъ нѣчто въ родѣ горнаго мыса съ обширнымъ видомъ на Каму и Чистополь; лѣвый—гораздо ниже; онъ поднимается сначала не болѣе какъ на 3—4 сажени, но далѣе къ западу постепенно повышается и верстахъ въ двухъ отъ Жукоти достигаетъ одного уровня съ правымъ. Здѣсь на самой окраинѣ горной береговой равнины стоитъ старинное с. Жукотино, упоминаемое уже въ актахъ 17-го вѣка.

Взявши изъ деревни проводника, мы по правому берегу Жукоти направились прежде всего къ горному мысу, гдѣ по мнѣнію Артемьева и располагался древній Жукотинъ.

¹⁾ Въ «Замѣткахъ о городищахъ Каз. губ.» она названа почему-то Ключевкой, а у Артемьева—Каменнымъ мостомъ.

Но городокъ, вскорѣ открывшійся передъ нами, далеко не соответствовалъ тому представлению, какое мы невольно составили раньше. У Артемьева мы читали, что городокъ укрѣпленъ такъ, какъ „ужрѣплялись резиденціи сильнѣйшихъ князей“ — „трема валами“, придававшими ему видъ „нѣкогда крѣпкаго города“ и показывавшими „его значеніе“; что валы эти, „судя по высотѣ ихъ, нельзя было образовать только одною землею изъ рововъ“.

Измѣнилось-ли сильно городище съ 1851 года, хотя крестьяне этого и не подтверждаютъ, или сказалось въ описаніи Артемьева нѣкоторое увлеченіе, но только рамка созданная имъ оказалась слишкомъ грандіозной для той миниатюрной картинки, которая находилась у насъ передъ глазами.

Склоны обрывистыхъ сторонъ городища, обращенные къ Камѣ и рѣчкѣ, дѣйствительно совершенно правильно обрты, а съ доступной юго-восточной стороны городище защищено валами и рвами, образующими слегка выгнутую линію, но только валовъ этихъ не три, а два и никакого рва на прикамской сторонѣ нѣтъ. Городище приближается къ формѣ сектора и занимаетъ всего 372 сажени въ окружности. Два вала и два рва, прорѣзанные тремя воротами, тянутся на 107 сажень и представляются незначительными; высота первыхъ и глубина вторыхъ, считая отъ уровня городища, не болѣе 2 аршинъ.

По составленіи плана городища, произведена была попытка собрать коллекцію. Но результаты были незначительны: заложивъ мѣстами небольшія траншеи и пройдя въ разныхъ направленіяхъ сохою ¹⁾ по средней распаханной части городища, а равно и по его окраинѣ, гдѣ сохранилась еще узкая полоса „залога“ или „цѣлины“, мы не нашли ничего, кромѣ

¹⁾ Къ этому способу я позволялъ себѣ прибѣгать исключительно на давно уже распаханыхъ болгарскихъ городищахъ, гдѣ единственною добычею могутъ быть только черепки и притомъ лишь тогда, когда не удавалось имѣть рабочихъ, кромѣ тѣхъ, которые работали съ сохою по близости отъ пункта наблюденія.

мелкихъ глиняныхъ черепковъ, нѣсколькихъ желѣзныхъ обломковъ и кусковъ овалыны. Обходъ деревни также мало помогъ дѣлу: коллекція пополнилась только 11-ю джучидскими монетами и двумя небольшими сосудами—глинянымъ и желѣзнымъ. Что-же касается восьмиведернаго кувшина, о которомъ слышалъ здѣсь г. Штукенбергъ въ 1879 году, то онъ оказался уже разбитымъ.

Тѣмъ не менѣе свѣтаніе по подѣ-бконью для сбора „не-вѣрныхъ денежекъ“ не прошло совсѣмъ безслѣдно. Изъ разговоровъ съ крестьянами удалось выяснитъ довольно опредѣленно вопросъ о дѣйствительныхъ размѣрахъ бывшаго здѣсь нѣкогда болгарскаго города. Къ разрѣшенію этого вопроса уже близко подходилъ г. Износковъ, указавшій, что близъ с. Жукотина, къ востоку отъ него, находится „старое татарское жилище“, и г. Артемьевъ, сообщавшій, что, кромѣ описаннаго выше городка, къ востоку отъ него располагаются какія-то ямы, называемыя крестьянами „баттареями“, а къ западу — „на другомъ берегу ручья находилось кладбище“, на которомъ еще въ недавнее время стояли могильные камни, растасканныя окрестными жителями на каменки и фундаменты; что между кладбищемъ и с. Жукотинимъ есть слѣды „старога татарскаго жилища“, на которомъ жукотинскіе крестьяне выпахиваютъ мѣдныя и серебряныя татарскія денежки, напрясла, черепки и глиняные сосуды, и что, наконецъ, ручей называется Каменнымъ Мостомъ, указывая этимъ прозвищемъ на существованіе сооруженія, соединявшаго городокъ съ кладбищемъ.

Всѣ эти данныя, обратившія на себя вниманіе гг. Артемьева и Износкова, характеризуютъ, конечно, значительную населенность нижняго теченія Жукоти, но не даютъ еще картины одного неразрывнаго цѣлага.

Тѣмъ не менѣе, при ближайшемъ ознакомленіи съ мѣстностью, эти разбросанныя слѣды древняго населенія легко связываются между собою и даютъ представленіе о значительномъ городѣ, топографія котораго представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) На правомъ берегу низовьевъ Жукоти, на крутомъ горномъ мысу, господствующемъ надъ всей окрестной мѣстностью, находилось укрѣпленіе, служившее обсерваціоннымъ постомъ и защитой населенію во время вражескихъ набѣговъ.

2) Что касается ямокъ, находящихся къ юго-востоку отъ этого укрѣпленія, то предположеніе крестьянъ, видящихъ въ нихъ „русскія баттарен“, устроенныя съ цѣлью взятія города, а равно и предположеніе Артемьева, что здѣсь болгары брали землю для насыпки валовъ — не представляются вѣроятными: во 1-хъ потому, что въ этихъ ямкахъ и почвѣ, окружающей ихъ площади, попадаются такіе-же черепки, какъ и на городищѣ; во 2-хъ потому, что размѣры валовъ вполне доказываютъ, что для насыпки ихъ за-глаза достаточно было и той земли, которая вынималась изъ рововъ, а въ 3-хъ, наконецъ, и потому, что на всѣхъ вообще нераспаханныхъ древне-болгарскихъ жилищахъ встрѣчаются подобныя-же ямки, идущія иногда правильными улицами и указывающія на слѣды болгарскихъ построекъ-землянокъ.

Такимъ образомъ съ гораздо большимъ правдоподобіемъ можно признать, что площадь, покрытая ямками и примыкавшая въ указанному выше укрѣпленію съ юго-востока, была городскимъ посадомъ.

3) Къ западу отъ этого посада, на противоположномъ, т. е. лѣвомъ берегу Жукоти, находилось по мѣстному преданію, отмѣченному Артемьевымъ, древнее татарское кладбище съ могильными камнями, которые были растащены окрестными обывателями для домашнихъ потребностей.

Преданіе это нашло себѣ фактическое подтвержденіе. Въ селѣ Жукотинѣ, за церковной оградой, близъ обрыва береговой равнины къ Камѣ, мнѣ былъ указанъ обломокъ могильнаго камня, вырытый изъ земли при завладѣніи фундамента для новой церкви. На этой плитѣ изъ песчаника, величиною около квадратнаго аршина, надпись почти изгладилась и только внизу сохранилось мѣстами нѣсколько словъ или скорѣе отдѣльныхъ арабскихъ буквъ. Снятая мною точная копія, если и не даетъ

возможности опредѣлить содержаніе надписи, то по крайней мѣрѣ позволяетъ отнести ее по характеру начертанія къ 14 вѣку. Никакихъ другихъ слѣдовъ древняго татарскаго владѣнія въ той мѣстности, гдѣ найденъ былъ этотъ обломокъ, никогда не встрѣчалось, поэтому и можно думать, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ камней, которые въ старыя годы были растащены жуковцами съ лѣваго берега рѣчки.

4) На всемъ пространствѣ отъ этой рѣчки до 'с. Жуковина, т. е. на пространствѣ около двухъ квадратныхъ верстъ, въ верхнемъ слое почвы залегаютъ черепки глиняныхъ сосудовъ, желѣзные обломки и куски окалины. Эта-то площадь, площадь распространенія черепковъ, по словамъ жуковинскихъ и данауровскихъ крестьянъ, и была прежде главнымъ пунктомъ мѣстныхъ находокъ, въ числѣ которыхъ они упоминаютъ глиняную посуду, „невѣрныя денежки“, кольца, наручники, таганы и проч. Поле это давно уже распахивается и цѣнные предметы встрѣчаются теперь, и то изрѣдка, въ одномъ только мѣстѣ: въ лѣвомъ склонѣ оврага, по которому течетъ Жуковъ. Здѣсь данауровскіе крестьяне выработываютъ известнякъ, при чемъ и находятъ иногда небольшіеклады монетъ и галантерей. Такъ еще весною 1880 г. одинъ рабочій нашелъ 25 сереб. татар. денегъ, а другой—сереб. браслетъ и серьги.

Изъ приведенныхъ данныхъ не трудно заключить, что описанная площадь, примыкавшая къ укрѣпленію съ запада и отдѣлявшаяся отъ него только узкою ложбиною рч. Жукови, представляла собою ничто иное, какъ наиболѣе обширную часть городскаго посада. Нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что черезъ рѣчку былъ устроенъ и каменный мостъ, какъ это предполагаетъ Артемьевъ, основываясь на забытомъ уже теперь названіи ручья.

Возстановивъ такимъ образомъ, насколько это оказалось возможнымъ, топографію древняго города, бывшаго въ районѣ Данауровки и Жуковина, сдѣлаю еще нѣсколько замѣчаній относительно его народности, названія и эпохи существованія.

Вопросъ о народности разрѣшается безъ всякихъ затрудненій: мѣстные глиняные черепки и сосуды, по приемамъ и качеству выработки и характеру орнамента, совершенно того же типа, который можно считать общимъ для всѣхъ второстепенныхъ болгаро-татарскихъ городищъ; ту же культуру обнаруживаютъ и золотоордынскія монеты, и характерныя укрѣпленія съ прорѣзами для воротъ, и обломки могильнаго камня.

Болѣе серьезнымъ представляется вопросъ о названіи бывшаго здѣсь болгаро-татарскаго города. Всѣ писавшіе о немъ присвоиваютъ ему имя Жукотина, исходя изъ того факта, что названіе близлежащаго села Жукотина однозвучно съ именемъ болгарскаго города, упоминаемаго въ нашихъ лѣтописяхъ. Но одно созвучіе едва ли можетъ быть признано достаточнымъ въ рѣшеніи подобнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ лѣтописяхъ названіе города подвергается весьма разнообразнымъ видоизмѣненіямъ: онъ называется и Жукотинымъ и Жюкотинымъ, а князья его—Жукотинскими, Жукотинскими, Жукотенскими и даже Жекотстими и Жуонстими. Такимъ образомъ для названія города можетъ быть построено цѣлыхъ пять вариаций: Жукотинъ, Жукотынъ, Жукотень, Жекоть и даже Жуонъ. Если бы имя города сохранилось въ мусульманскихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ, то вопросъ о названіи разрѣшился бы, конечно, очень просто. Но татарскіе источники молчатъ, и мы не знаемъ, какъ сами болгары называли городъ, слѣды котораго сохранились на Чистопольскомъ побережьи.

Интересуясь этимъ вопросомъ, я обращался, между прочимъ, къ покойному Н. И. Ильминскому съ просьбой, не найдетъ ли онъ возможнымъ объяснить лѣтописное названіе изъ татарскаго языка. Но Н. И. не нашелъ ничего подходящаго, тѣмъ болѣе, что въ татарскомъ языкѣ нѣтъ даже и звука Ж, а есть ДЖ. Объясненіе явилось совершенно случайно. Я предложилъ заняться этимъ вопросомъ одному знакомому муллѣ изъ д. Кугарчино Лаишевск. у., Мухаметзану Зайтову, который навѣщалъ меня, бывая въ Казани ¹⁾. Въ первый же

¹⁾ Съ особеннымъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ вспомнить объ этомъ, такъ какъ г. Зайтовъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ пре д

послѣдующій прїѣздъ онъ заявился ко мнѣ и, еще не поздоровавшись, съ довольной улыбкой проговорилъ: „А вѣдь я узналъ насчетъ Жукотина-то“.

— Что-же именно?

— А то, что городъ-то назывался Джукетау... А русскіе передѣляли это слово въ Жукотинъ.

— Какъ-же ты узналъ?

— Очень просто. Ыздилъ въ гости въ Чистополь, гулялъ съ знакомыми татарами по берегу и, указывая на Данауровскую гору, спрашиваю: „Какъ зовется у васъ эта гора?“ — „Джукетау“, говорятъ. — „Почему?“ — „А потому, что липа тутъ растеть“. Вотъ и все. Значить, болгарскій-то городъ назывался не Жукотинъ, а Джукетау. По русски это будетъ: „Липовая гора“.

Я принужденъ былъ согласиться, что это дѣйствительно очень просто, такъ какъ у татаръ подобныя прозвища городовъ, характеризующія растительный покровъ или почву горы, на которой располагался городъ, представляются заурядными. Въ томъ-же Чистопольскомъ уѣздѣ есть слѣды болгаро-татарскаго города „Тубулгутау“, т. е. Таволжья гора¹⁾, имя котораго встрѣчается у татарскаго лѣтописца половины XVI вѣка Шерефъ-эд-дина Булгари.

Такимъ образомъ устанавливается точное названіе еще одного болгаро-татарскаго города Джукетау. Вотъ почему я и озаглавилъ настоящую замѣтку „Владѣніями липовогорскихъ князей“.

ставителей своей народности, которые не только хорошо освоились съ русскимъ языкомъ, но интересуются наукой и русской литературой и даже прїобрѣтаютъ себѣ русскія книги, особенно историческаго содержанія. Нельзя не пожалѣть, что почему-то въ послѣдніе годы прекратились сношенія г. Зантова съ Каз. археол. обществомъ, членомъ-сотрудникомъ котораго онъ состоялъ и даже напечаталъ въ «Извѣстіяхъ» очеркъ Чаллынскаго городища.

¹⁾ Подробности объ этомъ городѣ, мѣстность котораго и до сихъ поръ покрыта кустарникомъ таволги, найдутъ себѣ мѣсто въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Что касается хронологическаго вопроса, т. е. вопроса о времени существованія г. Джукѣ-тау, то онъ можетъ быть рѣшенъ только приблизительно.

Первое упоминаніе этого города въ русскихъ лѣтописяхъ относится къ 1359 г. Въ послѣдній разъ встрѣчается его имя въ описаніи боя въ Лысковѣ въ 1411 году. Никон. лѣтопись, говоря объ этой битвѣ между московскими и суздальскими князьями, указываетъ въ числѣ союзниковъ послѣднихъ „князей болгарскихъ и Жукотенскаго“. (V. 36).

Фактъ этотъ, важный самъ по себѣ, какъ характеризующій съ одной стороны извѣстную обособленность князей Джукѣ-тау, а съ другой — и ихъ отношенія къ своимъ ближайшимъ русскимъ сосѣдямъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность точно установить промежутокъ времени, въ который г. Джукѣ-тау существовалъ несомнѣнно. Этотъ промежутокъ = 52 годамъ (отъ 1359 до 1411) и относится исключительно къ монгольской эпохѣ Камской Булгаріи. Но онъ не исчерпываетъ, конечно, всей продолжительности существованія города, такъ какъ въ 1359 г. князья Джукѣ-тау жаловались въ Ордѣ, что русскіе ушкуйники грабятъ ихъ „безпрестани“, т. е. что набѣги на г. Джукѣ-тау бывали и раньше.

Въ какой-же степени можно раздвинуть предѣлы существованія г. Джукѣ-тау?

На этотъ вопросъ могли-бы, конечно, пролить значительный свѣтъ нумизматическіе факты. Но къ сожалѣнію, большая часть здѣшнихъ монетъ исчезала отъ опредѣленія въ рукахъ чистопольскихъ серебряковъ и мѣдниковъ, и только Невоструевъ опредѣленно говоритъ, что у него есть три монеты, найденныя на Жукотинскомъ городищѣ. Одна изъ нихъ серебряная — Узбегъ-хана, другая мѣдная — Хидыря (половины 14 в.), третья — также мѣдная — татарское пуло чеканки Новаго Сарая.

Что касается 11 монетъ, прибрѣтенныхъ нами въ 1880 году, то, по опредѣленію покойнаго В. К. Савельева, онѣ даютъ слѣдующія нумизматическія показанія:

1) Три монеты безъ именъ хановъ и хронологической даты; на одной обозначено имя г. Булгара и фигура, образующая 9 небольшихъ полей; на другой—Нов. Сарая, шестнадцать деньговъ и фигура, похожая на двуглаваго орла; на третьей—тамга и украшеніе изъ 9 небольшихъ полей (серебр.).

2) Три монеты Хызръ-хана, чеканенныя въ Н. Сараѣ (двѣ) и Гюлистанѣ (одна), въ 762 г. гиджры, т. е. въ 1360, 1 г.

3) Три мон. Джанибекъ-хана, чекан. въ Н. Сараѣ въ 752 г. гиджры, т. е. въ 1351 г. Украшеніе—распустившійся цвѣтокъ.

4) Одна монета Узбекъ-хана, болгарскій пулъ съ печатью Соломона, тамгой и годомъ—734 гиджры, т. е. 1333, 4.

5) Одна монета, чеканен. въ Булгарѣ при Б а т ы ѣ отъ имени Менгу-каана верховнаго ¹⁾.

Такимъ образомъ всѣ факты какъ лѣтописныя, такъ и нумизматическіе не даютъ никакихъ указаній на существованіе г. Джуке-тау въ до-монгольскую эпоху, въ періодъ самостоятельнаго существованія Великой Булгаріи.

Тѣмъ не менѣе представляется возможность исвать начало г. Джуке-тау именно въ этой эпохѣ. У Татищева, пользовавшагося несохранившимися до нашего времени источниками, прямо сказано, что въ 1236 году „пришли татары на великихъ Болгаръ, всю землю ихъ поплѣнили, градъ Великій и Жукотинъ по жестокимъ боямъ взявъ, всѣхъ мужей и женъ порубили, а младыхъ поплѣнили, и всѣ земли ихъ обладали“ ²⁾.

Это показаніе, не довѣрять которому нѣтъ основаній, о предѣленно свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Джуке-тау существовалъ уже и въ до-монгольскій періодъ, т. е. въ самомъ

¹⁾ Монетъ съ именами первыхъ четырехъ хановъ Золотой Орды (Батия, двухъ его сыновей и Берке-хана) не встрѣчается; онѣ чеканились во имя верховныхъ каановъ Великой Монгольской имперіи — Менгу и Эрикъ-бека. Монеты съ именами хановъ Золотой Орды появляются только при Менгу-Тимурѣ, т. е. при пятомъ ханѣ.

²⁾ «Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ», Татищевъ, т. 3, ст. 465.

началѣ 13 вѣка, что и доводитъ доказанный промежутокъ времени существованія г. Джуке-тау по крайней мѣрѣ до 175 лѣтъ (отъ 1236 до 1411). На самомъ дѣлѣ онъ былъ, конечно, еще значительнѣе, расширяясь въ ту и другую сторону. Но для точнаго рѣшенія вопроса, за сколько времени до 1236 года возникъ городъ и долго-ли онъ просуществовалъ послѣ 1411 — нѣтъ данныхъ. Можно только думать, что запустѣніе г. Джуке-тау относится къ моменту завоеванія болгарской земли въ 1431 году, когда „внзязъ великій Василей посылалъ ратью на Болгаръ Волжскихъ князя Ѳедора Дав. Пестраго; онъ-же шедъ, взять ихъ, и всю землю ихъ плѣни“. Основаніемъ для подобнаго предположенія можетъ служить то, что въ наступившемъ затѣмъ казанскомъ періодѣ Булгаріи г. Джуке-тау въ нашихъ лѣтописяхъ уже болѣе не упоминается.

Но обратившись въ пустошь, мѣстность бывшаго города снова стала заселяться послѣ паденія Казани. Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ 1648 года уже упоминается „по ногайской дорогѣ с. Новое Никольское, Жукотино тожъ, въ вотчинѣ за Саввою Тимошеевымъ сыномъ Аристовымъ, у р. Жукоти“.

Такъ какъ имя города Джуке-тау не встрѣчается въ татарскихъ лѣтописяхъ и не сохранилось въ памяти позднѣйшихъ татаръ, то надо думать, что первые русскіе насельники этой мѣстности назвали свое село Жукотинымъ по имени горы Джуке-тау, прозвище которой удержалось отъ стародавнихъ временъ и у современныхъ чистопольскихъ татаръ.

Окончивъ характеристику данныхъ о г. Джуке-тау, я перехожу затѣмъ къ обзору его ближайшихъ окрестностей. Въ нашихъ лѣтописяхъ указывается одновременное существованіе нѣсколькихъ жукотинскихъ князей и такимъ образомъ дается поводъ думать, что близъ г. Джуке-тау находилась цѣлая система ауловъ, которые могли управляться отдѣльными князьками. Это обстоятельство и дѣлаетъ необходимымъ воспользоваться тѣхъ археологическихъ данныхъ, которые

разсѣяны на камскомъ побережьи до устья Шешмы на востокѣ и до рѣчки Бахты на западѣ.

Ознакомившись съ этой мѣстностью очень бѣгло и мимоходомъ, я ограничусь только нѣсколькими краткими замѣчаниями, которыя могутъ служить дополненіемъ къ книгѣ г. Шпилевскаго и трудамъ, цитируемыхъ имъ авторовъ.

Къ востоку отъ с. Жукотина замѣчательны въ археологическомъ отношеніи долины рѣчекъ Ерыклы и Грязнухи, а къ западу—окрестности д. Березовки и долина р. Бахты.

Долина р. Ерыклы. Рѣчка Ерыкла выбѣгаетъ на камское займище верстахъ въ 6 къ востоку отъ Чистополя, изъ тѣснаго и глубокаго берегового ущелья, ограниченнаго съ правой стороны высокимъ и обрывистымъ горнымъ мысомъ, основаніе котораго состоитъ изъ массивной толщи грязно-сѣраго песчаника, а верхняя часть—изъ известняковъ. Горный мысъ оканчивается массивнымъ висячимъ камнемъ, подъ которымъ внизу, у самой подошвы горы, нагромождены въ безпорядкѣ каменные глыбы. Одна изъ нихъ, наиболѣе отдаленная и потому, вѣроятно, и болѣе древняя по времени отдѣленія отъ скалы, обращаетъ на себя нѣкоторое вниманіе. Это—громадный обломокъ очень твердаго песчаника въ 3 саж. длины и одну—толщины, приближающійся по формѣ къ трехъугольной призмѣ. Близъ переднаго, болѣе другихъ заостреннаго, угла призмы сдѣланы 4 глубокия нарѣзки—двѣ на верхней поверхности и двѣ на боковой. Нарѣзки вполне правильной формы: каждая пара представляетъ изогнутыя параллельныя линіи.

— Что у васъ рассказываютъ объ этомъ камнѣ? спросили мы у сопровождавшаго насъ десятника с. Зміева.

— Да ничего не рассказываютъ, а такъ болтаютъ только, будто чертъ черезъ него на телѣгѣ переѣхалъ—вотъ и вышли полосы... Извѣстно, зрятину болтаютъ...

Не съ бдльшей вѣроятностью разсуждали объ этомъ камнѣ Мельниковъ и Риттихъ, изъ которыхъ первый задавался довольно неожиданнымъ вопросомъ: не начерталъ-ли эти знаки „въ память временъ грядущихъ“ Владиміръ Святой, а второй—

не представляет-ли этотъ камень слѣдовъ друидизма у первоначальныхъ насельниковъ Казанской губ.

Отвѣчая на запросъ книги г. Шпилевскаго, который нашелъ описаніе Мельникова „темнымъ и малопонятнымъ“, я считаю умѣстнымъ замѣтить только, что Мельниковъ поступилъ-бы болѣе цѣлесообразно, если-бы остановился исключительно на своемъ-же собственномъ указаніи, что въ записяхъ 17-го вѣка упоминаются въ числѣ пограничныхъ знаковъ—нарѣзы на камняхъ.

Дѣйствительно, стоитъ только взглянуть на описанный камень, чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ былъ нѣкогда окончностью скалы и, какъ пунктъ видный отовсюду, представлялъ всѣ удобства для означенія межевой грани.

Верхняя площадь горнаго мыса, образующаго правый берегъ Ерыкы, представляетъ собою городище, часть котораго занимаетъ нынѣ с. Зміево. Городокъ ограниченъ съ трехъ сторонъ крутыми обрывами, а съ четвертой—защищенъ уже совсѣмъ почти изгладившимися валами. Въ трехъ верстахъ къ юго-востоку отъ села есть еще одинъ городокъ, расположенный въ совершенно ровной мѣстности и потому огражденный валами со всѣхъ сторонъ. Никакихъ находокъ, по словамъ крестьянъ, на этихъ городкахъ не встрѣчается и потому о культурѣ ихъ пришлось-бы судить исключительно по типу глиняныхъ черепковъ, еслибы не сохранился въ с. Зміевѣ тотъ могильный камень, который охарактеризованъ былъ въ „Замѣткахъ о городищахъ Каз. губ.“ именемъ „камня съ неизвѣстной надписью“ и, по словамъ ихъ, найденъ былъ близъ вала полевого городка, а по увѣренію крестьянъ всегда лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣ, т. е. среди самаго с. Зміева, въ двухъ шагахъ отъ дороги.

Снятая нами „неизвѣстная надпись“ оказалась арабской и, по опредѣленію І. Ф. Готвальда, заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

„Онъ живой, который не умираетъ. Эта могила... Да помилуетъ ее Богъ своимъ милосердіемъ обширнымъ“.

Такимъ образомъ этотъ могильный памятникъ, стоявшій надъ прахомъ мусульманки, имя которой изгладилось, и относящійся по характеру письма, какъ заключаетъ г. Готвальдъ, къ 14 вѣку, — служитъ яснымъ показателемъ того, что городища долины Ерылы представляютъ собою ничто иное, какъ слѣды болгаро-татарскихъ укрѣпленныхъ поселеній—современниковъ города Джуке-тау.

Д о л и н а р. Г р я з н у х и. Версты за 4 къ востоку отъ с. Змѣева выходитъ на камское займище широкій доль, по которому протекаетъ небольшая рѣчка Грязнуха. Съ мостика, перекинутаго черезъ нее, открывается видъ почти на всю долину. Ниже его—привольно раскинувшееся камское займище съ своими топями, озерами и протоками; съ боковъ—обрывистые склоны долины, изъ которыхъ правый въ полуверстѣ отъ моста обвѣнчивается голымъ известняковымъ утесомъ; выше—развѣтвленія долины или по мѣстному прозвищу „отноги“, по которымъ пробѣгаютъ Студеный Ключъ и притоки Грязнухи—Грязнуха Рубежная и Мѣстная.

У самаго мостика, на правомъ берегу Грязнухи, располагается кругообразный холмъ, имѣющій въ діаметрѣ около 30 саж., а въ высоту около 2-хъ аршинъ; сторона, обращенная къ рѣчкѣ, подмыта и обнаруживаетъ глинистое сложеніе.

„Пригорокъ этотъ—разсказывали намъ крестьяне сосѣдняго с. Булдыря—былъ почитай совсѣмъ круглый, да мостовицки стали изъ него землю брать и водой его подмываетъ... А какъ стануть землю копать—кости вываливаются, вотъ и на дняхъ еще какъ-есть цѣлаго челоуѣка отрыли... А про находки у насъ не слыхать; болтали допрежъ на селѣ, будто одинъ мужикъ саблю нашель, да и то не здѣсь, а на горахъ“¹⁾.

Хотя изъ этого разсказа и можно было заключить, что описанный холмъ представляетъ собою могильную насыпь, но раскопать его вполнѣ оказалось невозможнымъ, таеъ какъ

¹⁾ Въ с. Булдырѣ мы приобрѣли только одинъ боевой топоръ (типъ, встрѣчавшійся нерѣдко на болгарскихъ городищахъ).

средняя часть его занята часовней. Частичная-же раскопка, произведенная со стороны рѣчки, дала слѣдующій результатъ: на глубинѣ аршина обнаружился костякъ безъ голеней и ступней, которые, очевидно, вымыты были водою или извлечены мостовщиками; костякъ располагался на спинѣ, головою на сѣверо-западъ, ногами на юго-востокъ; черепъ на правой скульѣ, руви вдоль туловища, надъ лѣвымъ ухомъ—мѣдная серьга.

Такимъ образомъ рассказъ крестьянъ подтвердился и бу-горокъ на Грязнухѣ оказался курганомъ.

На верхней площади указаннаго выше известняковаго утеса обнаружилось городище, упоминаемое, но не описанное Артемьевымъ. Утесъ или правильнѣе горный выступъ, поднимающаясь сажень на 8 надъ займищемъ, круто обрывается на 3 стороны: на сѣверъ—къ Камѣ, на западъ къ Грязнухѣ и на югъ—къ боковому овражку; съ востока-же, т. е. со стороны обращенной въ с. Булдырю и вполне доступной, онъ защищенъ двумя раздѣленными ровомъ валами, которые, при высотѣ двухъ аршинъ, тянутся всего на протяженіи 13 сажень и въ средней части прорѣзаны воротами. Площадь городка имѣеть не болѣе 150 сажень въ окружности и на столько повата, что культурный слой снесенъ безъ остатка. На обнаженной каменной почвѣ не сохранилось даже ни одного глинянаго черепка, такъ что только по строенію валовъ можно было заподозрить болгарское происхожденіе городка и по характеру мѣстности признать его сторожевымъ постомъ.

Но что-же онъ могъ сторожить?

Этотъ вопросъ разъяснился до извѣстной степени изъ рассказовъ мѣстныхъ крестьянъ. Оказалось, что выше моста на Грязнухѣ, горныя площадки по сторонамъ ея долины во многихъ мѣстахъ покрыты глиняными черепками, а версты за 3 отъ моста, на одномъ изъ горныхъ выступовъ, еще недавно лежалъ „писанный камень“, длиною въ 1 $\frac{1}{2}$, аршина, а шириною въ $\frac{3}{4}$. „Камень былъ, почитай такой-же, какъ въ Зміевѣ—говорили очевидцы: на верху звѣзда, а подъ звѣздой надпись, но только на нашемъ камнѣ письма было много больше“.

Хотя этотъ камень, разбитый еще очень недавно пастухами, и не существуетъ болѣе, но детальность въ описаніи его позволяетъ вѣрить разсказу и, на основаніи его, придти къ заключенію, что въ бассейнѣ Грязнухи, во времена существованія города Джуке-тау, были болгарскіе аулы.

Что-же касается описаннаго выше кургана, то, не имѣя достаточныхъ данныхъ для рѣшенія вопроса о его народности и эпохѣ, я оставляю его открытымъ и только ограничусь замѣчаніемъ, что сосѣднее село Булдырь хотя и населено исключительно русскими, но носитъ названіе чувашское. Слово Булдырь состоитъ изъ двухъ словъ: „пол“—обильный и „тыръ“—хлѣба; „тыръ-болъ“ означаетъ „обиліе хлѣба“, а „пол-дыръ“—„густой хлѣбъ“.

Мѣстность къ западу отъ с. Жуковина и долина р. Бахты. Версты за 4 къ западу отъ с. Жуковина, на самой окраинѣ горной площади, обращенной къ Камѣ, располагаются д. Березовка и с. Кубасы, отдѣленные другъ отъ друга оврагомъ.

Въ дачѣ д. Березовки Мельниковъ указывалъ городище, но это невѣрно. Городище находится въ дачѣ с. Жуковина, къ западу отъ него версты за 1 $\frac{1}{2}$. Береговое нагорье разсѣвается здѣсь двумя соединенными между собою оврагами—Тюбеновымъ и Студенымъ и образуетъ четыре „стрѣлки“, т. е. треугольныя площадки, круто обрывающіяся къ Камѣ и оврагамъ. Восточная изъ этихъ стрѣлокъ, ближайшая къ с. Жуковину, покрыта мелкимъ чернолѣсьемъ и ограждена съ доступной стороны высокимъ валомъ (1 $\frac{1}{2}$ саж.) и вѣшнимъ рвомъ. Валъ длиною въ 75 сажень и на 20-й сажени отъ Тюбенева оврага разсѣченъ воротами. Городекъ никогда не распахивался, находокъ на немъ по этому не встрѣчалось, но на „стрѣлкѣ“ Студенаго оврага попадаются черепки. По типу укрѣпленія и черепковъ, онъ можетъ быть отнесенъ къ числу болгарскихъ.

Дача с. Кубасъ съ западной стороны ограничена долиною рѣчки Бахты, правый берегъ которой образуетъ мѣстами высокіе крутые „притесы“ или обрывы, обнаруживающіе извест-

няки, прикрытые мергелями. По отлогости лѣваго берега Бахты раскинулись селенія—Иванаево, Утяково и Байтеряково. Противъ Утякова, на кручѣ праваго берега рѣчки, находится между двумя боковыми овражками пространное городище, укрѣпленное тремя валами и двумя рвами, которые, протягиваясь на 150 саженъ, въ средней части разсѣваются воротами. Площадь городка никогда не распахивалась и сплошь покрыта бугорками и ямками, какъ и часть смежнаго поля. Обломки глиняной посуды, разсѣянные здѣсь въ изобиліи повсюду, совершенно однородны съ паходимыми на мѣстѣ г. Джукетау и такимъ образомъ позволяютъ отнести Утяковское городище къ числу болгарскихъ ауловъ—современниковъ г. Джукетау.

Подобное-же городище находится, по словамъ крестьянъ, и противъ с. Байтерякова на кручѣ праваго берега Бахты, называемой Красной горкой.

Изложенными данными и исчерпываются мои свѣдѣнія о районѣ болгарскаго г. Джукетау. С. М. Шпилевскій нашелъ возможнымъ включить въ „Жукотинскій округъ“ еще бассейны рѣкъ Кирмени и Шумбута. Но на мой взглядъ, подобное расширение владѣній „князей Джукетау“ совершенно произвольно. Кирмень и Шумбутъ находятся на противоположной, т. е. правой сторонѣ Камы и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній причислять слѣды находящихся на ихъ берегахъ болгарскихъ ауловъ къ описанному району. Липовая гора (Джукетау) располагается на лѣвомъ берегу Камы. Здѣсь должны быть и „Владѣнія липовогорскихъ князей“.

П. Пономаревъ.

КНИГИ РАЗРЯДНЫЯ

ВЪ ОФИЦІАЛЬНЫХЪ ИХЪ СПИСКАХЪ, КАКЪ МАТЕРІАЛЪ
ДЛЯ ИСТОРИИ СИБИРИ XVII ВѢКА.

Во времени появленія въ свѣтъ оставшагося неоконченнымъ „Описанія Сибирскаго царства“ Миллера и до нашихъ дней Сибирь не нашла себѣ еще историка. Были люди, занимавшіеся исторіей Сибири,—они оставили намъ различныя изслѣдованія по тому или другому вопросу, но исторіи Сибири не дали. Тѣмъ временемъ матеріалы для таковой все накапливались; по мѣрѣ организаціи центральныхъ московскихъ архивовъ и большей доступности ихъ количество сыраго матеріала все разрасталось. Задача историка, съ одной стороны, какъ будто облегчалась, а съ другой, напротивъ, становилась все труднѣе. Современныя требованія и взгляды на исторію настолько подвинулись, что выступить въ роли историка Сибири въ настоящее время можетъ лишь человѣкъ, ознакомившійся со всѣмъ имѣющимся матеріаломъ. Это ознакомленіе и представляется особенно труднымъ, главнымъ образомъ потому что матеріалы разбросаны повсюду, не систематизированы, не обработаны, представляютъ изъ себя безжизненную, неодухотворенную массу. Требуется тяжелая предварительная работа группировки, распредѣленія и критическаго освѣщенія имѣющихся данныхъ. Въ этомъ направленіи и идутъ новѣйшія работы проф. Буцинскаго, собирающагося писать исторію Сибири.

Ознакомившись съ содержаніемъ Книгъ Разрядныхъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ изданныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи, и найдя тамъ не мало любопытныхъ данныхъ по исторіи Сибири, мы рѣшаемся ихъ представить вниманію будущихъ историковъ этой страны. Дѣлаемъ это еще и потому, что до сего времени изслѣдователи жизни Сибири XVII вѣка почему то совершенно игнорировали этотъ источникъ,—по крайней мѣрѣ, намъ ни разу не довелось встрѣтить въ какихъ бы то ни было специальныхъ изслѣдованіяхъ о Сибири ссылку на Книги Разрядныя.

I.

По мѣрѣ усиленія политическаго значенія великаго князя Московскаго и расширенія его владѣній за счетъ другихъ удѣльныхъ князей государственное устройство московскаго княжества постепенно становилось все болѣе и болѣе сложнымъ; когда же наконецъ Москва стала центромъ русскаго царства и великій князь принялъ титулъ Государя, Царя и Великаго Князя „всѣа Русіи“, система государственнаго управленія, путемъ постепеннаго наслоенія учрежденій разнаго рода приняла формы крайне сложныя, спутанныя, до сего времени еще не достаточно выясненныя. Распорядительными органами правительства являлись въ то время Приказы различныхъ наименованій и съ функціями самыми разнообразными. Взаимное соотношеніе Приказовъ между собой съ трудомъ поддается опредѣленію болѣе или менѣе точному; еще менѣе въ состояніи мы строго разграничить предметы вѣдомства того или другаго Приказа. Нужно думать, что такого строгаго разграниченія и не существовало въ то время, что вполне объясняется самою исторіею возникновенія Приказовъ. Едвали будетъ ошибкой утверждать, что московскіе Приказы не болѣе какъ распавшіяся части, осколки того единаго учрежденія, которое въ свое время вѣдало дѣлами всего удѣльнаго княжества, являясь, такъ сказать, конторой или канцеляріей

князя-правителя. Все болѣе усложнявшіяся условія управленія, въ связи съ территоріальными приобрѣтеніями, постепенно расширяли дѣятельность этого органа, пока наконецъ, силою вещей, отъ него не стали отдѣляться другъ за другомъ разныя отдѣльныя части, образуя самостоятельныя органы Приказы. Исторически слагаясь по мѣрѣ того, какъ или специализировалась та или другая отрасль управленія или присоединялась къ Москвѣ новая область, Приказы по предметамъ своего вѣдомства дѣлились на двѣ группы: одни завѣдывали какимъ либо специальнымъ дѣломъ, другіе вѣдали областями во всемъ объемѣ ихъ управленія. Отсюда вытекала неизбежная запутанность, затрудняющая точное опредѣленіе границъ компетентности того или другаго Приказа.

Смутное время междуцарствія не отразилось на внутреннихъ распорядкахъ московскихъ Приказовъ; они продолжали функционировать все въ томъ же направленіи, развивая свою дѣятельность въ зависимости отъ политическаго и административнаго роста государственнаго строя московскаго царства.

Въ силу историческихъ условій русской государственной жизни воинскія дѣла въ Москвѣ стояли всегда на первомъ планѣ, почему весьма вѣроятно, что завѣдываніе ими выдѣлилось изъ общаго управленія еще въ очень отдаленныя времена. Впослѣдствіи дѣла эти сосредоточены были въ такъ называемомъ „Розрядѣ“ или Разрядномъ Приказѣ. Учрежденіе это, вѣдавшее такимъ образомъ дѣлами первой государственной важности несомнѣнно стояло близко къ Государю и тѣмъ выдѣлялось, такъ сказать, изъ ряда другихъ Приказовъ. Значеніе его въ общемъ государственномъ строѣ значительно увеличилось, когда въ немъ, помимо собственно военныхъ дѣлъ, сосредоточились и дѣла по мѣстничеству.

Возникшее первоначально на почвѣ спора о древности и первенствѣ однихъ родовъ передъ другими, мѣстничество, впослѣдствіи, подъ вліяніемъ все усиливающейся царской власти, когда служебная близость къ царю стала единственнымъ мѣ-

риломъ значенія того или другаго лица,—измѣнило свой характеръ и спорившіе о „мѣстѣ“ начали основывать свои права уже на службѣ своей и своихъ предковъ, опредѣляя старшинство рода отличіями и значеніемъ служебнымъ. Разъ вопросъ о „мѣстахъ“ изъ спора о древности и знатности рода перешелъ въ споръ о важности „службы“, въ зависимости отъ извѣстной близости къ царю, мѣстничество явилось обстоятельствомъ крайне выгоднымъ для московскихъ государей, видѣвшихъ въ немъ, и не безъ основанія, подтвержденіе со стороны знатнѣйшихъ родовъ въ государствѣ своихъ правъ на безусловное главенство. Понятно почему споры „о мѣстахъ“ до извѣстной степени даже поощрялись; столь строгіе государи какъ Иванъ III и Василій III терпѣливо разбирали лично мѣстническіе споры и обсуждали взаимныя притязанія сторонъ, подробно выясняя положеніе предковъ тяжущихся и ихъ прежнюю службу. Самъ Грозный довольно мягко относился къ мѣстническимъ счетамъ, можетъ быть, какъ полагаютъ г. Иловайскій ¹⁾ съ тайною цѣлью постоянно возбуждать соперничество среди боярской знати и тѣмъ мѣшать сплотиться ей въ одно сильное сословіе, опасное для развившагося самодержавія.

Такъ какъ мѣриломъ „мѣста“ являлась служба, а подъ службой въ то время почти исключительно понималась служба ратная, то очевидно, что всѣ свѣдѣнія, необходимыя для правильного разрѣшенія мѣстническихъ споровъ, слѣдовало искать по преимуществу въ Разрядномъ Приказѣ. Этимъ до извѣстной степени, какъ намъ кажется, можно объяснить тотъ фактъ, что въ вѣдѣніи Разряднаго Приказа сосредоточены были и всѣ мѣстническія дѣла. Само собой разумѣется, что съ присоединеніемъ этого рода дѣлъ дѣлопроизводство Разряднаго Приказа неизбежно должно было увеличиться и осложниться. Очень вѣроятно, что въ началѣ по крайней мѣрѣ какъ распоряженія военныя, такъ и указы по мѣстничеству вносились

¹⁾ Исторія Россіи, т. III. 415.

въ однѣ и тѣ же, такъ сказать настольныя книги Приказа. Со временемъ, по мѣрѣ усиленія и возвышенія придворной службы появилась необходимость точно отмѣчать всѣ проявленія службы, и въ этомъ направленіи, не имѣвшемъ уже ничего общаго со службой ратной, — результатомъ чего явились особыя книги, хроники царскаго двора. Наконецъ, что тоже кажется не можетъ подлежать сомнѣнію, Разрядъ велъ книги „случаевъ“ мѣстническихъ, куда по всѣмъ вѣроятіямъ вносились подлинникомъ челобитныя тяжущихся сторонъ, всѣ документы ими представленныя, словомъ весь тотъ матеріалъ, на основаніи котораго разрѣшался данный „случай“. Дьячечская практика XVII вѣка однако не выработала строго опредѣленныхъ формъ дѣлопроизводства, почему, рядомъ съ спеціальными книгами случаевъ, таковыя, хотя и вкратцѣ и далеко не всѣ, включались и въ общія настольныя книги Разряднаго Приказа, — въ книгу распоряженій по военнымъ дѣламъ и книгу дворцоваго обихода. Насталъ 1682 годъ, ознаменовавшійся уничтоженіемъ мѣстничества и сожженіемъ разрядныхъ книгъ. Само собой разумѣется, что сожжены были лишь книги мѣстническія, т. е. тѣ въ которыя вносились „случаи“; странно и непонятно было бы уничтожить записи дворцоваго обихода и военныхъ распоряженій, записи, во всякомъ случаѣ только косвенно касавшіяся мѣстничества и имѣвшія огромное значеніе какъ для разрѣшенія сложныхъ вопросовъ придворнаго этикета, такъ, что гораздо важнѣе, для руководства при обсужденіи тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ военной сферѣ. Не костеръ, разложенный въ 1682 году на крыльцѣ московскаго дворца, а всепожирающее время истребило большую часть этихъ драгоцѣнныхъ актовъ государственной жизни московскаго царства. Часто повторявшіеся опустошительные пожары, нашествіе французовъ въ 1812 году, а главное — небрежное храненіе, въ связи съ недостаточнымъ пониманіемъ всей важности охраненія этихъ актовъ — вотъ истинные виновники истребленія архивовъ Разряднаго Приказа. Только самая незначительная часть ихъ дошла до на-

шего времени и, если оказалось возможным возстановить эти любопытныя записи за время царствованія первыхъ царей дома Романовыхъ, то благодаря лишь тому обстоятельству, что въ свое время многіе роды, ревниво оберегая свою честь, запасались отдѣльными списками и выписками изъ приказныхъ книгъ, и списки эти въ довольно значительномъ количествѣ сохранились и дошли до насъ. Эти частныя списки, являвшіеся, какъ нужно думать, доказательствами, представляемыми по мѣстническимъ дѣламъ, не могутъ однако заслуживать того довѣрія, какъ записи, писанныя приказными дьяками; нерѣдко составители ихъ, по расчетамъ тщеславія, озвачали не всѣ случаи, относящіеся къ службѣ ихъ предковъ или предковъ спорившихъ съ ними о старшинствѣ. Вотъ почему потребовалось тщательное и кропотливое сличеніе цѣлой массы списковъ для возстановленія подлиннаго, истиннаго текста.

Такимъ образомъ дошедшіе до насъ остатки дѣлопроизводства Разряднаго Приказа, извѣстныя подъ общимъ именемъ разрядныхъ книгъ, съ точки зрѣнія исторической достовѣрности сообщаемыхъ ими фактовъ, подраздѣляются на книги официальныя, представляющія подлинныя производства Разряднаго Приказа и неофициальныя, частныя—являющіяся болѣе или менѣе точными копіями съ разныхъ книгъ и дѣлъ этого учрежденія.

По содержанію своему разрядныя книги разбиваются на двѣ группы: 1) книги обихода царскаго двора и 2) „Разряды“ въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. книги съ записями о всѣхъ распоряженіяхъ по службѣ военной и частью приказной. Особенно рѣзкаго различія между этими двумя основными группами разрядныхъ книгъ провести всетаки нельзя. Какъ въ тѣхъ, такъ и другихъ мы встрѣчаемъ нерѣдко свѣдѣнія по одному и тому же предмету, не говоря уже о томъ, что напр. мѣстныя случаи помѣщаются безразлично и въ книгахъ обихода царскаго двора и въ книгахъ распоряженій правительства по службѣ. Въ общихъ чертахъ можно лишь указать, что въ

книгахъ перваго рода особенно подробно излагается внутренній распорядокъ московскаго двора и придворной службы, приче́мъ лишь отчасти сообщаются свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ назначеніяхъ, тѣхъ или другихъ распоряженіяхъ по службѣ внѣ дворца; въ книгахъ же втораго рода распредѣленіе служилыхъ людей является на первомъ планѣ, наравнѣ съ указаніемъ военныхъ силъ, которыми располагало правительство въ данное время.

Въ числѣ распоряженій правительства по службѣ мы находимъ въ разрядныхъ книгахъ не только отмѣтки о назначеніи и перемѣщеніи служилыхъ людей, но и указы воеводамъ, отписки ихъ царю, а также самый распорядокъ различныхъ церемоній, по тому или другому случаю назначаемыхъ. Изъ этого краткаго перечня содержанія разрядныхъ книгъ уже видно, какою драгоценный историческій матеріалъ представляютъ онѣ для изслѣдователя московской старины; захватывая любопытѣйшія стороны государственнаго строя и общественнаго быта московскаго государства, онѣ безпристрастно отражаютъ на страницахъ своихъ данную эпоху, съ ея служебными интересами, интригами борющихся родовъ и распоряженіями правительства по водворенію порядка, благоустройства и безопасности въ странѣ.

Такой богатый матеріалъ конечно не преминулъ обратить на себя вниманіе изслѣдователей; еще въ прошломъ столѣтіи Новиковъ и Миллеръ издали нѣсколько разрядныхъ книгъ ¹⁾; въ сороковыхъ годахъ появилась известная книга Д. Валужева „Синбирскій Сборникъ“, въ которой помѣщены были разряды второй половины XVI и начала XVII вѣка. Вслѣдъ затѣмъ стали издаваться отдѣльные разряды въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. и въ другихъ сборникахъ. Наконецъ въ 50-хъ годахъ, по приказанію Императора Нико-

¹⁾ Новиковъ. Древн. Росс. Вивл., т. XIII и XIV; «Повседневныя записки Дворцовнаго времени Государей Царей и Великихъ Князей Михаила Феодоровича и Алексія Михайловича». 2 ч. М. 1769.—Изданіе Миллера.

лая Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи приведены были въ извѣстность всѣ разрядныя, какъ оффиціальныя, такъ и частныя, дошедшія до правительства. Тексты ихъ были сличены, провѣрены одни другими и изданы. Редакторы этого изданія признали необходимымъ раздѣлить весь имѣвшійся у нихъ матеріалъ по содержанію его на двѣ группы, согласно тому признаку, о которомъ мы упоминали выше. Хроники царскаго придворнаго обихода изданы были подъ названіемъ „Дворцовыхъ Разрядовъ“. Какъ видно изъ предисловія къ этому изданію, источниками для Дворцовыхъ Разрядовъ послужили почти исключительно частныя разрядныя книги, текстъ которыхъ тщательно былъ сличенъ по различнымъ спискамъ и такимъ образомъ провѣренъ. Вторая группа разрядныхъ, обнимающая распоряженія правительства по военному и частью гражданскому управленію получило названіе „Книгъ Разрядныхъ“¹⁾. Въ противоположность съ Дворцовыми Разрядами, Книги Разрядныя составлены исключительно по оффиціальнымъ спискамъ, являясь такимъ образомъ точнымъ воспроизведеніемъ дѣлопроизводственныхъ книгъ Разряднаго Приказа. Обстоятельство это конечно имѣетъ немаловажное значеніе при разрѣшеніи вопроса о степени достовѣрности помѣщенныхъ въ нихъ свѣдѣній.

Оставляя въ сторонѣ первую группу разрядныхъ—книги дворцовыхъ разрядовъ, не заключающія въ себѣ особаго матеріала для исторіи Сибири, обратимся къ ближайшему ознакомленію съ Книгами Разрядными, дающими намъ не мало весьма цѣнныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ исторической жизни Сибири XVII вѣка.

Извѣстный знатокъ московской старины Ив. Забѣлинъ²⁾ полагаетъ, что такъ называемые „розряды“, составляющіе текстъ Книгъ Разрядныхъ, являются оффиціальнымъ журна-

¹⁾ «Книги Разрядныя». Спб. 1853—1855. Два тома; къ нимъ алфавитный указатель собственныхъ именъ и географическихъ названій.

²⁾ «Опытъ изученія русск. древн. и исторіи». М. 1872.

ломъ, въ которомъ, въ хронологическомъ порядкѣ записывались поводы и порядоки употребленія въ данныхъ случаяхъ военныхъ силъ государства. По его мнѣнію „Разряды“ ничто иное какъ исходящій журналъ Разряднаго Приказа, записка официальныхъ отпусковъ бумагъ, и притомъ только по военному дѣлу. Присутствіе въ нихъ записокъ о счетныхъ дѣлахъ, т. е. приговоровъ по мѣстничеству, объясняется г. Забѣлинымъ тѣмъ, что записки эти „не составляли существеннаго, неизбѣжнаго дополненія къ общимъ разрядамъ, а вносились туда случайно, безъ опредѣленной цѣли, можетъ быть только потому, что подьячій, которому приказано было вести книгу „Разрядовъ“, составляя иногда, по случайному порученію, записку о „счетныхъ“ дѣлахъ, вносилъ въ свой журналъ въ концѣ и эту записку“.

Съ этимъ мнѣніемъ согласиться трудно; въ „Разряды“ вносились распоряженія и по службѣ гражданской, приказной, которую г. Забѣлинъ противопоставляетъ вообще службѣ, въ смыслѣ службы ратной. Это одно уже исключаетъ возможность признавать за „Разрядами“ характеръ исходящаго журнала по дѣламъ военнымъ. Несомнѣнно также, что записки по мѣстническимъ спорамъ, которыхъ мы въ изданныхъ двухъ томахъ Книгъ Разрядныхъ насчитали до 50-ти, не могли попасть туда случайно, по прихоти подьячаго; при господствовавшемъ въ то время осторожномъ взглядѣ на всякій документъ, едва ли кто либо изъ приказныхъ подьячихъ рѣшился бы писать въ официальной книгѣ то, что ему вздумается, безъ особаго распоряженія лица, завѣдывавшаго этимъ дѣломъ. Гораздо ближе къ истинѣ, какъ намъ кажется, мнѣніе Д. Валужева¹⁾, полагавашаго, что разрядные велись „преимущественно для того, чтобы опредѣлять въ роды родовъ чиновачаліе военной и отчасти придворной и гражданской службы

¹⁾ «Сибирскій Сборникъ» М. 1844 г.

и потомственного по службѣ старшинства военныхъ, придворныхъ и гражданскихъ сановниковъ“.

Какъ было сказано выше, въ Разрядномъ Приказѣ сосредоточены были дѣла по военному управленію и по мѣстничеству, которое, въ основаніи своемъ имѣло счетъ по службѣ не только военной, но и гражданской. Повятно, что при отсутствіи въ то время строго опредѣленныхъ формъ приказнаго дѣлопроизводства въ „Разрядахъ“, явившихся собраніемъ указовъ и распоряженій исходившихъ отъ имени царя, по предметамъ вѣдомства Разряднаго Приказа,—распоряженія эти помѣщались безразлично по отношенію къ своему содержанию (по военному управленію, гражданской службѣ или мѣстничеству), подчиняясь лишь хронологическому порядку.

Книги Разрядныя заключаютъ въ себѣ рядъ разрядовъ, послѣдовательно, изъ года въ годъ обнимающихъ 22-хъ лѣтній періодъ, начиная съ 7123 и кончая 7144 годомъ (1615—1636). Такимъ образомъ, по времени, онѣ относятся къ первымъ годамъ царствованія Михаила Феодоровича, когда жизнь русскаго государства, потрясенная междуусобіями смутнаго времени, стала мало по малу принимать свое нормальное теченіе. Это время совпадаетъ съ постепеннымъ и настойчивымъ распространеніемъ русскаго вліянія на дальнемъ востокѣ, въ недавно завоеванной Сибири. Чрезвычайно интереснымъ представляется прослѣдить дѣятельность московскаго правительства въ отношеніи укрѣпленія власти царя въ далекой его вотчинѣ и Книги Разрядныя должны были бы дать не мало къ тому матеріала. На дѣлѣ однако это не совсѣмъ такъ. Свѣдѣнія, почерпаемые изъ нихъ о распоряженіяхъ правительства по отношенію къ Сибири крайне скудны и въ первые десять лѣтъ исключительно сводятся къ перечисленію воеводъ, посылаемыхъ въ сибирскіе города и остроги. Едва ли мы ошибемся, если припишемъ эту скудость свѣдѣній тому обстоятельству, что въ первое время послѣ великаго раззоренія русской земли, центральному правительству было не до отдаленной Сибири: слишкомъ много было дѣла на коренной

Руси; интересы ея окраинъ, по необходимости, оставались на заднемъ планѣ. Самое управленіе сибирскими дѣлами не имѣло еще въ то время своего спеціальнаго органа въ Москвѣ. Сибирь состояла въ вѣдѣніи Казанскаго и Мещерскаго дворца, при которомъ, въ видѣ отдѣленія таковаго, учрежденъ былъ Сибирскій приказъ. Только съ 1637 года Сибирскій приказъ выдѣленъ въ особое, самостоятельное учрежденіе.

Съ 1625 года данныя Книгъ Разрядныхъ о Сибири увеличиваются; кромѣ списка воеводамъ и дьякамъ, сообщаются свѣдѣнія о количествѣ служилыхъ лицъ по городамъ, причемъ особенно подробно перечисляется составъ гарнизоновъ сибирскихъ городовъ и остроговъ. Такъ какъ въ то время въ Сибири постоянныхъ полевыхъ войскъ не было и всѣ вооруженныя силы приурочивались къ тому или другому укрѣпленному мѣсту, подобное перечисленіе состава гарнизоновъ особенно важно, ибо имъ опредѣляется все то количество войска, которымъ правительство располагало въ Сибири въ данное время. Приводимыя Книгами Разрядными цифры особенно цѣнны еще и потому, что мы не имѣемъ до сего времени никакихъ другихъ правительственныхъ актовъ, которые установляли бы точное количество русскаго войска въ Сибири въ разсматриваемый періодъ. Книги Разрядныя даютъ намъ въ этомъ отношеніи матеріалъ за цѣлыхъ девять лѣтъ: съ 1625 по 1631 г. включительно и за 1635 и 1636 гг. Конечно, очень можетъ быть, что въ богатѣйшемъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ дѣлахъ Сибирскаго приказа найдутся за это время смѣтные списки служилыхъ людей по городамъ, но съ достовѣрностью это можно будетъ рѣшить лишь по выходѣ въ свѣтъ замѣчательной работы ученаго архивиста Н. Н. Оглоблина, трудящагося надъ составленіемъ „Обозрѣнія столбцевъ и книгъ Сибирскаго Приказа“. Можно однако думать, что хранящіеся тамъ акты и книги не оправдаютъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, по крайней мѣрѣ проф. Буцинскій, спеціально изучавшій документы Сибирскаго Приказа жалуется на недостатокъ таковыхъ и, опредѣляя число слу-

жилыхъ людей по уѣздамъ лишь за нѣкоторые годы, пользуется для этого не только найденными имъ списками „служилыхъ лицъ“, но и другими документами, только косвенно касающимися этого вопроса, какъ то: овладными, дозорными и иныхъ наименованій книгами ¹⁾).

Помимо свѣдѣній о личномъ составѣ воеводъ и данныхъ о количествѣ войска, Книги Разрядныя сообщаютъ еще и о распоряженіяхъ правительства по отношеніи къ Сибири. Сообщеній этихъ однако очень не много, мы не нашли въ нихъ ни одного наказа, ни одной воеводской отписки, касающихся этого отдаленнаго края. Нѣсколько краткихъ указаній о присылкѣ изъ Россіи свѣжихъ войскъ, о верстаніи на службу мѣстныхъ жителей, да указъ царя Михаила и патріарха Филарета о раздѣленіи Сибири въ 1629 году на два разряда— вотъ все что даютъ намъ Книги Разрядныя въ этомъ отношеніи.

Здѣсь уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое по нашему мнѣнію можно придавать свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Книгами Разрядными. Ихъ несомнѣнно officialный характеръ конечно имѣетъ извѣстное значеніе при опредѣленіи достовѣрности того или другаго факта, но одно это обстоятельство еще недостаточно съ точки зрѣнія исторической критики. Попытаемся найти другія основанія, по которымъ можно было бы опредѣлить относительную цѣнность свѣдѣній Книгъ Разрядныхъ, въ смыслѣ ихъ достовѣрности.

На сколько можно предполагать, цѣль, съ которою заносились въ разряды списки воеводъ по городамъ, не ограничивалась необходимостью своевременно отмѣчать наличный составъ извѣстной категоріи служилыхъ лицъ, но сводилась къ дачѣ правительству возможности во всякое время точно установить взаимныя отношенія служилыхъ людей, съ точки зрѣ-

¹⁾ Буцинскій. «Заселеніе Сибири и бытъ ея первыхъ насельниковъ». Харьковъ. 1889. стр. 23, 24, 66 и др.

нія служебнаго мѣстничества. Въ силу этого всѣ свѣдѣнія о службѣ того или другаго лица, само собой разумѣется, заносились въ книги съ особенною точностью и въ этомъ отношеніи указанія на занятія извѣстными лицами воеводскихъ и иныхъ высшихъ мѣстъ должны быть признаваемы безусловно вѣрными и безспорными. Нѣтъ сомнѣнія, что московскіе дьяки, ведшіе записки служилыхъ людей, особенно внимательно относились къ составленію списковъ воеводъ, зная хорошо, что въ случаѣ какаго либо спора „о чести“ того или другаго лица, самыя книги не только служили Думѣ основаніемъ для разрѣшенія спора, но въ извѣстныхъ случаяхъ могли быть вытребованы на „Верхъ“, къ самому царю, какъ это бывало не разъ ¹⁾. Вотъ почему мы полагаемъ, что всѣ свѣдѣнія о личномъ составѣ воеводъ, ихъ товарищей, дьяковъ и письменныхъ головъ могутъ быть принимаемы полностью и всѣ другіе источники по тому же предмету, съ точки зрѣнія исторической ихъ достовѣрности, должны быть поставлены ниже. Внимательно пересмотрѣвъ эти списки, мы можемъ въ нихъ указать на одну только ошибку, точнѣе—описку: въ книгѣ за 1621 годъ значится, что въ Туринскомъ острогѣ былъ воеводой Данило Милославской, а нѣсколько далѣе, тамъ же указано, что въ Туринскомъ городѣ „воеводы князь Иванъ Шеховской да Максимъ Радиловъ“ ²⁾. Уже изъ одного того, что въ спискѣ сибирскихъ городовъ за этотъ годъ пропущенъ городъ Томскъ, смѣло можно заключить, что слова, „въ Туринскомъ городѣ“ нужно читать въ „Томскомъ городѣ“. Дѣйствительно—въ 1621 г. въ Туринскѣ былъ воеводой Данило Милославской, извѣстный своимъ грубымъ столкновеніемъ съ назначеннымъ въ Сибирь архіепискомъ Кипріяномъ ³⁾; подтверждается это и послѣдовавшей царской грамо-

¹⁾ Книги Разряд., т. I пред. стр. VIII.

²⁾ Кн. Разряд., т. I. Столб. 764, 765.

³⁾ Буцинскій. «Открытіе Tob. епархіи и первый архіепископъ Кипріянь». Вѣра и Разумъ. 1890 г. № 21.

той на его имя отъ 26 февраля 1621 г. ¹⁾); князь же Шаховской съ Максимомъ Радиловымъ назначены были воеводами въ Томскъ еще 29 февраля 1620 г., какъ это видно изъ разрядной книги за 1622 г., гдѣ между прочимъ указанъ и день назначенія этихъ воеводъ ²⁾). Если указанная ошибка не есть простая опечатка (она не указана однако въ спискѣ опечатокъ) и если ее нельзя отнести къ неправильному чтенію можетъ быть не совсѣмъ разборчивой рукописи, то это единственная, допущенная московскимъ дьякомъ описка въ разрядахъ сибирскихъ служилыхъ людей.

Совершенно иначе стоитъ дѣло по отношенію къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Книгами Разрядными о численности и составѣ сибирскихъ гарнизоновъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ много пропусковъ, иногда очевидныхъ и потому легко возстановляемыхъ, а иногда и такихъ, которые чувствуются, но не поддаются исправленію. Прежде всего неволью обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе итоговъ въ спискахъ ратныхъ людей. Несмотря на то, что большинство списковъ по городамъ кончается словами: „всего всякихъ людей“, но цифра итога, за рѣдкими, незначительными исключеніями, отсутствуетъ постоянно. Получается впечатлѣніе чего-то недоконченнаго, какъ будто подлежащаго еще исправленію или дополненію. Помимо этого встрѣчаются прямо пропуски, что обыкновенно выясняется изъ сопоставленія списковъ предыдущихъ и послѣдующихъ годовъ. Подобная небрежность въ составленіи списковъ ратныхъ людей, какъ кажется, можетъ быть объяснена лишь тѣмъ, что составлявшіе списки дьяки, обращая преимущественное вниманіе на вѣрное и точное указаніе поименно воеводъ и упоминая рядомъ съ ними о ратныхъ людяхъ, имѣли цѣлью не регистрировать болѣе или менѣе точно военныя силы государства въ Сибири, а указать лишь на количество тѣхъ лицъ, которыя находились въ распоряженіи воеводы на мѣстѣ

¹⁾ Собр. Грам. и Догов., т. III, № 54.

²⁾ Кн. Разр. I, 873.

его служенія. Самая форма, которая употреблялась при внесении въ разрядныя рода и количество войска, даетъ какъ бы право на такое предположеніе. Назвавъ городъ и поименовавъ тамошнихъ воеводъ, дьякъ писалъ: „а съ ними:“—и затѣмъ слѣдовало перечисленіе ратныхъ и служилыхъ людей, составлявшихъ гарнизонъ извѣстнаго укрѣпленнаго мѣста, города или острога. Форма „а съ ними:“ употребляется и въ тѣхъ случаяхъ, когда о воеводахъ говорится, что они въ томъ только году посланы въ Сибирь. Для примѣра приведемъ записъ книги 1627 г. года, когда смѣнились воеводы во всѣхъ сибирскихъ городахъ. „Въ Тарскомъ воевода Степанъ Ивановъ сынъ Исленьевъ, да Иванъ Олексѣевъ сынъ Аргаматовъ; и Степану и Ивану велѣно ѣхати къ Москвѣ, а на Тару посланъ воевода князь Юрьи князь Ивановъ сынъ Шеховской, да Михайло Оедоровъ сынъ Койсаровъ, а съ ними: 1 ч. голова у татаръ, 1 ч. ротмистръ Литовскій, 1 ч. голова конныхъ казаковъ, 3 ч. дѣтей боярскихъ, 140 конныхъ казаковъ“ и т. д. ¹⁾). Грамматическій смыслъ этой записи таковъ, что вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Койсаровымъ посланы были и тѣ люди, о которыхъ говорится послѣ словъ „а съ ними“, а между тѣмъ на дѣлѣ это не такъ: всѣ упомянутые люди и въ томъ самомъ количествѣ находились въ Тарѣ и въ 1626 и въ 1625 годахъ, что видно изъ книгъ за эти годы ²⁾). Изъ этого слѣдуетъ, что въ выраженіи „а съ ними“ подразумѣвать нужно глаголь—были, т. е. находились въ ихъ распоряженіи, подъ ихъ начальствомъ. Разъ это такъ, становится понятнымъ извѣстная доля небрежности, допускаемая дьяками при перечисленіи подвѣдомственныхъ воеводамъ ратныхъ людей. Быть можетъ не всегда даже была тутъ небрежность; очевидно ратными дѣлами и денежными окладами сибирскихъ служилыхъ людей специально вѣдало не то учрежденіе, на обязаности котораго лежало веденіе разрядныхъ книгъ. Все

¹⁾ Кн. Разр. I, 1364.

²⁾ Тамъ же, I. 1149, 1256.

управленіе Сибирью, по всѣмъ его отраслямъ сосредоточено было сначала въ Казанскомъ и Мещерскомъ дворцѣ, а потомъ въ Сибирскомъ приказѣ; только съ 1680 г. указано было „службу и всякія полковыя дѣла района Казанскаго дворца вѣдать въ Розрядѣ“, т. е. въ Разрядномъ Приказѣ. Вотъ почему едва ли мы ошибаемся утверждая, что въ разсматриваемый нами періодъ сибирскими гарнизонами и всѣми распоряженіями по этой части самостоятельно вѣдалъ Казанскій дворецъ, а Разрядный Приказъ, являясь какъ бы главнымъ штабомъ всѣхъ вообще вооруженныхъ силъ московскаго государства, велъ лишь списки сибирскихъ ратныхъ людей, руководствуясь свѣдѣніями, получаемыми изъ Казанскаго дворца¹⁾. При такомъ положеніи вещей нѣкоторая неточность этихъ списковъ можетъ быть объяснена несвоевременнымъ доставленіемъ свѣдѣній, а въ иныхъ случаяхъ можетъ быть даже и до известной степени халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны дьяковъ, находившихъ болѣе удобнымъ для себя переписываніе прошлогоднихъ свѣдѣній, чѣмъ затребованіе новыхъ.

Все вышезложенное не лишаетъ однако упомянутые списки ихъ значенія, какъ цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Какими бы цѣлями не руководствовались составители разрядныхъ, помѣщая въ нихъ свѣдѣнія о составѣ и численности расположенныхъ въ Сибири войскъ, не нужно забывать, что сообщаемыя цифры носятъ характеръ официальныхъ данныхъ, т. е. такихъ, которыми руководствовалось московское правительство при сужденіи о сибирскихъ дѣлахъ. А это одно уже придаетъ имъ огромное значеніе. Ниже, въ своемъ мѣстѣ,

¹⁾ Съ этимъ мнѣніемъ, какъ кажется, согласны — Масловскій («Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи». Спб. 1891 г. вып. 1, стр. 54) и Липпо-Данглевскій («Организація прямаго обложенія въ Моск. госуд.» Спб. 1890. стр. 455);—по крайней мѣрѣ эти авторы утверждаютъ, что въ Сибирскомъ приказѣ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія и распоряженія, относящіяся къ военнымъ силамъ въ Сибири.

мы укажемъ на соотвѣтствіе цифръ приводимыхъ Книгами Разрядными съ дѣйствительностью и на причины неизбежной разницы въ численности войскъ по счетамъ Москвы и счетамъ мѣстнымъ.

II.

Книги Разрядныя даютъ намъ перечневой списокъ воеводъ, дьяковъ и письменныхъ головъ за цѣлыхъ 22 года подъ рядъ, въ городахъ Тобольскѣ, Тюмени, Верхотурьѣ, Тарѣ, Березовѣ, Пелымѣ, Мангазеѣ, Томскѣ, Сургутѣ и острогахъ: Туринскомъ, Нарымскомъ и Кетскомъ. По мѣрѣ основанія новыхъ остроговъ, въ 1617 г. — Кузнецкаго, — 1619 г. Енисейскаго и 1628 г. Красноярскаго, — появляются свѣдѣнія о воеводахъ и въ этихъ укрѣпленныхъ мѣстахъ. До 1629 года Тобольскъ являлся административнымъ центромъ всей сибирской земли. Въ немъ сидѣлъ „большой воевода“, которому подчинялись до извѣстной степени всѣ остальные. Подчиненіе это зачастую было чисто фидетивное; съ одной стороны мы знаемъ не мало царскихъ грамотъ обращенныхъ къ мѣстнымъ воеводамъ непосредственно, помимо тобольскаго, а съ другой — нерѣдко встрѣчаемъ и самостоятельныя отписки этихъ воеводъ въ Москву, что конечно не могло бы быть, если бы идея о главенствѣ тобольскаго воеводы была проведена строго и последовательно. По мнѣнію проф. Будинскаго ¹⁾ весьма трудно опредѣлить въ чемъ собственно состояла зависимость сибирскихъ воеводъ отъ воеводы тобольскаго. Можно только указать на пѣкоторыя черты этой зависимости: тобольскій воевода каждому другому воеводѣ сибирскаго города могъ дѣлать замѣчанія, могъ заставить его исполнить свое распоряженіе, могъ требовать отписокъ по дѣламъ, касающимся управления его уѣздомъ; ему же присылались со всѣхъ городовъ приходо-расходныя и ясачныя книги. Наиболѣе рѣзко подчиненность воеводъ выражалась въ томъ, что они не имѣли права, безъ разрѣшенія тобольскаго воеводы, посылать служилыхъ людей противъ непріятеля, даже въ томъ случаѣ, когда тотъ втор-

¹⁾ «Заселеніе Сибири», 233, 234.

гался въ ихъ уѣздъ. Не смотря на практическое неудобство подобнаго положенія вещей, московское правительство не рѣшалось измѣнить этотъ порядокъ и на ходатайства объ этомъ отвѣчало отказомъ ¹⁾. Такимъ образомъ мы видимъ, что тобольскій воевода, до 1629 г., былъ главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ Сибири. Съ этого года онъ, въ этомъ отношеніи, раздѣлялъ свою власть съ томскимъ воеводою. По указу царя Михаила Феодоровича, отъ 3 декабря 1629 г., Сибирь раздѣлена на два разряда: Тобольскій и Томскій; къ первому разряду приписаны города: Верхотурье, Тюмень, Пелымъ, Тара, Березовъ, Мангазея и Туринскій острогъ; ко второму, Томскому—г. Сургутъ ²⁾ и остроги: Нарымскій, Кетскій, Кузнецкій, Енисейскій и новый „что велѣно поставить Ондрею Дубенскому на Красномъ—Яру“. Въ Томскѣ указано „быти воеводѣ большому, а съ нимъ товарищу да дьякомъ и писменнымъ головамъ такъ же какъ въ Тоболску“, причемъ указывалось, что „впередъ Тобольскому большому воеводѣ съ Томскимъ большимъ воеводою счоту и мѣсть нѣтъ“ ³⁾.

Обыкновенно въ сибирскіе города назначались по два воеводы; младшій изъ нихъ считался воеводскимъ „товарищемъ“. Остроги довольствовались однимъ воеводою, а маленькіе острожки и зимовья управлялись прикащиками, посылаемыми туда ежегодно изъ того города или острога, въ вѣденіи котораго числился острожекъ.

Такъ продолжалось до 1627 года, когда „по разсмотрѣнію боярина князя Юрья Яншеевича Сулешова“ ⁴⁾ было ука-

¹⁾ Русск. Ист. Вѣст. II. № 159.

²⁾ Бунинскій, въ своемъ „Заселеніи Сибири“, стр. 233, правильно относитъ Сургутъ къ городамъ Тобольскаго разряда, очевидно у него не было въ рукахъ книгъ разрядныхъ, гдѣ помѣщенъ цѣликомъ весь указъ отъ 3 дек. 1629; ту же ошибку встрѣчаемъ въ „запискахъ съ Сибирской исторіи служащихъ“—Др. Росс. Вѣст. Ж. 1788 т. III, 148.

³⁾ Кн. разр. II. 201, 202.

⁴⁾ Воеводствовалъ въ Тобольскѣ съ 8 Іюля 1623 по 29 мая 1625 г. (Кн. р. I. 927, 1143; Др. Росс. Вѣст. III. 139).

зано: „во вѣхъ“ кромѣ Тобольска, „Сибирскихъ городахъ другимъ (т. е. вторымъ) воеводамъ впередъ не быти“¹⁾). Распоряженіе это, на дѣлѣ, оказалось не совсѣмъ практичнымъ, почему оно никогда и не исполнялось въ точности. Не говоря уже о Томскѣ, получившемся съ 1629 г. „болшого“ воеводу съ товарищесмъ,—въ Тару и въ Мангазею продолжали назначать по два воеводы. Нужно думать, что правительство, вслѣдъ за послѣдовавшимъ распоряженіемъ, признало неудобнымъ примѣнить проектъ кн. Сулешова къ этимъ городамъ, поставленнымъ въ совершенно исключительныя условія. Дѣйствительно, — городъ Тара, явившійся главнѣйшимъ оплотомъ противъ набѣговъ татаръ, калмыковъ и другихъ, немирныхъ инородцевъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ всегда значительный гарнизонъ, въ 1635—1636 годахъ превышавшій даже, по численности, гарнизонъ томскій. Одному воеводѣ трудно было бы управиться и съ городомъ и съ уѣздомъ, да вдобавокъ еще „надъ Колмацкими вопскими людьми и надъ измѣнники Сибирскими Татарами промыслиати и поискъ чинить“, что ставилось въ непремѣнную обязанность каждому воеводѣ этого города. Еще болѣе труднымъ было положеніе мангазейскихъ воеводъ. Уѣздъ Мангазейскій, самъ по себѣ огромный, въ данный періодъ все болѣе и болѣе распространялся къ востоку, по мѣрѣ завоеванія и обложенія ясакомъ новыхъ народцевъ. Городъ Мангазея, вслѣдствіе этого, весьма скоро очутился на окраинѣ уѣзда, что и вынудило мангазейскихъ воеводъ ежегодно выѣзжать для сбора ясака въ Туруханское зимовье, пунктъ, по мѣстоположенію своему, болѣе центральный. Поѣздки эти на значительное время удаляли воеводу отъ завѣдуемаго имъ города, что въ свою очередь неизбежно должно было вредно отразиться на ходѣ дѣлъ. Въ виду этого понятно, почему правительство, сочувствуя проекту Сулешова, не могло однако не признать необходимымъ имѣть въ Мангазеѣ двухъ

¹⁾ Кн. разр. I. 1363.

воеводъ. Съ 1633 г. впрочемъ, второй воевода сталъ замѣняться дьякомъ.

Письменною, приказною частью въ воеводствахъ завѣдывали дьяки и подъячіе. Только первые изъ нихъ отмѣчаются въ Книгахъ Разрядныхъ, да и то не всегда. Въ Tobольскъ посылались обыкновенно два дьяка; съ 1629 г., когда Томскъ приравненъ былъ къ Tobольску, и туда назначались по два дьяка, но почему-то имена ихъ въ Книгахъ Разрядныхъ не указаны, хотя значутся въ Дворцовыхъ Разрядахъ.

Письменные головы являлись ближайшими помощниками, подручными воеводъ; ими временно замѣщались вакантныя должности воеводъ, они же посылались съ военными отрядами въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось необходимымъ идти куда либо походомъ. До 1629 г. они были въ одномъ только Tobольскѣ, являвшемся въ то время центромъ управленія Сибирью; съ этого же года, согласно указу отъ 3 дек. 1629 г. письменныхъ головъ стали назначать и въ Томскъ. Назначали въ Tobольскъ обыкновенно двухъ письменныхъ головъ, но съ 1627 г., по случаю сокращенія въ другихъ городахъ воеводскихъ товарищей, число письменныхъ головъ въ Tobольскѣ увеличилось вдвое.

Въ началѣ описываемаго періода, съ 1615 по 1621 г., срокъ служенія воеводъ и другихъ, посылаемыхъ изъ Москвы должностныхъ лицъ, не былъ точно опредѣленъ и зависѣлъ, какъ кажется отъ взгляда, который имѣло правительство на дѣятельность того или другаго лица; такъ, нѣкоторые изъ воеводъ, напр. Чеботай Челищевъ, въ Кетскомъ острогѣ, безсмѣнно сидѣли на мѣстахъ всѣ шесть лѣтъ, другіе же, напротивъ, мѣнялись значительно чаще. Съ 1621 года, какъ видно, установился двухгодичный срокъ служенія и съ этого времени обыкновенно каждые два года была общая смѣна воеводъ по всей Сибири.

Книги Разрядныя не только даютъ намъ самыя точныя свѣдѣнія о томъ, какой воевода, въ какомъ сибирскомъ городѣ и когда воеводствовалъ, но позволяютъ зачастую про-

слѣдить, какъ предъидущую, такъ и послѣдующую службу даннаго лица, что не лишено интереса, до извѣстной степени разрѣшая вопросъ, изъ кого выбирались высшія начальствующія лица въ Сибири. Ниже, при перечисленіи воеводъ по городамъ, мы не преминемъ сообщить о нихъ все то, что можно было извлечь изъ Книгъ Разрядныхъ о службѣ этихъ лицъ вообще. Рядомъ съ этими свѣдѣніями считаемъ нелишнимъ сообщить и нѣкоторыя другія біографическія подробности о дѣятеляхъ того времени, поскольку оказалось возможнымъ извлечь таковыя изъ другихъ источниковъ. Дѣлаемъ это съ цѣлью по возможности освѣтить каждое данное лицо, вывести его изъ ничего не говорящаго ряда перечневыхъ списковъ служилыхъ людей, найти индивидуальныя особенности службы каждаго и тѣмъ, можетъ быть, содѣйствовать правильной оцѣнѣ дѣятельности того или другаго лица.

Заканчивая нашъ краткій обзоръ тѣхъ свѣдѣній, которыя даютъ Книги Разрядныя о личномъ составѣ воеводъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ въ Сибири, не можемъ не обратить вниманія на то, рѣзко бросающееся въ глаза обстоятельство, что воеводскія мѣста весьма часто занимались лицами самыхъ „честнѣйшихъ“ въ смыслѣ мѣстничества, фамилій. Достаточно назвать князей Трубецкихъ, Голконскихъ, Куракиныхъ, Бѣлосельскихъ, Долгорукихъ и др. Въ Тобольскѣ обыкновенно сидѣлъ бояринъ, т. е. высшее изъ чиновныхъ лицъ въ государствѣ. Намъ кажется это доказываетъ, съ одной стороны, что служба въ Сибири считалась до извѣстной степени почетной, а съ другой, что она была не безвыгодна и временное отсутствіе изъ Россіи достаточно вознаграждалось матеріальными выгодами воеводскаго кормленія въ Сибири. Весьма вѣроятно также, что правительство, въ цѣляхъ политическихъ, нерѣдко пользовалось случаемъ и назначало лицъ „честнѣйшихъ“ фамилій воеводствовать въ Сибири, съ прямымъ расчетомъ держать ихъ подальше отъ Москвы.

Обратимся теперь къ ближайшему ознакомленію съ личнымъ составомъ представителей служилаго сословія въ Сибири

за время съ 1615 во 1636 гг. Перечень ихъ мы расположили по городамъ и острогамъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія о давномъ лицѣ приводятся нами не изъ Книгъ Разрядныхъ,—источникъ этихъ свѣдѣній оговаривается въ соотвѣтствующей выноскѣ.

І. Г. ТОБОЛЬСКЪ.

1616—1619 г. Бояринъ князь Иванъ Семеновичъ Буракинъ и князь Григорій Ивановъ сынъ Гагаринъ; письменный голова князь Данила (Григорьевъ) Гагаринъ; дьякъ Иванъ Булыгинъ.

Кн. И. С. Куракинъ смѣнилъ въ Tobольскѣ кн. Ив. Петр. Буйносова-Ростовскаго, женатаго на родной его сестрѣ княжнѣ Марѣ Семеновнѣ. Въ 1597 г. Куракинъ—въ рындахъ при пріемѣ цесарскаго посольства; 1601 г.—стольникъ; 1606 г.—воевода на Тулѣ, 1614 г.—бояринъ ¹⁾. Въ Tobольскѣ воеводой съ 24 янв. 1616 г. по 21 мая 1620 г.; умеръ въ 1632 г. ²⁾. Это былъ крупный дѣятель во время междуцарствія; вмѣстѣ съ боярскою думой держался Владислава и воевалъ съ русскими ³⁾—вотъ вѣроятно почему, вскорѣ по воцареніи Михаила Ѳеодоровича, и назначенъ былъ на воеводство въ Tobольскъ, какъ бы въ почетную ссылку.

Кн. Гр. И. Гагаринъ скончался въ Tobольскѣ въ 1616 г., а сынъ его Данила Гр. Гагаринъ, по прованію «Коробъ», впоследствии въ 1635—1636 гг. воеводствовалъ въ Сургутѣ ⁴⁾.

1620—1622 г. Бояринъ Матвѣй Михайловичъ Годуновъ и князь Иванъ Ѳеодоровъ сынъ Волконской; дьякъ Иванъ Шевыревъ—посланы въ Tobольскъ 29 февраля 128 г. (1620 г.).

Богринъ Годуновъ въ 1614—1615 гг. былъ воеводой въ Тумени, откуда отованъ въ Москву. Прибылъ въ Tobольскъ 10 мая 1620 г. и пробылъ тамъ до 25 мая 1623 г. ⁵⁾. Иавѣстенъ своимъ столкновениемъ съ первымъ сибирскимъ архіепископомъ Кипріаномъ, которому онъ дѣлалъ всякія непріятности, вопреки строжайшимъ царскимъ ука-

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ И. С. Куракинъ бояриномъ съ 1605 г. (Лихачевъ. «Разрядные дьяки XVI в.» Спб. 1888. Указ. личн. именъ, стр. 41)

²⁾ Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина. Спб. 1890. т. I. стр. 357.

³⁾ Маркевичъ. «О мѣстничествѣ». Кіевъ. 1879. стр. 476.

⁴⁾ Долгоруковъ. Рос. Родосл. книга. I. 240.

⁵⁾ «Книга записная», рукопись принадл. Tob. Софійск. собору.

вамъ. Взаимныя жалобы этихъ двухъ лицъ разрѣшились присылкой въ 1622 г. изъ Москвы особаго слѣдователя—Ивана Владимірова Спасителя¹⁾. Чѣмъ кончился этотъ розыскъ неизвѣстно, но, должно быть, дѣйствія Годунова не были одобрены и онъ извѣстное время состоялъ въ опалѣ, такъ какъ только въ 1630 г. мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ на службѣ,—у монастырскихъ и приказныхъ дѣлъ: онъ въ 1632 г. былъ воеводой въ Кавани.

Князь И. Ѳ. Волконской, по прованію «Лось»²⁾, до Тобольска служилъ воеводою въ Угличѣ, Лебедяни и Темниковѣ. Въ 1617 г. онъ, подъ начальствомъ кн. Ивана Хованскаго, ходилъ въ походъ на татаръ. Съ 4 апрѣля 1624 г. числился въ Москвѣ объѣзжимъ головой по Китай-городу, а въ 1625—27 гг. былъ воеводой въ Переяславлѣ-Рязанскомъ.

1623—1624 г. Бояринъ князь Юрій Яншѣвичъ Сулешовъ и Ѳеодоръ Кирилловъ сынъ Плещеевъ; дьяки: Герасимъ Мартемьяновъ и Никита Леонтьевъ; письменные головы: Никита Бѣглецовъ и Григорій Зловидовъ³⁾.

Князь Ю. Я. Сулешовъ, пожалованный боярствомъ 2 февраля 1615 г.⁴⁾, служилъ въ 1616 г. воеводой въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ 1617 г. былъ посланъ съ войскомъ въ Дорогобужъ противъ Гонсѣвскаго и за двѣ побѣды надъ поляками награжденъ двукратно царскимъ милостивымъ словомъ и золотыми деньгами. Въ 1621 г. ему поручено было въ Рязани и Шацкѣ «разобрать» дворянъ и дѣтей боярскихъ, «кому мочно ихъ Государева служба служить, чтобы дворяне и дѣти боярскіе никаковъ человѣкъ въ избылкѣ не былъ».—Въ 1625 г. Сулешовъ былъ отозванъ въ Москву, гдѣ въ 1630 г. былъ бояриномъ-разбойнаго приказа, въ 1632—33 гг. воеводствовалъ въ Великомъ Новгородѣ и въ томъ же 1633 г. занялъ должность боярина разряднаго приказа.

Ѳеодоръ Плещеевъ переведенъ въ Тобольскъ изъ Каширы, гдѣ онъ, въ 1622 г., по указу Михаила Ѳеодоровича, оберегалъ переправы черезъ Оку отъ нападенія ногайскихъ татаръ. Отозванный изъ Тобольска въ Москву, Плещеевъ въ 1632 г. посланъ былъ въ Новгородъ-Сѣверскъ въ походъ противъ татаръ, гдѣ въ томъ же году и умеръ.

Дьякъ Никита Леонтьевъ съ 1616—1623 г. служилъ дьякомъ въ Москвѣ у разныхъ объѣзжихъ головъ; вернувшись изъ Тобольска

¹⁾ Буцинскій. «Открытіе Тоб. епархіи и первый Тоб. архіеп. Киприанъ». Вѣра и Разумъ. 1890 г. ноябрь, декабрь.

²⁾ Дворц. Разр. I. 440, 485.

³⁾ Назначены 13 января 1623 г. (Дв. Р. I. 533).

⁴⁾ Тамъ-же. I. 170.

въ Москву, на свою прежнюю должность, онъ, въ 1630—31 г. былъ уже дьякомъ въ Каменномъ приказѣ.

Письменный голова Зловидовъ, въ 1629 г. занималъ ту же должность въ Кольскомъ острогѣ.

За свою сибирскую службу кн. Сулешовъ, Плещеевъ и письменные головы Зловидовъ и Бѣглецовъ, по возвращеніи въ Москву, были награждены весьма щедро: 1 октября 1625 г. они удостоились приглашенія къ царскому столу, а 11 числа того же мѣсяца имъ вручены были царскіе подарки: Сулешову—драгоценный серебряный кубокъ, вязанной работы, вѣсомъ 10 гривенокъ, 39 зол., цѣною по 6 р. гривенка и атласная шуба на соболяхъ, стоимостью въ 180 р.; Плещееву—серебряный кубокъ, вѣсомъ 2 гривенки 32 зол., цѣною по 6 р. гривенка и атласная шуба, стоимостью въ 116 р. Зловидовъ и Бѣглецовъ получили по серебряному ковшу, цѣною по 9 р. 20 алт., да на шубу—по 10 арш. камки и по сороку собелей, по 50 р. за сорокъ ¹⁾.

1625 г. Бояринъ князь Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкой и Миронъ Андреевъ сынъ Вельяминовъ; дьяки: Иванъ Федоровъ и Степанъ Угодкой; письменные головы: Богданъ Лупандинъ и Семень Чаплинъ.

Назначенный 25 января 1625 г. «большимъ воеводой» въ Тобольскъ, князь Д. Т. Трубецкой былъ однимъ изъ первыхъ сановниковъ въ государствѣ. Въ эпоху смутнаго времени онъ присягнулъ было тушинскому вору, но скорѣ отсталъ отъ него и явился дѣятельнымъ участникомъ въ водвореніи порядка на Руси. Онъ начальствовалъ надъ всѣми русскими войсками, освобождавшими Москву отъ поляковъ. Послѣ изгнанія враговъ и до избранія на царство Михаила Федоровича онъ былъ правителемъ государства. Оставаясь затѣмъ при дворѣ и неся различныя придворныя службы, кн. Трубецкой не занималъ самостоятельныхъ должностей въ общемъ государственномъ управленіи, почему мы и не встрѣчаемъ его имени въ Книгахъ разрядныхъ за 1614—1624 гг. За то тамъ имѣется о немъ любопытное «мѣстническое» дѣло. Въ 1619 г. онъ былъ назначенъ встрѣчать отца царя, митрополита Филарета, причѣмъ ему указано было «чинить встрѣчу въ послѣднемъ стану отъ Москвы». Бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ, назначенный на ту же встрѣчу, но въ Звенигородъ, т. е. далѣе отъ Москвы, нашель, что ему, Морозову, «менши ево (Трубецкого) быть не вмѣстно» и затѣялъ дѣло, кончившееся однако не въ его пользу. Морозовъ приговоренъ былъ за «неумѣстное и не дѣльное» челобитье къ заключенію въ тюрьмѣ, но ради «радостныя встрѣчи» своего отца, царь «пожаловалъ и въ тюрьму посылати ево не велѣлъ». Менѣе

¹⁾ За бѣлинъ. Доп. къ Дв. Разр. 424—426. Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1882. кн. 3.

удачнымъ было мѣстничество Трубецкого на свадьбѣ царя Михаила Ѳедоровича съ княземъ Иваномъ Шуйскимъ¹⁾; онъ его проигралъ и вслѣдъ за тѣмъ вскорѣ назначенъ былъ въ Тобольскъ. Это назначеніе являлось до извѣстной степени опалой, наказаніемъ за ослушаніе царскаго указа не мѣстничаться на свадьбѣ. Правительство, покрывшее общей амнистіей тушинскіе грѣхи Трубецкого и признавшее даже его бояриномъ, въ дѣйствительности, не могло не помнить, что князь Дм. Тим. человекъ не очень надежный и, воспользовавшись случаемъ, препроводило его въ почетную ссылку²⁾. Трубецкой прибылъ въ Тобольскъ 29 мая 1625 г., а 24 іюня того же года скончался, проведя въ такомъ образѣ менѣе мѣсяца. Согласно завѣщанію, тѣло его перевезено въ Москву и погребено въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ³⁾.

М. А. Вельяминовъ, въ 1614 г. находился въ Смоленскѣ «въ полку для городоваго стоянья», въ 1617—19 г. былъ въ товарищахъ у Новгородскаго воеводы, а въ 1620—21 г. самостоятельно воеводствовалъ въ Калугѣ.—Въ 1632 г. Вельяминова мы находимъ воеводою въ Вязьмѣ, а въ 1635—36 г.—товарищемъ Казанскаго воеводы.

Письменный голова Семень Чаплинъ, въ 1633 г. назначенъ былъ воеводою въ Михайловѣ.

Что касается дьяковъ Ѳедорова и Угоцкого, то первый изъ нихъ, въ 1630—31 г. былъ въ Москвѣ «дьякомъ у печати» и въ 1635—36 г.—дьякомъ въ Астрахани, а второй—Угоцкой—въ 1631 г. состоялъ дьякомъ въ пушкарскомъ приказѣ, а въ слѣдующемъ году былъ переведенъ на ту же должность въ Казань.

1626 г. На мѣсто умершаго Д. Т. Трубецкого назначенъ князь Андрей Андреевичъ Хованской. Всѣ остальные должностныя лица—тѣже что и въ предыдущемъ году.

О кн. Хованскомъ извѣстно, что онъ въ 1615 г. и слѣдующихъ годахъ служилъ воеводою въ Астрахани. Послѣ Тобольска его имя исчезаетъ изъ книгъ разрядныхъ. Умеръ въ 1639 г.⁴⁾

1627 г. Тотъ же Хованской и Иванъ Васильевъ сынъ Волынской; дьяки остались прежніе, письменные головы: Павелъ Ивановъ Салмановъ, Григорій Калининъ Челюстинъ, Никифоръ Семеновъ Бибииковъ и Василій Алек-

¹⁾ Дв. Разр. I. 1219.

²⁾ Маркевичъ. «Исторія мѣстничества въ Москов. государствѣ». Одесса. 1888. стр. 503.

³⁾ Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. М. 1891. стр. 59, 119.

⁴⁾ Долгоруковъ. Рос Родосл. Кн. I. 281.

сѣвъ Теприцкой. „А прибавлено въ Tobолскъ передъ прежнимъ головъ два человекъ для того, что указалъ Государь по разсмотрѣнію боярина князя Юрья Яншѣвича Сулешова во иныхъ Сибирскихъ городахъ другимъ (вторымъ) воеводамъ впередъ не быти“.

Вновь назначенный И. В. Волинской¹⁾ не былъ новичкомъ въ воеводскомъ дѣлѣ, онъ послѣдовательно занималъ воеводскія мѣста, начиная съ 1616 г.,—въ Курскѣ, Муромѣ, Калугѣ и Воронежѣ, откуда и былъ переведенъ въ Tobолскъ. Смѣненный въ 1629 г. Волинской умеръ, не успѣвъ выѣхать изъ Tobолска.

Только объ одномъ изъ присланныхъ съ Волинскимъ письменныхъ головъ—Никифорѣ Бибииковѣ, книги разрядныя даютъ свѣдѣнія. Въ 1616—18 г. Бибииковъ служилъ головой въ Цивильскѣ и Арскѣ, а въ 1624 г. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ. Послѣ Tobолска онъ въ 1631—32 г. занималъ должность головы на Бѣломъ-озерѣ.

1628 г. Князь А. А. Хованской отозванъ въ Москву, на его мѣсто назначенъ князь Алексѣй Никитинъ сынъ Трубецкой; дьяки—Семейка Собакинъ и Емельянъ Евсѣевъ; остальные—тѣ же.

По отозваніи Хованскаго, на его мѣсто «большимъ воеводой» правительство намѣтило Ивана Ивановича Салтыкова и объ этомъ состоялся 27 іюля 1627 г. указъ Михаила Ѳедоровича. Салтыковъ однако въ Tobолскъ не попалъ и очутился воеводой въ Шацкѣ. Какаѣ тому была истинная причина—Книги Разрядныя не указываютъ; известно лишь, что братъ бывшаго въ Tobолскѣ товарищемъ воеводы Ивана Волинскаго,—Степанъ Волинской «съ братьею», по случаю назначенія Салтыкова «били челомъ о мѣстѣхъ». Кончилось это дѣло тѣмъ, что Салтыкову дали другое назначеніе, но въ «Разрядѣ» записали, что «Ивану Салтыкову въ Сибири не быти по Государскому указу, а не для челобитья Ивана Волинсково съ братьею и впередъ того челобитья въ дѣло не ставить».

Князь А. Н. Трубецкой, двоюродный братъ бывшаго въ 1625 г. воеводой въ Tobолскѣ кн. Д. Т. Трубецкаго, назначенъ былъ на эту должность еще совсѣмъ молодымъ человекомъ; онъ началъ свою службу въ 1618 г. при дворѣ, гдѣ и пробылъ цѣлыхъ 9 лѣтъ²⁾.—Послѣ Tobолска кн. Трубецкой въ 1635 г. былъ воеводой въ Астрахани, а въ 1642 г.—въ Тулѣ. Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича, кн. Трубецкой, пожалованный въ 1653 г. званіемъ ближня-

¹⁾ Полная его фамилія: Птица-Волинской-Щепинъ. (Дворц. Разр. I. 946).

²⁾ Дворц. Разр. I. 353.

го боярина, былъ назначенъ присутствовать въ Сибирскомъ приказѣ, а въ 1659—60 г. принималъ дѣятельное участіе въ присоединеніи Малороссіи къ Россіи. Онъ былъ крестнымъ отцомъ Императора Петра I и въ день крестинъ откавалъ свою вотчину городъ Трубчевскъ державному крестнику. А. Н. умеръ въ глубокой старости, въ 1680 г., принявъ предъ смертью иночество, подъ именемъ Аванасія ¹⁾.

Дьякъ Семейка или Семень Собакинъ, несомнѣнно, былъ опытнымъ дѣльцомъ: цѣлыхъ 11 лѣтъ до назначенія въ Тобольскъ онъ правилъ дьяческую должность, сначала въ войскѣхъ подъ Смоленскомъ, а затѣмъ въ Вологдѣ и Нижнемъ-Новгородѣ.

Дьякъ Емельянъ Евсѣевъ назначенъ въ Тобольскъ изъ подъячихъ г. Устюга; впоследствии, въ 1635 г. мы его встрѣчаемъ дьякомъ «у хлѣбныхъ запасовъ» въ Москвѣ.

1629—1630 г. Тотъ же князь Трубецкой и Григорій Алексѣевъ сынъ Загряжской; письменные головы—Лукьянъ Даниловъ Башмаковъ и Дмитрій Михайловъ Обрѣзковъ; дьяки—тѣ же.

Загряжской до Тобольска служилъ въ 1616 г. воеводой въ Боровскѣ, въ 1620—21 г.—вторымъ воеводой въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ, а въ 1626 г. переведенъ былъ въ Сапожекъ. Покончивъ съ тобольской службой и вернувшись въ Москву, Загряжской былъ назначенъ къ боярину Михаилу Шеину и окольниковичу Артемію Измайлову въ дѣйствующую армию, подъ Смоленскъ, причѣмъ ему поручено было завѣдывать интендантскою частью—состоять «у кормовъ, хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ». Загряжской билъ челомъ государю на окольниковича Измайлова, доказывая, что «ему меньше Ортемья быти не вмѣстно». Время для мѣстничества выбрано было не совсѣмъ удачно. Государь не вошелъ даже въ разсмотрѣніе челобитной Загряжскаго, а послалъ ему сказать, чрезъ думнаго дьяка Гавренова, что если онъ тотчасъ же не отправится къ мѣсту назначенія, то «быти ему въ тюрьмѣ». Загряжской упорствовалъ и въ Смоленскѣ не ѣхалъ. Узнавъ объ этомъ изъ донесенія Измайлова, государь «указалъ Григорія Загряжскаго за безчестіе Ортемья Измайлова посадить въ тюрьму», что и было исполнено. Впоследствии, какъ видно, Загряжской смирился и служилъ подъ Смоленскомъ «у хлѣбныхъ запасовъ». Въ 1632—33 г. онъ сидѣлъ въ приказѣ Хлѣбнаго Дворца, а въ 1634 г. постригся въ монахи ²⁾.

Письменный голова Обрѣзковъ назначенъ въ Тобольскъ изъ московскихъ жильцовъ.

О прошлой службѣ головы Башмакова Книги Разрядныхъ не даютъ свѣдѣній, изъ дворцовыхъ же разрядовъ мы узнаемъ, что Лукьянъ

¹⁾ Сказанія о родѣ кн. Трубецкихъ, 58, 125—136.

²⁾ Румель и Голубцовъ. «Родосл. Сборн. Спб. 1886. т. I. стр. 272.

Башмаковъ, назначенный въ Tobольскъ, тоже вдумалъ мѣстничаться съ воеводой Загряжскимъ, доказывая, что онъ принадлежитъ къ роду Воронцовыхъ-Вельяминовыхъ, а Загряжскіе люди не «родословные». Челобитые его оставлено было безъ послѣдствій ¹⁾.

1631—1632 г. Стольники князь Ѳедоръ Андреевъ сынъ Телятевской и Ѳедоръ Ивановъ сынъ Погожій; дьяки—Дмитрій Прокофьевъ и Наумъ Ѳедоровъ; письменные головы—Степанъ Юрьевъ, Ѳедоръ Ивановъ Шараповъ и съ 1632 г.—Алексѣй Юрьевъ Мартюхинъ.

Изъ этихъ лицъ только по отношенію къ двумъ Книги Разрядныя даютъ свѣдѣнія о прежней ихъ службѣ. Такъ — кн. Телятевской былъ въ 1626 г. воеводой въ Вязьмѣ, а въ 1628 г.—въ «Украинскомъ разрядѣ воеводой большаго полка на Тулѣ», а Погожій—послѣ продолжительной ратной службы въ полѣ, въ 1625—26 г. воеводствовалъ въ Угличѣ.

1633—1634 г. Князь Андрей Андреевъ сынъ Голицынъ и Давила Андреевъ сынъ Замыцкой; дьяки—Семень Копыловъ и Леонтій Полукетовъ. Что касается письменныхъ головъ, то о нихъ въ книгѣ за 1633 г. не упомянуто вовсе, а такъ какъ въ этой книгѣ, въ исключеніе изъ общаго правила, не говорится ничего объ отпускѣ воеводъ, дьяковъ и головъ въ Москву, а прямо лишь перечислены вновь назначенныя лица,—можно было бы думать, что прежніе письменные головы—Юрьевъ, Шараповъ и Мартюхинъ остались на своихъ мѣстахъ. Едва ли это однако такъ, ибо при слѣдующей смѣнѣ, въ 1635 г., отозванными въ Москву письменными головами названы совсѣмъ другія лица, вѣроятно и получившія назначеніе въ періодъ времени съ 1633 по 1635 г. ²⁾.

Князь А. А. Голицынъ, родной братъ жены извѣстнаго боярина кн. Д. М. Пожарскаго, нигдѣ до того времени воеводой не служившій, попалъ въ Tobольскъ, вѣроятно, благодаря своему родовитому

¹⁾ Дворц. Разр. т. II. 17.

²⁾ Лица эти: Тимофей Владыкинъ, Василій Александровъ и Петръ Августовъ (Петръ Августовъ Смышляевъ). Миллеръ, въ вѣдомости о воеводахъ, (рукоп. Гл. М. Арх. Мин. Ин. Д. № 505. I. 3) называетъ ихъ подлѣ 1634 г.

происхожденію и придворнымъ интригамъ; едва ли онъ обладалъ достаточною опытностію въ управленіи, почему, можетъ быть, правитель-ство и дало ему въ товариши столь много послужившаго на своемъ вѣку Замыцкаго, бывшаго послѣдовательно съ 1615 г. воеводой въ Брянскѣ, Муромѣ, Можайскѣ, Арзамасѣ и Вязьмѣ.

А. А. Голицынъ является родоначальникомъ всѣхъ нынѣ существующихъ князей Голицыныхъ; 6 января 1638 г. онъ былъ пожалованъ боярствомъ и въ томъ же году, 22 сентября—скончался ¹⁾.

1635—1636 г. Стольникъ князь Михайлъ Михайловъ сынъ Темкинъ-Ростовской и Андрей Васильевъ сынъ Во-лыннской; дьяки — Дорофей Пустынниковъ и Григорій Протопоповъ; письменные головы—Андрей Волоховъ и Матвѣй Долгово-Сабуровъ.

Оба вновь назначенные воеводы въ 1628—29 г. служили воево-дами въ «Украинномъ розрядѣ»: Темкинъ-Ростовской—въ большомъ полку на Тульѣ, а Волинской—въ Михайловѣ, въ вѣдѣніи «Тульскаго ровряда передоваго полка».

Изъ присланныхъ съ кн. Ростовскимъ лицъ, только объ одномъ Пустынниковѣ Книги Разрядныя сообщаютъ, что онъ, съ 1628 по 1633 г. служилъ дьякомъ въ Псковѣ.

Матвѣй Долгово-Сабуровъ, служа въ Москвѣ, былъ посланъ въ Можайскъ, строить каменную крѣпостную стѣну; порученіе онъ исполнилъ добросовѣстно и 8 ноября 1626 г. «за Можайское, за городовое, за каменное дѣло» награжденъ 10 арш. камки адамашки свѣтло-зеле-ной, мелкогранной, цѣною 23 алт. 2 д. арш., да дано ему сорокъ со-блей, цѣною въ 15 р. ²⁾.

II. Г. ТЮМЕНЬ.

1615 г. Князь Ѳеодоръ Иваѳовъ сынъ Коркодиновъ и Ѳеодоръ Васильевъ сынъ Бобарыкинъ.

Бобарыкинъ, въ 1616 г., переведенъ воеводой въ Томскъ.

1616—1617 г. Тотъ же Коркодиновъ и Иванъ Бори-совъ сынъ Сѣверинъ.

¹⁾ «Матеріалы для полной родословной росписи князей Голицыныхъ» Киевъ. 1880. стр. 10; Дв. Разр. II. 560.

²⁾ За бѣлинъ. «Дополненія къ Дворц. Разр». 458—Чтен. въ Общ. Ист. и Др. 1882. г.

Сѣкеринъ, переведенный изъ Томска, гдѣ служилъ воеводой въ 1615 г.,—послѣ тюменской службы воеводствовалъ, въ 1631 г., въ Тихвинѣ.

1618—1619 г. Стольникъ князь Никита Михайловъ сынъ Мезецкой и Иванъ Васильевъ сынъ Щелкаловъ.

Кн. Мезецкой служилъ воеводой: въ 1615 г. въ Переяславль-Залѣскомъ и въ 1617 г. въ Вязьмѣ; отпущенный изъ Тюмени въ Москву, онъ, въ 1622 г., занималъ должность воеводы сторожевого полка въ Шацкѣ, въ 1623—24 г. воеводствовалъ въ Брянскѣ, 1625—26 г.—въ Свияжскѣ и 1632—33 г. во Псковѣ.

Щелкаловъ до Тюмени, былъ въ 1614—15 г. воеводой въ Суздаль.

1620—1622 г. Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Пушкинъ и Михайлъ Григорьевъ сынъ Елизаровъ, —назначены 10 марта 1620 г.

Имя Ѳ. Ѳ. Пушкина упоминается въ Книгахъ Разрядныхъ еще одинъ только разъ, а именно подъ 1618 г., какъ начальника гарнизона Никитскихъ воротъ въ Москвѣ; объ Елизаровѣ же извѣстно лишь, что въ 1627 г. онъ былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1623—1624 г. Князь Михайлъ Борисовъ сынъ Долгоруковъ и Юрій Анфиногеновъ сынъ Редриковъ ¹⁾).

Въ 1615 г. кн. М. Б. Долгоруковъ служилъ въ Бѣлевѣ воеводой, а въ 1618 г. состоялъ въ числѣ начальствующихъ лицъ гарнизона Москвы, собраннаго по случаю ожидавшагося нападенія королевича Владислава ²⁾).

1625 — 1626 г. Иванъ Васильевъ сынъ Плещеевъ и Иванъ Ивановъ сынъ Ярлыковъ, —назначены 25 января 1625 г. ³⁾).

Отбывъ тюменскую службу, Плещеевъ въ 1629 г. былъ воеводой «въ прибыломъ полку во Мценскѣ», откуда въ слѣдующемъ году отпущенъ въ Москву.

О Ярлыковѣ упоминается въ спискѣ лицъ, назначенныхъ на 1633—34 г. «быти въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, по воротамъ, для береженья».

¹⁾ Назначены 13 января 1623 г. (Дв. Р. I. 534).

²⁾ Долгоруковъ (Росс. Род. кн. ч. I, стр. 89) неправильно указываетъ, что кн. М. Б. Долгоруковъ скончался въ 1623 г.

³⁾ Дв. Разр. I. 659.

1627—1628 г. Петръ Тимофѣевъ сынъ Пушкинъ.

Въ 1624 г. воеводой въ Пронскѣ, а въ 1626 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1629—1630 г. Прокофій Булгаковъ сынъ Измайловъ.

Измайловъ, послѣ Тюмени, былъ воеводой въ Трубчевскѣ.

1631—1632 г. Семень Ивановъ сынъ Жеребцовъ.

Служилъ воеводой въ 1616 г. въ Пустоверскѣ, а въ 1619—21 г. въ Курскѣ. Назначенъ въ Тюмень 14 января 1631¹⁾.

1633—1634 г. Иванъ Ивановъ сынъ Милюковъ.

1635—1636 г. Князь Иванъ Андреевъ сынъ Львовъ.

Въ 1624—25 г. воеводою въ Коломнѣ, въ 1626—28 г.—въ Переяславѣ, а въ 1631—34 г. опять въ Коломнѣ.

III. Г. ВЕРХОТУРЬЕ.

1615—1617 г. Ѳеодоръ Савиновъ сынъ Плещеевъ и Ѳеодоръ Романовъ сынъ Дуровъ.

Дуровъ, послѣ воеводствованія въ Верхотурьѣ, въ 1623 г. назначенъ былъ воеводой въ Сѣверскѣ, гдѣ въ 1625 г. и скончался.

1618 г. Стольникъ Иванъ Васильевъ сынъ Головинъ.

Назначенный въ Верхотурье изъ Бѣловерскихъ воеводъ, Головинъ въ 1623 г. воеводствовалъ въ Переяславѣ-Рязанскомъ.

1619—1622 г. Иванъ Ивановъ сынъ Пушкинъ и Дмитрій Ивановъ сынъ Зубовъ.

Получивъ назначеніе въ 1616 г. воеводой въ Михайловъ, Пушкинъ обратился съ челобитьемъ къ царю, доказывая, что ему за Ивановъ Колтовскимъ, назначеннымъ въ Переяславъ, «быти не мочно», почему и просилъ отозвать его въ Москву. Просьба эта была уважена. Послѣ Верхотурья мы встрѣчаемъ Пушкина въ 1626 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ, а въ 1628—32 г. младшимъ воеводой въ большомъ полку на Тулѣ.

Зубовъ, отбывъ службу въ Сибири, послѣдовательно былъ воеводой въ Темниковѣ, Кадомѣ и Кольскомъ острогѣ.

¹⁾ Дв. Разр. II. 185.

1623—1624 г. Князь Никита Петровъ Барятинской и Максимъ Семеновъ сынъ Языковъ ¹⁾).

Кн. Барятинской, родной братъ строителя г. Сургута кн. Оед. Петр. Барятинскаго ²⁾, съ 1615 по 1618 г. участвовалъ въ походахъ противъ поляковъ и литовцевъ; съ 1627 г.—воеводой въ Вяткѣ.

Языковъ,—въ 1615—19 г. воевода въ Бѣжецкѣ, въ 1623 г.—въ Кашинѣ, въ 1629 г. въ Муромѣ, въ 1635 г. въ Воронежѣ.

Кн. Барятинской и Языковъ за сибирскую службу пожалованы были 11 октября 1625 г.—Барятинской серебрянымъ кубкомъ и атласной шубой, стоимостью въ 116 р., а Языковъ—серебрянымъ ковшомъ, да на шубу ему дано 10 арш. камки по 1 р. арш. и сорокъ соболей, цѣною 50 р. за сорокъ ³⁾.

1625—1626 г. Князь Дмитрій Петровъ сынъ Лопата-Пожарской и Игнатій Андреевъ сынъ Уваровъ,—назначены 25 января 1625 г. ⁴⁾.

Кн. Лопата-Пожарской, въ 1616 г. начальствовала ратью, посланною въ Суздальскій и Владимірскій уѣзды «на воровъ боярскихъ холопей и казаковъ», грабившихъ этотъ край; въ 1619 г. былъ воеводой въ Твери, а въ слѣдующемъ году состоялъ воеводой въ сторожевомъ полку, на Крапивнѣ. Послѣ Верхотурья въ 1628—30 г. воеводствовалъ во Псковѣ.

Объ Уваровѣ извѣстно лишь, что онъ въ 1618 г. посланъ былъ отъ боярина кн. Мецецкаго съ извѣстіемъ о заключеніи мирнаго договора съ литовскими послами; въ 1630—33 г. воеводствовалъ въ Путивлѣ.

1 сентября 1627 г. кн. Лопата-Пожарской и Уваровъ награждены были «за службу и за прибыль, что они будучи на Государевѣ службѣ, въ Сибири, на Верхотурѣ, имъ Государемъ (т. е. царю Михаилу и патриарху Филарету) служили, въ денежныхъ доходѣхъ, и въ хлѣбныхъ запасѣхъ и въ мягкой рухляди, и въ пашенныхъ крестьянѣхъ, и въ десятинной пашнѣ учинили имъ Государемъ прибыль». Пожарской получилъ серебряной кубокъ и дорогую шубу, а Уваровъ—ковшъ серебряный, матерію шелковую и соболей на шубу ⁵⁾.

¹⁾ Назначены 13 января 1623 г. (Дв. Р. I. 534).

²⁾ Долгоруковъ. Росс. Род. кн. I. 74.

³⁾ Забѣлинъ, Доп. къ Дв. Разр. 426, 427.

⁴⁾ Дв. Р. I. 659.

⁵⁾ Забѣлинъ. Доп. къ Дв. Р. 477, 478.

1627—1628 г. Князь Семенъ Никитинъ сынъ Гагаринъ.

Служилъ воеводой; въ 1615 г.—въ Невлѣ, 1616—19 г. вторымъ въ Казани, въ 1620 г. въ Вязьмѣ и въ 1622 г. въ передовомъ полку на Дѣдяловѣ; въ 1632—33 г. былъ вторымъ воеводой въ Новгородѣ.

1629—1630 г. Никифоръ Юрьевъ сынъ Плещеевъ.

Въ 1624—25 г. воевода въ Осколѣ, а въ 1628 г.—въ прибыломъ полку во Мценскѣ, откуда и былъ переведенъ въ Верхотурье; впоследствии служилъ воеводой—въ 1633—34 г. въ Невлѣ и въ 1636 въ Путивлѣ.

1631—1632 г. Ѳедоръ Михайловъ сынъ Бояшевъ; назначенъ 14 января 1631 г. ¹⁾.

Служа съ 1614 г. воеводой въ Кашинѣ, Бояшевъ неоднократно предводительствовалъ отрядами войскъ, сражавшихся съ поляками и литовцами; въ 1617 г., за разбитіе отряда полковника Вишля и взятіе его самого въ плѣнъ награжденъ царскимъ милостивымъ словомъ и золотыми. Въ этомъ году у него въ «товарищахъ» былъ Данила Милославской, впоследствии занявшій его мѣсто въ Верхотурьѣ. Милославской имѣлъ съ нимъ дѣло о мѣстахъ, но проигралъ его. Въ 1635 г. Бояшева мы встрѣчаемъ воеводой въ Рыльскѣ.

1633—1634 г. Данила Ивановъ сынъ Милославской.

Милославской не былъ новичкомъ въ Сибири: съ 1618 по 1621 г. онъ занималъ воеводскую должность въ Туринскомъ острогѣ; въ 1625—26 г. былъ воеводой въ Курскѣ.

1635—1636 г. Иванъ Ѳедоровъ сынъ Еропкинъ.

Въ 1619 по 1630 г. послѣдовательно воеводствовалъ въ Кадомѣ, Рыльскѣ, Осколѣ и Бѣлгородѣ; въ 1631—34 г. служилъ въ войскахъ, расположенныхъ въ Новгородъ-сѣверской землѣ.

IV. Г. ТАРА.

1615—1617 г. Кириллъ Семеновъ сынъ Вельяминовъ и Петръ Семеновъ сынъ Лутохинъ; головы Иванъ Зубатой и Ѳедоръ Старово. Послѣдній въ 1615 г. отпущенъ въ Москву, а Зубатой въ 1616 г. переведенъ съ Сургутъ, на мѣсто Елизара Корсакова, назначеннаго въ Тару.

Лутохинъ, по окончаніи тарской службы былъ воеводой въ

¹⁾ Дв. Разр. П, 185.

Торжкѣ и затѣмъ въ Галычѣ; Ѳедоръ Старово въ 1617 г. воеводствовалъ въ Тотъмѣ, а въ 1620—1622 г.—въ Костромѣ.

1618 г. Тѣже лица, но безъ Лутохина.

1619 г. Кирилъ Семеновъ сынъ Воронцовъ-Вельяминовъ.

Нѣтъ сомнѣнйя, что это тотъ же К. С. Вельяминовъ, о которомъ говорится выше; въ Книгахъ Разрядныхъ нерѣдко при двойныхъ фамилiяхъ упоминается только одна какая нибудь,—а въ данномъ случаѣ тожество этихъ двухъ лицъ вполне подтверждается Дворцовыми Разрядами, гдѣ, подъ 1615—1617 г., воеводой въ Тарѣ значится Кир. Сем. Воронцовъ-Вельяминовъ ¹⁾.

1620—1622 г. Сила Яковлевъ сынъ Вельяминовъ и Ѳедоръ Андреевъ сынъ Скрябинъ.

Скрябинъ послѣ Тары въ 1626 г. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ; о С. Вельяминовѣ Книги Разрядныя не даютъ никакихъ свѣдѣнйя.

1623—1624 г. Исаакъ Никитинъ сынъ Сунбуловъ и Петръ Гавриловъ сынъ Чириковъ; назначены 13 января 1623 г. ²⁾.

Исаакъ или Исай Сунбуловъ и Петръ Чириковъ, за сибирскую службу, за то, что «на Тарѣ Государю служили, въ денежныхъ и хлѣбныхъ доходѣхъ, и въ ясачныхъ людѣхъ, передъ прежними годм, многую прибыль учинили»—31 января 1626 г. награждены были: Сунбуловъ—кубокѣмъ, вѣсомъ 2 гривенки 34 зол., и атласной шубой на соболяхъ, стоимостью въ 130 р. 13 алт., а Чириковъ—серебрянымъ кошомъ, цѣною 9 р. 12 алт. 5 ден., десятью аршинами камки по рублю аршинъ и сорокомъ соболей, цѣною въ 50 р. ³⁾.

Сунбуловъ въ 1626 г. служилъ въ Москвѣ объѣзжимъ головою, и по челобатью, отпущенъ въ деревню.

1625—1626 г. Степанъ Ивановъ сынъ Исленьевъ и Иванъ Алексѣевъ сынъ Аргамаковъ; назначены 25 января 1625 г. ⁴⁾.

Равнообразна была служба воеводы Исленьева; въ 1615 г. онъ, во главѣ 2500 чел. войска, былъ посланъ вмѣстѣ съ кн. Д. М. Пожар-

¹⁾ Дв. Разр. I. 196, 248, 297.

²⁾ Дв. Разр. I. 534.

³⁾ За бѣлннѣ. Доп. къ Дв. Разр. 434.

⁴⁾ Дв. Разр. I. 659.

скимъ къ Бряску противъ поляковъ и литовцевъ, предводительствуемъ известнымъ Лисовскимъ. Въ 1619 г. занималъ воеводское мѣсто въ Пронскѣ; въ 1624 г. состоялъ въ «товарищѣхъ» у боярина кн. Алексѣя Юрьевича Сицкаго въ Московскомъ судномъ приказѣ, откуда и былъ переведенъ въ Тару. Вернувшись изъ Сибири, онъ въ 1630 г. получилъ въ завѣдываніе каменный приказъ, а въ 1633 г. командовалъ частью войскъ, собранныхъ въ Москвѣ, въ ожиданіи осады.

1627—1628 г. Князь Юрій Ивановъ сынъ Шаховской и Михайль Ѳедоровъ сынъ Кайсаровъ.

Кайсаровъ попалъ въ Тару изъ московскихъ объѣзжихъ головъ, а кн. Шаховской, въ 1614 г., служилъ воеводой въ Мценскѣ, а въ 1620 г. назначенъ былъ на ту же должность въ Михайловъ. Назначеніе это, какъ видно, ему не понравилось, главнымъ образомъ потому что онъ, въ военномъ отношеніи, оказывался подчиненнымъ сидѣвшему въ Дѣдиловѣ воеводѣ передоваго полка стольнику кн. Василю Григорьевичу Ромодановскому, котораго «менши ему быти не мочно». Возникло дѣло, и хотя ему и было объявлено, что онъ билъ челомъ Государю на Ромодановскаго «не дѣломъ», Шаховской отказался ѣхать въ Михайловъ, за что и посаженъ былъ въ тюрьму. Отсидѣвъ положенный срокъ, Шаховской согласился ѣхать на службу, но протестовалъ противъ подчиненія Ромодановскому и это было причиною тому, что его выдали послѣднему головой. Только послѣ этого Шаховской смирился.

Въ 1629 г. кн. Шаховской и Кайсаровъ были «взяты въ Тобольскъ» и далѣе ихъ имена не встрѣчаются въ Книгахъ Разрядныхъ. Нужно думать, что это «взятіе», другими словами арестъ, послѣдовало какъ результатъ вопіющихъ злоупотребленій означенныхъ лицъ; известно, что за время ихъ воеводства подгородніе татары отложились и вмѣстѣ съ Калмыками производили набѣги на Тарскій и Тюменскій уѣзды. По усмирении татары заявили, что имѣнили они и отложились, благодаря воеводскимъ насиліямъ. Шаховской съ Кайсаровымъ четыре года пробыли въ опалѣ, въ Тобольскѣ и только въ 1633 г. имъ позволено было вернуться въ Москву, при чемъ однако поставлено было условіемъ полное удовлетвореніе обиженныхъ татаръ¹⁾.

1629—1630 г. Князь Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Волконской²⁾ и Исакъ Петровъ сынъ Байковъ³⁾.

Кн. Волконской въ 1623—25 г. служилъ воеводой въ Царевкокашайскѣ; въ 1627 г. съ нимъ случилась бѣда: 28 апрѣля, на «от-

¹⁾ «Записки къ Сибирск. исторіи служація» Др. Росс. Вивл. 1788. т. III. 146.

²⁾ Кн. Ѳедоръ Ш е р и х а, Ѳедоровъ сынъ Волконской (Дв. Р. II. 90).

³⁾ У Буцинскаго И с а а к ъ Б а и л о в ѣ. (Заселеніи Сибири, стр. 237).

пускѣ Кизилбашскихъ купчинъ» Ѳедоръ Волконской съ братомъ своимъ Петромъ назначены были состоять «въ рымдахъ, въ бѣломъ платѣ», вмѣстѣ съ дѣтьми извѣстнаго князя Дмитрія Пожарскаго, причемъ послѣдніе поставлены были выше Волконскихъ. Это показало обиднымъ для нихъ и они били челомъ Государю на князей Пожарскихъ. Хотя челобитье составлено было въ весьма мягкой формѣ—«со княземъ Петромъ да со княземъ Ѳедоромъ Пожарскими быти готовы, только бѣ въ томъ отечеству поруки не было»—оно признано было не дѣльнымъ и, по ходатайству Пожарскихъ, Волконскіе были отправлены въ тюрьму. Послѣ Тары кн. Ѳ. Ѳ. Волконской воеводствовалъ въ Калугѣ. Что касается Байкова, то онъ въ 1635 г. былъ воеводой въ Валуйкахъ.

1631—1632 г. Князь Никита Михайловъ сынъ Бяритинской и Константинъ Селиверстовъ сынъ Сытинъ; назначены 14 января 1631 г. ¹⁾.

Книги Разрядныя не содержатъ въ себѣ свѣдѣній о прежней службѣ этихъ лицъ; въ 1636 г. мы находимъ кн. Н. М. Бяритинскаго воеводой въ стрелковомъ полку на Крапивнѣ.

1633—1634 г. Князь Ѳедоръ Самойловъ сынъ Бѣльской и Неупокѣй Андреевъ сынъ Кокошкинъ.

Кн. Бѣльской въ 1623—25 г. воевода въ Яранскѣ; Кокошкинъ—въ 1624—25 г. объѣзжій голова въ Москвѣ, а въ 1630—31 г. дьякъ помѣстнаго приказа.

1635—1636 г. Князь Ѳедоръ Петровъ сынъ Бяритинской и Григорій Агѣевъ сынъ Кафтыревъ.

Въ 1615 г. кн. Ѳ. П. Бяритинской воеводствовалъ въ Переяславль-Рязанскомъ, а въ 1620—21 г. былъ въ товарищахъ у казанскаго воеводы.

В. Г. БЕРЕЗОВЪ.

1615—1618 г. Бѣляница Зюзинъ и Василій Нармацкой.

1619 г. Данила Аѳонасьевъ сынъ Вельяминовъ.

Занималъ должность воеводы въ Туринскомъ острогѣ въ 1615—1618 г.

1620—1622 г. Иванъ Прохоровъ сынъ Писемской и Яковъ Аѳонасьевъ сынъ Демьяновъ.

¹⁾ Дв. Разр. II. 185.

Писемской въ 1626 г. служилъ воеводой въ Бѣлевѣ; Демьяновъ до Березова былъ въ 1616 г. объѣзжимъ головой въ Москвѣ.

1623—1624 г. Князь Ѳедоръ Андреевъ сынъ Ковловской и Андрей Ивановъ сынъ Ширинъ; назначены 13 января 1623 г. ¹⁾.

О кн. Козловскомъ Книги Разрядныя не даютъ никакихъ свѣдѣній; Ширинъ въ 1618 г. начальствовалъ частью войска, собраннаго въ Москвѣ, по случаю осады ея Владиславомъ; въ 1627 г. былъ тамъ же объѣзжимъ головой, а въ 1629—31 г. сидѣлъ воеводой въ Переяславль-Рязанскомъ.

1625—1626 г. Князь Левъ Михайловъ сынъ Волконской и Илья Ивановъ сынъ Зубовъ; назначены 25 января 1625 г. ²⁾.

Впослѣдствіи кн. Л. М. Волконской въ 1630—33 г. былъ воеводой въ Царицынѣ, а Зубовъ въ 1632—33 г.—воеводой въ Соликамскѣ и въ 1635—36 г.—товарищемъ воеводы въ Астрахани.

1627—1628 г. Князь Михаилъ Васильевъ сынъ Бѣлосельской.

Былъ воеводой въ Самарѣ въ 1615 г. и въ Вязьмѣ въ 1617 г.; послѣ березовской службы въ 1632—34 годахъ принималъ участіе въ походѣ противъ поляковъ, подъ предводительствомъ боярина Шенна.

1629—1630 г. Воинъ Тимофѣевъ сынъ Пушкинъ.

Въ 1636 г.—воевода въ Брянскѣ.

1631—1632 г. Иванъ Никифоровъ сынъ Давыдовъ; назначенъ 14 января 1631 г. ³⁾.

Съ 1616 г. по 1628 г. послѣдовательно воеводствовалъ въ Валуйкахъ, Гороховцѣ и Кольскомъ острогѣ; въ 1635—36 г. состоялъ товарищемъ астраханскаго воеводы, вмѣстѣ съ И. И. Зубовымъ, упомянаемымъ выше.

1633—1634 г. Алексѣй Аеонасьевъ сынъ Мѣшковъ-Плещеевъ.

Служилъ воеводой въ 1617 г. въ Темниковѣ, а въ 1624—26 г. во Владимірѣ.

¹⁾ Дв. Разр. I. 534.

²⁾ Дв. Разр. I. 659.

³⁾ Дв. Разр. II. 185.

1635—1636 г. Аѳонасіѣ Михайловъ сынъ Толочановъ.

Съ 1615 г. послѣдовательно воеводствовалъ въ Брянскѣ, Бѣлевѣ, Новосилѣ и Царевкококшайскѣ.

VI. Г. ПЕЛЫМЪ.

1615—1618 г. Иванъ Яковлевъ сынъ Вельяминовъ и Григоріѣ Никитинъ сынъ Орловъ.

О дальнѣйшей службѣ И. Я. Вельяминова извѣстно лишь, что 7 іюня 1622 г. онъ, по Государеву указу, былъ посланъ «смотрѣть дворянъ» въ большемъ полку на Тулѣ. Что же касается Орлова, то, прослуживъ съ 1626 по 1629 г. воеводой въ Саратовѣ, онъ снова попалъ въ Сибирь воеводой въ Мангасю, гдѣ и пробылъ 1633 и 1634 г.

1619—1620 г. Г. Н. Орловъ отпущенъ въ Москву и воеводой остался одинъ И. Я. Вельяминовъ.

1621—1622 г. Петръ Никитинъ сынъ Вельяминовъ.

1623—1624 г. Иванъ Матвѣевъ сынъ Бельяминовъ — Спасской, — назначенъ 13 января 1623 г. ¹⁾.

Значится въ 1632 г. меньшимъ воеводой въ прикомъ полку во Мценскѣ.

1625—1626 г. Иванъ Петровъ сынъ Вердеревской, назначенъ 25 января 1625 г. ²⁾.

Какъ можно предполагать, И. П. Вердеревскій былъ сыномъ того Петра Вердеревского, который служилъ въ 1599 г. головою въ Пелымѣ. Въ 1632 г. И. П. Вердеревскій состоялъ меньшимъ воеводой въ сторожевомъ полку на Кропивнѣ.

1627—1628 г. Григоріѣ Андреевъ сынъ Алябьевъ.

До Пелыма Алябьевъ воеводствовалъ: въ 1615 г. въ Рыльскѣ, гдѣ былъ вторымъ воеводой, въ 1619—20 г. — въ Болховѣ; въ 1622—23 г. — въ Путивлѣ и въ 1625—26 г. въ Вязьмѣ — тоже вторымъ воеводой. Въ 1629—30 г. онъ служилъ «меньшимъ» воеводой въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, а въ 1633 г. принималъ участіе въ походѣ противъ поляковъ въ Сѣверской землѣ.

1629 — 1630 г. Григоріѣ Ивановъ сынъ Горихвостовъ.

Воеводствовалъ въ 1616—17 г. въ Бѣлгородѣ и въ 1623 г. въ Сѣвскѣ.

¹⁾ Дв. Разр. I. 534.

²⁾ Тамъ же, I. 659.

1631—1633 г. Иванъ Степановъ сынъ Урусовъ, назначенъ 14 января 1631 г. ¹⁾).

Въ 1616—18 г. былъ воеводой въ Козьмодемьянскѣ; въ 1623—24 г. — товарищемъ воеводы въ Вязьмѣ, въ 1626—27 г. воеводой въ Алатырѣ.

1633—1634 г. Евдокимъ Ивановъ сынъ Баскаковъ, назначенъ 11 октября 1632 г. ²⁾).

Это былъ старшій сибирскій послужникъ; въ 1623—24 г. онъ воеводствовалъ въ Кузнецкомъ острогѣ и за свою службу награжденъ былъ 1 сентября 1627 г. серебрянымъ ковшомъ и шубой ³⁾).

1635—1636 г. Андрей Васильевъ сынъ Усовъ.

Началъ службу воеводой въ Себежѣ въ 1615 г.,—въ 1629—30 г. служилъ воеводой въ Нарымскомъ острогѣ; въ 1633 г. былъ меньшимъ воеводой въ Путивлѣ и за битвы съ поляками и литовцами, а также за «осадное сидѣнье» награжденъ 25 мая 1634 г. серебрянымъ кубкомъ, дорогою шубой и прибавкою къ помѣстному окладу ⁴⁾).

Назначенъ въ Пелымъ 21 января 1635 г. ⁵⁾).

VII. ТУРИНСКОЙ ОСТРОГЪ.

1615—1618 г. Данила Аоновасевъ сынъ Вельяминовъ.

Въ 1618 г. переведенъ воеводой въ Березовъ.

1618—1621 г. Данила Ивановъ сынъ Милославской.

Впослѣдствіи, въ 1625—26 г.—воевода въ Курскѣ, а въ 1633—34 г.—въ Верхотурѣ.

1621—1624 г. Семснъ Дмитриевъ сынъ Апухтинъ.

Въ 1617—18 г. былъ воеводой въ Парфеньевѣ.

1625—1626 г. Иванъ Ивановъ сынъ Баклановской.

До Туринска воеводствовалъ въ 1615 г. въ Тихвинѣ, а въ 1620—24 г. въ Твери; въ 1633 г. мы встрѣчаемъ его въ числѣ осадныхъ воеводъ въ Москвѣ.

¹⁾ Дв. Разр. П. 185.

²⁾ Тамъ же П. 296.

³⁾ Доп. къ Дв. Разр. 478.

⁴⁾ Доп. къ Дв. Разр. 890.

⁵⁾ Дв. Разр. П. 411.

1631—1632 г. **Василій Алексѣевъ сынъ Давыдовъ** и **Дмитрій Ѳедоровъ сынъ Клокачевъ**, назначены 14 января 1631 г. ¹⁾.

Давыдовъ былъ воеводой: въ 1618—19 г. въ Суздаль, въ 1623—24 г.—въ Мценскѣ и въ 1627 г.—въ Ядринѣ.

1633—1634 г. **Григорій Никитинъ сынъ Орловъ**; **дьякъ Василій Атарскій**,—назначены 11 октября 1632 г. ²⁾.

Объ Орловѣ, бывшемъ въ 1615—18 г. воеводой въ Пелымѣ, см. выше.

1635—1636 г. **Борисъ Ивановъ сынъ Пушкинъ**; **дьякъ Пятой Спиридоновъ**,—назначены 21 января 1635 г. ³⁾.

Спиридоновъ переведенъ изъ дѣйствовавшей подлѣ Смоленскомъ арміи, гдѣ былъ подъячимъ.

IX. Г. ТОМСКЪ.

1615 г. **Гаврила Юдинъ Хрипуновъ** и **Иванъ Борисовъ сынъ Сѣкериныхъ**.

Сѣкеринъ въ слѣдующемъ 1616 г. переведенъ воеводой въ Тюмень.

1616—1618 г. **Ѳедоръ Васильевъ сынъ Бобарыкинъ** и тотъ же **Хрипуновъ**.

Бобарыкинъ переведенъ былъ въ Томскъ изъ Тюмени, гдѣ служилъ въ товарищахъ воеводы; прослуживъ въ Томскѣ до 29 февраля 1620 г., онъ въ 1623 г. опредѣленъ былъ воеводой въ Устюгъ, гдѣ вскорѣ и умеръ.

1619 г. Тотъ же **Бобарыкинъ**,—одинъ.

1620—1622 г. **Князь Иванъ Ѳедоровъ сынъ Шаховской** и **Максимъ Ивановъ сынъ Радилловъ**.

Кн. И. Ѳ. Шаховской до Томска воеводствовалъ въ 1616—17 г. въ Царевосанчурскѣ, а въ 1618—19 г. въ Рыльскѣ. Въ 1627—29 г. мы находимъ его младшимъ воеводой большого полка на Тулѣ,—въ 1634 г. онъ участвовалъ въ походѣ противъ поляковъ, а въ 1635—36

¹⁾ Дв. Разр. II. 185.

²⁾ Тамъ же, II. 296.

³⁾ Тамъ же, II. 411. Пушкинъ значитсѣ здѣсь стольникомъ

г.—былъ воеводой въ Костромѣ.

Радиловъ, въ 1616—18 г, значится въ числѣ начальствующихъ лицъ гарнизона Москвы, а въ 1624 г.—объѣзжимъ головою тамъ же.

**1623—1624 г. Князь Аонасій Ѳедоровъ сынъ Гага-
ринъ и Семенъ Васильевъ сынъ Дивовъ.**

Кн. А. Ѳ. Гагаринъ, будучи въ 1615 г. товарищемъ Псковскаго воеводы, заспорилъ о мѣстахъ съ другимъ товарищемъ того же воеводы—Ѳедоромъ Бутурлинымъ. Споръ этотъ, проигранный Гагаринымъ, любопытенъ тѣмъ, что основаніемъ ему явилось служебное положеніе предковъ Бутурлина, занимавшисъ будто бы нисшія мѣста. Бояре отказали Гагарину потому, что заявленіе его не подтвердилось справкой въ разрядныхъ книгахъ, гдѣ значилось, что отецъ Ѳедора Бутурлина,—Леонтій «при царѣ Иванѣ былъ честной человекъ, былъ въ стольникахъ», а отецъ жалобщика Гагарина «служилъ съ городомъ». Въ 1617—1618 г. кн. Гагаринъ былъ въ Калугѣ, въ товарищяхъ у извѣстнаго кн. Д. М. Пожарскаго, а въ 1622 г. состоялъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ, откуда и былъ назначенъ въ Томскъ.

**1625—1626 г. Осипъ Тимофѣевъ сынъ Хлоповъ и
Иванъ Борисовъ сынъ Нармацкой.**

Хлоповъ въ 1618 г. служилъ въ Можайскѣ, товарищемъ воеводы; въ 1620—22 г. былъ воеводой въ Козмодемьянскѣ; въ 1623 г. посланъ въ Переяславль Рязанскій—«для береженія украинныхъ городовъ отъ Крымскихъ и Ногайскихъ людей».

**1627—1628 г. Князь Петръ Андреевъ сынъ Козлов-
ской и Грязной Чулковъ сынъ Бартенева.**

Въ 1622—23 г. Козловской воеводствовалъ на Белоозерѣ, а Бартенева въ эти же годы былъ въ товарищяхъ у воеводы въ Великихъ-Лукахъ. Послѣ своей томской службы дворянинъ Чулковъ (Чюлокъ) Бартенева въ 1633 г. былъ посланъ изъ Москвы въ Tobольскъ, для производствя слѣдствія о злоупотребленіяхъ мангазейскихъ воеводъ Кокорева и Палицина, и перваго изъ нихъ скованнаго привезъ въ Москву¹⁾. Выборъ Бартенева для раскрытія воеводскихъ злоупотребленій представляется нѣсколько страннымъ, такъ какъ самъ онъ не отличаяся служебною честностію. Посланный въ Соликамскъ «для Государева великаго дѣла, для сыску мѣдной руды», онъ, «не служа Великому Государю и не помня крестнаго цѣлованія, мѣдной руды не сыскалъ для своей бездѣльной корысти и ималъ отъ того многіе посылки поминки»²⁾.

¹⁾ Др. Росс. Вива. III. 151.

²⁾ Забѣлинъ. Доп. къ Дв. Разр. 886, 887.

1629—1630 г. Князь Петръ Ивановъ сынъ П р о н с к о й и Алексѣй Степановъ сынъ С о б а к и н ъ ¹⁾).

Кн. П. И. Пронской, будучи стольникомъ, «смотрѣлъ въ большой столъ» на царскомъ обѣдѣ 12 іюня 1613 г., на другой день коронаціи Михаила Ѳедоровича ²⁾; въ 1616 г. былъ воеводой въ Холмогорахъ, въ 1617 г. посланъ въ Дорогобужъ, для защиты этого города отъ поляковъ и литовцевъ; такъ какъ Дорогобужъ оказался занятымъ неприятелемъ, кн. Пронскому поручено было засѣсть въ Вязьмѣ и отсюда «промышлять литовцевъ». Въ 1634 г. мы встрѣчаемъ его воеводой въ Брянскѣ, а въ 1635 г. — въ Вязьмѣ.

1631—1632 г. Князь Иванъ Ѳедоровъ сынъ Т а т е в ъ и Семень Ивановъ сынъ В о е й к о в ъ, — назначены 14 января 1631 г. ³⁾).

Въ 1624 г. кн. Татевъ «въ бѣломъ платьѣ» былъ въ рындахъ при приѣмѣ царемъ Кизылбашскаго купчины; въ 1627 г. онъ начальствовалъ передовымъ полкомъ на Дѣдиловѣ. Воейковъ, послѣ Томска, въ 1636 г. воеводствовалъ въ Самарѣ.

1633—1634 г. Стольникъ князь Никита Ивановъ сынъ Е г у п о в ъ - Ч е р к а с к о й и Ѳедоръ Григорьевъ сынъ Н е х о р о ш е в о - Ш и ш к и н ъ, назначены 11 октября 1632 г. ⁴⁾).

Кн. Н. И. Черкаской въ 1617—18 г. воеводствовалъ въ Ливнахъ; въ 1625 г. посланъ былъ въ Переяславль Рязанскій осмотрѣть тамошнихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, а въ 1629—30 г. начальствовалъ передовымъ полкомъ на Дѣдиловѣ. Шишкинъ въ 1629—31 г. былъ воеводой въ Серпуховѣ.

1635—1636 г. Стольникъ князь Иванъ Ивановъ сынъ Р о м о д а н о в с к о й и Андрей Андреевъ сынъ Б у н а к о в ъ, — назначены 21 января 1635 г. ⁵⁾).

¹⁾ Книги Разрядныя не даютъ намъ свѣдѣній о томъ, кто были дяками и письменными головами въ этомъ году въ Томскѣ; изъ Дворцовыхъ же Разрядовъ видно, что дяками были: Семень Владиміровъ и Бажень Степановъ, а письменными головами — Иванъ Постниковъ сынъ Огаревъ и Никита Васильевъ Кафтыревъ (т. II. 16).

²⁾ Дв. Разр. I. 100.

³⁾ Тамъ же, II. 186.

⁴⁾ Съ ними: дякъ Андрей Строевъ и письменный голова Ѳедоръ Петровъ сынъ Зиновьевъ (Дв. Разр. II. 296).

⁵⁾ Съ ними: дякъ Анисимъ Трофимовъ и письменные головы — Никифоръ Владиміровъ с. Жедринской и Аѳонасій Семеновъ с. Барковъ (Дв. Разр. II. 411).

Съ 1628 г. кн. Ромодановской служилъ въ войскѣ: сначала командовалъ сторожевымъ полкомъ на Кропивнѣ, а съ 1631 г. начальствовалъ большимъ полкомъ на Тулѣ.

Х. Г. СУРГУТЬ.

1615—1619 г. Гаврила Вельяминовъ; у него въ товарищахъ, въ 1615 г. Елизаръ Корсаковъ, а въ 1616—18 г. Иванъ Зубатой.

Въ 1616 г. Корсаковъ переведенъ въ Тару, на мѣсто Зубатаго, назначеннаго въ Сургутъ.

1620—1622 г. Иванъ Захаровъ сынъ Кутузовъ ¹⁾ и Григорій Ивановъ сынъ Фефилатьевъ.

Послѣдній въ 1635 г. былъ воеводой въ Саратовѣ.

1623—1624 г. Иванъ Романовъ сынъ Безобразовъ и Федоръ Григорьевъ сынъ Шишкинъ.

Безобразовъ воеводствовалъ въ 1616 г. въ Галичѣ, въ 1620—21 г. въ Ярославлѣ и въ 1627—28 г. въ Шацкѣ, гдѣ и умеръ. О Шишкинѣ извѣстно, что онъ въ 1615 г. былъ въ товарищахъ у воеводы въ Ливнахъ, а въ 1619 г.—въ Серпуховѣ. За свою сургутскую службу Безобразовъ и Шишкинъ награждены были 31 января 1626 г.—первый—кубкомъ и шубой, а второй серебрянымъ ковшомъ, соболями и кажкой на шубу ²⁾

1625—1626 г. Никита Евстафьевъ сынъ Пушкинъ и Богданъ Ивановъ сынъ Бѣлкинъ.

1627—1628 г. Князь Михаилъ Семеновъ сынъ Гагаринъ.

Впервые имя М. С. Гагарина мы встрѣчаемъ въ числѣ назначенныхъ присутствовать «въ бѣломъ платьѣ» при приѣмѣ въ 1618 г. Кизыльбашскихъ пословъ. Въ 1624—25 г. онъ воеводствовалъ въ Рыльскѣ, а въ 1635 г.—въ Коломнѣ.

1629—1630 г. Борисъ Ивановъ сынъ Кокоревъ.

Служилъ воеводой: въ 1616 г. въ Осташковѣ, въ 1617 г.—въ Галичѣ, въ 1618 г.—въ Невлѣ и въ 1622 г.—въ Сѣвскѣ.

1631—1632 г. Князь Михаилъ Григорьевъ сынъ Коз-

¹⁾ Щука—Кутузовъ (Дв. Разр. I. 524).

²⁾ Доп. къ Дв. Разр. 434.

Л о в с к о й, назначенъ 14 января 1631 г. ¹⁾.

Воеводствовалъ въ 1620—22 г. въ Ливнахъ и въ 1626—28 г.— въ Бѣлгородѣ.

1633—1634 г. Князь Петръ Дмитріевъ сынъ Л в о в ъ, назначенъ 11 октября 1632 г. ²⁾.

1635—1636 г. Князь Давыла Григорьевъ сынъ Га га р и н ъ, назначенъ 21 января 1635 г. ³⁾.

Въ 1616 г. при воеводѣ, отцѣ своемъ князѣ Григоріѣ, служилъ въ Тобольскѣ письменнымъ головой; въ 1628—30 г. былъ въ товарищахъ у псковскаго воеводы, а въ 1633 г. начальствовалъ передовымъ полкомъ на Дѣдиловѣ.

ХІ. НАРЫМСКОЙ ОСТРОГЪ.

1614—1621 г. Иванъ Петровъ сынъ Хо м я к о в ъ-Я з ы -
К о в ъ.

Отозванный въ Москву, послѣ восьмилѣтняго воеводствованія въ Нарымѣ, Хомяковъ назначенъ былъ объѣзжимъ головой; въ 1625—26 г. былъ воеводой въ Козмодемьянскѣ; вернувшись оттуда въ Москву, снова попалъ въ объѣзжіе головы и на этой должности пробылъ до 1631 г. включительно.

1622—1624 г. Василиій Ѳедоровъ сынъ Я н о в ъ.

Впослѣдствіи, въ 1631—33 г., былъ воеводой въ Сольвычегодскѣ

1625—1626 г. Ѳедоръ Ивановъ сынъ П о л т е в ъ.

1627 г. Степанъ Михайловъ сынъ У ш а к о в ъ.

Въ 1616 г. воевода въ Костромѣ, въ 1618 г.—въ Михайловѣ, въ 1621—24 г.—въ Курскѣ. Умеръ въ Нарымѣ въ 1628 г.

1628 г. Павелъ Ивановъ сынъ С а л м а н о в ъ, письменный голова, присланный изъ Тобольска временно исправлять должность воеводы.

1629—1630 г. Андрей Васильевъ сынъ У с о в ъ.

Объ Усовѣ, бывшемъ воеводою и въ Пелымѣ, см. выше.

1631—1632 г. Иванъ Никифоровъ сынъ Б е с т у ж е в ъ,

¹⁾ Дв. Разр. II. 185.

²⁾ Дв. Разр. II. 296.

³⁾ Тамъ же, II. 411, причемъ Гагаринъ значится стольникомъ.

—назначенъ 14 января 1630 г. ¹⁾).

Послѣ Нарыма въ 1635—36 г. былъ товарищемъ воеводы на Терекѣ.

1633—1634 г. Иванъ Андреевъ сынъ Загоскинъ, назначенъ 11 октября 1632 г. ²⁾).

Былъ воеводой въ 1620—21 г. въ Тетюшахъ.

1635—1636 г. Владиміръ Семеновъ сынъ Племянни-
ковъ, назначенъ 21 января 1635 г. ³⁾).

Въ 1619—1620 г. воеводствовалъ въ Лашевѣ.

ХП. КЕТСКОЙ ОСТРОГЪ.

1615—1619 г. Чеботай Челищевъ.

1620—1622 г. Яковъ Васильевъ сынъ Колтовской.

Въ 1616—17 г. былъ воеводой на Михайловѣ; впоследствии въ 1633 г. мы встрѣчаемъ его въ Разрядномъ Приказѣ, въ товарищахъ у боярина Юрія Сулешова.

1623—1624 г. Иванъ Алексѣевъ сынъ Бастановъ.

Въ 1618 г. состоялъ въ гарнизонѣ Москвы, а въ 1622 г. былъ воеводой на Луху.

1625—1626 г. Иванъ Петровъ сынъ Кологривовъ.

Въ 1616—17 г. служилъ меньшимъ воеводой въ Стародубѣ; въ 1618 г. посылался изъ Москвы въ Калугу съ денежной казной, а въ слѣдующемъ 1619 г. воеводствовалъ въ Одоевѣ.

1627—1628 г. Данила Ивановъ сынъ Полтевъ.

Въ 1620 г. занималъ воеводскую должность въ Царевокок-
шайскѣ.

1629—1630 г. Ларіонъ Григорьевъ сынъ Суминъ.

1631—1632 г. Иванъ Ивановъ сынъ Румянцевъ,
назначенъ 14 января 1631 г. ⁴⁾).

Въ 1627—29 г. былъ воеводой на Балахнѣ.

¹⁾ Дв. Разр. II. 186.

²⁾ Тамъ же, II. 297.

³⁾ Тамъ же, II. 411.

⁴⁾ Тамъ же, II. 186 г.

1633—1634 г. Андрей Хрипуновъ ¹⁾.

1635—1636 г. Яковъ Ивановъ сынъ Уваровъ, назначенъ 21 января 1635 г. ²⁾.

ХІІІ. КУЗНЕЦКОЙ ОСТРОГЪ.

1617—1622 г. Тимофѣй Ивановъ сынъ Бобарыкинъ и Осипъ Герасимовъ сынъ Аничковъ ³⁾.

1623—1624 г. Евдовимъ Ивановъ сынъ Баскаковъ.

О немъ, воеводствовавшемъ также въ Пелымѣ, см. выше.

1625—1626 г. Ѳедоръ Ивановъ сынъ Голенищевъ.

Въ 1636 г. служилъ воеводой въ полку въ Пронскѣ.

1627—1628 г. Савва Александровъ сынъ Языковъ.

Въ 1636 г. былъ меньшимъ воеводой въ передовомъ полку на Дѣдиловѣ.

1629—1630 г. Князь Иванъ Михайловъ сынъ Волконской.

1631—1632 г. Ѳедоръ Ивановъ сынъ Нащокинъ, назначенъ 14 января 1631 г. ⁴⁾.

Въ 1619—21 г. служилъ воеводой въ Новосилѣ.

1633—1634 г. Ѳедоръ Кузьминъ сынъ Хоненевъ, назначенъ 11 октября 1632 г. ⁵⁾.

¹⁾ Въ Дворцовыхъ Разрядахъ (II. 297) значится, что воеводой въ Кетской острогъ 11 октября 1632 г. назначенъ князь Семенъ Ивановъ с. Шелешпанской; то же у Новикова—Др. Росс. Вивл. III, стр. 153.

²⁾ Дворц. Разр. II. 411.

³⁾ Вопросъ о времени основанія Кузнецкаго острога не разрѣшенъ еще окончательно; хотя Миллеръ, въ «Описаніи Сиб. царства» изд. 1750 стр. 433 и слѣд. и относитъ основаніе Кузнецка къ 1618 г., но допускаетъ возможность, что и до этого времени на томъ мѣстѣ стоялъ уже русскій острогъ, можетъ быть тотъ самый въ которомъ отсиживался въ осадѣ, въ 1615 г., стрѣлецкій сотникъ Иванъ Пущинъ. Намъ кажется, что Кузнецкій острогъ долженъ былъ существовать въ 1617 г., такъ какъ иначе совершенно невозможно объяснить указаніе Разрядной книги за 1622 г. (т. I. 874) о томъ, что Бобарыкинъ и Аничковъ «посланы воеводами въ Кузнецкій острогъ въ прошломъ, въ 125 году» т. е. въ 1617 г. Основаніе Кузнецка относитъ къ 1617 г. и «Книга записная» (рукоп. Тоб. Соф. кав. собора).

⁴⁾ Дв. Разр. II. 186.

⁵⁾ Тамъ же, II. 297.

Воеводствовалъ въ 1624—25 г. въ Галичѣ.

1635—1636 г. Григорій Яковлевъ сынъ К у ш е л е в ъ, назначенъ 21 января 1635 г. ¹⁾).

Въ 1631 г. былъ объѣзжимъ головой въ Москвѣ; въ сентябрѣ 1634 г. посланъ былъ изъ Москвы подъ Смоленскъ, къ боярину Шемяну, съ денежной казной.

XIV. ЕНИСЕЙСКОЙ ОСТРОГЪ ²⁾.

1622—1624 г. Яковъ Игнатьевъ сынъ Х р и п у н о в ъ.

1625—1626 г. Андрей Леонтьевъ сынъ О ш а н и н ъ.

Въ 1630—33 г. объѣзжій голова въ Москвѣ.

1627—1628 г. Василий Алексѣевъ сынъ А р г а м а к о в ъ.

Въ 1619 г. воеводствовалъ въ Сольвычегодскѣ.

1629—1630 г. Князь Семенъ Ивановъ сынъ Ш а х о в с к о й - Х а р я.

Въ 1616—18 г. былъ воеводой въ Ядринѣ; въ 1618 г. взять въ Москву, въ составъ мѣстнаго гарнизона; въ 1619 г. служилъ воеводой въ Пронскѣ, а въ 1620 г.—товарищемъ воеводы въ Вязьмѣ. Въ 1647 г. посланъ былъ въ ссылку въ Томскъ ³⁾.

1631—1632 г. Жданъ Васильевъ сынъ К о н д и р е в ъ, назначенъ 14 января 1631 г. ⁴⁾).

¹⁾ Дв. Разр. II. 411.

²⁾ Годъ основанія Енисейска до сихъ поръ еще оспаривается; Щегловъ въ своемъ хронологическомъ перечнѣ на стр. 75 утверждаетъ, что Енисейскъ основанъ въ 1618 г.; мы же склонны думать, что основаніе Енисейскаго острога послѣдовало въ 1619 г. (см. мое изслѣдованіе «Государево жалованье послужникамъ сибирскимъ». Тоб. 1892 г. стр. 10). Того же мнѣнія и Миллеръ (Гл. М. Арх. М. И. Д. портф. Миллера, № 505, I, 1). Такъ или иначе, но названіе «Енисейскаго» острога появляется въ Разрядныхъ книгахъ впервые лишь подъ 1622 г. Объяснить это можно тѣмъ, что вѣроятно вначалѣ онъ носилъ другое названіе, подъ которымъ и числялся въ Москвѣ. Дѣйствительно, въ Разрядной за 1621 г. мы находимъ въ числѣ сибирскихъ острововъ—«Тунгуаскій» острогъ, о которомъ говорится, что туда «въ воеводское мѣсто посылаютъ изъ Тобольскаго города на годовую изъ дѣтей боярскихъ по одному человѣку». Весьма вѣроятно, что это и былъ тотъ самый острогъ, который въ слѣдующемъ году уже значился подъ названіемъ Енисейскаго.

³⁾ Др. Росс. Вивл. т. III, 176.

⁴⁾ Дв. Разр. II. 186.

Въ 1625—26 г. воевода въ Рязскѣ.

1633—1634 г. Андрей Андреевъ сынъ Племянниковъ, назначенъ 11 октября 1632 г. ¹⁾.

1635—1636 г. Прокофій Ѳедоровъ сынъ Соковнинъ, назначенъ 21 января 1635 г. ²⁾.

Восводствовалъ въ Мезени, въ 1624—25 г.

ХV. КРАСНОЯРСКОЙ ОСТРОГЪ ³⁾.

1629—1632 г. Архипъ Ѳедоровъ сынъ Акинфоровъ.

1635 г. Никита Ивановъ сынъ Карамышевъ ⁴⁾.

1636 г. Ѳедоръ Михайловъ сынъ Мякининъ, назначенъ 21 января 1635 г. ⁵⁾.

Внимательное изученіе вышеприведеннаго списка даетъ намъ возможность довольно точно выяснитъ ту систему, которой держалось правительство при назначеніи воеводъ въ Сибирь. Прежде всего невольно бросается въ глаза, что громадное большинство назначаемыхъ въ Сибирь воеводъ было послано непосредственно изъ Москвы, причемъ выборъ таковыхъ всецѣло принадлежалъ центральному управленію, обходившемуся въ этомъ случаѣ, повидимому, безъ всякихъ указаній со стороны главноначальствующихъ сибирскихъ воеводъ—тобольскаго, а впослѣдствіи и томскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдніе не принимали никакого участія, не только въ назначеніи, но даже и въ рекомендаціи посылаемыхъ въ Сибирь служивыхъ людей. Заключаемъ это изъ того, что въ приведенныхъ спискахъ мы почти не встрѣчаемъ случая перевода

¹⁾ Дв. Разр. II. 297.

²⁾ Тамъ же, II. 411.

³⁾ Красноярскій острогъ поставленъ Андреемъ Дубенскимъ въ 1628 г. (Собр. Гос. Грам. и Дог., т. III. № 78).

⁴⁾ Кто былъ воеводой въ Красноярскѣ съ 1633 по 1635 г.—изъ Книгъ Разрядныхъ не видно; у Миллера—въ Вѣдомости о воеводахъ (рукоп. Гл. М. Арх. Мин. Ин. Д. № 505. I. 3)—Никита Карамышевъ значится воеводой съ 1633 г.; тоже видно и изъ Дворц. Разрядовъ (II. 297), указывающихъ изъ 11 окт. 1632 г., какъ на день назначенія Карамышева.

⁵⁾ Дв. Разр. II. 411.

воеводы изъ одного сибирскаго города въ другой. Правительство, хорошо сознавая, что Сибирь, благодаря своей отдаленности является обширнымъ полемъ для всякаго рода злоупотреблений, очевидно предпочитало назначать туда лицъ тамъ еще не служившихъ, такихъ, которымъ по приѣздѣ необходимо было сначала осмотрѣться и попривыкнуть къ тяжелымъ условіямъ сибирской службы. Дѣлалось это, какъ нужно думать, отчасти съ цѣлью парализировать черезъ чуръ большую самостоятельность воеводы въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, отчасти и въ интересахъ населенія, подвергавшагося нерѣдко страшному произволу осѣвшихъ и окрѣвшихъ на мѣстѣ воеводъ. Этимъ объясняется и тотъ, сравнительно краткій срокъ, на который воеводы посылались на службу въ Сибирь.

По окончаніи своей сибирской службы воевода неизмѣнно отзывался въ Москву и пѣкоторое время, обыкновенно, не получалъ никакого назначенія. Это послѣднее обстоятельство несомнѣнно стоитъ въ связи съ тѣмъ взглядомъ, который правительство имѣло на сибирскихъ воеводъ вообще. Во всѣхъ наказахъ воеводамъ, дошедшихъ до насъ, слышится одна и таже нотка полнаго недовѣрія къ честности лицъ, посылаемыхъ на службу въ Сибирь. Каждый вновь назначенный воевода обязывался не только учесть своего предшественника, но и публично, предъ собранными въ сѣзскую избу служилыми, жилацкими, торговыми людьми и инородцами, торжественно, въ нарядномъ платьѣ, объявить о „воровствѣ“ своего предшественника, обѣщаясь со своей стороны всякую защиту и помощь ¹⁾. Понятно, что не успѣвалъ старый воевода доѣхать до Москвы, какъ на него сыпались жалобы, по которымъ обыкновенно производился судъ. Начиналась извѣстная московская волокита, тянувшаяся безконечно, въ боль-

¹⁾ Очень интересныя подробности о смѣнѣ старыхъ и вступленіи въ должность новыхъ воеводъ мы находимъ у Буцинскаго, стр. 237—248; см. также историческій очеркъ Кулешова: «Наказы Сибирскимъ воеводамъ въ XVII вѣкѣ». Ташкентъ. 1888 г.

шинствѣ случаевъ хотя и разрѣшавшаяся благополучно для обвиняемыхъ, по все-таки задерживавшая ихъ назначеніе на новое мѣсто служенія.

Мѣстничество, это зло, такъ часто парализовавшее благія намѣренія правительства, какъ кажется, не коснулось Сибири; по крайней мѣрѣ за весь 22-хъ лѣтній періодъ, которой объимаютъ Книги Разрядныя, мы встрѣчаемъ лишь одинъ случай спора о мѣстахъ, возбужденный товарищемъ тобольскаго воеводы Волинскимъ въ 1628 г. Нужно думать, что правительство разъ навсегда объявило служеніе въ Сибири „безмѣстнымъ“, такъ какъ только этимъ можно объяснить отсутствіе челобитныхъ со стороны представителей знатнѣйшихъ родовъ въ государствѣ, назначаемыхъ иногда въ самые незначительные остроги и города. Правда, Книги Разрядныя не содержатъ въ себѣ подобнаго категорическаго разъясненія относительно нечисления „мѣстами“ въ службѣ сибирской, но ясны намеки на это мы въ нихъ встрѣчаемъ и не одинъ разъ. Такъ въ указѣ Михаила Федоровича отъ 3-го декабря 1629 г. о раздѣленіи Сибири на два разряда прямо говорится, что „Тоболскому большому воеводѣ съ Томскимъ большимъ воеводой счету и мѣсть нѣтъ“. Когда братья Волинскаго, сидѣвшаго въ Тобольскѣ въ товарищахъ воеводскихъ, недовольные назначеніемъ большимъ воеводой Ивана Ивановича Салтыкова, били челомъ „о мѣстахъ“, Государь приказалъ записать въ Разрядѣ „что Ивану Салтыкову въ Сибири не быть „по Государскому указу, а не для челобитья Ивана Волинскаго съ братьей“. Очень возможно, что правительство должно было признать неудобство въ данномъ случаѣ назначенія Салтыкова, но въ тоже время оно явно хотѣло подчеркнуть, что отмѣна послѣдовала не во вниманіе мѣстническихъ счетовъ, а по инициативѣ самого правительства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

К. Газенвинкель.

ХРОНИКА.

МУЗЕЙ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

МУЗЕЙ ПЕТРОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИЗСЛѢДОВАТЕЛЕЙ АСТРАХАНСКАГО КРАЯ.

Въ началѣ января 1889 года Совѣтъ Общества получилъ отъ городскаго общества помѣщеніе, находящееся во второмъ этажѣ дома бывшаго Саркисова на Почтовой улицѣ и счелъ необходимымъ немедленно принять пожертвованія еще въ концѣ 1888 г. Астраханскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ коллекціи и по надлежащей ихъ установкѣ въ имѣющемся помѣщеніи открыть проектированный публичный музей. Пожертвованія коллекціи по числу предметовъ и по величинѣ многихъ изъ нихъ потребовали такъ много мѣста, что помѣщеніе общества оказалось тѣснымъ даже теперь, когда музей только что зарождался. Имѣя до 750 р. специально назначенныхъ на музей и надѣясь въ будущемъ на сочувствіе горожанъ, Совѣтъ нашелъ возможнымъ предложить Общему Собранію, чтобы оно поручило ему, Совѣту, нанять помѣщеніе для музея, съ платою отъ 400 — 500 р. въ годъ. Извѣстіе о предстоящемъ открытіи музея нашло откликъ въ неивѣстномъ лицѣ, пожертвовавшемъ при посредствѣ члена Совѣта П. М. Никольскаго 300 руб. на устройство при музее педагогическаго отдѣла. Проектируемый неивѣстнымъ лицомъ педагогическій отдѣлъ долженъ былъ знакомить посѣтителей: 1) съ гигиеническими школьными постройками и обстановкой; 2) гигиеной школы; 3) съ возможно полнымъ выборомъ пособій по предметамъ школьнаго обученія. Неудачи, преслѣдовавшія Совѣтъ Общества въ заботахъ объ открытіи музея, побудило отдѣльныхъ членовъ его изыскать иные способы къ осуществленію музея. Членъ общества В. А. Хлѣбниковъ подалъ мысль объ открытіи соединеннаго музея съ проектируемымъ Городскимъ Управленіемъ. Свои мысли объ открытіи соединеннаго музея онъ равнялъ въ засѣданіи Совѣта 24 октября. Совѣтъ Общества въ принципѣ согласился съ предложеніемъ г. Хлѣбникова и постановилъ сдѣлать по этому вопросу докладъ ближайшему общему собранію; составленіе доклада было поручено В. А. Хлѣбникову. Предварительно рассмотрѣнія доклада въ общемъ собраніи онъ былъ

разсмотрѣнъ и одобренъ въ обоихъ отдѣленіяхъ его. Основные пункты соглашения общества съ городомъ относительно соединеннаго музея въ общемъ таковы: городъ даетъ приличное помѣщеніе для музея, библіотекки и занятій общества и средства на консерватора, сторожа и вообще на содержаніе этого помѣщенія, коллекцій и библіотеки въ надлежащемъ видѣ. Петровское Общество приметъ на себя весь трудъ по устройству музея: сохраненію, опредѣленію, систематизированію и пополненію коллекцій, научному описанію ихъ въ своихъ изданіяхъ и непосредственному ознакомленію съ ними публики. Музей будутъ составлять предметы и модели, а также фотографіи и тому подобныя снимки и наглядныя изображенія, имѣющія значеніе въ характеристикѣ Астраханскаго края во всѣхъ отношеніяхъ съ доисторическихъ временъ до современнаго періода. Такимъ образомъ въ музеѣ должны быть отдѣлы: геологическій, зоологическій, ботаническій, археологическій, этнографическій, историческій, сельско-хозяйственный, промышленный и транзитно-торговый, причѣмъ въ послѣднихъ трехъ отдѣлахъ будетъ собираться матеріалъ и по исторіи экономической жизни края. Музей будетъ городской, Петровское-же Общество будетъ только завѣдывать имъ. Работая въ музеѣ по изученію края, Петровское общество обяжется предоставить не менѣ одного дня въ недѣлю для бесплатнаго посѣщенія музея публикою и не менѣ раза въ мѣсяцъ демонстрировать тѣ или другія коллекціи музея передъ публикою объяснительными чтеніями. Консерваторъ музея долженъ получать жалованье отъ города, но можетъ быть назначенъ только Петровскимъ обществомъ по выбору изъ своей среды. Если Петровское общество когда либо прекратитъ свое существованіе, музей сдѣлается полною собственностью города, а до этого времени городъ не имѣетъ права какъ бы то ни было распоряжаться богатствами музея. Городъ можетъ только отказать обществу въ дальнѣйшей помощи, что будетъ равносильно отказу города отъ своихъ правъ на музей. Послѣ подобнаго рѣшенія города Петровское Общество въ теченіе года обязано будетъ приискать другіе способы содержанія музея и очистить городскія зданія. Общее собраніе членовъ общества 2 декабря (вниманію коего былъ предложенъ докладъ В. А. Хлѣбникова) предложеніе Хлѣбникова въ принципѣ приняло и переговоры по этому вопросу съ Городскимъ Управленіемъ поручило вести Совѣту, который съ своей стороны долженъ былъ знакомить съ ходомъ переговоровъ оба отдѣленія. Въ 1890 г. предсѣдатель Совѣта, убѣдившись изъ частныхъ переговоровъ съ представителями города, что первоначальный проектъ Общества о соединенія музеевъ подъ условіемъ оставленія за городомъ лишь матеріальнаго о немъ попеченія не встрѣтитъ сочувствія, обратился отъ имени Совѣта съ разъясненіемъ въ Городскую Управу (9 іюня за № 459), выразившись при этомъ такимъ образомъ, что Совѣтъ предлагаетъ «будущему городскому музею свои коллекціи, находящіяся въ распоряженіи Общества въ настоящее время и то, что будетъ приобретаемо Петровскимъ Обществомъ впослѣдствіи, при единственномъ условіи—неотчужденія въ другія руки безъ особаго соглашенія съ общимъ собраніемъ членовъ Петровскаго Общества»; къ этому присовокуплялось отъ имени Совѣта предложеніе—ввести въ составъ музейнаго комитета троихъ представителей отъ Петровскаго Обще-

ства,—въ лицѣ предсѣдателя и по одному депутату отъ двухъ главныхъ секцій. Подобно предыдущимъ, и эта бумага не двинула впередъ музейнаго вопроса въ городской думѣ, о чемъ и было сообщено Совѣту въ засѣданіи 25 августа.

Отъ 27 октября на имя Совѣта послѣдовало отношеніе Городской Управы, сообщавшей, что городская дума въ засѣданіи 5 октября 1890 г. изъявила согласіе на принятіе коллекцій Петровскаго общества въ научно-промышленный городской музей на условіяхъ предложенныхъ Совѣтомъ общества, а именно: 1) Городское Общественное Управление не должно что либо изъ означенныхъ коллекцій отчуждать безъ согласія Общаго Собранія Петровскаго Общества и 2) въ составѣ комиссіи завѣдывающей городскимъ музеемъ должны участвовать три лица — предсѣдатель общества и двое изъ членовъ общества. Въ половинѣ октября освободилась квартира, отведенная городомъ для установки колекцій музея, и тогда А. Г. Алексѣевъ, П. М. Никольскій, Н. Д. Пацукевичъ и В. А. Хлѣбниковъ приступили къ его устройству. Эту работу означенныя лица раздѣлили такимъ образомъ: Алексѣевъ взялъ соляной отдѣлъ, Никольскій и Хлѣбниковъ всѣ остальные отдѣлы за исключеніемъ нумизматики и археологій, устройствомъ которыхъ хотѣлъ заняться Пацукевичъ.

Свѣдѣнія о посѣщеніи музея показываютъ что наибольшее число посѣтителей было въ праздничные дни: 26 декабря—200 чел., 20 января—170 ч., 27 января—220 ч., 2 февраля—231, 3 февраля—428, 10 февраля—418, 17 февр.—354, 24 февр.—338 ч., 24 февр.—113 ч., 28 февр.—100 чел., а всего считая и посѣтителей въ будничные дни отъ 26 декабря по 1 марта—3,519 человекъ.

Въ 1890 г. въ Музеѣ находилось:

Этнографическихъ фотограф.	151 экз.
Таблицъ смертностей	11 »
Предметовъ калмыцкаго быта	197 »
Глиняныхъ сосудовъ и осколк.	63 »
Котловъ	2 »
Кремневыхъ орудій	18 »
Бурханъ	1 »
Ковшъ серебряный	1 »
Стрѣлъ киргизскихъ	17 »
Бронзовыхъ наконечниковъ	51 »
Фотографій Солянаго промысла	15 »
Амулетовъ	16 »
Кольчугъ	3 »
Шишаковъ и локатниковъ	2 »

ДОНСКОЙ МУЗЕЙ.

Мысль о музеѣ возникла среди членовъ Донскаго статистическаго комитета, выражена въ докладѣ бывшаго секретаря комитета А. М. Савельева, утверждена членами въ засѣданіи 15 января 1868 г. (смот. протоколы засѣ-

даній) и релізірована составленіємъ и разсылкою первой программы по собиранію вещей для Донскаго музея съ отдѣлами исторіи, этнографіи и сельско-хозяйственнымъ. Съ того же времени началась и присылка вещей. Затѣмъ нынѣшній Войсковой Атаманъ, сочувствуя дѣлу устройства музея, неоднократно предписывалъ учрежденіямъ и лицамъ неупустительно доставлять найденныя древнія вещи (циркуляры: 17 марта 1884 г. и 13 ноября 1886 г.), въ силу каковыхъ распоряженій вещи поступали и поступаютъ или въ канцелярію Войскаго Наказанаго Атамана или непосредственно въ собраніе войскаго музея.

Коммисія по устройству Донскаго музея и историческаго при немъ архива, которая и занимается систематизаціей собранныхъ по сіе время древнихъ вещей въ отведенномъ въ одномъ изъ войсковыхъ зданій помѣщеніи изъ трехъ комнатъ, утверждена Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1890 г.

О характерѣ древностей, которыя со временемъ могутъ сдѣлаться достояніемъ музея, можно судить по посылкамъ г. Ознобишина, о которыхъ мы узнаемъ изъ газеты «Донское Поле» (1891, № 5):

1) два каменныхъ молотка, наконечникъ копья, и нѣсколько наконечниковъ стрѣлъ изъ Усть-Медвѣдицкаго округа, полученные г. Ознобишинымъ отъ разныхъ лицъ; 2) обломокъ глинянаго кувшина изъ Усть-Медвѣдицкаго же округа, полученный имъ отъ г. Каледина; 3) одно металлическое зеркало и нѣсколько турецкихъ монетъ — изъ Усть-Медвѣдицкаго округа; 4) два наконечника бронзовыхъ копій, два черепа и обломокъ каменнаго молота, добытые въ томъ же округѣ отъ г. фонъ-Кюгельгенъ. и 5) коллекція вещей, найденныхъ на Недвиговскомъ городищѣ, изъ которыхъ имѣютъ нѣкоторую цѣну амфора и три каменныхъ фрагмента съ полуистертыми греческими надписями.

ЭКСПЕДИЦИИ, РАСКОПКИ И СЛУЧАЙНЫЯ НАХОДКИ, ИМѢВШІЯ МѢСТО ВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССИИ.

Раскопки Борковскаго могильника. Членами Рязанской Ученой Архивной Коммисіи продолжаютъ раскопки Борковскаго могильника. Первая серія работъ производилась въ теченіе 8 дней, причемъ обнаружено 33 погребенія. Найдено болѣе 500 различнаго рода предметовъ, главнымъ образомъ бронзовыхъ украшеній. Изъ орудій попадались: желѣзные наконечники копій и дротиковъ, ножи и желѣзные боевые топоры, напоминающіе форму кельтовъ. Въ послѣднее время открыто еще 30 погребеній. Изъ найденныхъ вещей особенно любопытны двѣ серебряныя крестообразныя фибулы; подобнаго рода фибулы были находимы близъ Рима. Затѣмъ въ Борковскомъ могильникѣ найдена весьма любопытная самострѣлообразная фибула, относящая къ I—III вв. Нѣкоторыя погребенія оказались весьма богатыми по количеству вещей, найденныхъ вмѣстѣ съ костями. Въ особенности одна могила отличалась множествомъ украшеній, которыя состояли изъ двухъ шейныхъ гривенъ, двухъ височныхъ колецъ, двухъ также височныхъ привѣсокъ, 4 брас-

летовъ, 4 витыхъ колецъ, множества различной формы привѣсокъ отъ ожерелья и цѣлаго ряда привѣсокъ, составлявшихъ украшеніе одежды. Большинство вещей изъ бронзы, но попадались и серебряныя. Изъ случайныхъ находокъ особенно любопытно, по словамъ «Рязанск. Губерн. Вѣд.», украшеніе въ видѣ конской головки, напоминающей фигуру кровельнаго конька на крестьянскихъ избахъ. Вообще, раскопки обѣщаютъ дать много важныхъ въ научномъ отношеніи открытій. Часть могильника предположено оставить нетронутою.

Археологическія находки въ Тетюшскомъ уѣздѣ. Въ 2 верстахъ отъ села Тинчурина, въ мѣстечкѣ, называемомъ «Старое жилище усадъ», находится «Блясовъ бугоръ». Крестьяне находятъ здѣсь браслеты мѣдные, гвозди мѣдные и другія вещи, которые и продаютъ татарамъ. Теперь посреди этого бугра находится четыре-угольная яма въ формѣ погребя, заваленая щебнемъ и мелкими камешками; вокругъ нея твердый грунтъ, глина. Въ народѣ носится молва, что яма эта представляетъ собою складъ, оставшійся послѣ старыхъ жителей. Въ прошломъ году пастухъ нашель здѣсь серебряную монету величиною въ старый рубль, которую продалъ татарину въ дер. Турму за 4 руб. сер. Вообще «Блясовъ бугоръ» представляетъ многоинтереснаго въ археологическомъ отношеніи и ждетъ вниманія нашихъ археологовъ.

(В. В. 1892, № 202).

Антропометрическія станціи въ Сибири. Въ ближайшемъ будущемъ предполагается устройство антропометрическихъ отдѣленій въ слѣдующихъ пунктахъ Азіатской Россіи: г. Туринскѣ, Тюмени, Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ, Срѣтенскѣ, Хабаровкѣ, Владивостокѣ и на островѣ Сахалинѣ.

(Сиб. Л. № 35, 92).

Экспедиціи В. С. Отдѣла И. Р. Географ. Общества. В. С. Отдѣлъ Географическаго Общества снаряжаетъ въ этомъ году экспедицію для описанія пограничной мѣстности на югѣ Енисейской губерніи. Въ составъ этой экспедиціи вошли Перетолчинъ, Наумовъ, Регульскій, Обручевъ и Ошурковъ, первые трое—для снятія плана съ означенной мѣстности, Обручевъ—для геологическаго и физико-географическаго описанія изслѣдуемой мѣстности, и Ошурковъ—для производства метеорологическихъ и этнографическихъ наблюденій въ землѣ Уряховъ. Кромѣ означенной экспедиціи членами геогр. общества будетъ совершено нѣсколько экскурсій. Поручикъ Эповъ и препараторъ геогр. общества Кириловъ намѣрены отправиться въ высокія нагорья Восточнаго Саяна для собиранія коллекцій птицъ и мелкопитающихъ. Членъ отдѣла Витковскій предполагаетъ совершить экскурсію и въ Китайскія горы для производства археологическихъ и ботаническихъ изслѣдованій. Правитель дѣлъ отдѣла г. Клеменць намѣренъ продолжить изслѣдованія развалинъ Каракорума. Послѣдній отправляется въ Каракорумъ по порученію Академіи Наукъ.

(Сиб. Лист. № 41, 92).

Исслѣдованіе Туркестанскихъ древностей. Д. П. Эварницкій, исслѣдователь Запорожской Сѣчи, состоящій нынѣ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ начальникѣ Туркестанскаго края, приступилъ къ исслѣдованіямъ туркестанскихъ кургановъ, разобравши хранящуюся въ Ташкентскомъ музеѣ коллекцію Акрымъ-Аскарова.

Экспедиція Г. Н. Потанина. Въ пятницу, 17-го іюля, съ трехчасовымъ почтовымъ поѣздомъ выѣхалъ изъ Петербурга въ новую экспедицію въ Монголію, вмѣстѣ съ своей супругой, извѣстный путешественникъ Григорій Николаевичъ Потанинъ. Вновь предпринимаемая Г. Н. Потанинымъ экспедиція будетъ по счету четвертымъ его путешествіемъ въ предѣлы китайской имперіи. Въ настоящее время онъ ѣдетъ въ мало исслѣдованныя мѣстности восточнаго Тибета. Какъ въ прошлыхъ путешествіяхъ, такъ и въ предпринимаемомъ Г. Н. Потанинъ, кромѣ этнографическихъ изысканій, будетъ заниматься всестороннимъ естественно-историческимъ исслѣдованіемъ проходимыхъ имъ мѣстностей Китая и сѣверо-западной Монголіи. Собственно экспедиція Потанинъ состоитъ изъ него самого, супруги его, Александры Викторовны, заявившей себя уже дѣятельной сотрудницей его прежнихъ путешествій. Загѣмъ въ Сибири къ Потанинымъ присоединится одно лицо въ качествѣ коллектора и одинъ бурятъ-переводчикъ. Но чтобы по возможности сдѣлать наблюденія болѣе разносторонними и результаты путешествія болѣе плодотворными, по инициативѣ Г. Н. Потанина, въ составъ его экспедиціи войдутъ специалисты: зоологъ М. М. Березовскій, уже голомъ ранѣе выѣхавшій на мѣсто своихъ исслѣдованій въ Китай, и геологъ, горный инженеръ В. А. Обручевъ, находящійся въ настоящее время въ Иркутскѣ, гдѣ онъ и присоединится къ Григорію Николаевичу. Чтобы захватить возможно большій районъ своими исслѣдованіями, члены экспедиціи будутъ дѣлать самостоятельные маршруты въ разнообразныхъ направленіяхъ. Экспедиція пробудетъ въ восточномъ Тибетѣ два года, однако гг. Березовскій и Обручевъ останутся въ Китаѣ нѣскольکو долѣе. Путешествіе снаряжено на суммы, особо ассигнованныя по ходатайству русскаго географическаго общества изъ ресурсовъ государственнаго казначейства, а часть расходовъ экспедиціи принялъ на себя И. М. Сибиряковъ. Въ общей сложности денежныя средства на это предпріятіе простираются до 30 тысячъ рублей.

ТЕКУЩАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХЪ УЧЕНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.

Археологія В. Россіи на Московскомъ Международномъ Конгрессѣ доисторической археологіи. Въ зазданіи 5 августа графиня П. С. Уварова доложила сообщенія гг. Савенкова и Еленева о сдѣланныхъ ими открытіяхъ. Г. Савенковъ присутствовалъ при докладѣ и демонстрировалъ свои коллекціи. Сообщение г. Савенкова озаглавлено: о палеолитической эпохѣ въ окрестностяхъ города Красноярска, Енисейской губерніи.

Коллекція памятниковъ первобытной палеолитической культуры добыта изъ кирпичной глины (лесса, Löss), вмѣстѣ съ костями мамонта, носорога и

другихъ животныхъ постъ-пліоценовой фауны у подошвы Афонтовой горы, въ ближайшихъ окрестностяхъ города Красноярска, Енисейской губерніи.

Кости и орудія начинаютъ встрѣчаться на глубинѣ 1,5 метр. (5 ф.), остатки же мамонта и носорога, съ орудіями при нихъ, добываются чаще всего со дна разрѣзовъ для добыванія глины, которые, къ сожалѣнію, не идутъ ниже 2,4 метр. (8 фут.) отъ поверхности земли.

Енисей, образующій излучину около города, обрамленъ береговыми хребтами, къ которымъ прилегаютъ террасовидные уступы покоящіеся на осадочныхъ породахъ.

Глинистая подпочва пашень у Гремячей горы, спускаясь на покатость, именуемую Афонтовою горой, дѣлается болѣе песчаной, но при перегибѣ ската изъ пологого въ болѣе крутой, лессъ снова обогащается глиной и переходитъ въ кирпичную глину. Порозность, присутствіе наземныхъ раковинъ (*Pupa*, *Helix*, *Succinea*), необтертость обломковъ костей и многіе другіе признаки указываютъ на воздушное происхожденіе этого глинистаго лесса. Могилой мамонта и носорога были аллювіальныя отложенія, — валунные слои, галька и гравій верхней наносной террасы. *Bos primigenius*, быкъ первобытный или урь, несомнѣнно дожилъ до выхода средней террасы (нынѣ берегъ разлива) изъ-подъ уровня разлива рѣки. Въ этомъ-то лессѣ и добыты кости разныхъ доисторическихъ животныхъ, между прочимъ и мамонта и ура, составляющія часть палеолитической коллекціи. Такихъ костей собрано 1.500 №№, болшую частью обломковъ и кухонныхъ отбросовъ. Еслибы въ лессѣ не было найдено орудій, присутствіе челоуѣка все-таки опредѣлилось бы съ достаточною достовѣрностію, по характеру изломовъ большихъ трубчатыхъ костей мамонта, носорога и быка. Каменные орудія, добытыя въ этой мѣстности, сдѣланы преимущественно изъ краевыхъ и внутреннихъ осколковъ валуновъ. Оббивка орудій, болшую частію, крупная. Населенію рѣки Енисея были извѣстны приемы сниманія не только мелкихъ осколковъ (*eclats*), но и мелкихъ пластинокъ (*lames*). Нѣсколько крупныхъ ядрищъ найдены въ верхнихъ горизонтахъ кирпичной глины. Преобладающая форма орудій плосковыпуклая, орудія съ двухстороннею оббивкой встрѣчаются рѣдко. Большинство каменныхъ орудій Афонтовой горы по этому признаку приближаются къ типу Мустье (*Moustéien*), но нѣкоторыя орудія имѣютъ много сходныхъ чертъ съ орудіями шельскаго типа (*Chelleen*). Кромѣ того найдены орудія изъ кости двухъ типовъ; одинъ удлиненный и плоскій и другой болѣе плотный, закругленный или укороченный. На узкихъ ребрахъ этихъ орудій сдѣланы желобки, очевидно для того чтобы вставлять острые кремни. Наиболѣе интересное орудіе—изъ бивня мамонта, къ сожалѣнію, разбитое, имѣетъ видъ грубаго массивнаго кинжала или наконечника рогатины или копья.

Резюмируя положеніе собирателя коллекціи, графиня Уварова сообщила что г. Савенковъ думаетъ что стоянка у Афонтовой горы, по всей вѣроятности, относится къ палеолитической эпохѣ, можетъ быть къ концу ея, къ такъ называемой эпохѣ сѣвернаго оленя.

Вторая коллекція собрана на берегахъ рѣки Базаихи, притока Енисея, и раскопки производились г. Савенковымъ по порученію Иркутскаго Геогра-

фического Общества. Коллекція эта состоитъ изъ кремней замѣчательно тонко полированныхъ, въ видѣ наконечниковъ стрѣлъ, ножей и кинжаловъ, рѣзныхъ изображеній и орудій изъ кости. Она найдены на дюнахъ, гдѣ при раскопкахъ открыты были также два скелета; въ ногахъ у одного изъ нихъ лежалъ бронзовый топоръ того же типа, который находится при раскопкахъ въ Западной Европѣ и въ Восточной Россіи. Одианъ изъ череповъ былъ пробитъ, кости его были разбросаны и вблизи найдены остатки костра.

На предложеніе высказаться по поводу доклада о коллекціяхъ г. Савенкова откликнулся баронъ де-Бай. Баронъ сослался на слова покойнаго археолога и антрополога Катрфажа, который въ 1890 году говорилъ ему что великій горизонтъ откроется для науки, когда будетъ изслѣдована Сибирь. Теперь это предсказаніе сбылось. Интереснѣе всего въ коллекціи г. Савенкова это скульптурныя изображенія на кости и въ особенности изображенія сѣвернаго оленя съ поджатыми ногами. Такія кости съ изображеніями, находящіяся въ Западной Европѣ, называются начальническими жезлами. Затѣмъ интересны кости съ желобками, которыя встрѣчаются въ стоянкахъ и у Афонтовой горы и на Базанхѣ, тогда какъ эти стоянки повидимому принадлежать къ двумъ совершенно различнымъ эпохамъ.

Послѣ сообщенія барона де-Бая, графиня Уварова продолжала докладъ по сообщенію г. Еленева.

Она объяснила что г. Еленевъ преподаетъ въ Педагогическомъ Институтѣ, директоромъ котораго состоитъ г. Савенковъ, и прислалъ ей уже послѣ открытія Конгресса объемистый томъ своихъ трудовъ съ описаніемъ сдѣланныхъ имъ открытій и изслѣдованій. Разсмотрѣвъ этотъ томъ, графиня пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Г. Еленевъ точно и подробно описываетъ не только свои находки, но и мѣстности и населенія въ которыхъ онъ ихъ сдѣлалъ. 2) Изслѣдованія г. Еленева относятся къ пещерамъ находящимъ на берегу Бируссы, притока Енисея, въ 4 верстахъ выше Красноярска. 3) Пещеры находятся въ глинистѣ нанесенной водой, не глубоки и въ древнѣйшихъ наслоеніяхъ тамъ открыты кремневая орудія неолитической эпохи и 4) у подножія холмовъ съ пещерами открыты слѣды становища съ тѣми же кремневыми орудіями.

Кромѣ этого, графиня Уварова демонстрировала альбомъ Нерчинскаго музея. Въ этомъ музее въ 1887 году не было еще ни одного предмета. Теперь тамъ 3.000 №№ по описи.

Когда слово было дано желавшимъ высказаться по поводу доклада графини Уваровой, профессоръ Анучинъ указалъ что во Франціи и въ Западной Европѣ не находятъ скульптурныхъ изображеній неолитической эпохи; между тѣмъ въ Сибири, какъ видно, ихъ находятъ много, легко найти ихъ въ Россіи. Въ виду этого и по сопоставленіи съ другими данными, профессоръ приходитъ къ выводу, что изображенія эти занесены были въ Европу народами пришедшими съ Востока, которые и положили начало искусству неолитической эпохи.

Затѣмъ профессоръ Анучинъ демонстрировалъ интереснѣйшую коллекцію предметовъ каменнаго вѣка изъ Иркутска, составленную г. Витковскимъ.

Въ этой коллекціи есть каменные кинжалы крестообразной формы, каменное изображеніе рыбы о двухъ головахъ, топоръ и ножъ несомнѣнно изъ нефрита и масса оружія, колчановъ, ножей изъ бронзы, между которыми выдѣляются два меча прекрасно сохранившіеся и одинъ поломанный, отъ котораго сохранилась верхняя часть. Тутъ же находится замѣчательно интересная бронзовая ажурная бляха съ изображеніемъ людей и животныхъ.

Вмѣстѣ съ этими предметами найдено двѣнадцать череповъ, изъ которыхъ только два представляютъ брахицефалическій типъ, а остальные чистѣйшіе долихоцефалы. Профессоръ Анучинъ демонстрировалъ эти черепа, а относительно мечей указалъ на сходство, которое они, по его мнѣнію, представляютъ съ кавказскими кинжалами.

Профессоръ Кольманъ, изслѣдовавъ черепа, объяснилъ, что по его мнѣнію, если это и долихоцефалы, то особеннаго азіятскаго типа, весьма отличающагося отъ европейскихъ долихоцефаловъ.

(Моск. Вѣдом. 1892, № 216).

Общество изученія Амурскаго края. Его Императорское Высочество Великій Князь Александръ Михайловичъ принялъ подъ Свое покровительство «Общество изученія Амурскаго края». Названное общество учреждено въ 1887 году и поставило себѣ цѣлью всестороннее изученіе бассейна рѣки Амура, русскаго побережья восточнаго океана и сопредѣльныхъ мѣстностей. Для достиженія этой цѣли общество открываетъ во Владивостокѣ музей изъ мѣстныхъ коллекцій по всѣмъ отраслямъ естествознанія, географіи, этнографіи и археологіи и составляетъ библіотеку изъ сочиненій объ Амурскомъ краѣ, не ограничиваясь при этомъ какою либо одною спеціальностью

(Сиб. Л. № 33. 92).

«Ежегодникъ Тобольскаго Губернскаго музея». Мысль объ изданіи особаго сборника подъ названіемъ «Ежегодникъ Комитета Тобольскаго Губернскаго Музея» осуществляется. Съ настоящаго года въ «Календаряхъ Тобольской губерніи», издаваемыхъ губернской типографіею, рѣшено помѣщать только одни справочныя свѣдѣнія съ адресъ-календаремъ служащихъ лицъ, а весь прочій матеріалъ найдетъ мѣсто въ «Ежегодникѣ», который будетъ издаваться на средства музея, подъ редакціей особой комиссіи, состоящей изъ четырехъ членовъ правленія комитета, подъ руководствомъ предсѣдателя его. Въ содержаніе «Ежегодника» войдутъ: отчеты и протоколы засѣданій Комитета, хроника музея, описаніе его коллекцій и работы по мѣстнымъ, касающимся Тобольской губерніи, вопросамъ археологіи, этнографіи, естественныхъ наукъ, торговли и промышленности, исторіи, антропологіи, исторіи культуры, географіи, статистики, библіографіи и пр. Размѣръ изданія предполагается въ 10—15 печатныхъ листовъ. Правленіе комитета музея намѣрено обратить «Ежегодникъ» въ періодическое изданіе.

Сиб. Л. 36. 92).

ПРОГРАММЫ.

1. ПРОГРАММА ДЛЯ СОБИРАНИЯ СВѢДѢНІЙ ОБЪ ОБРУСѢНІИ ИНОРОДЦЕВЪ ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

Къ основнымъ вопросамъ, къ разработкѣ котораго Каз. Общ. Арх., Ист. и Этн. желало-бы привлечь вниманіе возможно большаго количества работниковъ, является вопросъ объ ассимиляціи, обрусѣніи мѣстныхъ инородцевъ. Большая часть губерній Восточной Россіи населена инородцами, которые находятся въ различныхъ степеняхъ сближенія съ Русскими. Въ то время, какъ Терюхане Нижегородскаго уѣзда, Мещера Керенскаго, Пермьки Зюздинскаго края, Садивскіе Вотяки, Котельническіе Черемисы почти утратили свои племенные особенности, Черемисы Уржумскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, Вотяки Малмыжскаго, Сарапульскаго и Елабужскаго, Бесермяне Глазовскаго уѣзда сохраняютъ вмѣстѣ съ языкомъ въ большей или меньшей степени всѣ особенности своего древняго быта. Между этими крайними стадіями сближенія можно предположить цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней. Русское вліяніе должно чувствоваться сильнѣе тамъ, гдѣ инородцы жавутъ смѣшанно, въ однѣхъ деревняхъ съ Русскими и уступаютъ имъ численно, гдѣ ихъ сосѣдями на значительномъ разстояніи являются также Русскіе, гдѣ сверхъ того они приходятъ въ соприкосновеніе съ многочисленными случайными гостями—Русскими, какъ напр. на большихъ почтовыхъ и коммерческихъ дорогахъ; самой слабой степени обрусѣнія мы вправѣ ожидать тамъ, гдѣ всѣ перечисленныя условія отсутствуютъ. Свести въ теченіе хотя бы цѣлаго ряда лѣтъ весь матеріалъ, который по этому вопросу предлагаетъ литература и жизнь является существенно важнымъ въ виду тѣхъ рискованныхъ общихъ заключеній, которыя дѣлаются объ ассимиляціонной способности русскаго народа на основаніи нѣсколькихъ частныхъ и недостаточно явслѣдованныхъ фактовъ.

Для того, чтобы легче было ориентироваться среди матеріала, селенія можно раздѣлить на нѣсколько опредѣленныхъ категорій, руководствуясь сложой русскаго или инородческаго элемента.

Въ первую категорію войдутъ инородческія селенія, со всѣхъ сторонъ окруженныя такими же, вовсе безъ русскихъ или съ нѣсколькими человѣками въ лицѣ священника, псаломщика, урядника, лавочника и т. п.

Во вторую — чисто инородческія селенія, но примыкающія частію къ русскимъ, частію къ инородческимъ деревнямъ.

Въ третью—чисто инородческія селенія, окруженныя со всѣхъ сторонъ болѣе или менѣе плотнымъ русскимъ населеніемъ.

Въ четвертую—смѣшанныя русско-инородческія селенія съ инородческимъ большинствомъ.

Въ пятую—смѣшанныя русско-инородческія селенія съ русскимъ большинствомъ.

Въ шестую—обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ, въ видѣ исключенія, у стариковъ употребляется еще родной языкъ.

Въ седьмую—обрусѣвшія инородческія селенія, гдѣ только по преданію говорятъ, что старики были инородцы.

За этими легко распознаваемыми категоріями идетъ послѣдняя наиболѣе интересная, но и наименѣе поддающаяся при поверхностномъ изслѣдованіи. Можетъ оказаться рядъ такихъ селеній, гдѣ жители говорятъ по-русски, считаютъ себя русскими искони, но гдѣ глаза посторонняго наблюдателя поражается сходствомъ между этими русскими по чертамъ лица, по отдѣльнымъ принадлежностямъ костюма, по говору или по какому-нибудь другому признаку съ однимъ изъ ближайшихъ инородческихъ племенъ. Для провѣрки предположенія о родствѣ этихъ Русскихъ, съ тѣми или другими инородцами слѣдуетъ собрать фамиліи всѣхъ жителей деревни и выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя не имѣютъ такого ясно-русскаго происхожденія, какъ фамиліи, произведенныя отъ христіанскихъ именъ, отъ русскихъ названій животныхъ, птицъ, орудій и т. д. Примѣсь къ русскимъ фамиліямъ такихъ, какъ напр. Лунеговъ, Волеговъ, Пислеговъ, Поткеевъ и т. п. ясно нерусскихъ фамилій покажетъ справедливость провѣряемой гипотезы. Потомки инородцевъ могутъ скрываться, конечно, и подъ русскими фамиліями, но относительно ихъ съ увѣренностью говорить уже нельзя. Въ эту же категорію слѣдуетъ включить а) такія селенія, по близости которыхъ существуютъ урочища, своими названіями говорящія объ инородцахъ (Вотское поле, Мордовка — рѣчка и т. д.), б) такія, въ которыхъ при разрытіи могилъ оказались погребенными какіе-нибудь инородцы (такія селенія особенно часто встрѣчаются въ Нижегородской губ.).

Намѣчаемъ по нѣскольку вопросовъ, которые было бы желательно имѣть въ виду при изслѣдованіи каждой изъ названныхъ категорій.

Категорія I. Въ какой степени распространенъ между жителями русскій языкъ? Кто говоритъ на немъ—одни мужчины, или и женщины, всѣ ли мужчины или тѣ, которые работаютъ на сторонѣ, торгуютъ и т. д.? Въ такой степени правильно говорятъ названныя лица? Охотно ли говорятъ, не стараются ли щегольнуть знаніемъ русскаго языка? Не вставляютъ ли русскихъ словъ, пословицъ, поговорокъ, прибаутокъ въ разговоръ между собой, на родномъ языкѣ? Не употребляютъ ли дѣти въ своей рѣчи отдѣльныхъ русскихъ словъ? Есть ли въ деревнѣ ученики и не вносятъ ли они въ свои разговоры съ сверстниками русскихъ словъ? Не пытаются ли женщины и дѣвушки, не говорящія вовсе по-русски, пѣть занесенныя солдатами или школьниками русскія пѣсни? Не разсказываютъ ли дѣти русскихъ сказокъ, кото-

рыя они слышали отъ школьничковъ? Не встрѣчаются ли лица, желающія жить «по-русски» и въ чемъ выражается такое желаніе? Не говорятъ ли старики, что ихъ дѣти и внуки уклоняются отъ старины, русѣютъ и въ чемъ они усматриваютъ это начинающееся обрусѣніе?

Категорія II. Къ вопросамъ, гамѣченнымъ для I категоріи, слѣдуетъ прибавить:

Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ инородцы къ русскимъ сосѣдямъ — дружатъ съ ними или сторонятся и почему?

Ходятъ ли русскіе къ инородцамъ на правники и инородцы къ русскимъ? Допускаются ли русскіе на игрища къ инородческой молодежи и инородческіе молодые люди на русскія игрища?

Берутъ ли инородцы невѣсть у сосѣдей русскихъ и наоборотъ?

Какую роль играютъ русскіе крестьяне на волостныхъ сходахъ въ смѣшанныхъ волостяхъ — господствуютъ ли они, не взирая на меньшинство, или пользуются равными правами, или идутъ за инородческимъ большинствомъ? Кто чаще попадаетъ въ смѣшанныхъ волостяхъ въ волостные судьи, старшины — русскіе или инородцы и почему? Не замѣчается ли въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, составленныхъ изъ русскаго большинства, стремленія рѣшать смѣшанныя тяжбы въ пользу русскихъ и въ рѣшеніяхъ судей-инородцевъ — въ пользу инородцевъ?

Категорія III. Вопросы I и II категоріи дѣйствительны. Къ нимъ слѣдуетъ прибавить:

Сохраниютъ ли инородцы свои древніе языческіе обычаи — имѣютъ ли молитвенныя рощи, совершаютъ ли въ нихъ жертвоприношенія, устраиваютъ ли домашнія моленія? Не бросаютъ ли такихъ обычаевъ совершенно одни и не держатся ли та й но другіе? Гдѣ берутъ инородцы такихъ селеній невѣсть — у русскихъ или у инородцевъ же, хотя и дальнихъ? Ходятъ ли инородцы такихъ селеній на общія моленія куда нибудь на сторону?

Категорія IV. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для категорій I—III, слѣдуетъ прибавить:

Какъ живутъ въ смѣшанномъ селеніи русскіе и инородцы — въ пережку или каждая народность занимаетъ особый конецъ? Сходятся ли дѣти и молодежь обѣихъ народностей на общія игры или каждая веселится особю? Если сходятся, то на какомъ языкѣ говорятъ играющіе дѣти двухъ народностей и молодежь? Сходится ли молодежь двухъ народностей на посидѣнкахъ и какой языкъ въ такомъ случаѣ господствуетъ, чьи пѣсни поются? Гуляютъ ли русскія дѣвушки съ инородческими парнями и наоборотъ? Обращаются ли въ нуждѣ русскій къ инородцу, инородецъ къ русскому или русскій держится русскаго, инородецъ инородца? На какомъ языкѣ идутъ переговоры на мірскихъ сходахъ? Какое положеніе занимаетъ русское меньшинство на такихъ сходахъ? Часты ли браки между русскими и инородцами въ смѣшанномъ селеніи? Не встрѣчаются ли среди русскихъ въ смѣшанномъ селеніи такихъ, которые носятъ инородческія фамиліи? Не помнятъ ли старики времени, когда русскихъ въ деревнѣ не было? Не говорятъ ли старики, что съ приходомъ русскихъ люди измѣнились и въ чемъ именно?

Категорія V. Къ вопросамъ, намѣченнымъ для категорій I—IV, слѣдуетъ прибавить:

Держатся ли остающіеся въ меньшинствѣ инородцы своихъ языческихъ обычаевъ?

По отношеніямъ къ категоріямъ VI и VII желательно выяснить, не отличается ли въ чемъ нибудь языкъ обрусѣвшихъ инородцевъ отъ языка чисто-русскаго населенія, не сохранилось ли особыхъ принадлежностей костюма (пермяцкій кушакъ, пермяцкіе лапти и т. п.), особыхъ обычаевъ?

По отношенію къ категоріи VIII, выяснивши посредствомъ изслѣдованія фамилій или могильныхъ находокъ инородческое происхожденіе населенія, слѣдуетъ поискать, не сохранилось ли въ его языкѣ, костюмѣ, повѣрьяхъ, обычаяхъ остатковъ былаго родства съ той или другою народностью.

И. Смирновъ.

Библиографія.

Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи
за 1882—88 годы, съ атласомъ. Спб. 1891 г.

22-й отчетъ Имп. Арх. Коммиссіи содержитъ въ себѣ погодное описаніе раскопокъ и находокъ, произведенныхъ въ продолженіе 6 лѣтъ въ равныхъ мѣстахъ Россіи. Кромѣ систематически веденныхъ раскопокъ въ Керчи, гдѣ найдено много греческихъ древностей, замѣчательной находки гробницы скинскаго царскаго семейства въ Кубанской области, близь Крымской станицы (1888 г.) и кромѣ древностей Кавказскихъ, въ отчетѣ не мало описано археологическихъ находокъ въ Поволжьи, Сибири и въ Среднеазиат. владѣніяхъ. Вотъ на этотъ археологическій матеріалъ мы и намѣрены обратить вниманіе въ настоящей замѣткѣ.

Проф. Пб. унив. ориенталистъ Н. Ив. Веселовскій въ 1885 г. произвелъ раскопки на Афросіабовомъ городищѣ вольѣ Самарканда, съ сѣверн. стороны; оказалось, что городище представляетъ неправильный четырехугольникъ версты въ 5 окружности, какъ опредѣляютъ его остатки глинняныхъ стѣнъ. Но равнины древняго жилища тянутся и на З. отъ Афросіаба версты на 4. Въ сѣв. части городища на берегу р. Сіоба возвышается цитадель въ видѣ продолговатаго четырехугольника; она имѣетъ надъ рѣкою 24 саж. вышины. Внутри городища сохранились стѣны двухъ отдѣльныхъ участковъ съ пролетами для воротъ. Въ цитадели имѣются подземные ходы, устроенные, повидимому, для добыванія воды во время осады. Въ противоположномъ концѣ города сохранились подземныя «сорокъ комнатъ», назначеніе которыхъ неизвѣстно. Во многихъ мѣстахъ городища, на глубинѣ 1—1½ арш., оказывается настилка изъ камней, что подтверждаетъ разсказъ араб. путешественника X вѣка Истахри о томъ, что улицы и площади Самарканда вымощены камнемъ. Все описаніе этого араба даетъ поводъ заключить, что въ то время здѣсь и находился г. Самаркандъ и что еще много раньше, во времена Александра Македонскаго, Мараканда должна была находиться на этомъ же мѣстѣ. Последнее мнѣніе подтверждается тѣмъ, что Афросіабово городище представляетъ нѣсколько наслоеній различныхъ культуръ. Подъ той же мостовой оказываются наиболѣе древнія жилища помѣщенія. Городъ нѣсколько разъ разрушался и

возрождались вновь; окончательно оставленъ около 6½ столѣтій тому назадъ. Послѣ разрушенія Чингисханомъ въ 1220 г. городъ возникъ уже на другомъ мѣстѣ; араб. путешественникъ Ибнъ Батута, посѣтившій Самаркандъ въ половинѣ XIV в., первый сообщилъ о развалинахъ у р. Сіоба. Въ наст. вр. на Афросіобовомъ городищѣ туземцы хоронятъ своихъ покойниковъ. Г. Веселовскій рѣшилъ произвести раскопки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, свободныхъ отъ могилъ. Въ 1-мъ участкѣ на З. отъ крѣпости, на глубинѣ 1½ арш. подъ каменной мостовой попадались мѣдныя мусульманскія монеты, обожженные кирпичи и жерновые камни, а также масса изразцовыхъ кирпичей для облицовки мечети и большіе кирпичи съ орнаментами и кувич. надписями, служившіе карнизами мечети. Во 2-мъ уч. найдены: большой желѣзный котель, внутри котораго былъ поставленъ глянѣный горшокъ ½ арш. высоты, равная бусы и мѣдныя монеты. Въ 3 уч. на Ю. отъ крѣпости открыто нѣсколько жилыхъ помѣщеній, въ которыхъ уцѣлѣли нижнія части стѣнъ изъ обожженного кирпича, такіе же полы, колодцы для спуска нечистотъ, глиняныя трубы, очаги; оказалось много глиняной и стеклянной посуды, большею частью разбитой, равнообразные свѣтильники, сферической сосудъ, бусы, мѣдныя мусульм. и китайскія монеты. Бъ 4-мъ уч. на Ю.-В. открытъ большой, обнесенный глинобитной стѣной дворъ, гдѣ имѣлось очень много колодцевъ; кромѣ битой посуды, мѣдныхъ и изъ композиціи привѣсокъ къ серьгамъ, желѣзнаго ножа и золотого динара XI ст. открыта еще глиняная ваза съ бѣлой поливой, на которой сохранились красивыя кувическія надписи. Въ 5 уч. на В., на глубинѣ 2—4 арш. открыто 5 пещеръ, въ которыя вели лѣстницы, иногда выложенныя кирпичемъ; размѣры малой: высота и ширина по 1½ арш., глубина 1 арш., размѣры большой: высота 2 ар. 9 в., ширина и глубина въ 3 арш. 10 вер.; полъ ихъ на половину выложенъ кирпичемъ; кромѣ битаго стекла и посуды съ кувич. надписями тамъ попались мѣдныя монеты и куски желѣза; эти предметы могли попасть вмѣстѣ съ осыпавшеюся землею. Въ этомъ же участкѣ попадались мѣдныя кольца, монеты, мѣдный буддійскій идолъ, глиняные горшки съ перегорѣлыми костями, золою и угольями и др. Въ 6 уч. открыта глинобитная постройка съ узкими комнатами въ видѣ корридоровъ и домъ, въ которомъ хорошо сохранились глинобитныя стѣны, выштукатуренныя, съ разводами (можетъ быть съ надписями) бѣлой, синей, красной и черной красокъ; тутъ же открыта гончарная печь (почти 5 арш. въ діам.), выложенная изъ сырцовыхъ кирпичей и много битой и цѣлой посуды съ араб. надписями, еще не омышей въ употребленіи. На Ю. городища найдено много [глиняныхъ изображеній лошадей и верблюдовъ (игрушки?), глиняная голова льва, глиняныя головки людей и туловища безъ головокъ. Всѣ эти предметы носятъ слѣды вліяній греческой, древнеперсидской и китайской культуръ; многія изъ игрушекъ сохранили древніе оригинальные головные уборы. Въ др. мѣстѣ при раскопкѣ одного холма найдены въ большомъ количествѣ глиняные черепки съ головками людей и животныхъ; изъ подходящихъ черепковъ можно было составить цѣлый ящикъ, что навело г. Веселовскаго на мысль, что тутъ открыты разбитыя глиняныя гробы домусульманскаго періода. Всему городищу и раскопкамъ составленъ подробный планъ, снятый на мѣстѣ военными топо-

графами. Г-ну В-скому при развѣздахъ удалось скупить (для Им. арх. ком.) у иѣстныхъ жителей много древнихъ вещей, изъ нихъ замѣчательны: бронз. буддѣйскіе идолы, превосходно сохранившаяся печать одного изъ сыновей Тамерлана—Мирзы Мираншаха 802 г. гаджры (1400 г. по Р. Х.), рѣзные камни, перстни, особенно много рѣдкихъ монеть греко-бактрійскихъ, до сотни большихъ джагатайскихъ, до 50 тимуридскихъ съ надчеканками позднѣйшихъ царствованій. Наконецъ, В-скій скопировалъ надписи на могильныхъ плитахъ Тамерлана, его сыновей и внуковъ, надписи на могилахъ разныхъ кладбищъ, на мечетяхъ, ханскихъ дворцахъ и т. д.

Въ Ферганской обл., въ сѣверной, гористой части, ок. кишлака Ашту, В-скій произвелъ раскопки могилъ, навываемыхъ курумаи (т. е. розсыпями камней), или мукухане (домъ Муковъ) или каракатай-хане (домъ Каракатайцевъ). О Мукахъ туземцы говорятъ, что они должны были ворочать камни; окаменѣлыя раковины (грифои) считаются у туземцевъ ногтями муковъ. Такое мнѣніе о Мукахъ могло сложиться вслѣдствіе особаго устройства могилъ, приписываемыхъ Мукамъ; построение этихъ могилъ слѣдующее: на склонѣ горы вырывалась яма и облицовывалась огромными камнями, отполированными внутри; яма чаще имѣла продолговатую четырехугольную иногда и многоугольную форму; кромѣ одного камня, представлявшаго какъ будто дверь, всѣ остальные (по 3 или по 2 съ каждой стороны) скрѣплены цементомъ изъ глины съ пескомъ. По наружному устройству эти могилы напоминаютъ дольмены: камни выступаютъ наружу, только не покрыты сверху однимъ большимъ камнемъ, а на нихъ насыпанъ небольшой холмъ изъ мелкаго щебня. Въ такихъ каменныхъ ящикахъ и совершалось погребеніе. Курумы большею частью разграблены туземцами; изъ сотни, разрытыхъ г. В-скимъ, нетронутыхъ нашлось не больше 5. Въ нетронутыхъ курумахъ, по снятіи мелкаго щебня оказывалась зола и истлѣвшія кости; почти по срединѣ одной могилы найдены большой глиняный горшокъ, съ землей и костями, около его маленькій опрокинутый горшокъ, подъ нимъ мелкія кости; ближе къ южной стѣнкѣ еще большой горшокъ съ узкимъ горлышкомъ, наполненный костями и землей; въ курумахъ встрѣчаются желѣзные ножи, точилки съ дырочками, мелкія бусы, желѣзныя удила, мѣдныя наконечники копій; въ одномъ—два золотыя пластинки (отъ колчана) и желѣзная съ серебряной отдѣлкой пряжка отъ узда.

Въ томъ же 1885 г. въ Семирѣченской обл. близъ гг. Пишпека и Токмака ориенталистомъ Н. Н. Пантусовымъ и Фетисовымъ разрыто было до 119 могилъ; обнїей типъ ихъ слѣдующій: вырывалась четырехугольная яма съ З. на В.; на днѣ устроено вмѣстилище для туловища трупа длиною ок. 2 арш. 13 вер., шириною въ изголовьѣ (съ З.) до 11 вер. и въ ногахъ (съ В.) до 6 вер. при такой же ширинѣ; для головы сдѣлана ниша вышиною въ 7 вер. въ глубь материка 5 вер. Послѣ погребенія гробница закладывалась большими сырцовыми кирпичами въ видѣ склепа, который устраивался или надъ всѣмъ трупомъ или только надъ грудью и брюшную полость покойника; голова въ томъ и др. случаяхъ находилась въ нишѣ. Вещи встрѣчались рѣдко; попадались мѣдныя браслеты, перстни, серьги, бусы; въ одной могилѣ удалось найти мѣдный крестикъ на шейномъ позвонкѣ покойника. Надъ этими могилами

много интересных надгробныхъ камней съ сирійскими надписями и съ равными крестами: дешифровку и объясненіе надписей принялъ на себя проф. Хвольсонъ. Паптусовъ доставлялъ снимки со многихъ древнихъ арабскихъ и монгольскихъ надписей и разныхъ изображеній, находящихся на скалахъ и надгробныхъ камняхъ въ Семир. обл., а также случайно найденныя древности въ о. Иссык-куль: каменный ковшъ, мѣдный топоръ, наконечники стрѣлъ, бронзовые ножи, разные монеты — кашгарскія и коканскія и проч.

Въ 1887 г. Н. П. Остроумовъ произвелъ раскопки въ 4 верстахъ на Ю.-В. отъ Ташкента. Окрестности этого города богаты древними земляными сооружениями разныхъ типовъ; здѣсь встрѣчаются древнія укрѣпленія и городки, также много кургановъ, которые тянутся по хребтамъ сыртовъ; по правому берегу Сыръ-Дарьи курганы идутъ на 60 верстъ отъ Ташкента. Эти курганы часто имѣютъ видъ усѣченныхъ конусовъ, но попадаются и такіе, которые имѣютъ два и даже три яруса, высотой до 15 даже до 30 аршинъ. Раскопки О-ва обнаружили подъ каждымъ курганомъ ямы (равной глубины), а на днѣ ея съ боку подземную катакомбу (длина и ширина ок. 3 арш., высота 1½ арш.), въ которую были нѣкогда положены покойники (по 2 и болѣе); при костяхъ найдены глиняные кувшины, горшки, бусы, металлическіе кружки, подсвѣчники и серебр. пластинки; почти въ каждомъ курганѣ встрѣчались кости барана и грызуновъ, иногда лошадиныя челюсти и удила.

Въ Енисейской губ., въ Ачинскомъ округѣ г. Клемента (1888 г.) раскопалъ нѣсколько кургановъ на высокомъ берегу Чернаго Юса; тамъ же имѣется нѣсколько пещеръ, въ которыхъ оказались слѣды обитанія ихъ въ древности человекомъ. 1-й курганъ былъ раздѣленъ перегородками изъ плитъ на 4 отдѣленія: одно сѣверное, два южныхъ и одно западное. Общая форма неправильная; длина восточной стороны могилы 3 саж., западной 2 саж., южной 4 саж.; сѣверная сторона образуетъ ломанную линію. Внутри сѣв. отдѣленія на глубинѣ 1 арш. найдены обломки глинянаго сосуда; подъ ними — плиты, прикрывавшія каменную гробницу; длина ея (съ С. на В.) 1 саж., ширина около 2 арш.; бока обставлены каменными плитами; на днѣ лежалъ истлѣвшій человѣческой остовъ, который былъ похороненъ въ сидячемъ положеніи; при костяхъ оказались: бронзовый ножъ и небольшая тонкая выпуклая бляха, лошадиная лопатка, небольшой распавшійся глиняный сосудъ, и нѣсколько угольевъ. Въ первомъ южномъ отдѣленіи ничего не нашлось. Во 2-мъ южн. отд. (длиною до 6 арш. шириною до 3½ арш.) на глубинѣ ¾ арш. найдены обломки глинянаго сосуда и подъ ними каменные плиты, покрывавшія могилу (дл. 3½ арш., шириною 2 арш.); въ ней сверху оказавось нѣсколько человѣческихъ костей; ниже на глуб. 1 арш., въ центрѣ, 2 скелета безъ головъ, одинъ на другомъ; нижній лежалъ на спинѣ, головою на Ю., ноги и руки протянуты параллельно туловищу; верхній же остовъ былъ положенъ прямо надъ нижнимъ; нѣкоторыхъ костей не доставало; при костяхъ попался уголь; ниже, на аршинной глубинѣ, подъ толстой каменной плитой оказались въ безпорядкѣ человѣческія кости при двухъ черепакахъ; въ сѣвер. части гробницы, на глубинѣ 1½ арш., найденъ еще костякъ на боку, головою на З., положенный въ прямомъ положеніи; при костяхъ изломанный глиняный со-

судъ и остатки дерева. Западное отд. имѣло также гробницу, выложенную съ боковъ плитами; человѣческія кости лежали на деревянномъ днѣ въ безпорядкѣ при двухъ черепахъ, тутъ же круглая литая бронзовая серьга, на днѣ гробницъ оказались еще три истаѣвшихъ костяка, головами на В., на правомъ боку; у одного изъ нихъ лѣвая рука была откинута и согнута, а правая нога согнута впередъ; второй и третій лежали такъ же, какъ и первый, но согнуты были правыя руки; у каждого остова въ головахъ былъ глиняный сосудъ. Слѣдующіе курганы были похожи на первый, какъ по устройству, такъ и по содержимому; въ нихъ находились только бусы, бронзовыя бляхи около череповъ, костяные, бронзовыя и желѣзные ножи; при одномъ костякѣ были найдены: на лбу и вискахъ—бронзовыя бляшки, у праваго уха бронзовый крючекъ, служившій вѣроятно, застежкой для головной повязки; на тавовыхъ костяхъ круглая бронзовая бляха съ петлей, въ которой сохранились остатки шерстяного шнурка; бляха снабжена снизу семью витями бахромы, состоящей изъ навиванныхъ на ремешокъ камен. и бронз. бусъ и изъ цилиндрич. и коническихъ трубочекъ; на концахъ-витей были колокольчики, изъ которыхъ три средніе—золотыя, остальные бронзовыя; у кисти правой руки—бронзовыя ножъ и булава четырехгранная, у лѣвой ноги мѣдный наконечникъ, повидимому, отъ посоха и кости лошади; повади головы большой глиняный сосудъ съ волнообразнымъ орнаментомъ. Въ 30 верст. отъ Ачинска, около с. Назаровскаго, г. Кламенецъ раскопалъ одной большой курганъ вышиною въ 2 $\frac{1}{2}$ арш., въ поперечникѣ до 17 сажень; въ центрѣ обнаружилась обширная могила (длин. 10 арш., шир. 8 арш., глуб. 4 $\frac{1}{2}$ арш.) со сплошной массой человѣческихъ костей; подъ костяками попадались пласты обуглившейся бересты, слои угля и обожженныхъ кости, лежавшія въ безпорядкѣ; всѣхъ скелетовъ было не менѣе 100, въ томъ числѣ до 20 дѣтскихъ; при костяхъ найдено до 25 кинжаловъ, до 40 ножииковъ, до 20 боевыхъ молоточковъ; всѣ эти вещи представляютъ изъ себя или игрушки или символическія изображенія предметовъ употреблявшихся при погребеніи вмѣсто дѣйствительныхъ.

Въ томъ же году С. К. Паткановъ доставилъ въ Арх. Ком. рядъ любопытныхъ замѣтокъ о древностяхъ, видѣнныхъ имъ въ разн. мѣстахъ Тобольской губ.; напр. въ Самаровской волости есть много старыхъ кладбищъ или «пропащихъ мисовъ», въ которыхъ находятъ много бронзовыхъ и серебряныхъ надѣлій своеобразныхъ формъ и рисунковъ; Паткановъ представилъ въ Арх. Ком. изъ древнихъ вещицъ—бронзовый молотокъ, мелкія бронз. украшенія и мѣдный котелокъ, вымытый водою въ одномъ изъ старыхъ кладбищъ. Въ Минусинскомъ округѣ ок. д. Нижней Буланки найденъ любопытный памятникъ древности азіатскаго востока XIII или XIV вв.—бронзовая китайская медаль одного лица изъ свиты китайскаго богдыхана династіи Юань (1279—1368 гг.).

Изъ восточ. Поволжья и Приуралья въ 1886 г. были доставлены въ Арх. Ком. найденные въ Вятской губ. близь с. Жопишуръ—очень большіе серебряные витые шейные обручи, изящная серебряная тарелка, внутри которой на золотомъ фонѣ виденъ олень съ большимъ рогами, а впереди его въ

снизу изображены вмѣстѣ и еще какое-то животное; другая точно такая же тарелка съ изящнымъ изображеніемъ дракона, четвероногого животного и вмѣстѣ. Въ слѣд. году въ Глазовскомъ у. были найдены тоже серебряныя блюда съ позолоченными изображеніями сассанидской эпохи. Нѣсколько раньше въ 1884 г., въ томъ же у. найдены равныя восточныя украшенія и серебряный кувшинъ, на ручкѣ котораго вырѣвана загадочная надпись, напоминающая нѣкоторыя неразобранныя еще до сихъ поръ среднеазіатскія письма. Въ 1888 г. были присланы изъ Слобод. и Глав. уу. серебряныя шейныя гривны, бывшія въ употребленіи отъ VIII до XII вв. Въ Пермской губ., Шадринск. у. въ с. Широковскомъ и близъ д. Шихаровой Красноуфимскаго у. найдены были: большой серебряный сосудъ въ видѣ ведра, украшенный разными орнаментами, между которыми особенно выдается изображеніе оленя съ какой то повязкой на шеѣ, серебряная орнаментированная тарелка, украшенная въ центрѣ и по бокамъ большими медальонами, состоящими изъ выпуклыхъ накладныхъ изображеній; въ центрѣ представлена фигура, сидящая верхомъ на львицѣ, позади ея другая фигура, трубящая въ рогъ, а въ боковыхъ помѣщенъ равныя звѣринныя головки, между которыми изображены вооруженные воины; серебряная, мѣстами позолоченная, тарелка, на которой изображены всадникъ, скачущій на конѣ и стрѣляющій изъ лука, предъ нимъ кабанъ, снизу и по сторонамъ другой кабанъ и дерево; украшенія выведены пунктиромъ; серебряная граненая чаша, мѣстами также позолоченная; внутри, на днѣ чаши, изображена изящная, выпуклая фигура всадника на конѣ, съ колчаномъ и лукомъ; по каймѣ чаши видны слѣды надписи; двѣ серебряныя гладкія чаши, изъ которыхъ одна съ неравобранной надписью по каймѣ.

1) Въ Белебевскомъ у. Уфимской губ. кромѣ массы монетъ и мелкихъ вещей случайно открыта желѣзная кольчуга.

2) Въ Оренбургской губ. въ Челябинскомъ уѣздѣ изъ находокъ обращаютъ вниманіе: бронзовый кельтъ, бронзовая ваза, желѣзный наконечникъ копья, золотое шейное кольцо, два серебряныхъ блюда и небольшія костяныя украшенія.

3) Въ Нижегородской губ., въ Княгининскомъ у. въ 1884 г. были найдены серебряныя монеты золотоордынскихъ, хулагуидскихъ и джагатайскихъ хановъ XIII—XIV вѣковъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ находка, сохранившая вмѣстѣ съ монетами тверскими, рязанскими и псковскими множество сувальскихъ, въ томъ числѣ нѣсколько несланныхъ, и подражанія татарскимъ монетамъ.

4) Изъ Каванской губ. доставлены: въ 1882 г. 73 гривны или серебряныхъ слитка XIII ст., найденныя въ Лаишев. у. близъ д. Ташкирмень, и 46 кусковъ разрубленныхъ серебряныхъ слитковъ, вѣроятно того же времени, вырытыхъ изъ земли вмѣстѣ съ двумя серебряными серьгами; желѣзная кольчуга, найденная въ Чистопольск. у. при д. Екатериновкѣ, по издѣлію она XIII или XIV вв.; въ томъ же у. при с. Малый Толкишъ найденъ большой кладъ серебряныхъ джучидскихъ, джагатайскихъ и джесайридскихъ монетъ XIV в. Въ 1886 г. изъ с. Болгаръ были доставлены желѣзный орнаментированный топоръ, бронзовыя пряжки и гири. Въ 1888 г. изъ Спасскаго же у. достав-

лены монетныя гривны, серебряныя слитки, вѣсящіе въ среднемъ 48 золотн. каждый и долго служившіе въ Россіи платежнымъ средствомъ при крупнымъ расчетахъ.

5) Въ Новоузенскомъ у. Самарской губ. въ томъ же году среди многихъ мелкихъ находокъ выдаются двѣ серебряныя поволоченныя круглыя пластины съ изображеніемъ грифона, и нѣсколько серебряныхъ пуговицъ съ изображеніемъ ежа.

6) Въ Саратовской губ. въ Камышинскомъ у. серебряныя монеты татарскія, круглыя бронзовыя зеркала, золотыя шейныя кольца, пряжка и серебряная фибула.

7) Въ г. Астрахани въ 1889 г. при раскопкѣ фундамента въ домѣ бывшаго Индійскаго общества найдена бронзовая статуетка болѣе $\frac{1}{2}$ арш. вышины, представляющая женщину съ обнаженнымъ бюстомъ и въ египетскомъ головномъ уборѣ. Тогда же попалась и уродливая крылатая фигурка изъ бронзы, но варварской работы. Въ Царевскомъ у. найденъ бронзовый буддійскій идолъ, бронзовые наконечники стрѣлъ.

Таковъ археологическій матеріалъ случайно попавшійся и добытый раскопками по Средней Азіи, Сибири и Поволжью за помѣченные въ заглавіи 6 лѣтъ. Въ этихъ обширныхъ странахъ происходили неоднократно смѣны народностей, культуръ и религій, отъ которыхъ несомнѣнно сохранились слѣды какъ въ безчисленныхъ курганахъ, въ многочисленныхъ развалинахъ, такъ и въ самой почвѣ. Найденныя до сихъ поръ вещи, конечно, составляютъ лишь весьма незначительную часть того ископаемаго культурнаго матеріала, съ которымъ еще предстоитъ познакомиться археологамъ, историкамъ и этнографамъ, а потому въ настоящее время на основаніи открытаго возможны лишь нѣкоторыя предположенія, но едва-ли прочныя научныя теоріи для освѣщенія доисторическаго прошлаго Востока Россіи.

М. Пень.

 Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja XII: Hjalmar Appelgren. Suomen Muinaislinnat. Helsingissä 1891. LXXV + 237.

(Журналъ Финскаго Археологическаго общества, XII: Ялмаръ Аппельгрень. Доисторическіе шанцы въ Финляндіи. Гельсингфорсъ. 1891).

Написанный на финскомъ языкѣ трудъ г. Аппельгрена представляетъ первое основательное изслѣдованіе всѣхъ доисторическихъ шанцевъ Финляндіи. Изслѣдованіе это основывается, кромѣ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ источниковъ, на обстоятельныхъ мѣстныхъ изысканіяхъ, которыя авторъ въ продолженіе многихъ производилъ во время своихъ путешествій по Финляндіи и Скандинавіи.

Сказавши сначала вообще объ искусствѣ доисторическихъ народовъ строить всякаго рода укрѣпленія и обозрѣвши затѣмъ земляные и каменные валы въ Россіи (въ с.-в. Сибири, въ балтійскихъ провинціяхъ и въ Польшѣ), въ Германіи, въ Богеміи, въ Венгріи, въ Франціи, въ Британіи, въ Даніи, въ

Норвегии и в Швеции, автор приступает к рассмотрению всех тех известных доисторических сооружений, которые болѣе или менѣе вѣрно считаются стратегическими укрѣпленіями и которыя народъ называетъ «липпа» (укрѣпленіе, крѣпость). Отъ укрѣпленій среднихъ вѣковъ (бурговъ) они отличаются отсутствіемъ кирпича, известнаго раствора извести и рвовъ. Авторъ дѣлитъ эти доисторическіе шанцы на три группы: горныя крѣпостцы, разные роды укрѣпленій и «шанцы» Остерботтена.

а) Горныя крѣпостцы находятся при рѣчкахъ и морскихъ бухтахъ. Каменный валъ устроенъ только на открытой сторонѣ укрѣпленія иногда встрѣчаются двойные и тройные наружные валы. Входъ въ крѣпость представляетъ иногда ворота, образуемыя концами вогнутыхъ внутрь валовъ. Вышина валовъ обыкновенно представляетъ 1 метръ, рѣдко 2 или 3 метра (въ Аляндіи и при Ладожскомъ озерѣ). Внутри валовъ и вблизи ихъ находимы были кучи камней, которыя авторъ считаетъ запасами для метанія изъ пращей. Авторъ думаетъ, что валы устраивались низкіе для того, чтобы лучше можно было метать камни. Въ нѣкоторыхъ крѣпостяхъ находимы были основанія жилищъ и шалашей и внутри ихъ печища, въ другихъ пепелища. Внутри и около этихъ послѣднихъ—довольно много вещей и монетъ. Въ скалахъ приморскихъ крѣпостей встрѣчаются желѣзные кольца, скобки—вѣроятно для привязыванія кораблей. Эти горныя крѣпостцы находятся чаще всего у моря въ юго-западной Финляндіи, около Тавастгуса и Тамерфорса, и у сѣверно-западнаго берега Ладожскаго озера. Иногда онѣ образуютъ цѣлыя группы. Замѣчательны особенно двѣ такихъ группы при Ладожскомъ озерѣ; одна близко Куркійоки изъ 7 крѣпостей, которыя отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 1—2 версты, другая группа близъ Сордавала изъ 9 крѣпостей въ разстояніи на 1—5 версты—самая большая группа въ Финляндіи. Общей цѣлью всехъ этихъ укрѣпленій было конечно прикрытіе отъ непріятелей. Авторъ дѣлитъ ихъ еще на двѣ группы: постоянно обитаемыя крѣпостцы, гдѣ находятся остатки жилищъ, и убѣжища, которыя находятся близко густо населенныхъ мѣстъ; въ нихъ-то и находимъ пепелища.

Древность крѣпостцъ авторъ опредѣляетъ на основаніи совокупности всехъ характеризующихъ ихъ культурныхъ признаковъ. Онъ относитъ ихъ существованіе къ тому вѣку, къ которому принадлежитъ большинство находокъ—вопреки Фирхову и Белѣ (Behla), которые только изъ матеріаловъ, формы и украшенія горшковъ выводятъ заключенія о древности укрѣпленій и народности строителей. Авторъ заключаетъ, что крѣпостцы относятся къ послѣднимъ временамъ язычества или концу желѣзнаго вѣка (1000 р. Chr. n.—до начала 15 столѣтія).

Что касается народности строителей, то авторъ думаетъ, что крѣпостцы съ двойными и тройными валами по своему происхожденію—скандинавскія, потому что онѣ примыкаютъ къ современнымъ скандинавскимъ крѣпостцамъ и своими болѣе развитыми укрѣпленіями отличаются отъ всехъ другихъ крѣпостцъ Финляндіи. Таковыми притонами викинговъ были, по мнѣнію автора, Ботбю (Botby) близко Гельсингфорса, Драк-осень (Drak-asen) близко Каскѣ и нѣкоторыя крѣпостцы въ Аляндіи.

Всѣ другія крѣпостцы съ однимъ низкимъ валомъ авторъ считаетъ финскими, судя не только по формѣ, размѣрамъ ихъ и вышинѣ валовъ (современные валы въ Скандинавіи 2—6 метровъ вышины), но и по тому, что ихъ можно встрѣтить далеко отъ береговъ моря и при Ладожскомъ озерѣ, гдѣ скандинавскихъ поселеній никогда не было.

б) Разные роды укрѣпленій. Къ этой группѣ авторъ относитъ неукрѣпленныя горы, на которыхъ найдены были пепелища каменный валъ во 160 футовъ длины (въ Ориэки-Тюрвясъ), напоминающій пограничные валы сѣверной Германіи, пещеры служившія прибѣжищемъ и окруженныя каменными стѣнами деревни. Яснѣйшіе остатки этихъ послѣднихъ представляетъ собою Тиуринлинна въ Рейсэлэ (Tiurilinna Räisälässä). Тамъ нашли 15 основаній жилищъ и могилы; въ этой послѣдней множество серебряныхъ вещей и арабскія монеты (194—977 р. Chr. п.). Т. сохранилась до историческаго времени и называется въ русскихъ лѣтописяхъ Тиверскимъ пригородомъ Новгорода. Эта группа принадлежитъ, по мнѣнію автора, тому-же вѣку, какъ и первая, и тому-же народу.

с) Отъ двухъ первыхъ группъ совсѣмъ отличается третья. На приморскихъ равнинахъ Österbottena, особенно около Улеборга, находятся при болотахъ (старинное морское дно) множество прямоугольныхъ и даже овальныхъ каменныхъ и мусорныхъ валовъ, имѣющихъ длинн 52,50 метра и 33,40 метра (maximum) ширины; высота обыкновенно 1 метръ; входы 2 или 4, чаще всего въ бокахъ, но иногда даже въ кругловатыхъ углахъ. Внутри вала часто находится еще другой мусорный валъ, сходный съ наружнымъ валомъ. По близости валовъ, но снаружи ихъ, находятся каменные кучи. Этимъ урочищамъ народъ даетъ общее названіе «jättiläisten linnat» или «j-kirkat» (т. е. крѣпости или церкви великановъ). Мнѣнія исследователей относительно этихъ древностей были различны: одинъ видитъ въ нихъ старинныя кладбища, другой мѣста для жертвоприношеній, третій шанцы, четвертый просто загороженную площадку для доенія оленей. Разногласіе зависитъ отъ недостаточности исследованій прежнихъ наблюдателей. Авторъ, по нашему мнѣнію, справедливо опровергаетъ эти гипотезы и предлагаетъ со своей стороны новую достойную полнаго вниманія. Онъ находитъ въ этихъ «jättiläislinnat» большое сходство съ т. н. «kämpagrafvar» (могилы борцевъ) на островахъ Готландѣ и Оландѣ. И тамъ есть двойные овальные валы, входы въ обоихъ концахъ; мѣстоположеніе низкое и каменные кучи по близости валовъ. Шведскій археологъ Нардинъ (Nardin) исследовалъ эти «kämpagrafvar» и вывелъ заключеніе, что валы служатъ основаніями старинныхъ жилищъ (наружные валы—основаніями стѣнъ, внутренніе валы основаніемъ колоннъ или столбовъ, которые подпирали крышу) а каменные кучи—могильныя насыпи. Находки (между прочимъ римскіе денары) доказываютъ, что эти жилища принадлежатъ римскому періоду перваго желѣзнаго вѣка (III и IV столѣтіе р. Chr. п.). Авторъ поэтому съ полнымъ правомъ сравниваетъ «jättiläislinnat» Österbottena съ этими «kämpagrafvar» Готланда и Оланда и считаетъ готское происхожденіе ихъ очень возможнымъ. Если это предположеніе вѣрно, то, говорить авторъ, можно думать, что «jättiläislinnat» съ

скандинавскими «kampragarvar» приблизительно одних лѣтъ. Въ каменныхъ кучахъ Южнаго-Остерботтена нашли готскія вещи принадлежащія среднему желѣзному вѣку или, др. сл., вѣку переселенія народовъ (о. 450—700 р. Chr. п.) Къ этому вѣку относятся по мнѣнію автора, можетъ быть, и «jättläislinnat» Остерботтена.

Пр. Аспелингъ давно уже высказалъ предположеніе, что тѣ переселенцы, которые, по словамъ скандинавскихъ сагъ, пришли въ Норвегію изъ «края іотуновъ» (Iotunheim), можетъ быть, составляли часть германскихъ насельниковъ, исчезнувшихъ изъ Финляндіи». Въ Сѣверномъ Остерботтенѣ еще въ настоящее время упоминается названіе іотунн или іотулн, и кажется Аспелингъ сдѣлалъ вѣрное предположеніе, которое не мало поддерживается и сходствомъ остерботтенскихъ древностей съ скандинавскими «kampragarvar».

Болѣе опредѣленности въ этомъ весьма интересномъ вопросѣ можно ожидать отъ новыхъ обстоятельныхъ раскопокъ, которыхъ пока сравнительно мало производилось въ этихъ jättläislinnat» Остерботтена.

Вторую часть книги А. составляетъ списокъ доисторическихъ «шанцевъ» Финляндіи (361 номеръ). Каждый номеръ описывается съ возможной подробностью и сообщаются народныя преданія о нихъ. О своихъ раскопкахъ авторъ даетъ подробныя описанія и исчисляетъ находки, древность которыхъ онъ по возможности опредѣляетъ. Авторъ самъ постигъ и срисовалъ 134 шанца и произвелъ раскопки на 22 мѣстахъ. Несомнѣнные остатки шанцевъ и другихъ памятниковъ древности найдутся на 119 мѣстахъ, изъ нихъ 99 въ южной Финляндіи и 29 въ Остерботтенѣ («jättläislinnat»).

Принимая во вниманіе, что г. Аппельгрень первый приступилъ къ изслѣдованію всѣхъ извѣстныхъ доисторическихъ укрѣпленій, классифицировалъ ихъ и опредѣлилъ древность памятниковъ и народность строителей, и кромѣ того собралъ разсѣянные по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія въ одинъ весьма цѣнный сборникъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что его трудъ будетъ имѣть капитальное значеніе въ изслѣдованіи доисторическихъ древностей Финляндіи.

Георгъ Вихманъ.)*

Отчетъ о дѣятельности и занятіяхъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго комитета за 1891 годъ. Вятка. 1892.

Въ отчетѣ В. комитета мы встрѣчаемъ нѣсколько интересныхъ извѣстій о доставленныхъ въ него археологическихъ находкахъ:

*) Въ виду существеннаго значенія, которое въ дѣлѣ изученія Восточной Россіи имѣютъ труды Финскихъ и Мадьярскихъ ученыхъ, редакція «Извѣстій» считаетъ весьма желательнымъ помѣщать отчеты о литературныхъ новостяхъ Гельсингфорса и Будапешта. По отношенію къ Гельсингфорсу, благодаря любезности магистра Гельсингфорскаго университета г. Вихмана, это оказывается осуществимымъ.

1. Отъ Глазовскаго уѣзднаго исправника — 10 серебряныхъ обручей (гривны), вѣсомъ 5 ф. 6 золотн., найденныхъ дѣтьми Лудошурской вол. дер. Качкашуръ, Василя Ѳедорова Шляева, въ своемъ полѣ, во время пашни, въ 200 саж. отъ дер. Качкашуръ и въ 200 же саж. отъ стараго вотскаго кладбища.

2. Отъ Котельничскаго уѣзднаго исправника—два серебряныхъ шейныхъ обруча—гривны, одинъ изъ нихъ ломаный, одна стальная старая сабля, шесть мѣдныхъ скобъ, двѣ бляхи, два наконечника стрѣлъ и равныя мелкія вещи, какъ-то: кольца, пряжки, цѣпочки, бубенчики и проч., найденныя кр. Котельничскаго уѣзда, Батаевской вол., поч. Загребинскаго, Осипомъ Афанасьевымъ Загребиннымъ, во время рыбачества, на берегу рѣчки Юмы, близь мельницы «Сарапулъ», расположенной въ той-же волости. Императорская Археологическая Комиссія поручила А. А. Спицыну сдѣлать новыя раскопки на мѣстѣ находки. Раскопки на Юмѣ доставили очень большое число новыхъ находокъ, которыя были отправлены въ Археологическую Комиссію.

3. Отъ Глазовскаго уѣзднаго исправника—два серебряныхъ обруча, найденныя кр. Глазовскаго уѣзда, Ключевской вол., поч. Макшурскаго, Владиміромъ Агафоновымъ Ивановымъ, въ своемъ полѣ, во время посѣвы озимаго хлѣба, въ 250 саж. отъ своего починка.

4. Отъ Глазовскаго уѣзднаго исправника — 8 серебряныхъ обломковъ отъ обручей, найденныхъ кр. Кестымской вол., дер. Ершовской, Артеміемъ Гавриловымъ Охотниковымъ, въ своемъ полѣ во время пашни, въ 100 саж. отъ проходящаго по полю лога, и 1 верстѣ отъ деревни Ершовской.

5. Отъ Вятскаго уѣзднаго исправника—4 обломка серебряныхъ обручей, вѣсомъ 93 золотн., найденныхъ кр. Люкской вол., надъ рѣчкой Варышемъ, Матвѣемъ Ивановымъ Корепановымъ, при распашкѣ, въ своемъ полѣ, принадлежащей ему полосы.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЭТНОГРАФИИ ПОВОЛЖЬЯ.

ЧЕРЕМИССКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ

В. П. Проицкого.

А.

А б а р т э м г.чер. Земл. ворочаю.
 А б а р ч а Земл. см. оварче.
 А б а х а Земл. чешуя, шелуха на зернахт; см. шбмь.
 А б д а Смирн. баба яга см. овдъ.
 А б я г.чер. Земл. (т. а б е й бабушка) см. авâ.
 А в а (чув. аба) мать самца; авай мать моя; авâ вель (г.чер. варâш абя) ма-чиха; авâ-вель-шудо трава мать и ма-чиха, бѣлокопытникъ; крес-авâ воспри-емница.
 А в а л а н э м Крок. ползаю.
 А в а р э м г.чер. Земл. (т. кабарам) см. оварэм; оварыма-ширга одутое ли-цо; авартэм см. овартэм
 А в г э м Вас. бѣднѣю.
 А в р (чув. авр. молотъ, омутъ) во-дovorотъ, суволь; аврэм, авркалэм о-цѣпляю.
 А в р э м Крок. одолѣваю; аврѣ мо-гущество.
 А в д а н (чув. авдан, алдан; г.чер. аптан) пѣтухъ.

А в у э м (чув. ав) сгибаю.
 А в у н э м сгибаюсь.
 А в ѣ н (чув. авын, г.чер. ан, т. аю-эн) овинъ; авѣным кырэм молочу; а-вѣн-возякъ (г.чер. антепенâ) овинная яма, авѣн варâ (г.чер. ан-рабâ) овин-ный шишъ.
 А в ѣ л я н э м Земл. см. аваланэм; авѣланъ-калэм поपालываю; авѣланък-т.м заставляю ползать.
 А г а (г.чер. ягâ) палугъ, косуля; агâ-пайрэм, у Земл. агâ падырам, правдникъ сохи, бывающій передъ началомъ ве-сенней пахоты; агâ пайрэм куго юмо великій богъ ага па й р э м а.
 А г а л г.чер. Земл. см. агъл.
 А г а р м о Земл. см. сурум.
 А г а м Крок. см. агъм.
 А г у н Земл. см. авѣн.
 А г у т а н Земл. см. авдан.
 А г у р Вас. см. авр.
 А д а к (чув. тадâ г.чер. эчѣ) еще, ну!
 А д а х а г.чер. Земл. порывъ къ че-му; адахаэмлэм привожу въ порывъ; адахаэмьялтâм порываюсь, тороплюсь.
 А е м крок. (т. эйâm) см. авуэм.

Прим. Безъ акцента напечатаны слова, которыя имѣютъ удареніе на первомъ слогѣ.

А ж а к г.чер. Земл. вдовый, сирота; ср. авак.

А ж д а ш г.чер. Земл. см. ончйктэм.

А ж г ъ н д а р э м. Вас. мучаю, изнуряю.

А ж н ъ к т а р э м (т. авыктарам, авдрам) соблазняю, прельщаю.

А в а́ (чув. ача) ребенокъ, младенецъ; авалык младенчество, дѣтство; ава-пю-эрге младенецъ мужскаго пола.

А в а́ Земл. бѣшенный, горячій; аважа бѣшенство, ярость.

А в а п (чув. авап) мѹка; авапландарэм мучаю, изнуряю; авапанэм мучаюсь; у Земл. авап диво, чудо, аваплаш авапанаш удивляться; аваплакташ удивлять; авапламаш изумленіе.

А в а р л а ш Земл. завидовать.

А в а ш Вас см. авылаташ.

А в д а р а ш Крок. дравнить, возбуждать; авдралтам раздражаюсь, задорюсь; авдаралткймаш раздражаемость; авдармаш задоренье; авдарықалэм подравниваю, повадориваю.

А в е р г.чер. Земл. (т. ажаль смертность) см. аврэн.

А в л ы р Смирн. клешня; см. авыр.

А в р э н (чув. эрель, т. аврагиль) смерть, какъ существо.

А в у́-пю (т. азгын-тэш) қлықи.

А в э́м буйствую; ср. авдараш и д.

А в ы л т а ш квасцы; ср. аваш.

А в ъ р тиски, клещи, щипцы; ср. авлвр.

А в к (т. айык) трезвый.

А в л Крок. подпруга, перевязь.

А и п вол. (т. айпы) вина, порокъ; аипкандарэм опорочиваю, обвиняю; аипландармаш Земл. извиненіе; аипланаш извинять; аипландараш обвинять.

А и р л а ш (т. айрылам) г.чер. Земл. орлэм; айрықалаш по-немногу избирать; айртэмеш особенно.

А й г.чер. Земл. долото; см. йй.

А й д а́ (чув. айда) ну, пойдемъ!

А й д э́мо (г.чер. эдэм, тат. адэм) человекъ, какъ существо разумное; ср. ййн.

А й м а л а́ ш (т. аймыл ошибқа) ошибаться, неправильно думать, поступать; аймылташ ошибка.

А й н а́ ш г.чер. Земл. (т. айнам) см. авгунэм; аиндарэм наклоняюсь; айнамлѣ удобосгибаемый.

А й р а́ ш г.чер. Земл. (тат. айырам) см. ойрэм.

А й я́ ш Крок. правдновать, у Земл. кривить, гнуть.

А к (чув. хак, тат. қақ, хак, г.чер. хяк) цѣна; шергақан драгоцѣнный.

А к а́ й (чув. ага, akka) старшая сестра (т. агай старшій братъ); куакай тетка по-отцу или матери.

А к е л ь г.чер. Земл. см. оккюль.

А к л и г.чер. Земл. см. оқли.

А к с а р а с а́ г.чер. Земл. неприлично, непристойно.

А қ ш а́ к (т. аксақ) г.чер. Земл. см. окшақ.

А қ ы л Земл. (т. акыл) характеръ, нравъ, толкъ; у Смирн. натура.

А л а́ отрицаніе, выражающее неизвѣстность: ала́ кѣн не знаю чей; ала́ кйштѣ не знаю гдѣ; у Крок. ала́ городъ; пестрый, пѣгій; смола; ала́-куч птица цапура; ала́-шабѣр женскій свадебный кафтанъ.

А л а в а́ г.чер. серги; см. алга́.

А л а л т а́м Крок. починаваюсь, поновляюсь; алалэм починаваю, поновляю.

А л а н ы ш Крок. страна.

А л а э́м д э́м Крок. пестрю.

А л а́ ш Земл. см. амэм.

А л а ш а́ (т. алаша, чув. лажа) меринъ; см. лажѣ.

А л г а́ (т. алка) серги, крючекъ для подвѣски серегъ; гнѣтъ на крышѣ.

Алгастарэм Вас. см. ажык-тарэм.

Алдыр (чув. алдыр) большой деревянный ковшъ.

Алдырца (т. калдырча) Крок., см. ойдырчй.

Але (т. алма) или, можетъ быть.

Алём (т. тылямъ щепан) ним Крок. мягчу лыко.

Али только-что.

Алэк г.чер. Земл. ступай, или.

Алка Крок., см. олык.

Алмаш (т. алмаш, чув. мламаш) очередь. алмаш дэне по-очереди.

Алѣк-чалѣк (т. аляк-челек, чув. элек) ябеда.

Алта Крок. дѣстовка подъ павухой.

Алтаца Крок. моволь; см. вуд отѣва.

Алтаём (т. алданын) Крок. см. ондалэм; алталэн семьяём улешаю; алтаалтымаш обманчивость.

Аль (т. аль) Крок. сила, мочь; аляндараш придавать силы.

Али Земл. плѣсень.

Амалаш г.чер. Земл. спать; шиждер амалэн свѣлось молоко; вурь амалэн кровь запекалась: кѣд, ёл амалэн одеревѣла рука,—нога.

Амал (т. амаль) хитрость; амалло хитрый; амалём добиваюсь цѣли хитростью; амалѣкалаш Земл. извернуться въ нуждѣ, найтись въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; амаля Земл. мудрость.

Аманём надламываюсь; амандарём надламываю.

Амаш Крок. см. омаш.

Амбйча г.чер. Земл. см. йѣдым-пече.

Амерт г.чер. Крок. и Земл. баба птица; ср. амьрт.

Амйт г.чер. Земл. (т. камыт) хомуть; см. сьспан.

Амион вост. чер. миллионъ.

Амьрт (чув. амьрт-канк) беркутъ орель.

Амьртём Вас. оскверняю.

Ан Крок. см. авьн.

Ана г.чер. Земл. см. она 1-е.

Ана Крок. почка корневая; у Земл. кора.

Анаргаш (т. анрая осовѣлый) см. аньргём.

Ан клинъ въ одеждѣ; отверстіе мѣшка; устье ямы.

Ана (чув. ана) полоса, участокъ пахотной земли.

Ана Земл. см. пѣды.

Анальтйш панда Крок. см. тоялымо-тоя.

Анёръ г.чер. Земл. см. энёр.

Андём подкрадываюсь.

Анра (т. анда) безтолковый.

Анрёмша Крок. см. энрёмша.

Анрялѣташ Крок. обхватывать.

Анѣра г.чер. Земл. см. энёръ 1-е.

Анѣргём (т. ангряям безпамятствую) Вас. угараю.

Анѣсѣр (чув. анявр) увкѣй; анѣсѣрёмям съуживаюсь; анѣсѣрёмлём съуживаю.

Андактарём надоѣдаю, прискучиваю; одолѣваю.

Андѣгём ослабѣваю, обесилѣваю.

Андѣк Земл. нужда; андыкаш нуждаться; ср. андыгём,

Анвал Крок. см. ончал; аввала впереди; аввыко впередь.

Анѣлѣташ Крок. см. авылѣташ.

Аник (т. инык) анники, звено прясла, разбираемое на время проѣзда.

Анят пожалуй, можетъ быть; у г.чер. анят—отрицаніе неясности см. алѣ.

Анмаш Крок. ограсль.

А н ѣ ж а г чер. Земл. ручка у валонки.

А п т р а л (т. аптырадым; чув. аптра) Вас. выбился изъ силъ, растерялся умомъ, смутился; аптратѣм стѣсняю, смущаю.

А п т ѣ р т а ш Крок. см. аптрарѣм; аптѣртмаш безпокойство, препятствіе.

А р л а ш Крок. совокуплять, соединять.

А п ш а т кузнецъ, апшатъ-кѣдо кузница.

А р а г чер. (чув. ора) см. аик.

А р а м Земл. жестъ.

А р а в а Вас. веснушки; см. кукѣ-мѣно-шадра.

А р а қ а (т. арақъ чув. арақ, ирих) водка; ѣкшар-арақ (красное вино) виноградное и наливка.

А р а ѣ м (т. караулыйым) храню; араѣмше сагче ангель хранитель.

А р а м а Вас. см. арава; арама-пушѣнѣ тальникъ.

А р а н стая, табунъ лошадей.

А р а н н ж г чер. Земл. женихъ; см. качс.

А р а т а г чер. Земл. рама.

А р б ѣ Крок. (т. арбѣлѣк мякинница) см. арва.

А р в а мякина; арва-кѣдо мякинница.

А р в е р ь (т. арвейлер) Вас. мелочь, всячина, вещь.

А р в ы м Земл. заемъ, займы.

А р қ а л ы к (т. арқалык, чув. аргалык) чрезвѣдильникъ.

А р г е қ (т. урдѣк) г. чер. Земл. чирокъ; см. притқа.

А р г е м Вас. мотаю нитки; у Крок. запутываюсь.

А р д а Крок. лядвея; см. эрдѣ.

А р ж а Крок. см. орша.

А р қ а (т. арқа спина) возвышенность, холмъ.

А р л у Крок. косякъ у окна или двери.

А р л у к г чер. Земл. гроздь, см. орлангѣ.

А р л у к т а ш Крок. протрезвить.

А р л а н хомякъ; у Вас., Крок. Земл. и татарск. арлан крогъ; ола-арлан сусликъ.

А р м а н Смирн. должникъ.

А р н ѣ (чув. арня) недѣля; у-арнѣ масляница; изи-арнѣ четвергъ, кѣго-арѣ пятница; руш-арнѣ воскресенье; изи-ѣ-арнѣ Кр. Яр. прощенное воскресенье.

А р о г а Земл. рогъ (музыкальный инструментъ).

А р т а ш Земл. задѣтъ; ср. эртѣм.

А р т а н а (т. арлана) полѣница.

А р т а м способность.

А р б ѣ Вас. худощавый, сухой.

А р ы м денежный заемъ, арымеш-наѣм, арѣм беру деньги въ заемъ; арымеш-пуѣм даю д. въ заемъ.

А р ы м-ш у д о (т. арѣм) полынь.

А р б ы т ѣ ш лѣшій (духъ).

А р ѣ м занимаю деньги.

А р ѣ м ѣ ш Крок. заступленіе.

А р л я н д а р ѣ м Крок. рѣзберсжи-ваю (рану) (тат. эрен гной).

А р ѣ н Крок. воспитанный, взращенный.

А р ѣ ш Крок. обхватывать, арѣл-таш поймать сѣтъю, выбродить.

А р ч а ларчикъ, шкатулка.

А р ш ы н (г чер. аршин бонда) аршинъ.

А т а р а ш Крок. м. утарѣм.

А т л а ш Крок. см. утлѣм.

А т л ѣ м свѣжую (выраженіе мясниковъ); у Крок. см. атлаш.

А т м а (т. ятма) большая наметка, черпакъ (рыболовный снарядъ).

А т ш ы л а ш Крок. страдать колотьемъ.

А т ѣ посуда; атѣ-шѣрь всякая посуда.

А т ѣ (т. атѣи) отецъ, куатѣ дѣдъ; атѣ-вель вотчимъ.

А ч а см. атя.

А ч а л э м чиню, починаю.

А х а л и г.чер. Земл. весьма, очень, обильно; ахали-вид водополюе.

А ш (т. аш варово-пиша) питательный, сытный; у Земл. г.чер. завястливый.

А ш й н Земл. успешно (т. ашыгыу торопливо).

А ш а Крок. успе́хъ; ашан спорный; ашаш успе́вать.

А ш а қ а (т. ашақо) скверный; ашақландарэм оскверняю.

А ш й н д а р э м (т. ашқарам) напоминаю.

А ш н э м воспитываю, берегу, храню; ашнэмволик домашний скотъ; ашнэммо эрге-үдүр приемный сынъ,—дочь.

А ш қ а л ь т ы ш Крок. шагъ, поступь.

А ш қ й н э м (т. ашкынам) дѣлаюсь ретивымъ.

А ш л а м Крок. ростъ, прибыль, процентъ, барышъ (т. асламчы торговецъ краснымъ товаромъ).

А ш т а р а ш Земл. притѣснять.

А ш т й л а ш Земл. см. атшйлаш.

А я р (т. вагар) злой; у Вас. клевета; аяртэм клевету,—у Смирн. злю.

А я р (т. айаз) Крок. см. ояр.

А я ш Земл. отдѣлять, устанавливать, чтить, праздновать; у Крок. гнуть, скривить; см. оэм.

В.

В а в с - В а с . тенета для ловли птицъ, звѣрей; вавсым карэм разставляю сѣти.

В а д а г.чер. Крок. вечеръ

В а д а р вымя.

В а ж а р г.чер. Земл. жестокий, строптивый.

В а ж й к на кось, косо; ваййк-кут сажень длины; ваймалтык крестооб-

разно.

В а ж й н Крок. развилина.

В а з э лукъ,—зрудіе.

В а қ л а н - л у д о кархаль, лутокъ (утиная порода).

В а к т й ш Крок. капля; вақтаяташ капать воду.

В а к ш а м Смирн. постилаю; вакшйш Вас. постель.

В а қ э (т. бақе) прорубь (во льду).

В а қ й к т а тошнить.

В а н а ш Земл. наблюдать, подстерегать, охранять.

В а н э м см. андэм.

В а п ш см. вавс.

В а р а (чув. вара) впрель, послѣ, потомъ; вара соединяю съ существительными образуетъ новыя имена: вуд-вара водоносное коромысло; умла-вара хмѣлевья тычины.

В а р а с э послѣдующій.

В а р а қ ш ястребъ, цыплатникъ.

В а р а с е н а Вас. ласточка см. чыгас, чеэек.

В а р э м мѣшу скоту; варымо мѣсиво для скота.

В а р к й н д а р а см. вакыкта.

В а р н а ш Земл. смѣшивать.

В а с а р т ы л а ш Земл. брезговать.

В а с я котцы, рыболовный снарядъ изъ дранокъ.

В а т р э н э хмѣлевья плети а также и плети другихъ растений; чараватрэнэ летучая мышь.

В а т е р квартира, постоянный дворъ.

В а т э жена, женщина.

В а ц қ а қ Крок см. возяк.

В а ч қ а л т а ш Земл. трепать рукою.

В а ч м а л т э м Вас. щебечу.

В а ч р э н э Вас. см. ватрэнэ.

В а ч е (г.чер. пүлуш) плечо; ваче-умбяль сүксо ангель, "находящійся надъ нашими плечами.

В а ш встрѣча; ваш-ліам встрѣчаюсь, иду на встрѣчу; ваш-толэш идетъ на

встрѣчу; ваш-кѹвѣ (встрѣчный ножикъ) ножницы.

Ваша́к слѣдъ на чемъ бы то ни было и чего бы то ни было; лем-ваша́к остатки щей въ посудѣ; шадра-ваша́к слѣды оспы на тѣлѣ.

Вашка́лѣм мараю.

Вашкѣ́ скорю; вашкѣм тороплюсь; вашкѣ́м тороплю.

Вашла́ндарѣ́м см. вашка́лѣм.

Вашта́лтѣ́м мѣню, размѣняю.

Вашта́р кле́нь.

Вашта́ш Крок; см. воштарѣ́м.

Вашта́ш см. Ва́кшыш.

Ведрѣ́ ведро (сосудъ).

Вейѣ́ Крок. опу́шка.

Века́т вѣроятно (предположеніе).

Вѣ́ле послѣсло́вие—употребляется при ограниченіи—соотвѣтствует русскому: только; тѣ́шко вѣ́ле только сюда.

Вѣ́ле древесный сокъ, изъ котораго уже начала образоваться заболонь.

Велѣ́н (г.чер. белен) на,—въ смыслѣ положенія съ боку на чемъ: крест-велѣ́н пудалѣ́н-ѹдут пригвоздили ко кресту (Христа).

Велѣ́м сыплю, проливаю; также плаваю металлъ.

Вель́ сторона; кѣ́че-ва́л-вель (полу-денная сторона) югъ; йѣ́д-вель (ночная сторона) сѣверъ; кѣ́че-лекма́ш вель востокъ; кече шы́чмаш-вель западъ.

Вѣ́не зять.

Венча́ Смири. см. кугужа́-калпак.

Вѣ́ра вѣроисповѣданіе.

Верѣ́ (чув. вырыв) мѣ́сто, йкверѣ́ш вмѣ́стѣ.

Вѣ́ръге (г.чер. вѣръге) почка у животныхъ; у Вас. селезенка.

Веремѣ́м приготавливаю мѣ́сто подъ постройку.

Верешта́м (г.чер. попазѣ́м) попадаюсь, причитаюсь, прихожусь, приновоюсь.

Веремѣ́ время.

Вѣ́ркѣ́с трясина.

Вѣ́рѣ́чнн за, о, ради, по причинѣ́.

Вѣ́ръме́ Земл. см. вѣръге.

Вѣ́се́ другой, иной, слѣ́дующій.

Весля́ весло.

Ветвѣ́лно́ Земл. сви́нецъ.

Ви́ Вас. (чув. вѣ́й) сила; ви́ан смѣ́льный; ви́пеш насилу; ви́ш насильственно.

Вига́к см. ви́к.

Ви́дѣ́м веду.

Ви́данѣ́м Кр. пото́пяю.

Ви́нѣ́м разгибаюсь, распрямляюсь.

Ви́пеш Вас. см. ви, ви́пеш.

Ви́рь просо, пшено.

Ви́сланаш́ Земл. обижать, нападать; у Крок.—мстить.

Ви́старѣ́м мяту (мятель); пого́ню (лошадь).

Ви́стѣ́ (г.чер. пурѣ́-ва́штѣ́) полба.

Ви́сѣ́м измѣ́ряю, вѣ́шаю; а въ Кр. Ярѣ́—и летаю; ви́сѣ́ вѣ́см; ви́ська́лѣ́м измѣ́ряю (видъ однокр.).

Ви́та́ (чув. видѣ́) хлѣ́въ, конюшня.

Ви́тнѣ́зѣ́ докладчикъ изъ числа мелкихъ боговъ.

Ви́цашѣ́м Крок. см. ў́чашѣ́м.

Ви́чашѣ́м Вас. см. ў́чашѣ́м.

Ви́ч см. ви́зит; ви́ч-ур полторы ко́пѣйки.

Ви́чкѣ́ г.чер. Земл. благосклонно, ласково, съ нѣ́жностью; ви́чкѣ́латѣ́ш трепать рукою при ласканіи.

Ви́ш открытый, растворенный, настѣжъ.

Ви́шкѣ́до́ жидкій.

Ви́ѣ́м Крок. см. ви́клан-дарѣ́м.

Ви́ѣ́ш-чо́н-пу́ра́ одобрѣется (душа входитъ въ силу).

Ви́я́кш́ Земл. кроткій, смиренный, правый, прямой, прямодушный, безпорочный; у См. вѣ́рный; см. ви́я́кш.

Ви́янма́ш́ Земл. смиреніе, кротость; ви́ш см. ви́я́кш.

Влак см. шамыч.
 Вовà (г.чер. лаксàк) рытвина, яма.
 Вовсèк вовсе, совсемъ.
 Водàр Смирн. см. вадàр.
 Водьж (чув. вудыж) злой духъ, мелкій кереметь.
 Вòер Крок. дикий; воерландараш приводитъ въ одичаніе; воерландаш дичать.
 Вож корень.
 Вожолташ Земл. унывать.
 Вожьлам (г.чер. намьсланэм) стыжусь, стьсьняюсь; вожьламаш стыдъ, вастьничность; вожьлтарэм посрамляю, пристыжаю.
 Вòжым-торэн (г.чер. муктэн) верхомъ.
 Вовяк (чув. вочак, тат. учак) очагъ, опечекъ, кузнечный горнъ.
 Возям (г.чер. вазэм) лажусь, волэн-вожым падаю.
 Возем (тат. язам, чув. сиреп, г.чер. сирэм) пишу.
 Воктэн (г.чер. покшàцьин, вдоль; у Вас. возлѣ, подлѣ, около.
 Вол (чув. вочак, г.чер. тàгàнà) колода, корыто; волàк желобъ; турь-волак нижняя стрѣха.
 Волэм спускаюсь, слѣзаю; волтэм спускаю,—понижаю; волэн-вожым падаю.
 Волгьдо (г.чер. сòто) свѣтло; волгьлтарэм свѣчу, освѣщаю; волгьжшун разсвѣтало; волгьлтам свѣчусь; волгьжеш (г.чер. сотомалтэш) свѣтасть.
 Волгьнчò (г.чер. волгьнцыш) молнія блещеть; кукшо-волгьнчò (сухая молнія) зарница; волгьнчò-күго-юмо великій богъ молніи; волгьнчò-күго-пүйрошо создатель или судьба молніи.
 Волнэ олово; волнэ шыр свинець.
 Волик домашній скотъ (чув. выльых); волик-шòчьин-күго-юмо великій богъ прибыли скота; волик-шòчьин-

күго-пүйрошо великій создатель прибыли скота; волик-шòчьин-авà матерь прибыли скота; волик-сахче ангель скота; волик — казначей надѣлитель скота (скотомъ?); волик-серлягыше хранитель скота.
 Воля воля, просторъ.
 Вòндò (г.чер. пàндò) кустъ, трость.
 Вончàк (г.чер. күвèр) переходъ, постъ для пѣшеходовъ.
 Вончèm перехожу, переправляюсь; вончьктарэм переправляю на другую сторону рѣки, озера и т. п.
 Вопш борть, вопш-кандра веревочная петля, съ помощью которой лавяты къ бортамъ.
 Вор (г.чер. шоло, чув. вур) воръ.
 Вòтно (г.чер. первым-вòтно) прошлую ночью.
 Вочик Крок. сажень, мѣра.
 Вòчко (г.чер. лоткà) калка.
 Вòчò намакшее, мозглое (дерево).
 Вошт (г.чер. ваштòк) насквозь; вошт òнчьмо зеркало.
 Воштарэм см. вончьктарэм.
 Воштьялам смѣюсь; воштьялтам смѣшу; воштьяламаш смѣхъ.
 Вòштьр пруть, шгэр-воштьр голикъ.
 Вувèрь аэролиты, падающіе бливъ зрителя и принимаемыя за души колдуновъ: драконъ.
 Вужалэм продаю.
 Вуй голова, колось у хлѣбовъ; вуйшенгель (г.чер. шұдьн) затылокъ, вуйкопрак (г.чер. вуй-корка) черепъ; вуйсàвьртьш (г.чер. папка) стропила; вуйтòрок (г.чер. вим) головной мозгъ; вуй-денè-ойля бредить въ горячкѣ; вуй-пèрдэм вершина головы у чловѣка, вуй-ўмбьяль-күго-юмо великій богъ надъ нашей головой; вуй ўмбьяль-күго-пүйрошо великій создатель надъ нашей головой; у Земл. вуйямыж високъ; вуйстык внизъ головою.

В у й н а м а т Крок. виноватый; вуй-
памат-ландараш обвинять.

В у й с т ы к г.чер. Земл. внизъ голо-
вою.

В у й е м ы ж г.чер. Земл. затылокъ.

В у л д у р ц а н Крок. перепелка.

В у л и к Крок. начальство.

В у л э н Крок. пожелтѣль.

В у л ь Крок. улей для пчелъ.

В у р г у м н а Земл. правая сторона.

В у р т - в а р т Крок. немедленно.

В у ч е м жду; вучымѣш-налям беру
въ долгъ; вучымѣш пуэм даю въ
долгъ.

В ы л н о Кр. Яр. свинець; ош-вылно
олово; см. волно.

В ы й н е м распрямляюсь.

В ы н е м яма, могила.

В ы н е р холстъ, полотно.

В ы н и к (г.чер. ваштыр) вѣникъ.

В ы р в ы к а цилиндрической.

В ы р ы ж (г.чер. вуйжыр) шило; йй-
лалтымо вѣрыж (г.чер. пельтынгыртни)
жегало.

В ы р е м Земл. нѣдро.

В ы р ц е а н г.чер. Земл. красявий.

В ы р ь г.чер. Земл. родъ, происхож-
деніе.

В ы с е тоцій, худошавый.

В ы ч к ы ж (таг. пэчка) тонкій.

В ы ь к ш футъ, локоть (мѣра длины).

В ы ь к ш прямослойное дерево, год-
ное для щепанія лучины; ср. вѣякш.

В ю д вода; вюд-варâ водоносное
қоромысло; вюд-вара шылдыр созвъздіе
Петровъ крестъ, по Зол. ори-
онъ; вюд пѣртэм г.чер. водоворотъ;
вюд-нален потопило; вюд-шынчâ вод-
родникъ; вюд-тэле (звукподр) ку-
ликъ, вюдѣсб водяной, находящійся въ
водѣ; вюд-отоза (г.чер. алтацâ) мозоль,
вюдужгем (у Земл. вюдагем сырѣю, на-
мокаю; вюд-онго кругъ на водѣ, обра-
зующійся при ея возмущеніи; вюд-
тұрь-аркâ берегъ; вюд-шар, вюд-юнго

волосатикъ; вюд-корэм русло рѣки;
вюд-шбрь, вюд-ййгырь водянка, вюд-
он-күго-юмо великій богъ, владыка
воды; вюд-пүйрошо создатель воды;
вюд-авâ мать воды.

В ю д э м Вас. сѣю.

В ю д ы л а д т а м завертываю, закуты-
ваюсь; вюдүлам закутываю, пеленаю;
вюдүлька свертокъ, ш т у к а матерія.

В ю л ю кобыла.

В ю м ь Вас. см. вимâ.

В ю р г е н е красная мѣдь; вюргене-
оксâ мѣдная деньги.

В ю р л е м распухаю при водянкѣ,
обмираю.

В ю р ь (г.чер. вирь) кровь; вюръ-
шеръ пульсъ.

В ю р з е ласточка-қасатка.

В ю р з ы м б қайк см. вюрзѣ.

В ю р ь н (чув. вирень) веревка для
увязыванія воезовъ,

В ю р ю ж Смирн. жегало.

В ю ч ю мушка у ружья.

В ы к г.чер. Земл. предметъ.

В ы н е м Крок. надзираю, надсматри-
ваю; вянгаша эдэм коварный чело-
вѣкъ.

В ы ш Крок. слитно.

Г.

Г а е, гайк) словно, какъ будто.
Г а н е, ганяк)

Г е р г е егâ Крок. регулы идутъ.

Г о д о м послѣсловіе—во время.

Г о ч Вас. см. қоч.

Г и г и л ь т а м Крок. см. ййгылтâm.

Г и д а н ь Крок. тетива жилищная.

Г и д э Крок. см. ййдэ; гидэок по
исполненіи.

Г ы д э м а Крок. см. ййдым.

Г ы л ь м я Крок. см. ййлымэ гильмя-
шұда гусятникъ трава; гильмя партма
темя, мақұшка.

Г и л ь т Крок. см. чылт.

Г и м я ш Крок. притаиваться, при-
шипиваться.

Г и р и қ-пиль Кр. туча; см. шеме
пиль.

Г и р ь г е ш т а ш Крок. округлять;
гирьгешкә круглый.

Г и р ь н ъ м Крок. см. ййрнѣм; гирь-
мьяш презрѣніе.

Г и р ь я р я ш Крок. обходить кру-
гомъ.

Г и р я н Крок. см. ййбраң.

Г у б а р вост. чер. пестрый, пят-
нистый.

Г у т л а Крок. граница, предѣль.

Г и ш а н Крок. о, объ.

Г ѣ н ь, гѣнѣт если, хотябы.

Г ѣ ч, гѣчѣн изъ.

Д.

Д о н о Крок. см. дѣне.

Д о қ о Крок. см. дѣкѣ.

Д о р а м (Крок. у, передъ; противъ.

Д у р е (Крок. у, передъ; противъ.

Д ѣ р ь б я Крок. см. тѣрве.

Д э послѣсловіе безъ (съ именами
существительными); не (съ глаголомъ).

Д э б р е Крок. при, къ.

Д э қ э къ, за.

Д э л а н Вас. у, при; см. тѣрян.

Д е м ѣ л Вас. клубника.

Д е м ѣ ж овощи, фрукты; у Вас.
также и малина.

Е.

Е л ѣ м Вас. клей; елемлѣм клею.

Е м ѣ ж Вас. см. демѣж.

Е к ш ѹ к см. арыптыш.

Е р г а узоръ, разшиваемый на жен-
скомъ бѣльѣ.

Е р г е рядъ бревенъ въ строеніи;
ергѣ-черъ повальная болѣзна, эпидемія.

Е р ь озеро.

Е ч е лыжи.

Е ш Вас. см. ййш.

Е р р-е р коньки.

Е=ЙО.

Е в а т ѣ м медлю.

Е в р потаскуша, развратный.

Е г о Земл. см. ѣлагай.

Е г ѣ м (чув. йок) теку; ѣго-вюд те-
кучая вода, рѣка; ѣгомаш теченіе.

Е д (чув. йот) чужой, прохожій; ѣд-
йинг странникъ.

Е д а м прошу, спрашиваю; ѣдоштам
равспрашиваю.

Е ж Земл. земляная ласточка.

Е з а г.чер. Земл. колдунъ.

Е з а қ (чув. язак) оброкъ.

Е й з а г.чер. хитрый, лукавый.

Е қ л а қ а см. ақлақ.

Е қ р а қ ошибочно; у Вас. скучно.

Е қ т а р ѣ м (чув. йохтѣр) лью, про-
ливаю, выливаю; вошг-ѣктарѣм цѣжу.

Е қ ш а р г ѣ красный, рыжій, ѣкшѣр-
гѣмеш краснѣеть, ѣкшѣргѣмьялтѣш
краснѣется, ѣкшѣр-онган-каикъ снигирь;
ѣкшѣр-ушмен свекла; ѣкшѣрарақ вино-
градное вино.

Е л нога; ѣлѣн пѣшкомъ; ѣлѣн-ѣмне-
ѣмблян верхомъ на лошади; ѣлаш
штаны, порты; ѣл-коптѣк пятна,—ступ-
ня; ѣл-вондо мотовило,—воробы; ел-
вондѣм ѣлдѣм наматываю пряжу на
мотовило; омасѣ-ѣлдѣм порогъ.

Е л а г а й (чув. юлгав) лѣнивый.

Е л а в а (чув. ѣлава) кисть (украше-
шеніе), бахрома.

Е л д а ш (чув. йолдаш) товарищъ,
компаньонъ.

Е л д о м а н д а блестить звѣзда.

Е л д ѣ м порогъ; наматываю нитки
на мотовило.

Е л қ о Вас. см. ѣлагай.

Е л ш т ѣ м привязываю.

Е м а қ (чув. йомах) сказка, басня,
прибаутки; ѣмақлѣм балагурю.

Ема́м пропадаю, погибаю; ёмдарэм
теряю, трачу, погубляю; ёмошо поте-
рявшийся, пропавший, погибший.

Емзэ см. му́жан.

Ензвонъ стекла.

ЕнЗемл. удача, счастье.

Енга́та́ Земл. отрада, прохлада,
блаженство, праздникъ въ черемис-
скомъ раю.

Енго́ просторно, удобно; нимо-
ёнжа́т укэ́ ни къ чему́ не подхо́дя-
щий, не способный.

Енжа́ жуе́тъ жвачку.

Енже́м Смирн. глѣжу.

Енлы́ Вас. удобный.

Енлѣ́ш (г.чер. самынь) ошибочно;
ёнлѣ́ш ѣштэм заблуждаюсь, ошибаюсь.

Енѣ́штэм мелю.

Енэ́ж лу́къ для стрѣльбы, шер-
стобитный,—всякая пружина.

Ень (т. юнь) см. юн, шу́лдо.

Ера́ (чув. йорать) ладно, годно, бо-
лячка; ёрал, ёрале, ёрышо годный.

Ера́ (т. яра) Земл. рана; ёра́ олмо
рубецъ на тѣлѣ.

Ератэм (чув. йорат) люблю; ёра-
тѣймаш любовь.

Ерала́м отваливаю (камень и т.п.).

Ерга́ (чув. сьурга) иноходець.

Ергала́ш Земл. жалованье.

Ерда́ш Земл. тучнѣть, жирѣть;
ёрдѣкта́ш откармливать.

Ере́м гасну, тухну, также качу.

Ерза́ Земл. синій, голубой.

Еры́ (т. юрый) Земл. нарочно, съ
намѣреніемъ.

Ерлеш́ глохнеть растеніе; см.
ёрля́м.

Ерло́ Вас. бѣдный, ёрлѣштэм бѣд-
нѣю.

Ерля́м валяю, опрокидываюсь;
ёрѣктэм валяю, опрокидываю.

Ерлоќ Смирн. жалованье.

Ерича́к Смирн. см. энерча́к.

Ерокта́раш́ Земл. безоко́нтъ.

Еры́тэм гашу, тушу.

Ертэм́ (чув. ёрт) бѣгу рысью, ино-
ходью; см. ёры́тэм.

Ерше́ш Земл. въ пользу.

Ерэ́м (чув. йора) мѣшаю, смѣши-
ваю; валяю (войлокъ); ёры́ктэм застав-
ляю валять,—смѣшивать.

Ес, кѣ́гго-ёс горноста́й; ко́ля ёс
хорёкъ.

Есе́ скучный; трудно, неудобно;
ёселандарэм́ мучаю; ёселая́эм мучаюсь;
страдаю; ёселандара́ значитъ также и
тошнитъ.

Еткё́ до (въ смыслѣ продолжи-
тельности времени); см. маткё́.

Еча́ Вас. см. я́ча.

Ечы́ртэм́ см. ячы́ртэм́.

Ешка́ргы́ Вас. см. ё́кшаргэ́.

Ж.

Жава́ (чув. шаба) жаба, лягушка;
жава́-шудо трефоль.

Жала́эм́ (чув. шаль) жалѣю.

Жала́л Крок. синій; ср. жа́ргэ́.

Жап́ Вас. время.

Жаплэм́ Вас. почятаю; (т. жап-
лы́ым защищаю).

Жга́рь Крок. см. узы́га́рь.

Жа́ргэ́ зеленый.

Жа́ра́ заря; жа́ра́ волгѣдо́ шѣдѣ́р
Венера, утренняя звѣзда.

Жепля́ш Крок. см. жаплэм́.

Же́пя Крок. состояніе.

Жеря́ Крок. см. жа́ра.

Жого́л Крок. ухватъ.

Жны́ отрицаніе не,—ставится въ
пов. накл. 3 л. жны-ка́е чтобы онъ,
она не уходилъ,—а.

Жым́ отриц. не,—ставится въ 1 л.
ед. ч. прош. вр.

Жна́ отриц. не,—ставится въ 1 л.,
мн. ч., прош. вр.

Жы́ч отриц. не,—ставится во 2 л.,
ед. ч., пр. вр.

З.

Зарчѣне Земл. см. вачрѣне.
Зерля Крок. ядь.
Зюлюкташ, зюяш лущить; см. сюнгѣм.
Зя см. изйй, бзйй.

И.

И годъ, идалйк (г.чер. толик-іаш) одинъ годъ, идалйкаш годовалый.
И Вас. долото; у г.чер. также ледъ.
И Земл. перекладина.
Ибѣрт Крок. см. йбвырт.
Игарпелят Крок. см. ййгѣр.
Иге дѣтище, игйшбв дѣти; йгеоса Смирн. денежка.
Игѣрче Вас. лепешка.
Игйлаш Земл. г.чер. выводить дѣтей (изъ яицъ).
Идѣк Земл. потачка; идѣкаш потакать.
Идѣм (г.чер. йдѣмм) токъ на гумнѣ; йдѣм-пѣче гумно.
Ижгараш Земл. см. узыгар.
Иждаш Крок. см. орѣм.
Иже Крок. послаѣ.
Иже только-что.
Ижиш Смирн. см. ййжѣн.
Изй малый; изишак не много; иземтѣм уменьшаю; изй-ачй Смирн. вотчимъ.
Изйке Вач. свѣтецъ для лучины.
Изйй старшій братъ и дядя молодеца; изйк-шолйк братья; изйк-шолйк-ла по братски; кугувай дядя старше отца.
Ик, йктѣт одинъ; ик-ганйк одинаковый; ик-май безпрестанно; иктодан-вѣсе-дан одинъ другому, другъ-другу; йктын-йктын одинъ по одному, по одиночкѣ; иквереш икверешак, вмѣстѣ.
Икшйвэ см. игйшывэ; йкшйбв-вир-

рѣш-шогалша Крок. повивальная бабка; йкшйвэ-шочынкүго-юмо великій богъ рожденія дѣтей; йкшйвэ-куго-пуйро-шо предопредѣлитель судьбы дѣтей, юмо-эрге-той богъ, дающій сына.
Икся проливъ, рѣчка, заливъ.
Иле сырой; йле пу сырье, только-что срубленное дерево, йле - кѣрвѣч кирпичъ-сырецъ.
Илем живу.
Илижам оживаю; тѣл лижеш огонь занимается, разгорается, йлижѣн-кинйлям воскресаю; илиштѣн кинйлтѣм воскрешаю; илиштам разжигаю, зажигаю (спичку).
Илимаш жизнь.
Ильниктарѣм Кр. Яр. соблазняю, прельщаю.
Ильчик мелкая мякина, высѣвки отъ хлѣбныхъ зеренъ; искорки бѣлые волоски на мѣху.
Илян мѣшалка, лопатка для мѣшанія жидкостей.
Иляндармаш Крок. тварь.
Имбако Земл., имбаче Смирн. обратно.
Име (г.чер. им, тат эйна, чув. йыты) иголка; имян игольчатый, колючій; име-шу игольныя уши.
Имнй (г.чер. имьн) лошадь.
Имен Земл. тайно, притворившись.
Имилька Земл. г.чер. призракъ, ср. умюль.
Имйштэвъ прошломъ году.
Имйсэ прошлогоднйй.
Инак Земл. ежегодный.
Индѣм Смирн. см. эндѣм.
Игйж Земл. см. ваче.
Игйлькалаш Земл. г.чер. бормотать, лепетать.
Игрѣм Крок. тихо плѣчу.
Инзйк, инзйкла Земл. рогушка, титька для кормленія дѣтей; у Крок. сосцы.

И н ё ж е о н ъ }
 И н ё м я } не хотѣлъ-бы.
 И н ё т т ы }
 И н я н ъ м (чув. инень) вѣрю; инян-
 дарѣм увѣряю, иняныдымаш подозрѣ-
 ніе.

И п ь, тул-ипь г.чер. искра.
 И р д ѣ Земл. свѣтильна, ср. рюдѣ.
 И р ё Крок. см. эрѣ.
 И р ё м Смирн. грѣхъ.
 И р ё м разжимаю (стиснутые зубы),
 отворачиваю, отваливаю (бревна); у
 Вас. стискиваю зубы.

И р е я ш Крок. см. йрыктѣм.
 И р л и х а н Крок. корь (болѣзнь).
 Й р и к Крок. свобода.
 Ирсир Земл. нечистый, поганый; ир-
 сирыш осквернять.

И р т полынья.
 И р ь (г.чер. хирь, чув. вирь, хирь)
 степь, пустыня; ирь-каик звѣрь; ирь-
 мерян кроликъ; ирь-мизе куропатка.
 И р я Вас. пазъ; у Земл. луна, свѣтъ
 лунный; см. тѣльче.

И с и р ь (чув. хивирь) бесплодная
 женщина, яловая скотина.
 И т не, ит шу не бросай.
 И т ч и к т а л Земл. не прогнѣвайся,
 извини.

И ф л а ш Земл. дуть, вѣять.
 И ч Земл. напраслина, клевета; см.
 юц.

И ч и к (г.чер. сѣтѣна-парня) см. и-
 айке.
 И ш к о клинь (орудіе).
 И ш т а Крок. см. уштѣ.
 И ш т а Земл. пучекъ вѣтвей раз-
 ныхъ деревъ въ священной рошѣ, по-
 священнй юмѣ.

И ш т ѣ л ь Крок. гребло для жита.
 И ш т ѣ р я ш Крок. см. штраш.
 И ш т ы р ь Крок. см. штыр.
 И ш т ё м дѣлаю, творю, рождаю.
 И ш ё м Кр. Яр. (чув. иш) гребу
 весломъ.

I.

И я домовой духъ.
 И ем плыву.

К.

К а б а вост. чер. небо: каба-күго-
 юмо великій богъ судьбы; каба-күго-
 пуйрошо предопредѣлитель будущей
 судьбы кабы; каба ъмон абѣжо мать
 божіей кабы.

К а б ѣ ж г ё м Крок. дрябну.
 К а в а желудокъ.
 К а в а к кабакъ, трактиръ; у Вас.
 тыква.

К а в а н (г.чер. кашна, чув. кабан)
 копна сѣна или сноповъ,—стогъ.

К а в а р ё м скоропостижно умираю;
 каваржаш чтобъ издохнуть! (брань).
 К а в у л ё м жую.

К а в с к ё м дѣлаюсь хрупкимъ.
 К а в ѣ н (тат. каун, г.чер. күго ох-
 рѣц) тыква.

К а в ѣ н Земл. вѣнокъ; таткабын
 вѣнчаніе.

К а г а в (тат. кагаз) бумага; кагаз-
 окса кредитныя билеты.

К а г а к Крок. см. сагыле.
 К а г а л ѣ ш Крок. см. қбрнчѣм.

К а г у р а Земл. вспыльчивый.
 К а г ѣ р (тат. қакрѣ, г.чер. кақаяка,
 чув. қоққыр) кривой, изогнутый; ка-
 гѣрѣм гну; кагѣргем гнусь.

К а д и к Крок. воротъ.
 К а д ѣ р т ё м Смирн. см. кагѣр-
 тѣм.

К а е р а нырокъ—утка.
 К а в а Вас. (тар. қазѣ) коза.

К а з а - п а р н я (г.чер. қазѣ
 винецъ.

К а з а р м а т казаматъ.
 К а з ѣ л а Смирн. чижиқт.

К а з ы р Вас. (тат. хазыр)
 вдругъ, сейчасъ.

Содержание «Известій Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Унивверситетѣ».

Т. I. Уставъ Общества, списки членовъ-учредителей Общества. Протоколы засѣданій Совѣта и Общаго Собранія. Президъ Публичнаго Историко-Этнографическаго Музея, свет. В. М. Флоринскій. — Приложенія. Свидѣній о древностяхъ, найденныхъ близъ деревни Увеск. — *Описание русскихъ монетъ клада 4 сентября 1878 г. В. К. Савельева и Н. А. Толмачева. — *О пѣвоторныхъ малоизвѣстныхъ матеріалахъ, служащихъ къ изученію исторіи Казанскаго края. Д. А. Корсакова. — *Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. П. А. Илюскова. — *О замѣчательной Китайской монетѣ конца X или начала XI в., приобретенной въ селѣ Болдарахъ. В. П. Васильева. К. 1879. Ц. 1 р.

Т. II. Годовой отчетъ за 1878 г. Протоколы засѣданій Общества. — Приложенія. Два городища Спасскаго уѣзда, Свящ. П. Фанаторскаго. — Общ. историческомъ значеніи библиотеки Соловецкаго монастыря, хранящейся при Казанской Духовной Академіи. П. В. Владимірова. — О возможности существованія каменоломенъ въ окрестностяхъ пригорода Биларска. М. П. Аристовъ. — Замѣтки о городкахъ, курганахъ и древн. жилищахъ, находящихся въ Казанской губерніи. П. А. Илюскова. — Замѣтки о селеніяхъ Чистопод. у.; В. Викитиной, Татарской Багаевъ, Кизягу и Биларь-Озеро. П. А. Казаринова. — Описание части клада русскихъ денегъ XV в., открытаго въ Казанскомъ кремлѣ 4 сент. 1878 г. А. Ф. Лысова. — Замѣтка о харатейномъ Евангеліи к. XIV или нач. XV в. П. Д. Шестакова. — Нѣсколько словъ о могильницѣ, находящейся близъ деревни Анзипиной. Ею же. — Описание монетъ, найденныхъ въ д. Карташнѣ Каз. г. В. К. Савельева. — Описание городищъ и кургановъ, находящихся въ окрестностяхъ г. Святилы Сымб. губ. М. П. Павловичева. — О старинномъ кладбищѣ близъ с. Валаморскаго Вят. губ. А. Рязанцева. — Поишка объясненія одного мѣста изъ Булгарскаго дѣянія Хисамъ Эддина Ибнъ Шарафъ-Эддина. П. Д. Шестакова. — Выдержка изъ архива Казанскаго духовнаго Правленія. Ею же. — Описание дворянск. коллекціи Джучидскихъ монетъ изъ развалинъ г. Угекъ. В. К. Савельева. — Описание чуждихъ вещей, пожертвованныхъ въ музей Общества А. Е. Тендоуховичъ. — Вѣтъ Вотяковъ Сарапульскаго уѣзда. В. Кошурникова. Полный систематическій указатель статей мѣстно-областного содержанія, напечатанныхъ въ «Казанскихъ известіяхъ» съ 1811—1821 г. П. А. Погомарова. К. 1880. Ц. 1 р.

Т. III. О задачахъ дѣятельности К. О. П. А. и Э. О. М. Шнигелъство. — Лингвистическая замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биларъ и Морквани. П. П. Золотницкаго. — По поводу сообщенія П. П. Золотницкаго. П. Д. Шестакова. — Замѣтка о городкахъ, курганахъ и древнихъ жилищахъ, находящихся въ Каз. губ. П. А. Илюскова. — Объ археологическихъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Виларскѣ. Ею же. — Описание Биларскаго и Баранскаго городищъ. В. А. Казаринова. — Замѣтка о Калмыкахъ Астрахан. губерніи. П. Смирнова. — Изъ походовъ въ село Шунатово Ядр. у. Каз. губ. (бытъ Чуваши) В. К. Маннотскаго. — О раскопкахъ близъ д. Налкиной на р. Чусовой. П. П. Кромова. — У Вотяковъ Казанскаго уѣзда. Г. П. Потанина. — Изъ дорожныхъ замѣтокъ во время отъѣзд. экскурсіи. С. К. Кузнецова. — О Чалдыньскомъ городищѣ. А. М. Зайцева. — Одно изъ древнихъ булгаро-татарскихъ городищъ въ Тет. у. Е. Т. Соловцова. — Преданія Чуваши и Татаръ Чебокс. у. Каз. г. М. А. Арлямова. — Остатки древности въ с. Увеск. Г. С. Саблунова. — Предварительное сообщеніе о раскопкахъ близъ с. Шурана. П. А. Павловскаго. — Предв. сообщеніе о раскопкахъ надъ Ройскимъ истокомъ. С. К. Кузнецова.

—Замѣтки о вышешномъ раскопкѣхъ. *А. А. Штукенбергъ*.—Краткое описаніе Краснослободскаго муж. монастыря (Пенз. г.). *Д. В. Намыкинъ*.—Описаніе рус. сер. дощевъ изъ влады 1881 г. *В. К. Сивилкинъ*.—Описаніе двухъ казаческихъ джуч. монетъ пожерт. обществу. *Ело-же*.—Описаніе влады новотордымскіихъ монетъ, найденнаго въ 1881 г. *Н. П. Завиткина*.—Атамановы кости. *О. К. Кузнецова*.—Замѣтка по поводу сообщенія Г. П. Веташина: у Веташевъ Блабушек. у. *С. К. Кузнецова*. К. 1884. Ц. 2 р. 50 к.

Т. IV. Протоколы засѣданій Совѣта и Обществъ собраній за 1880—81 г. Приложенія. — Духовная *В. И. Татищева*. — О Машаряхъ частое убѣды. *В. А. Казаринова*. — Свидѣнія о Машаряхъ. *Е. А. Малова*. К. 1885. Ц. 1р. 50 к.

Т. V. Протоколы засѣданій Совѣта и обществъ собраній за 1882—84 гг. — Сибирскій слѣдъ на билдирской почвѣ. *А. Ф. Тихачевъ*. — Особенности русскаго говора въ Урж. у. Вят. г. *В. К. Максимовъ*. Сибск. К. 1884. Ц. 1 р.

Т. VI. Вып. 1. Извлеченія изъ Протоколовъ за 1885 г. — Стиски крестьянскихъ дѣтей селъ Астраханки и Карташихи Ланшевскаго у. *О. К. Лебискино*. — Замѣтка по поводу этой статьи. *А. Ф. Максимовъ*. — Къ археологій Урала. *А. М. Зайцева*. — Нѣсколько словъ о русскомъ аліансѣ на ивроредкѣ въ предѣлахъ Казанскаго края. *Н. Н. Смирновъ*. К. 1885. Ц. 50 к.

— Вып. 2. Нѣсколько словъ о слѣдахъ употребленія у насъ фигурнаго письма. *Н. Ф. Высокій*. — Развалины древнихъ зданій при селѣ «Балгарахъ». *В. А. Казаринова*. — Одинъ изъ источниковъ исторіи Вятскаго края. *А. А. Сивилкинъ*. — Незаданная грамота изъ архивскихъ архивовъ. *В. В. Казаринова*. — Матеріалы для Русскаго словаря (слова, имѣющія особенное значеніе въ говорахъ жителей с. Великорѣчья, Иранск. у.) Сказъ *А. Д. Жидина*. — Обычай колдованія въ Симбирской губерніи. *М. П. Погодина*. — Библиографъ замѣтка о двухъ рефератахъ, читанныхъ въ заведеніи VII Арх. Съѣзда въ Ярославлѣ А. Верещагинимъ. *В. В. Казаринова*. — Отчетъ о извлеченіи изъ протоколовъ за 1887 г. К. 1888. Ц. 1 р.

Т. VII. Исследования о нарѣчіяхъ Черемисскаго языка. *М. П. Веске*. — Новая антропологическая находка въ с. Болгарахъ. *Н. Ф. Высокій*. — Древній Булгаръ и татарскія преданія о немъ. *А. Дмитриевъ*. — Гдѣ былъ древній Булгарскій городъ Керманчукъ. *Е. Т. Соколовъ*. — Старая перекладка въ селѣ Богородскомъ (съ рисункомъ). *Н. В. Сороскина*. — Черемисы. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирновъ*. К. 1889. Ц. 2 р.

Т. VIII. Вып. 1. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. *М. П. Веске*. К. 1890. Ц. 2 р.

— Вып. 2. Вѣтки. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирновъ*. К. 1890. Ц. 2 р. 25 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Обществъ собраній за 1889—90 г. — Письмо Степана Разина къ казанскимъ Татарамъ. *А. П. Соколова*. — Отчетъ Общ. А. П. и Э. за 1889—90 г. — Сибирскіе члены Общ. А. П. и Э. К. 1890. Ц. 25 к.

Т. IX. Вып. 1. Вопросы о бѣглыхъ и разбойникахъ въ Ковчовскіи 1767 г. *Н. Н. Варсова*. — Памяти П. Д. Шестакова. *Н. А. Фирсова*. — Таласовая икона села Царипина (съ фотографіей). *Н. В. Сороскина*. — Матеріалы для исторіи развитія славянскаго жилища. Балгарскій домъ. *Н. З. Тихова*. — Прихи у Чувашъ. *В. К. Максимовъ*. — Русскія имена и прозвища въ XVII в. *А. П. Соколова*. — Свадебные обычаи казанскихъ Татаръ. *М. П. Погодина*. К. 1891. Ц. 1 р. 25 к.

— Вып. 2. Церемоніи. Историко-этнографическій очеркъ. *Н. Н. Смирновъ*. К. 1891. Ц. 1 р. 75 к.

— Вып. 3. Протоколы засѣданій Совѣта и Обществъ собраній за 1890—91 г. — Отчетъ Общ. А. П. и Э. за 1890—91 г. — Сибирскіе члены Общ. А. П. и Э. — Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ Говинскаго. *Р. А. Неландовъ*. — Мелкія этнографическія сообщенія. К. 1891. Ц. 50 к.

(Статья I тема, означенная въ заголовкѣ, можно получить отъ Общества за 25 к.)

Изданія, составляющія собственность Общества:

1) Труды IV Археологическаго Съезда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 июля по 18 августа 1877 г. Т. I и II съ Атласомъ.

(Звѣздочка (*) указываеъ на статьи, относящіяся къ мѣстному краю)

Содержаніе I тома: Правила, вопросы, списокъ членовъ и протоколъ Съезда.—Объ основаніи въ Казани ученаго Общества для изслѣдованія археологич., исторіи и этнографіи Казанскаго края. *Д. А. Корсакова*.—*О русскихъ древностяхъ Каз. губ. и средняго Поволжья до XVI в. *Н. Н. Срезневскаго*.—*Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта. *Н. В. Калачова*.—*О задачахъ корреспондентовъ археолог. съѣздовъ. *А. С. Гацискаго*.—*О потребностяхъ изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторич. временахъ (съ 39 фиг.). *І. Р. Апенсина*.—*О нѣкоторыхъ химическихъ замѣчаніяхъ въ костяхъ, найденныхъ при раскопкахъ. *Н. М. Голдеева*.—*О раскопкахъ гр. *Сиверса* въ Лифлянд. губ. —*О желѣзномъ мѣтѣ въ Валдѣйскомъ графѣ. *К. Гревинки*.—*Каменные орудія и бронзовыя вещи изъ Черверск. края 1874 г. *А. А. Штукенберга*.—*О каменныхъ орудіяхъ изъ Варнава. у. Костр. губ. *А. П. Позинанова*.—*О раскопкахъ кургановъ на р. Сити 1875 г. *Л. К. Ивановскаго*.—*О древнемъ кладбищѣ у Иорданской церкви въ Кіевѣ. *В. Б. Антоновича*.—*О похоронныхъ типахъ Юго-зап. края. *Ею-же*.—*О городищѣ Черниг. у. *Н. А. Константиновича*.—*О древнихъ могилахъ Мухета. *В. Т. Гизелъ-Аузенъ*.—*Объ остаткахъ древности въ предѣлахъ Каз. края. *Н. А. Толмачева*.—*Майское городище Спасск. у. Каз. губ. *В. Н. Поливанова*.—*Курганы въ окрестн. г. Екатеринбурга Перм. губ. *М. В. Малахова*.—*О земляхъ мѣстныя недалеко отъ впаденія р. Вятки въ Каму. *Н. Савельева*.—*Нѣкоторыя остатки древности въ Самар. краѣ. *П. В. Алабина*.—*О пещерахъ каменнаго вѣка на сред. течен. р. Дидира. *В. Б. Антоновича*.—*О валахъ на территоріи др. Кіев. княж. *Ею-же*.—*О древнемъ г. Маджарѣ. *П. Д. Шестакова*.—*Городъ Булгаръ.—**С. М. Штилевскаго*.—*Гдѣ искать потомковъ Можгаръ, бывшихъ за русск. въ 1551 г. *А. Ф. Можгаровскаго*.—*Очеркъ исторіи Болгарск. и Казанск. царства. Музей Шигабы-уд-дуна Бага-уд-динова (перев. *В. В. Рабцова* и подлинникъ).—*Топографія Казани въ 1852 г. Прот. *П. І. Заринскаго*.—*О сохранившихся преданіяхъ по поводу мѣсти, названій Каз. и окрестн. губ. *И. А. Никоскова*.—*Списокъ населенн. мѣстъ Мамандиш. у. *Ею-же*.—*О личныхъ и породческихъ именахъ. *Ею-же*.—*Списокъ др. породч. именъ изъ актовъ *Н. И. Золотницкаго*.—*О селеніяхъ съ назван. «тарханъ». *Ею-же*.—*Къ вопросу о преданіяхъ относит. занятія Русскими Казан. края и борьбѣ ихъ съ туземцами. *П. Н. Вещеслава*.—*Нѣсколько данныхъ по 30-му вопросу программы IV съѣзда. *Д. А. Корсакова*.—*О старомъ и новомъ городѣхъ въ П.-Новгородѣ. *П. Н. Мельникова*.—*Селитринный городокъ Астрах. губ. Енотаев. у. *Н. П. Заюскаина*.—*Преданія Тевскихъ ииородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи. *Кл. Н. А. Кострова*.—*Очерки быта Минусинскихъ Татаръ. *Ею-же*.—*Нѣкоторыя данныя по исторіи, геогр. и этнограф. Россіи по рукописи. П. Пуб. библиотеки. *А. Я. Гаркави*.—*Кто были 4 тюрк. племени, разбивш. Грековъ въ 934 г. при г. Валендарѣ и гдѣ находился этотъ городъ. *Ф. К. Бруна*.—*Программа по предм. «исторія и теорія искусствъ». *П. В. Павлова*.—*О городкахъ Маджарѣ и Булгарѣ по монетамъ. *В. К. Савельева*.—*О монетахъ Владиміра Сватога. *Д. И. Прозоровскаго*.—*Объ судѣбахъ, букахъ и копѣйкахъ и денежахъ до Петра Великаго. *Ю. В. Певсена*.—*О затѣвч. монетныхъ сосудахъ изъ Волжск. Булгаріи. *А. Ф. Лихачевъ*.—*О др. иконахъ 14 г. Старой Русѣ. Гр. *М. В. Толстою*. Казань. 1884. Цѣна 3 р.

Содержаніе II тома: *О характерѣ власти варяжекъ князей. *К. Н. Беломужскаго-Ильина*.—*Слѣды церкви, братства въ вост. Малороссіи. *И. А. Срезневскаго*.—*О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирск. Карамзинск. библиотекѣ. *Н. Я. Христоворова*.—*Къ исторіи войнъ Москов. госуд. съ Казанью. *А. П.*

Марсиака. — Преданіе о Пугачевѣ среди уральск. казаковъ. В. Н. Башенко. — *О народныхъ праздникахъ въ Вензненск. губ. Н. И. Арсимова. — *О кирметяхъ преценытъ Татаръ. П. М. Софійскіи. — Повѣрья, обычаи и обычай Нотыковъ Мамадъ у. Б. Г. Газрилова. — *О старин. рукоп. сборникахъ народ. былинъ и пѣсенъ. Л. П. Майковъ. — Связьныя о рукописяхъ П. Пуб. Библиот. содерж. народныя пѣсни А. Ф. Вилкина. — *Объ «обличеніи на Соловецк. челобитную» Ю. Крижанича. П. М. Добровольскаго. — *О расколничьей рукоп. копия XVII в. П. С. Покрасова. — *Сказаніе о Соловецк. монастыр. и объ Афонѣ. Н. И. Петрова. — *О Родовскомъ открытіи. С. Верковича. (пер. М. И. Петровскаго и подлинникъ). — *О Соловц. библиотекѣ. Н. И. Порфирова. — Автографъ молитвы по рукоп. Солов. библи. *Ею-же*. — *Объ тирекѣ мѣн. Инда Курлатовыхъ въ незнаиіи митр. Кириллоу грезею и нашего же при исправленіи псалтири. Арх. Амфилохіа. — *Гдѣ книги, писан. араб. и перс. азбукою, составленною св. Стефаномъ Перискимъ? В. Д. Шестовскаго. — *Слѣдствія русскаго из. на инородчестіе. *Ею-же*. — Кривскій полуостровъ до Монгал. экспедиціи въ Араб. литер. А. И. Гарина. — *Топографія Ар. города Бѣлаа у. Русскія Кирленей (Мамадъ у. Каз. губ.) Е. Т. Соловцова. — *О старой казачьей вѣрѣ. Н. И. Заломинскаго. — *Сказан. загадки и пѣсни Нагайбаскаго уральск. у. Оренб. губ. В. Н. Витовскаго. — *Документы в рукописи, отвлечен. къ Каз. губ. и транзит. въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ни. Дѣлъ и его бібліотекѣ. Н. Ф. Токмокова. — *Указатели личныя и географ. именъ, встрѣч. въ I и II т. Трудовъ IV Археол. съѣзда. Цѣна 3 рубль. — *Атласъ къ Трудовъ IV Археол. Съѣзда. Казань 1891. Ц. 2 руб.

2) Архивъ св. В. И. Башенева. Разобраны и приготовлены къ изданію проф. П. П. Загоскинцъ. К. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

3) Памяти гр. Алекса Сергѣевича Уварова. Грми. произведенія С. М. Шнилевскаго, П. Д. Шестаковичъ и Д. А. Корсаковичъ. К. 1885 Ц. 75 к.

4) Краткій очеркъ восьмилѣтней дѣятельности Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи и его задачи. К. 1886. Ц. 10 к.

5) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Н. И. Смирнова. К. 1890. Ц. 20 к.

6) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и XIII археологическаго съѣзда. *Ею-же*. К. 1890. Ц. 20 к.

Всѣ изданія Общества, за исключеніемъ I и II томовъ, можно получить въ Казани у книгопродавца А. А. Дубровина и Н. Я. Вахтангова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбонскаго.

Томы I и II томъ «Извѣстій», оставшіеся въ самомъ ограниченномъ количествѣ, можно получить только при выпискѣ отъ Общества всѣхъ томовъ «Извѣстій».

Выписывающіе отъ Общества на переписку по классу.

Дѣйствительные члены и члены-сотрудники, выписывающіе на себя отъ Общества, пользуются скидкой въ 30%.

Въ Казани: у книгопродавца А. А. Дубровина и Н. Я. Вахтангова, въ С.-Петербургѣ у А. С. Суворина и Карбонскаго.

Съ 1892 г. „Извѣстія“ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ выходятъ шесть разъ въ годъ, приблизительно трижды каждые два мѣсяца, книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;
- 2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азійи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ Обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи
- 5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльныя вопросы редакціи;
- 6) Библиографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи;
- 7) Протоколы засѣданій Совѣта и Общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

Въ вышедшихъ выпускахъ «Извѣстій» за 1892 г. напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Изъ прошлаго и настоящаго исторической археологій въ Европѣ: а) археологій въ Скандинавіи, б) Германіи и Австро-Венгріи, с) во Франціи, д) въ Швейцаріи, Италіи и Испаніи. М. С.; «Формы погребенія у современныхъ и древнихъ народовъ Россіи» (Камчалаловъ, Коряковъ, Чукчей, Гольдовъ, Орочоновъ, Якутовъ, Бурятъ, Гиляковъ, Карагастъ, Качинцевъ, Бельтировъ, Тунгусовъ, Долгановъ, Самоѣдовъ, Остяковъ, Юраковъ, Лопарей, Угровъ, Киргизовъ и Калмыковъ) А. Е. Булагина М. И. Пинегина, И. И. Смирнова, П. В. Траубенборга и др.; «Болгарскій городъ Ошель и его окрестности» П. А. Пономарева; «Аманьинскій могильникъ»—Его-же; Древнія поселенія Яранскаго у.» П. И. Кротова; Матеріалы для археологій Казан. губ.» А. А. Штукенберга; «Оброчныя земли на Вяткѣ въ XVII в.» А. А. Спицына; «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» И. И. Смирнова; «Заговоры и духовные стихи изъ рукописей прошлаго столѣтія» А. И. Соколова; «Программа для собранія свѣдѣній объ ассимиляціи инородцевъ Восточной Россіи». И. И. Смирнова.

Цѣна полному тому 5 руб., каждый выпускъ отдѣльно по 1 руб.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выпущенныя отдѣльныя выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Цѣна выпуска 1 руб.